П.Н.КРАСНОВЪ

„LARGO"

РОМАНЪ

ИЗДАНІЕ В. СІЯЛЬСКАГО
1930

П. Н. КРАСНОВЪ

„LARGO“

Романъ

ИЗДАНІЕ В. П. СІЯЛЬСКАГО

2, Rue Pierre-le-Grand PARIS (8e)

1 9 3 0

Всѣ права, въ томъ числѣ права перевода на иностранные языки и постановки на фильмѣ, сохранены за авторомъ.

Copyright 1930 *by the author.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Двадцать четвертаго марта, предпразднество Благовѣщенія, святыхъ Іакова, Захарія и Артемона, въ домѣ Тропаревыхъ двойной семейный праздникъ: — именины хозяина Якова Кронидовича и день Рожденія его жены — Валентины Петровны.

Валентина Петровна проснулась, какъ всегда, въ девятомъ часу утра. Она лежала, не открывая глазъ, постепенно переходя отъ сна къ бодрствованію, вступая въ день, полный хозяйственныхъ заботъ.

Во снѣ играла музыка — хорошая примѣта. Большой, будто симфоническій оркестръ... Какой то совсѣмъ Валентинѣ Петровнѣ незнакомый маршъ... Очень звучный... Въ немъ были торжественность Русскаго гимна и безпокойные вскрики Марсельезы... Онъ точно остался въ ушахъ. Валентина Петровна пыталась вспомнить понравившійся ей мотивъ. Ловила его, крѣпче закрывая глаза, стараясь вернуть чары только что отлетѣвшаго сладкаго сна. — Не могла. Маршъ замеръ гдѣ то въ безконечной дали и исчезъ безвозвратно, навсегда, какъ исчезаютъ сны.

Валентина Петровна вздохнула и открыла глаза. Въ щель неплотно задернутой тяжелой портьеры сквозь занавѣсъ, мутное входило утро. Желтоватымъ свѣтомъ была напоена штора вся въ мелкихъ сборкахъ, и этотъ мягкій свѣтъ петербургскаго утра, еще съ далекимъ, не поднявшимся надъ домами солнцемъ, точно осторожно, чтобы не обезпокоить хозяйку вошелъ и разлился по всей спальнѣ.

Совсѣмъ маленькая спальня, — и — такая уютная. Въ углу, у стѣны, противоположной окну, кровать крас-

наго дерева, въ мѣру широкая, низкая и мягкая, мягкая. Три подушки — двѣ подъ голову, третья сбоку, и неразлучная думка. Это она-то и навѣваетъ колдовскіе сны, звучитъ несказанно прекраснымъ оркестромъ и шлетъ къ утру ясныя мысли. Стеганое на пуху серебристо-сѣрое одѣяло лежитъ такъ нѣжно, точно въ немъ нѣтъ вѣса и такъ хорошо грѣетъ. Въ углу, иконы и лампада въ малиновомъ стеклѣ. Спаситель — имъ благословили ихъ бракъ, Святой апостолъ Петръ въ старинномъ серебряномъ кіотѣ, Казанская Божія Матерь съ прекраснымъ Ликомъ, озареннымъ сіяніемъ громадныхъ глазъ. Все тѣ святые, кого Валентина Петровна помнитъ изъ еще не такъ давняго дѣтства, когда вся ея жизнь была совсѣмъ иною, другія были мечты и другіе люди ее окружали.

Она приподнялась на подушкахъ и еще разъ вздохнула. Теперь — тяжело.

Такъ вышло... Значитъ: — такъ Богу угодно. На все Его святая воля.

Въ головахъ красивая тумбочка съ электрической лампочкой и книгами. Въ ногахъ низкое широкое настоящее старинное кресло Александровскихъ временъ, вѣроятно еще крѣпостной столяръ-рѣзчикъ точилъ его. По выгнутымъ ножкамъ, все уменьшаясь, спускаются гирлянды хитро вырѣзанныхъ розъ. Оно обито сѣроватымъ рипсомъ съ нѣжнымъ розовымъ рисункомъ. Подъ нимъ пара туфель. Валентина Петровна съ удовольствіемъ посмотрѣла на нихъ: — такія онѣ маленькія, аппетитныя, какъ ея ножки... На креслѣ мягкій, бѣлый халатъ на нѣжномъ бѣломъ мѣху и названіе ему такое милое и зовущее — saut-de-lit*)... Прелесть!..

Коверъ во всю комнату, сѣроватый съ нѣжнымъ рисункомъ блеклыхъ розъ въ зеленовато-голубыхъ листьяхъ. Туалетный столикъ съ тройнымъ зеркаломъ и цѣлымъ наборомъ хрустальныхъ баночекъ, блюдечекъ, коробочекъ и пузырьковъ, передъ нимъ уютное, низкое кресло... У окна въ корзинѣ — дышутъ ароматомъ нездѣшней весны гіацинты...

---

*) Прыжокъ изъ постели.

И тихо.

Такъ тихо, что слышно, какъ шумитъ пламя и потрескиваютъ дрова въ печи въ столовой. Эта печь выходитъ задней, бѣлымъ кафелемъ выложенной стѣной съ бронзовымъ отдушникомъ въ спальню, и отъ нея ровное льется тепло по всей комнатѣ.

Хорошо!..

Этотъ уединенный, тихій и красивый комфортъ и уютъ покоя далъ Валентинѣ Петровнѣ ея мужъ Яковъ Кронидовичъ, и ему она должна быть за все это благодарна...

Валентина Петровна поморщилась. Какое то воспоминаніе провело легкую черту между бровей, легло темнымъ облачкомъ на большіе сѣрозеленые, какъ глубина сѣвернаго моря глаза. Валентина Петровна надула мягкія губки, еще сухія отъ сна, и тихо выдохнула: — «пеффъ»...

...«Конечно, если нельзя безъ этого»...

Какой то милый американецъ изъ посольства на веселомъ ужинѣ говорилъ ей, пьяно смѣясь, — « le mouvement est ridicule, mais le sentiment est agréable »...

Валентина Петровна этого не находила. Совсѣмъ не смѣшно, а просто тягостно, гадко и противно, и жаль за такого достойнаго человѣка, котораго она всѣми силами души старалась любить и кого всѣ такъ уважаютъ и почитаютъ. И, когда на ея лицо и лобъ лѣзла темная, курчавая и жесткая борода, — ей всегда казалось, что отъ нея пахнетъ трупомъ... И отъ этого было страшно, противно и тошно до ужаса... Она съ трудомъ подавляла брезгливость...

Ей это даже не мерещилось... Если бы она могла не знать, забыть хотя на минуту страшную профессію мужа? — Онъ былъ членъ Медицинскаго Совѣта министерства Внутреннихъ дѣлъ и прозекторъ... Еще недавно онъ въ кругу друзей похвасталъ, что число вскрытыхъ мертвыхъ тѣлъ перевалило за тысячу...

Кошмаръ!.. Такіе люди не должны жениться!..

Отъ этого у нихъ нѣтъ общей спальни. Этого она уже не могла. Это было выше ея силъ... У него, на дру-

гомъ концѣ квартиры, по ту сторону корридора свой кабинетъ и спальня. Тамъ висятъ его страшные халаты, лежатъ гуттаперчевыя перчатки, книги, атласы, стоятъ банки съ препаратами, и вѣдаетъ всѣми этими вещами, и прибираетъ тамъ спеціально для того нанятый отставной солдатъ съ кажущимся ей страшнымъ и дикимъ именемъ — Ермократъ. Отъ него опредѣленно и всегда разитъ покойникомъ.

Вѣдь есть же такія профессіи! Избралъ же ея Яковъ Кронидовичъ такой трудъ и говоритъ, что онъ не плохо кормитъ... Такимъ людямъ надо жениться на курсисткахъ, не брезгающихъ этимъ и не боящихся труповъ.

Валентина Петровна сладко потянулась. Набѣжавшее облачко слетѣло съ яснаго лба, прикрытаго кружевомъ бѣлаго чепца, губы распрямились, въ углу рта легло подобіе улыбки. Она вспомнила другое. Тоненькіе пальчики перебрали по краю одѣяла. Мизинецъ отдѣлился, согнулся крючкомъ и съ силой ударилъ по сѣроватому шелку. Еще и еще разъ... Да... такъ...

...Здѣсь послѣ соло скрипки, — играть будетъ самъ Обри! — вступитъ віолончель Якова Кронидовича, а она своимъ роялемъ дастъ полную силу оркестра.

«Что же она?.. Вѣдь уже девять часовъ скоро!.. А она лежитъ... Когда такая уйма дѣла!..»

Лѣвая рука привычнымъ движеніемъ скользнула по обоямъ, туда, гдѣ, какъ бы повѣшенная на натянутыхъ двухъ бѣлыхъ проволокахъ, была прикрѣплена круглая холодная кнопка изъ блѣдно-розоваго орлеца.

Валентина Петровна надавила кнопку, и сейчасъ же радостный визгъ и нетерпѣливое топотаніе раздались за дверью спальни.

Это ея Ди-ди.

II.

Диди — палеваго окраса крупная левретка «уипетъ» ворвалась, опережая горничную и кинулась къ лицу и рукамъ Валентины Петровны. Все гибкое, стройное тѣло собаки извивалось змѣею. Она то припадала, почти

ложилась на переднія лапы, то, выпрямляясь, вскакивала, клала лапы на постель у подушекъ и тянулась тонкимъ красивымъ щипцомъ къ рукамъ хозяйки. Большіе, блестящіе, какъ два черные брилліанта, глаза казалось, говорили, высказывая все ея собачье обожаніе и преданность.

Таня, молоденькая, стройная дѣвушка, въ черномъ платьѣ, съ бѣлымъ, отдѣланнымъ кружевомъ передникомъ, въ бѣломъ чепцѣ на свѣтло-каштановыхъ волосахъ, ловко подвинула къ постели легкій столикъ и устанавливала на немъ кофейный приборъ и чашку.

— Яковъ Кронидовичъ дома?.. Оставь! Диди! Ну будетъ... Couche!.. Тихо!.. — радостно и оживленно говорила Валентина Петровна.

— Баринъ еще въ семь часовъ уѣхали. Темно совсѣмъ было. Получили какую то телеграмму... Сказали: вернутся только къ обѣду... Съ днемъ рожденія и именинникомъ позвольте проздравить васъ, барыня! Сто лѣтъ жить. Богатой быть.

«Опять на вскрытіе», — подумала Валентина Петровна, и Таня по омрачившемуся ея лицу точно угадала ея мысли.

— Никакъ нѣтъ... Ермократа Аполлоновича съ собою не брали-съ... И поѣхали безо всего.

— Спасибо, милая Таня. Какая погода?

— Солнышко, и таетъ... Таково-то весело!.. Кабы да завтра такая же!.. Тогда и на Пасху хорошо будетъ. Завсегда такъ, — какая погода на Благовѣщеніе, такая и на Свѣтло-Христовъ праздникъ.

— Раздвинь портьеры, Таня...

Помѣшивая маленькой серебряной ложечкой темный кофе въ чашкѣ съ золотымъ ободкомъ, Валентина Петровна слѣдила за гибкими, ловкими движеніями Тани.

Свѣтъ точно ожидалъ за портьерой. Онъ вошелъ ровный и золотистый. Солнце бросило оранжевые квадраты на складки шторы.

— Таково-то весело! — повторила Таня. — Воробьи такъ и кричатъ, такъ и щебечутъ... Одѣвайтесь

скорѣе, барыня. До гостей покатались бы... Прикажете письма подать?

— А много?

Таня, привезенная Валентиной Петровной изъ дома отца, гдѣ она выросла почти подругой своей барышни, входившая во всѣ интересы госпожи, радостно отозвалась:

— Цѣльная куча!.. И телеграммовъ очинно даже много.

— Давай, я просмотрю за кофе.

Диди улеглась въ креслѣ подлѣ saut-de-lit, уткнувъ умную мордочку между лапокъ и косила темнымъ глазомъ на хозяйку. Поднимая мягкое въ легкихъ шелковистыхъ складкахъ ухо, она точно слушала, что та говоритъ.

Сѣвъ на постели, Валентина Петровна, небольшимъ костянымъ японскимъ ножомъ съ изображеніемъ обезьянки, проворно вскрывала телеграммы и письма.

Все поздравительныя!

«Смотрите — и этотъ даже вспомнилъ!..», — улыбнулась Валентина Петровна. — Вся дивизія ея отца, изъ далекаго Захолустнаго Штаба, съ береговъ прихотливо извивающейся Лабуньки, то цѣлыми полками и батареями, то единолично поздравляла дорогую новорожденную. Это было пріятно. Не забыли ея тенниса, прогулокъ верхомъ, зорь съ церемоніей, баловъ и вечеровъ — помнятъ Алечку Лоссовскую! — Мило!

Валентина Петровна показала Танѣ красивую отъ руки писанную акварелью открытку.

— Нашего уланскаго полка трубачъ!.. Какъ ловко сдѣланъ!.. Ну совсѣмъ, какъ живой! Ротмистръ Павловичъ, что-ль рисовали?

Валентина Петровна, молча, кивнула головою.

— Они умѣютъ... Настоящіе артисты!..

Таня взяла столикъ и подносъ.

— Будете одѣваться, барыня?

— Да, сейчасъ.

Валентина Петровна вскрыла конвертикъ телеграммы. Кусочекъ желтоватой бумаги съ наклеенными строч-

ками буквеннаго телеграфа. Ея глаза широко раскрылись. «Вотъ такъ-такъ!..»

...«Къ сожалѣнію буду одна. Александръ виду завтрашняго праздника занятъ. Саблина».

И другая.

«Сережа не можетъ. Засѣданіе совѣтѣ».

«Но вѣдь это что же»? — подумала Валентина Петровна. «Значитъ, насъ будетъ... тринадцать!.. Тринадцать въ день моего рожденія, въ день ангела Якова Кронидовича!.. Какъ-же это такъ?..»

Она стала перебирать, загибая маленькіе пальчики. «Насъ двое... Портосъ»...

На щеки легъ легкій румянецъ милаго смущенія.

«Портосъ... Стасскій, генералъ Полуяновъ, Обри, Тверская съ Андреемъ Андреевичемъ, Лидочка Скачкова съ мужемъ, Вѣра, Панченко и Саблина — тринадцать! Надо кого нибудь прибавить... Легко сказать теперь прибавить, когда это канунъ Благовѣщенія и пятая недѣля Великаго Поста... Или убавить?.. Десять гостей!.. Жидко... весь концертъ пропадетъ... И кого, и какъ убавить? Ея вечера, вечера Валентины Петровны совсѣмъ особенные. Это не банальные петербургскіе вечера съ винтомъ, «теткой», или гдѣ повыше, этимъ новомоднымъ бриджемъ. У нея — картъ не бываетъ — и всѣ довольны. Каждый гость у нея — имя!.. Кого убавить, да и какъ? Сказать не пріѣзжайте, пожалуйста, вы тринадцатый... Но почему, скажетъ, или подумаетъ гость, я, а не кто другой — тринадцатый?»

Умъ Валентины Петровны работалъ быстро, давая оцѣнку приглашеннымъ гостямъ.

«Стасскаго?.. Упаси Боже!.. Врага наживешь!.. Такой злой языкъ... Никакъ нельзя... Весь концертъ для него. Почтенный старикъ, всѣми уважаемый музыкальный критикъ. Философъ... другъ недавно умершаго графа Льва Николаевича Толстого!.. Правда — циникъ, атеистъ... Ей-то что до его убѣжденій!.. Какой умный!.. И какой прекрасный партнеръ ея мужу въ спорахъ на высокія темы. Конечно, онъ украшеніе ея вечера... И генерала Полуянова нельзя.. Она ему еще сейчасъ позвонитъ, чтобы напомнить о вечерѣ. Кто же другой

умѣетъ такъ восхищаться ею, ея игрой, какъ не милѣйшій Иванъ Андреевичъ, въ чьихъ глазахъ всегда такими блестящими огоньками играютъ лукавыя искорки!.. Обри — скрипачъ — необходимъ для ихъ тріо, которымъ они замѣнятъ цѣлый оркестръ... Тверская? Пѣвица», — Валентина Петровна мило улыбнулась, точно вспомнила о чемъ то очень пріятномъ и радостномъ.

«Ну, какъ же можно безъ нея!.. Вотъ, если бы освободиться отъ ея Андрея Андреевича?.. Странно — она даже его фамиліи не знаетъ. Сутуловатый, черный, весь заросшій, въ очкахъ... Говорятъ: — съ духами знается... и аккомпанируетъ, какъ богъ! Конечно, она могла бы аккомпанировать Надеждѣ Алексѣевнѣ, но Тверская какъ то сказала, что хорошіе пьянисты всегда плохіе аккомпаніаторы, они думаютъ объ игрѣ, а не о голосѣ пѣвицы... И она всегда съ нимъ... Попросить Лидочку Скачкову пріѣхать безъ мужа? Онъ всегда скучаетъ при музыкѣ. Сидитъ въ углу кулемъ. Играетъ портупеей и любуется на свои краповые рейтузы... Но, какъ бы Лидочка не обидѣлась?.. И она не любитъ ѣздить одна безъ своего солдафона... Вѣра Васильевна? — самая красивая головка Петербурга. Личико Мадонны»...

Валентина Петровна точно увидала у себя въ гостиной на диванѣ точеную головку генеральши Барковой, въ черныхъ волосахъ въ блестящихъ переливахъ ондуляціи артистической прически, и ея лучистые свѣтло-голубые глаза. Умопомрачительный всегда туалетъ... На широкой груди жемчужное ожерелье, въ ушахъ брилліанты — картинка Греза.

«Нельзя... И Панченко нельзя. Безъ него пропадетъ интересъ споровъ между Стасскимъ и ея Яковымъ Кронидовичемъ... Вѣра Константиновна?.. Невозможно!..».

Оставался Портосъ — штабсъ-капитанъ Владиміръ Николаевичъ Багреневъ, осколочекъ милаго дѣтства, что протекало въ Захолустномъ Штабѣ. Его было проще всего по старой дружбѣ попросить не быть вечеромъ... Но...

Какъ былъ бы сѣръ, унылъ и скученъ день ея рожденія и ея вечеръ безъ милаго Портоса.

«Тринадцать?.. А, можетъ быть, набѣжитъ «на огонекъ» и кто-нибудь четырнадцатый... можетъ быть, кто нибудь не пріѣдетъ, или освободится Саблинъ, не поѣдетъ на засѣданіе Барковъ?..»

Все равно... Пора вставать, а тамъ, что Богъ дастъ!

Указательный пальчикъ правой руки съ кольцомъ съ тремя крупными жемчужинами выразительно показалъ на полъ, а совсѣмъ уже проснувшіеся и озабоченные глазки посмотрѣли на уютно свернувшуюся въ креслѣ клубкомъ собаку. Съ кресла послышалось протестующее ворчаніе. Очень впрочемъ нѣжное, похожее на голубиное воркованіе. Золотисто рыжая завѣса густыхъ шелковистыхъ рѣсничекъ приподнялась, и милый глазъ скосилъ на хозяйку. Точно сказалъ: — «еще немножечко... Здѣсь такъ хорошо!»

— Ну-съ!..

Глаза собаки раскрылись и смотрѣли на Валентину Петровну съ нѣмымъ упрекомъ и мольбой.

— Надо, Диди!

Собака мягко спрыгнула на полъ и вытянулась у постели. Гибкимъ движеніемъ Валентина Петровна очутилась подлѣ кресла, туфельки сами налѣзли на ея крошечныя ножки и халатикъ оказался на плечахъ. Валентина Петровна тряхнула головкой, откидывая вьющуюся золотую прядку бѣлокурыхъ волосъ отъ глаза, и рѣшительно отворила маленькую узкую дверку. Правая рука повернула штепсель, и ярко освѣтился блестящій аппаратъ городского телефона.

III.

Пальчикъ съ жемчужнымъ кольцомъ давилъ кнопку «А».

— Барышня!.. милая барышня, двадцать три, пятьдесятъ два, парикмахерская Шарль, — молила Валентина Петровна.

Голыя ножки подъ щекочущей лаской мѣха халатика нетерпѣливо пожимались. Диди сидѣла подлѣ и

серьезно смотрѣла на телефонъ, точно и она ожидала отвѣта. Валентина Петровна боялась услышать скучающе-сонное и безразличное — «занято»...

Правая рука прижимала трубку къ розовому ушку. Золотистая прядка упрямо лѣзла на лобъ. Наконецъ, Валентина Петровна услышала быстрый вопросъ:

— «парикмахерская Шарль?»...

— Мосье Николя можетъ причесать и завить... сегодня... да... госпожа Тропарева...

Она не любила свою фамилію.

— Отъ часу до двухъ... Хорошо... Только не задержите.

Валентина Петровна повѣсила трубку и ждала, когда ее разъединятъ. Слегка нагнувшись, она ласкала собаку. Сняла трубку, но все отвѣчала парикмахерская Шарля... Несносныя барышни не разъединили телефона. Валентина Петровна подождала еще, надавила кнопку.

— Двѣнадцать, восемьдесятъ шесть, кондитерская Де-Гурме.

Было занято... Отъ нечего дѣлать позвонила Скачковой.

— Лидочка ты?.. Ты не въ постели?.. Какой даже въ телефонъ твой голосъ свѣжій... Не забудешь?.. Къ девяти... Не опаздывай... Ну вотъ еще... Я про ноты не говорила... Мнѣ тебя надо... Какая ты!.. Николай Петровичъ будетъ?.. Ахъ я такъ рада!..

Теперь освободилась и кондитерская. Валентина Петровна напомнила, чтобы мороженое прислали ровно къ двѣнадцати и въ кадкѣ со льдомъ. Мужикъ подождетъ... Сливочное, фисташковое и земляничное...

Отъ телефона, все такъ же въ халатикѣ сопровождаемая Диди, шествующей съ выгнутой спиной на эластичныхъ лапкахъ съ тонкимъ поджатымъ крючкомъ хвостомъ, Валентина Петровна прошла на кухню.

Въ ней было чисто, свѣтло и прохладно. Большая, прямоугольная плита подъ чернымъ пароотводнымъ навѣсомъ еще не топилась. У дверцы ея, на желѣзномъ листѣ лежали швырковыя, березовыя дрова. Отъ нихъ

пахло лѣсомъ, мохомъ и грибомъ. Этотъ запахъ напомнилъ Валентинѣ Петровнѣ дѣтство и Лабуньскіе лѣса. Диди внимательно обнюхивала полѣна.

Кухарка Марья, толстая, аппетитная женщина въ чепцѣ на сѣдыхъ волосахъ поднялась съ табурета навстрѣчу барынѣ.

— Поздравляю, барыня, съ днемъ рожденія, — сказала она и, отодвинувшись отъ стола, показала Валентинѣ Петровнѣ свои утреннія покупки.

На доскѣ лежалъ прекрасный большой Ладожскій лосось. Марья колупнула его серебристую въ розовыхъ пятнышкахъ спину и сказала:

— Живого взяла. При мнѣ и убили... У Романовыхъ... Такой лосось!.. Только бы мнѣ не испортить...

Сѣрый, дымчатый котъ Топи, персидской породы поздоровавшись съ Диди подошелъ къ Валентинѣ Петровнѣ и, раскинувъ хвостъ панашомъ кверху, нѣжно терся о ея ноги.

— А рябчики?

— И рябчики купила.

Марья подвинула корзину, гдѣ лежали сѣрыми грудками кверху пушистыя птички и съ ними кочаны молодого, блѣднаго хрупкаго салата.

Все въ хозяйствѣ шло хорошо и точно, какъ вывѣренные часы, само собою.

Когда Валентина Петровна вошла обратно въ спальню, Таня уже кончала уборку. Свѣжій морозный воздухъ клубами пара врывался въ раскрытую форточку. Въ комнатѣ было холодно и еще нѣжнѣе пахло гіацинтами. На небольшомъ диванчикѣ Таня разложила хорошенькій «tailleur» и подлѣ поставила башмаки для выхода.

IV.

Дѣла было много. Но въ этотъ день сознаніе, что сегодня —ея рожденіе, ея праздникъ, что тамъ, гдѣ она родилась и выросла ее не забыли — это говорила

ей горка сердечныхъ, милыхъ, ласковыхъ и нѣжныхъ писемъ и телеграммъ — точно окрыляло Валентину Петровну. Все ладилось. Все дѣлалось само собою.

Она отправилась пѣшкомъ — совсѣмъ недалеко отъ нихъ — во Владимірскую церковь и въ большой заказной просвирѣ дала вынуть за здравіе Іакова и Валентины.

Она стояла въ большомъ бѣломъ храмѣ, переполненномъ великопостными молящимися, — былъ четвергъ и много было причащавшихся, — слѣдила за службой, молилась, и временами точно уносилась въ свою, такъ привычную, гарнизонную церковь Захолустнаго Штаба. За садомъ, перейти маленькую, всегда пустую уличку и будетъ церковное крыльцо. Наверхъ по каменной лѣстницѣ и тамъ въ двусвѣтномъ залѣ церковь ихъ Старо-Пебальгскаго, тогда драгунскаго — теперь, уже четыре года уланскаго полка. Ей было пріятно сознавать, что тамъ сейчасъ тоже идетъ служба и старенькій отецъ Георгій — служили безъ діакона — будетъ особо поминать ее. Въ церкви — не здѣсь, а тамъ — говѣетъ очередной эскадронъ. Ей казалось, что она слышитъ мягкое позваниваніе шпоръ переминающихся съ ноги на ногу солдатъ и ихъ сухой, отрывистый кашель. И такъ же, какъ и тутъ выйдетъ съ блюдцемъ записочекъ отецъ Георгій и первою станетъ на память вычитывать: — о здравіи Петра, Маріи, Валентины и Іакова... Такъ-же, какъ и здѣсь. Точно вмѣстѣ молилась она съ папочкой и мамочкой и не было тысячи верстъ, что раздѣляли ихъ. Тамъ поди — уже весна. Въ саду верба въ золотомъ цвѣту, орѣшникъ выбросилъ нѣжныя, дрожащія сережки и дѣвочки польки у входа въ церковь продаютъ душистыя фіалки. Тамъ было просторно. Она стояла на особо огороженномъ мѣстѣ и покойно и чинно шло Богослуженіе. Здѣсь давились въ толпѣ. Кто то похлопалъ ее по плечу свѣчкой и сиплымъ голосомъ сказалъ: «Божіей Матери». Это развлекало и разсѣивало. Она боялась пропустить свою записку. Уже читали — «о здравіи». Начались знакомыя имена.

«Петра» — она перекрестилась. За папочку.

«Маріи» — вздохнула. «Мамунечка милая, ты тамъ за меня, я за тебя».

«Іакова, Валентины и Владиміра».

Валентина Петровна низко опустила голову. Румянецъ залилъ ея щеки и подошелъ къ ушамъ. Жарко и душно было въ церкви. Милый образъ Портоса всталъ передъ глазами. Темные нѣжные усы... «Владиміра».... Она вздохнула. Дѣтская любовь... Тамъ, въ Захолустномъ Штабѣ, этого имени не прочтутъ... Тамъ не знаютъ... Здѣсь — знаетъ она одна.

«Господи, прости меня».

И ясными глазами посмотрѣла на закрытыя Царскія врата. Ничего-же и нѣтъ. Такъ... Глупость одна. Институтская глупость — помолиться за милаго человѣка.

Наскоро позавтракавъ дома Валентина Петровна поѣхала на Морскую въ парикмахерскую Шарля, и въ половина третьяго въ нарядной, блестящей прическѣ, красивыми волнами поднимавшейся надъ лбомъ, змѣйками, колечками, завитками спускавшейся къ бровямъ и закрывавшей уши съ большими жемчужинами въ мочкахъ, со спрятаннымъ на затылкѣ, переливавшимъ золотомъ узломъ, отягчавшимъ голову и придававшимъ Валентинѣ Петровнѣ гордый видъ, немного усталая, но довольная красотою волосъ и восхищеніемъ ими завивавшаго ее парикмахера мосье Николя — вернулась домой.

— Теперь уже до самаго вечера ни прилечь, ни порѣзвиться съ собакой! Растреплешься!.. Слышишь Диди. Слышите мистеръ Топи!.. Вашимъ бархатнымъ лапкамъ строжайше воспрещается прикасаться къ моей головѣ!..

Разрумянившаяся отъ мороза, оживленная, веселая, нарядная и довольная она вошла въ гостиную.

«Ну, конечно!..»

Громадный и, должно быть, очень дорогой кустъ пунцовой, необычайнаго цвѣта, азалеи стоялъ на столикѣ передъ зеркаломъ.

«Зачѣмъ!?.. Все это только напрасно возбуждаетъ

ревность и подозрѣнія... Подчеркиваетъ то, чего нѣтъ... Неисправимъ!..»

И не въ силахъ удержать счастливой и довольной улыбки, Валентина Петровна подошла къ цвѣтку и съ ласковою нѣжностью опустила пылающее лицо въ холодные, влажные лепестки. Чуть слышный, оранжерейный запахъ коснулся ее.

Она отцѣпила красную ленту. Ни записки... Ни карточки... Все равно... Всѣ знаютъ... И Таня, и Яковъ Кронидовичъ. Шила въ мѣшкѣ не утаишь!

Она вспыхнула и пожала плечами.

«Какое же шило!.. Просто... нравится... Дѣтьми играли вмѣстѣ... Ну... любитъ... Я-то тутъ при чемъ!»

Она гордо выпрямилась и мелькомъ взглянула въ зеркало. Хороша!.. Пошла въ столовую. Въ это время на парадной лѣстницѣ позвонили. Валентина Петровна остановилась въ дверяхъ и дожидалась доклада Тани.

Горничная вошла, улыбаясь, съ большою коробкою конфетъ, перевязанною золотистою тесьмою. Она дала коробку и сказала, едва сдерживая смѣхъ.

— Угадайте, барыня?

— Ну? — подняла брови Валентина Петровна.

— Никакъ не угадаете. Вотъ уже подлинно счастливый день... Кого Богъ-то на шапку послалъ!..

— Да, кто-же?.. Отчего не попросила?

— Сейчасъ войдутъ... Красоту наводятъ. — Таня совсѣмъ разсмѣялась. — Да вы коробку то разверните — сейчасъ и угадаете...

Валентина Петровна сорвала бумагу. Блестящая лакомъ, пестрая картинка — гора фруктовъ на фонѣ синяго моря и синяго неба бросилась ей въ глаза.

— Абрикосовскіе глазированные фрукты,—вскрикнула она, — что же, Таня, неужели?.. Петрикъ?..

— Онъ самый, собственной персоной, — раздался въ дверяхъ радостно-смущенный голосъ, — честь имѣю явиться госпожѣ нашей начальницѣ и поздравить ее съ пресвѣтлымъ днемъ ея рожденія.

Высокаго роста, худощавый, стройный офицеръ въ скромномъ драгунскомъ мундирѣ съ желтыми кантами стоялъ у порога гостиной. Лѣвую руку съ фуражкой съ

желтымъ верхомъ онъ держалъ на эфесѣ сабли, правую протягивалъ Валентинѣ Петровнѣ. Сѣрые большіе глаза по дѣтски открыто смотрѣли прямо въ глаза Валентинѣ Петровнѣ.

— Петрикъ!.. И вамъ не стыдно!..

Она протянула руку для поцѣлуя и ласково поцѣловала его въ лобъ.

— Быть два года въ Петербургѣ!.. И только теперь вспомнить свою королевну!

— Во-первыхъ, божественная, госпожа наша начальница...

— Не говорите, Петрикъ, во-первыхъ... У васъ никогда не бываетъ во-вторыхъ... Стыдно... Почему вы скрывались...

— Такія были обстоятельства, госпожа наша начальница.

— Знаю я ваши обстоятельства! Старая любовь не ржавѣетъ... Ну, спасибо... А я уже думала заржавѣла ваша любовь, мой храбрый Атосъ... Совсѣмъ вы забыли меня и знать не хотите королевну сказки Захолустнаго Штаба!..

— Я, божественная...

— Ну, садитесь... Ахъ какъ хорошо, что вы пришли. Вы меня выручили... Теперь вы мой плѣнникъ... До самаго вечера... И не отпущу... Боюсь, сбѣжите!

V.

Валентина Петровна дружески, съ сердечнымъ порывомъ протянула обѣ руки Петрику. Онъ взялъ ихъ и они стояли такъ другъ противъ друга, внимательно вглядываясь одинъ другому въ глаза. Точно хотѣли все узнать, все вычитать одинъ у другого въ глазахъ.

Она бросила его руки.

— Все такой-же... Какъ семь лѣтъ тому назадъ, когда послѣдній разъ корнетомъ вы пріѣзжали къ намъ.

Развѣ выросли чуть-чуть... И усы!.. Помните, какъ вы огорчались, что у васъ все не росли усы?.. Штабъ-ротмистръ уже! Боже, какъ время-то летитъ... И я уже старухой стала. А помните?.. Какъ вы мнѣ предложеніе дѣлали? Вамъ было... Что?.. Вы юнкеромъ были?.. Я въ куклы еще играла... Такъ, по совѣсти... почему не заглянули ко мнѣ раньше?

— Откровенно говоря... боялся, госпожа наша начальница...

— Боялись... Да вѣдь я замужемъ!.. Теперь что же?.. Кончено... И вы... въ холостомъ полку... Это у васъ написано въ полковомъ садикѣ: — собакамъ, нижнимъ чинамъ и дамамъ входъ воспрещается.

— Анекдотъ, госпожа наша начальница... И про нижнихъ чиновъ неправда.

— Однако у васъ, кто женится, покидаетъ полкъ, мнѣ Портосъ разсказывалъ.

— Истинная правда-съ... Такъ лучше. Нѣтъ ссоръ.

— Будто?.. Ну хотя бы мнѣ написали.

— Божественная... Вы же знаете! Литература и я никогда не ночевали вмѣстѣ.

— Писать письма — литература... И все сочиняете на себя... А стишки?

— Только если про лошадей, госпожа наша начальница. И то карандашомъ. Въ моей чернильницѣ, если запустить туда перомъ...

— Запустить перомъ! — ужаснулась Валентина Петровна.

— Только муха вылетитъ-съ... Живая муха.

— Ну, а сегодня, вы все таки рискнули?

— Уже день то какой особенный. Помните въ Захолустномъ Штабѣ... Мы всегда отпрашивались на Благовѣщенье изъ корпуса днемъ раньше... И прямо къ вамъ... А у васъ — весна!

— Фіалки!

— Верхомъ катались... Вы на Еруслапѣ... Мнѣ, Портосу и Долле изъ трубаческой команды давали лошадей. И какъ! Какъ это было хорошо!..

— А странно... Ни къ вамъ, Петрикъ, ни къ Долле не пристали имена мушкетеровъ, только къ одному

Портосу. Вотъ Портосъ и даже Долле меня не забыли. Одинъ вы. Фу... Какой гадкій... А прежде... Тоже... стихи!

— Чужіе, божественная.

— Все равно... Любовные...

Они сидѣли въ креслахъ, въ гостиной, раздѣленные круглымъ столомъ подъ скатертью.

— А ну, прочтите тѣ... Ваши любимые... Что всегда мнѣ читали...

— Приказываете, госпожа наша начальница?

— Приказываю, мой вѣрный мушкетеръ.

Ей съ Петрикомъ казалось, что они опять дѣти. Онъ кадетъ. Она дѣвочка, дочь командира полка. И такъ хорошо и неопасно съ нимъ играть.

Петрикъ всталъ и съ чувствомъ не безъ драматическаго комизма продекламировалъ:

— Вы замундштучили меня
И полнымъ вьюкомъ осѣдлали,
И какъ ремонтнаго коня
Меня къ себѣ на корду взяли!

Повсюду слышу голосъ вашъ,
Въ сигналахъ васъ припоминаю,
И часто — вмѣсто «рысью маршъ»
Я ваше имя повторяю.

Несу вамъ исповѣдь мою,
Мой ангелъ, я вамъ рапортую,
Что я васъ болѣе люблю,
Чѣмъ пуншъ и лошадь верховую!..

— Ой-ли!.. Было бы такъ... Не пропадали бы безъ вѣсти семь лѣтъ.

— Въ холостомъ полку, божественная... И вы замужемъ.

Она вздохнула.

— Да, конечно, — тихо сказала она. — Можетъ быть вы и правы... Но я все таки никогда не повѣрю, Петрикъ, чтобы вы... Такимъ уже монахомъ жили... Да, постойте, постойте... Вѣдь я про васъ, что то знаю...

Да, да, да... Господинъ «холостой полкъ»... А, нигилисточка?

Петрикъ, что называется — рака спекъ. Такъ покраснѣлъ, что даже лобъ сталъ красный.

— По-па-лись...

— Портосъ!.. — сказалъ онъ... Этакій сплетникъ!.. Ну что нигилисточка?.. Это только приключеніе. Забавное приключеніе. И притомъ-же — по пьяному дѣлу... Просто анекдотъ!..

— Разсказывайте... А покраснѣли-то какъ! О васъ папироску теперь закуривать можно.

— Ничего подобнаго... Да я вамъ разскажу... Если хотите...

— Нѣтъ ужъ пожалуйста... Если это ваши холостыя гадости — и не разсказывайте... Не надо.

— Да повторяю... Ничего подобнаго... Просто — забавное приключеніе. Можно разсказать все, ибо все очень прилично «для курящихъ».

— Хорошо... Такъ какъ вы мой арестантъ и до самаго вечера, то я слушаю. Но прежде намъ Таня подастъ чая.

Она позвонила.

— А Таня то совсѣмъ и не перемѣнилась. Какъ въ Захолустномъ Штабѣ такъ и здѣсь.

— Здѣсь еще лучше. Она здѣсь, какъ мой другъ. — Вы съ чѣмъ чай? Съ лимономъ, или со сливками?

— Если отъ бѣшеной коровы, то разрѣшите со сливками.

— Таня, — сказала Валентина Петровна вошедшей горничной, — подайте сюда чая и коньяку.

— И рома, — сказалъ Петрикъ, подмигивая Танѣ, — какъ подавалось у генерала Лоссовскаго.

Валентина Петровна погрозила пальчикомъ съ жемчужнымъ колечкомъ. Таня весело фыркнула и пошла за чайнымъ приборомъ.

VI.

Отъ душистаго рома, налитаго въ горячій чай сладко пахло. Въ углу, въ каминѣ уютно потрескивали разгорѣвшіяся дрова. Въ гостинную входили сумерки. Валентина Петровна взялась рукою за штепсель.

— Не зажигай огня!.. Не разгоняй мечты! — шутливо, пріятнымъ голосомъ пропѣлъ Петрикъ.

— Будетъ вамъ, — засмѣялась Валентина Петровна, — я вся вниманіе. Сядемте къ камину.

Петрикъ подвинулъ кресло, она глубоко усѣлась въ него. Диди прыгнула ей на колѣни и свернулась клубкомъ. Петрикъ сѣлъ противъ нея на низкомъ пуфѣ.

— Итакъ, — сказала Валентина Петровна.

— Итакъ... Случалось ли вамъ, что васъ вдругъ охватитъ неудержимое любопытство? Хочется знать все о ближнемъ своемъ. Да и не только о ближнемъ, а и о дальнемъ. Очень даже дальнемъ... Постороннемъ... Вотъ сидимъ мы съ вами. Золотая головка ваша въ двухъ аршинахъ отъ меня, чудные глазки внимательно прищурены, а что въ ней? Что вы думаете? Знаю-ли я?

— Можетъ быть такъ лучше, Петрикъ?

— Можетъ быть... Однако, нашло на меня такое настроеніе — все хочу знать. Сижу съ Портосомъ въ театрѣ. Тамъ драма идетъ. Рощина-Инсарова мнѣ всю душу переворачиваетъ, а я думаю, — а что ты такое? Какъ и гдѣ живешь? Что сейчасъ думаешь, чѣмъ увлечена? Въ антрактѣ передо мною — лысина. Полъ-аршина въ діаметрѣ. Гладкая, розовая, аппетитная, точно свиной кожей покрытая. А я думаю, что за Бисмаркъ скрывается подъ этимъ обтянутымъ кожей черепомъ? Какія константныя эксибиціи секулярныхъ новаторовъ тенденціи коминераціи копошатся тамъ? Профессоръ, академикъ, ученый, банкиръ, можетъ быть, франъ-масонъ какой, чортъ его знаетъ, кто тамъ и о чемъ думаетъ. И, порываетъ меня, божественная, знаете, пальцемъ этакъ щелкнуть по темячку и послушать, какъ звенитъ.

— Петрикъ!

— А вдругъ тамъ вмѣсто трансцендентной философіи этакая дѣтская пѣсенка играетъ: — «бимъ-бомъ, бимъ-бомъ, загорѣлся кошкинъ домъ... Бѣжитъ курица съ ведромъ...»

— Придумаете тоже... Совсѣмъ кадетъ... Ребенокъ...

— И дальше хуже. Изъ театра къ Кюба... Три бутылки шампитра вдвоемъ вылакали, ресторанъ закрываютъ, а мы разошлись только.

— И Портосъ!?..

— Ну Портосъ такъ только пригубливалъ. Больше я.

— Какой срамъ!

—Покаяніе, божественная, все очищаетъ. Перешли въ отдѣльный кабинетъ. Тамъ до трехъ часовъ можно. Сидимъ, потребовали — « Monahorum Benedictinorum », его же и монаси пріемлютъ — а я философію свою развиваю, не хуже Шопенгауера.

— Вы Шопенгауера читали?

— Чего, госпожа наша начальница, со скуки не прочитаешь. И вотъ, говорю я Портосу: — знаешь Портосъ ничего этого нѣтъ. Все это мнѣ кажется. И тебя нѣтъ, и лакея со счетомъ нѣтъ — все мое представленіе. Плати, Портосъ, ты, а я... — ты мое воображеніе.

— Развѣ хорошо такъ много пить?

— Да, дербалызнулъ я тогда основательно... По драгунски... Линія такая вышла... Да вѣдь день то какой былъ! 10-го февраля...

Валентина Петровна смутилась и покраснѣла до слезъ. Но въ гостиной было темно и Петрикъ этого не замѣтилъ.

— Вмѣсто того, чтобы честно придти ко мнѣ и поздравить меня съ днемъ ангела, вы пьянствовали съ Портосомъ!

— Честно, госпожа наша начальница, я тогда не могъ придти къ вамъ... Я все еще не примирился съ мыслью... что вы... замужемъ...

— Петрикъ... Бросьте... Ну дальше...

— Дальше что... Ну пьянъ былъ, какъ дымъ. Вышелъ съ Портосомъ и пошли пѣшкомъ на набережную.

— Въ третьемъ часу утра!

— Въ четвертомъ, божественная!.. Идемъ мимо Зимняго Дворца. Такая чудная ночь. Тихо. Звѣзды сіяютъ. Морозъ, и по самой Невѣ чуть шуршитъ поземка, точно тѣни какія то несутся. Нигдѣ ни огонька въ окнахъ. Спитъ Сѣверная Пальмира. Пустыня — внемлетъ Богу... какъ это у Лермонтова что-ль? У воротъ въ тулупахъ свернулись дворники, городовые похаживаютъ на перекресткахъ, башлыками укутались и идемъ мы двое: — Портосъ и Атосъ къ какому то приключенію — два мушкетера... И вдругъ, вижу я, на томъ берегу, на Мытной набережной, въ пятомъ этажѣ, краснымъ огнемъ окно свѣтится. Сидитъ кто то тамъ и не спитъ. Кто онъ? Что онъ? Фальшивыя деньги дѣлаетъ, прокламаціи печатаетъ, или студентъ зубрила сидитъ надъ литографированными записками и зубритъ. И понялъ я, что не могу... Я долженъ знать, кто это тамъ? Чья жизнь бьется среди ночи. — «Пойдемъ» — крикнулъ я Портосу, — «и узнаемъ, что за человѣкъ не спитъ ночью... А можетъ быть, тамъ самоубійца къ смерти готовится и мы его изъ петли вынемъ... А? — Портосъ?.. Спасемъ человѣческую душу. Всѣ грѣхи простятся...» О, хитрый этотъ Портосъ, посмотрѣлъ внимательно и говоритъ: — «Идемъ»... Ускорилъ я ходъ. По дощатому скользкому переходу перебѣжали мы Неву и подошли къ дому. Теперь намъ было видно, штора бѣлая опущена и за нею ярко горитъ должно быть лампа подъ краснымъ абажуромъ. По парадному ходу и думать нечего идти — швейцаръ не пуститъ. Въ воротахъ калитка открыта и дворникъ спитъ подлѣ крѣпчайшимъ сномъ. Мы скользнули, какъ тѣни. Сюда... Налѣво... Въ уголъ... Толкнули дверь... Тьма кромѣшная. Желѣзныя перила ледкомъ покрыты. Пахнетъ кошками.

— Ужасъ какой! Да что съ вами было?

— Прямо сумашествіе. Хочу знать, кто, что, почему и почему то мысль, что мы спасемъ непремѣнно человѣка, меня подхлестываетъ. Я иду впереди, Портосъ за мною. Прошли ощупью три этажа. Въ окна небо видать. Звѣзды... Тихо. Весь домъ спитъ. Даже жутко стало. Портосъ шепчетъ сзади: — «брось... Выскочитъ

на тебя какой нибудь студіозусъ оголтѣлый — скандалъ будетъ». — «Молчи», — говорю я. Лѣзу дальше... Пятый этажъ... Мѣдная ручка звонка. Я позвонилъ...

— Нѣтъ, Петрикъ... Это невозможно, что вы дѣлаете.

— Слышу задребезжалъ звонокъ и все тихо. Я позвонилъ еще. За дверью легкіе шаги. Щелкнулъ штепсель. Кто то осторожно снялъ крюкъ и на фонѣ ярко освѣщенной маленькой кухоньки появилась высокая стройная дѣвушка въ длинномъ платьѣ въ складкахъ — какомъ, я право не разобралъ. Темная шатенка съ чуть вьющимися спереди волосами, сзади завязанными тугимъ узломъ. Она внимательно посмотрѣла на меня и въ глазахъ ея я прочелъ испугъ. Мнѣ стало неловко, но отступать было уже поздно.

— Простите, — сказалъ я. — Это у васъ горитъ лампа подъ краснымъ абажуромъ? — Сознаюсь, глупый вопросъ, но другого тогда я придумать не могъ.

— У меня.

Она сказала это спокойно и отступила вглубь кухни. Я шагнулъ за нею.

— Мы очень хотѣли бы знать... — началъ я. Я напрасно сказалъ: «мы». Портосъ исчезъ, и я слышалъ только стукъ его шаговъ уже двумя этажами ниже. — «Мы» — это былъ «я» одинъ.

— Войдите, пожалуйста, — сказала она, блѣднѣя, и пошла вглубь квартиры.

Я пошелъ за нею. Я понялъ: — она приняла меня за жандармскаго офицера.

Квартира была очень маленькая. Сейчасъ за кухней, холодной и пустой, гдѣ, вѣроятно, не готовили, была комната съ красной лампой. Широкая тахта съ мутаками, маленькій столикъ и на немъ книги. У окна съ тонкою шторою письменный столъ, на немъ лампа, книги и тетради.

— Вы меня, ради Бога, извините, — сказалъ я, стоя въ пальто посерединѣ комнаты. Помню и коверъ былъ въ ней, и въ открытую дверь была видна другая темная комната. Кажется, теперь я былъ смущенъ больше ея.

— Но вы могли такъ Богъ знаетъ куда попасть, — сказала Валентина Петровна.

— Могъ, госпожа наша начальница, — кротко сказалъ Петрикъ.

— Она могла быть... такой... — Валентина Петровна замялась и смутилась.

— Она не походила на такую...

— Ну, а, если и правда, — она нигилистка! Въ какую исторію могли вы попасть!

— Могъ, госпожа наша начальница, — очень даже могъ и могу еще.

— Ну, дальше?

— Знаете, какъ змѣя колдуетъ свою жертву — вотъ такъ и она. Два темные глаза и въ нихъ испугъ, негодованіе и ненависть... Даже жутко стало. — «Что вамъ угодно?» — сказала она. Очень сурово и сухо. Потомъ, видя мое смущеніе, добавила: — «по какому дѣлу вы ворвались ко мнѣ ночью, господинъ офицеръ». — «Вотъ это — господинъ офицеръ» — меня всего перевернуло. Я сразу понялъ, сколь опрометчиво, глупо и гадко я поступилъ и какъ мерзокъ мой поступокъ... Но, госпожа наша начальница, я памятовалъ, что брошенный въ атаку эскадронъ ни повернуть, ни остановиться не можетъ, и я сталъ все объяснять. И съ мѣста: — «Вы читали Шопенгауера?..» Она была огорошена. — «Читала», — сказала она. А я ей все, всѣ мои мысли, и ея красную лампу и мысли, что тутъ самоубійца, что я спасу, о, госпожа наша начальница, въ эти минуты Цицеронъ, Кони и Плевако были мальчишки и щенки въ сравненіи со мною. Такъ былъ я краснорѣчивъ... Да и она была очень хороша и неизвѣстна. Я именно нашелъ то, чѣмъ мучился весь вечеръ — я вскрывалъ чужой черепъ и узнавалъ чужую жизнь.

— Я не думала, Петрикъ, что вы такой бѣдовый... и невѣрный...

— О, госпожа наша начальница! Вы не можете понять, что я былъ въ отчаяніи. Я безумствовалъ въ тотъ день.. А вѣренъ... Я всегда вѣренъ... Да вѣдь я и не нуженъ...

— Ну продолжайте, Петрикъ... На самомъ интересномъ мѣстѣ вы остановились. Она не прогнала васъ?

— Нѣтъ. Она спросила — вы не жандармъ?.. Я ей поклялся, что все, что я говорю — правда. Потомъ... Потомъ мы говорили о стихахъ.

— Вы... О стихахъ? Надѣюсь, не о тѣхъ, что вы мнѣ только что читали?

— Нѣтъ... О Блокѣ... о Мюссе... о Бальмонтѣ... о... какъ его... Бодлэрѣ... Она ужаснулась, что я ничего этого не читалъ. Потомъ она предложила мнѣ снять пальто. — «За кого вы меня принимаете», — сказала она, что осмѣлились придти ко мнѣ ночью». — «Если бы я зналъ», — сказалъ я, — «что тутъ дѣвушка, я никогда бы не посмѣлъ звонить. Я думалъ... я былъ увѣренъ, что тутъ... что тутъ самоубійца»... Она засмѣялась... И мы проговорили до утра... Читали стихи... Бодлэра по-французски и Блока по-русски...

— Ну и вамъ понравилось?

— Ужасно, божественная, все это было ново для меня. Точно я на другую планету попалъ.

— Дальше?

— Дальше я бываю теперь у нея. Представилъ ей Портоса...

— И Портосъ?

Въ вопросѣ было больше, чѣмъ любопытство, но Петрикъ этого не замѣтилъ.

— Портосъ, божественная, не я... Я думаю, что, если бы Портосъ жилъ во время революціи — онъ былъ бы Наполеономъ, какимъ нибудь... Бонапартомъ. Онъ сразу понялъ, кто она и все узналъ. Она дочь генерала. Ея отецъ умеръ на большомъ посту два года тому назадъ... Она въ Петербургѣ... На курсахъ... Ходитъ въ народъ...

— Сколько ей лѣтъ?..

— Не знаю.

— Она хороша собой?

— Я не думалъ объ этомъ. Она очень интересная... И.. я такъ одинокъ.

— Я надѣюсь, милый Петрикъ, что теперь вы не будете такъ одиноки. Вы вернетесь къ своей королевнѣ.

Петрикъ нагнулся и горячо поцѣловалъ руку Валентины Петровны. Она встала, прогнавъ Диди, и зажгла огни.

Петрикъ сталъ прощаться.

— Сейчасъ будутъ приходить визитеры, милый Петрикъ, я боюсь вамъ будетъ скучно, я васъ отпускаю, но вы даете мнѣ слово, что ровно въ шесть вы придете къ намъ обѣдать, послѣ обѣда паинькой посидите, посмотрите мои альбомы Захолустнаго Штаба и останетесь на вечеръ... Мы будемъ музицировать.

Петрикъ поклонился.

— Я весь вашъ, госпожа наша начальница, — сказалъ онъ и въ голосѣ его послышалась Валентинѣ Петровнѣ глубокая грусть.

VII.

За обѣдомъ было очень уютно. Молодой драгунъ съ сѣрыми честными глазами какъ то сразу завоевалъ симпатіи Якова Кронидовича, немного ревновавшаго Валентину Петровну къ ея прошлому. Петрика сразу полюбили всѣ. Диди довѣрчиво прыгнула ему на колѣни.

— Прогони ее, Аля, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ, — можетъ быть, Петръ Сергѣевичъ не любитъ собакъ?

Но Петрикъ «ужасно» любилъ собакъ.

— Я вообще животныхъ люблю, Яковъ Кронидовичъ, — и Петрикъ сталъ разсказывать про лошадей.

— Ну вы сидите тутъ, — сказала Валентина Петровна, — а я пойду одѣваться.

Яковъ Кронидовичъ пригласилъ Петрика въ кабинетъ, не тотъ, гдѣ хранились препараты, инструменты и лежали синія папки протоколовъ, а по стѣнамъ стояли шкапы съ книгами, гдѣ царилъ Ермократъ Аполлоновичъ, а тотъ, что былъ подлѣ гостиной, гдѣ стоялъ большой круглый столъ, освѣщенный высокой лампой съ темнымъ абажуромъ и лежали иллюстрированные

журналы и большіе, тяжелые альбомы, а кругомъ были глубокія кожаныя кресла.

— Курите? — сказалъ Яковъ Кронидовичъ,

— Нѣтъ... не курю.

— И хорошо дѣлаете. Дольше проживете... Дурная это привычка, да по профессіи моей мнѣ нельзя безъ куренія. Иной разъ такого покойника вскрывать приходится, что страшно приступить — каша одна... Такъ папиросой отбиваешь запахъ..

Яковъ Кронидовичъ закурилъ.

Петрикъ слушалъ съ нѣкоторымъ страхомъ. Онъ опять попалъ въ какой то новый міръ, гдѣ такъ просто говорили о такихъ страшныхъ вещахъ. И не могъ онъ себѣ представить въ этомъ мірѣ госпожу нашу начальницу.

— И вамъ не страшно?.. То-есть... я хочу сказать не противно?

— Привыкаешь, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ. — Вы давно знаете, Алю?

— Съ дѣтства. — Петрикъ подвинулъ тяжелый альбомъ къ Якову Кронидовичу. — Вотъ видите... Какіе мы были. Валентина Петровна совсѣмъ маленькая... Это я... это Багреневъ, это Долле... Мы играли въ трехъ мушкетеровъ. Валентина Петровна была наша королевна... А это на теннисѣ, въ гарнизонномъ саду. Багреневъ - Портосъ и Валентина Петровна играютъ противъ меня - Атоса и Арамиса Долле... Тутъ — это еще раньше — крокетъ... Все дѣтство отъ пятнашекъ и казаковъ и разбойниковъ, черезъ серсо, мячъ и крокетъ къ теннису и верховымъ прогулкамъ. Наши отцы служили вмѣстѣ. Ея отецъ тогда полкомъ командовалъ, Долле былъ старшимъ штабъ-офицеромъ, мой отецъ командовалъ эскадрономъ, отецъ Багренева — богатый помѣщикъ подлѣ Захолустнаго Штаба. Въ его лѣсахъ всегда охотились.

— Багреневъ богатый?

— Да, очень...

Они листали вмѣстѣ альбомы прошлаго и Якову Кронидовичу казалось, что эти чужіе его Алѣ офице-

ры должны быть ей ближе, чѣмъ онъ, пятый годъ женатый на ней.

Тихо шло время. Въ гостиной часы мелодично пробили девять, а ни гостей еще не было, ни Валентина Петровна не выходила изъ спальни. Наконецъ въ четверть десятаго раздался первый звонокъ — пришелъ писатель Панченко, скромный пожилой человѣкъ съ большими красными руками. Таня провела его въ кабинетъ.

Теперь Петрикъ забился въ уголъ за шкапъ съ книгами. Писатель его смущалъ. Возьметъ и опишетъ въ смѣшномъ видѣ. Писатели такіе — отъ нихъ лучше подальше.

Яковъ Кронидовичъ то и дѣло выходилъ въ залъ встрѣчать съ Валентиной Петровной пріѣзжавшихъ гостей. Петрикъ слышалъ женскіе и мужскіе голоса. Яковъ Кронидовичъ входилъ въ кабинетъ, потиралъ руки, переставлялъ кресла. Онъ поджидалъ кого-то и точно волновался. Его волненіе передавалось писателю и Петрику.

Вдругъ раздался особенно сильный, рѣзкій звонокъ и сейчасъ же сталъ слышенъ громкій, самоувѣренный, старческій голосъ. Яковъ Кронидовичъ мелкими шажками побѣжалъ въ гостиную.

— Кто это пришелъ? — спросилъ Петрикъ писателя. — Вы не знаете?

— Это Стасскій, — коротко бросилъ писатель, ставшій у дверей и изобразившій на своемъ лицѣ нѣкоторую почтительность.

— Стасскій?.. Кто это Стасскій?..

— Вы не знаете?.. Не слыхали? — удивился писатесь. — Другъ покойнаго Льва Николаевича и философа Владиміра Соловьева. Большой умъ... Критикъ... И... страшный, знаете, человѣкъ... Оригиналъ... Онъ можетъ такъ обругать...

— Да за что же?

— Ну, скажемъ... Не согласится съ вашимъ мнѣніемъ.

— И за это ругать?

— Ему можно... Онъ такой!

— Но почему?

— Большой, свободный умъ... Первый умъ Россіи... Его всѣ боятся... Но вотъ и онъ.

Писатель согнулся въ низкомъ поклонѣ.

VIII.

Въ двери кабинета входилъ средняго роста старикъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ. Совершенно лысая, коричневая голова была лишь вдоль шеи обрамлена косицами жидкихъ сѣдыхъ волосъ, точно клочья шерсти лѣзшихъ на воротникъ. Сѣдая борода безпорядочными прядями выбивалась по щекамъ и на подбородкѣ. Усы были обриты и длинный, узкій, хищный ротъ въ мелкихъ морщинахъ былъ весь видѣнъ. Онъ входилъ увѣренно, какъ власть имущій, въ кабинетъ и за нимъ шли Яковъ Кронидовичъ и генералъ въ сюртукѣ генеральнаго штаба. Генералъ былъ высокій, тонкій, въ черной курчавящейся бородѣ и съ хитро прищуренными блестящими глазами.

— И не допускаю, — говорилъ Стасскій рѣзко и повелительно,—не допускаю, Яковъ Кронидовичъ, чтобы вы могли сдѣлать это... И вы этого не сдѣлаете никогда... А, Панченко, — протягивая большую руку съ узловатыми въ суставахъ пальцами, обратился онъ къ низко поклонившемуся ему писателю. — Что пишете?..

И, не слушая отвѣта писателя, рѣзко повернулся къ генералу.

— Вотъ, Иванъ Андреевичъ, меня называютъ атеистомъ. Льва Николаевича отлучили отъ церкви! Скажите пожалуйста — какая глупость. Это Льва Николаевича-то!.. у котораго, что тамъ онъ ни пиши и ни проповѣдуй, а всегда былъ темный и непонятный мнѣ уголокъ — и въ этомъ уголкѣ онъ и самъ не разбирался... Но несомнѣнно — съ иконами... съ богами... А у Якова Кронидовича, вы меня, почтеннѣйшій, старика, простите, но при вашемъ то образованіи — такая вѣра...

Яковъ Кронидовичъ какъ будто хотѣлъ перемѣнить разговоръ.

— Позвольте, Владиміръ Васильевичъ, представить вамъ... Петръ Сергѣевичъ Ранцевъ... другъ дѣтства моей жены.

— А... не слыхалъ... — какъ на пустое мѣсто посмотрѣвъ на Петрика и небрежно протянувъ ему руку, сказалъ Стасскій, и сейчасъ же повернулся къ Якову Кронидовичу и генералу.

— Въ дѣтствѣ мы темной комнаты боялись... Въ привидѣнія, въ чертей вѣрили... Я помню: Вія прочелъ — ночь не спалъ. Про домового и русалокъ шептались... Но позвольте: — мы образованные теперь люди! Почему на западѣ отошли отъ Христа, и чѣмъ культурнѣе страна, чѣмъ выше въ ней просвѣщеніе — тѣмъ меньше въ ней вѣрующихъ людей. На что мнѣ Богъ и Христосъ, когда я такъ легко, просто и удобно могу обойдись и безъ Нихъ? И даже мнѣ безъ Нихъ гораздо свободнѣе. Они мнѣ никакъ не нужны... Никакъ... Я могу всего достигнуть своимъ собственнымъ умомъ, и библейскія сказки о сотвореніи міра мнѣ кажутся дикими. Вы мнѣ все, Яковъ Кронидовичъ, твердите о правдѣ, о добрѣ, о любви, заложенныхъ въ христіанской вѣрѣ, — и во имя этой правды, добра и любви вы сейчасъ готовитесь совершить величайшую неправду, страшное зло и оскорбленіе цѣлаго народа... Оставьте, пожалуйста!... Не перебивайте меня... Мнѣ, — понимаете, мнѣ для того, чтобы идти къ добру и правдѣ не нужно вашихъ выдуманныхъ, фантастическихъ существъ. Такъ до спиритизма додумаемся!.. А уже что въ святую Пятницу вѣримъ, — такъ это, простите меня — фактъ-съ!.. Нонѣшняя то жизнь... По воздуху, батенька мой, летаемъ, какъ птицы. — Нонѣшняя то жизнь съ ея соціальной наукой, такъ осложнившаяся требуетъ уже иной, а не простой христіанской морали... Она, жизнь то эта, гдѣ все такъ перепуталось и перемѣшалось предъявляетъ намъ еще и интеллектуальныя задачи, которыхъ Христосъ не зналъ и до которыхъ Тому, Кого вы называете Господомъ Богомъ,

нѣтъ никакого касательства... А вы мнѣ: — во имя Бога!.. Во имя правды!..

— Во имя правосудія тоже, — вставилъ Яковъ Кронидовичъ.

Стасскій, закурившій у стола папиросу рѣзко кинулъ ее въ пепельницу и крикнулъ:

— Правосудіе!.. Да что вы смѣетесь надо мною, батенька мой... Правосудіе!.. Всѣ эти ваши... суды и судьи... чепуха... произволъ и беззаконіе!..

— Но позвольте, Владиміръ Васильевичъ, — вступился генералъ, — какъ же безъ суда-то?.. Да и вы сами, слыхалъ я, недавно были присяжнымъ засѣдателемъ.

— И былъ-съ... Да-съ... Былъ-съ!.. — съ вызовомъ обернулся Стасскій къ генералу. — И никогда не отказываюсь, а съ восторгомъ принимаю засѣдательство, чтобы вліять на присяжныхъ... Чтобы исключительно — оправдывать-съ... Оправдывать!!! Преступники!.. Вы, Яковъ Кронидовичъ, говорите: — преступники...

Стасскій снова взялъ папиросу и сталъ ее раскуривать. Яковъ Кронидовичъ воспользовался этимъ, чтобы возразить.

— Помилуйте, Владиміръ Васильевичъ, я имѣю дѣло съ трупами. Кто-нибудь убилъ-же?.. И въ данномъ случаѣ, то, что мнѣ сегодня сказали — ужасно...

Стасскій перебилъ его.

— Ужасно... Преступники!.. Это неправда... Какъ посмотрѣть ?... Всѣ эти преступники, если къ нимъ присмотрѣться только... Да вѣдь это же — прекрасные... невинные люди, жертвы нелѣпыхъ жизненныхъ и общественныхъ условій... Жертвы Государственнаго порядка. Создайте другія условія жизни и не будетъ преступниковъ. Право и преступленіе — это, простите, — совершеннѣйшая чепуха-съ !.. произволъ ... фантазія ... рутина-съ... Codex Iustiniani... А... пожалуйте, прошу покорно! Сводъ законовъ Россійской Имперіи... И все отъ римлянъ... Ну и народецъ, чортъ его дери!.. Отвратный отъ темени до пятокъ и оттого-то такой любезный идеалъ всѣхъ европейскихъ — съ позволенія сказать — государствъ... Вся эта римская мерзость —

произведеніе ихъ распроклятыхъ царей!... Завоеватели... Полководцы... Ахъ, шутъ ихъ дери... Пока человѣкъ будетъ жить все только со звѣрями и животными и пользоваться ими... какъ и ваша глубокоуважаемая и почитаемая мною супруга — безъ котика и собачки не можетъ...

— Но, помилуйте, — робко сказалъ Панченко, — пахать же надо на чемъ нибудь?

Стасскій обернулся къ нему, какъ ужаленный.

— Скаж-жите, пожалуйста... Ну, тащися Сивка пашней, десятиной... Выбѣлимъ желѣзо о сырую землю. Вамъ писателямъ, поэтамъ — это куда какъ надо!.. Картина! Вотъ и Левъ Николаевичъ увлекался... Пахалъ на Сивкѣ... На лошадкѣ верхомъ катался... Что же вѣкъ народу воламъ хвосты крутить?.. Механизація должна быть... Вонъ въ Америкѣ моторные плуги пошли, рядовыя сѣялки... А у насъ — соха-матушка и Сивка... да Жучка! Пока будемъ возиться съ животными — не прекратятся бойни, разстрѣлы и не выведутся эти злобныя гіены Суворовы... Эти безсердечные Матадоры, путающіеся съ развратными женщинами, зараженные всѣми заразами Скобелевы, для которыхъ любая война праздникъ и лакомая конфетка.

Стасскій быстро повернулся къ генералу.

— Вы, слыхалъ я, музей памятникъ Суворову открыли!

— А вы развѣ не видали еще? Очень красиво вышло... И мозаика — переходъ черезъ Альпы — чудесная.

— Ненавистенъ онъ мнѣ, проклятый этотъ Суворовъ! Извергъ исторіи и сифилисъ нашего времени!

— Чисто еврейская точка зрѣнія, — сказалъ Панченко.

— Да-съ... можетъ быть... Можетъ быть и еврейская... Не будемъ забывать, что евреи самый просвѣщенный и талантливый народъ. Во всѣхъ видахъ человѣческаго знанія и искусства — они первые. И я, Яковъ Кронидовичъ, утверждаю и настаиваю, что вы совершенно напрасно путаетесь въ это ужасное дѣло... Накличете бѣду на свое честное и всѣми уважаемое

имя... Что вамъ извѣстно?.. Что вамъ сегодня сказали въ совѣтѣ?.. Если не тайна... Мы такъ любимъ тайны... Государственная тайна... политическая... профессіональная... дипломатическая... военная... все тайны, чтобы обманывать народъ.

— Помилуйте, какая тайна! Вотъ уже три дня, какъ вся прогрессивная печать только и кричитъ объ этомъ. Я вамъ все разскажу и вы увидите, что я совершенно правъ и не будете ни осуждать меня, ни нападать на меня.

— Я слушаю.

Стасскій, наконецъ, сѣлъ. До этого онъ все стоялъ и заставлялъ стоять другихъ.

IX.

— Дѣло въ томъ, — спокойно началъ Яковъ Кронидовичъ, усаживаясь въ кресло противъ Стасскаго, сѣвшаго на диванѣ, — дѣло въ томъ, что четыре дня тому назадъ въ Энскѣ, на кирпичномъ заводѣ Русакова, несмотря на Русскую фамилію — еврея, было найдено тѣло христіанскаго мальчика Ванюши Лыщинскаго... Тѣло было подвергнуто вскрытію и погребено. Уголовная полиція приступила къ розыску. Но тутъ въ народѣ пошла молва, что убійцами являются евреи и что мальчикъ убитъ съ ритуальною цѣлью для полученія крови... Дѣйствительно...

— Охъ и слушать не хочу отъ васъ, — простоналъ Стасскій.

— Дѣйствительно, — спокойно продолжалъ Яковъ Кронидовичъ, — совершеніе убійства передъ самою еврейскою пасхою, на землѣ, принадлежащей весьма набожному еврею, гдѣ должны были быть торжества освященія закладки богадѣльни для евреевъ и синагоги при ней...

— Это не доказано, — прервалъ Стасскій, — что преступленіе совершено на землѣ Русакова.

— Но трупъ найденъ тамъ...

— Трупъ... да... Но убійство не тамъ, — почти крикнулъ Стасскій.

— Обезкровленіе трупа...

— Не доказано, — уже прокричалъ Стасскій.

— Вотъ я и вызванъ для того, чтобы или доказать это, или опровергнуть... И завтра я выѣзжаю въ Энскъ, чтобы сдѣлать новый осмотръ тѣла мальчика.

— Или докажите, что тѣло не было обезкровлено... или, еще лучше, не ѣздите совсѣмъ... Заболѣйте, — сердито сказалъ Стасскій.

— Но, почему Яковъ Кронидовичъ, долженъ ѣхать съ тою, или другою предвзятою мыслью, — вмѣшался Панченко, мягкимъ голосомъ, казалось, старавшійся успокоить разсерженнаго старика. — Онъ постановитъ по совѣсти. Почему ему не ѣхать?

— Почему?.. Почему?.. Почему?.. — зарычалъ на Панченко Стасскій, — да потому, почтенный мой, что это все выдумки черной сотни, это придумано полиціей, чтобы вызвать еврейскій погромъ.

— Да на что полиціи погромъ? — сказалъ Панченко.

— На что? Усердіе свое показать и поживиться на немъ. Вы думаете — околодочные надзиратели теперь не обходятъ богатыхъ евреевъ Энска и не взимаютъ мзду за то, что ихъ при погромѣ не тронутъ?

— Вотъ это, дѣйствительно, доказать надо, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ. — Чего вы хотите, Владиміръ Васильевичъ? Чтобы преступленіе осталось безнаказаннымъ? Вы говорите о погромѣ! Но именно — молчаніе правосудія, не розыскъ виновныхъ въ убійствѣ мальчика, оставленіе этого дѣла въ темнотѣ — вотъ такое отношеніе къ этому страшному дѣлу можетъ вызвать въ толпѣ погромъ. Ибо, чѣмъ темнѣе толпа, тѣмъ больше въ ней исканія и жажды правды.

— Правда въ еврейскомъ погромѣ? — наступая на Якова Кронидовича, — въ негодованіи воскликнулъ Стасскій.

— Правда въ раскрытіи преступленія, и Государь Императоръ совершенно правъ, приказывая раскрыть это дѣло до дна.

— Значитъ и Николай II замѣшанъ въ кровавомъ навѣтѣ на евреевъ? — спросилъ злобно Стасскій.

— Ни о какомъ кровавомъ навѣтѣ нѣтъ никакой рѣчи, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ. Онъ тоже разгорячился и взволновался. — Никто евреевъ въ цѣломъ не обвиняетъ. Въ каждомъ народѣ есть свои изувѣрческія секты, есть просто изувѣры и правительство обязано съ ними бороться. Это его долгъ!

— Въ еврействѣ нѣтъ сектъ. Еврейство едино, — вставилъ Стасскій, но не могъ остановить Якова Кронидовича, который настойчиво продолжалъ:

— Въ каждомъ народѣ есть свои изувѣры... И, если правительство нисколько не стѣсняясь, въ широкихъ рамкахъ поднимало дѣла о православныхъ изувѣрахъ — о скопцахъ, хлыстахъ, о дыромолахъ, привлекало къ нимъ массу подсудимыхъ и жестоко ихъ карало не за вѣру, а за изувѣрство, если правительства Запада поднимали дѣла о черной мессѣ и кровавыхъ жертвахъ сатанѣ, почему оно должно молчать, когда это касается изувѣрства еврейскаго.

— Средніе вѣка!.. средніе вѣка! — зажимая уши кричалъ Стасскій. — Въ угоду толпѣ вы хотите раздражать міровое еврейство! Поплатитесь за это. Россія въ долгахъ... Россія нуждается въ займахъ... А вы опять раздразните Шиффа!..

— Нѣтъ Владиміръ Васильевичъ. Отнюдь не въ угоду толпѣ, а ради удовлетворенія справедливыхъ требованій народа.

— Народъ, народъ! Что вы мнѣ толкуете о народѣ. Точно я не знаю, что такое народъ?

— Думаю, что вы не знаете. Вы считаете, что народъ и пролетаріатъ одно и тоже. Жестоко ошибаетесь: народъ не пролетаріатъ. Пролетаріатъ такъ же откололся отъ народа, какъ откололась отъ него интеллигенція. Пролетаріатъ это отбросъ народный. Ваши комическія партіи, всѣ эти эръ-деки, эсъ-эры, кадеты съ ихъ комитетами народу никакъ не нужны. Онѣ ему просто непонятны. Народу нужна правда. Эту правду онъ видитъ въ царѣ...

— До Бога высоко до царя далеко, — вставилъ Стасскій.

— Если уже надо замѣнять существующій порядокъ и свергать царя — то народу надо выставить какой то высшій, общій и доступный ему идеалъ — и этого идеала интеллигенція съ ея партіями ему не даетъ. Нѣтъ его и у настроеннаго интеллигенціей пролетаріата. Есть только слова — и тѣ чужія — еврея Карла Маркса... Въ партіяхъ — слова. На болтовнѣ далеко не уѣдешь. Народу нужна правда. Эту правду ему хочетъ дать Государь и я ѣду, чтобы у трупа спросить, кто и какъ его убилъ?

Послѣднія слова Яковъ Кронидовичъ произнесъ съ особенною силою, въ упоръ глядя острыми сверкающими глазами въ глаза Стасскаго.

Стасскій хотѣлъ что то возражать, но въ это время дверь въ кабинетъ пріотворилась и въ нее показалась Валентина Петровна.

— Яковъ Кронидовичъ, — сказала она. — Обри пріѣхалъ. Можно начинать?

Стасскій точно обрадовался тому, что споръ этимъ былъ прерванъ.

— Остаюсь при своемъ мнѣніи, — важно сказалъ онъ, — вамъ ѣхать никакъ не надо... И вы и не поѣдете... Ну, идемте слушать...

И онъ первый направился въ двери гостиной. За нимъ пошелъ Полуяновъ, Яковъ Кронидовичъ и Панченко. Послѣднимъ выходилъ Петрикъ.

X.

Все то, что слышалъ сейчасъ Петрикъ казалось ему ужаснымъ. Если бы онъ прочелъ это въ книгѣ — онъ не повѣрилъ бы ни одному слову, и въ негодованіи отшвырнулъ бы эту книгу. Передъ нимъ опять открывался новый міръ, котораго онъ не зналъ. На двадцать восьмомъ году жизни онъ первый разъ узналъ о партіяхъ и услышалъ такія страшныя слова! Государя

Императора назвали просто: — Николай II... О Суворовѣ — кого онъ боготворилъ, о Скобелевѣ, кто былъ его идеаломъ, сказали ужасныя слова! О Богѣ!.. О Христѣ!.. о законѣ, о государствѣ! И кто говорилъ?! Первый умъ Россіи — Стасскій, другъ Толстого и философа Соловьева... Петрикъ молчалъ. Что онъ могъ сказать, вставить, или возразить, когда онъ ничего не понималъ и только чувствовалъ, что все, что говорилось Стасскимъ ужасно? Къ Якову Кронидовичу за то онъ проникся громаднымъ уваженіемъ и подумалъ, что божественная, госпожа наша начальница имѣетъ достойнаго мужа. Онъ шелъ сзади Панченки пришибленный и придавленный. Полутьма кабинета съ волнами табачнаго дыма, стоявшими въ немъ давила его. Тѣмъ болѣе ослѣпилъ его блескъ ярко освѣщенной, сверкающей дамскими туалетами гостиной. И первую онъ увидѣлъ — Валентину Петровну. Она усаживалась на табуретѣ подлѣ раскрытаго рояля. Петрикъ увидалъ, что то нѣжное, розовое, воздушное, подобное цвѣтку розы. Блѣдно розовое легкое платье было украшено полоской вышитой мелкими жемчужинами вокругъ открытаго вырѣза у шеи и короткихъ широкихъ рукавовъ и на поясѣ. Въ золотыхъ волосахъ сквозила розовая лента. Отъ этого платья кожа лица, груди и обнаженныхъ рукъ казалась несказанно нѣжной и матовой. Валентина Петровна казалась моложе, юнѣе, сверкала прелестью свѣжести и невинности. Это была не та красавица въ строгомъ городскомъ tailleur'ѣ, которую онъ увидалъ сегодня днемъ послѣ семи лѣтъ разлуки. Дѣвочкой Петрикъ любилъ ее и мечталъ еще кадетомъ о королевнѣ весенней сказки Захолустнаго Штаба. Онъ былъ тайно влюбленъ въ нее, когда танцовалъ съ нею юнкеромъ и называлъ — божественной. Ея юная, мягкая прелесть дѣвушки подавляла его и онъ назвалъ ее госпожей нашей начальницей. Днемъ — она была удивительно проста, мила и ласкова съ нимъ. Съ ней было уютно, и онъ смогъ даже говорить въ прежнемъ шутливомъ тонѣ, — сейчасъ въ этомъ воздушномъ вечернемъ платьѣ, ярко освѣщенная сверху отъ люстры и отъ лампъ, стоявшихъ на роялѣ, снова стала

она недостижимой, далекой отъ него, королевной сказки Захолустнаго Штаба. Ему даже страшно было смотрѣть на нее — такъ была она прекрасна... Но онъ не могъ оторвать отъ нея глазъ. Онъ смотрѣлъ, какъ, усаживаясь и оправляя волны розовой матеріи, она чуть нагнулась и потомъ прищурила потемнѣвшіе глаза. Ея руки сверкали и были нѣжнѣе шолка, краше окаймлявшихъ ихъ жемчужинъ.

Гостиная была полна людей. На диванѣ волны газа цвѣта желтой розы, прелестная головка и блескъ черныхъ волосъ, тамъ легкій шелковистый бархатъ обрамлялъ красивое лицо блондинки... Никто не думалъ его представлять дамамъ. Валентина Петровна ушла въ ноты. Яковъ Кронидовичъ обтиралъ замшевымъ платкомъ віолончель; какой то черный маленькій, худой человѣкъ во фракѣ усаживался подлѣ Валентины Петровны и подкладывалъ къ плечу платокъ, упирая въ него скрипку. Готовился концертъ. Было не до представленій и знакомствъ. Стасскому Панченко подвинулъ тяжелое кресло на самую середину гостиной и тотъ важно усѣлся на немъ. Оставался только тоненькій золоченый стульчикъ, стоявшій въ простѣнкѣ между оконъ подлѣ бронзовыхъ часовъ и корзины съ цвѣтущей азалеей. Онъ былъ слишкомъ на виду и Петрикъ не рѣшался сѣсть на него.

Тутъ увидалъ онъ вдругъ Портоса. Штабсъ-капитанъ Владиміръ Николаевичъ Багреневъ стоялъ на другой сторонѣ гостиной у двери въ прихожую. Онъ былъ въ длинномъ сюртукѣ съ эполетами. Онъ небрежно заложилъ руку въ карманъ, откинувъ бѣлую подкладку полы сюртука, и прислонился къ притолокѣ. Портосъ показалъ Петрику глазами, чтобы онъ не «рипался» и садился на стуликъ и Петрикъ покорно сѣлъ въ натянутой позѣ. Валентина Петровна ударила пальцемъ по клавишѣ, давая тонъ. Ей отвѣтила скрипка, потомъ віолончель. Въ залѣ наступила полная, точно священная тишина.

Петрикъ чувствовалъ себя ужасно неловко.

Валентина Петровна посмотрѣла блестящими, ку-

да то далеко, далеко ушедшими глазами на чернаго человѣчка со скрипкой и, молча, кивнула ему головой.

Концертъ начался.

XI.

Играла одна скрипка. Она разсказывала о чемъ то мирномъ и тихомъ, далекомъ и прекрасномъ, какъ дѣтство, какъ мамина сказка, какъ раннія дѣвичьи мечты. Звуки крѣпли, росли и къ ней пристала віолончель. Теперь два инструмента слились въ одинъ дружный хоралъ и будто говорили о счастьѣ, о покоѣ... Рояль лишь изрѣдка, то тутъ то тамъ — точно вздохнетъ, будто предупредитъ о чемъ то и притихнетъ. Звуки росли, ширились, рояль загремѣлъ во всю, почти заглушая скрипку и віолончель. Подъ прекрасной, тонкой шелковистой кожей играли и прыгали мускулы рукъ Валентины Петровны и быстро-быстро бѣгали по клавишамъ ея тонкіе пальчики и Петрику казалось что они переломятся отъ сильныхъ, рѣзкихъ ударовъ.

Всѣ молчали, благоговѣйно слушая. Въ двухъ шагахъ отъ Петрика, красивая брюнетка, сидѣвшая съ вышиваніемъ, откинула работу и, положивъ руки на колѣни, смотрѣла вдаль задумчивыми синими глазами. Точно, слушая игру, она что то видѣла. Стасскій, въ креслѣ, выдвинутомъ на середину зала, полузакрывъ глаза, щурился и кривая усмѣшка застыла въ морщинистыхъ губахъ. Генералъ Полуяновъ нагнулъ на бокъ голову и смотрѣлъ на концы своихъ лаковыхъ ботинокъ. На диванѣ полная, красивая дама въ пепельно-русыхъ волосахъ мечтательно задумалась. Дама въ платьѣ желтой розы смотрѣла, не сводя глазъ, съ играющихъ. Портосъ, стоявшій у двери, не шелохнулся. И въ залѣ точно и не было людей, но лились, звучали, пѣли, рыдали, плакали, разсказывали что то длинное, значительное и вмѣстѣ съ тѣмъ простое звуки рояля, скрипки и віолончели.

И, когда они кончились на сильныхъ, мощныхъ

вскрикахъ, нѣсколько мгновеній еще стояла тишина. Ее нарушила Валентина Петровна. Она встала, ногою отодвигая съ шумомъ табуретъ.

— Удивительно, — сказала голубоглазая красавица. — Валя, что это такое?

Стасскій метнулъ на нее негодующій взглядъ.

— Это Largo Генделя. Вещь, написанная для оркестра. Мы изобразили ее, какъ могли, — сказала Валентина Петровна.

— Такою мастерскою игрою, — сказалъ, вытирая скрипку Обри, — вы, Валентина Петровна, вполнѣ замѣнили оркестръ. Я временами забывалъ даже, что играю подъ рояль.

— Мнѣ все это напомнило, — продолжала дама, складывая работу, — жизнь...

И, почувствовавъ на себѣ острый вопросительный взглядъ Стасскаго, она продолжала

— Нѣтъ... въ самомъ дѣлѣ, Валя, ты не находишь?.. Не смѣйтесь, Владиміръ Васильевичъ, я знаю, какой вы злой и нехорошій... Начала, и такъ нѣжно, нѣжно скрипка... Вы, Карлъ Альбертовичъ, превзошли себя, — обернулась она къ скрипачу. — Это... какъ дѣтство... а потомъ все больше, страстнѣе, сильнѣе, грознѣе наростали звуки... Развѣ не такъ?.. Можетъ быть я не ясно говорю... Пришла страсть и принесла волненіе и горе.

— Нѣтъ, Вѣра, совсѣмъ ясно... — сказала съ легкимъ вздохомъ Валентина Петровна. — И правда — живешь, а жизнь становится сложнѣе... Задаетъ новые и новые вопросы... Кто знаетъ?.. Что ждетъ еще насъ... А тамъ... въ дѣтствѣ... когда одна скрипка... такъ было хорошо...

— У васъ, Валентина Петровна, — улыбаясь и улыбкой этой, какъ бы приглашая послушать, что онъ скажетъ, — сказалъ Полуяновъ — есть віолончель... Она васъ всегда поддержитъ.

— А налетитъ грозою оркестръ... сомнетъ и скрипку и віолончель...

Валентина Петровна улыбнулась. Но въ улыбкѣ ея были печаль и грусть.

— Надежда Алексѣевна, — сказала она, — вы не откажете?

Молодая дѣвушка встала съ дивана.

— Андрей Андреевичъ, — сказала она черному, заросшему бородой по самыя брови человѣку — пожалуйте.

Тотъ подошелъ къ роялю и сталъ раскладывать ноты.

Вечеръ шелъ, и Валентина Петровна должна была имъ гордиться. Ея гости безъ картъ и сплетень не скучали. Она привлекла на свой концертъ лучшія молодыя силы Петербурга.

Пѣвица Тверская, подошедшая къ роялю была восходящее свѣтило, отмѣченное критикой: — Михаилъ Михайловичъ Ивановъ ей посвятилъ цѣлый фельетонъ въ «Новомъ Времени», и въ воскресномъ прибавленіи былъ только что помѣщенъ ея портретъ. Ее смѣнилъ Обри, лучшій артистъ оркестра Императорской оперы, игравшій соло подъ аккомпаниментъ Валентины Петровны. Потомъ играла одна Валентина Петровна, съ такою техникою, съ такимъ нѣжнымъ «туше» и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такою мощною силою, и съ такою душою, что даже Петрикъ смогъ сосредоточиться. Портосъ не сводилъ съ нея восторженнаго взгляда... Еще была віолончель и, уже за полночь, Валентина Петровна ласково мигнула отъ рояля стройной брюнеткѣ, о которой Петрикъ, перемѣстившійся поближе къ Портосу узналъ, что это Лидія Ѳедоровна Скачкова, оставившая сцену и эстраду, но еще недавно блиставшая и на той и на другой — и та поднялась съ дивана.

Рояль брызнулъ нѣжными, тонкими звуками... Будто сильнѣе пахнуло гіацинтами. Петрику показалось, точно кто открылъ какую то дверь и за ней показался садъ залитый луной.

Свѣжій голосъ раздался по залу:

— Погоди!.. для чего торопиться
Вѣдь и такъ жизнь несется стрѣлой.

Романсъ Чайковскаго внесъ свѣжесть, чистоту и

красоту и околдовалъ всѣхъ. Только Стасскій крутилъ недовольно головой.

И когда послѣ заключительныхъ словъ:

— Милый другъ — это жизнь, а не грезы...
Жизнь летитъ... Погоди, погоди...

Еще точно капали звуки рояля, срывая нѣжныя, какъ брызги росы, звенящія ноты, онъ недовольно всталъ.

— Старо... старо... Лидія Ѳедоровна... Этого не надо пѣть.

— Это... Чайковскій...

— Ну что такое Чайковскій!.. Пушкинъ... Чайковскій... Глинка... Достоевскій... Нельзя... Это все тянетъ опять къ нашему средневѣковью... Гхы! Помѣщичьи усадьбы... Чистыя дѣвушки... Возвышенная любовь... Погоди! Для чего торопиться?.. А за этимъ человѣческія бѣдствія, безумія, несправедливости, насилія и варварство, военная служба... Гхы!.. Налоги, тюрьмы, палачи, каторга, суды... вотъ гдѣ жизнь, а не грезы...

— Но этого нельзя пѣть? — сказала Лидія Ѳедоровна.

— А почему?

— Не пѣть-же мнѣ интернаціоналъ? — очаровательно улыбаясь, сказала она, и пошла къ дверямъ столовой, куда звала хозяйка къ ужину.

Въ дверяхъ Валентина Петровна, пропускавшая и усаживавшая гостей остановила Петрика.

— Не слишкомъ скучали, милый Петрикъ?

— Ахъ нѣтъ, божеств... — но, замѣтивъ строгій взглядъ, онъ добавилъ, — Валентина Петровна... Было такъ прекрасно.

— А Largo вамъ понравилось?

— Это, что первое вы втроемъ играли?

— Да.

— Очень.

— А что вамъ напомнило?

— Мнѣ... Большой четырехъ верстный стипль-чезъ. Тоже сначала идешь легкимъ кентеромъ, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе и послѣ послѣдняго препятствія,

хворостяного барьера, совсѣмъ ляжешь по Слоановски на шею лошади, и идешь въ полномъ посылѣ — и поводомъ, и шпорами, и крутишь хлыстомъ... Къ призовому столбу.

— Тише, Петрикъ... Смотрите: — мнѣ можно, но другому никому не подумайте сравнивать Largo Генделя съ большимъ стипль-чезомъ... Садитесь вонъ тамъ, подлѣ Лидіи Ѳедоровны... Съ ней можете говорить и о лошадяхъ, но, конечно, безъ такихъ сравненій.

Мужчины кончали закусывать у особаго столика. Холодная лососина лежала блѣднорозовымъ островомъ между желтаго и краснаго галантина... Таня обносила блюдомъ. Столовая гудѣла довольными, счастливыми голосами. Вечеръ Валентины Петровны удался на славу!

О немъ будутъ говорить въ Петербургскихъ гостиныхъ.

XII.

На другой день, въ семь часовъ утра, Валентина Петровна провожала мужа на Витебскій вокзалъ. Ермократъ съ Таней поѣхали впередъ съ вещами. Садился туманъ, обѣщая прекрасный день. По сторонамъ улицы вдоль панелей лежали большія кучи ржаваго снѣга, но ѣзда еще была на саняхъ. Ихъ извощикъ обгонялъ большія завѣшанныя рогожами койки, нагруженныя снѣгомъ. Крупные, могучіе битюги, напрягая широкіе зады въ сбруѣ, украшенной мѣдными бляхами тащили ихъ по обледенѣлой мостовой, лишь коегдѣ прикрытой снѣгомъ. Легкій паръ поднимался отъ лошадей и сладко пахло талымъ снѣгомъ, конскимъ потомъ, дегтемъ и еще чѣмъ то особеннымъ, радостнымъ, будто весеннимъ. На Николаевской была утренняя тишина. Улица была пуста. Дворники скребли панели и посыпали ихъ желтымъ пескомъ. Сзади гудѣлъ трамваями Невскій, впереди туманы клубились, закрывая выступъ и поворотъ у Ямского рынка. Чуть-чуть морозило.

Валентина Петровна въ сѣрой бѣличьей шубкѣ — сакъ, мѣхомъ наружу, съ такою же муфтой и шапочкой сидѣла въ тѣсныхъ саняхъ рядомъ съ мужемъ. Яковъ Кронидовичъ въ черномъ пальто съ барашковымъ воротникомъ и каракулевой остроконечной шапкѣ, слегка примятой на верху, походилъ на священника. Онъ былъ блѣденъ, усталъ и задумчивъ. Сладкая нѣжность къ милой красавицѣ женѣ, гордость ея вчерашнимъ успѣхомъ, печаль разлуки и какая то неудовлетворенность отъ ея словно брезгливой холодности къ нему, создавали въ душѣ его сложное чувство, гдѣ было много любви, но куда закрадывалась, можетъ быть, ревность. Мысли бѣжали вразбродъ. Онъ не могъ собрать ихъ. Какъ никогда еще раньше вставало въ немъ всегдашнее противорѣчіе его натуры: — художника, артиста, музыканта, всецѣло уходившаго въ музыку, любителя прекраснаго и влюбленнаго въ свою жену — и холоднаго, пытливаго прозектора у самой смерти спрашивающаго ея тайну.

Онъ вспоминалъ вчерашній вечеръ. Стасскій... старикъ... уродъ... съ какими странными и рѣзкими обо всемъ сужденіями, — а, посмотрите, какой вездѣ успѣхъ! Женщины благоговѣютъ передъ нимъ, министры съ нимъ считаются. Его боятся. Онъ масонъ... Не въ этомъ, конечно, дѣло... Но почему же, какъ о томъ слышалъ Яковъ Кронидовичъ, на балетныхъ ужинахъ красивыя танцовщицы его общество предпочитаютъ молодежи... Его слушаютъ... Дерзновеніе его чаруетъ, и среди молодежи у него множество поклонниковъ. Первый умъ Россіи! Этотъ первый умъ Россіи настойчиво отговаривалъ его ѣхать въ Энскъ! Онъ грозилъ ему. Стасскій въ своемъ страшномъ дерзновеніи точно зналъ нѣчто большее, чѣмъ знаютъ люди. Онъ что то предвидѣлъ, а главное, у него не было ничего святого. Теперь такой наступаетъ, видно, вѣкъ, когда не святые влекутъ за собою, а тѣ, кто отрицаетъ святость и не признаетъ Бога. Вѣкъ Сатаны и Антихриста. Вотъ и то дѣло, по которому онъ ѣдетъ, тоже дѣло Сатаны... Кровавый навѣтъ?.. Но трупъ ему скажетъ, что это такое — навѣтъ, или точно ужасная кровавая тайна, такъ

тщательно всѣми оберегаемая? Стасскій — масонъ. Но, если масонъ — онъ не можетъ отрицать Бога... А, что если — и у него есть свой темный уголокъ души, гдѣ тоже горитъ какая то лампада, но затеплена она не передъ Христомъ - Спасителемъ міра, а передъ тѣмъ страшнымъ Богомъ, кому и посейчасъ приносятъ человѣческія жертвы... Въ Энскѣ онъ это узнаетъ. Онъ не ошибется, и очная ставка его съ мертвецомъ скажетъ ему, есть, или нѣтъ этотъ жестокій, мстительный Богъ, Кому служатъ евреи и за кѣмъ послушно идетъ наша передовая интеллигенція. Или это — кровавый навѣтъ?

Простое вскрытіе тѣла для надобностей уголовнаго розыска вырастало въ глазахъ Якова Кронидовича въ дѣло огромной, міровой важности; онъ касался не простого убійства, а какой то тайны связывавшей страшными узами множество людей. И Стасскаго въ томъ числѣ... Какое дѣло Стасскому до этого убійства?

Мысль перескочила на ихъ вчерашнюю игру, на такъ удавшійся вечеръ. Все — и ужинъ, какъ завершеніе всего, было прекрасно. Онъ повернулъ лицо къ Валентинѣ Петровнѣ. Это ей, одной ей, онъ обязанъ красотою и уютомъ своего семейнаго очага. Подъ темною вуалью съ мушками ея лицо казалось еще милѣе. За газомъ вуали скрывалась загадка ея прекрасныхъ глазъ и такъ мило чуть намокла вуаль на морозѣ отъ ея дыханія у маленькихъ губъ.

— Марья-то какъ вчера отличилась, — сказалъ онъ.

— Да?.. Правда?.. Тебѣ понравилось?.. Мнѣ казалось, всѣ, даже Стасскій, ѣли съ аппетитомъ... А какъ волновалась!.. Когда пѣла Тверская и я была свободна — я забѣжала на кухню. Марья стоитъ надъ плитою и плачетъ. Ей показалось — она перепарила рыбу...

— И ничуть не перепарила, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ.

Сани стукнули о камень и заскрипѣли желѣзнымъ подрѣзомъ по мостовой, сползая къ панели. Яковъ Кронидовичъ рукою охватилъ за талью жену. Она брезгливо поежилась. Онъ замѣтилъ ея движеніе и отнялъ руку.

Да, что-то есть въ ихъ отношеніяхъ, что всегда острымъ холодомъ колетъ его сердце. Опять вспомнилъ вчерашнее. Какъ поверхъ нотъ на своемъ пюпитрѣ онъ видѣлъ высокую фигуру красиваго офицера въ длинномъ сюртукѣ на бѣлой подкладкѣ. Азалея, что стояла на отдѣльномъ табуретѣ подлѣ часовъ — была отъ него. Очень дорогая азалея... А на какомъ основаніи?.. Друзья дѣтства? Это дѣтство забыть пора... И не нравились ему эти странныя прозвища и имена. Портосъ... Петрикъ... Портосъ? Его фамилія Багреневъ... Багреневъ... Багровый, Багрянородный... Или очень что то большое, или оперетка... Почему ему такъ непріятенъ этотъ прекрасный молодой человѣкъ? Петрикъ ничего. И выпить не дуракъ и очень милый. Въ его глазахъ, — обожаніе Валентины Петровны... Обожаніе — не любовь... Неужели — ревность? И вспомнилъ ея чуть замѣтное подъ шубкой брезгливое движеніе. Надоѣлъ?.. Удѣлъ мужей?.. И хотѣлъ спросить. Но что спросить?.. Такихъ словъ, чтобы спросить у него не было. Думалъ о ревности. О! сколько труповъ дала ему эта страшная... страшная? болѣзнь что ли? Сколькихъ онъ вскрывалъ съ огнестрѣльными ранами, съ ядами въ кишечникѣ, съ лицами черными отъ сѣрной кислоты... Нѣтъ... Ревность?.. Нѣтъ!..

— Тебѣ холодно? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ... Очень хорошо. Смотри! солнце восходитъ.

За Ямскимъ рынкомъ Николаевская стала очень широкой и точно провинціальной. Изъ воротъ Богдановскаго дома легкимъ, упругимъ движеніемъ, точно не касаясь копытами снѣга выходилъ рысакъ, накрытый тяжелымъ ковромъ, запряженный въ легкую американку. Конюхъ въ одной темносиней суконной поддевкѣ безъ рукавовъ бѣжалъ рядомъ, придерживая поводкомъ. И этотъ рысакъ на широкомъ просторѣ улицы съ бѣлымъ неглубокимъ снѣгомъ, и низкія постройки сараевъ Л.-Гв. Егерскаго полка, замыкавшія улицу, и желтая полоса неба за ними, на которой четко рисовались застекленныя трибуны бѣгового павильона, и красное солнце тихо поднимавшееся надъ широкими

просторами города, и свистки паровозовъ — все было легко, красиво и такъ по домашнему мирно, что не хотѣлось думать о тяжеломъ и темномъ.

По плацу, вдоль деревяннаго забора ипподрома сани бѣжали легко. Лошадь весело попрыгивала, извощикъ стучалъ кожаной рукавицей по желѣзному передку саней. Комья снѣга летѣли назадъ и серебряными брызгами попадали на синюю суконную полость, обшитую чернымъ козлинымъ мѣхомъ.

Справа тянулись заборы Офицерскаго стрѣльбища и тамъ рѣдко пощелкивали выстрѣлы. Слѣва показалась старая сѣрая, неуклюжая, разлатая постройка манежа Боссе. Валентина Петровна посмотрѣла на него и робко сказала:

— Ты уѣзжаешь надолго?

— Я самъ хорошенько не знаю. Дѣло въ томъ, что профессоръ Аполоновъ давно мнѣ писалъ, что онъ хотѣлъ бы этимъ лѣтомъ поѣхать въ отпускъ. Мнѣ могутъ поручить замѣнить его на это время въ Анатомическомъ театрѣ... Тогда я мѣсяца два останусь въ Энскѣ. Мнѣ намекали вчера въ Совѣтѣ, что послѣ этого я могу здѣсь получить каѳедру судебной медицины... Вотъ ты и станешь... профессоршей... ваше превосходительство... — пошутилъ Яковъ Кронидовичъ.

— Какъ же я буду одна?

— Если я задержусь, можетъ быть, поѣдешь въ Захолустный Штабъ... Старики, поди, такъ рады будутъ...

— Вотъ что я хотѣла попросить тебя... — робко сказала Валентина Петровна.

— Ну?

— Позволь мнѣ ѣздить верхомъ... Ты знаешь, какъ я любила верховую ѣзду... На островахъ весною такъ хорошо... Портосъ мнѣ предложилъ...

Она ждала отвѣта. Яковъ Кронидовичъ молчалъ и она чувствовала, что онъ недоволенъ ея просьбою. Они подъѣзжали къ вокзалу. На его ступенькахъ ихъ ожидалъ Ермократъ.

— Или съ Петрикомъ, — съ отчаяніемъ сказала

Валентина Петровна, вылѣзая изъ саней. — У него тоже есть лошадь.

Яковъ Кронидовичъ точно не слышалъ ея словъ. Онъ заговорилъ, поднимаясь по лѣстницѣ съ Ермократомъ. Валентина Петровна шла сзади. На Ермократѣ были такое же пальто и шапка, какъ у его барина — только все старое и порыжѣлое. Валентина Петровна съ отвращеніемъ смотрѣла на худую длинную плоскую спину Ермократа, на рыжіе клочья волосъ, выбивавшіеся изъ подъ шапки, точно волчья шерсть, на его длинныя руки вылѣзавшія изъ рукавовъ и короткія ноги. «Совсѣмъ обезьяна», — думала она.

Они стояли у вагона. Ермократъ, разставивъ ноги, говорилъ Якову Кронидовичу, показывая, что онъ все понялъ и усвоилъ:

— Профессора Косоротова въ первую голову, — понимаю, понимаю-съ, — кивалъ онъ птичьею головою съ острымъ носомъ въ оспенныхъ рябинахъ. — Печень съ желудкомъ въ совѣтъ Финогенову... Того, что третьяго дня потрошили зашить и къ погребенію... Безъ записки, пожалуй, не дозволятъ. Ага, есть ваша записочка... Слѣдователю извѣстно... Понимаю... Понимаю-съ... Содержимое желудка запечатать...

Валентина Петровна старалась не слушать. Это напоминало ей то, что она всегда старательно прогоняла отъ себя — страшную профессію мужа. Это заглушало звуки віолончели и обаяніе ихъ совмѣстной игры, это дѣлало прикосновенія его руки обидными и противными. Это лежало между ними.

— И береги, Ермократъ, барыню... Понялъ...

Пора было садиться въ вагонъ. Они простились, поцѣловались. Деликатная, чуткая Таня стала въ сторонѣ. Яковъ Кронидовичъ тяжело вошелъ въ вагонъ, спустилъ окно, сталъ у него.

— Ну, будь здорова!

Валентина Петровна подняла вуаль и положила ее по краю шляпы. Ея лицо было грустно, глаза печально улыбались. Нѣга и ласка, казалось, появились въ нихъ. Она показалась Якову Кронидовичу такой молодой, прекрасной, какъ та дѣвушка, въ которую онъ сразу

влюбился въ Захолустномъ Штабѣ. Ему стало жаль ее, одинокую.

Поѣздъ медленно тронулся. Она пошла рядомъ съ вагономъ и вынула маленькій платочекъ не то для того, чтобы помахать имъ, не то, чтобы утереть слезы разлуки.

Это очень тронуло Якова Кронидовича. Въ мягкой шубкѣ, съ приподнятой надъ бровями вуалью, съ румяными отъ мороза щеками она казалась нѣжной, юной и безпомощной. И ему стало жаль ея одиночества. У него наука, вѣчное исканіе правды — а у нея — одна молодость... И хочетъ эта молодость простора.

Вагонъ обгонялъ ее, уже совсѣмъ быстро идущую.

— Съ Петрикомъ можно! — крикнулъ Яковъ Кронидовичъ и увидалъ, какъ благодарная улыбка освѣтила ея лицо.

Она замахала платочкомъ.

Со сжавшимся отъ любви и жалости къ ней сердцемъ Яковъ Кронидовичъ смотрѣлъ, какъ становилась она все меньше, исчезая въ толпѣ провожающихъ. Уже не стало видно ея платочка надъ темными шляпами. Оборвалась платформа. Клубъ бѣлаго пара накрылъ ее и когда вѣтеръ отогналъ его, стали видны снѣга и черныя проруби на Введенскомъ каналѣ.

Яковъ Кронидовичъ поднялъ окно и вошелъ въ свое отдѣленіе.

XIII.

На другой день, подъ вечеръ, Яковъ Кронидовичъ пріѣхалъ въ Энскъ.

Здѣсь снѣга и въ поминѣ не было. Парный фаэтонъ повезъ Якова Кронидовича по широкому шоссе отъ вокзала къ городу. Въ мягкомъ сумракѣ, — еще догорала вечерняя заря и впереди за городомъ пламенѣло небо — казались задумчивыми большія деревья садовъ. Налитыя бодрыми весенними соками вѣтви были густы. Въ воздухѣ пахло каменнымъ углемъ и свѣ-

жестью почекъ. Кусты сирени за деревянными заборами чернѣли темною зеленью еще не развернувшейся листвы. Желтый дротъ бросилъ золотыя блестки цвѣтовъ. По городу зажигались огни. Широкій проспектъ спускался съ горы. По панелямъ сплошною толпою вдоль ярко освѣщенныхъ магазиновъ шли люди. Ихъ говоръ доносился до Якова Кронидовича. Отъ мягкаго малороссійскаго, пѣвучаго языка вѣяло Русскою стариною. Новыя, большія пятиэтажныя громады перемежались старыми уютными двухъ этажными домами. Вдругъ станетъ среди нихъ на маленькой площади старинная церковь, и привѣтно свѣтятся красными огнями ея стрѣльчатыя въ желѣзныхъ рѣшеткахъ окна. Русь покажетъ свое древнее лицо. И опять громадные дома, вывѣски, игра огней электрическихъ рекламъ «иллюзіоновъ»... На вывѣскахъ магазиновъ и банковъ мелькали еврейскія имена Бродскихъ, Канторовичей, Рабиновичей, Добренькихъ, Каценельсоновъ, но толпа была Русская съ веселымъ звонкимъ говоромъ и непохожая на Петербургскую.

Но все было тихо. Тутъ и не пахло погромомъ. По угламъ стояли бравые городовые. Были они не такъ щеголевато одѣты и не такъ молодецки выправлены, какъ столичные, но они внушали довѣріе.

«Не мы-ли сами, въ лицѣ Стасскихъ, въ лицѣ жадныхъ до сенсацій газетъ», — думалъ Яковъ Кронидовичъ, — «своими задорными статьями, своими рѣчами внушаемъ толпѣ погромы, а потомъ сами-же ее и бичуемъ за то, что мы ей внушили».

Онъ не поѣхалъ ни въ «Метрополь», ни въ «Эрмитажъ», громадные отели съ «европейскимъ комфортомъ», съ золочеными клѣтками лифтовъ, въ мальчиками шассерами въ короткихъ курткахъ, расшитыхъ золотыми шнурами, съ толпою слугъ въ обширной прихожей и съ полнымъ отсутствіемъ уюта. Его тошнило отъ этого слишкомъ подчеркнутаго комфорта. Онъ остановился въ боковой улочкѣ въ старой «Московской гостинницѣ». Здѣсь передняя была маленькая; широкая мраморная лѣстница вела во второй этажъ и тамъ вдоль корридора были просторные глубокіе номера. Здѣсь

жили по долгу. Вмѣсто проведенной горячей и холодной воды въ углу комнаты стоялъ большой умывальникъ съ мраморной доской и бѣлыми фаянсовыми тазами и кувшинами, на которыхъ лежали тщательно сложенныя тяжелыя полотенца.

Лакей, называвшійся здѣсь «номернымъ», или «коридорнымъ» и весело откликавшійся, когда его звали: — «человѣкъ», ходившій въ бѣлой рубахѣ и портахъ съ бѣлымъ передникомъ, распахнулъ высокія двери и, не зажигая огня, открылъ, чтобы прогнать гостиничную затхлость номера окна и сказалъ:

— Номерочекъ хоть куда. За окнами садъ имѣете. Тишина и благоуханіе, три рубля въ сутки, ежели помѣсячно, хозяинъ уступитъ. Прикажете самоварчикъ пока до ужина.

— Да, пожалуйста.

— Съ сайкой и заварными кренделями. Настоятельно вамъ рекомендую — сейчасъ горячіе получены.

— Да, съ сайкой и кренделями.

— И пожалуйте паспортъ для прописки. Теперь у насъ строго.

Мелькомъ взглянувъ на паспортъ, номерной сказалъ:

— Про васъ уже въ здѣшней газетѣ прописано. Освѣдомлены о вашей замѣчательной личности. Я вамъ подамъ-съ.

Въ ожиданіи чая съ сайкой и кренделями, Яковъ Кронидовичъ помылся, задернулъ оконныя портьеры, зажегъ огонь и просматривалъ принесенную ему номернымъ газету.

Въ льстивыхъ тонахъ, называя его профессоромъ и европейскою знаменитостью, писали, что взволнованное событіями этихъ дней и ожиданіемъ ужасовъ погрома Энское общество «ждетъ отъ профессора Тропарева, что онъ яснымъ умомъ своимъ и умѣніемъ все провидѣть сниметъ кровавый навѣтъ съ евреевъ, позорящій Русскій народъ». Въ статьѣ вспоминали, какъ онъ умѣлымъ анализомъ трупа Магноліева доказалъ, что общество стоитъ передъ самоубійствомъ и тѣмъ спасъ его жену отъ страшнаго обвиненія въ убійствѣ. «Мы

— и не только мы», — писалось въ газетѣ, — «но Европа и Америка съ трепетомъ будутъ прислушиваться, что скажетъ знаменитый профессоръ»...

«Да, вотъ оно что?» — подумалъ Яковъ Кронидовичъ. — «Пожалуй дѣло дошло уже до самого Шиффа, американскаго жида архимилліонера, ненавистника Россіи именно за погромы, которые ему докладываются въ непомѣрно прикрашенномъ видѣ. Если онъ тряхнетъ мошной — никто не устоитъ... Такая вакханалія пойдетъ... Ну, а какъ же все таки Ванюша Лыщинскій? Господинъ Шиффъ все таки подумалъ о томъ, что мальчикъ-то кѣмъ то убитъ?»

Въ дверь постучали. Яковъ Кронидовичъ, предполагая, что это номерной съ чаемъ, освободилъ мѣсто для самоварчика на столѣ и сказалъ:

— Войдите.

Но вмѣсто номерного въ бѣломъ, вошелъ очень черный, въ черномъ растрепанномъ фракѣ человѣкъ, съ маслянистымъ угреватымъ лицомъ. Гордый профиль большого его носа и вьющаяся черная борода показывали его мѣстное происхожденіе. Подъ мышкой у него былъ большой портфель.

Яковъ Кронидовичъ удивленно посмотрѣлъ на вошедшаго.

Въ номерѣ, подъ потолкомъ ярко горѣли три электрическія груши и въ блескѣ ихъ свѣта лицо незнакомца очень лоснилось. Пушистая черная бородка росла по щекамъ, подбородокъ и усы были сбриты и синѣли темною синевою.

— Профессоръ Тропаревъ, — протягивая сырую полную руку, сказалъ вошедшій, радостно улыбаясь, — ну, какъ я радъ!

Яковъ Кронидовичъ, человѣкъ мягкій и деликатный, невольно подалъ руку.

— Вы знаете, вы самое во время пріѣхали. Позвольте и мнѣ вамъ рекомендоваться. Сотрудникъ здѣшней газеты Одоль-Одолинскій, христіанинъ!.. Я прочелъ, что вы пріѣзжаете... Ну я, знаете, утромъ всѣ гостинницы обѣгалъ. Узнать, гдѣ заказана комната. Думалъ — вы въ «Эрмитажѣ» остановитесь... А вы вотъ гдѣ...

По старинкѣ... Хе... хе... Тутъ кормятъ, знаете, отлично... Пельмени... борщъ украинскій — это уже тутъ, знаете, одно объяденіе...

— Простите меня, — началъ Яковъ Кронидовичъ, — но Одоль-Одолинскій перебилъ его.

— Я понимаю, вы спрашиваете, почему я такъ вторгаюсь въ вашъ номеръ... Господинъ профессоръ, господинъ профессоръ, вы не знаете, что такое корреспондентъ большой газеты, если понимать это слово въ широкомъ европейскомъ... болѣе — американскомъ, подчеркиваю — американскомъ — смыслѣ!.. Мы должны все знать, мы должны упреждать событія... Современная газета — это, профессоръ... шестая держава! Мы больше можемъ, мы больше значимъ, чѣмъ самъ генералъ-губернаторъ. Не мы къ нему, онъ къ намъ посылаетъ: — пожалуйста разъясните, пожалуйста напечатайте...

Гость безцеремонно сѣлъ въ кресло и, вынувъ серебряный портсигаръ, украшенный золотыми монограммами и «сувенирами», досталъ папиросу и похлопалъ ею о ладонь.

— Вы позволите? — развязно сказалъ онъ.

Якову Кронидовичу ничего не оставалось, какъ сѣсть самому и закурить.

— Я не понимаю, — сказалъ онъ, — причемъ тутъ я.

— Вы... Да вѣдь вы выписаны слѣдственными властями произвести вторичное вскрытіе тѣла Ванюши Лыщинскаго?

— Да.

— Ну такъ я объ этомъ-же и говорю... Такъ я же хочу васъ направить на вѣрный слѣдъ. Я хочу вамъ сказать, что это напрасное таки дѣло. Потому что убійцы найдены, раскаялись и готовы принести повинную.

— Да я читалъ сегодня въ поѣздѣ, что въ убійствѣ подозрѣваютъ мать убитаго. Но она не созналась и подозрѣніе такъ чудовищно, что...

— Такъ это уже бросили и по нашему ходатайству ее освободили...

— Она была арестована?

— И знаете это такъ удачно вышло. На похоронахъ Ванюши толпа хотѣла ее растерзать!

— Но кто же натравливалъ толпу на эту несчастную женщину?.. Газеты...

— Господинъ профессоръ... Господинъ профессоръ... Въ нашемъ дѣлѣ могли быть ошибки. Мы были на невѣрномъ слѣду. Насъ таки сбила полиція, насъ сбили съ толку показанія извощика, который везъ подозрительный свертокъ. Кто то пустилъ слухъ, что на имя Ванюши Лыщинскаго, гдѣ то въ банкѣ были положены какія-то огромадныя суммы. Ну и знаете вышла... опечатка. Сыскъ пошелъ не по тому слѣду. Думали, знаете, мать... Онъ былъ, какъ у насъ говорятъ — байстрюкъ, незаконнорожденный, ну, знаете, мать уже замужемъ ,другія дѣти растутъ. Ей это было неудобно... А тутъ деньги... Знаете... деньги... Изъ за нихъ столько преступленій.

— Но я читалъ, что и мать и ея мужъ нѣжно любили Ванюшу, что сестра матери, его тетка и ея мать, бабушка души не чаяли въ немъ.

— Ну это таки такъ... Это все можетъ быть... Но, когда деньги... Большія деньги... Тогда любовь по боку... Ну вотъ и готово преступленіе. Но теперь эта версія оставлена...

— Скажите, многоуважаемый, кто же позволилъ вамъ производить разслѣдованіе?.. Вѣдь вы не слѣдователь, вы не агентъ сыскной полиціи?..

— О что вы... Пфуй... Но мы должны помогать выяснить правду и дать торжествовать правосудію. Мы предложили свои услуги... У насъ могутъ быть свои Шерлоки Хольмсы... Населеніе относится къ намъ съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ къ лицамъ оффиціальнаго розыска... и намъ сказали... намъ почти сказали, кто и почему убилъ Ванюшу.

— Это ваша новая версія?

— Да.

— Которая по счету?

— Вторая... и господинъ профессоръ, я бы не пришелъ къ вамъ, если бы не былъ увѣренъ, что послѣдняя... Уже господинъ Вырголинъ, ну вы же, навѣрное,

знаете кто такое господинъ Вырголинъ — онъ присяжный повѣренный, большая голова, онъ взялся за это дѣло и теперь — все ясно. Ясно, какъ шоколадъ.

— Ваша вторая версія?

Одоль-Одолинскій торжественно всталъ.

— Это дѣло цѣлой воровской шайки. Тутъ есть такая семья Чапура. Они какъ разъ тамъ подлѣ Русаковскаго завода и живутъ. Онъ тихій человѣкъ, такъ себѣ — телеграфный чиновникъ, никогда и дома не бываетъ, ну а она, знаете, — торговка краденымъ. И вотъ приходили къ ней двѣ шмары*), сестры Дьяковы... Такъ онѣ слышали и видѣли трупъ-съ... Въ ваннѣ...

— Въ ваннѣ? — переспросилъ Яковъ Кронидовичъ.

— Ванна у нихъ въ кухнѣ стоитъ. И тамъ видѣли свертокъ въ коврѣ. Туда уже подсѣвайло посланъ. Мы все узнаемъ. И человѣкъ одинъ... Сами можете судить какой человѣкъ — онъ въ сентябрѣ прошлаго года въ Кіевѣ, въ тюрьмѣ сидѣлъ по 126-й статьѣ Уголовнаго Уложенія — соціалистъ-революціонеръ! — такой человѣкъ, сами понимаете, лгать не станетъ, такъ вотъ онъ обѣщалъ доказать, что совершенно напрасно въ народѣ болтаютъ, что убійство ритуальное. Ничего подобнаго. Доказано, почти доказано, что Ванюша былъ въ ихъ шайкѣ...

— Какой шайкѣ?

— Воровской же! И, знаете, они хотѣли обокрасть Софійскій соборъ... Да-съ... Ни больше, ни меньше. И какъ тамъ, можетъ быть, знаете, въ окнахъ желѣзныя рѣшетки, такъ предполагали, что Ванюша пролѣзетъ между ними и откроетъ двери... И все понимаете сговорено, все слажено, все подготовлено, а тутъ Ванюша поссорился съ другимъ мальчикомъ и пригрозилъ выдать всю шайку. Сами понимаете — ребенокъ! Съ него станетъ... Ну такъ они его заманили къ Чапурамъ и убили-съ... Вотъ она вторая и уже послѣдняя точная версія... Чапура уже арестована.

---

*) Женщины легкаго поведенія.

— Что же это за власть такая въ Энскѣ, многоуважаемый, которая то арестуетъ мать убитаго, теперь арестуетъ какихъ то Чапуръ, по одному подозрѣнію, по одному наговору?

— Да вѣдь надо же кого то арестовать?!

Одоль-Одолинскій подошелъ ко все еще сидѣвшему Якову Кронидовичу и наклонясь къ самому его уху прошепталъ:

— Вы понимате: въ народѣ молва, въ народѣ такой толкъ: — жиды убили мальчика!.. Это же ужасно...

— Это надо или доказать, или опровергнуть... И мнѣ все таки, многоуважаемый, непонятно, почему вы, журналистъ, публицистъ, писатель, принимаете въ этомъ такое горячее участіе? Развѣ это ваше дѣло?..

Яковъ Кронидовичъ всталъ. Какая то жилка быстро билась у его сердца. Онъ, всегда спокойный, волновался. Въ эти минуты онъ больше чѣмъ когда нибудь почувствовалъ, какъ важна и какъ нужна его тяжелая профессія, къ которой съ такою нескрываемою брезгливостью относилась его жена. Чужой и чуждый ему мальчикъ, вдругъ сталъ ему дорогъ и милъ.

— Но, какъ почему, — воскликнулъ, стоя противъ Якова Кронидовича, Одоль-Одолинскій. — Какъ черезъ почему. Но черезъ потому, что писатели всегда горячо стояли за правду. Они ее показывали публикѣ и тотъ, кто не имѣлъ возможности видѣть правду на судѣ, тотъ черезъ призму писательскаго произведенія видѣлъ ее въ полной ясности. Вы же знаете, какое участіе принималъ въ дѣлѣ о Филоновѣ писатель Короленко, а въ дѣлѣ братьевъ Скитскихъ — извѣстный журналистъ Власъ Дорошевичъ.

— И вы, господинъ Одоль-Одолинскій, хотите тоже, какъ они, способствовать раскрытію истины?

— Ну да... А почему нѣтъ?

— Потому что это совершенно излишне. Тайну своей смерти намъ скажетъ завтра самъ убитый. Онъ скажетъ намъ зачѣмъ и кто его убилъ.

— Но онъ же... Трупъ?

— Да... Трупъ... Но наука точна. И наша наука можетъ заставить говорить и трупы.

— Ой!.. Что вы говорите!.. Какой сурьезный, однако!..

Одоль-Одолинскій попятился къ двери, и, не прощаясь, вышелъ въ корридоръ.

Яковъ Кроиловичъ отдернулъ портьеру и открылъ форточку. Было сильно накурено въ номерѣ и очень душно. За окномъ глухо шумѣлъ городъ. Гудѣла проволока трамваевъ и въ ея гудѣніи Якову Кронидовичу показалось что то жестокое и неумолимое, какъ рокъ.

Онъ обрадовался, когда вошелъ номерной съ небольшимъ шумно кипящимъ самоваромъ на одной рукѣ и подносомъ съ чайной посудой и лоткомъ съ булками на другой. Ловко жонглируя ими онъ разставилъ все это передъ Яковомъ Кронидовичемъ.

— Кто это такое былъ у меня сейчасъ? — спросилъ Яковъ Кронидовичъ...

— Они съ утра о васъ освѣдомлялись. Изъ газеты жидовской... Тоже «подсѣвайло». Ходитъ, народъ мутитъ. Глаза старается отвести. Да правду — развѣ ее куда укроешь? Правда сама себя покажетъ.

— Какая правда?

— Весь народъ знаетъ... Эхъ, да что говорить!

— Что знаетъ?

— Да что мальчика на кирпичномъ заводѣ жиды для крови убили...

XIV.

На другой день Яковъ Кронидовичъ поѣхалъ въ Энскій анатомическій театръ.

Было ясное, теплое, солнечное утро. Запахъ весны носился въ воздухѣ. Черная земля въ саду была бухлая и липкая. На деревьяхъ шумно и радостно кричали воробьи. Небо, глубокое и бездонное, точно посылало благословеніе землѣ. Изъ за забора слышна была далекая, складная пѣсня. Въ каменномъ корридорѣ театра у высокой бѣлой запертой двери было сыро и холодно, и прѣсный, отталкивающій запахъ трупа, казалось,

сквозилъ изъ дверныхъ щелей. Судебный слѣдователь Энскаго Окружного Суда по особо важнымъ дѣламъ Лысенко, профессоръ Энскаго университета Аполоновъ, прозекторъ Пружановъ и двое понятыхъ, уныло мрачныхъ мужиковъ, не то дворниковъ не то лавочныхъ сидѣльцевъ и два городовыхъ ожидали Якова Кронидовича.

Пружанова и Аполонова Яковъ Кронидовичъ зналъ, съ Лысенко его познакомили.

— Простите, коллеги, — взглядывая на золотые часы, сказалъ Яковъ Кронидовичъ, — я кажется опоздалъ.

— Нѣтъ. Безъ десяти минутъ девять. Мы спозаранку пріѣхали, — сказалъ Аполоновъ. — Какъ доѣхали?

— Слава Богу. Отлично.

— У васъ, въ Петербургѣ, поди еще зима, — сказалъ, закуривая папиросу, Пружановъ.

— Да, Нева еще не прошла. Хотя уже переѣзда нѣтъ.

— А у насъ... У меня въ саду на южномъ скатѣ, почки на сирени въ горошину, — сказалъ Аполоновъ. — Перебирайтесь, коллега, къ намъ. Куда здоровѣе вашихъ петербургскихъ болотъ. А небо... Видали сегодня? Ницца... Фіалки продаютъ. Да какія! Парижскимъ не уступятъ...

Они говорили о пустякахъ и всѣ курили, стараясь отдалить то, большинству привычное, но все таки тяжелое и непріятное дѣло, ожидавшее ихъ за дверью.

Сторожъ, въ заплатанномъ сѣромъ азямѣ поверхъ рваной чумарки, старикъ инвалидъ, стоялъ со связкой ключей, ожидая приказаній.

— Что-жъ, господа, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ, — покуримъ, да и приступимъ.

Врачи и Яковъ Кронидовичъ сняли пальто и стали надѣвать бѣлые халаты.

— Я совѣтую и вамъ, — сказалъ Пружановъ Лысенкѣ, — а то пропахнете такъ, что недѣлю чувствовать будете.

Понятые пугливо пожимались въ сторонѣ.

— Что-жъ, братъ, отворяй, показывай, — сказалъ сторожу Аполоновъ.

Сторожъ вложилъ большой ключъ и открылъ высокую дверь. Одинъ за однимъ, молча, входили люди въ полукруглое зданіе съ матовыми окнами, со стеклянным фонаремъ наверху и съ полукруглымъ амфитеатромъ скамеекъ. Посерединѣ, на мраморномъ столѣ лежало тѣло, накрытое холстиной. Подлѣ, на полу, былъ поставленъ черный, съ позументомъ, отсырѣвшій, въ мокрыхъ пятнахъ и зеленыхъ потекахъ гробъ. Крышка лежала подлѣ.

Сильный, тошный запахъ могильной сырости, земли и трупа застылъ въ холодномъ залѣ. Солнце бросило золотые лучи на крайнія скамьи и отъ этого запаха лучи его казались холодными и нездѣшними.

Городовые остались за дверью. Понятые сторонились трупа, крутили головами, хотѣли смотрѣть и боялись увидѣть то страшное, что лежало подъ холстиной.

Пружановъ приказалъ сторожу.

— Раскрой.

Сторожъ равнодушно подошелъ къ тѣлу и снялъ холщевый покровъ.

Было томительно тихо въ залѣ. Слышно было, какъ тяжело съ надрывомъ дышали понятые, да скрипѣли ихъ сапоги, когда они поднимались на носки.

На мраморной бѣлой доскѣ лежалъ уже порядочно тронутый тлѣніемъ трупъ мальчика. Головка съ обритыми висками и свѣтло-каштановыми волосами тяжело легла затылкомъ на мраморъ. Длинныя темныя рѣсницы плотно прикрывали опустившіеся, должно быть, уже ставшіе мягкими, глаза и какъ то съ недоумѣннымъ и жалобнымъ вопросомъ были приподняты тонкія брови. Маленькій ротъ былъ полуоткрытъ. На обоихъ вискахъ чернѣли слѣды ранокъ, точно дробовой зарядъ попалъ ему въ голову. Грудь и животъ были разрѣзаны и наскоро, широкими стежками наискось сшиты шпагатомъ. Тѣло пестрѣло сырыми зеленоватыми пятнами. Оно уже стало гибкимъ и мягкимъ. Трупное окоченѣніе исчезло.

Яковъ Кронидовичъ долго, молча, смотрѣлъ на мальчика. Первый разъ за все время своей большой практики онъ смотрѣлъ на трупъ, а видѣлъ живого. Такъ вотъ онъ тотъ мальчикъ Ванюша Лыщинскій, у котораго была мать, любившая его, тетка, души въ немъ не чаявшая, бабушка, обожавшая его. Онъ только что прочелъ въ газетахъ, что бабушка при смерти отъ горя... Кому то надо было нанести ему эти раненія. Кому то надо было оклеветать его мать и опозорить ее, посадивъ въ тюрьму... Кому то надо было опозорить и его память и причислить его къ ворамъ и предателямъ. Неужели въ Россіи, Императорской, **«черносотенной»** Россіи, Россіи отсталой — возможны такія преступленія? Неужели цѣлый рядъ ихъ — убійство, клевета, произволъ властей останутся безнаказанными: — во имя чего?.. Только для того, чтобы не было «кроваваго навѣта» на евреевъ! Чтобы никто не смѣлъ повторять «сказки», что жиды употребляютъ кровь въ своихъ обрядахъ. Прогрессивная печать, писатели, все общество, считающее себя передовымъ возстало, чтобы обѣлить евреевъ и не видитъ этого жалкаго трупа, не видитъ слезъ матери, душевныхъ мученій бабушки. Что имъ до слезъ этихъ простыхъ **Русскихъ** людей, не осудили бы ихъ евреи!?

Этотъ мальчикъ учился въ Духовномъ училищѣ. У него были свои радости, свои забавы. Онъ самъ смастерилъ себѣ ружьецо и ходилъ за порохомъ на заводъ Русакова. Онъ тамъ игралъ съ дѣтьми. Для близкихъ своихъ онъ былъ тѣмъ «солнышкомъ», что освѣщало ихъ бѣдную, сѣрую, изо дня въ день жизнь. Какой то изувѣръ для страшныхъ таинственныхъ цѣлей убилъ его. И весь просвѣщенный міръ сталъ на защиту убійцы — только потому, что онъ еврей. Изъ далекой Америки, — что ей до убитаго гдѣ то въ Энскѣ въ «чертѣ осѣдлости» христіанскаго мальчика Ванюши, — могущественный еврей Шиффъ, глава масоновъ, грозитъ Россіи и ея императору! Золотомъ задушу, если будетъ погромъ. И поджала хвосты отъ жидовскаго окрика общественность. Стасскій пугаетъ мистическими карами Якову Кронидовичу и всѣмъ, кто прикоснется къ

этому дѣлу, даже самому императору. Не трогайте этого дѣла! Что вамъ этотъ мальчикъ! Онъ Русскій и его гибель все равно, что гибель комара. Онъ — жертва таинственному еврейскому богу, а вы — молчите.

«Не буду молчать — что бы тамъ ни было, а найду правду,— ибо народу нужна правда. Богъ правду любитъ».

— Ну-те-съ, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ, обращаясь къ Лысенкѣ, что въ этомъ трупѣ интересуетъ слѣдствіе?

— Слѣдствію, господа эксперты, важно установить моментъ убійства, то-есть день и часъ его совершенія. Орудіе убійства. Сколько человѣкъ совершало преступленіе. Мѣсто, гдѣ оно совершено, то-есть, въ домѣ, въ комнатѣ, или въ иномъ мѣстѣ. Трупъ обнаруженъ случайно въ пещерѣ въ сидячемъ положеніи. Пещера и особенно входъ въ нее такъ тѣсны, что туда и одинъ человѣкъ могъ пройти лишь съ трудомъ. Значитъ — если вы признаете, что убивало двое, или больше — его убили не въ пещерѣ и, наконецъ, если возможно, господа эксперты, опредѣлите мотивы убійства. Въ запальчивости и раздраженіи, или въ необходимости, или съ садическими цѣлями?. .

— На всѣ эти вопросы, я надѣюсь, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ, — наука дастъ вамъ совершенно точный отвѣтъ. Разрѣшите намъ приступить къ осмотру и вторичному вскрытію убитаго и я бы просилъ дать намъ осмотрѣть и одежду, въ которой былъ найденъ убитый мальчикъ.

— Пожалуйста, — сказалъ Лысенко.

Пружановъ ловкимъ движеніемъ раскрылъ швы грудной и брюшной полостей и сквозь разошедшуюся кожу показались землисто-сѣрыя и розоватыя комки желудка, кишекъ, легкихъ и сердца.

Понятые отшатнулись въ ужасѣ. Могильный запахъ гніенія сталъ гуще и противнѣе.

XV.

Яковъ Кронидовичъ съ Аполоновымъ возились надъ трупомъ, Пружановъ за столикомъ порывисто, протокольно писалъ то, что они ему диктовали. Въ свѣтлой залѣ анатомическаго театра было тихо. Прозвучатъ громко сказанныя слова диктовки, отдадутся эхомъ о голыя стѣны и смолкнутъ. И слышно, какъ скрипитъ по бумагѣ перо протоколиста. Потомъ мягко, противнымъ мокрымъ звукомъ шлепнутъ вынутыя внутренности и скрипнетъ разрѣзаемая ткань. Кто нибудь изъ понятыхъ тяжело вздохнетъ. Зашепчутся Аполоновъ съ Яковомъ Кронидовичемъ.

— Борщъ... конечно борщъ, постный борщъ... Видите куски бурака и непереваренаго картофеля... Чувствуете: — даже пахнетъ борщемъ... Пишите: — желудокъ средней величины. Слизистая оболочка его однообразно — грязна, буровато-желтаго цвѣта... Стѣнки желудка средней толщины, мягки, поврежденій слизистой оболочки и стѣнокъ не замѣчается... Содержимое желудка... Въ особой банкѣ за печатью участковаго врача... Около четверти стакана темно-сѣрой пищевой смѣси... Въ ней частицы бурака и картофеля... Не переваренныя...

Опять молчаніе. Всѣ трое — врачи и слѣдователь, нагнувшись, осматривали трупъ. Понятымъ было за ними невидно трупа, и только зеленыя пятки торчали между бѣлыхъ халатовъ и чуть шевелились точно живыя.

— Тринадцать, — сказалъ громко Яковъ Кронидовичъ.

— По моему, коллега, четырнадцать, смотрите вотъ это...

— Это вмѣстѣ съ этимъ, вы понимаете онъ кололъ рѣжущимъ инструментомъ и попалъ на жилку — видите вена, скользнуло и разорвало кожу, будто два раненія, а ударъ одинъ. Вы какъ, Михаилъ Степановичъ, полагаете.

Лысенко нагнулся и сталъ разсматривать голову,

мальчика и считать темныя точки раненій, разсѣянныя по его виску.

— Тринадцать, — насчиталъ онъ. — Нѣтъ, пожалуй, четырнадцать.

— Спросимъ понятыхъ. Пожалуйте сюда... Не бойтесь... Сколько раненій на правомъ вискѣ?

Понятые испуганно мялись около тѣла.

— Тринадцать, — сказалъ одинъ.

— Двѣнадцать, — сказалъ другой... Или... четырнадцать...

— Считайте лучше.

— Тринадцать... Тринадцать...

— Будемъ описывать каждое отдѣльно, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ. — Пишите, коллега: — на головѣ, при переходѣ лобной въ темянную область, почти на границѣ волосистой части, имѣются двѣ слегка полулунныхъ ссадины по 3 милиметра длиною, безъ кровоподтековъ...

Яковъ Кронидовичъ диктовалъ подробное описаніе головы, изрѣдка спрашивая у Аполонова:—«такъ»? Тотъ, молча, кивалъ головою.

— При переходѣ теменной въ затылочную область, на три поперечныхъ пальца сзади отъ темени, имѣются три щелевидныхъ пораненія кожи, изъ которыхъ два расположены сзади, проникающихъ черезъ всю толщу кожи, а одно, расположенное спереди, представляется лишь ссадненіемъ глубокимъ; отъ этого ссадненія второе щелевидное раненіе отстоитъ на одинъ сантиметръ... Вы не знаете, Михаилъ Степановичъ, фотографія трупа имѣется?

— Какъ-же... При дѣлѣ... Снято сыскной полиціей...

Яковъ Кронидовичъ кончилъ диктовку наружныхъ поврежденій.

— Какъ думаете, коллега, если мы въ присутствіи господина слѣдователя и понятыхъ вырѣжемъ куски кожи съ раненіями и препарируемъ ихъ для предъявленія на судѣ?

— Это будетъ отлично.

— Тогда и всѣ спорные вопросы можно будетъ доказать на судѣ.

— Совершенно вѣрно, коллега.

— Коллега, — обратился Яковъ Кронидовичъ къ прозектору, — когда кончите писать, мы съ вами сдѣлаемъ необходимыя выемки. Ну-съ — дальше... Вернемся къ сердцу. Теперь оно должно намъ досказать то, что достаточно полно и ясно сказали эти раны. Около сердечная сорочка почти по всей поверхности пропитана кровоизліяніями. На передней поверхности лѣваго желудка сердца, въ средней его части, въ разстояніи полусантиметра отъ борозды имѣется щелевидное раненіе, длиною три миллиметра, окруженное кровоизліяніемъ... Крови въ сердцѣ найдено менѣе чайной ложки.. Такъ-съ...

Медленно, тягуче и нудно тянулись часы. Солнце стояло надъ фонаремъ и заливало трупъ свѣтомъ смягченнымъ занавѣсками. Понятые задыхались. Они два раза выходили. Ихъ лица позеленѣли, глаза блуждали.

Наконецъ, послѣ полудня, съ тѣломъ покончили и сторожъ небрежно и грубо вкладывалъ вынутыя внутренности обратно въ трупъ, а прозекторъ кривой иглой зашивалъ грудь и животъ.

Яковъ Кронидовичъ съ Аполоновымъ осматривали дѣтскую расшитую по вороту и по краямъ черными и красными нитками рубашку, покрытую темно-бурыми каплями и потоками крови, черные «казеннаго» сукна штаны, съ прилипшими къ нимъ кусками глины, размоченной когда то въ крови.

— Хотя у меня и нѣтъ сомнѣній,—говорилъ Яковъ Кронидовичъ, — что глина эта размочена именно кровью, однако, я попрошу васъ доставить мнѣ пробы для химическаго изслѣдованія. Такъ какъ кровь густѣетъ быстро, то размочить глину она могла только тамъ, гдѣ она была пролита, то есть на мѣстѣ убійства.

Прозекторъ, складывалъ въ банки неровные лоскуты дряблой, зеленоватой, склизкой человѣческой кожи и опечатывалъ снова банки съ содержимымъ желудка, сердца и кишокъ. Солнечные лучи перебрались на гробъ, куда небрежно сбросили ненужное больше тѣло мальчика. Яковъ Кронидовичъ курилъ частыми затяжками толстую папиросу и помахивая ею передъ

носомъ, чтобы отогнать запахъ разложенія отчетливо и громко говорилъ:

— Ну-съ, я вамъ могу отвѣтить на всѣ ваши вопросы. Убійство совершено черезъ три-четыре часа послѣ того, какъ убитый съѣлъ борщъ. Ибо онъ найденъ еще не переваренным въ твердыхъ своихъ частяхъ... Убійство совершено не въ комнатѣ... Во всякомъ случаѣ или на воздухѣ, или въ такомъ помѣщеніи, гдѣ много глины... Убійство совершало по крайней мѣрѣ два, а вѣроятно больше — нѣсколько человѣкъ. Это показываетъ характеръ раненій, то, что мальчика душили, зажимая ему ротъ, на верхней губѣ ссадины отъ надавливанія на зубы, его держали въ стоячемъ положеніи, онъ оборонялся... Одинъ человѣкъ все это сдѣлать, и наносить раны не могъ. Убійство совершено мучительнымъ образомъ. До потери сознанія мальчикъ мучился около пятнадцати, двадцати минутъ.

— О, Господи! — вздохнулъ одинъ изъ понятыхъ. Оба разомъ, перекрестились.

Слѣдователь строго посмотрѣлъ на нихъ.

— Дальше — цѣль убійства: — обезкровленіе жертвы. Раны наносились въ особо кровоточивыя, но не убойныя мѣста. Въ високъ, гдѣ много артерій, подъ мышку, и лишь потомъ въ сердечную область. Раны наносились или спеціальнымъ инструментомъ, или сапожною швайкою съ обломаннымъ и заостреннымъ, какъ ножъ концомъ. Наносило ихъ лицо, знакомое, но не очень, съ анатоміей человѣка. Наносило торопясь, вѣроятно волнуясь, но рукою твердой и умѣлой... Вотъ все, что сказало намъ это тѣло несчастнаго мальчика! Вы, коллеги, согласны со мною?

— Во всемъ, господинъ профессоръ...

— Тогда, что же... Къ погребенію?

— Я распорядился оставить его здѣсь, — сказалъ Лысенко, — до ночи. Ночью мы его брали изъ могилы, ночью положимъ его и обратно. А то, знаете...

— Ваше дѣло. Что же, можно идти. Протоколъ подписанъ?

— Да, все готово, — сказалъ Лысенко. — Понятые, вы свободны, благодарю васъ.

— Не на чемъ, — мрачно буркнулъ понятый — и оба первыми выскочили изъ анатомическаго театра.

— Теперь, — говорили они, — въ байну, да пропариться слѣдоваетъ... А то провоняли насквозь...

Яковъ Кронидовичъ вышелъ вмѣстѣ съ Аполоновымъ и Лысенко. Пружановъ остался со сторожемъ собрать банки.

На широкой аллеѣ черноземъ блисталъ синью. По сторонамъ земля выпирала зеленые стебли и листья. Фіалка стыдливо клонила лиловую головку между круглыхъ морщинистыхъ листковъ. Громко и весело шумѣлъ за садомъ городъ и звонки трамваевъ, гудки автомобилей, скрежетъ рельсовъ, цоканье копытъ и трескъ колесъ по мостовой сливались въ торжественный гимнъ кипучей городской жизни.

XVI.

Аполоновъ уѣхалъ въ отпускъ. Яковъ Кронидовичъ замѣнилъ его въ анатомическомъ театрѣ и въ университетѣ. Онъ былъ занятъ, но въ своихъ занятіяхъ онъ не забывалъ почему то ставшаго ему милымъ мальчика Ванюшу Лыщинскаго. Онъ слѣдилъ за дѣломъ по газетамъ, а газеты были полны имъ. Точно не правительственныя власти, не судебное вѣдомство, не слѣдователи и прокуроры вели его, а газеты съ ихъ руководящими передовыми статьями, съ ихъ спеціальными корреспондентами и репортерами.

Заключеніе экспертовъ возъимѣло свое дѣйствіе, и слѣдственныя власти арестовали, не предъявляя еще опредѣленнаго обвиненія, служащаго на кирпичномъ заводѣ еврея Менделя Дреллиса. Этимъ убійство было признано ритуальнымъ.

По городу усилилась молва: — мальчика замучили жиды.

И какъ то сразу заговорили о погромѣ. Заговорили газеты и интеллигенція.

«Нельзя этого допустить: — погромъ будетъ!»

Городъ былъ спокоенъ. «Начальство» какія-то мѣры принимало. Яковъ Кронидовичъ сталъ встрѣчать въ городѣ проѣзжавшихъ по двое казаковъ уральцевъ на маленькихъ плотныхъ большеголовыхъ киргизскихъ лошадкахъ.

Городъ, толпа, народъ, молчали. Они ждали суда и правосудія и они въ него вѣрили. Волновалась «интеллигенція», которая ни правительству, ни правосудію не вѣрила. Она разжигала страсти. Она горячо вступилась за Дрелліса и за еврейскій народъ.

Редакція большой прогрессивной газеты, находившейся въ еврейскихъ рукахъ, присяжный повѣренный Выргодинъ, какіе то «пострадавшіе за правду» соціалисты-революціонеры и рядомъ съ ними выгнанные со службы за подлоги полицейскіе сыщики, уличныя дѣвки и воры Энскаго подполья — трогательно объединились въ поискахъ **настоящаго** убійцы. Они вторгались въ чужія жилища, производили обыски, разспросы, выемки, открыто печатали о своей работѣ, — и власть молчала. Оффиціальное слѣдствіе велось медленно и нерѣшительно. Власть отступила передъ наскокомъ «общественности» въ лицѣ жидовской прессы, адвокатовъ, репортеровъ и соціалистовъ. Она будто рада была отмахнуться отъ тяжелаго дѣла, — и проходили недѣли, а слѣдователь не потрудился еще осмотрѣть мѣсто, гдѣ былъ найденъ Ванюшинъ трупъ и гдѣ, возможно, было совершено и самое преступленіе. Онъ былъ занятъ. Ему было некогда. Ему нужно было допросить сотни лицъ, названныхъ печатью. Версія слѣдовала за версіей. Онѣ были невѣроятно грубы и неправдоподобны, но слѣдствіе хваталось за нихъ, и теряло время на распутываніе ихъ. Яковъ Кронидовичъ, читая газеты, только плечами пожималъ. Хватались за самыя невѣроятныя предположенія для того, чтобы обойти единственное вѣрное: — мальчика убили жиды.

Газеты писали, что мальчика убила его мать — вампиръ, источившая его кровь, чтобы овладѣть несуществующими Ванюшиными капиталами. Несчастную,

богобоязненную женщину, обезумѣвшую отъ горя послѣ потери любимаго сына хватали и арестовывали подъ шумное одобреніе печати. И когда оказывалось, что никакъ нельзя ни въ чемъ ее обвинить — ее отпускали и сейчасъ же создавали новую в е р с і ю.

Мальчика замучили и источили его кровь воры. Эти воры, боявшіеся, что мальчикъ ихъ выдастъ, въ тоже время безбоязненно разсказывали добровольнымъ сыщикамъ, что они слышали въ домѣ телеграфнаго чиновника Чапуры возню и стоны, что они видѣли тамъ тѣло завернутое въ коверъ, видѣли подозрительный свертокъ въ ваннѣ. Точно въ бульварномъ романѣ въ слѣдствіи появлялась дѣвица, разговаривавшая съ человѣкомъ въ маскѣ, среди бѣлаго дня прогуливавшимся по людным улицамъ Энска! Сыщики, «шмары», «подсѣвайлы» — всѣ стали дорогими и милыми для печати, потому что они помогали мутить воду и сбивали слѣдствіе съ вѣрнаго пути.

Наконецъ явилась еще новая в е р с ія: — мальчика убила полиція «подъ жидовъ», чтобы устроить погромъ.

Яковъ Кронидовичъ получилъ въ эти дни письмо отъ Стасскаго.

... «Полюбуйтесь, — писалъ ему «первый умъ Россіи», — «что вы надѣлали своею ненужною экспертизою. И вы увидите, что такъ просто это вамъ не пройдетъ. Вы пострадаете за это и черезъ васъ пострадаютъ и невинные, близкіе вамъ люди. Вы разожгли страсти всего міра. И огонь опалитъ васъ за это»...

Яковъ Кронидовичъ задумывался надъ всѣмъ тѣмъ, свидѣтелемъ чего онъ былъ. Онъ, самъ вышедшій изъ нѣдръ народа, сынъ священника, онъ твердо зналъ, что народъ жаждалъ и алкалъ правды. Онъ вѣрилъ, что эту правду должно дать ему «начальство». И, если не оно, то общество, интеллигенція, «студенты», соціалисты являются защитниками народа и хранителями правды. «И что будетъ», — думалъ Яковъ Кронидовичъ, — «если народъ пойметъ, что въ угоду еврейскому капиталу власть — начальство — отступило, а общество — передовая интеллигенція старалась обѣлить

еврейское изувѣрство и равнодушно закрыло глаза на муки христіанскаго мальчика и на Русское горе его матери, потерявшей сына. Правды нигдѣ не было... Вотъ гдѣ таились сѣмена погрома — уже не только еврейскаго, но погрома власти, погрома всей интеллигенціи».

Въ эти дни Яковъ Кронидовичъ сталъ часто проводить время въ обществѣ своего племянника по материнской линіи Васи Ветютнева, студента - юриста, «бѣлоподкладочника» со значкомъ, при шпагѣ, члена монархической организаціи «Двуглавый Орелъ».

Со всею жаждою молодой неиспорченной души Вася искалъ правды. Онъ зналъ почти наизусть Библію, онъ изучалъ Талмудъ и Каббалу и онъ старался найти разгадку кроваваго убійства другими путями.

Своимъ молодымъ задоромъ онъ увлекалъ за собою Якова Кронидовича.

XVII.

Свободные часы Яковъ Кронидовичъ бродилъ съ Васей по городу. Онъ не зналъ Энска — Вася родился и выросъ въ немъ. Вася показывалъ Якову Кронидовичу остатки церкви, построенной по преданію еще святою Ольгой. Яковъ Кронидовичъ смотрѣлъ на замшѣлую, щербатую развалину высокой стѣны, сложенной изъ плоскихъ землистыхъ кирпичей. Онъ ходилъ съ Васей любоваться на новый величественный бѣлый храмъ о пяти сребоглавыхъ куполахъ, стоявшій одиноко посрединѣ площади, — гдѣ большія деревья, окружавшія его, казались маленькимъ кустарникомъ. Онъ вспоминалъ рисунки знаменитой мечети въ Агрѣ Индійской — «мечты въ мраморѣ» — и она не была красивѣе этого храма. Они смотрѣли на роспись его внутри, на Боговдохновенныя иконы работы Васнецова и на изображеніе св. Ольги и св. Владиміра съ большими «византійскими» глазами. Гордостью билось сердце

Якова Кронидовича отъ великой старины Русской, такъ прекрасно изображенной современнымъ Русскимъ талантомъ.

Часто и много говорили о дѣлѣ Дреллиса. Яковъ Кронидовичъ, знавшій Васю маленькимъ мальчикомъ, когда Вася пріѣзжалъ въ Петербургъ, былъ удивленъ и обрадованъ, увидавъ вполнѣ сложившагося молодого человѣка со стойкими твердыми убѣжденіями. Яковъ Кронидовичъ разсказалъ Васѣ о Стасскомъ, о предупрежденіяхъ его и о его угрозахъ. Онъ посмѣялся надъ нимъ.

— Не смѣйтесь, дядя, смѣю увѣрить васъ, все это не такъ просто. Я немного знаю Стасскаго. Онъ бываетъ въ Энскѣ, у него въ губерніи большое имѣніе. На младшемъ курсѣ я бѣгалъ смотрѣть его. Я читалъ его статьи и слышалъ однажды его рѣчь. И онъ правъ, дядя, что предупреждаетъ васъ объ опасности вмѣшиванія въ еврейскія дѣла.

— Ну ужъ ты слишкомъ... Что же мнѣ могутъ сдѣлать евреи?.. Бомбу, что-ли въ меня бросятъ?..

— Видите, дядя... Стасскій — то, что въ старину называли «аѳей» — безбожникъ. Онъ не вѣритъ въ Бога, онъ смѣется надъ Толстымъ, когда говоритъ, что у него есть свой темный уголокъ души, гдѣ теплится вѣра, а вѣдь и у него, у Стасскаго тоже есть такой темный уголокъ и онъ и не вѣритъ, а все же боится еврейскаго Бога.

— Но Богъ единъ... И Богъ евреевъ — есть и нашъ христіанскій Богъ.

Они шли мимо дома, гдѣ жилъ Вася.

— Дядя, вы хорошо знаете Библію?

— Читалъ когда то... Училъ въ гимназіи Ветхій Завѣтъ, а сказать, что знаю — не могу.

— Зайдемте ко мнѣ и я вамъ кое что покажу.

По деревянной лѣстницѣ они поднялись въ мезонинъ, гдѣ была свѣтлая, просторная, дѣвически чистая, студенческая Васина комната. Вася попросилъ квартирную хозяйку подать чаю.

— Вы знаете, дядя, что въ Писаніи сказано: «Бога никто-же, видѣ нигдѣ-же, на него же нельзя чело-

вѣку взирати». И это такъ понятно... Евреи видѣли Бога..

Вася помолчалъ немного, пока присланная хозяйкой босоногая дѣвушка-хохлушка накрывала на столъ. Онъ дождался, когда она ушла и продолжалъ.

— Они видѣли Его, они говорили съ Нимъ, слышали Его голосъ, то изъ облака, то изъ пылающаго куста и они получали приказы, и приказы эти были противорѣчивы. Мы видимъ то великаго милостиваго Бога, справедливаго, мудраго и любящаго людей, то видимъ какого то другого жестокаго, мстительнаго бога, опаляющаго огнемъ все живущее, требующаго кровавыхъ жертвъ и жесточайшей мести, допускающаго до человѣческихъ жертвоприношеній.

Вася досталъ съ комода большую книгу въ черномъ кожаномъ переплетѣ, всю истыканную закладками и, отыскавъ нужную страницу, прочелъ:

— «А я въ сію самую ночь пройду по землѣ Египетской, и поражу всякаго первенца въ землѣ Египетской, отъ человѣка до скота, и надъ всѣми богами Египетскими произведу судъ. Я Господь. И будетъ у васъ кровь знаменіемъ на домахъ, гдѣ вы находитесь, и увижу кровь, и пройду мимо васъ, и не будетъ между вами язвы губительной, когда буду поражать землю Египетскую»...*) Слышите, дядя, голосъ еврейскаго бога: — кровь — его слова. Вотъ, гдѣ тайна Ванюши Лыщинскаго. Ужасная кровавая тайна, о которой тотъ же богъ повелѣваетъ молчать. — «Поражу всякаго первенца отъ человѣка до скота». Это ли не человѣческое жертвоприношеніе! На протяженіи всей исторіи еврейскаго народа вы видите жестокую, кровавую расправу со всѣми, мѣшавшими евреямъ: — съ амаликитянами и аморреями, съ филистимлянами и сирійцами...

Вася перевернулъ нѣсколько страницъ и прочелъ:

— И сказалъ Самуилъ Саулу: — «теперь иди и порази Амалика, и истреби все, что у него; и не давая пощады ему, но предай смерти отъ мужа до жены, отъ отрока до грудного младенца, отъ вола до овцы, отъ

*) Исходъ. Гл. 12, ст. 12 и 13.

верблюда до осла»... И вотъ милосердіе еврейское: — Самуилъ сказалъ: — «какъ мечъ твой женъ лишалъ дѣтей, такъ мать твоя между женами пусть лишена будетъ сына. И разрубилъ Самуилъ Агага предъ Господомъ въ Галгалѣ»... *). Это ли не человѣческое жертвоприношеніе? «Разрубилъ передъ Господомъ»...

Вася листалъ Библію.

— «Освяти Мнѣ каждаго первенца, разверзающаго всякія ложесна между сынами Израилевыми отъ человѣка до скота. Мои они»... **). Замѣтьте, дядя, мелочь, на которую никто не обратилъ вниманія: Ванюша — первенецъ... И вотъ я утверждаю, и наши а ѳ е и это то же знаютъ, что у евреевъ, кромѣ истиннаго Бога, отъ Котораго они столько разъ отворачиваются есть еще иной богъ, богъ темный и мстительный, кровью и казнями всѣхъ идущихъ противъ евреевъ жестоко карающій.

— Это, Вася, — Библія... — затягиваясь папиросой, сказалъ Яковъ Кронидовичъ. — Ты говоришь о еврейскомъ пантеизмѣ... Его нѣтъ.

— Противъ Библіи боролись... Дарвинъ старался подорвать ея существо. Карлъ Марксъ ея политическое и соціальное значеніе — они ничего не достигли и оба запутались. Опровергнуть Библію легко, а и того не смогли, а вотъ расшифровать Библію и очистить ее и узнать, гдѣ владѣетъ евреями Истинный Господь Богъ и гдѣ во владѣніе ими вступаютъ темныя силы, покровительствующія только евреямъ, этого, дядя, никто, ни даже святые Отцы, не сдѣлали. И что темныя силы эти есть, что онѣ владѣютъ евреями и понынѣ, что онѣ требуютъ себѣ кровавыхъ жертвъ животныхъ и людей — доказательствомъ тому: — ритуальное убійство скота на еврейскихъ бойняхъ особыми рѣзниками при чтеніи Талмуда — и найденное обезкровленное тѣло Русскаго первенца... Далеко не первое и надо полагать не послѣднее.

— Вася, отъ этого средними вѣками пахнетъ.

---

*) Первая книга Царствъ. Гл. 15, стр. 3 и 33.

**) Исходъ. Гл. 13, ст. 2.

— Дядя, — изъ того, что мчатся по дорогамъ автомобили и по воздуху летаютъ самолеты не слѣдуетъ, что мы далеко ушли отъ среднихъ вѣковъ. Только христіанская мораль можетъ увести насъ изъ средневѣковой темноты — вы, дядя, знаете христіанство не въ модѣ. И люди, отрекшіеся отъ Христа и насмѣявшіеся надъ Нимъ, какъ вашъ авеей Стасскій, какъ большинство нашей интеллигенціи — пугливо оглядываются на того еврейскаго бога, который во имя мести готовъ поразить всѣхъ «отъ мужа до жены, отъ отрока до грудного младенца». Кроткаго Христа они не боятся, но тому, мстящему еврейскому богу въ темномъ уголкѣ своей души зажигаютъ лампаду и готовы принести кровавую жертву своимъ ближнимъ. Дядя, — Стасскій — этотъ яркій представитель нашей интеллигенціи — боится тайной силы еврейскаго бога. Наши ученые и писатели, адвокаты и судьи — знаютъ: ихъ успѣхъ — газетное слово, а газеты въ рукахъ евреевъ... Лучше съ ними, чѣмъ противъ нихъ.

— И противъ правды! — воскликнулъ Яковъ Кронидовичъ.

— Что имъ правда какого то замученнаго Русскаго мальчика! Что имъ правда всего Русскаго народа! Своя рубашка къ тѣлу ближе

— Вася! Этого не можетъ быть! Ты заблуждаешься, Вася! Ты клевещешь на передовое Русское общество!

— Прибавьте къ этому, дядя, что всѣ они трусы и въ нихъ сидитъ еще и мистическій страхъ, что тѣ темныя силы, что за кровавыя жертвы покровительствовали Израилю во всѣ времена обрушатся на нихъ и лютыми казнями невидимо покараютъ ихъ, женъ ихъ и дѣтей... Нѣтъ, — думаютъ они, — лучше въ такихъ случаяхъ быть съ жидами, а не противъ жидовъ.

— И Стасскій?..

— Что-жъ, дядя! И Стасскій. Ему подъ семьдесятъ. А чѣмъ меньше человѣкъ вѣритъ въ Господа — тѣмъ больше онъ боится смерти и цѣпляется за жизнь. Стасскій — матеріалистъ и, какъ таковой, весьма боится, что какая нибудь пустая астма доведетъ его до удара. А вѣдь у него тамъ, за гробомъ — пустота. Ничего. И

этого то н и ч е г о и, ахъ какъ боятся всѣ эти атеисты и матеріалисты!.. Да вотъ, дядя, завтра воскресенье — угодно вамъ поѣхать со мною утромъ туда, гдѣ нашли тѣло мальчика... И вы на мѣстѣ убѣдитесь, что напрасно боятся погрома. Жиды страшнѣе для православныхъ, чѣмъ православные для жидовъ.

— Охотно, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ. — Заходи за мной въ восемь часовъ утра. Я закажу извозца и поѣдемъ.

XVIII.

Бурная южно-русская весна давно наступила. Она благоухала бѣлыми акаціями и сиренями и, казалось, весь городъ былъ продушенъ прянымъ запахомъ цвѣтовъ. Бѣлыя кисти висѣли съ деревьевъ по всѣмъ городскимъ бульварамъ. Изъ за деревянныхъ заборовъ лиловыми, розовыми и бѣлыми букетами торчали вѣтви персидской, простой и махровой сирени и были онѣ такъ пышны, бархатисты и громадны, такъ несказанно красивы, что нельзя было оторвать отъ нихъ глазъ. Въ садахъ и скверахъ подлѣ памятниковъ садовники насадили нарциссовъ, тюльпановъ и лиловыхъ ирисовъ и живымъ замысловатымъ узоромъ раздѣлали зеленые газоны.

Громадный садъ, спускавшійся къ широкой рѣкѣ игралъ всѣми оттѣнками зелени. Въ вѣтвистыхъ сводахъ схоронились дорожки и поляны. Онъ манилъ прохладною тѣнью.

Въ это утро, когда мимо него ѣхали Яковъ Кронидовичъ съ Васей, онъ звенѣлъ птичьимъ пискомъ, пѣснями, веселой перекличкой съ вѣтки на вѣтку.

Каменныя мостовыя кончились. Пролетка мягко катилась по прямой немощеной улицѣ съ красноватыми колеями и воздушно - кисейными шариками одуванчиковъ по сторонамъ. Вдоль улицы тянулись заборы. Рѣдкіе, деревянные, попадались дома. Это была глухая ок-

раина города. Узорчатая тѣнь орѣшины падала на дорогу.

— Стой, извощикъ, — сказалъ Вася. — Пойдемте, дядя.

Они прошли вдоль стараго забора. Въ немъ показался проломъ. Нѣсколько досокъ недоставало.

— Пролѣзете, дядя?

— Конечно, пролѣзу, — легко сгибаясь и просовывая голову въ отверстіе, сказалъ Яковъ Кронидовичъ. Онъ шагнулъ черезъ доски, за нимъ Вася. Передъ ними было то, что называется «пустопорожнее мѣсто». Десятинъ двадцать песчаниковыхъ желто-розовыхъ бугровъ, перерѣзанныхъ старыми заборами открылись глазамъ. Кое гдѣ росли деревья и кусты. Плетушки цѣпкой ежевики стлались по землѣ, цѣплялись за вѣтви и висѣли еще жидкими молодыми стеблями. Вася шелъ впередъ, показывая дорогу Якову Кронидовичу. Онъ шелъ увѣренно.

Видно не разъ онъ бывалъ здѣсь и хорошо зналъ этотъ пустырь.

Сейчасъ пустырь былъ красивъ одинокими деревьями, зеленью, обрывистыми скатами песчаниковыхъ холмовъ, молодымъ верескомъ, крапивой и нѣжными, прозрачными вѣтвями бересклета. Попадались бѣлые цвѣты маргаритокъ, доцвѣтающія золотыя звѣздочки одуванчиковъ. Высоко въ небѣ пѣлъ жаворонокъ. Солнце стало припекать.

Вася ускорилъ шаги. Онъ подошелъ къ продолговато-овальному отверстію въ холмѣ, точно вуалью затянутому тонкими корнями росшаго сверху куста. Красношейка спорхнула съ вѣтвей и съ жалобно-тревожнымъ пискомъ полетѣла въ сторону.

Вася обнажилъ голову. На его лицѣ было что то такое молитвенно-торжественное, что и Яковъ Кронидовичъ снялъ свою шляпу.

— Здѣсь, — задыхаясь не то отъ волненія, не то отъ скорой ходьбы, началъ говорить Вася, — было найдено тѣло Ванюши. Его нашли сидящимъ въ пещерѣ 20-го марта. Онъ былъ убитъ 12-го. Тогда, когда его убили, еще были морозы и здѣсь лежалъ снѣгъ.

Когда нашли — была оттепель. Тѣло оттаяло, согнулось и сѣло. Но тлѣнія не было... Теперь смотрите: — пещера не задѣлана, не опечатана слѣдственными властями. Мы пришли къ ней. Мы влѣзали въ нее. Всякій можетъ придти и влѣзть... Можетъ уничтожить какіе угодно слѣды, или напротивъ подбросить какія угодно вещественныя доказательства хотя бы на полицію, которая убила мальчика «подъ жидовъ»... Это одна сторона: — маразмъ власти. Ея нежеланіе... или боязнь этимъ дѣломъ заняться какъ слѣдуетъ... Другая... Эта пещера вмѣщала тѣло замученнаго жидами мальчика. Жертву, принесенную невѣдомому страшному еврейскому богу... Тѣло мученика... Что же, православная Русь? Какъ откликнулась она на это? Вотъ, говорятъ и пишутъ — погромъ. Да, на погромъ натравливаютъ толпу сами же евреи и передовая общественность. Это имъ, а не полиціи выгодно!

— Но, Вася... Ты уже, кажется, слишкомъ хватилъ!

— Нѣтъ, дядя! Здѣсь у временной могилы маленькаго мученика это умѣстно сказать. Это мѣсто!.. — Святое это мѣсто. Кому нужны погромы? Власти? Государю? Боже сохрани! — Страдаетъ жалкая, еврейская бѣднота, которая никому не мѣшаетъ. Обратите вниманіе, дядя, — богатые евреи банкиры присылаютъ къ власти и говорятъ: — дайте охрану з а в т р а будетъ погромъ. О н и знаютъ. Это ихъ охраняютъ и охранятъ бородачи старовѣры уральцы. Погромы нужны самимъ евреямъ и интеллигенціи, борющейся съ «проклятымъ царизмомъ». Погромъ!.. Десятокъ выпущенныхъ перинъ, сотни двѣ разбитыхъ еврейскихъ лавченокъ, а какой шумъ на весь міръ! При царяхъ-то что дѣлается! И ворчитъ международный еврейскій капиталъ и говоритъ: «пока въ Россіи Императорская власть, пока существуетъ процентная норма и черта осѣдлости — Россіи денегъ не давать!» Вспомните главу мірового масонства еврея Шиффа во время японской войны. Бердичевскій погромъ аукнулся въ Бердичевѣ, а откликнулся въ Портсмутѣ! Дядя, я вернусь ко вчерашнему нашему разговору: — какъ бы не аукнулось Менделемъ Дреллисомъ, а откликнулось Россійскимъ Престоломъ.

— Ты считаешь жидовъ всемогущими?

— Нѣтъ, но я считаю дряблымъ и безсильнымъ Русскій народъ. Святая Русь! Гдѣ же она святая? Спугнули мы съ вами тутъ какую нибудь Божію старушку? Нашли кѣмъ то поставленную икону? Слѣды затепленныхъ свѣчей? Болѣе того: — увидѣли толпу молящихся и среди нея священника? Услышали молебное пѣніе и эту такую страшную молитву: — «первѣе бо кровь твою по малу изливше, еле жива тя оставиша іудеи, да множайшимъ мукамъ предадутъ твое непорочное тѣло, еже и смерти предавше конечнымъ кровеистощаніемъ, на ниву въ день Святыя Пасхи тое безстудне извергоша, мы же, твоя безчисленныя раны цѣлующе, подвиги твоя теплѣ прославляемъ»...

— Что это за молитва?

— Это молитва изъ службы, составленной въ 1908 году прославленному святымъ младенцу Гавріилу, вотъ совершенно такъ-же жидами замученному въ городѣ Слуцкѣ въ 1690 году... Но, вы видите, дядя — кругомъ пустырь! И тропинки не натоптали къ этому святому мѣсту. Чего же ожидать отъ такого народа? Гдѣ его глубокая вѣра? Гдѣ его страшная любовь и молитва къ Богу? Народъ охладѣлъ къ вѣрѣ. Онъ опустился до матеріализма. Мученики его не трогаютъ. Такой народъ можно двинуть на погромъ... На самоубійство... На революцію... Но на подвигъ?.. Никогда!

XIX.

Они шли отъ пещеры. Впереди Вася, за нимъ Яковъ Кронидовичъ. Они шли, опустивъ головы, въ глубокомъ раздумьи. Когда пролѣзли въ проломъ въ заборѣ на улицу, Вася остановился.

Пустынна и безлюдна была тянувшаяся между заборовъ улица. Издали, изъ за забора, окружавшаго кирпичный заводъ Русакова, чуть доносились голоса и гармоника.

— Въ церквяхъ идетъ литургія, — тихо прогово-

рилъ Вася. — Они на гармошкѣ играютъ. Здѣсь начались уже работы. Т о г д а здѣсь было тихо. Никого не было. Теперь до тридцати лошадей возчиковъ стоитъ на конюшнѣ, — тогда стояла она на замкѣ. Больше ста человѣкъ работаетъ здѣсь лѣтомъ до глубокой осени. Зимою всѣ разъѣзжаются Тогда — было пусто. Свидѣтелей не было... Впрочемъ я покажу вамъ и познакомлю со свидѣтелями... Такіе все таки были.

— Что же домой теперь? — сказалъ Яковъ Кронидовичъ.

— А вы устали, дядя?

— Нѣтъ... Нисколько...

— Тогда пройдемте немного... Я вижу моихъ друзей. Должно быть они увидали меня и ждутъ за угломъ.

Вася показалъ на уголъ забора. Дѣтская рожица, лукаво улыбаясь выглядывала оттуда. Замѣтивъ, что Вася обратилъ на нее вниманіе она пропищала:

— Василій Гаврилычъ!..

И трое дѣтей, точно стайка птичекъ выпорхнуло изъ-за угла. Впереди бѣжалъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати въ желтоватой коломянковой курткѣ и съ темнымъ ремнемъ съ бляхой съ буквами «Г. У.» — городское училище, за нимъ дѣвочка въ коричневомъ платьицѣ съ чернымъ передникомъ и послѣдней, едва поспѣвая за старшими, — дѣвочка лѣтъ восьми въ розовомъ ситцевомъ платьѣ.

Дѣти довѣрчиво окружили Васю. Каждый старался схватить его за руку. Они заглядывали ему въ глаза и косились на Якова Кронидовича.

— Василій Гаврилычъ !.. Василій Гаврилычъ ! — звенѣли ихъ голоса.

— Что же такъ поздно, Василій Гавриловичъ?..

— Мы ждали, ждали... Уже уходить хотѣли...

— Думали совсѣмъ не придете.

— А кто это съ вами? — шопотомъ спросила ученица.

— Это не жидъ? — спросила самая маленькая.

— На священника похожъ.

— Это мой дядя. Хорошій добрый дядя. Вотъ это,

Яковъ Кронидовичъ, мои славные друзья. Это Ганя, это Фима — первая ученица! Вотъ мы какъ! Ай — да мы! А это Людочка... Мы еще только грамотѣ учимся, а уже отъ папы научились на телеграфномъ ключѣ стучать. Что-жъ сядемъ.

Весеннее солнце свѣтило ярко. Надъ дорогой колебалась тѣнь акацій, и сладко пахло ихъ обильнымъ цвѣтомъ. Передъ ними была глухая улица, заросшая травой. Весенняя ранняя бабочка, темнокоричневая съ чернымъ ободкомъ толклась, порхая вдоль забора. Вдали глухо шумѣлъ городъ.

Вася досталъ изъ задняго кармана сюртука большую жестяную коробку монпансье и подалъ Людочкѣ. Всѣ нагнулись, разсматривая наклеенное на крышкѣ изображеніе.

— Это кто же? — прошептала Людочка.

— Я знаю... Это Императрица Александра Ѳедоровна, — сказала Фима.

— Надо говорить — Государыня Императрица, — поправилъ Ганя.

— Была бы Государыня Императрица здѣсь, въ Энскѣ, — со вздохомъ сказала Людочка, — заступилась бы за Ванюшу.

— А вы хорошо знали Ванюшу?—спросилъ Яковъ Кронидовичъ.

Всѣ трое оживились.

— Какъ же, — сказалъ Ганя, — они раньше наши сосѣди были. Тутъ возлѣ насъ и жили. Ванюша все у насъ сидѣлъ... А въ прошломъ году они переѣхали на другой конецъ города, такъ сталъ онъ рѣже бывать здѣсь.

— Извѣстно, — серьезно сказала Людочка, — далеко... Ему учиться надо. Развѣ когда передъ школой на минуту забѣжитъ. Пойдемъ тогда всѣ на мялѣ кататься.

— Тамъ хорошо зимой, — пояснила Фима, — какъ на каруселя.

— И никого нѣтъ, — сказалъ Ганя.

— Развѣ Мендель увидитъ въ окно, прогонитъ, — сказала, тяжело вздыхая, Людочка.

— Мы у Менделя молоко брали, — пояснила Фима.

— У него двѣ коровы, — сказала Людочка.

— Вотъ какъ Ванюшу нашли, такъ дней за десять, — стала разсказывать Фима, — пошла я уже подъ вечеръ за молокомъ. Отворяю дверь, а у Менделя два жида сидятъ. Сѣдобородые. Да страшные такіе! Въ круглыхъ черныхъ шляпахъ и какихъ то накидкахъ! Совсѣмъ будто не Русскіе жиды. Чужіе... Я испугалась и побѣжала. Сказала Ганѣ. Мы пошли вмѣстѣ. Только открыли дверь, а жиды кинулись на насъ. Я вырвалась, а Ганю жидъ нагналъ у самыхъ нашихъ воротъ, схватилъ и потащилъ. Но тутъ бросились наши собаки съ лаемъ и жиды оставили Ганю.

— А на утро, — сказала Людочка, — обѣ наши собачки издохли. Ихъ кто-то, сказали намъ, — отравилъ.

— Такъ страшно, — ежась въ своемъ коричневомъ платьицѣ ученицы, прошептала Фима. — Ужасъ какъ страшно.

— А въ тотъ день утромъ у насъ былъ Ванюша и сказалъ, что онъ завтра придетъ. Тутъ недалеко живетъ Капланъ, отставной солдатъ.

— Онъ въ японской войнѣ былъ, — сказала Людочка.

— И Капланъ обѣщалъ показать Ванюшѣ его отца.

— Ванюша — байстрюкъ... Ему очень ужъ больно было, что у всѣхъ есть папа, а у него нѣтъ, — пояснила Людочка, — онъ все распрашивалъ, гдѣ его папа, какой онъ?

— Капланъ сказалъ Ванюшѣ, что онъ въ Японскую войну видалъ Ванюшина отца и сказалъ — приходи завтра утромъ, у меня будетъ твой отецъ. Я тебѣ его покажу.

— Западня, — прошепталъ Вася на ухо Якову Кронидовичу. Тотъ сидѣлъ глубоко задумавшійся. Печаль легла на его лицѣ.

— Ванюша пришелъ рано и мы позвали его кататься на мялѣ, — продолжалъ Ганя.

— Пошли мы всѣ трое и еще одна съ нами дѣвочка, такъ, знакомая. Мы усѣлись на мялѣ, а Ванюша

сталъ толкать. Тутъ изъ дома Менделя вышло три жида и побѣжали къ намъ. Мы бросились на утекъ.

— Я оглянулась, — сказала Фима, — вижу Мендель, а, можетъ быть, другой чернобородый еврей схватилъ Ванюшу и потащилъ. Я вся похолодѣла.

— Мы прибѣжали домой, сказали мамѣ. А мама говоритъ — то не наше дѣло. Молчите, никому не говорите. Вотъ и молчимъ, — сказала Людочка.

Дѣти еще разсказывали о Ванюшѣ, о его самодѣльномъ ружьѣ и какъ Капланъ давалъ ему порохъ, но Яковъ Кронидовичъ не слушалъ.

Онъ дождался, когда истощились разговоры про Ванюшу и когда Вася кончилъ свой короткій разсказъ объ императрицѣ и Царской Семьѣ и сказалъ: — Поѣдемъ, Вася, домой.

Дѣти проводили ихъ до извощика. Когда въѣхали они въ городъ и застучала, загремѣла пролетка по мостовой, Яковъ Кронидовичъ спросилъ Ветютнева.

— Что же допрашивалъ ихъ слѣдователь?

— Да. Послѣ ихъ перваго допроса и арестовали Дреллиса. Но когда стали передопрашивать — они сказали, что ошиблись, что все это было мѣсяца за два до того, какъ нашли тѣло Ванюши, что они и потомъ видали его у себя и катались на мялѣ, никакихъ жидовъ они не видали. Что это имъ показалось.. Ихъ кто то застращиваетъ, кто то учитъ, что надо показывать.

— Вы стыдили ихъ?

— Да.

— И что же они?

— Ганя мнѣ сказалъ: На судѣ покажу, какъ вамъ разсказываю... по правдѣ... А сейчасъ — мама не велитъ. Людочку даже побила за разговоры.

— Да, — протянулъ Яковъ Кронидовичъ, и до самаго дома не сказалъ больше ни слова.

Вечеромъ, одинъ въ своемъ номерѣ, онъ писалъ большое письмо Валентинѣ Петровнѣ. Онъ ей описалъ осмотръ тѣла Ванюши, разсказы Васи и знакомство съ дѣтьми Чапуры... И, когда кончалъ свои описанія, вдругъ понялъ, что напрасно исписалъ онъ шесть большихъ листовъ почтовой бумаги. Его женѣ это неинте-

ресно. Ее это не взволнуетъ такъ, какъ взволновало его...

«Да», — думалъ онъ. — «Мы разные... Мы чужіе другъ другу люди... Пятый годъ я женатъ на ней... Пятый годъ живемъ мы вмѣстѣ — но она мнѣ все чужая... Ей... верховая ѣзда, веселый смѣхъ... Танцы... скачки... Офицеры... Развѣ я могу осуждать ее за это? Она другого міра, другихъ понятій и убѣжденій. И сколько, сколько такихъ міровъ на землѣ!.. Сколько чужихъ тайнъ, проникнуть въ которыя, можно только... убивъ».

Еще думалъ Яковъ Кронидовичъ о той невѣдомой таинственной силѣ, о рукѣ, играющей людьми, какъ маріонетками.

Вася убѣжденъ, что такая рука есть. Стасскій грозитъ мистическимъ гнѣвомъ. И не странно ли, что всѣ мы такіе разные и другъ другу чужіе: — я, моя Аля... « М о я » — онъ вздохнулъ. — «Мендель Дреллисъ, дѣти Чапуры, Вася — вдругъ стали на одной доскѣ, вышли на одну сцену, на одну житейскую арену. Замученный Ванюша насъ какъ то всѣхъ связалъ. Какъ то онъ насъ и когда развяжетъ?»

Остывающій самоваръ на столѣ жалобно пѣлъ пѣсню. Не къ добру.

Яковъ Кронидовичъ хотѣлъ разорвать написанное. «А!.. все равно»... — подумалъ онъ и приписалъ внизу: — «Тебѣ, моя милая Аля, скучно все это. Можетъ быть и вообще тебѣ скучно? А какъ Петрикъ и твоя ѣзда съ нимъ?.. Самое лучшее, если бы ты поѣхала въ Захолустный Штабъ къ родителямъ. И имъ это была бы такая радость!..»

XX.

Петрикъ не зналъ радоваться ему тому, что онъ въ концѣ второго года пребыванія въ Петербургѣ сдался на доводы Портоса и поѣхалъ къ Валентинѣ Петровнѣ

принести свои поздравленія съ днемъ рожденія, или, напротивъ, — огорчаться.

Когда Валентина Петровна была дивизіонная барышня Захолустнаго Штаба, сладкое воспоминаніе дѣтства и юности, и воспоминаніе чистое, — онъ могъ успѣшно бороться съ любовью, и пребываніе въ холостомъ лейбъ-драгунскомъ Маріенбургскомъ полку, солдаты и лошади, полковая семья, въ настоящее время Кавалерійская Школа, какъ основательная подготовка къ командованію эскадрономъ съ избыткомъ наполняли его жизнь и въ ней оставалось мѣсто лишь для веселыхъ эскападъ съ Портосомъ, или Бражниковымъ, мрачнымъ на видъ Сумскимъ гусаромъ, да для какого то интереснаго и, во всякомъ случаѣ, не банальнаго флирта съ нигилисточкой. Алечка Лоссовская была дѣтство — счастливая невозвратная пора. Невозвратная — и вернуться къ прежней старой любви было нельзя.

Онъ увидалъ ее въ день ея праздника и она ослѣпила его.

Прошло Благовѣщеніе — онъ былъ въ церкви, бродилъ по улицамъ и не могъ вытѣснить поразившаго его образа расцвѣтшей «госпожи нашей начальницы». Не заржавѣла старая любовь, но засверкала новымъ, прекраснымъ блескомъ. Платья Валентины Петровны — онъ видѣлъ ее въ городскомъ tailleur'ѣ и въ розовомъ вечернемъ туалетѣ — ея прическа, блескъ глазъ цвѣта морской воды, ставшихъ большими, манера щуриться, чуть-чуть напоминавшая дѣвочку Алю, прекрасный ростъ, легкая стройность — все говорило о женщинѣ, — а она была и должна была остаться богиней, недосягаемой и недостижимой — «божественной». И Петрикъ сгорѣлъ бы въ своей, вдругъ точно изъ подъ пепла раздутой и разгорѣвшейся любви, если бы не служба, не школа, не лошади, не занятія, бравшія цѣлый день и не дававшія ему времени думать.

Петрикъ былъ влюбленъ въ Валентину Петровну — онъ это самъ себѣ прямо и честно сказалъ: — «Да... лучше не бываетъ женщинъ»... — но вспомнилъ совѣты командира своего холостого полка — барона Отто-Кто — «отъ лучшихъ то лучше подальше», и про-

гналъ мечты «о ней», сталъ думать о школѣ, о своей Одалискѣ, готовившейся на скачку, объ эскадронѣ, о славномъ лейбъ-драгунскомъ Маріенбургскомъ полкѣ.

Онъ бодро шелъ въ школу. Было туманное мартовское утро. Мягко по тающему снѣгу, налипшему на панели позвякивали шпоры, ножны сабли холодили горячую руку. Кругомъ спѣшили такіе же офицеры съ палочками «филлисами» подъ мышкой. Рабочій день наступалъ. Онъ шелъ, а въ ушахъ его звенѣли звуки рояля, слышался голосъ Лидіи Ѳедоровны: — «погоди! для чего торопиться»... Бурно колотилось сердце.

Портосъ обогналъ его на своей машинѣ... Бражниковъ проѣхалъ мимо на извощикѣ, помахалъ привѣтливо рукою и крикнулъ хриплымъ непроспавшимся голосомъ: — «Здравствуй, Петрикъ».

Дубовая дверь манежа отворялась и хлопала на блокѣ. Въ проходѣ на кафельномъ въ клѣтку съ узорами полу, отъ нанесеннаго снѣга и опилокъ было скользко. Сверху, изъ просторной ложи, выходившей на два манежа, съ тяжелой балюстрадой, навстрѣчу входившимъ скакалъ на картинѣ великій князь Николай Николаевичъ. Въ алой гусарской фуражкѣ, въ темно-синемъ съ золотыми шнурами доломанѣ, онъ на громадномъ сѣромъ конѣ прыгалъ жердяной, чухонскій заборъ, стоявшій на зеленомъ лугу. Подлѣ портрета, у камина грѣлись офицеры. У барьеровъ ложи, собравшіеся для ѣзды офицеры, кто сидѣлъ на стульяхъ, кто стоялъ. Въ углу, у камина, кутаясь въ пальто съ барашковымъ воротникомъ сидѣлъ худощавый горецъ, начальникъ отдѣла наѣздниковъ полковникъ Дракуле и о чемъ то спорилъ съ завѣдующимъ старшимъ курсомъ рыжебородымъ ротмистромъ Дугинымъ. Кругомъ шумѣли голоса четырехъ смѣнъ офицеровъ. Манежи вправо и влѣво клубились бѣлымъ паромъ. Тамъ только что кончили ѣзду смѣны наѣздниковъ и эскадронной учебной команды и солдаты проваживали запотѣлыхъ лошадей. Стучали доски убираемыхъ барьеровъ.

Петрикъ поднимался по широкой лѣстницѣ въ ложу. Въ головѣ еще стоялъ образъ Валентины Петров-

ны, и звенѣло въ ушахъ: — «погоди, для чего торопиться»...

Какъ въ парной банѣ тускло и глухо слышались ему голоса. Онъ здоровался, улыбался и постепенно отходилъ.

— **Le cheval prête pour la femme, mais la femme ne prête pas pour le cheval.**

Это сказалъ хриплымъ голосомъ Бражниковъ, ненавидѣвшій школу. Богатый баричъ, бабникъ — онъ томился въ школѣ среди соблазновъ петербургской жизни.

Ему что то возразилъ Портосъ.

— Пагады, зачэмъ гаварышь неправду, — съ кавказскимъ акцентомъ говорилъ Дракуле, — сила нужна, канэшно, но искусство нужнѣе. Я тэбѣ всякую лошадь на пассажъ поставлю и Филлисъ ставилъ, когда ёму семьдесятъ лѣтъ было.

— Въ рукахъ ставили. Съ вѣстовымъ бичемъ подбивали.

— Зачэмъ въ рукахъ?

—И чего Лимейль преслѣдуетъ итальянскую школу, — слышался въ другомъ углу голосъ Зорянко. — У Дугина вся смѣна работаетъ по итальянски и посмотрите какіе прыжки!

И опять хрипѣлъ Бражниковъ:

— Мужъ мой наѣздникъ — наѣздница я... Днемъ на конѣ... А...

— Господа офицеры! — скомандовалъ, вставая со стула, Дракуле. Въ манежъ поднимались помощникъ начальника школы, генерала Лимейля, — генералъ князь Багратуни и начальникъ офицерскаго отдѣла, полковникъ Драгомановъ.

Драгомановъ взглянулъ на круглые часы, висѣвшіе надъ портретомъ — они показывали ровно девять и когда князь Багратуни, откозырнувъ офицерамъ, мягко сказалъ: — «господа офицеры» — властно, начальническимъ голосомъ скомандовалъ:

— Попрошу по конямъ!

Рабочій день начался.

XXI.

Онъ тянулся для Бражникова и Портоса длинный и утомительный, летѣлъ для Петрика, веселый и интересный, съ девяти часовъ утра до пяти вечера съ часовымъ перерывомъ на завтракъ.

Выѣздка, доѣздка и вольтижировка занимали время до двѣнадцати. Манежъ, манежъ и опять манежъ. Гнѣдыя лошади, еще не вполнѣ развитая молодежь — в ы ѣ з д к а подъ руководствомъ терпѣливаго и настойчиваго ротмистра Аделова, рыжія лошади пошустрѣе, и гибче — д о ѣ з д к а подъ руководствомъ ротмистра Дугина, все одна и таже «сокращенная» рысь десятками минутъ, приниманія, крики инструктора-учителя:—«поводъ! шенкель! мундштукъ!» Запахъ конскаго пота. Промокшая конскою слюною перчатка, когда, работая «въ рукахъ» водили лошадей въ поводу по манежу, заставляя открывать пасть и, закрывая, сгибаться въ затылкѣ, крики поощренія — «ай-бравъ!», похлопываніе по шеѣ... Барьеры — жердяной у стѣнки, закрѣпленный наглухо; досчатый красный, такъ называемый «гробъ», канава, зіяющая посереди манежа, мѣрный топотъ галопа и въ тактъ ему дыханіе лошадей... Все тоже и тоже второй годъ школы для Петрика; все тоже и тоже впереди на многіе годы — такова жизнь кавалериста наѣздника.

И нужно было быть Петрикомъ, чтобы любить это и въ этомъ забывать все.

Ни Бражниковъ, ни Портосъ, работавшій въ смѣнѣ причисленныхъ къ генеральному штабу, не видѣли разницы между лошадьми: — что выѣздка, что казенная, что собственная: — всѣ были «звѣри» и, часто, непріятные тупые звѣри. Они закидывались и обносили на барьерахъ. Они могли упасть и убить, какъ убила въ прошломъ году штабсъ-ротмистра Рыбкина на этомъ самомъ гробу опрокинувшаяся съ нимъ лошадь. Они работали съ тоскою и отвращеніемъ. Не то была школа для Петрика. Его «выѣздка» — гнѣдой конь Мармеладъ, его «доѣздка» — рыжая кобыла Ліана, «казен-

ный» Сопруновскій Аметистъ и собственная чистокровная Лазаревская Одалиска — это все были для Петрика живыя существа съ душою и съ понятіемъ. Онъ ихъ любилъ. Ліана гнулась не такъ, какъ Мармеладъ, и Аметистъ былъ какъ старый, добрый другъ. Петрику казалось, что, когда шелъ онъ мѣрнымъ галопомъ на полутораршинный заборъ и колебалась его въ бронзу отливающая грива, онъ прялъ ушами и точно говорилъ: — «не бойся, баринъ, не подведу!» Былъ онъ, какъ славный мужикъ-степнякъ, преданный Петрику. А — Одалиска! — Для Петрика Одалиска была цѣлая исторія. Онъ завоевалъ ее, онъ покорилъ ее и она отдалась ему, какъ отдается гордая дѣвушка, вдругъ горячо полюбившая своего мужа.

И потому то эти часы рыси и галопа, пропотѣлаго насквозь кителя для Петрика не были мученіемъ. Въ обработкѣ своихъ лошадей онъ видѣлъ цѣль жизни.

На третьемъ часѣ — чиновникъ Алексѣевъ, сухой человѣкъ, ему можно было дать и тридцать и пятьдесятъ лѣтъ, точно на всю жизнь заведенный, чтобы прыгать съ лошади и на лошадь училъ вольтижировкѣ. Обтянутая однимъ трокомъ съ ручками, жирная вольтижерная лошадь бѣгала по маленькому свѣтлому манежу.

Въ тактъ ея скоку отсчитывалъ темпъ Алексѣевъ.

— Разъ - два - три - четыре!.. Толчокъ! Сильнѣе ногами... Мягче въ сѣдло...

Офицеры сидѣли въ ложѣ, ожидая своей очереди.

Петрикъ вольтижировалъ уже второй разъ. Онъ продѣлывалъ не уставные, а цирковые номера: — скакалъ, стоя на крупѣ, соскакивалъ и вскакивалъ на лошадь съ разбѣга, легко дѣлалъ двойныя ножницы.

Онъ еще сидѣлъ на лошади и, свободно опустившись ей на спину и отдаваясь ея плавному движенію ѣхалъ шагомъ, оживленно и весело распрашивая Алексѣева, какъ ловче сѣсть сразу задомъ на передъ, когда въ ложѣ появился Портосъ. Онъ только что отработалъ въ манежѣ «казенную», и, накинувъ пальто, пришелъ искать Петрика.

— Петрикъ, — крикнулъ онъ, — идемъ завтракать. Дѣло есть.

— Сейчасъ... Одинъ прыжокъ...

Петрикъ пустилъ лошадь галопомъ.

— Идемъ, идемъ... — говорилъ Портосъ, глядя, какъ ловко прыгаетъ Петрикъ. — Нечего мудрить. Шею, братъ, сломаешь. Не казенная твоя шея.

XXII.

Въ столовой Петрикъ завтракалъ не въ своемъ отдѣленіи, а по приглашенію Портоса за столомъ «причисленныхъ». «Загремѣвшій» утромъ на канавѣ маленькій бѣлокурый Глоталовъ выставлялъ по школьной традиціи сладкіе пирожки къ чаю. Портосъ угощалъ ими Петрика.

— Ѣшь, милый Петрикъ. Ты вѣдь любишь сладкое. Не куришь... Не пьешь...

Дѣло, по которому Портосъ позвалъ Петрика завтракать со своею смѣною заключалось въ томъ, что на завтра, воскресенье, Петрикъ долженъ былъ пріѣхать къ часу дня къ Валентинѣ Петровнѣ, чтобы сговориться съ ней, когда и какъ имъ ѣздить верхомъ.

Петрикъ былъ очень смущенъ. Онъ только что усиліемъ и работой прогналъ безсмысленныя мечты о «госпожѣ нашей начальницѣ» и рѣшилъ больше у нея не бывать, замкнуться въ своей холостой жизни... а тутъ... такая исторія.

— Я имѣю передать тебѣ... Этакій ты, право счастливецъ!.. Вчера я былъ у Валентины Петровны, черствые именины справляли, и она меня просила передать тебѣ, что она очень проситъ, чтобы ты вспомнилъ Захолустный Штабъ и ѣздилъ бы съ нею...

Петрикъ растерялся.

— Но... постой... какъ же это... гдѣ? на чемъ?

— Твое дѣло... На лошади, я думаю, не на палочкѣ верхомъ... Она, братъ, тебя, а не меня просила. Дай ей Одалиску!..

— Но ты знаешь, что начальникъ отдѣла не разрѣшаетъ брать лошадей изъ школы.

— Ѣзди въ школѣ... Скачкова же ѣздитъ.. Госпожа фонъ Зонъ къ конкурамъ готовилась у насъ!

— Но мнѣ не позволятъ дать лошадь... И потомъ... Мнѣ кажется Валентина Петровна лѣтъ пять, если не больше не ѣздила.

— Это не забывается... Это какъ плаваніе. Сядетъ и поѣдетъ... А лошадь можешь нанять у наѣздника Рубцова.

— Не попробовать ли лучше въ манежѣ Боссе раньше.

— Это уже, повторяю, твое дѣло... Ей то, думаю я, хочется на волю, на Острова, или въ Лѣтній Садъ.

— Но какъ-же, какъ-же, такъ, — бормоталъ Петрикъ.

— Такъ завтра къ часу у нея. Съ ней и сговоришься — «какъ-же». Эхъ голова, голова! Другой бы отъ такого предложенія на одной ножкѣ отъ радости прыгалъ! — а ты... Ну начни у Боссе, а тамъ видно будетъ. На Пасхѣ лошади свободны, что нибудь и устроишь.

По всей столовой офицеры двигали стульями, вставая изъ-за столовъ. Наступалъ четвертый часъ занятій.

— У тебя что? — спросилъ Портосъ.

— То-же, что и у тебя — тактика. Баронъ Финстерло будетъ читать.

— Ну ты иди, иди... А мнѣ и въ академіи она ажъ осточертѣла... Пойду въ библіотеку подремать на диванѣ, если никто другой его не занялъ.

Портосъ помахалъ рукою уходившему изъ столовой Петрику.

— Просвѣщайся, милый другъ!.. Науки юношей питаютъ... А старцамъ — какая въ нихъ отрада?

На тактикѣ въ широкомъ и большомъ классѣ съ окнами замазанными мѣломъ Петрикъ слушалъ разсѣянно. Финстерло говорилъ что то о французскомъ взглядѣ на кавалерію, какъ на ѣздящую пѣхоту, объ огневомъ боѣ конницы — все это было очень интересно, но сейчасъ мысли Петрика были о другомъ.

«Не распускаться»... — думалъ онъ. — «Надо взять себя въ руки... Ну — она проситъ учить... И буду учить, какъ училъ бы молодого офицера... Выправлю ей посадку и забуду, что она женщина, что она «божественная», королевна дѣтской сказки... Она будетъ — королева — я ея берейторъ»...

Мимо ушей плыли слова, имена нѣмецкаго генерала фонъ Бернгарди, французскаго академика Фоша — о, какъ недостижимо далеко казалось это теперь Петрику и, пожалуй, не нужно.

Въ классѣ позѣвывали, кое кто дремалъ. Два часа ѣзды и часъ вольтижировки, да сытный завтракъ, которымъ угостилъ собранскій буфетчикъ Филиппъ Ивановичъ, дѣлали свое дѣло. Баронъ Финстерло не обижался. Онъ зналъ, какъ все это размаривало его тридцатилѣтнихъ учениковъ.

По корридору школы звонко и рѣзко, такъ, что задребезжали стекла въ дверяхъ раздался сигналъ: «слушай». Классъ былъ конченъ. У Петрика было фехтованіе.

Въ большомъ залѣ стоялъ гомонъ криковъ. На свѣжаго человѣка то, что тамъ происходило могло произвести впечатлѣніе сумасшедшаго дома. На восьми веревочныхъ просмоленныхъ дорожкахъ восемь учителей унтеръ-офицеровъ давали уроки восьми офицерамъ. Человѣкъ двадцать въ ожиданіи очереди жались по стѣнамъ залы. Въ углу стояла большая деревянная лошадь, обтянутая кожей и посѣдланная солдатскимъ сѣдломъ. Вокругъ нея на особомъ приспособленіи крутилась подстановка съ мокрой глиной, поставленной цилиндромъ и длиннымъ ивовымъ прутомъ. На лошади сидѣлъ офицеръ и тяжелой солдатской шашкой рубилъ то глину, то хворостъ.

Звуки падающей глины, трескъ ломаемаго при неловкомъ ударѣ хвороста, крики, сливались въ нестройный гулъ, гдѣ со стороны трудно было что нибудь разобрать.

— Ан-гардъ, садитесь!.. Обманъ правый бокъ!.. Съ кругомъ голову руби !.. Шагъ впередъ !.. Двойной шагъ назадъ!.. Коли... Скачекъ назадъ... — раздава-

лись одновременно команды. Звенѣли эспадроны, скрещиваясь съ эспадронами... Мягко хлопали по кожаннымъ наваченнымъ нагрудникамъ удары. Топали ноги и то тутъ, то тамъ раздавались крики: — Тушэ!..

Штабсъ-ротмистръ Бражниковъ стоялъ безучастно въ углу и смотрѣлъ на Петрика. Петрикъ снялъ для легкости высокіе сапоги и въ особыхъ фехтовальныхъ туфляхъ дрался вольнымъ боемъ съ лучшимъ учителемъ унтеръ-офицеромъ Дьяконовымъ.

— Тушэ! — третій разъ крикнулъ Дьяконовъ, отскакивая отъ полученнаго удара. Петрикъ опустилъ эспадронъ. Онъ снималъ лѣвой рукой проволочную маску съ возбужденнаго раскраснѣвшагося лица.

— Съ вами, ваше благородіе не раздерешься... Шибко хорошо стали фехтовать.

Счастливый Петрикъ увидалъ Бражникова.

— Бражниковъ! — крикнулъ онъ, — давай сразимся.

Бражниковъ брезгливо пожалъ плечами.

— Бедламъ какой-то, — прохрипѣлъ онъ. — Съ ума сойти можно... Съ вами Ранцевъ?.. Нѣтъ это, ахъ оставьте. У меня нога что то болитъ. Да и въ манежъ пора. Смотрите, какъ вы согрѣлись. Простудитесь дворомъ идя.

Петрикъ надѣвалъ сапоги и, снявъ нагрудникъ съ вспотѣвшей шелковой рубахи, вдѣвалъ руки въ рукава легкаго кителя.

И, щеголяя разогрѣвшейся отъ движенія кровью, помолодившею его тѣло онъ безъ пальто бѣгомъ побѣжалъ по двору и черезъ улицу въ большой манежъ, гдѣ ждала его ѣзда на собственныхъ.

XXIII.

Этотъ часъ для Петрика былъ точно свиданіе съ любимой женщиной. Онъ, въ полку долгіе часы ученій а на маневрахъ цѣлые дни проводившій со своей прекрасной чистокровной Одалиской, здѣсь, въ школѣ,

видѣлъ ее только этотъ часъ ѣзды. Этотъ часъ — было общеніе съ полкомъ, воспоминаніе о немъ. Одалиску держалъ его вѣстовой драгунъ Лисовскій, пріѣхавшій съ нимъ изъ полка. Одалиска была выстрадана Петрикомъ. Четыре года тому назадъ, скопивъ шестьсотъ рублей Петрикъ поѣхалъ въ Москву на аукціонъ скаковыхъ лошадей. Его мечта была скакать, взять Императорскій призъ, прославить своею побѣдой Маріенбургскій полкъ.

Былъ тихій туманный осенній день — 1-е октября. Обычный Московскій аукціонъ. Было около сотни прекрасныхъ лошадей. Но какія цѣны!... Покупали больше коннозаводчики, не стоявшіе за деньгами. Рядомъ съ Лимейлемъ хорошенькая барышня, почти дѣвочка съ красивымъ виднымъ штатскимъ, и съ мальчикомъ лицеистомъ азартно торговала Лазаревскую «Львицу».

Это была самая нарядная, самая рѣзвая лошадь аукціона. Генералъ Лимейль сказалъ про нее:

— Съ этой лошади статую лѣпить... Что Венера въ мірѣ человѣческомъ — то эта лошадь въ лошадиномъ.

— Правда? — обернувшись къ Лимейлю воскликнула дѣвушка. — Папа, во что бы то ни стало купи мнѣ ее.

Торговалъ Львицу и Петрикъ. Дошелъ до цифры шести-сотъ — роковой своей цифры, и завялъ.

Львицу взяла дѣвочка за три тысячи рублей!

«Гдѣ же офицеру — такія бѣшеныя деньги!», подумалъ тогда Петрикъ и слезы навернулись ему на глаза. И, уже въ концѣ аукціона, вывели Одалиску. Это была нервная лошадь. Она била задомъ. И когда кричали изъ круга покупателей — А ну, проведи!

Она не желала идти.

— Торгуйте, поручикъ, — шепнулъ Петрику Лимейль — лошадь великолѣпная... Нравъ тяжелый — да въ полку обломаете... Пойдетъ недорого.

Петрикъ опять дошелъ до шести сотъ и забастовалъ.

— Шестьсотъ! — Кто даетъ больше? — вы? — крикнулъ аукціонистъ.

— Рубль, крикнули вправо...
— Рубль, отозвались слѣва.
— Еще рупь...
— Рубль...
— Что же вы, поручикъ, — толкнулъ его генералъ Лимейль.
— У меня, ваше превосходительство, нѣтъ больше денегъ и негдѣ ихъ достать.
— Торгуйте, торгуйте, я вамъ дамъ, грѣхъ упустить такую лошадь барышнику. Тогда и за три тысячи ее не выкупите, — и самъ Лимейль крикнулъ: — шестьсотъ десять!
— Кто даетъ?
— Вотъ поручикъ!
И опять побѣжало: — рубль... рубль... рубль...
За шестьсотъ семьдесятъ рублей досталась Петрику Одалиска. Шестьсотъ заплатилъ онъ, и семьдесятъ далъ ему генералъ Лимейль, въ первый разъ увидавшій офицера на аукціонѣ, но чуткой душой понявшій его.
— Отдадите мнѣ изъ перваго вашего приза... Императорскаго, — сказалъ Лимейль горячо благодарившему его Петрику.
Ну и намучился съ ней въ полку Петрикъ! Два года она не давалась ему и только въ школѣ, точно, что случилось съ ней, вдругъ вся она перемѣнилась, стала: вниманіе, усердіе — и черезъ годъ сдѣлалась лучшею лошадью смѣны и украшеніемъ всего курса. Тогда Петрикъ получилъ разрѣшеніе готовить ее лѣтомъ на Красносельскую скачку.
Онъ подходилъ теперь къ ней, стоявшей въ сумракѣ манежа, на флангѣ смѣны и его сердце билось радостью свиданья. Она узнала его. Она настремила уши и тихо, стѣсненная желѣзомъ во рту заржала.
— Ишь голосъ подаетъ... Увидѣла хозяина, — ласково сказалъ Лисовскій.
— Овесъ хорошо ѣла?... — быстро спрашивалъ вѣстового Петрикъ. — Спала хорошо?
А самъ глазами охватывалъ весь стройный корпусъ своей любимицы.
— Весь выкушала... Играетъ въ станкѣ... балуется...

Офицеры разбирали лошадей. Завѣдующій смѣной, высокій ротмистръ Барановъ командовалъ «садись».

И, когда мягко опускался въ сѣдло Петрикъ — онъ ощутилъ великую радость полной сліянности со своею милою Одалиской.

Послѣдній часъ, отъ 4 до 5-ти, когда уже всѣ устали была ѣзда на казенныхъ. Добрый старый Аметистъ, изъ рыжаго ставшій съ годами бурымъ, равнодушно покойно встрѣтилъ Петрика, какъ опытный егерь мужикъ встрѣчаетъ барина, пріѣхавшаго на охоту.

По всему манежу были наставлены барьеры. Очень высокіе. Четырехъ-аршинная канава была раскрыта.

Когда Петрикъ садился на Аметиста — тотъ точно сказалъ: — «ничего!.. поскачемъ!»

Бражниковъ отговорился головною болью и его вороного Жерминаля увели на конюшню, а онъ самъ со скучающимъ видомъ сѣлъ въ ложѣ и смотрѣлъ, какъ въ мутномъ свѣтѣ большихъ круглыхъ фонарей скакали и прыгали офицеры старшаго курса. Кто то загремѣлъ на канавѣ и его вынесли замертво въ маленькую комнатку при манежѣ и послали за докторомъ, но онъ скоро очнулся и пожелалъ снова сѣсть на лошадь, чтобы «не потерять сердце».

— Чудаки... варвары, — ворчалъ Бражниковъ, поеживаясь плечами. — А Ранцевъ, поди, доволенъ... Теперь бы въ постель передъ обѣдомъ... Праздничный сонъ — до обѣда...

А въ манежѣ все скакали и рубили глину и хворостъ, а по другую сторону ложи, въ другомъ манежѣ скакали съ пиками казачьи офицеры и топотъ карьера лошадей еще болѣе раздражалъ Бражникова.

— Къ чему?.. Ну къ чему? — ворчалъ онъ про себя. — Теперь, когда аэропланы... Развѣ нужно все это?

XXIV.

Веселый, ярко освѣщенный, чистенькій и въ этотъ часъ пустой трамвай № 4 «Лафонская площадь — островъ Голодай», быстро доставилъ Петрика на Адмиралтейскую площадь.

Петрикъ пошелъ, огибая рѣшотку Александровскаго сада. Деревья и кусты были голы, но отъ земли, только что освободившейся отъ снѣга, пахло нѣжнымъ запахомъ земли. Въ свѣтломъ небѣ темнымъ силуэтомъ рисовались стройныя линіи Зимняго Дворца. Дворцовый мостъ горѣлъ огнями фонарей. Съ Невы тянуло свѣжимъ холодкомъ.

Нева только третьяго дня очистилась отъ льда и вчера, по двухъ вѣковой традиціи, при пушечной пальбѣ, на темносинемъ гребномъ катерѣ престарѣлый комендантъ Петропавловской крѣпости переправился черезъ нее къ Зимнему дворцу и открылъ навигацію.

Уже издали Петрикъ увидалъ знакомый домъ на далекомъ, противоположномъ берегу. Онъ съ замираніемъ сердца смотрѣлъ на него. Сейчасъ почти во всѣхъ его окнахъ былъ свѣтъ и на пятомъ этажѣ завѣтное окно свѣтилось краснымъ пятномъ. «Нигилисточка» была дома.

За кустами сквера, на набережной, скрипѣла пароходная пристань. Толпа стремилась на пароходъ. Внизу надъ темными, казавшимися совсѣмъ черными волнами качались красный и желтый огни фонарей. Подъ мостомъ, у деревяннаго плота, къ которому широкая спускалась лѣстница, прыгали желтые огоньки яличныхъ фонариковъ и отъ нихъ по волнамъ струились блестки отраженій.

Петрикъ спустился къ яликамъ и спрыгнулъ въ плоскодонную ладью.

— Къ Мытному, — сказалъ онъ.

Яличникъ, не спѣша, снялъ тяжелый тулупъ и разстелилъ его подъ себя на носовой банкѣ.

— Одни поѣдете, или подождете еще кого пасса-

жировъ, — спросилъ онъ для порядка, зная, что офицеръ поѣдетъ одинъ.

— Одинъ, — сказалъ Петрикъ.

Мужикъ поплевалъ на руки и взялся за весла. Яликъ запрыгалъ по волнамъ. Пристань, огни набережной стали удаляться.

На рѣкѣ — какая то молодая радость охватила Петрикомъ. Онъ забылъ усталость рабочаго дня, въ головѣ его стало все просто и ясно, и такъ хорошо было теперь подойти къ той тайнѣ, что влекла его съ самаго ихъ оригинальнаго знакомства, когда онъ ночью, нахрапомъ, едва ли не съ пьяныхъ глазъ ворвался къ чужой дѣвушкѣ.

«Нигилисточка» — Агнеса Васильевна Крейгеръ стала охотно принимать у себя Петрика. Она «просвѣщала» его. Онъ смотрѣлъ въ ея большіе, какъ лампады горящіе глаза, слушалъ ея рѣчи, казавшіяся ему безумными, и ему казалось, что онъ ходитъ по самому краю крутого скользкаго обрыва, а подъ нимъ — бездонная пропасть. Эта пропасть тянула.

То, что онъ услышалъ въ кабинетѣ Якова Кронинидовича отъ Стасскаго — было ужасно. Но то говорилъ выжившій изъ ума, желчный и злобный старикъ, пускай — первый умъ въ Россіи — и говорилъ въ кругу своихъ «благонамѣренныхъ» людей. Его слушали и знали, что этотъ вызовъ Богу, эта критика правительства, это поношеніе Русскихъ героевъ—барская блажь, самодурство барина, богатаго человѣка, взысканнаго этимъ самымъ правительствомъ и имъ обласканнаго, — у Агнесы Васильевны — это шло куда то въ народъ, котораго Петрикъ не зналъ, и который — такъ увѣряла «нигилисточка», она отлично изучила и знала.

Петрикъ пошелъ на красный огонекъ, чтобы заглянуть подъ чужой черепъ. Онъ увидалъ здѣсь такъ много новаго, чуждаго ему, что растерялся, испугался и, почувствовавъ, что стоитъ передъ омутомъ, не могъ отъ него отойти. Омутъ тянулъ его.

«Нигилисточка» не то чтобы была красива — разобрать строго — куда же ей до Валентины Петровны!.. Очень худая — отъ недоѣданія-ли, отъ сгоранія

ли въ своей «идеѣ», отъ усиленныхъ ли занятій, можетъ быть, просто отъ туберкулеза — она была стройна, высока и изящна. Тѣло въ ней какъ то забывалось — была одна душа, — знойная, сгорающая сама и зажигающая другихъ, непокорная и мятущаяся. Одѣвалась она не безъ кокетства. Всегда какія то длинныя платья, многими ровными складками ниспадающія къ полу, талія гдѣ-то подъ мышками — не то костюмъ республики, не то древнегреческій хитонъ, прекрасные, густые, темно-каштановые волосы причесаны просто, сзади завязаны узломъ, но на лбу затѣйливые локоны. Руки съ тонкими пальцами безъ колецъ. У ней оказалось есть и прислуга — Глаша. Не то служанка, не то подруга — какъ будто ровня Агнесѣ Васильевнѣ. Глаша подастъ самоваръ и сама сядетъ къ столу, разливаетъ чай и себѣ нальетъ. Сидитъ, слушаетъ и молчитъ.

Когда звонилъ Петрикъ къ Агнесѣ Васильевнѣ — теперь уже съ параднаго подъѣзда, онъ чувствовалъ, что будетъ интересно, волнующе, даже страшно, но скучать не придется.

Торопливые шаги, вопросъ за дверью, — «кто тамъ»? и — «войдите, Петрикъ я вамъ очень рада».

XXV.

Въ платьѣ цвѣта розоваго аметиста, отдѣланномъ кружевами цвѣта сливокъ, безъ украшеній, безъ браслетовъ, брошекъ и колецъ она стояла въ прихожей, пока Петрикъ отстегивалъ по ея приглашенію саблю и вѣшалъ пальто.

— Что давно не жаловали? — спросила Агнеса Васильевна, первая входя въ кабинетъ.

— Былъ занятъ... Каждый день репетиціи коннаго праздника...

— Сколько лошадей сегодня «работали»?

— Если считать вольтижировку — пять.

— Я думаю вамъ снятся лошади?

— Снятся... нѣтъ... Я сновъ не вижу... Устаю очень...

А вотъ закрою глаза и все вижу, то водятъ мимо меня лошадей, то самъ ѣзжу.

Агнеса Васильевна полулегла на оттоманку, достала изъ бронзовой папиросницы папиросу и медленно закурила.

— Курите, Петрикъ... Ахъ да... Я забыла... Вы образцовый офицеръ... Холосты... не курите... только пьете. Пить то вамъ полагается. «Кавалеристу нуженъ ромъ»...

Петрикъ сидѣлъ въ кавказскомъ креслѣ съ круглыми вальками. Передъ нимъ на столѣ, подъ лампой съ краснымъ абажуромъ лежали книги, газеты, тетради.

Въ теплой, пахнущей духами и душистымъ дымомъ комнатѣ было тихо. За двойными рамами не слышенъ былъ городъ. Да и мѣсто было спокойное.

— Дурманъ... — сказала Агнеса Васильевна. — Одурманиваютъ людей... И офицеровъ тоже.

Она потянулась всѣмъ гибкимъ тѣломъ и съ другого конца оттоманки, съ этажерки, стоявшей за ней, достала тетрадь съ синими, блеклыми строками гектографическихъ чернилъ. Она протянула ее Петрику.

— Прочтите, Петрикъ, а я пойду распоряжусь о чаѣ.

Петрикъ взялъ тетрадь. На верху каллиграфическимъ почеркомъ, въ завиткахъ, было выведено: «Офицерская памятка». Подъ заголовкомъ, эпиграфомъ стояло два евангельскихъ текста. Въ бронзовой пепельницѣ тлѣла папироска и отъ нея прямою, узкой, голубоватой лентой шелъ дымъ, кудрявился и разсѣивался подъ абажуромъ лампы. Углы комнаты были въ тѣни. Петрикъ углубился въ чтеніе расплывчатыхъ и блѣдныхъ строкъ. Кровь стучала въ виски. Ему было стыдно и страшно того, что онъ читаетъ. Внизу подпись: «Левъ Толстой». Гаспра. 7/20 декабря 1901 года». Петрикъ прочелъ и не понялъ. Прочитанное имъ не совмѣщалось съ понятіемъ о его любимѣйшемъ писателѣ, авторѣ «Войны и Мира» и «Анны Карениной». Петрикъ сидѣлъ, задумавшись, опустивъ красивую голову. Рукопись лежала у него на колѣняхъ. Онъ вздрогнулъ,

когда быстрыми широкими шагами вошла Агнеса Васильевна.

— Прочли?

— Это кто же написалъ? — поднимая голову, съ грустью спросилъ Петрикъ.

— Вы видѣли подпись... Левъ Толстой...

— Это... тотъ самый... который... «Войну и Миръ» и какъ Ростовъ на смотру увидѣлъ Государя.

— Да.

— Не можетъ быть.

— Почему?

— Это же все неправда... Неправда все, что тутъ написано.

— То-есть какъ это неправда?

— Во-первыхъ...

Но, какъ только Петрикъ сказалъ «во-первыхъ» — онъ сейчасъ же вспомнилъ Валентину Петровну, какъ она ему сказала: «не говорите «во-первыхъ», у васъ никогда не бываетъ во-вторыхъ» и онъ завялъ. Онъ растерянно перелистывалъ брошюру. Агнеса Васильевна ходила взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ну, что «во-первыхъ»? — сказала она, останавливаясь спиною къ окну. Ея тѣнь красиво и четко легла на простой бѣлой шторѣ.

— Тутъ написано, что въ «Солдатской памяткѣ» Драгомирова сказано, что Богъ есть генералъ солдатъ: Богъ вашъ генералъ». Но это неправда.

— Толстой солгалъ по вашему?

— Это слова Суворова. Суворовъ, заканчивая поученіе говоритъ: «Молись Богу! отъ Него побѣда! Чудо богатыри! Богъ васъ водитъ, Онъ вамъ генералъ!»

— Ну, развѣ не то самое?

— Совсѣмъ не то. И зачѣмъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой передергиваетъ? «Богъ вашъ генералъ» — это совсѣмъ не то, что «Богъ вамъ генералъ»... Мнѣ непріятно, что Толстой, знаете... такъ... Это не честно.

Агнеса Васильевна пожала плечами и снова начала курить.

— Дальше?

— Позвольте я вамъ прочту.

— Читайте.

— Это написано за 4 года до Японской войны въ 1901 году и вотъ, что пишетъ Толстой.

Петрикъ подвинулъ рукопись къ лампѣ и сталъ читать, торопясь и сбиваясь:

— «Вѣдь хорошо было лѣтъ 100 или 50 тому назадъ, когда война считалась неизбѣжнымъ условіемъ жизни народовъ, когда люди народа, съ которымъ велась война, считались варварами, невѣрными или злодѣями, и когда въ голову не приходило военнымъ, чтобы они были нужны для подавленія, или усмиренія своего народа,—хорошо было тогда, надѣвъ пестрый, обшитый галунами мундирчикъ, ходить, гремя саблей и позванивая шпорами, или гарцовать передъ полкомъ, воображая себя героемъ, если еще не пожертвовавшимъ, то все таки готовымъ жертвовать жизнью для защиты своего отечества. Но теперь, когда частыя международныя сношенія—торговыя, общественныя, научныя, художественныя — такъ сблизили народы между собою, что всякая война между современными народами представляется чѣмъ то въ родѣ семейнаго раздора, нарушающаго самыя священныя связи людей, когда сотни обществъ мира и тысячи статей, не только спеціальныхъ, но и общихъ газетъ, непереставая на всѣ лады разъясняютъ безуміе милитаризма и возможность, даже необходимость, уничтожить войну; теперь, когда — и это самое главное — все чаще и чаще приходится военнымъ выступать не противъ внѣшнихъ враговъ для защиты отъ нападающихъ завоевателей или для увеличенія славы и могущества своего отечества, а противъ безоружныхъ фабричныхъ, или крестьянъ, — гарцованіе на лошадкѣ въ украшенномъ галунами мундирчикѣ и щегольское выступаніе передъ ротами уже становится не пустымъ, не простительнымъ тщеславіемъ, какъ это было прежде, а чѣмъ то совсѣмъ другимъ»... и дальше въ томъ же духѣ...

Петрикъ положилъ рукопись на столъ.

— Это неправда?

— Конечно, неправда... Смѣшно и глупо писать та-

кія вещи офицерамъ. Можетъ быть, какой нибудь глупый штатскій идеалистъ...

— Или дурочка-дѣвушка, — вставила Агнеса Васильевна.

— Или сентиментальная дѣвушка повѣритъ въ это, но офицеръ... Да вѣдь передъ глазами весь обманъ этого. Это писано, когда только что окончилась война съ китайскими боксерами... Англо-бурская... Русско-японская.. Сербо-болгарская... и сейчасъ товарищи мнѣ пишутъ изъ полка, чтобы я торопился вернуться. На нѣмецкой границѣ не спокойно...

— Мы будемъ воевать съ нѣмцами? — опять пожала плечами Агнеса Васильевна.

— Возможно и будемъ. И во всякомъ случаѣ это зависитъ не отъ миротворческихъ статей, а отъ того, какіе «мундирчики будутъ на офицерахъ и какъ они будутъ гарцовать на лошадяхъ и выступать передъ ротами».

— Вотъ какъ!

— Что касается до усмиреній «смирныхъ, трудолюбивыхъ людей, желающихъ только, чтобы у нихъ не отнимали того, что они зарабатываютъ», то это опять неправда, недостойная Толстого.

— Да?

— Когда вооруженные чѣмъ попало крестьяне идутъ громить помѣщичью усадьбу, убиваютъ помѣщика, бьютъ его племенной скотъ, жгутъ домъ и службы, — это, простите, не смирные и трудолюбивые люди. Это грабители!.. Когда озвѣрѣлая толпа бѣжитъ громить еврейскую бѣдноту — это, простите, тоже не порабощенные люди и удерживать ихъ, хотя бы и угрозой убійства и даже самымъ убійствомъ — тяжелый долгъ... Благородное, а не подлое дѣло!.. И сколько офицеровъ и солдатъ погибло, исполняя этотъ свой долгъ.

— Толстой про усмиреніе еврейскихъ погромовъ ничего не пишетъ, — сказала Агнеса Васильевна.

— По вашему — христіанская кровь вода — ее не жалко лить... А еврейская... Вотъ убили гдѣ то мальчика Ванюшу Лыщинскаго и о немъ очень мало пишутъ,

но всѣ газеты полны возмущеніемъ, что въ этомъ убійствѣ подозрѣваютъ евреевъ.

— Какъ вы не понимаете, Петрикъ, что это можетъ вызвать погромъ!

— Тогда... Надо какъ можно скорѣе вступиться правосудію... И никому никакой погромъ не понадобится.

— Этого нельзя сдѣлать.

— Почему?..

— Петрикъ, вы ужасно какъ наивны. Мимо васъ идетъ большая сложная жизнь, а вы даже ею не интересуетесь.

— У меня есть свое большое дѣло и оно беретъ меня всего.

— Вотъ вашъ товарищъ Портосъ онъ съ перваго же знакомства заинтересовался этимъ. Его это увлекаетъ и онъ видитъ грядущія перемѣны и потрясенія. Такъ жить, какъ живетъ Русскій народъ нельзя. Самая большая страна въ мірѣ должна выйти на подобающее ей первое мѣсто.

— Она и такъ на немъ стоитъ.

— Полноте... Такъ ли это? Вы сами то вѣрите въ то, что говорите ?.. Вы слыхали про третій интернаціоналъ?

— Это Шигалевщина? Читалъ въ «Бѣсахъ».

— Не судите о соціалистахъ по Достоевскому. Онъ заблуждался. Вы знаете, что такое партія?

— Въ безикъ, или въ винтъ?

— Не шутите, Петрикъ. Вы мнѣ очень полюбились и я бы хотѣла, чтобы и вы поняли, что то, въ чемъ вы живете — это не жизнь. Если вы не перемѣнитесь, не поймете, не узнаете, что есть другая жизнь, идущая параллельно вашей вы не сдѣлаете добра Россіи. Вамъ надо измѣнить свой путь, вамъ надо ближе познакомиться съ людьми, горящими идеей, какъ нѣкогда горѣли ею христіане, послушать ихъ и понять. И тогда вы совершенно иначе отнесетесь къ Толстовской памяткѣ...

Она замолчала. Петрикъ слушалъ ее, не проронивъ

ни слова. Онъ ею любовался. Она подошла къ нему, сидѣвшему въ креслѣ и долго смотрѣла ему въ глаза.

— Я вижу, Петрикъ, что все таки вы кое что читали. И навѣрно помните, какъ въ «Войнѣ и Миръ» Толстой описываетъ, какъ къ княжнѣ Марьѣ въ Лысыхъ горахъ приходятъ ея Божьи люди. И князь Андрей ихъ видитъ. Я бы хотѣла, чтобы вы посмотрѣли моихъ божьихъ людей?

— У васъ бываютъ монахи и странники?..

— Не совсѣмъ такъ. Мои божьи люди въ Бога не вѣруютъ, но они до нѣкоторой степени монахи и странники поневолѣ. Посмотрѣвъ ихъ и послушавъ, вы станете многое иначе понимать.

— Это... соціалисты?

— Вы посмотрите и послушайте... И Портосъ будетъ. Приходите ко мнѣ въ среду. Совсѣмъ просто. Послушайте... подумайте... Какъ тѣ Божьи люди — такъ и мои божьи люди — люди простые, немудреные, но сколько въ нихъ силы и правды!..

Она быстро подошла къ двери, ведущей въ столовую и распахнула ее. Тамъ за накрытымъ столомъ, гдѣ бурно кипѣлъ самоваръ, сидѣла, ожидая ихъ, Глашенька.

XXVI.

Кто была Агнеса Васильевна и кто такіе ея божьи люди? Имѣетъ онъ право отказываться отъ свиданія съ ними — разъ только онъ желаетъ продолжать волнующее знакомство съ этой дѣвушкой.

Отъ нея пахнетъ туберозой. Ея глаза въ темномъ обводѣ вѣкъ кажутся громадными и сіяютъ, отражая огни лампъ. Подлинно: — лампады! Какой свѣтъ несутъ они? И можетъ онъ входить дальше и глубже въ ея жизнь и можетъ онъ, какъ офицеръ знакомиться съ ея божьими людьми?.. Что бы сказали объ этомъ въ полку и какъ отнесся бы къ этому баронъ

Отто-Кто? Петрикъ выспрашивалъ объ Агнесѣ Васильевнѣ Портоса. — «Славная дѣвочка», — сказалъ, широко улыбаясь, Портосъ.. Онъ что то про нея уже узналъ, нанюхалъ своимъ большимъ, красивымъ носомъ... «Можетъ быть», — думалъ Петрикъ, — «я дурака валяю. Это своего рода снобизмъ... Эта Толстовская памятка, отпечатанная, какъ прокламашка на гектографѣ... и сладкій дымокъ тонкой папироски въ маленькихъ, тонкихъ и длинныхъ пальчикахъ... Игра, чтобы увлечь... Она усердно подливала коньякъ въ его чайный стаканъ, и себя не забывала. Она, какъ видно, любила жизнь... Что же, что ея квартирка на пятомъ этажѣ — она живетъ не бѣдно... Откуда у нея средства? Прошло уже два мѣсяца, что онъ знакомъ съ нею. Онъ почти каждую недѣлю у нея, сидитъ до поздней ночи по субботамъ, — и ничего не узналъ, что кроется подъ ея красивымъ черепомъ. Кто она? Нигилисточка?... Быть можетъ совсѣмъ нѣтъ, — Портосъ знаетъ тотъ ключикъ, которымъ отпирается ея сердечко, все еще замкнутое для Петрика.

Чай съ коньякомъ его возбуждалъ, запахъ туберозы кружилъ голову. Глаза-лампады сіяли. Онъ, Петрикъ, свободенъ какъ вѣтеръ, и та, кто заколдовала его — чужая жена. И... «не пожелай жены ближняго твоего»...

Агнеса Васильевна посматривала на Петрика и точно читала въ его душѣ его мысли, какъ въ раскрытой книгѣ. Онъ ничего не могъ прочесть въ ея душѣ, хотя и смотрѣлъ, не спуская глазъ въ ея переливающія огнями лампады.

— Теперь совсѣмъ о другомъ, — вставая, сказала нигилисточка.

Они прошли въ ея кабинетикъ. Она сѣла въ уголъ тахты, Петрикъ въ кресло.

Она взяла съ круглаго столика книгу и раскрыла ее. Свѣтъ лампады съ краснымъ абажуромъ падалъ только на нее. Вся комната была въ тѣни. Огни продолжали играть въ ея глазахъ.

Петрикъ любовался тонкими, длинными пальцами

маленькой, красивой руки. Каждое движеніе ея въ мягкими складками облегающемъ платьѣ было красиво. Низъ лица былъ закрытъ книгой. Надъ обрѣзомъ переплета былъ чистый лобъ и тонкія темныя брови. Яркій свѣтъ падалъ на него и Петрикъ видѣлъ чуть замѣтныя ниточки морщинъ. Тѣни отъ локоновъ безпокойно бѣгали по лбу при движеніи головы. И сладкій запахъ туберозы шелъ отъ волосъ.

— Это Блокъ, — сказала низкимъ груднымъ голосомъ Агнеса Васильевна. — Вы слыхали?..

— Никакъ нѣтъ... — встрепенулся Петрикъ.

— Стыдно... Послѣ Пушкина... Я лично не признаю Пушкина... Послѣ Пушкина — это величайшій поэтъ. Вотъ посмотрите это... Прямо для васъ:

«Всадникъ въ битвенномъ нарядѣ,
Въ золотой парчѣ,
Свѣтлыхъ кудрей вьются пряди,
Искры на мечѣ.
Бѣлый конь, какъ цвѣтъ вишневый,
Блещутъ стремена...
На кафтанъ его парчевый
Пролилась весна...»

Агнеса Васильевна прочла стихи по своему, на распѣвъ. Музыка была въ ея голосѣ и въ стихахъ. Они показались Петрику прекрасными.

— Да... очень хорошо, — прошепталъ онъ. — Бѣлый конь, какъ цвѣтъ вишневый... Прекрасно!

— А вотъ это — еще лучше.

Агнеса Васильевна стала читать со страстнымъ вызовомъ:

— «...Опять съ вѣковою тоскою,
Пригнулись къ землѣ ковыли,
Опять за туманной рѣкою
Ты кличешь меня издали...
Умчались, пропали безъ вѣсти
Степныхъ кобылицъ табуны,

Развязаны дикія страсти
Подъ игомъ ущербной луны.
И я съ вѣковою тоскою,
Какъ волкъ подъ ущербной луной
Не знаю, что дѣлать съ собою»...

Небрежнымъ движеніемъ Агнеса Васильевна бросила книжку въ уголъ тахты. Гибко вставая, выпрямилась, потянулась тонкимъ станомъ и, заламывая руки надъ головою, распѣвно, повторила:

— «Развязаны дикія страсти
Подъ игомъ ущербной луны.
И я съ вѣковою тоскою,
Какъ волкъ подъ ущербной луной
Не знаю, что дѣлать съ собою»...

Полъ шага отдѣляло ее отъ Петрика. У его головы былъ ея тонкій, трепещущій станъ. Сильнѣе былъ запахъ туберозъ. Точно вся она были имъ пропитана и благоухала, какъ нѣжный цвѣтокъ. Петрикъ несмѣло протянулъ руку, охватилъ ея станъ и потянулъ къ себѣ, побуждая ее сѣсть ему на колѣни. Неожиданно сильнымъ движеніемъ она вырвалась изъ подъ его руки и отбѣжала въ уголъ комнаты, къ окну.

— Какая... — съ отвращеніемъ воскликнула она, — офицерская пошлость!

Петрикъ быстро всталъ. Лицо его покрылось густымъ румянцемъ и горѣло, какъ отъ пощечины. «Пошлость» онъ бы снесъ... «Офицерская» — стегнуло его по лицу, какъ хлыстомъ. Ноги его обмякли. Глаза налились кровью. Онъ схватилъ рукою тяжелую мѣдную папиросницу и она задрожала въ его рукѣ...

Агнеса Васильевна поблѣднѣла и, овладѣвъ собою, холодно сказала:

— Къ вамъ это не идетъ, Петрикъ... Предоставьте такіе поступки... Портосу...

Петрикъ оставилъ папиросницу и поднялъ глаза на Агнесу Васильевну.

— Что... Портосъ?.. — глухо сказалъ онъ.

— Жеребецъ въ мундирѣ... А въ васъ... Вамъ я больше вѣрила...

— Простите меня... — сказалъ Петрикъ. — Я васъ, выходитъ, не такъ понялъ.

Онъ пошелъ къ двери, низко опустивъ голову.

— Петрикъ? — окликнула Агнеса Васильевна.

Онъ остановился, не оборачиваясь и стоялъ спиною къ дѣвушкѣ.

— Петрикъ, постойте... Можетъ быть, это я сама виновата.

— Вы меня, — тихо сказалъ Петрикъ, — могли оскорбить... Я то оскорбленіе заслужилъ... И прошу простить меня... Вы оскорбили офицеровъ... Вы задѣли самое святое во мнѣ. Будь вы мужчина — я бы зналъ, что дѣлать... Вы дѣвушка... Оскорбленіе остается на мнѣ.

— Будь вы мужчина вы бы... что?.. ну... говорите... что вы сдѣлали-бы со мной?..

— Я бы вызвалъ васъ на дуэль...

— Вызывайте! Я готова драться.

— Это не шутки, Агнеса Васильевна, это очень серьезно.

— Ну, а если бы васъ, скажемъ... ударила бы по лицу женщина?..

— Я долженъ поцѣловать ту женщину.

— Цѣлуйте меня!

— Поздно... Моментъ... упущенъ... И я не знаю, что мнѣ дѣлать...

— Простите меня, Петрикъ, — тихо и серьезно сказала Агнеса Васильевна. — Я, правда, не знала, что есть такіе люди, какъ вы...

Петрикъ вышелъ въ прихожую, взялъ саблю, пальто и фуражку и, не надѣвая ихъ, пошелъ на лѣстницу. Ему казалось унизительнымъ и неприличнымъ при Агнесѣ Васильевнѣ поднимать полы кителя и протягивать на рейтузы пояснную портупею.

Агнеса Васильевна стояла посерединѣ комнаты. Она провела рукою по лицу и разсѣяннымъ движеніемъ поправила на лбу волосы.

«Ахъ, вотъ какъ!» — быстро подумала она. —

«Есть, значитъ, что то высшее и у нихъ, за что они готовы отдать все... Портосъ... Портосъ, конечно, зналъ бы что ему дѣлать и валялась бы я на этой самой тахтѣ подъ нимъ, какъ уже валялась, не въ силахъ обуздать своей похоти и не чувствуя надобности стѣснять себя въ своихъ желаніяхъ... Желала-ли я сейчасъ Петрика?.. Да, желала. И возьми онъ меня не трепетною рукою, а сильно и властно и... опять летѣла бы я въ бездну, какъ летѣла не разъ, шептала бы: — «не надо, не надо!.. а сама обнажалась-бы»...

Она выбѣжала на лѣстницу. Площадкой ниже, нахлобучивъ фуражку на самыя уши, Петрикъ неловко вздѣвалъ пальто. Погоны кителя цѣплялись и мѣшали ему. Агнеса Васильевна, ловко поддѣла ему пальто, обняла смутившагося Петрика и поцѣловала его въ губы.

— Такъ до среды, — шепнула она ему. И быстро убѣжала и закрыла за собою дверь.

Петрикъ спускался по каменнымъ ступенямъ. Мягко звенѣли шпоры его высокихъ сапогъ.

Что-же это было такое? Упущенная возможность?.. Или?..

Сладкій мигъ пролетѣлъ...

XXVII.

Валентина Петровна была недовольна Петрикомъ. Она хотѣла «кататься» на лошади, какъ каталась она по полямъ и лѣсамъ окрестностей Захолустнаго Штаба. Хотѣла, чтобы свѣжій весенній воздухъ холодилъ ея разгоряченное лицо, чтобы ея кавалеръ удивлялся ея удали и прекрасной посадкѣ, чтобы прохожіе любовались ею. Ѣздить — въ Лѣтнемъ саду, по набережной, на островахъ... Робкая и красивая подходила Петербургская весна и тянула на волю. У Валентины Петровны была заготовлена прекрасная, модная, короткая амазонка, у ней былъ теплый англійскій рединготъ изъ сук-

на, темно-сѣрый съ черными, едва примѣтными полосками, и вмѣсто котелка она, по совѣту Портоса, купила прелестный треухъ. Онъ чрезвычайно шелъ къ ней. Былъ даже вопросъ о томъ, чтобы сшить разрѣзную юбку и ѣздить по мужски, но этотъ вопросъ былъ оставленъ до будущихъ дней.

Петрикъ настоялъ, чтобы первый разъ ѣздить въ манежѣ. «Надо вспомнить», — говорилъ онъ Валентинѣ Петровнѣ. — «Вѣдь вы четыре года не садились на лошадь». Валентина Петровна съ трудомъ согласилась съ этимъ. Но Петрикъ вздумалъ учить ее, — ее, дочь генерала Лоссовскаго, начальника безсмертной дивизіи, лучшаго наѣздника, ѣздившаго на ординарцы къ самому императору Александру II.

Учить ее, лучшую наѣздницу Захолустнаго Штаба, лихо изображавшую «лисичку» на играхъ ихъ полка! Это уже была непростительная дерзость.

Ѣзда въ манежѣ Боссе на Семеновскомъ плацу! Это былъ уже не модный манежъ. У Боссе былъ другой манежъ на Петербургской сторонѣ, во второмъ этажѣ «шикарный» манежъ, залитый электрическимъ свѣтомъ и модный. Манежъ на Семеновскомъ плацу, ветхое деревянное зданіе доживалъ послѣдніе дни и тамъ не было хорошихъ лошадей. Петрикъ выбралъ его потому, что онъ былъ ближе къ Николаевской.

— Вамъ всего пять минутъ ѣзды...

Но она могла и полъ часа проѣхать!

Валентина Петровна пріѣхала въ манежъ къ назначенному времени, одѣтая въ амазонку и въ шубѣ. Въ манежѣ не зажигали огней. Было пять часовъ. Ни свѣтъ, ни сумерки. Пусто, уныло и сыро. Петрикъ и конюхъ манежа ожидали ее съ лошадьми. Что это были за лошади — страшно сказать! Какія то мохнатыя, не отлинявшія, голодныя «шкапы». Самъ Петрикъ былъ сконфуженъ, когда усаживалъ на элегантное собственное, все изъ свиной кожи, безъ всякой замши, любительское сѣдло Валентины Петровны и оправлялъ на ней амазонку. Петрикъ потребовалъ, чтобы Валентина Петровна разобрала поводья какъ то по новому, «по манежному». Три повода въ лѣвой рукѣ и четвертый трен-

зельный, въ правой. Этотъ способъ держанія поводьевъ показался очень неудобнымъ Валентинѣ Петровнѣ и даже повліялъ на ея посадку.

Петрикъ робко сказалъ ей два раза: — не валитесь такъ на передъ.

Валентина Петровна провѣрила себя въ зеркало. Дѣйствительно она валилась на передъ. Какой позоръ! Она разучилась ѣздить верхомъ! Во всемъ были виноваты этотъ идіотскій способъ держанія поводьевъ, манежныя клячи... и Петрикъ.

Лошади бѣжали ровной рысью, слишкомъ ровной, тупой и тряской, показалось Валентинѣ Петровнѣ, и сами, не обращая вниманія на шенкель, хлыстъ и поводъ «брали углы», дѣлали вольты, мѣняли направленіе. Ихъ распущенныя уши и весь ихъ видъ говорили Валентинѣ Петровнѣ: — «мы знаемъ все... намъ здѣсь все до смерти надоѣло... оставьте насъ въ покоѣ... не мучайте насъ»... Никакой пружинистости, гибкости въ нихъ не было и это раздражало Валентину Петровну. Она разучилась стягивать волосы и прическа стала расспускаться, а треухъ полѣзъ на затылокъ и на бокъ. Пришлось остановиться, перекручивать волосы, и перешпиливать шляпу... Пожалуй, и хорошо, что это было въ манежѣ, пустомъ и темномъ и съ Петрикомъ, который старательно трясся подлѣ Валентины Петровны и ничего не видѣлъ, кромѣ поводьевъ, посадки и того, какъ собрана лошадь.

Валентина Петровна скоро уставала. Конечно, и въ этомъ виноваты были ужасная лошадь и... Петрикъ. Она раскраснѣлась, завитки свѣтлыхъ волосъ выбились изъ подъ шляпки и когда она взглядывала на себя въ запотѣвшее зеркало, мимо тускло мелькала задорная дѣвочка Алечка Лоссовская, надувшаяся на своего вѣрнаго мушкатера — кадета Петрика, а не статская совѣтница Тропарева, жена знаменитости, чье имя послѣднее время не сходитъ со столбцовъ газетъ въ связи съ какимъ то ужаснымъ убійствомъ въ Энскѣ.

Когда пошли галопомъ — стало лучше. Лошадь шла, пофыркивая въ тактъ движенія, и Валентина Петровна не вылетала изъ сѣдла. Петрикъ ее ободрялъ,

— Отлично, госпожа наша начальница... Совсѣмъ, какъ въ Захолустномъ Штабѣ... Я никакъ, божественная, не думалъ, что такъ пойдетъ...

— Ну, довольно, — сказала Валентина Петровна, — и, точно понимая ея слова, лошадь пошла шагомъ. , Они распустили поводья и ѣздили по манежу.

— Я не знала, Петрикъ, что вы такой жестокій человѣкъ, — сказала Валентина Петровна. — И педантъ... педантъ!..

— Помилуйте, божественная, — растерялся Петрикъ.

— Ну зачѣмъ такое глупое держаніе поводьевъ. Я всегда держала ихъ такъ...

И Валентина Петровна разобрала поводья такъ, какъ держала ихъ еще дѣвочкой.

— Это, божественная госпожа наша начальница, — по полевому... А когда въ манежѣ, то надо держать или такъ или вотъ этакъ. Вы посмотрите, какъ это удобно: — трензельными — вы поднимаете голову лошади, вы ей даете направленіе, мундштучными, вы подбираете ее — это такъ удобно...

— Можетъ быть... Мнѣ это не удобно... Давно не были у нигилисточки?

Петрикъ смутился. Недавняя сцена, недавняя ссора и примиреніе, «офицерская пошлость», ярко встали передъ нимъ. Онъ опустилъ голову и озабоченно сталъ разбирать сбившуюся гриву лошади.

Они находились въ это время у ложи, подъ часами. И, когда повернули по длинной стѣнѣ манежа, къ зеркалу, въ глубинѣ, у темнаго входа въ конюшню, распахнулась низкая дверца и въ манежъ въѣхалъ верхомъ Портосъ. Онъ былъ на своемъ великолѣпномъ карековомъ Фортинбрасѣ, онъ былъ очень «стиленъ» въ длинномъ конноартиллерійскомъ сюртукѣ, по старинному зашпиленномъ концами полъ, отчего были видны бѣлые треугольники подкладки и ноги въ сѣро-синихъ рейтузахъ съ кантомъ. Въ тотъ же мигъ служитель пустилъ свѣтъ и въ этомъ свѣтѣ, красивый, большой, изящный Портосъ легко поднялъ своего красавца въ галопъ и красиво и ловко подскакалъ къ Валентинѣ Петровнѣ.

— Я вамъ не помѣшаю, Валентина Петровна?.. — сказалъ онъ, еще на галопѣ снимая фуражку съ чернобархатнымъ околышемъ, передавая ее въ лѣвую руку и склоняясь, чтобы поцѣловать ручку Валентины Петровны.

— Здравствуй, — небрежно кинулъ онъ Петрику.

Они поѣхали всѣ трое рядомъ.

При видѣ прекраснаго Фортинбраса, рослаго англо-араба завода Браницкой, играючи шедшаго рядомъ съ манежными лошадьми, Валентина Петровна пожелала кончить урокъ и слѣзть поскорѣе съ своей клячи. Ей казалось позорнымъ такъ ѣздить при Портосѣ.

— Мы уже кончаемъ, Портосъ, — сказала она. — Петрикъ былъ такъ добръ, что далъ мнѣ урокъ и многое напомнилъ. Кажется я не совсѣмъ разучилась ѣздить? Правда, Петрикъ?

— Помилуйте, божественная госпожа наша начальница, — пробормоталъ Петрикъ.

— А можно съ вами пройти немного галопомъ?

— Право не стоитъ, Портосъ... Это такая кляча. Мнѣ стыдно на ней ѣхать рядомъ съ вашимъ великолѣпнымъ конемъ.

— Пройдемте немножко... Зачѣмъ вы такъ держите поводья?.. Разберите такъ, какъ вы привыкли... По полевому. Ѣдемте.

Идти втроемъ рядомъ было неудобно. Слишкомъ малъ былъ манежъ и Петрикъ отсталъ. Онъ почувствовалъ себя чужимъ и ненужнымъ. Передъ нимъ скакала прекрасная госпожа наша начальница. Она точно выше стала ростомъ, не горбилась въ сѣдлѣ, головка была поднята и сіяли ея глаза цвѣта морской воды.

— Валентина Петровна, — говорилъ Портосъ, совсѣмъ близко склоняясь къ ея уху. — вы божественно ѣздите. Позвольте вамъ предложить для прогулокъ моего жеребца. Онъ чудно выѣзженъ, кротокъ какъ овца и не боится ни трамваевъ, ни автомобилей!.. Мы поѣдемъ съ вами на острова. Тамъ теперь такъ хорошо!

Валентина Петровна вспомнила, какъ на Витебскомъ вокзалѣ, «ея» Яковъ Кронидовичъ, когда уже удалялся поѣздъ крикнулъ ей: — «съ Петрикомъ мож-

но!» Правъ, былъ ея мужъ... Съ Петрикомъ ѣздить было можно. Съ нимъ въ ѣздѣ не было ни удовольствія, ни волненія, что въ румянецъ ее бросало, что заставляло ее чаще дышать и какъ то по особому чувствовать молодое гибкое тѣло. Ея лошадь, манежная кляча точно поняла ее. Или это потому, что теперь поводья ей не мѣшали? Она шла легко, играя, точно красовалась передъ Фортинбрасомъ, какъ сама она невольно красовалась передъ Портосомъ. И было во всемъ этомъ какое то новое, сладкое ощущеніе... Вѣрно этого боялся ея Яковъ Кронидовичъ? Боялся грѣха? Но гдѣ же тутъ былъ грѣхъ?... Да, съ Петрикомъ она бы каталась... Съ Портосомъ она будетъ наслаждаться. А развѣ этого нельзя? Почему же нельзя наслаждаться ѣздою? Имѣть хорошую лошадь, не слышать нарочно менторскаго тона и не видѣть смущеннаго Петрика, не знающаго, что надо дѣлать. Портосъ знаетъ. Ему можно смѣло довѣриться... А ревнивыя подозрѣнія Якова Кронидовича? Какъ это глупо!.. Развѣ она что нибудь позволитъ!.. Она напишетъ своему благовѣрному и онъ пойметъ ее... пойметъ и проститъ. Онъ такой умный, чуткій и великодушный.

Она промолчала.

XXVIII.

Они кончали ѣзду. Не Петрикъ, подскочившій, чтобы помочь Валентинѣ Петровнѣ, а Портосъ, бывшій рядомъ, принялъ ее, взявъ за талью сильными руками и какъ перышко бережно снявъ и поставивъ на опилки манежа.

— Петрикъ, — сказалъ Портосъ, — будь такой милый, покажи Валентинѣ Петровнѣ моего Фортинбраса. Подъ тобою онъ и пассажемъ пойдетъ. Я-же ѣздокъ хорошій, а наѣздникъ неважный, и куда мнѣ до тебя, лучшаго ѣздока школы.

Показать прекраснаго Фортинбраса Валентинѣ Пе-

тровнѣ для Петрика было удовольствіе и онъ легкимъ прыжкомъ вскочилъ въ сѣдло. Фортинбрасъ подъ его крѣпкими шенкелями и нѣжной тонкой работой рукъ преобразился. Онъ поднялъ голову, опустилъ носъ и, отжевывая, пошелъ воздушной легкой походкой на сокращенной рыси. Онъ откинулъ задъ и, помахивая короткимъ по рѣпицу рѣзанымъ хвостомъ сталъ принимать точно танцуя вдоль манежа.

Валентина Петровна и Портосъ сидѣли на стульяхъ въ ложѣ. Они не смотрѣли ни на Петрика, ни на лошадь. Портосъ любовался оживленнымъ, раскраснѣвшимся лицомъ Валентины Петровны. Въ ея глазахъ отразились его каріе, горящіе страстью глаза.

— Въ эту субботу, Валентина Петровна, — говорилъ Портосъ, — въ школѣ традиціонный конный праздникъ въ пользу школы солдатскихъ дѣтей... Я не скажу весь «свѣтъ» — это не точно, — въ Михайловскомъ манежѣ, на Concours hippique, пожалуй, больше бываетъ аристократіи, но весь кавалерійскій свѣтъ считаетъ долгомъ быть на немъ. Вы увидите такую ѣзду, такихъ лошадей, какихъ вы нигдѣ не увидите. Достать билеты очень трудно. Они идутъ по рукамъ... Я досталъ вамъ мѣсто въ прекрасной ложѣ противъ главной великокняжеской ложи.

— Я не знаю, — начала было Валентина Петровна. Она боялась, что эти ея увлеченія лошадьми и спортомъ и, слѣдовательно, — офицерами — будутъ непріятны Якову Кронидовичу.

Портосъ угадалъ ея мысли и понялъ причину ея колебаній.

— О не бойтесь... Меня въ этой ложѣ не будетъ. Въ ней всего пять мѣстъ, и будете вы, Вѣра Константиновна Саблина, la charmante m-me Sabline, une personne irréprochable*), Вѣра Васильевна Баркова и Лидія Ѳедоровна съ мужемъ... Рядомъ ложа Тверскихъ, гдѣ будетъ генералъ Полуяновъ и гдѣ буду появляться я, чтобы имѣть счастье вами любоваться.

Валентина Петровна согласилась.

---

*) Очаровательная госпожа Саблина, безупречная особа.

Было рѣшено, что Портосъ за нею заѣдетъ и привезетъ ее въ школу.

— Можетъ быть, — робко сказала Валентина Петровна, — лучше бы попросить объ этомъ Петрика?

— Петрика?! — воскликнулъ Портосъ. — Да развѣ онъ вамъ не говорилъ? Не похвасталъ передъ вами?.. О! узнаю нашего скромнаго Атоса! Петрикъ, если можно такъ выразиться, примадонна этого праздника. Вы увидите Петрика первымъ номеромъ водящаго великолѣпную смѣну на своей возлюбленной Одалискѣ, ей не измѣнилъ еще онъ ни съ одною женщиной, вы увидите отважнаго Петрика въ погонѣ за крѣпкимъ туркомъ и, наконецъ, на казенной лошади Петрикъ приметъ участіе въ головоломномъ «дьяболо», гдѣ дай Богъ не разбить ему свою башку. Онъ, я думаю, съ утра будетъ въ манежѣ. Но, почему Валентина Петровна вы не хотите сдѣлать мнѣ честь доставить васъ въ манежъ?

«Въ самомъ дѣлѣ почему?» — мелькнуло въ головѣ Валентины Петровны. «Отказать Портосу проводить ее въ манежъ — это значитъ признать, что что-то есть — но вѣдь ничего же нѣтъ!», и она, сказала, улыбаясь:

—Но я боюсь васъ стѣснить, Портосъ. У васъ могутъ быть другія знакомыя.

— Я весь къ вашимъ услугамъ. Я заѣду за вами на своемъ автомобилѣ и на немъ же привезу васъ обратно.

Все это было заманчиво. Валентина Петровна, однако, хотѣла для проформы еще протестовать, но какъ разъ въ это время Петрикъ, добивавшійся, чтобы Фортинбрасъ сталъ на пассажъ, чего то добился и радостно закричалъ:

— Портосъ! смотри... идетъ! Ей Богу идетъ!.. Госпожа наша начальница, поглядите-ка... Какъ пишетъ!

Напѣвая сквозь зубы мотивъ матчиша Петрикъ ѣхалъ черезъ манежъ. Лошадь задерживала на воздухѣ ноги и казалось, не касалась ими земли.

— На этомъ я думаю кончить, — сказалъ Петрикъ. — Надо чтобы онъ запомнилъ это. Ты самъ его ставилъ?

— Наѣздникъ Рубцовъ, — небрежно кинулъ Портосъ. — Слѣзай, милый Петрикъ.

Петрикъ вспотѣвшій отъ работы, спрыгнулъ съ лошади, освободилъ желѣзо и давалъ Фортинбрасу сахаръ, лаская его. У Петрика всегда въ карманѣ былъ сахаръ. Подбѣжавшій вѣстовой Портоса принялъ отъ него жеребца и Петрикъ, довольный успѣхомъ, вошелъ въ ложу.

— Вы теперь остыли, — говорилъ Портосъ Валентинѣ Петровнѣ, сидѣвшей съ накинутой на плечи шубкой, — если хотите, можно и ѣхать.

— Да, поѣдемте.

Она сбросила, вставая, шубку на руки Портоса и онъ подалъ ей ее въ рукава. Петрикъ пристегивалъ саблю и надѣвалъ свое легкое, вѣтромъ подбитое пальто. Никто не подумалъ о томъ, что потъ струился по его лицу.

Всѣ трое вышли изъ манежа.

Серебряный сумракъ стлался надъ городомъ. Небо было блѣдно-зеленое и, высоко за сѣрой каланчой Московской части зажглась ясная вечерняя звѣзда. Тихо, пустынно и какъ то уютно было на плацу. Пахло землею и глиной. Сзади раздавались протяжные свистки паровозовъ. Кругомъ трещалъ и грохоталъ городъ.

Хорошій извощикъ съ новенькой пролеткой на дутикахъ дожидался Портоса.

Портосъ подсадилъ въ экипажъ Валентину Петровну.

— До свиданья Петрикъ. Большое, большое спасибо вамъ за урокъ, — протягивая Петрику маленькую ручку, сказала Валентина Петровна. — Пріѣзжайте ко мнѣ чай пить...

— Простите, божественная, госпожа наша начальница, никакъ не могу. Въ восемь часовъ у насъ въ школѣ репетиція. Я только-только поспѣю.

— Опять ѣздить?

— Опять, божественная.

Портосъ сидѣлъ рядомъ съ Валентиной Петровной. На немъ было модное, безъ складокъ на спинѣ

пальто темно-сѣраго сукна. Новые золотые погоны отражали свѣтъ фонаря.

— Прощай, Петрикъ, — помахалъ онъ рукою въ перчаткѣ.

Извощикъ тронулъ, выбираясь на мощеную дорогу. Мягко качнулась пролетка. Петрику показалось, что Портосъ обнялъ за талію госпожу нашу начальницу. Какое то чувство шевельнулось во вдругъ защемившемъ сердцѣ Петрика.

Любовь?.. Ревность?.. Зависть?..

Онъ сейчасъ же прогналъ это чувство. Онъ смотрѣлъ, какъ точно таялъ, удаляясь, силуетъ пролетки съ двумя людьми, близко сидящими другъ подлѣ друга. Придерживая саблю Петрикъ быстро шелъ, почти бѣжалъ за ними. Они повернули направо. И, когда вышелъ Петрикъ на Загородный проспектъ, — они исчезли въ городской суматохѣ, въ вереницѣ извощиковъ, ѣхавшихъ съ вокзала.

Петрика нагонялъ, позванивая, трамвай. Петрикъ побѣжалъ на остановку, чтобы захватить его.

XXIX.

Конный праздникъ Офицерской кавалерійской школы ежегодно собиралъ небольшое, но очень избранное общество. Размѣры и устройство манежа — слишкомъ для этого узкаго, не позволяли собрать больше зрителей — но за то тѣ, кто сюда шелъ были искренніе любители ѣзды и лошадей.

Заботами и искусствомъ полковника Залевскаго, завѣдующаго хозяйствомъ школы, своими мастерами, солдатами «Общаго состава» и эскадрона, въ глубинѣ и у входа, вдоль короткихъ стѣнъ манежа были устроены изъ досокъ ложи и трибуны. Большая ложа манежа была убрана цвѣтами, коврами и матеріей. Въ ней стояли кресла для Царской фамиліи и стулья для генералитета. Противъ нея ложа вольтижернаго манежа укра-

шенная коврами, была разгорожена на нѣсколько малыхъ ложъ. Въ одной изъ нихъ, по протекціи Скачкова, Портосъ приготовилъ мѣсто для Валентины Петровны.

Вмѣсто обычныхъ трехъ матовыхъ фонарей, скудно освѣщавшихъ манежъ въ часы вечерней ѣзды было повѣшено девять фонарей, яркимъ свѣтомъ заливавшихъ его арену. Полъ былъ усыпанъ свѣжими бѣлыми опилками.

Надъ трибуной, въ глубинѣ манежа, была устроена эстрада и на ней помѣстились школьные трубачи въ парадной формѣ, въ черныхъ ментикахъ, подбитыхъ малиновымъ шелкомъ и въ бараньихъ шапкахъ съ алымъ шлыкомъ и высокимъ бѣлымъ султаномъ.

Публика прибывала. Офицеры и молодцеватые унтеръ-офицеры эскадрона указывали мѣста и проводили черезъ манежъ по мягкимъ опилкамъ къ дальнимъ ложамъ. Мягко ступали дамскіе башмачки, калоши-ботики и туфельки по свѣжимъ, прохладнымъ опилкамъ. Хоръ трубачей игралъ что-то пѣвучее, нѣжное и сладкое, создавая настроеніе праздника.

Бравый Елизаветградскій гусаръ, штабсъ-ротмистръ, дежурный по школѣ, въ новенькомъ китель при ременной амуниціи, въ краповыхъ чакчирахъ и алой фуражкѣ, стоялъ на верху главной ложи, подъ портретомъ Великаго Князя, готовый рапортовать подъѣзжающему начальству. Генералы Лимейль, князь Багратуни, бывшіе начальники школы генералы Безобразовъ и Брусиловъ уже сидѣли въ ложѣ, окруженные свободными офицерами постояннаго состава. Шелъ сдержанный разговоръ. Какъ только отворялась дверь, всѣ поворачивали головы и смотрѣли на входившихъ. Унтеръ-офицеръ «махальный» — зорко слѣдилъ за въѣзжавшими въ узкій дворъ школы экипажами и автомобилями.

На сильномъ и мягкомъ «Мерседесъ», управляемомъ шоффером въ ливрей, подъѣхала Валентина Петровна съ Портосомъ.

Ея сердце билось. Она опять почувствовала себя «дивизіонной барышней», генеральской балованной доч-

кой, кумиромъ, королевой полутора сотень офицеровъ Захолустнаго Штаба. Она вспомнила ихъ конные праздники и букеты цвѣтовъ, которые подносили ея матери, когда они пріѣзжали на праздникъ.

Въ широкополой черной шляпѣ, уложенной по тульѣ пунцовыми розами, обрамлявшей ея милое, свѣжее лицо, какъ картину, въ пальто накидкѣ темно-лиловаго цвѣта, широкой въ плечахъ, стянутой ниже колѣнъ, ниспадающей многими отчетливыми складками, въ щегольскихъ башмачкахъ, осторожно поддерживая спереди неуловимо стыдливымъ красивымъ движеніемъ платье, легко ступая рядомъ съ Портосомъ, Валентина Петровна пересѣкла манежъ и поднялась въ малую ложу, гдѣ ее ожидала Лидія Ѳедоровна Скачкова съ Саблинымъ.

Мѣста наполнялись. Стрѣлка часовъ подходила къ девяти. Трубачи перестали играть. Валентинѣ Петровнѣ — военной барышнѣ — передавалось волненіе ожиданія высокаго начальства и праздника.

Красавица Вѣра Константиновна Саблина сидѣла въ ложѣ въ большомъ вечернемъ манто и маленькой бѣлой шапочкѣ, красиво сидѣвшей на ея золотыхъ волосахъ. Она, картавя, объясняла Вѣрѣ Васильевнѣ Барковой, дамѣ чуждой кавалеріи, устройство манежа и что стоитъ на разрисованной программѣ. Рядомъ въ ложѣ хриплымъ баскомъ Бражниковъ разсказывалъ, что то генералу Полуянову.

Генералъ, небрежно облокотясь о перегородку между ложами, поцѣловалъ повыше перчатки у самаго локтя руку Валентины Петровны, и, лукаво подмигивая ей слегка косящимъ глазомъ, сказалъ:

— Сюда бы вашего Владиміра Васильевича Стасскаго затащить! То-то чертыхался-бы!

— И не говог'ите, — вступила въ разговоръ Саблина. — Знаю его. Ужаснѣйшій человѣкъ!.. Анаг-хистъ!

Въ сосѣднемъ манежѣ двадцать четыре офицера и среди нихъ Петрикъ, подъ наблюденіемъ Драгоманова, Дракуле и Дугина разбирали лошадей. Здѣсь по сравненію съ залитымъ свѣтомъ главнымъ манежемъ каза-

лось темно. Вѣстовые и унтеръ-офицеры со щетками, гривомочками и гребешками обходили лошадей и подправляли ихъ «туалетъ». Щетки ногъ были подщипаны, лишній волосъ въ ушахъ подпаленъ, цвѣтныя ленточки бѣлыя, голубыя и красныя были вплетены въ тщательно разобранныя и расчесанныя гривы и завязаны кокетливыми бантами.

Петрику, оглаживавшему и ласкавшему свою милую Одалиску, казалось, что онъ находится не въ школьномъ манежѣ, а въ уборной кордебалета. Ему даже казалось, что пахнетъ духами, а во взвигахъ заигрывавшихъ лошадей ему слышался смѣхъ и капризные крики молоденькихъ женщинъ.

Стрѣлка часовъ въ главной ложѣ подошла къ девяти. Дверь распахнулась и унтеръ-офицеръ въ ментикѣ и шапкѣ крикнулъ въ ложу:

— Изволютъ ѣхать!

Дежурный офицеръ еще разъ обдернулъ полы кителя подъ ремнями амуниціи и поправилъ перчатку. Всѣ генералы въ ложѣ встали.

Трубачи заиграли торжественно - парадный полковой маршъ Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго Его Величества полка. Въ манежъ входилъ высокій прямой, худощавый генералъ-адъютантъ въ легкомъ пальто и алой съ желтыми кантами гусарской фуражкѣ. Онъ сталъ подниматься по лѣстницѣ въ ложу. Дежурный офицеръ сдѣлалъ шагъ впередъ и громко и отчетливо отрапортовалъ:

— Ваше Императорское Высочество въ Офицерской Кавалерійской Школѣ происшествій никакихъ не случилось...

Послѣ доклада о состояніи школы ея начальника, Великій Князь повернулся къ стоявшимъ внизу унтеръ-офицерамъ и наѣзднікамъ и привѣтливо сказалъ:

— Здоровы молодцы!

Трубачи перестали играть. Въ манежѣ была полная, волнующая тишина.

Въ эту тишину вошелъ дружный отвѣтъ сдержанными голосами:

— Здравія желаемъ Ваше Императорское Высочество.

Всѣ узнали, что пріѣхалъ Великій Князь, Главнокомандующій. Онъ появился въ ложѣ и сѣлъ въ кресло.

Конный праздникъ начался.

XXX.

Мягко и напѣвно трубачи заиграли рысь. Сладко и нѣжно велъ мелодію серебряный корнетъ и басы отчетливо и подъ сурдинку отбивали тактъ: разъ-два... разъ-два... разъ-два...

Они проиграли первое колѣно при пустомъ манежѣ и это какъ бы подготовило зрителей къ принятію всадниковъ.

Не слышно распахнулись ворота и прямо по серединѣ манежа, легкой, танцующей побѣжкой, одинъ за однимъ, на лошадь дистанціи, стали въѣзжать офицеры.

— Валентина Петровна, смотрите Петрикъ-то нашъ! — сказалъ Портосъ.

Но Валентина Петровна итакъ уже увидала его.

На своей рыжей чистокровной Одалискѣ, слившись съ нею, въ тактъ музыкѣ трясясь въ сѣдлѣ, и, казалось, Валентинѣ Петровнѣ, что и лошадь поднимала и опускала ноги, почти не касаясь земли, тоже въ тактъ музыкѣ, смѣну велъ Петрикъ.

Въ парадной драгунской каскѣ съ чернымъ щетинистымъ гребнемъ, съ мѣдной чешуей на подбородномъ ремнѣ, Петрикъ казался моложе. Его лицо было сосредоточено и совсѣмъ по дѣтски были нахмурены брови

Тяжелая сабля была вложена въ плечо, ножны съ легкимъ побрякиваніемъ болтались у лѣвой ноги. Одалиска, собранная на мундштукѣ, неподвижно поставила отвѣсно голову и шла, точно не дыша, лишь раздувъ нѣжныя ноздри и только косила, показывая бѣлокъ, своимъ прекраснымъ громаднымъ глазомъ на непривычную публику.

Шесть драгунскихъ офицеровъ, одинъ за однимъ, всѣ на рыжихъ лошадяхъ ѣхали за Петрикомъ, за ними ѣхало шесть уланъ на гнѣдыхъ лошадяхъ. Легкимъ ковылемъ играли бѣлые волосяные султаны, лихо, на бекрень, надѣтыхъ уланскихъ шапокъ, и красные, синіе, бѣлые и желтые лацканы узорно лежали на стянутыхъ въ тальѣ «уланкахъ». Шесть гусаръ на вороныхъ и шесть гусаръ на сѣрыхъ лошадяхъ замыкали парадную карусель.

Не доѣзжая четырехъ шаговъ до ложи, офицеръ ловкимъ движеніемъ поднималъ саблю къ подбородку «подвысь» и противъ ложи опускалъ ее, вскидывая голову на Великаго Князя. И такъ отчетливо было движеніе всей смѣны, такъ правильно дѣлали офицеры салютъ, что, казалось, черезъ математически ровные промежутки въ свѣтѣ фонарей молніей вспыхивалъ серебряный клинокъ стали и погасалъ, опускаясь.

Валентина Петровна не сводила глазъ съ ѣздоковъ. Одна лошадь была красивѣе другой. И какія были красивѣе — рыжія, или гнѣдыя, отливавшія въ темную мѣдь, или вороныя съ синими блестками, или серебристо-бѣлыя въ сѣрыхъ яблокахъ и подпалинахъ? Пахнуло лошадьми — но пріятенъ показался и этотъ запахъ. Въ тактъ музыкѣ скрипѣли сѣдла и чуть слышно отзванивали шпоры.

Разъѣхавшись по обѣ стѣнки манежа всадники шли «приниманіемъ» и лошади повернулись мордами къ зрителямъ и, танцуя, крестили ногами. Сабли были вложены въ ножны. И такъ однообразны были посадки, что одинъ офицеръ походилъ на другого.

Валентина Петровна пропускала каждаго, стараясь запомнить, видѣла, какъ пряли острыми ушками лошади, то устремляли впередъ, будто прислушиваясь къ музыкѣ, то прижимали къ темени, почувствовавъ шпору и разсердившись на нее, и не могла ихъ запомнить.

Онѣ танцовали, слушая музыку.

Рядомъ въ ложѣ полковникъ Саблинъ говорилъ генералу Полуянову и Валентина Петровна однимъ ухомъ слушала его слова.

— Вы удивляетесь богатству лошадей, ваше пре-

восходительство, — говорилъ пріятнымъ барскимъ баритономъ Саблинъ, — какъ ему не быть?.. Россія изъ вѣка въ вѣкъ была конною страною. Противникъ кругомъ и какой разнообразный! Съ сѣвера Ливонскіе рыцари на тяжелыхъ западно-европейскихъ лошадяхъ, съ запада поляки на легкихъ коняхъ, съ юга турки и татары, персы и калмыки, съ востока — необъятная Сибирь, потребовавшая лошадей выносливыхъ на кормъ, климатъ и тягучихъ на походъ...

Смѣна шла мѣрнымъ галопомъ. Оркестръ игралъ и въ тактъ ему колыхались гривы и чолки, рѣяли султаны уланскихъ шапокъ, цвѣтныя косицы касокъ драгунъ и колыхались гусарскіе тонкіе султаны.

— Вы помните, — говорилъ Саблинъ, — у Олеарія, этого нѣмца, далеко не лестно описавшаго Московію царя Михаила Ѳеодоровича — описаніе Государева коннаго полка... Какая красота! Холодный нѣмецкій купецъ и тотъ не можетъ скрыть своего восторга при видѣ этихъ чудныхъ аргамаковъ подъ богато одѣтыми всадниками... А вспомните въ дневникѣ князя Андрея Курбскаго описаніе Государева Свѣтло-броннаго полка подъ Казанью въ день штурма Казанскихъ твердынь! Десять тысячъ всадниковъ! Вѣдь это двѣ съ половиной современныхъ дивизіи на великолѣпныхъ коняхъ!.. И это когда! Въ серединѣ шестнадцаго вѣка!..

Посерединѣ манежа всадники установились «мельницею». Шесть рыжихъ, шесть гнѣдыхъ, шесть вороныхъ и шесть сѣрыхъ лошадей стали, образуя крестъ и закружились галопомъ. Они ускакивали, срываясь по одному изъ манежа.

Саблинъ продолжалъ:

— А наши забавы!.. Всѣ конныя. Соколиныя охоты царей и именитыхъ бояръ... Охоты съ борзыми... У насъ лошадь другъ крестьянина, другъ и барина и наше барство и вырастило и выхолило этихъ прекрасныхъ коней и привило любовь къ нимъ и въ самомъ крестьянствѣ. «Ночное» дѣтей при коняхъ... Помните — «Бѣжинъ лугъ»?.. Поэзія, проза, пѣсня, былины — все даетъ мѣсто коню, то, какъ сотруднику въ полевыхъ работахъ, то какъ боевому товарищу. У насъ и святые

есть конскіе и обычай освящать, кропя святою водою лошадей и скотъ... Какъ же не быть у насъ этой красотѣ?

Въ манежѣ, на трехъ вольтахъ шла вольтижировка. На среднемъ, противъ Валентины Петровны, состязались поочереди самые лучшіе вольтижеры. Петрикъ — когда успѣлъ онъ переодѣться и смѣнить тугостягивавшій его темнозеленый мундиръ на свободную походную куртку — показывалъ свою ловкость и молодечество. Мелькали его ноги надъ крупомъ, перекрещивались, садился онъ задомъ на передъ, вскакивалъ на крупъ, спрыгивалъ и, едва уцѣпившись за гриву, садился на лошадь.

— Циркъ... настоящій циркъ, — говорилъ Полуяновъ. — Да, молодцы наши офицеры!..

Валентина Петровна поймала это слово и задумалась...

«Молодцы офицеры»...

Была-ли то однообразно повторявшаяся мелодія музыки, звучавшая съ эстрады трубачей, или ритмичное движеніе лошадей, толчковъ и прыжковъ, было ли то зрѣлище, какъ Петрикъ и съ нимъ еще офицеръ, гусаръ, съ обнаженными саблями гонялись за чучеломъ турка, посаженнаго на ловкую, увертливую бѣлую лошадку, не подпускавшую къ себѣ и не позволявшую срубить чучелу голову, или это было отъ лихой скачки казаковъ, ширявшихъ пиками въ толстые соломенные шары, подхватывавшихъ съ земли кольца и удивлявшихъ своею ловкостью, но только Валентина Петровна, двадцати семи лѣтняя женщина, четвертый годъ замужемъ, задумалась по новому о мужчинѣ и быстро, быстро побѣжали ея мысли о прошломъ.

Ея щеки покрылись румянцемъ. Широкія поля шляпы бросали тѣнь на глаза и они были темными и куда то ушедшими.

... Да, вѣдь она не знала мужчины!..

XXXI.

Конный праздникъ шелъ своимъ чередомъ. Одинъ его номеръ смѣнялся другимъ. Красота смѣнялась лихостью и удалью, лихость и удаль смѣлыми прыжками черезъ барьеры... И все играла и играла музыка, пѣлъ сереброголосый корнетъ, мягко вторилъ ему баритонъ и отбивали тактъ геликоны и басы — бу-бу-бу... бу-бу-бу!..

А мысли, мечты, воспоминанія стремились и шли въ такъ недавнее и такимъ уже далекимъ казавшееся дѣтство, юность и дѣвичество.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, она, Алечка Лоссовская, вышла замужъ за Тропарева? Неужели въ ихъ Захолустномъ Штабѣ не нашлось ей другого жениха, такого, кто научилъ бы ее настоящей любви?.. О! Сколько у нея было обожателей и воздыхателей — отъ корнетскихъ до генеральскихъ чиновъ. Сколько мушкетеровъ имѣла маленькая королевна Захолустнаго Штаба! Не счесть! Кадеты и юнкера, молодые корнеты и поручики, — всѣ были у ея ногъ, — у маленькихъ ножекъ дивизіонной барышни, госпожи нашей начальницы! Она была «божественной» не для одного Петрика, ей доставали бѣлыя купавки съ середины омута, гдѣ водяной могъ утянуть за ногу, для нея безъ устали гребли на лодкѣ, съ нею скакали, ей приносили деньщики отъ своихъ «господъ» цѣлые вѣники сирени. Цвѣты не переводились у ней. Ей выписывали конфеты изъ Петербурга и Варшавы, изъ Кіева и изъ Одессы. Цѣлая кладовая была уставлена пустыми коробками отъ Абрикосова, Балле и Крафта, отъ Семадени и Пока, отъ Скачкова и Трамбле.

А вотъ предложенія руки и сердца никто серьезно не сдѣлалъ? Ни Атосъ-Петрикъ, — юнкерское предложеніе, конечно, не въ счетъ — ни Портосъ - Багреневъ, ни Арамисъ-Долле и никто другой. Не посмѣли... Кромѣ Портоса — все это была бѣднота и всѣ знали, что Алечка Лоссовская — безприданница. А какая обстановка! Какая рамка ея дѣвическихъ лѣтъ! Дочь ге-

нералъ-лейтенанта и начальника дивизіи! Казенная квартира въ двѣнадцать громадныхъ комнатъ какого то стариннаго замка польскаго магната. Казенная прислуга, штабной автомобиль и казенныя лошади съ экипажемъ — все создавало комфортъ и красоту. Императорское правительство не жалѣло средствъ и умѣло обставить службу своихъ офицеровъ, — но своего у Лоссовскаго ничего не было и не сумѣлъ и не смогъ онъ скопить изъ скромнаго офицерскаго жалованья приданаго своей дочери.

Она росла — принцессой. И — точно — была — королевной...

Гдѣ же было скромному корнету или поручику взять ее, «божественную», себѣ въ жены? Привезти королевну въ маленькую комнатку въ жидовской халупѣ, или скромную квартирку офицерскаго флигеля и отдать на попеченіе деньщика. Кормить ее «госпожу нашу начальницу», собранскими обѣдами, а въ дни денежныхъ краховъ и просто изъ солдатскаго котла, оставлять ее одну въ мѣстечкѣ въ дни маневровъ и подвижныхъ сборовъ!.. Именно потому, что слишкомъ ее любили, слишкомъ хороша она была — никто не посмѣлъ ей сдѣлать предложеніе.

Ухаживали, влюблялись — съума по ней сходили, подпоручикъ лихой конной батареи Петлинъ стрѣлялся изъ-за нея. Слава Богу, — не на смерть, выходили, — а взять ее въ офицерскія жены никто не посмѣлъ.

И она тогда, и вотъ до этого самаго момента какъ то не думала объ этомъ. Росла, какъ полевой цвѣтокъ. Жила, какъ бабочка, не думая о любви и замужествѣ. И никто ей объ этомъ не говорилъ. Родители въ ней души не чаяли... Отецъ и мать объ одномъ думали — умереть раньше, чѣмъ Алечка выйдетъ замужъ. Эгоистично? Что же подѣлаешь — родительское сердце — особое сердце... Ему все кажется: — Алечка такой ребенокъ!.. А ребенку давно перешагнуло за двадцать!

Алечка о бракѣ какъ-то не думала.

Господи! Какіе чудные лѣтніе дни посылалъ ей Господь!.. Только что вернулась съ поля, набрала васильковъ, травы пушистой, ромашекъ, маку. Вся раскрас-

нѣлась. Дышала просторомъ полей, цвѣтами и вся набралась ихъ дивнаго нѣжнаго аромата. Любовалась закатомъ солнца за Лабунькой, встрѣчала луну — молодякъ и слушала, какъ вдали, въ лагерѣ, сладко пѣла труба кавалерійскую зорю.

Валентинѣ Петровнѣ и сейчасъ кажется, что ея волосы и руки полны запаха полей.

А какъ любила она, въ лѣтнее время, одна, когда всѣ ушли на ученье, бѣгать по полю; бѣжать, мчаться безъ оглядки по высокой травѣ до изнеможенія подъ зноемъ солнца и упасть въ душистую траву, цвѣты мохнатые, влажные, щекочущіе, зарыться въ нихъ и лежать тихо, тихо, прислушиваясь къ біенію своего сердца, къ стрекотанію кузнечиковъ, къ пѣснѣ въ небѣ жаворонка. О, эта несказанная, непостижимая радость бытія, сознаніе всей мудрой прелести Божьяго міра!.. Какъ было хорошо! Какое это было счастье внутренно видѣть, понимать, сознавать величіе Господа Бога!.. Тогда раскрывалась душа, и ничего, ничего ей больше не было надо...

Зимою въ собраніи, на полковыхъ вечерахъ, она танцовала вальсы, мазурку, шаконь, па д-эспань — и въ танцахъ ее радовала грація, податливость ея гибкаго тѣла, неуловимая мягкость рукъ и стройность ногъ. И ни о чемъ «худомъ» никогда не думала.

Годы шли. Три самыхъ вѣрныхъ мушкетера кончили училище и покинули родительскіе дома. Петрикъ уѣхалъ въ свой холостой полкъ, Портосъ служилъ гдѣ то на югѣ и вскорѣ пошелъ въ Академію, Долле, окончивъ училище, сразу поступилъ въ Артиллерійскую академію. На смѣну имъ пришли другіе. Такіе-же почтительные, влюбленные, услужливые и... не смѣлые.

Ей стукнуло двадцать четыре года. Что же — старая дѣва?.. Родители стали, задумываться.

Надо было какъ то устраивать Алечку.

Это были странные дни какой то оторванности отъ земли. Былъ великій постъ. Прекратились вечера въ офицерскомъ собраніи, говѣли эскадроны. Въ эти дни въ Захолустный Штабъ по какому то дѣлу пріѣхалъ приватъ-доцентъ Тропаревъ. Онъ былъ родст-

венникомъ протоіерея, настоятеля гарнизонной церкви, и отецъ протоіерей привелъ его представить генералу Лоссовскому.

Съ хорошими средствами, на хорошемъ мѣстѣ въ Петербургѣ, съ мягкими, спокойными манерами, красивый Русской мужской красотой, съ черной вьющейся бородой и темными ласковыми глазами въ длинныхъ рѣсницахъ, тридцати восьмилѣтній приватъ-доцентъ всѣмъ понравился.

Онъ понравился и Алечкѣ. Онъ ей показался «ужасно» умнымъ, серьезнымъ, — и она смотрѣла на него съ уваженіемъ, какъ на старшаго... Онъ почти могъ быть ея отцомъ. И, когда она увидала въ его глазахъ почтеніе, любовь, когда услышала, какъ дрожалъ его голосъ, когда онъ говорилъ съ ней — она была тронута и умилена и, быть можетъ, дольше задержала свою маленькую ручку въ его большой и сильной волосатой рукѣ, чѣмъ это было нужно.

Безсознательное кокетство!

— Валентина-то Петровна у насъ музыкантша, — говорилъ гостю приведшій его отецъ протоіерей, — такъ на роялѣ играетъ... Концерты давать... Вотъ бы ты, Яковъ, принесъ свою віолончель... То-то поиграли-бы.

Віолончель ихъ сблизила. Тропаревъ игралъ, какъ артистъ. Соната въ sol mineur Грига, этюды Жаккара, концерты Мендельсона, Шуберта и Шумана разыгрывались ими въ тихихъ сумеркахъ Захолустнаго Штаба. Они говорили мало. Яковъ Кронидовичъ больше и охотнѣе разговаривалъ съ ея родителями. И имъ онъ очень понравился.

— Твердый въ убѣжденіяхъ сильный и крѣпкій человѣкъ. Борецъ за правду... Не предастъ, не обманетъ, — говорилъ папочка.

И мамочка ему вторила.

— За нимъ, какъ за каменной стѣной... Средства — конечно, не милліоны, а есть капиталъ... И на хорошемъ ходу. Профессоромъ будетъ, — а профессоръ тоже «ваше превосходительство».

Дѣло, по которому пріѣзжалъ Яковъ Кронидовичъ

въ Захолустный Штабъ было окончено. Яковъ Кронидовичъ остался въ штабѣ. Онъ былъ ежедневнымъ гостемъ у Лоссовскихъ и каждый вечеръ онъ игралъ съ Алечкой.

А, когда уже нужно было уѣзжать, онъ пришелъ и, по старинкѣ, черезъ родителей, попросилъ руку и сердце Алечки.

Были слезы... была и радость... Ожидало что-то новое — и такъ жаденъ къ новому человѣкъ. Манилъ, конечно, Петербургъ и положеніе самостоятельной хозяйки.

Что дѣлаетъ, чѣмъ занимается Яковъ Кронидовичъ — этимъ никто какъ слѣдуетъ не интересовался: служитъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и на хорошемъ счету. Лѣтъ черезъ пять — профессоръ. Развѣ думаютъ невѣсты и жены о томъ, что дѣлаютъ ихъ женихи и мужья на службѣ?

Яковъ Кронидовичъ получилъ согласіе и поѣхалъ устраивать квартиру.

На Красную Горку была свадьба. Пасха была очень поздняя и вѣнчались въ маѣ. Не подумали тогда: — въ маѣ вѣнчаться — вѣкъ маяться.

Еще до свадьбы къ Якову Кронидовичу поѣхала Таня — горничная — другъ, выросшая съ Алечкой. Повезла Алечкино скромное приданое.

Съ поѣзда въ гостинницу, изъ гостинницы въ церковь, поздравленія были въ залѣ при церкви — вѣнчались въ той гимназіи, гдѣ учился Яковъ Кронидовичъ — и оттуда, проводивъ родителей, Алечка поѣхала съ мужемъ на свою квартиру, гдѣ ее ждала Таня.

Имъ отворилъ двери въ освѣщенной блѣднымъ свѣтомъ бѣлой ночи прихожей странный человѣкъ въ длинномъ поношенномъ черномъ сюртукѣ. Хмурые сѣрые глаза подозрительно и, показалось Валентинѣ Петровнѣ, непріязненно окинули ее съ головы до ногъ. Валентина Петровна увидала жесткіе рыжіе волосы, какъ волчья шерсть торчащіе на головѣ, всклокоченную рыжую узкую бородку и конопатое въ глубокихъ оспинахъ лицо. Непомѣрно длинныя, точно обезьяньи руки съ во-

лосатыми пальцами бросились ей въ глаза. Этотъ человѣкъ подошелъ къ Валентинѣ Петровнѣ и хотѣлъ помочь ей снять ея накидку. Тошный, прѣсный, противный, непонятный Валентинѣ Петровнѣ запахъ шелъ отъ него и точно окуталъ ее всю, когда онъ къ ней подошелъ.

Не отдавая себѣ отчета, что дѣлаетъ, взволнованная, разнервничавшаяся отъ всѣхъ свадебныхъ волненій Валентина Петровна истерически закричала:

— Ахъ нѣтъ!.. Нѣтъ... не вы... Таня!... Таня!.. гдѣ же ты?.. — и разрыдалась.

— Аля, что съ собою, — мягко сказалъ ей Яковъ Кронидовичъ, — это мой служитель и мой добрый помощникъ — Ермократъ.

— Не хочу его... Я боюсь... боюсь...

Прибѣжала Таня и повела рыдающую Валентину Петровну въ ея спальню.

Ермократъ проводилъ ее злобнымъ взглядомъ.

Таня, раздѣвая Валентину Петровну, успокаивала ее и разсказывала ей о томъ, какъ устроена квартира.

— Кто это Ермократъ? — вытирая слезы, спросила Валентина Петровна.

— Ермократъ Аполлоновичъ служитель ихній и помощникъ. Онъ съ бариномъ завсегда ѣздитъ потрошить покойниковъ. Онъ мнѣ показывалъ въ рабочемъ кабинетѣ бариновомъ. Чего-чего только нѣтъ... Сердце человѣческое въ банкѣ заспиртовано, инструментъ ихъ лежитъ... Ножи, пилы... Въ шкапу — халаты ихъ бѣлые висятъ и духъ отъ нихъ нехорошій, какъ въ кладбищенской церкви...

— Таня! — воскликнула Валентина Петровна, и, блѣдная, въ отчаяніи, опустилась на постель. — Что же это такое?

— Ужасъ одинъ, барышня... И тогда, когда къ намъ пріѣзжали... Я уже это потомъ дознала — они выкапывали, помните, помѣщикъ Загулянскій скоропостижно померъ, такъ его тѣло брали, смотрѣли своею ли смертью померъ.

— Таня!..

Валентинѣ Петровнѣ вдругъ сталъ понятенъ этотъ

тошный и прѣсный запахъ, что шелъ отъ Ермократа. Этотъ запахъ точно пришелъ теперь съ нею въ ея спальню.

Валентина Петровна, молча, сидѣла на брачной постели. Какъ не подумала она объ этомъ раньше?

Почему не распросила? Отчего никто ей не сказалъ? Приватъ-доцентъ судебной медицины... Но вѣдь это?... Хуже чѣмъ гробовщикъ!..

Въ теплой спальнѣ пахло увядающими цвѣтами букетовъ, а ей все слышался тошный запахъ, которымъ, казалось, насквозь былъ пропитанъ Ермократъ, страшный человѣкъ съ обезьяньими руками.

Первая ночь надвигалась... Сейчасъ войдетъ ея мужъ, ея законный обладатель. Въ первой ночи всегда много стыднаго, унизительнаго и больного. Точно въ этотъ мигъ въ дыханіи любви незримо проходитъ смерть... Нужно много взаимной любви, такта, вниманія, ласки и страсти, чтобы первая ночь подарила всѣ чары любви.

Яковъ Кронидовичъ?.. Онъ какъ то объ этомъ не думалъ. Это было его право. Онъ пришелъ, и Валентинѣ Петровнѣ показалось — принесъ съ собою тотъ же запахъ, что шелъ отъ его служителя.

Первая ночь была похожа на насиліе. Она оставила навсегда отвращеніе, ужасъ, презрѣніе къ мужу и жалость къ себѣ.

Валентина Петровна была умная женщина. Она подавила свои чувства. Она только настояла, чтобы у нея была своя спальня и постаралась, чтобы это было какъ можно рѣже. Она по своему наладила жизнь. Она сдѣлала визиты старымъ друзьямъ отца, черезъ Якова Кронидовича вошла въ ученый и музыкальный міръ Петербурга и устроила у себя тонкій и изящный салонъ. Она отдалась музыкѣ и той красивой жизни, что даетъ общество умныхъ, образованныхъ и талантливыхъ людей и хорошенькихъ женщинъ. Семейная жизнь — это ея личное дѣло... Можетъ быть — ея крестъ. И Яковъ Кронидовичъ остался Яковомъ Кронидовичемъ. Немного страшнымъ, временами противнымъ, но въ об-

щемъ удобнымъ и милымъ мужемъ, котораго можно уважать. Она имъ гордилась.

Одного она не могла переносить въ домѣ — это Ермократа. Она не скрывала своего къ нему отвращенія. Въ его глазахъ она читала злобу и ненависть и она его ненавидѣла и боялась. И она потребовала, чтобы Ермократъ Аполлоновичъ на ея половину не входилъ.

Наружно она была ровна и спокойна. Она никогда не думала больше о любви, и красивый мужчина до послѣдняго времени не трогалъ ея сердца... Когда въ ея гостиной появились снова ея старые мушкетеры Захолустнаго Штаба, она приняла ихъ спокойно, ласково, товарищески просто и сохранила за ними ихъ дѣтскія имена и прозвища. Петрикъ больше года ее избѣгалъ, Долле бывалъ рѣдко и только Портосъ, казалось, опять готовъ былъ исполнять всѣ ея капризы.

А сейчасъ подъ эту усыпляюще однообразную музыку рысей и галоповъ, когда мимо нея мелькали, щеголяя ловкостью и отвагой на прекрасныхъ лошадяхъ нарядные офицеры она первый разъ за четыре года подумала, что все это могло бы сложиться совершенно иначе, и тяжело вздохнула.

XXXII.

Задумавшись, уйдя въ воспоминанія о прошломъ Валентина Петровна разсѣянно смотрѣла, какъ смѣна офицеровъ Постояннаго Состава, имѣя во главѣ начальника школы Генерала Лимейля ѣздила высшую ѣзду. Она, выросшая въ кавалерійскомъ полку, восхищалась, какъ, дѣлая «серпантинъ» лошади принимали на широкомъ вольту, переходя съ вольта на вольтъ, описывая восьмерку. Сквозь свои думы она слышала, какъ пришедшій откуда то Саблинъ говорилъ Скачковой:

— Въ Парижѣ, въ Grand-Palais я видѣлъ ѣзду Cadre noir Сомюрской школы. Очень хорошо. Тамъ

еще больше стиля. Караковыя лошади съ бѣлыми лентами въ гривахъ и бѣлыми бантами на рѣпицѣ у хвоста и люди въ костюмахъ écuyers 2-й имперіи — прекрасно. Прямо — картина Мейссонье.

— А развѣ это нужно для военнаго дѣла? — спросилъ генералъ Полуяновъ.

Она не слыхала отвѣта.

По три врядъ всадники шли «пассажемъ» по манежу и лошади точно танцовали подъ звуки матчиша. По манежу рокотомъ одобренія неслось сдержанное браво и, когда офицеры стали выѣзжать изъ воротъ — весь манежъ разразился бурными апплодисментами.

Разсѣянно смотрѣла она, какъ черезъ крестообразно поставленный высокій и широкій заборъ съ точно густая щетка торчащими частыми вѣниками хвороста прыгали то по одному, то по два и по четыре на перерѣзъ другъ другу офицеры старшаго курса и какъ, снявъ на галопѣ изъ подъ себя сѣдла они прыгнули послѣдній разъ на неосѣдланныхъ лошадяхъ, держа сѣдла въ правой рукѣ. Какъ въ циркѣ во время серьезныхъ и опасныхъ упражненій музыка не играла, чтобы не сбить лошадей съ разсчета.

— Какая точность!.. Какая кг'асота! — шептала рядомъ съ ней Саблина.

Валентина Петровна видѣла Петрика, скакавшаго вторымъ номеромъ на большомъ буромъ конѣ.

Это зрѣлище, напомнившее Валентинѣ Петровнѣ годы ея дѣвичества и конные праздники полковъ ея отца (только тамъ все это было гораздо бѣднѣе и хуже) шло, какъ бы дополняя ея думы о прошломъ и наполняли ея сердце тоскою сожалѣнія о чемъ то потерянномъ и неизвѣданномъ. И сердце сладко сжималось. Хотѣлось такъ, какъ они, скакать черезъ заборы, хотѣлось всѣми мускулами тѣла испытывать плавныя движенія лошади и нестись куда то въ безпредѣльную даль.

Изъ сосѣднѣй ложи къ Вѣрѣ Васильевнѣ нагнулся высокій Сумской гусаръ съ желтоватымъ нездороваго цвѣта лицомъ, — Валентинѣ Петровнѣ представили

его — Бражниковъ, — и хриплымъ голосомъ, задыхаясь, говорилъ:

— Нѣмецкій поэтъ Боденштедтъ въ поэмѣ «Мирза Шаффи» сказалъ:

— «Das Paradies der Erde
Liegt auf dem Rücken der Pferde,
In der Gesundheit des Leibes
Und am Herzen des Weibes» *).

Съ двумя первыми строками никакъ не могу согласиться, а что касается двухъ вторыхъ...

Онъ вздохнулъ, поглядывая на красивыя, бѣлыя плечи Барковой и Саблиной, скинувшихъ съ себя теплыя манто.

Валентина Петровна оглянулась на стоявшаго сзади нея Портоса. Мечтательная улыбка остановилась на ея лицѣ.

«Развѣ такъ?» — подумала она. — «Am Herzen des Weibes»... «Все сочиняютъ мужчины»...

Уже музыка играла прощальный маршъ и толпами шли по манежу зрители. Мужья — Саблинъ и Скачковъ провожали женъ, генералъ Полуяновъ подошелъ къ Барковой. Всѣ расходились.

— Валентина Петровна, — обратился Портосъ, — я проведу васъ черезъ конюшни, это будетъ скорѣе, чѣмъ толкаться у главной ложи.

Портосъ повелъ Валентину Петровну къ высокой двери конюшни Казачьяго Отдѣла, бывшей въ углу манежа. Въ полутемной конюшнѣ было тихо. Лошади, стоя, дремали. Въ дальнемъ углу, куда не было слышно манежнаго шума онѣ лежали.

— Одну минуту, — сказалъ Портосъ. — Я скажу, чтобы подали сюда мою машину.

Шустрый казачекъ — дневальный, посланный Пор-

*) Земной рай
Лежитъ на спинѣ лошадей
Въ здоровомъ тѣлѣ
И въ сердцѣ женщины.

тосомъ, побѣжалъ по узкому переулку между заборомъ и длинныхъ низкихъ построекъ конюшень. Они вышли за нимъ. На сырые булыжники мостовой легла отъ забора и деревьевъ синяя тѣнь. Гдѣ то, казалось, далеко шумѣлъ городъ и гудѣлъ трамвай. Здѣсь была тишина.

Два яркихъ автомобильныхъ фонаря показались вдали и бросили прыгающія, рѣзкія черныя тѣни отъ столбовъ коновязи. За ихъ свѣтомъ померкъ мечтательный свѣтъ луны.

Машина, скрипя рычагами, завернула во дворикъ.

Валентина Петровна сѣла рядомъ съ Портосомъ на глубокія мягкія подушки. Въ лунномъ блескѣ все казалось ей новымъ и прекраснымъ. Они не взяли налѣво по Таврической улицѣ, но поѣхали прямо мимо красно-коричневыхъ зданій городского водопровода и свернули почему-то направо къ Невѣ.

Широкая и привольная подъ мягкимъ свѣтомъ мѣсяца неслась Нева и переливала серебряной парчею. На Охтѣ не было видно ни одного огонька и точно тамъ былъ какой то особый, нездѣшній, но таинственный міръ. Ровно шумѣла машина. Показались воздушныя гирлянды огней Литейнаго моста.

— Куда же мы ѣдемъ? — тихо спросила Валентина Петровна и сама не слышала своего голоса.

— Доѣдемъ до Дворцоваго моста и вернемся по Невскому. Вы разрѣшаете?

— Ахъ, хорошо...

Мягко качнуло машину на высокомъ горбатомъ мосту черезъ Фонтанку. Отъ темнаго Лѣтняго сада потянуло землистою сыростью и прѣлымъ весеннимъ листомъ, и стройная линія молчаливыхъ и темныхъ дворцовъ открылась передъ ними.

Холодная и строгая красота Невы и Петербурга точно колдовала Валентину Петровну.

— Валентина Петровна, — сказалъ Портосъ, — поѣдемте завтра кататься верхомъ на острова. Тамъ такъ теперь хорошо!

Она молчала.

— Поѣдемте...

— На чемъ?

— Я вамъ дамъ своего Фортинбраса... Вы же мнѣ обѣщали.

— Когда?

— Послѣ ѣзды съ Петрикомъ въ манежѣ.

— Я ничего не обѣщала... Я ничего не могла вамъ обѣщать... Я промолчала тогда.

— Но вы этого хотите?

— Можетъ быть.

— Ваше желаніе законъ.

— Какъ мы поѣдемъ съ вами, Портосъ?.. Насъ могутъ увидѣть... Люди такъ злы...

— Никто не увидитъ.

— А нашъ ужасный Ермократъ! Мнѣ кажется онъ слѣдитъ за мной.

Они неслись по пустынному Невскому. Закрытыя ставнями темныя окна магазиновъ придавали ему необычайный видъ. Ночь была прохладна и нѣжна. По ясному небу серебряныя плыли облака.

— Можно подать лошадей къ Каменноостровскому проспекту и вы пріѣдете на извощикѣ.

Она опять промолчала. Въ душѣ она уже согласилась, но у ней не хватило еще духа сказать о своемъ согласіи. Совѣсть мучила ее.

Машина повернула на Николаевскую.

— Такъ завтра я подамъ лошадей... Къ которому часу?

— Нѣтъ... завтра... такъ скоро... Завтра нельзя. Теперь Страстная недѣля... Я буду говѣть.

— Когда же?

Они остановились у ея дома и Портосъ помогалъ ей выйти изъ автомобиля.

— Въ понедѣльникъ на Святой... — задумчиво сказала она, медленно цѣдя слова.

— Къ которому часу подать лошадей.

— Къ десяти.

Портосъ поцѣловалъ ей руку. Она, не оглядываясь, быстро пошла по двору къ своему подъѣзду.

Ей казалось, что она очень нехорошо поступила.

XXXIII.

Къ «нигилисточкѣ» Портосъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Петрикомъ. Онъ довезъ его на своей машинѣ. Они пріѣхали первыми. «Божьихъ людей» нигилисточки еще не было.

Агнеса Васильевна нарочно пригласила офицеровъ на полъ часа раньше. Она хотѣла подготовить ихъ къ своимъ гостямъ. Какъ ни-какъ два разныхъ полюса, два различныхъ міровоззрѣнія — не вышло бы скандала. Кто ихъ знаетъ! Портосъ такъ легко поддался ея ученію, пожалуй такъ же легко, какъ она сама, бездумно отдалась ему, но онъ пока видалъ одну теорію, устоитъ-ли, когда увидитъ самихъ дѣлателей правды на землѣ. Агнеса Васильевна не обольщалась, она видѣла своихъ товарищей по партіи, такими, какъ они есть и понимала, что далеко не все въ нихъ привлекательно Но поймутъ ли это Петрикъ и Портосъ?.. Офицеры то они офицеры, то-есть, по понятію Агнесы Васильевны, просто — дураки... а все таки чему то учились и какъ бы не раскусили ея товарищей.

Дверь изъ прихожей въ столовую была раскрыта и Портосъ увидалъ накрытый столъ.

— О го-го-го! — воскликнулъ онъ. — Бутылокъ-то... бутылокъ... И все высочайше утвержденнаго образца. Хороши, однако, Божьи люди!..

— Нечего, нечего, — сказала Агнеса Васильевна. — Такъ за стаканами вы легче сговоритесь и поймете другъ друга.

— Значитъ выпивонъ и соціалистики любятъ.

— Русскіе люди... и притомъ много пострадавшіе... въ свое время и поголодали и трезвенниками по неволѣ были...

— А теперь, значитъ, разрѣшеніе вина и елея.

Петрикъ удивлялся, какъ свободно себя держалъ Портосъ съ Агнесой Васильевной. Ему это было обидно. Вѣдь это онъ, а не Портосъ, «открылъ» Агнесу Васильевну, а между тѣмъ Петрикъ стѣснялся, Портосъ

же былъ, какъ у себя дома. Петрикъ тоже заглянулъ въ столовую. Маленькая комната казалась еще меньше отъ широко раздвинутаго стола. На столѣ стояли бутылки водки и пива, были разставлены блюда съ аккуратно нарѣзанной селедкой, окруженной зеленымъ лукомъ, тарелки съ ломтями ветчины и колбасы, лотки съ ситнымъ и чернымъ хлѣбомъ — незатѣйливая и простая закуска. «Во вторникъ на Страстной», — подумалъ Петрикъ. «Впрочемъ... это у «нигилисточки» — удивляться нечему».

— Пожалуйте, господа, — говорила Агнеса Васильевна. Она была непривычно возбуждена, темный румянецъ горѣлъ на ея щекахъ, глаза-лампады сверкали.

— Я нарочно позвала васъ раньше, чтобы подготовить васъ и сдѣлать характеристики нашихъ.

— А что уже очень страшны?.. Бомбисты, съ кинжалами за пазухой.

— Нѣтъ, мирные кроткіе люди. Ихъ ваши сабли испугаютъ. Но это такой другой міръ! И я хотѣла, чтобы вы, познакомились съ нимъ, поняли и оцѣнили его.

— Что же, интересно, — сказалъ Портосъ.

— Не только интересно, Портосъ, а нужно... Вы — армія... Вы офицеры — вы невѣжды. Вы думаете весь міръ это вы!..

— Все мое, сказало злато, все мое сказалъ булатъ, — сказалъ Портосъ, разсаживаясь на тахтѣ. — Посмотримъ, кто правъ, золото, или булатъ?

— Вотъ въ томъ то и дѣло, Портосъ, что и не злато, и не булатъ, а свѣтлая идея о счастливомъ будущемъ, о подлинномъ, а не христіанскомъ братствѣ, владѣетъ этими людьми и скоро захватитъ весь міръ. И вамъ надо ихъ послушать.

— Это народъ? — спросилъ Петрикъ.

— Да, отчасти... Это — о т ъ народа. Вѣдь вы, милый Петрикъ, даже и солдатиковъ своихъ не знаете. Только лошади... лошади...

— Ну это положимъ... — надулся Петрикъ.

— Такъ вотъ слушайте. Будетъ восемь человѣкъ и все нашей партіи.

— Форменная массовка, — сказалъ Портосъ.

— Бесѣда... Я вотъ что даже припасла, — Агнеса Васильевна показала на большую восьмирядную гармонику, лежавшую въ углу комнаты.

— Что же поиграемъ, — сказалъ Портосъ.

— А вы играете?

— Когда то съ сыномъ кучера какъ еще наяривалъ. И «Свѣтитъ мѣсяцъ», и Камаринскаго, и вальсы чувствительные. Горничныя, слушая меня, таяли въ собственномъ поту. Сидя на мѣстѣ, чернѣли подъ мышками, ажъ смотрѣть было жутко. Эмоція такая.

— Такъ вотъ... Будетъ у меня Алексѣй Алексѣевичъ Фигуровъ, товарищъ Максимъ. Онъ — писатель, народникъ. И самъ въ народъ хаживалъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ за писанія свои въ тюрьмѣ сидѣлъ и по приказу Государя освобожденъ. Личность замѣчательная, самобытная.

— Посмотримъ, сказалъ слѣпой, — кинулъ Портосъ.

— Потомъ будетъ Петръ Робертовичъ Глоренцъ, несмотря на нѣмецкую фамилію чистокровнѣйшій русакъ. Идеалистъ и мечтатель и знаетъ одиннадцать языковъ, проповѣдникъ эсперанто. Былъ политическимъ эмигрантомъ и въ 1905 году, когда повѣяло весною, вернулся на родину.

— Послушаемъ, сказалъ глухой.

— Дальше — Аркаша Долгопольскій — семинаристъ бывшій, большой фантазеръ. Потомъ Кетаевъ, Кириллъ Кирилловичъ, въ недавнемъ прошломъ диктаторъ на Уралѣ.

— Какъ же онъ на свободѣ?

— Попалъ подъ амнистію прошлаго года. Потомъ Вѣра Матвѣевна Тигрина... образованіемъ не блещетъ, но... темпераментъ!

— А она хорошенькая эта Львицына?

— Тигрина! Портосъ... Очки въ роговой оправѣ, лицо — луна, или скорѣе невыпеченный блинъ и тусклые рыбьи глаза.

— Словомъ — патретъ! Смотрѣть, ажъ тошно. И притомъ темпераментъ. Ажъ жутко стало!

— Не судите ее строго. И ей мѣста подъ солнцемъ

хочется. А она шесть лѣтъ въ ссылкѣ была. Къ ней въ пару — сельскій учитель Павлуша Недачинъ. Образованія тоже не яркаго, но учительствовалъ долго. Ну-съ и затѣмъ обѣщали быть самъ Жоржъ Брехановъ и Борисъ Моисеевичъ Маевъ.

— Значитъ безъ іудея не обойдется.

— Нельзя, Портосъ. Надо вамъ и къ этому привыкать.

— Ну-съ хорошо, Агнеса Васильевна, а собственно «для почему» вы меня съ Петрикомъ на такую массовку притянули?

— Чтобы открыть вамъ глаза... Чтобы вы поняли, что вы — песчинка въ морѣ... Что ваши взгляды, ваши мысли — отжили и что встаетъ, поднимается за вами новая сила. Раскопана, поднята новь... И вы подумаете — съ нею вы, или противъ нея?

— Рискованная штука. А ну — караулъ закричимъ.

— Не закричите.

Портосъ задумался, помолчалъ немного и серьезно сказалъ:

— Что же, Агнеса Васильевна, какъ говорится — въ часъ добрый... Слушаю же я у профессора Тропарева рѣчи Стасскаго, читаю запрещенныя и, именно потому ходкія, вещи графа Толстого, слушаю, какъ генералъ Полуяновъ проповѣдуетъ выборное начало въ арміи, почему не послушать мнѣ и вашихъ безбожныхъ людей?.. Но только — вдругъ: — полиція нагрянетъ... Мнѣ то ничего, я отверчусь, а бѣдному Петрику всю карьеру испортите. Какъ онъ вернется тогда въ свой лихой Маріенбургскій.

— Можете быть спокойны... Мѣры приняты.

Въ прихожей зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Ну что же... Теперь уже поздно трубить отступленіе. Послушаемъ, что говорятъ гонимые.

— Что говоритъ Россія и интернаціоналъ, — значительно кинула Агнеса Васильевна и пошла встрѣчать гостей.

XXXIV.

Гости пришли тремя партіями — три, три и два — почти всѣ одновременно. Офицеры, хотя было видно, что они были предупреждены о нихъ, стѣсняли и они разсѣлись по комнатѣ, по угламъ, на тахтѣ и разговоръ не вязался.

— Какая весна-то, — сказалъ Брехановъ. — И въ Швейцаріи такой не увидишь. Я Неву переѣзжалъ — такъ такой привольный воздухъ. Прямо съ моря вѣтеръ.

— На Байкальскомъ озерѣ такъ вотъ пахнетъ, — сказалъ Кетаевъ.

— Да... Каждому изъ насъ есть, что вспомянуть, — значительно сказалъ Глоренцъ. — И какъ подумаю, прихожу къ убѣжденію... Весна что-ли на меня такъ дѣйствуетъ... Пора начинать строительство. — Онъ пугливо покосился на Портоса.

— Какое строительство? — спросилъ Портосъ.

— Строительство новой, лучшей жизни.

— Это очень интересно... Какъ же вы представляете себѣ эту новую жизнь?

Глоренцъ, бѣлобрысый человѣкъ съ безцвѣтнымъ, плоскимъ, рыбьимъ лицомъ, съ свѣтлыми бровями, блѣдными щеками, съ не то сѣдой, не то бѣлокурой бородкой и большими узловатыми руками, въ поношенномъ просторномъ пиджакѣ съ мягкимъ не первой свѣжести воротничкомъ, весь завозился, заерзалъ, какъ ученикъ на экзаменѣ, и заговорилъ, волнуясь и путаясь.

— Видите-съ... Нужно вамъ сказать... я лингвистъ... Я одиннадцать языковъ знаю... И теперь говорю только на эсперанто... Дивное изобрѣтеніе-съ для созданія человѣческаго братства и всемірныхъ соединенныхъ штатовъ-съ. У меня на сей предметъ два плана-съ.. Такъ сказать, большая программа, максимумъ.. то-есть для начала максимумъ, потомъ то все больше... больше захватитъ.

— Такъ какъ же — большая программа? — спро-

силъ Портосъ, всѣмъ своимъ видомъ показывая чрезвычайное вниманіе.

— А вотъ-съ... Представьте городъ-съ... Очень современный... Послѣднее слово науки... Ну, натурально, въ Америкѣ. Пусть американцы и деньги на это дадутъ.

— Капиталисты?.. милліардеры?..

Глоренцъ поморщился. Въ разговоръ вступилъ Маевъ.

— Ну и что же?.. Отчего не взять?.. Они дадутъ.

— Сомнѣваюсь, — сказалъ Портосъ, — не такіе они дураки и вахлаки, какъ наши Московскіе купцы — толстосумы. Ну, хорошо, положимъ — дали. Такъ, какъ же городъ?

— Все, представьте, послѣднее слово науки. Канализація, электрофикація, всюду механизмы... Никакой прислуги. Ну и сады натурально. Дома — термитники, — безъ оконъ. Искусственный свѣтъ, химически чистый воздухъ... И тутъ братская жизнь... Всѣ, знаете, равны. У каждаго одинаковая квартира и все распредѣлено поровну. Солнечныя этакія ванны на крышахъ... Славненько такъ...

— Ему солнышка на часъ и другому на часъ... А вдругъ таки другому то солнышко облакомъ заститъ.

— Это все можно предусмотрѣть, — сказалъ, напирая по семинарски на «о» Долгопольскій. — Наука, она все можетъ.

— Да можно искусственныя солнца въ случаѣ чего поставить, — сказала Тигрина, дама, или дѣвица, обликомъ напомнившая Портосу скопца изъ мѣняльной лавки.

— Конечно... Очень даже можно, — сказалъ Недачинъ. — Ультра-фіолетовые лучи лучше настоящаго солнца.

— Такъ — городъ... Только городъ, — сказалъ Портосъ. — Но это такъ немного для программы максимумъ?

— Для начала... Потомъ, значитъ, это всѣмъ ужасно какъ даже понравится и по всему міру станутъ такіе города.

— Да это прекрасно... Хотя вотъ, Петръ Робертo-

вичъ, что меня смущаетъ... Это... все таки капиталисты? Ну ихъ въ болото! Просить... намъ, соціалистамъ!.. Я бы даже эксы предпочелъ... А что такое ваша программа минимумъ?

— Кооперативъ - съ, — разводя руками сказалъ Глоренцъ.

— То-есть лавочка, гдѣ торгуютъ во славу третьяго интернаціонала селедкой и гвоздями, керосиномъ и мыломъ, мятными пряниками и лукомъ.

— Это разовьется-съ, — сказалъ Глоренцъ. — Съ этого начать.

Фигуровъ, товарищъ Максимъ, поспѣшилъ ему на помощь.

— Видите, товарищъ Портосъ, вы смутили товарища Глоренца. Вы заговорили сразу о будущемъ, объ отдаленномъ будущемъ. Все это, все наше дѣло, надо начинать съ настоящаго момента, съ сегодняшняго дня. Я спрошу васъ, офицера, можно ли быть довольнымъ теперешнимъ порядкомъ, настоящимъ строемъ, настоящимъ, скажемъ, режимомъ?

Портосъ не отвѣтилъ. Въ наступившей тишинѣ Петрикъ отчетливо услышалъ, какъ Брехановъ шопотомъ спросилъ Агнесу Васильевну:

— Вы увѣрены въ офицерѣ?

— Да... да... — быстро отвѣтила Агнеса Васильевна. — Онъ уже давно въ партіи.

Петрикъ почувствовалъ, какъ кровь бросилась ему въ голову. У него обмякли ноги. Онъ хотѣлъ встать и не могъ. Такъ и просидѣлъ онъ въ углу, не проронивъ ни слова, точно пришибленный и слушалъ, какъ смѣло и рѣзко возражалъ Портосъ. Ему хотѣлось провѣрить себя. Можетъ быть, онъ и ослышался. Но Брехановъ удовлетворился отвѣтомъ Агнесы Васильевны, а Фигуровъ, насѣдая на Портоса говорилъ:

— Зданіе Россійской Имперіи разваливается. Финляндія спитъ и во снѣ видитъ, какъ ей отдѣлиться отъ Россіи, тоже и Польша. На Кавказѣ не прекращаются волненія. Партія Дашнакутцюнъ на Кавказѣ, польскіе соціалисты въ Польшѣ, украинскіе самостійники въ Малороссіи, Сибирскіе автономисты въ Сибири — все

это мечтаетъ разодрать Россійскую Имперію на части, и не о федераціи мечтаетъ... а на совсѣмъ...

— И вы думаете, республика? — сказалъ прищуриваясь Портосъ.

— Республика!? — но я вамъ ручаюсь, — повышая голосъ, сказалъ Фигуровъ, что все это изъ за теперешняго режима, и я голову даю на отсѣченіе, что, если будетъ революція — Финляндія и Польша должны въ результатѣ ея прочнѣйшимъ образомъ припаяться къ тѣлу свободной Россіи.

— Позвольте, — возразилъ Портосъ, — мнѣ, какъ офицеру генеральнаго штаба, изучавшему международныя отношенія и не разъ бывшему заграницей, сказать вамъ, что Германія проявляетъ волчій аппетитъ на весь Прибалтійскій край, что Польша, — я говорилъ со многими польскими магнатами, — не разсталась съ исторической мечтою о владычествѣ «отъ можа до можа», что Румыны только изъ страха молчатъ о своихъ «историческихъ правахъ» на Бессарабію, что турецкіе эмиссары ежегодно отправляются десятками для панъ-тюркской пропаганды въ Казань... Все держится, товарищи, пока именемъ Русскаго царя...

Петрикъ слушалъ Портоса и ничего не понималъ. Онъ — въ партіи, онъ офицеръ-соціалистъ, а какъ говоритъ! Онъ самъ не сказалъ бы лучше.

Кругомъ загоготали.

— Какъ?.. Что вы сказали, товарищъ, — истерично, захлебываясь вскрикивалъ, икая, Кетаевъ, — Казань?.. А ну повторите, что вы сказали?.. Такъ по вашему и Казань отпадетъ!.. Го-го-го... Хи-хи-хи!.. Вотъ уклеили-то!

Фигуровъ, презрительно щурясь, обратился при общемъ смѣхѣ къ Портосу:

— Можетъ быть ваша развѣдка, вашего геніальнаго штаба донесла вамъ, что и Рижскіе латыши намѣреваются создать совершенно самостоятельную латышскую республику? А что скажете о сепаратистскихъ намѣреніяхъ молочницъ чухонокъ изъ окрестностей Петербурга?

Глоренцъ выставился впередъ.

— Позвольте вамъ сказать, товарищъ, я самъ родомъ изъ Тифлиса и по-грузински даже говорю свободно, такъ я утверждаю, что когда въ Россіи произойдетъ революція — весь Кавказъ, начиная съ Грузіи, сдѣлается разъ и навсегда Русскимъ! Понимаете меня? Черезъ десять лѣтъ на Кавказѣ разучатся говорить по-грузински, по-армянски, по-татарски и будутъ знать только Русскій языкъ!

Фигуровъ авторитетно добавилъ:

— Когда въ Россіи произойдетъ революція — пробьетъ послѣдній часъ существованія Турціи, ибо находящіяся подъ турецкимъ игомъ племена оторвутся отъ Турціи, чтобы присоединиться къ революціонной Россіи!

Аркашка Долгопольскій всталъ съ тахты, подошелъ къ Портосу и, ударяя себя въ грудь кулаками, почти кричалъ:

— Я вамъ клянусь, Портосъ, что черезъ годъ послѣ настоящей революціи въ Россіи, батенька, образуется г-р-р-рандіознѣйшая федерація изъ всѣхъ славянскихъ государствъ!.. Primo — чехи.. Пойдутъ, какъ пить дать, съ нами! Вопросъ рѣшенный... Секундо... Терціо... болгары, сербы, хорваты, словаки, словенцы, румыны... даже, чортъ возьми... венгры... Да... да... даже венгры... Всѣ примкнутъ къ намъ! Такая выйдетъ панъ-европа... только держись!..

Портосъ казался ошеломленнымъ такимъ дружнымъ натискомъ. Онъ раздѣльно и внятно сказалъ:

— Остается только пожелать, чтобы настоящая революція поскорѣе наступила!

— Это уже наше общее дѣло, — сказалъ Брехановъ*).

---

*) Настоящій разговоръ не вымыселъ автора. Онъ происходилъ примѣрно въ 1907-1909 годахъ на о. Капри между тамошними эмигрантами: Горькимъ, Луначарскимъ, Богдановымъ, Лоренцомъ, Великопольскимъ и др. **Авт.**

XXXV.

Вдругъ, и какъ это часто бываетъ въ большомъ мужскомъ обществѣ, во время общаго разговора и споровъ отклонились отъ темы и заговорили о декабристахъ и Герценѣ.

Фигуровъ восхвалялъ Мережковскаго за его романъ.

— Наконецъ-то Русское общество, — говорилъ онъ, — увидитъ въ настоящемъ свѣтѣ декабристовъ и императора Николая I. Я нѣсколько даже удивленъ, что цензура пропустила такой романъ. Теперь я съ нетерпѣніемъ ожидаю выхода въ свѣтъ твореній Герцена... Вотъ человѣкъ! Вотъ кому во всѣхъ городахъ надо памятники ставить.

— А вы знаете, кто такое Герценъ? — спросилъ Портосъ.

— То-есть?

— То-есть, читали-ли и изучали-ли вы его, такъ сказать до самаго дна его мыслей.

— Я то!.. Хны!..

— Если изучали, то вы должны были понять, какъ онъ далекъ былъ отъ вашихъ идеальныхъ городовъ въ Америкѣ, гдѣ говорятъ на эсперанто, отъ кооперативныхъ лавочекъ, гдѣ сидѣльцы читаютъ Чернышевскаго и Добролюбова, отъ мира всего міра.

— Вы такъ говорите, — сказалъ Брехановъ, — точно вы больше насъ знаете о великомъ революціонерѣ.

— Пожалуй, что и больше васъ.

— Интересно послушать, — сказалъ Маевъ.

— Фигура вашего великаго революціонера весьма зловѣщая, — началъ Портосъ.

— Хны, — хныкнулъ Фигуровъ.

— По крови полуеврей, мать его была дочерью еврея трактирщика въ Германіи, стала наложницею архимилліонера сенатора Яковлева, а Яковлевъ въ дальнемъ родствѣ съ Романовыми.

— Императорская кровь, — прищелкнулъ пальцами Маевъ, — вотъ откуда размахъ-то!

— Въ Герценѣ, — спокойно продолжалъ Портосъ, — проявились черты — еврея трактирщика и ростовщика, и русскаго, скорѣе даже московскаго, дикаго барина самодура и строптивца.

— Сказали, товарищъ! — вставилъ Фигуровъ, но Портосъ не смутился и говорилъ громко и съ силою:

— Еврейская егозливость, вздорная страстность, слезливая обидчивость и... барская строптивость. Еврейская жадность къ земнымъ благамъ, цѣпляньe за деньги, неразборчивость въ средствахъ для достиженія цѣли и русское барское самомнѣніе и самовлюбленность.

— Нарисовали, — сказалъ Брехановъ. — «Съ кого они портреты пишутъ?»

— Герценъ всегда окруженъ отчаянными проходимцами. Онъ знаетъ, что они проходимцы и жулики, но не можетъ безъ нихъ. Еврейская кровь! А барство толкало его въ другую сторону: — нужна свита, «окруженіе» изъ льстецовъ и паразитовъ, чтобы фигурировать передъ ними. Это Герценъ и создалъ въ Россіи, да и заграницей, культъ декабристовъ.

— Но, позвольтѐ, — сказалъ Брехановъ, — а «Русскія женщины» Некрасова?

— Поэтическая вольность... Какой же подвигъ въ томъ, что жены поѣхали за мужьями въ Сибирь? Это ихъ долгъ. Да и такъ ли имъ уже плохо жилось тамъ? Онѣ — аристократки изъ Петербурга. Губернаторы и капитанъ - исправники ухаживали за ними... Сибирь?.. Вы всѣ болѣе или менѣе знаете, что такое Сибирь. Такъ ли уже плохо въ ней живется? И солнышко свѣтитъ... А ѣда-то какая!.. И письма имѣли, и журналы получали. Если подвигъ въ томъ, чтобы отъ Петербургской конфетки отказаться, такъ что же настоящій то подвигъ!.. Когда Николай I умеръ и вѣсть о томъ дошла до Лондона — Герценъ предался буйному ликованью, чуть не пустился въ плясъ отъ радости. Устроилъ банкетъ, созвалъ друзей и на банкетѣ купались въ шампанскомъ. Буржуй еврейской крови!.. А когда таже вѣсть о смерти государя дошла до Полунина въ Сибирь, этотъ чисто русскій декабристъ разрыдался и

сталъ твердить: — «умеръ великій государь! Какое горе для Россіи!..» Вотъ вамъ два міровоззрѣнія тѣхъ же декабристовъ!

— Это уже зоологическими понятіями пахнетъ, — сказалъ Маевъ.

— Герценъ... Герценъ носился съ мыслью использовать старовѣровъ для свержения Самодержавія, видѣлся съ ними въ Лондонѣ и пытался черезъ нихъ сманить въ революцію казачество! И это въ дни Крымской войны!!.. Герценъ и его кружокъ возлагали особыя надежды на Некрасовцевъ, сговаривались съ поляками объ организаціи помощи союзникамъ, о посылкѣ отрядовъ казачьей кавалеріи для операцій въ Крыму! Въ Константинополѣ въ 1853 - 1854 годахъ существовало даже вербовочное бюро, которымъ завѣдывали польскіе агенты. Навербовать удалось нѣсколько десятковъ разношерстныхъ проходимцевъ. Волонтеры брали деньги на обмундированіе, пропивали ихъ, скандаля въ трущобахъ и исчезали. Герценъ и его кружокъ брали деньги отъ британскаго и французскаго правительствъ, обѣщая вызвать въ Россіи во время Крымской войны революціонное движеніе — возстаніе на Волгѣ и Дону. Всѣ средства хороши! Предательство... подкупъ... Нѣтъ, какіе уже тутъ хрустальные дворцы, гдѣ всѣмъ равное мѣсто подъ солнышкомъ!

— Откуда вы черпаете такія свѣдѣнія? — спросилъ Фигуровъ.

— Читаю, товарищъ, не одного Карла Маркса и не одни брошюры, составленныя, чтобы забивать паморки простому народу, но и самого Герцена проштудировалъ насквозь. И не только «Былое и Думы»... Культъ декабристовъ!.. Ну хорошо... А удайся онъ?.. Не разгроми его на Сенатской площади Императоръ Николай I, перекинься онъ въ армію, въ народъ, что же было бы тогда? Заливъ столицу кровью, декабристы овладѣли бы аппаратомъ власти. Они — правительство!.. Надолго-ли? Единственная ихъ опора — армія, — но арміи уже нѣтъ, — говорю вамъ, какъ спеціалистъ, ибо армія, нарушившая присягу, убившая Государя и перебившая своихъ офицеровъ — уже не армія. Высокія

идейныя программныя цѣли декабристовъ ей чужды. Парламентскій строй Николаевскому солдату не понятенъ. Они и конституцію принимали за жену Константина Павловича. Федерація, вольности, реформы — мертвыя слова для темной массы. Ей понятно одно. Закона больше нѣтъ. Нѣтъ наказанія. Есть: — наша воля... Такъ почему же солдаты, измѣнившіе императору Николаю I должны повиноваться и быть вѣрными какимъ то Пестелю, Рылѣеву, Муравьевымъ и такъ далѣе? Все это: — «баре! Князья да грахвы, полковники, да енаралы. А мы ихъ на своемъ хребтѣ опять вези! Не жаламъ! Пущай Хведоръ Кирпатый засѣдаетъ! Сажай Кирюшку! Енъ человѣкъ вѣрный. А енераловъ по боку... Не желамъ»... Ну и сядетъ Кирпатый, а не декабристы.

— Бѣды отъ того большой не вижу, — сказалъ Долгопольскій. — Кирпатый и есть народъ.

— Вотъ это мнѣ и страшно, товарищъ, — понижая голосъ и поеживаясь всѣмъ тѣломъ, проговорилъ Портосъ. — И, когда думаю о революціи, — содрагаюсь. Ибо боюсь, что революція то эта будетъ сопровождаться звѣрскими расправами темной массы съ интеллигенціей. «А! воротничекъ, сукинъ сынъ, носишь!?.. Руки безъ мозолей — бей буржуя!..».

Брехановъ рукою остановилъ Портоса и съ тихой и благостной, елейной улыбкой на бородатомъ лицѣ спросилъ его:

— Не думаете-ли вы, многоуважаемый, что наши товарищи, фабрично - заводскіе рабочіе, нами обработанные, уже не толпа... нѣтъ... а организованное общество, знакомое съ марксистскою литературою, въ дни революціи примутся разбивать черепа нашимъ инженерамъ, или, чего добраго, будутъ совать директоровъ горныхъ предпріятій головою въ доменныя печи?

Маевъ вскочилъ съ тахты и весь задергался, какъ картонный дергунчикъ, задрыгалъ ногами, замахалъ руками и завизжалъ:

— Одинъ мой знакомый исправникъ, тотъ, знаете, шелъ дальше господина Портоса, и самымъ наисерьезнымъ образомъ предсказывалъ, что, если только да ре-

волюція разразится, еврейскіе молодые папиросники, пальтошники и пуговишники немедленно организуютъ великую революціонную инквизицію и примутся повсемѣстно устраивать вжасные революціонные застѣнки, гдѣ Русскимъ офицерамъ будутъ выкалывать глаза и забивать спичкэ подъ ногти! Х-ха! Вжасно мрачно настроенъ господинъ офицеръ.

Долгопольскій подошелъ къ Портосу и остановившись въ шагѣ отъ него и нагнувъ голову, какъ дятелъ сталъ говорить, напирая на о.

— Это народъ богоносецъ-то?.. Это православные то люди? Да что вы, батюшка! Да помилуйте батюшка! Богоносецъ-то!..

— Ну, что говорить... Баста! — крикнулъ, совсѣмъ хозяиномъ распоряжаясь у Агнесы Васильевны, Портосъ, — идемте водку пить... Хозяйка давно мнѣ знаки подаетъ, что пора и къ ужину...*).

XXXVI.

Пили здорово.

— Какъ слеза, чистая, — говорилъ Глоренцъ. — Бувайте здоровеньки, товарищи.

— Высочайше утвержденная, — чокаясь съ Кетаевымъ сказалъ Портосъ.

— Народная влага-съ.

— Вы народную то пили?.. Самогонъ?

— Пивалъ въ Сибири.

— И что же?

— Денатуратомъ отзываетъ.

— Вотъ то-то и оно... Какъ безъ ненавистнаго то правительства? Революція, поди, и слезу смететъ съ бѣлою печатью, — сказалъ Портосъ.

— Народъ не хуже поставитъ, — отвѣтилъ Долгопольскій.

---

*) И эти сужденія имѣли мѣсто въ 1905-10-й годы среди нашихъ эсъ-эровъ. **Авторъ.**

— Далъ бы Богъ...

—А хороша водка.

Пили, наливали, разливали, расплескивали дрожащими руками по скатерти. Видно — дорвались до водки. Наголодались и жаждали ее.

Закусывали небрежно. Кетаевъ руками съ блюда бралъ ломти колбасы и жадно хрустѣлъ ею, дыша чеснокомъ. Глоренцъ мѣшалъ водку съ пивомъ.

— Медвѣжій напитокъ... Ссыльные такъ пивали. Водки то, знаете, мало было.

Петрикъ сидѣлъ подлѣ Агнесы Васильевны. Она ничего не пила. Пригубила водку въ рюмкѣ привязавшагося къ ней Глоренца, налила себѣ пива и не притронулась къ нему. Она иногда подъ столомъ пожимала руку Петрику и шептала ему:

— Будьте умникомъ... Скажите что нибудь... Что вы все молчите. Смотрите, какой молодецъ Портосъ... Такъ и брѣетъ...

Но Петрикъ молчалъ. Что могъ онъ сказать? Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ чужимъ и далекимъ отъ всѣхъ этихъ людей.

По другую сторону стола рыхлая и неопрятная Тигрина совсѣмъ напилась и стала похожа на пьяную старую бабу. Она черезъ столъ кричала Портосу, брызгая слюнями.

— На западъ... На западъ, нечего намъ на западъ то смотрѣть, батюшка! Что они тамъ застыли въ своемъ чистоплюйствѣ. До сей поры не собрались построить желѣзную дорогу изъ Англіи въ Нью-Іоркъ.

— Вѣра Матвѣевна! черезъ океанъ-то, — остановилъ ее Брехановъ.

— И что, батюшка, за бѣда окіянъ! У насъ въ Харьковѣ, въ саду Коммерческаго Клуба, ка-к-кой овражище былъ и тотъ засыпали. Народомъ собрались и засыпали! Эка невѣсть бѣда какая — окіянъ. Народомъ то!.. Навалиться только...

На углу стола Недачинъ, сельскій учитель, вспоминалъ про Японскую войну и говорилъ, нагнувшись къ Портосу:

— У насъ все такъ! Вы знаете, въ Каспійскомъ мо-

рѣ какіе броненосцы стояли, всѣ пошли во Владивостокъ и, конечно, были потоплены японцами. Я васъ спрашиваю — кому они мѣшали въ Каспійскомъ то морѣ!..

— Это вы, Павелъ Сергѣевичъ? — спросилъ его Портосъ, — въ 1905 году были руководителемъ матросскаго бунта въ Архангельскѣ?

— Я-съ.

— И матросы ничего? Не смѣялись надъ вами?

—Съ чего же имъ смѣяться то, — удивился и слегка какъ бы обидѣлся Недачинъ.

— Да такъ. Уже очень глубоки ваши познанія въ моряхъ и морскомъ дѣлѣ...

Въ маленькой столовой было душно, шумно и гамно. Давно выпили водку и только пиво еще горѣло янтарями по стаканамъ. Тарелки были опустошены. Но никому въ голову не приходило перейти въ другую комнату. Сизыя волны табачнаго дыма стыли пластами надъ головами гостей.

Глоренцъ взялъ гармонику и заигралъ на ней какую то частушку. Онъ запѣлъ и его поддержала Агнеса Васильевна.

— Десять я любила,
Девять позабыла,
Ахъ, одного я забыть не могу.

Всѣ пристали нескладнымъ хоромъ и повторили нехитрый мотивъ:

— Десять я лю́била,
Девять позабыла,
Ахъ, одного я забыть не могу.

Пальцы пьянаго Глоренца не могли держать ладовъ. Онъ откинулся на спину стула и, опуская голову, сказалъ:

— Играйте кто-нибудь, товарищи, я не могу что-то. Голова дурная стала совсѣмъ!

Портосъ взялъ у него изъ рукъ гармонику. Петрикъ дивился на него, не узнавалъ корректнаго, сноби-

рующаго въ школѣ Портоса. Портосъ разстегнулъ китель и за нимъ была видна голубая рубашка. Разставивъ ноги, онъ съ ухарскимъ жестомъ раздвинулъ гармонику и сразу заставилъ ее запѣть ладно и дружно все тотъ же немудреный, назойливый мотивъ. Онъ сочинялъ свои куплетцы и пѣлъ ихъ къ великой радости гостей.

— Я сидѣла на баркасѣ,
На колѣночкахъ у Васи.
Ѣла жамки и конфетки
Изъ Васяткиной жилетки...

И хоромъ всѣ:

— Десять я любила
Девять позабыла,
Ахъ одного я забыть не могу.

Сквозь удалое пѣніе прорывались слова. Тигрина насѣла на Бреханова.

— Не согласна я... Не согласна и все... Я не хочу кацапкой быть... Хай живе вільна Украина!

— Извольте, и на это подладимъ, — сказалъ Портосъ и издавъ стонущій звукъ сразу заигралъ «Гречаники».

— Пішла баба на базаръ,
Грешной муки покупаты
Гречаники учиняты.

Всѣ подхватили:

— Гопъ мои гречаники,
Гопъ мои яшны
Чего-жъ мои гречаники
Сегодня не смачны.

Портоса точно несло куда-то. Лукаво подмигивая Агнесѣ Васильевнѣ на Тигрину, лицомъ оставаясь серьезнымъ, онъ продолжалъ:

— Съ помыйныцы воду брала,
Украину учиняла.

И разошедшійся хоръ вопилъ въ какомъ то дикомъ первобытномъ восторгѣ:

— Гопъ мои гречаники,
Гопъ мои яшны...

Агнеса Васильевна пальцемъ грозила Портосу.

— Стыдно, стыдно, вамъ, Портосъ, смѣяться надъ Божьими людьми! — говорила она ему.

Портосъ глушилъ ея слова воплями гармоники.

Петрикъ пересѣлъ въ уголъ за буфетъ и ничего, ничего уже не понималъ.

XXXVII.

Расходились за полночь. «Соціалистиковъ» совсѣмъ развезло. Видно не были они привычны къ такому угощенію. Недачинъ и Глоренцъ выходили въ уборную. Ихъ рвало. Они возвращались со всклокоченными потными волосами, съ отстегнутыми воротничками и сбитыми на бокъ, неряшливо висящими галстуками.

— Что, товарищи, — весело встрѣчалъ ихъ Портосъ, — по славному Римскому обычаю два пальца въ ротъ, и качай сначала. Водки, или пива?

Но тѣ жалобно мычали и пучили безсмысленно глаза.

— Эхъ вы! Россійскую революцію учинять хотите, а съ водки размякли. Вѣдь народъ то, чтобы поднять, море водки съ нимъ выпить придется, а самому, а ни-ни ни въ единомъ глазу не быть. Вотъ онъ гдѣ Россійскій-то Карлъ Марксъ сидитъ! — потрясалъ онъ пустою бутылкою надъ головою.

Уходили опять партіями — три, три и два. Недачина и Глоренца раздѣлили и взяли подъ покровительство, перваго Фигуровъ, второго Брехановъ. Кетаевъ ушелъ, обнимая совсѣмъ размякшую Тигрину.

— А вѣдь онъ ее того, — подмигнулъ на Кетаева Портосъ Агнесѣ Васильевнѣ.

Она погрозила ему пальцемъ.

Портосъ задержался. Петрикъ ожидалъ его. Ему непремѣнно надо было переговорить съ Портосомъ.

— Ну что, — спросила Агнеса Васильевна, — какъ мои безбожные люди?

Она стояла за столомъ съ запачканной скатертью, грязными тарелками, недопитыми стаканами, колбасной шелухой и селедочными головами и хвостами. Вся комната была въ полосахъ сизаго табачнаго дыма. Терпко и противно несло изъ корридора спиртною рвотою.

Портосъ застегивалъ свой китель и безстыднымъ движеніемъ поддевалъ подъ него поясную портупею.

— Да... не хуже нашихъ... Только у насъ это чище какъ то... И эти люди будутъ революцію поднимать?

— А что же?

— Вѣдь это, Агнеса Васильевна, не вверхъ къ хрустальнымъ дворцамъ и общему солнышку, а внизъ въ помойную яму... Это промѣнять порося на карася.

— Что дѣлать! Per aspera ad astra!..*).

— Какъ бы съ такими то вождями мы не застряли въ пропастяхъ... Ну спасибо за показъ... вашего звѣринца.

Онъ подалъ руку Агнесѣ Васильевнѣ и какъ то фамильярно и брезгливо пожалъ ее.

Петрикъ церемонно распрощался, и оба, молча, стали спускаться по лѣстницѣ. Слѣды невоздержанности «соціалистиковъ» лежали на каждой площадкѣ.

— Вотъ, — самъ себѣ говорилъ Портосъ, — если офицеръ загуляетъ и напьется, да напачкаетъ, вся литература готова изображать его пьяные подвиги. И къ дѣвкамъ то ѣздятъ, и пьяные скачутъ, ну, а напиши кто про «соціалистиковъ» — никто не напечатаетъ. Тутъ цензура построже царской. «Соціалистики» не люди, — ангелы, а умны! Изъ Каспійскаго моря броненосцы въ Японію шлютъ! Атлантическій океанъ, какъ Харьковскій ровъ, засыпаютъ! Н-да! Нѣтъ... писать про та-

*) Черезъ пропасти къ звѣздамъ.

кое нельзя. Это мы, царскіе слуги, — хамы и пьяницы... Это мы, Русскій народъ, — пьяницы, черная пьяная сотня, а они — хмѣльного въ ротъ не берутъ... Брехановъ присталъ ко мнѣ, чтобы я подписалъ какое то воззваніе къ русскимъ людямъ.. Къ русскимъ людямъ... Презрѣніе то какое!.. Къ нѣмцамъ, французамъ, англичанамъ, а тутъ къ русскимъ л ю д я м ъ... не ошибитесь... тоже... — л ю д и!.. По поводу кроваваго навѣта на евреевъ!.. Гдѣ то мальчика евреи убили, такъ не можетъ того быть... Евреи!.. А Русская богородица сладострастница можетъ быть? Съ красной петлею удавкой на шеѣ... Насладись... Возьми мою ночку, а потомъ и высовывай подъ петлею языкъ!.. Русское изувѣрство — сколько хотите! Тутъ никакого кроваваго навѣта... А тронь еврея — весь міръ зашумитъ!..

Петрикъ шелъ, молча, рядомъ.

На перевозѣ они взяли яликъ. Сидѣли рядомъ, но были, какъ чужіе.

Яликъ мягко покачивался на волнахъ. Шелестѣлъ упругою влагою, раздвигая ее носомъ. Луна отражалась въ рѣкѣ. Свѣжа была ночь и пріятенъ послѣ дымной и душной комнаты, полной пьяными людьми — просторъ Невы и ея нѣжное, ароматное дыханіе.

У Дворцоваго моста вышли и пошли по широкимъ и жесткимъ гранитнымъ плитамъ. За низкимъ каменнымъ парапетомъ плескалась Нева. Волнышки набѣгали и съ легкимъ звономъ разбивались о камень. У Царской пристани на оттяжкахъ стоялъ большой катеръ. Матросъ гвардеецъ въ черномъ бушлатѣ застылъ подлѣ него.

Зимній Дворецъ въ громадныхъ окнахъ тускло отражалъ луну. Кое гдѣ свѣтились огни. У будокъ стояли неподвижно, съ ружьемъ у ноги, рослые часовые гвардейцы въ высокихъ киверахъ съ блистающей мѣдью гербовъ. Четко цокая подковами проѣхали два молодцоватыхъ казака, на легкихъ степныхъ лошадяхъ. Похаживали по панели околодочные въ офицерскихъ плащахъ, городовые стояли посреди улицы между ярко горящихъ фонарей.

Суровая и красивая подтянутость была кругомъ.

Точно и самый воздухъ хранилъ почтительную тишину.

— Нѣтъ, куда имъ! — проворчалъ Портосъ, — «соціалистикамъ!..»

Когда поравнялся съ Эрмитажемъ, едва слышно сказалъ:

— А впрочемъ: — et la garde qui veille aux barrières du Louvre, n'en defend pas nos rois...*).

Они поднялись на горбатый мостъ и шли мимо высокихъ казармъ 1-го батальона Л.-Гв. Преображенскаго полка.

— Портосъ! — вдругъ останавливаясь, сказалъ Петрикъ. — Скажи мнѣ... — мольба и тревога были въ его голосѣ. — Ты, правда, у нихъ... въ партіи?..

Портосъ ничего не отвѣтилъ. Онъ увидалъ вдали порожняго извощика, махнулъ ему рукою и быстро зашагалъ къ нему. Петрикъ побѣжалъ за нимъ.

— Портосъ!.. Это мнѣ очень важно знать... Слышишь... Скажи... Правда ты въ партіи, стремящейся къ ниспроверженію Престола?

Портосъ садился на извощика. Онъ не предложилъ подвезти Петрика.

— Ерунда!.. Какая ерунда! — сказалъ онъ. И, не прощаясь съ Петрикомъ, далъ знакъ извощику, чтобы онъ трогалъ.

Петрикъ глубоко засунулъ руки въ карманы. Точно боялся, что протянетъ руку по привычкѣ Портосу. Убралъ голову въ плечи, и глядя подъ ноги, тихо пошелъ наискось по Марсову полю.

---

*) И гвардія, бодрствующая у воротъ Лувра не охранитъ отъ нея (смерти) — нашихъ королей. (Изъ стихотворенія «Ta douleur, Duperrier, sera donc éternelle?».)

XXXVIII.

Для Петрика было очень важно знать — въ партіи Портосъ, или нѣтъ?

Петрикъ не разбирался въ партіяхъ. Онъ не только не занимался политикой — онъ ею не интересовался. Партія — «partie». — Петрикъ переводилъ буквально, это была — ч а с т ь. Часть, не слагавшаяся въ цѣлое, но противоборствующая цѣлому и это цѣлое и стройное разрушавшая на части. Сословія: — дворянство, крестьяне, мѣщане, торговые люди, духовенство, казаки, инородцы — это цѣлое составляли, крѣпили и берегли. Для Петрика Россія была едина. Въ ней всѣ были — Русскими. Онъ въ своемъ взводѣ, въ командѣ развѣдчиковъ имѣлъ и великороссовъ и татаръ, и малороссовъ и поляковъ, были въ немъ и жидъ и латышъ — для Петрика они всѣ были — Р у с с к и м и... Русскими солдатами. И что радовало Петрика — что они всѣ тоже считали себя Русскими, и этимъ гордились. Онъ зналъ, что кто бы и гдѣ бы ни спросилъ ихъ, — кто они? — они никогда не скажутъ: — «я — еврей!..» или «я латышъ»... но всегда: — «я Русскій». Это было то великое цѣлое — Россія, что покрывало всѣ части.

Партія стремилась это разрушить. Все равно какая... Даже — монархическая. Для Петрика въ монархіи не могло быть монархической партіи — она была ненужной... просто — лишней, ибо вся Россія — монархіи не могло быть монархической партіи — она была тіи, — по понятіямъ Петрика, — значило перестать служить Государю и повиноваться его законамъ, но служить партіи, по ея законамъ и приказамъ. Это было двоевластіе — это разрушало цѣлость е г о Россіи, той Россіи, какую себѣ представлялъ Петрикъ.

Партія была враждебна Россіи и быть въ ней значило идти противъ Россіи.

Если Портосъ въ партіи — онъ врагъ Россіи. И Петрикъ не можетъ дружить больше съ Портосомъ. Онъ не можетъ на него донести. Офицеръ не доносчикъ, не фискалъ, не ябедникъ. Они же были кадетами въ од-

номъ корпусѣ!! Петрикъ отойдетъ отъ Портоса: — холоднымъ невниманіемъ онъ покажетъ, что онъ его понялъ и не съ нимъ. Онъ будетъ наблюдать за нимъ... и, если Портосъ... шагнетъ въ бездну?.. Петрикъ исполнитъ свой долгъ.

Родина выше дружбы.

«Божьи люди» показали Петрику, что Валентина Петровна была права: — «нигилисточка» — это не шутка, не милая, веселая игра. Это партія... Петрикъ пересталъ бывать у нигилисточки. Онъ не считалъ ни ее, ни ея «божьихъ людей» опасными для государства, — слишкомъ глупы и ничтожны всѣ они были, да, навѣрно, за ними слѣдила полиція. Но — Портосъ!

Петрикъ сразу увидѣлъ, что Портосъ — вожакъ. Портосъ въ партіи — дѣлалъ партію страшной. Портосъ въ партіи — офицеръ измѣнникъ. И какъ не могъ представить себѣ Петрикъ офицера масона, такъ не могъ онъ представить его и партійнымъ.

Въ простой и несложной душѣ Петрика шла большая работа. Онъ сознавалъ, что какъ то выяснить все это было надо. Онъ понималъ, что вызвать Портоса на объясненіе ему не удастся. Портосъ ему ничего не скажетъ, или обманетъ его, ибо партія допускаетъ ложь, а Портосъ — человѣкъ скользкій.

Съ этого дня онъ избѣгалъ встрѣчъ съ Портосомъ. И это было тѣмъ болѣе легко, что Петрикъ проходилъ занятія въ школѣ съ полнымъ усердіемъ, Портосъ относился къ нимъ «спустя рукава» и, пользуясь страстной и Святой недѣлями, экзаменами, сборами въ лагерь, совсѣмъ не бывалъ въ школѣ.

Петрикъ чувствовалъ, какъ маленькая трещина, образовавшаяся въ ихъ отношеніяхъ въ день знакомства съ «божьими людьми» у нигилисточки, разросталась въ глубокую страшную пропасть.

Петрикъ боялся, что будетъ тотъ день, когда онъ, знающій, кто такое Портосъ будетъ вынужденъ сдѣлать, что то ужасное и противное, во имя офицерскаго долга. Изъ друга Портосъ становился — «врагомъ внутреннимъ».

Петрикъ боялся объ этомъ думать.

Какъ?.. гдѣ?.. когда?.. Но когда-то это должно разрѣшиться. И это было ужасно.

Но Петрикъ былъ занятъ. Ему некогда было объ этомъ много думать.

XXXIX.

На второй день праздника Валентина Петровна въ фетровой черной шляпѣ — треухѣ, въ тепломъ суконномъ рединготѣ и амазонкѣ, въ сѣромъ манто, на извощикѣ ѣхала черезъ Троицкій мостъ.

Былъ десятый часъ утра.

Столица гудѣла колокольнымъ пасхальнымъ звономъ. Отдѣльные удары тяжелыхъ соборныхъ колоколовъ сливались въ общій гулъ и отъ того казалось, что какой то незримый, несказанно прекрасный, торжественный оркестръ игралъ высоко въ синемъ небѣ. Отъ этой игры въ небѣ — празднично было на сердцѣ у Валентины Петровны.

По небу — какъ нѣжныя страусовыя перышки разбросались бѣлыя и розовыя облачка и стояли на мѣстѣ.

На землѣ все блистало подъ солнцемъ. Больно было смотрѣть на Неву, отражавшую въ мелкой зыби яркія солнечныя блистанія — тысячи маленькихъ солнцъ! Весело сновали по ней пароходики и бѣлые ялики съ задранной кверху кормой точно чайки косили къ Мытному и обратно.

Деревья Александровскаго парка, еще черныя и голыя, набухли весенними соками и стали гуще. Мокрыя шоссе манили подъ густой переплетъ ихъ вѣтвей. На мосту и вдоль парка — вездѣ былъ празднично одѣтый народъ. У самаго съѣзда съ моста — ярославецъ мужикъ, въ розовой рубахѣ и черной жилеткѣ, устроился съ большимъ лоткомъ красныхъ и лиловыхъ яицъ и бойко ими торговалъ.

На паперти Троицкой церкви пестрою толпою собирались богомольцы. Оглушали звоны ея колоколовъ.

Валентина Петровна увидала темномалиновую большую машину Портоса, верховыхъ лошадей подъ попонами и кучку любопытныхъ, на углу Кронверкскаго проспекта.

И ее тамъ увидали.

Солдаты стали снимать попоны и подтягивать подпруги. Портосъ скинулъ пальто и въ длинномъ сюртукѣ съ пришпиленными полами пошелъ навстрѣчу Валентинѣ Петровнѣ.

Немного жутко было садиться на рослаго «Фортинбраса» въ толпѣ народа, и сильно забилось сердце у Валентины Петровны, когда становила она маленькую ножку на руку Портоса и онъ бережно оправлялъ складки и застегивалъ резинку на правой ногѣ.

Лошадь тронула легко и плавно, и Валентина Петровна сейчасъ же оцѣнила пружинистую гибкость ея просторнаго широкаго шага.

Портосъ на большомъ ворономъ хентерѣ, одолженномъ ему его пріятелемъ Бражниковымъ, былъ великолѣпенъ.

Въ этотъ утренній часъ Каменноостровскій проспектъ былъ пустыненъ. Они ѣхали, по сырымъ отъ росы торцамъ, мимо высокихъ нарядныхъ домовъ и далеко впереди въ сѣромъ кружевномъ маревѣ виднѣлись сады Аптекарскаго острова.

Вся красота Петербурга раскрывалась передъ Валентиной Петровной. Они ѣхали шагомъ, и ей хотѣлось говорить, сказать все то, что наболѣло въ ея сердцѣ. Съ Яковомъ Кронидовичемъ она боялась поднимать серьезные вопросы. Яковъ Кронидовичъ смотрѣлъ на нее, какъ на дѣвочку, снисходилъ до нея, и это оскорбляло Валентину Петровну и заставляло ее скрывать свои мысли, жить внутри себя. То дамское общество, что ее окружало, никогда ни о чемъ серьезномъ не говорило.

— Какъ красивъ нашъ Петербургъ, — сказалъ Портосъ, глядя вдаль. — Какіе въ немъ всегда прозрачные, точно акварельные тона.

— Я бы сказала — съ гуашью, — промолвила Валентина Петровна. Ея замѣчаніе показалось ей значи-

тельнымъ. Она почувствовала, что этимъ она начнетъ свой серьезный разговоръ.

— Да... съ гуашью... Вы правы. Особенно зимою. Великій человѣкъ былъ Петръ!

— Неправда-ли, — быстро отозвалась Валентина Петровна. Она почувствовала, что онъ ее понялъ и подхватилъ брошенный ею мячъ разговора. — И какой нехорошій Владиміръ Васильевичъ.

— Стасскій?

— Да.

Она вспомнила вчерашній разговоръ у нея въ столовой за розговѣннымъ столомъ. Стасскій, ковыряя вилкой въ заливномъ поросенкѣ, говорилъ о новой пьесѣ Мережковскаго и о Петрѣ Великомъ. Онъ называлъ Петра развратникомъ, при дамахъ, брыжжа слюнами и выпячивая съ отвращеніемъ нижнюю губу сказалъ: — «корону на уличную дѣвку надѣлъ! Подарилъ Россіи царицу!»

— Онъ говорилъ, — торопясь и волнуясь, разсказывала Портосу Валентина Петровна, — что Петръ кровью упился...

— Можетъ быть, — спокойно сказалъ Портосъ. — Есть времена, когда это невредный напитокъ. Посмотрите, какъ взошла и расцвѣла отъ человѣческой-то крови Россія! А Петербургъ! Какая красота!

— Стасскій еще говорилъ — торопилась все сказать Валентина Петровна, — что Петръ православную вѣру унизилъ и надругался надъ нею.

— Все не могутъ примириться со святѣйшимъ Сѵнодомъ, — усмѣхнулся Портосъ. — Все имъ Побѣдоносцевъ снится. Умнѣйшая и образованнѣйшая, между прочимъ, Валентина Петровна, личность была. — И, мѣняя тонъ на очень серьезный, Портосъ добавилъ: — что подѣлаешь, милая Валентина Петровна, когда іерархи наши готовы разодраться между собою изъ за брошенной кости. Ну и пришлось поставить надъ ними штабъ-офицера Преображенскаго полка для послушанія. Вѣдь и владыки, Валентина Петровна, не изъ святыхъ набираются. Святые-то больше по кельямъ въ «старцахъ» сидятъ.

— И будто Петръ Венусу, изъ Италіи привезенной статуѣ, поклоняться велѣлъ... Головы самъ стрѣльцамъ рубилъ.. Сына пыталъ... По словамъ Владиміра Васильевича Петръ Россію отъ тихаго поступательнаго движенія, начатаго мудрѣйшимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, толкнулъ въ бездну... И повторялъ онъ съ такой ужасной, злобной усмѣшкой фразу изъ новой пьесы: «а Петербургу быть пусту!.. быть пусту!..» А меня, знаете Портосъ, отъ его словъ, такихъ злобныхъ, морозъ подиралъ по кожѣ...

— Это новая мода и, какъ всякая мода, она имѣетъ успѣхъ у толпы.

— Какая?

— Ругать старое. Подрывать свинымъ рыломъ основы, заложенныя отцами и дѣдами... Чѣмъ дальше мы удаляемся отъ историческаго лица, чѣмъ меньше можемъ слышать личныхъ воспоминаній о немъ, чѣмъ меньше сохраняется писемъ, записокъ и дневниковъ, чѣмъ меньше предметовъ ихъ обихода сохраняетъ намъ время — тѣмъ шире становится поле для догадокъ, инсинуацій и клеветы и тѣмъ наглѣе становятся изслѣдователи. Это у насъ называется:—«исторической перспективой». Исторія уже не зеркало былой жизни народовъ, но орудіе для достиженія опредѣленной цѣли. Свои и иностранные историки — изслѣдователи, большею частью братья масонскаго ордена, по какимъ то особо раскопаннымъ документамъ, якобы никому, кромѣ нихъ неизвѣстнымъ, преподносятъ свои выводы и разоблаченія... Гадкіе по большей части выводы и мерзкія разоблаченія. Толпа это любитъ. Толпа награждаетъ за это рукоплесканіями. Толпа платитъ за это. Она любитъ, когда развѣнчиваютъ тѣхъ, кому отцы ставили памятники. Да и меценатъ, изъ масонской ложи, найдется, чтобы существенно поблагодарить за это... На ихъ мельницу вода — убить національную гордость, подавить любовь къ Отечеству!.. И — ярлыки, Валентина Петровна, ярлыки на липкой смолѣ, клейкіе, гадкіе и жгучіе! Россія — татары!.. Азія!.. — Петръ — развратникъ, сифилитикъ и микроцефалъ!... Екатерина — распутная бабенка!.. Ихъ государствен-

ныя дѣла замалчиваютъ, а вотъ въ ихъ альковахъ копаются, подъ кровать засматриваютъ. Александръ — отцеубійца, всю жизнь мучившійся этимъ и ставшій ненормальнымъ... Николай I — грубый солдатъ — никого не пощадили... Вѣдь это, Валентина Петровна, все равно, какъ если бы, описывая, скажемъ, Зимній Дворецъ и Эрмитажъ, — мы описали бы только помойныя, да выгребныя ямы, не коснувшись ни залъ, ни картинъ, ни мрамора, ни бронзы, ни вѣчной гармоніи красоты... Это новый подходъ къ исторіи. Подходъ — патологическій. И это нужно для того, чтобы уничтожить Россію руками самого Русскаго народа... Вали ее — гнилую!..

Валентина Петровна слушала Портоса и точно пила изъ свѣтлаго источника вкусную прозрачную влагу. Она, то смотрѣла на его оживившееся красивое лицо съ блестящими глазами, то опускала свои глаза и любовалась бархатистыми тонкими ушами Фортинбраса, бывшими въ постоянномъ движеніи. То настремитъ онъ ихъ и смотритъ вдаль въ разворачивающуюся ширь острововъ, то прижметъ къ темени, точно сердится на сосѣда, то будто слушаетъ, что такъ горячо говоритъ его хозяинъ.

XL.

По деревянному мосту переѣхали на Каменный островъ. Былъ прозраченъ стукъ копытъ по новымъ доскамъ моста.

На островѣ, по одну сторону шоссе, стояли дачи, еще слѣпыя заставленными ставнями окнами, съ черными, не посыпанными пескомъ дорожками садовъ, по другую, за широкими ветлами, росшими по обрывистому берегу, Малая Невка несла блестящія глубокія воды.

Изъ Крестовки въ нее вылетѣла узкая, длинная бѣлая шлюпка. Три гимназиста, совсѣмъ уже по лѣтнему, въ коломянковыхъ блузахъ, гребли на ней въ три пары

веселъ, дѣвушка въ желтомъ соломенномъ канотье съ бѣлыми лентами, въ синей кофточкѣ на распашку, сидѣла на кормѣ, держась за веревки руля, и въ тактъ гребцамъ нагибалась впередъ, точно стараясь движеніемъ гибкаго тѣла подогнать лодку. Они круто свернули внизъ по теченью и, оставляя серебряный слѣдъ понеслись вдоль Крестовскаго острова. Гимназисты весело смѣялись. Они что то сказали барышнѣ на кормѣ и та обернулась и маленькой ручкой помахала Валентинѣ Петровнѣ.

— Какъ хорошо! — сказала Валентина Петровна.

Портосъ свернулъ вправо на грунтовую дорогу съ мокрой красноватой глиной. По бокамъ уже показалась молодая трава.

— Можно? — спросила Валентина Петровна, и Фортинбрасъ точно понялъ ее, потянулъ поводъ, колыхнулъ чернымъ навѣсомъ гривы и, упруго подставивъ заднюю ногу, легко и просторно побѣжалъ широкою рысью, радуясь мягкому грунту, свѣжему весеннему воздуху и легкой и ловкой наѣздницѣ.

Съ каждымъ глоткомъ воздуха, напоеннаго запахомъ воды и свѣжихъ весеннихъ древесныхъ соковъ, въ душу Валентины Петровны вливалось счастье, то самое счастье, что знала она въ дѣтствѣ, въ Захолустномъ Штабѣ, когда была свободной его королевной.

И лучшее чувство — чувство благодарности Портосу за доставленное удовольствіе — согрѣвало ея сердце.

По Елагину ѣхали шагомъ. Въ прозрачномъ маревѣ тонкой дымки скрывался заливъ. Отъ Крестовскаго Яхтъ-Клуба неслись мѣрные звуки ударовъ топора. Одинокая яхта, занавѣсившись бѣлыми парусами, точно видѣніе стояла у пустыхъ пристаней. Легкій вѣтерокъ задувалъ по верху и задумчиво шумѣли голыя вершины дубовъ и липъ.

— Смотрите снѣгъ! — воскликнула Валентина Петровна, хлыстикомъ показывая на полосу рыхлаго, ноздреватаго снѣга, притаившагося у сѣвернаго края обрыва дороги — остатокъ большого сугроба.

«Какъ много, много радости жизни», — думала Валентина Петровна, глядя на этотъ остатокъ зимы. «По снѣгу сюда на тройкѣ! Когда, въ серебряномъ инеѣ, горятъ алмазами деревья парка!.. Пристяжныя кидаютъ бѣлые комья снѣга и щелкаютъ по кожанымъ отводамъ... Лѣтомъ на парусахъ по голубымъ волнамъ залива въ Стрѣльно, Петергофъ, въ Теріоки... Идти, гонимой вѣтромъ вдоль берега и слушать музыку курорта!.. Для нея это недостижимо... Яковъ Кронидовичъ этого не любитъ. Ему всегда некогда. Онъ вѣчно занятъ. Онъ ищетъ правду... Раскапываетъ ее въ трупахъ»...

Она тяжело вздохнула.

— Ахъ да!..

Она вспомнила, что и эта радость красивой прогулки — запрещенный плодъ. Можетъ быть, потому онъ такъ и сладокъ?

Они возвращались лѣвымъ берегомъ Большой Невки. Съ непривычки она устала. Весенній воздухъ опьянилъ ее. У ресторана Кюба, бывшаго Фелисьена, о которомъ Валентина Петровна столько слышала восторженныхъ разсказовъ, но гдѣ никогда не была, стоялъ автомобиль Портоса и вѣстовые съ попонами ихъ ожидали.

Это вниманіе Портоса глубоко ее тронуло.

— Зайдемте позавтракать, — сказалъ Портосъ.

— Ахъ нѣтъ, что вы?.. Довезите меня, если можно, на вашемъ «билѣ» до Лѣтняго сада, а тамъ я возьму извощика. Я даже не рискую васъ пригласить завтракать къ себѣ, — робко добавила она.

— «Что будетъ говорить княгиня Марья Алексѣевна!» — сказалъ Портосъ, протягивая руки, чтобы снять Валентину Петровну съ сѣдла.

— Если хотите... Да... Я не хотѣла бы, чтобы наши прогулки были непріятны Якову Кронидовичу.

— «Княгиня Марья Алексѣевна» все равно будетъ говорить все, что взбредетъ въ ея пустую голову. На то она и «Марья Алексѣевна», — сказалъ Портосъ. — На чужой ротокъ не накинешь платокъ... Но не все ли равно это вамъ? Жена Цезаря внѣ подозрѣній.

Валентина Петровна вздохнула, но ничего не отвѣтила. И всю дорогу до дома она молчала и разсѣянно слушала что то длинное, что ей разсказывалъ Портосъ.

Самая музыка его голоса была ей пріятна.

XLI.

Въ ея сердцѣ пробуждалась весна. Въ глубинѣ души что то пѣло, играло и ликовало. Не тамъ, гдѣ грудь, печень, легкія, селезенка, вся эта гнусная проза анатоміи Якова Кронидовича, отъ чего несетъ трупнымъ смрадомъ смерти, а въ нетлѣнной душѣ, гдѣ зародилась любовь!

Апрѣль былъ удивительный. Каждый день, въ туманахъ за Смольнымъ, вставало солнце и къ девяти часамъ утра въ воздухѣ разливалась та нѣжная хрустальная прозрачность, что придавала всему видъ старой акварели.

По голубому небу паслись перламутровые барашки. За Биржей, гдѣ то въ Финляндіи, на томъ берегу, точно задній планъ декораціи, громоздились большія кучевыя облака, отливали въ розовое, въ синь, становились лиловыми, чернѣли и вдругъ таяли, распадались, и къ закату тамъ по алому полымю тянулась узкая фіолетовая полоска по горячему огненному небу...

Какіе то были закаты!

Каждое утро Валентина Петровна вскакивала съ постели, накидывала на себя пушистое бѣлое **saut-de-lit** и въ туфелькахъ на босу ногу подбѣгала къ окну. Она отодвигала тяжелыя портьеры, поднимала штору и смотрѣла въ окно. Внизу, еще стлался туманъ. Запотѣли стекла. Въ садикѣ торчали набухшія почками вѣтви сирени, и брилліантами горѣли на нихъ на солнцѣ капли росы. Полъ садика закрывала длинная тѣнь отъ дома, и по ту сторону улицы сверкали въ яркихъ лучахъ коричневыя желѣзныя крыши домовъ и блистали, какъ зеркало, дымясь прозрачными испареніями. Она откры-

вала форточку. Вмѣстѣ съ гуломъ и трескомъ города въ нее врывались непрерывный, радостный пискъ воробьевъ въ садикѣ, гульканіе голубей на сосѣдней крышѣ и непередаваемо нѣжный сладкій запахъ Петербургской весны.

За дверьми, почуявъ что хозяйка встала, Диди царапалась ногтями и радостно повизгивала.

Скорѣе, скорѣе... одѣваться!

Въ амазонкѣ и высокихъ сапогахъ, со шпорой на лѣвомъ, въ треухѣ на туго стянутыхъ косахъ, она проходила черезъ гостиную. Собака, согнувъ спину и поджавъ вопросительнымъ знакомъ хвостъ, шла у ея юбки. Валентина Петровна останавливалась у зеркала и смотрѣла на себя, прищуривъ большіе зеленоватые глаза.

Да... хороша!... Очень хороша!

Она отражалась въ зеркалѣ вмѣстѣ съ левреткой. Стройная, съ укрученной около круглыхъ бедеръ амазонкой, съ тонкимъ хлыстикомъ въ рукѣ. Сѣрый рединготъ мягко облегалъ ея молодую нетронутую грудь и узкія, дѣвичьи плечи. Собака большими черными глазами глядѣла въ глаза хозяйкѣ.

«Совсѣмъ портретъ начала вѣка... Левицкаго. Дама съ левреткой... Картина!..»

Она высвободила, изъ подъ треуха, завитую прядку золотистыхъ волосъ. Точно отъ вѣтра распустились, выбились волосы.

Да, очень хороша!

Она отвернулась отъ зеркала и прошла мимо рояля. Вчера, вечеромъ, послѣ прогулки, она одна играла Генделевское Largo. Диди протянувъ лапки съ длинными пальцами — точно и не собачьими, спала въ креслѣ. Ея лапки легли въ переплетъ. Правая передняя на лѣвую заднюю, правая задняя подъ лѣвой передней. Котъ Топи лежалъ на крышкѣ рояля и будто слушалъ ея игру, щуря прозрачные аквамариновые глаза.

Она играла и вспоминала, какъ играли они втроемъ въ день ея рожденія. Это мѣсто играла скрипка Обри, здѣсь вступила віолончель Якова Кронидовича,

а тутъ она громами всего рояля покрыла и скрипку и віолончель.

Largo?.. Налетѣло, захватило, свалило, сокрушило тихую покойную жизнь.

Свободной походкой, — какъ стали отъ ѣзды — легки и гибки ея ноги! — она пошла въ прихожую. Таня ожидала ее съ накидкой въ рукѣ.

— Къ фрыштыку будете дома?

Въ открытую дверь былъ видѣнъ т о т ъ кабинетъ. Ермократъ прибиралъ на широкомъ столѣ, заваленномъ бумагами. Онъ хитрымъ, злымъ, змѣинымъ взглядомъ смотрѣлъ на нее. Рыже-сѣдые, рѣдкіе волосы свалялись колтуномъ на его головѣ. Бородка торчала космами. Онъ не поклонился ей. Онъ глядѣлъ на нее маленькими глазами и его взглядъ безпокоилъ Валентину Петровну. Ей казалось, что изъ кабинета несетъ запахомъ трупа. Она закрыла дверь въ кабинетъ.

— Да... только скажите Марьѣ, что я пріѣду около двухъ. Поздній будетъ завтракъ, — сказала она.

— Завтракать будете однѣ-съ?

— Конечно одна... Дома Ди-ди! — строго сказала она побѣжавшей къ дверямъ собакѣ. — Дома!... Вы прогуляете ее Таня?

— Слушаю, барыня.

Мягко и послушно раскрылась высокая дверь, снаружи обитая зеленымъ сукномъ, золотыми гвоздиками. На другой половинѣ блистала бронзовая доска. Вся лѣстница горѣла въ солнечныхъ лучахъ, въ косыхъ потокахъ свѣта, играющаго радугами пылинокъ. Два марша — и она была на свободѣ. Чуть не бѣгомъ шла она вдоль садика, гдѣ ее привѣтствовали, оглушая, воробьи. Знакомый извощикъ ждалъ, чтобы везти туда, гдѣ было условлено, что будутъ лошади.

Любовь?

Радость прогулки... Очарованіе весны, воздуха, природы, лошадей...

«Яковъ Кронидовичъ — вы можете быть спокойны. Я слишкомъ умна и знаю, что это такое!»

XLII.

Три дня шелъ Ладожскій ледъ. Сильно похолодѣло. Лилъ дождь. Къ ночи подморозило и стала гололедка. Мокрый снѣгъ къ утру выбѣлилъ улицы.

За то еще прекраснѣе показалось яркое солнце вдругъ заигравшее послѣ полудня и сразу убравшее и снѣгъ и гололедку и всѣ слѣды возвратившейся зимы.

Портосъ позвонилъ по телефону.

— Буду ждать съ лошадьми у церкви Іоанна Крестителя возлѣ Строгоновскаго моста. Берите трамвай № 2 или № 15.

— Къ пяти?

— Слушаюсь.

Ничто такъ не располагаетъ къ откровенному, задушевному разговору, какъ долгое движеніе шагомъ, на хорошо выѣзженныхъ, знакомыхъ лошадяхъ. Рѣчь льется сама собою. Не задыхаешься, какъ при ходьбѣ пѣшкомъ, не надо думать, не слушаетъ ли кучеръ, или шоферъ, какъ въ экипажѣ, или въ автомобилѣ... Вдвоемъ... Наединѣ...

Лошади шли мѣрно. Пряли ушами. Поводья были опущены. Такъ близко рядомъ было милое лицо съ темными, всепонимающими глазами.

Ланское шоссе, прямою стрѣлою, уходило къ далекимъ сосновымъ лѣсамъ. По сторонамъ были высокіе заборы, огороды, кое гдѣ еще пустыя дачи. И такъ было тихо и безлюдно на немъ, точно все, что было въ городѣ ушло куда-то далеко и тутъ начиналась новая жизнь. И никому, никому, ни отцу, ни матери, ни самому близкому человѣку, никогда не сказала бы того, что говорила теперь, опустивъ голову, Портосу Валентина Петровна.

— Не говорите мнѣ такъ, милый Портосъ. Вы ничего не понимаете... Что я была? Дѣвчонка, ничего не знающая... Онъ плѣнилъ меня музыкой... добротой... прекраснымъ сердцемъ... Всѣ его такъ уважали... Нѣтъ... нѣтъ... конечно... я и люблю его... Мнѣ съ нимъ спокойно... Онъ такъ добръ ко мнѣ.

— Это не любовь... Во всякомъ случаѣ для этого не надо выходить замужъ?.. Такъ любятъ добрыхъ батюшекъ, учителей... писателей...

— Ахъ... т о... милый Портосъ... То для меня не существуетъ... Можетъ быть оно хорошо въ романахъ... но въ жизни... Брр... Нѣтъ... Я не создана для этого. Это только мужчинамъ такъ кажется...

— Потому, что вы этого не испытали?

Они молчали нѣсколько минутъ. Ровно и спокойно шли лошади. Къ наступавшему вечеру потянуло прохладой, и длинныя тѣни лошадей шагали рядомъ вдоль забора.

— Тутъ что нибудь не такъ. Посмотрите, какъ счастлива Вѣра Константиновна со своимъ мужемъ. Развѣ ваше счастье похоже на ея?

— Можетъ быть... оно — другое... Но и мужъ у меня другой. Она Саблина. Я — Тропарева.

Чуть замѣтная насмѣшка надъ собою, надъ своею фамиліей прозвучала въ голосѣ Валентины Петровны, и Портосъ эту насмѣшку уловилъ и замѣтилъ.

— Дѣло не въ этомъ, — строго сказалъ онъ...

— Нѣтъ въ этомъ... Вы понимаете, Портосъ, я говорю вамъ то, что никогда не сказала и священнику на духу... Я не могу... не могу... не могу... Вы понимаете... ахъ! да что говорить!.. мнѣ это больно и противно... И все кажется... Отъ его рубашки скверно пахнетъ... Отъ бороды... усовъ... Если бы я не видѣла, какъ онъ счастливъ?.. Не знала, что это ему надо?.. Никогда, никогда не пустила бы его къ себѣ... Э!.. полно!.. Это ужасное прибавленіе... противная подробность нашей... правда — хорошей жизни!.. Не будемъ говорить больше объ этомъ. Вотъ мѣсяцъ, что его нѣтъ со мною... И мнѣ.. хорошо... Ахъ... хорошо!..

По Ланской улицѣ они подъѣхали къ Удѣльному парку. Сторожъ, въ темно-коричневомъ азямѣ, молча, поднялъ передъ ними шлагбаумъ, и они вошли на мягкую дорогу между высокихъ, тѣсно обступившихъ ее, сосенъ.

Валентина Петровна набрала поводъ и поскакала.

Они проскакали черезъ весь паркъ до Коломяжскаго выѣзда, тамъ перешли на шагъ и повернули назадъ.

Въ густомъ сосновомъ лѣсу не было никого. Сквозь стволы краснѣло закатное небо. На просѣкѣ было сумрачно. Послѣ скачки Валентинѣ Петровнѣ казалось тепло. Она разстегнула рединготъ. Подъ нимъ была блуза сшитая, какъ мужская рубашка. Широкій поясъ стягивалъ юбку амазонки. На отложномъ крахмальномъ воротничкѣ былъ черный съ красными полосками — «артиллерійскій» галстухъ.

Нѣсколько прядокъ выбилось на лобъ и на щеки и онѣ придавали шаловливый видъ разрумянившемуся лицу Валентины Петровны. Ея ротъ былъ полуоткрытъ, ровные зубы блестѣли изъ за поблѣднѣвшихъ въ морщинкахъ губъ.

Она смотрѣла на небо. Она ни о чемъ не думала. Вдругъ она почувствовала, какъ сильныя руки Портоса крѣпко охватили ее за талію и чуть приподняли ее съ сѣдла. Его широкая грудь коснулась ея груди. Больно давила золотая пуговица сюртука. Темные глаза вплотную подошли къ ея расширившимся, испуганнымъ глазамъ. Мягкіе, пріятно пахнущіе усы коснулись ея губъ и его губы впились жадно въ ея полуоткрытый ротъ.

У ней закружилась голова...

Она помчалась по дорогѣ. «Этого не было»... быстро колотилась въ ея головѣ мысль. — «Этого не могло быть... Боже, какъ я пала!..»

По Ланскому шоссе они ѣхали молча. Она тяжело дышала. Отъ скачки?.. Отъ мыслей?..

«Что-же это такое?» — думала она. — «Что я должна дѣлать? Кажется... Да... надо было ударить его хлыстомъ по лицу... Я растерялась... Ударить теперь? Нѣтъ... поздно... поздно... Тогда не смогла — растерялась... Какъ-же можно теперь?... Теперь глупо»... — Слезы блистали на ея глазахъ... — «Главное... кажется я отвѣтила на его поцѣлуй?.. Это было такъ неожиданно... Но вѣдь это ужасно»... Она вспомнила, какъ сладко и пріятно пахли его усы и какъ что то точно побѣжало по всему ея тѣлу отъ его поцѣлуя.

— Вы!.. — сказала она сквозь слезы.

Онъ ждалъ, что будетъ дальше. Но она не знала, что сказать и опустила голову.

«Подлецъ» — говорится въ такихъ случаяхъ. — «Но, какой же онъ подлецъ?.. И не сама-ли она виновата во всемъ этомъ? Зачѣмъ завела такой волнующій и неприличный разговоръ? Вотъ и получила. Что онъ подумаетъ о ней?.. Что должна дѣлать женщина, замужняя, «порядочная» женщина, жена профессора, когда ее цѣлуетъ посторонній мужчина?

Она тихо плакала... Украдкой, изъ подъ треуха, сквозь тонкія прядки разбившихся по лицу волосъ, застекленными слезами глазами Валентина Петровна посмотрѣла на Портоса.

Его лицо было сурово и спокойно. Темные глаза горѣли счастьемъ. Т ѣ м ъ счастьемъ!.. Она знала его... Этотъ блескъ ей былъ знакомъ.

— Стойте, — сказала она. — Подержите лошадь. Видите, какъ я растрепалась. Нельзя такъ по городу ѣхать! — Въ голосѣ ея звучали слезы.

Она сняла треухъ, набрала полный ротъ шпилекъ и заправила непослушные волосы назадъ.

— Слушайте, — серьезно и строго сказала она, — Я виновата, что вамъ вѣрила... Этого никогда больше не будетъ.

— Слушаю, Валентина Петровна, — беря подъ козырекъ, по солдатски выпалилъ Портосъ.

Шагомъ и молча доѣхали они до Строгонова моста. Онъ хотѣлъ посадить ее въ автомобиль, но она подозвала извощика.

— Завтра, въ это же время, здѣсь ? — сказалъ Портосъ.

«Конечно, нѣтъ», — подумала она. «Послѣ этого съ нимъ нельзя больше ѣздить. Не ѣздить съ нимъ — значитъ совсѣмъ никогда не ѣздить».

Кругомъ былъ народъ. Шоффферъ, извощикъ, вѣстовые, какіе то любопытные.

«Не начинать же при нихъ пререкаться?»

Не отвѣтивъ на его вопросъ, она сѣла на извощика. Портосъ понялъ, что не надо было спрашивать. Была бы только хорошая погода.

Онъ посмотрѣлъ на западъ.

Въ желтыхъ огняхъ пылало небо. Красныя искры вспыхивали на маленькихъ волнышкахъ Невки.

Онъ приказалъ шоферу ѣхать тихо, такъ, чтобы не обогнать извощика съ Валентиной Петровной.

Всѣмъ своимъ сердцемъ онъ ощущалъ одержанную побѣду. И замирало и билось его сердце, предвкушая то, что неизбѣжно будетъ дальше.

XLIII.

— Можно перепрыгнуть канаву?

Валентина Петровна показала хлыстикомъ въ лѣсъ. Хрустальный воздухъ былъ тихъ. Неслышными шагами подходили сумерки и откуда то издалека, изъ за лѣса, должно быть съ Удѣльнаго ипподрома, гдѣ были сегодня полеты аэроплановъ при публикѣ и люди на своихъ воздушныхъ машинахъ выдѣлывали петли, торжествуя побѣду надъ воздухомъ, доносилась военная музыка. Игралъ большой хорошій духовой оркестръ. Онъ игралъ старый, пошленькій, заигранный вальсъ «Березку», и мотивъ его доносился сюда въ лѣсъ урывками, то музыкальною фразою напѣва, то мягкимъ рокотомъ аккомпанимента.

— Конечно... Фортинбрасъ отлично прыгаетъ. Что ему такая канавка.

Валентина Петровна повернула лошадь, освободила поводъ, чуть тронула шпорой.

Мягокъ былъ ея полетъ по воздуху!

Лошади пошли по нѣжному сухому мху, поросшему старой сухой черникой. Подъ хвойными вѣтвями, среди розовыхъ, дышащихъ смолянымъ духомъ сосенъ, было какъ въ дивномъ храмѣ. Нигдѣ ни души. Нигдѣ ни звука. И только издали, далеко, далеко поетъ надрывно оркестръ:

— Я бабочку видѣлъ съ разбитымъ крыломъ,
Бѣдняжка подъ солнечнымъ грѣлась лучомъ...

Лошади легко ступали по мягкому мху, не оставляя слѣдовъ копытъ. Лабиринтъ деревьевъ смыкался молодыми елками. Здѣсь было какъ въ домѣ съ запертыми дверями и окнами. Ничьихъ глазъ, ничьихъ ушей. Раздражала и дразнила пѣвучая музыка:

— Старалась и горе и смерть превозмочь,
Пока не настала холодная ночь..

Подъ деревьями за частымъ переплетомъ еловыхъ вѣтвей было сумрачно. Близкою казалась холодная ночь.

Портосъ соскочилъ съ лошади и привязалъ ее трензельными поводьями къ сѣрой, точно дымомъ повитой соснѣ. Валентина Петровна не удивилась. Въ эти минуты она ничему не удивлялась. Все шло само собою, минуя ея волю. Портосъ подошелъ къ ней и протянулъ большія сильныя руки.

Она бросила поводья и бездумно отдала себя въ нихъ. Нога ощутила мягкую нѣжность мха. Она чувствовала себя какою то легкой, невѣсомой. Точно это была она — и не она, а кто то другой, кого она наблюдала со стороны.

— Совсѣмъ сухой мохъ... Какъ хорошо, Портосъ!..

Она шла, низко опустивъ голову, въ сладкомъ смущеніи.

— Да, тутъ прелестно, — услышала она такъ близко отъ себя, что вздрогнула и подняла глаза на Портоса.

Когда Портосъ успѣлъ снять свой сюртукъ? Зачѣмъ онъ снялъ его и бросилъ къ ея ногамъ бѣлою подкладкою кверху?

Она не успѣла ни спросить, ни подумать объ этомъ. Портосъ крѣпко обнялъ ее и покрылъ горячими поцѣлуями щеки, глаза, шею, подбородокъ, губы.

Она не сопротивлялась. Это было такъ неожиданно. Она теряла сознаніе. Портосъ снялъ съ нея шляпу, и золотистыя косы разсыпались по спинѣ. Онъ подбиралъ ихъ, вдыхалъ ихъ ароматъ и цѣловалъ вьющіяся прядки.

Смѣшной Портосъ!

Онъ снялъ фуражку. Его темные волосы смѣшались съ золотистыми локонами и щекотали ея лобъ. Хорошо, нѣжно и сладко пахло отъ волосъ и усовъ Портоса.

И то, что было потомъ, когда она, не сопротивляясь, но помогая, отдавалась ему, когда у нея сорвалось всегдашнее, всѣми женщинами въ этихъ случаяхъ повторяемое слово, сказанное ею впервые, совсѣмъ машинально: — «не надо!» — то что было потомъ — было совсѣмъ не смѣшно. Она стала ему близкою и родною.

Когда сливалась она въ томномъ вздохѣ раскрытыми губами съ его послѣднимъ, долгимъ, долгимъ поцѣлуемъ, не смерть прошла мимо, а точно жизнь засмѣялась радостнымъ смѣхомъ счастья.

И послѣ... всѣ эти подробности... Такія противныя, жуткія, отвратительныя и, главное, стыдныя, въ ихъ супружеской спальнѣ тутъ оказались простыми, милыми и естественными.

Удивительно былъ хорошій Портосъ, когда поднявъ ее съ земли цѣловалъ ей руки, щеки, глаза и говорилъ какія то глупыя слова, называя ее то на «ты», то на «вы».

Такъ просто и ласково, все молча, подала она ему сюртукъ, стряхнувъ съ него листочки мха и вѣточки черники и сняла съ плеча цѣпкую, сѣрую палочку.

Съ тихой улыбкой — въ душѣ у нея что то смѣялось и пѣло, она подошла къ Фортинбрасу и горячей щекой прижалась къ его чистой и нѣжной, прохладной гладкой шеѣ.

Портосъ подалъ ей шляпу.

— У тебя нѣтъ гребешка? — спросила она его.

Онъ подалъ ей маленькій свой гребешокъ и она причесалась и убрала подъ шляпу волосы. Потомъ сама отвязала Фортинбраса.

— Пора ѣхать, — сказала она. — Смотри, какъ темнѣетъ.

Опять былъ легкій прыжокъ черезъ канаву, на до-

рогу, и мѣрное движеніе шагомъ къ далекимъ и рѣдкимъ огнямъ Ланской улицы.

Они ѣхали всю дорогу шагомъ и все время молчали. Иногда Портосъ бралъ свободно висящую правую руку Валентины Петровны, тихо подносилъ ее къ своимъ губамъ и цѣловалъ сквозь перчатку.

Смѣялось и пѣло въ душѣ у Валентины Петровны, и бездумное счастье билось въ ея сердцѣ. Такъ шагомъ, они доѣхали черезъ весь городъ до ея квартиры и тамъ, въ улицѣ, въ сырой прохладѣ наступившей бѣлой ночи, у въѣзда въ ихъ палисадникъ - дворъ, гдѣ ждалъ автомобиль и вѣстовые, она, усталая и разбитая, сама, не дожидаясь Портоса, соскочила съ лошади.

— До завтра, — тихо сказалъ Портосъ.

Она долгимъ взглядомъ посмотрѣла въ темную глубину его глазъ. Въ этомъ взглядѣ Портосъ прочиталъ нѣмой упрекъ.

Онъ пожалъ плечами, взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ. Она осторожно отняла руку и, опустивъ глаза быстро пошла по асфальту двора къ горящей свѣтомъ стеклянной двери подъѣзда.

Портосъ слѣдилъ за нею глазами. Она не обернулась.

XLIV.

Диди и Таня прибѣжали на звонокъ. Валентина Петровна въ прихожей снимала треухъ. Таня зажгла свѣтъ. Въ зеркалѣ отразилось усталое лицо, синева подъ глазами, опустившіяся щеки.

Таня подала ей телеграмму, лежавшую на блюдѣ, на столѣ въ прихожей.

— Изъ Захолустнаго Штаба, — сказала она.

Валентина Петровна развернула бланкъ.

«У папочки былъ ударъ. Сейчасъ отошло. Пріѣзжать не надо. Мама», — прочла она про себя.

Она ничего не соображала. Слово «ударъ» она

поняла буквально. Она подумала, что ея отца кто то ударилъ и вся похолодѣла отъ ужаса. Телеграмма дрожала въ ея рукахъ.

— Что тамъ?.. Случилось у насъ что? — спросила Таня.

— Вотъ... прочти... — подавая телеграмму Танѣ, сказала Валентина Петровна.

— Поѣдете, барыня?

Валентина Петровна ничего не отвѣтила и пошла, сопровождаемая все ожидавшей ея ласки и прыгавшей на нее собакой, въ спальню. Таня шла за нею.

«У папочки ударъ» — думала Валентина Петровна. — «Вотъ оно — возмездіе... О, Боже! Прости меня!.. У папочки ударъ... Я измѣнила мужу... Разъ, или тысячу разъ — все равно — это измѣна... И что я должна дѣлать?»

Она сѣла въ кресло.

— Сапожки снимете?

Она посмотрѣла на Таню и не поняла, что та ей говорила.

— Сапожки, позвольте снять? Чай устали. Такъ долго сегодня.

— Ахъ да... — она протянула Танѣ ногу. — Это ужасно, Таня... ударъ?

— Пишутъ: оправляются. Помните, у полковника Томсона былъ ударъ. Совсѣмъ оправились. Ничего и не осталось.

— Нѣтъ... я не о томъ. Почему былъ ударъ?..

— Года ихъ, барыня не малые... Можетъ, какая непріятность была?

Къ подошвѣ сапога присталъ мохъ, и Таня снимала его.

— Въ лѣсу ѣздили?

Валентина Петровна вздрогнула и со страхомъ и мольбою посмотрѣла на Таню. Ей показалось, что Таня проникла въ ея секретъ и знаетъ все.

— Въ лѣсу теперь, должно, ужасно какъ хорошо!

— Оставьте меня Таня!

Горничная взяла сапоги и амазонку и вышла изъ

спальни. Диди, такъ и не дождавшаяся ласки, свернулась клубкомъ на креслѣ и заснула. Валентина Петровна опустилась на коверъ подлѣ собаки и ласкала ее, прислушиваясь къ нѣжному ворчанію, точно воркованію, левретки.

«Мохъ на сапогѣ... Тотъ мохъ»... — она вздрогнула. — «Измѣна мужу... Разводъ... самоубійство... Какъ я... опять... приму его здѣсь?..

Она со страхомъ посмотрѣла на раскрытую постель и вздрогнула.

«Этого не можетъ быть... Этого никогда не будетъ»...

Она не осуждала Портоса. Она себя казнила и въ болѣзни отца видѣла наказаніе за грѣхъ.

— Я не могу... — вслухъ сказала она. Ловила мысль, зародившуюся въ ней. И не могла поймать. Посмотрѣла на телеграфный бланкъ, лежавшій на столикѣ.

— Надо ѣхать... Что же поѣду... Буду ходить за папочкой... А потомъ? Когда нибудь надо вернуться?.. Онъ пишетъ, чтобы я пріѣхала въ Энскъ... Въ гостинницѣ... Въ одномъ номерѣ?

Эта телеграмма ее спасала. Она давала отсрочку.

«Время... Время научитъ... Время покажетъ»...

Листочекъ мха лежалъ на коврѣ. Она подняла его.

«Какъ это все... само случилось. Вѣдь, когда она ѣхала по лѣсу, когда прыгала канаву... Какъ легко она ее взяла!.. Она не думала объ этомъ?.. О! какъ далеко она была отъ этого! Вдали игралъ оркестръ. Такъ славно пахло смолистою хвоей. И было тихо. За этотъ мигъ — всю жизнь? Полно?.. А Божіе милосердіе»?..

Она щекотала мягкую шею собаки, покрытую шелковистою шерстью и слушала ея бормотаніе во снѣ.

— Что ты тамъ говоришь такое, Диди? Что разсказываешь? — сказала она.

Вдругъ простая мысль пришла ей въ голову. Вспомнилась пошлая фраза изъ какой то нѣмецкой оперетки, должно быть: — «ein mal — kein mal»*) — было

*) Одинъ разъ — не разъ.

и не было... Считать — не бывшимъ. Это ошибка... Это грѣхъ... Ну и замолю свой грѣхъ... Покаюсь. Кто безъ грѣха?.. Споткнулась... упала и встану... Ахъ, Портосъ, Портосъ!.. Всѣ вы, мужчины, такъ легко на это смотрите... а намъ... нести крестъ... и лгать... всю жизнь!..

Она съ отвращеніемъ посмотрѣла на постель. Ей страшнымъ казалось теперь лечь въ нее. Она сняла съ нея одѣяло, закуталась въ него и сѣла въ креслѣ. Такъ просидѣла она долго, ни о чемъ не думая, въ какой то тихой дремѣ, въ пріятномъ тѣлесномъ оцѣпененіи.

Таня заглянула къ ней.

— Что же вы такъ то, барыня, не ложитесь? Не идете кушать?

— Надо лечь?.. Хорошо, я лягу, Таня, — покорно сказала Валентина Петровна.

— Да вы не убивайтесь, барыня. Можетъ быть, папаша уже и встали:

— Ты думаешь?

— Все отъ Господа... Все проходитъ.

Валентина Петровна приподняла голову.

— Что ты говоришь, Таня... Какъ, все проходитъ?

— Да такъ... И болѣзнь, и горе, и радость — все пройдетъ у Господа. Все позабудется.

— Если бы такъ, Таня!..

— Да такъ оно и будетъ.

— Ну, спасибо, Таня.

— Что же, такъ не кушамши, и заснете?

— Мнѣ не хочется ѣсть, Таня.

Таня закутывала Валентину Петровну въ одѣяло, и она отдавалась ея ласкѣ, какъ больной ребенокъ.

— Собаку взять прикажете?

— Оставь ее, Таня, пусть спитъ здѣсь.

— Прикажете погасить электричество?

— Да, погаси, Таня.

Когда стало темно и Таня вышла, — Валентина Петровна заплакала. Она сама не знала о чемъ она плакала. О папочкѣ-ли, у котораго былъ ударъ, о своей ли измѣнѣ и грѣхѣ, о томъ ли, что это никогда не повто-

рится: — этотъ прыжокъ Фортинбраса, мягкій мохъ и это... что это было?.. Счастье?..

Такъ съ мыслью о счастьи она и заснула. Былъ тихъ, глубокъ и покоенъ ея сонъ.

Утромъ она поспѣшно собралась и, никого не предупредивъ, никому не пославъ телеграммы, одна, оставивъ Диди, Топи и квартиру на попеченіе Тани, помчалась въ Захолустный Штабъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Этотъ годъ... Если былъ Господь — наложилъ Онъ наказующую руку на Русскую землю. За охлажденіе къ вѣрѣ, за равнодушіе къ пролитой христіанской крови послалъ Онъ великій зной на Россію, а съ нимъ цѣлый рядъ бѣдствій. Незамѣтно приходили они. Не пророки отмѣчали ихъ, но полицейскіе протоколы и репортерскія замѣтки въ газетахъ. Былъ далекъ Господь отъ людей и не чувствовали они Его тяжелой, взыскующей десницы.

Сухое лѣто. Надъ Петербургомъ сѣдая хмарь далекихъ лѣсныхъ пожаровъ. За Ириновской дорогой горѣли лѣса. Раскаленные торцы дышали смолой, вязокъ былъ асфальтъ, и въ комнатахъ даже съ открытыми окнами, стояла нестерпимая духота.

На югѣ засуха грозила урожаю. Ржаныя поля полегли, перепутались колосьями. Душный воздухъ былъ мутенъ, и въ полдень можно было смотрѣть на солнце. Краснымъ, точно кровью налитымъ шаромъ висѣло оно въ дрожащемъ сухомъ маревѣ. Деревни горѣли, и ѣдкій дымъ пожаровъ на много верстъ тянулся надъ полями. Въ степи, на толокахъ, пересохли лужины, гдѣ поили скотъ, и на ихъ мѣстѣ осталась сѣрая земля, сколупанная скотскими ногами и покрытая глянцевитымъ солонцоватымъ налетомъ. Печально топтались вокругъ засыхающихъ полей крестные ходы. Недвижно висѣли старыя хоругви, и маленькая кучка, больше бабъ и дѣтей, жалась вокругъ.

— Богъ Господь я явися намъ! — безъ вѣры взывали священники въ палящій зной. Равнодушное

солнце пылало надъ ними. Не слышалъ Господь сомнѣвающихся въ Немъ. Не являлся спасти отъ голода.

Ночи наступали темныя и душныя. Точно черной кисеей подернутыя звѣзды едва мерцали и на горизонтѣ протяженно сверкали обманчивыя зарницы. Приходила страшная сухая гроза. Гремѣла непрерывными раскатами грома, горѣла молніями, не посылала ни дождя, ни прохлады.

Жара, зной, засуха, трепетъ людей передъ возмутившейся природой отразились на человѣческой душѣ. Какъ никогда раньше въ это лѣто было много самоубійствъ. Участились преступленія. Ревность, зависть, распутство точно распухали отъ зноя и цвѣли кровавыми цвѣтами человѣческихъ жертвъ. Самыя небывалыя преступленія прокатились волной по Русской землѣ. Точно мстилъ кто-то за неотомщеннаго мальчика съ источенной кровью.

Въ Павловскомъ паркѣ солдаты изнасиловали дѣвушку изъ хорошей «интеллигентной» семьи, и она, не переживъ позора, — покончила съ собою. Въ Пермскихъ лѣсахъ семья заперлась въ банѣ, подожгла ее и сгорѣла живьемъ, распѣвая псалмы. Народъ стоялъ кругомъ и не позволялъ тушить. «Святые люди! Ко Господу идутъ!.. Всѣмъ бы народомъ такъ!» Подъ Петербургомъ объявилась богородица и святые братцы и народъ валомъ валилъ къ нимъ. На Смоленскомъ кладбищѣ видѣли юродивую Ксенію.

Въ деревняхъ встрѣчали давно умершихъ людей, возставшихъ изъ гробовъ. Шептали старухи о страшномъ судѣ и о грядущемъ Антихристѣ.

Ждали войны.

Отъ жары, отъ того, что крѣпко солоны были заправленныя въ прокъ свинина и сухая донская тарань и дешевы изобильно родившіеся огурцы — народъ много пилъ воды, и дизентерія начиналась по городамъ. Ожидали холеры.

По городамъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ висѣли большіе бѣлые плакаты съ надписями: — «не пейте сырой воды!» и стояли бочки и кадки съ теплой, противной, кипяченой водой, а народъ тянуло къ рѣкѣ,

къ водопроводному крану, гдѣ вода казалась холоднѣе и свѣжѣе.

Особенно страшно, тревожно и взволнованно переживалъ это лѣто Энскъ. Точно вся его средневѣковая глубина схимническихъ пещеръ была пропалена солнцемъ и вызвала тѣни умершихъ. Точно святость мѣста, изобильнаго Божьими угодниками, старцами, святыми иноками, юродивыми и кликушами притянула къ себѣ темныя силы и онѣ ополчились на брань. Былъ Энскъ переполненъ учащейся молодежью, легко поддающейся разочарованію въ жизни, влюбчивой и ревнивой, неимущей, питающейся впроголодь, дерзновенно вызывающей къ себѣ смерть. И, какъ нигдѣ, въ Энскѣ, были преступленія, убійства и самоубійства.

Источенная изъ мальчика Ванюши Лыщинскаго кровь проступала изъ земли, лилась потоками чужой крови.

У Якова Кронидовича въ его лѣтнемъ семинаріи при Университетскомъ Анатомическомъ театрѣ и по дѣламъ уголовнаго розыска было много работы.

Трупы поступали ежедневно. Ихъ выбрасывалъ теплый, маслянистый, точно застывшій въ своемъ медленномъ теченіи Днѣпръ, ихъ находили по утрамъ на скамьяхъ и лужайкахъ большихъ прирѣчныхъ садовъ. Ихъ обнаруживали по душному прѣсному запаху гніенія въ уединенныхъ лѣсныхъ сараяхъ, по чердакамъ и сѣновалamъ.

Окруженный студентами и студентками, въ резиновыхъ перчаткахъ, со скальпелемъ въ рукѣ, въ бѣломъ халатѣ стоялъ надъ трупами Яковъ Кронидовичъ и вопрошалъ у смерти, почему и откуда она пришла?..

Въ эти часы вдохновеніе было на его лицѣ и ему казалось, что наука сильнѣе смерти.

Въ прохладѣ анатомическаго театра подлѣ льдомъ обложеннаго тѣла, гдѣ пахло покойникомъ, карболкой и формалиномъ, гдѣ блѣднѣли и падали въ обморокъ студенты, онъ чувствовалъ себя прекрасно. Здѣсь точно открывались ему, и онъ передавалъ это другимъ, — тайны жизни. Любовь, ревность, зависть, раздраженіе, тоска — все были пустяки. Дѣятельность печени... не-

правильное кровообращеніе, маленькая опухоль, давившая на мозгъ, дѣятельность железъ... вотъ эти желтоватые соки.... Эта серозная жидкость, эта блѣдность тканей....

— Вы говорите, — говорилъ онъ, блестя глазами и испытующе глядя на слушавшую студентку, — вы знали самоубійцу? Вы говорите: — онъ застрѣлился изъ любви и изъ ревности? Вотъ, смотрите... Вотъ этотъ сгусточекъ... Примѣчаете?.. бѣдность крови.... Смотрите въ микроскопъ... Слабо развитыя железы, вялое сердце, этотъ маленькій, слабый, плохо питаемый органъ....

Индивидуумъ не могъ жить... У него не было импульса.. Онъ долженъ былъ покончить съ собою. Такому, коллеги, вы со спокойною совѣстью можете выдать разрѣшеніе на христіанское погребеніе. Онъ жить не могъ...

— Теперь перейдемъ къ этому. Полицейскій протоколъ говоритъ, что онъ повѣсился... Коллеги, — передъ нами симуляція повѣшенія. Онъ былъ задушенъ. И тѣло намъ откроетъ за что и кто его удушилъ. Смотрите этотъ слѣдъ. Это слѣдъ большого пальца.... Мы его снимемъ... мы увеличимъ снимокъ — и мы найдемъ убійцу.

...— Онъ былъ пьянъ. Смотрите содержимое желудка. Спиртовый запахъ не исчезъ и по сейчасъ....

Яковъ Кронидовичъ копался въ темныхъ смердящихъ внутренностяхъ. Прядь его густыхъ волосъ падала ему на лобъ. Онъ поправлялъ ее пальцами въ гуттаперчевой перчаткѣ. Онъ былъ пропитанъ запахомъ мертвыхъ тѣлъ.. Онъ несъ его съ собою... Онъ этого не замѣчалъ....

Онъ ѣхалъ, или шелъ къ себѣ въ гостинницу и думалъ о вскрытыхъ имъ тѣлахъ. Могъ ли бы онъ покончить съ собою отъ любви?... Могъ-ли бы онъ задушить руками соперника?..

Все зависитъ отъ сердца, отъ печени, отъ мозговыхъ извилинъ, отъ наличія тѣхъ или другихъ соковъ...

Онъ моталъ упрямо головою, точно гналъ какую-то навязчивую мысль.

Мысль эта была — воспоминаніе о письмахъ-рапортичкахъ, приходившихъ почти ежедневно отъ его служителя Ермократа Аполлоновича.

....«Сего числа супруга ваша выѣзжала въ десятомъ часу утра на извозчикѣ. Ѣхали въ верховомъ «кустюмѣ». Катались по островамъ на лошади съ офицеромъ господиномъ Багреневымъ»...

..«Сего числа супруга ваша выѣзжали въ верховомъ «кустюмѣ» въ шестомъ часу вечера. Катались не знаю гдѣ съ господиномъ Багреневымъ. Вернулись въ десятомъ часу. На сапогѣ обнаруженъ мохъ»...

...«Сего числа супруга ваша отбыть изволили къ родителямъ, какъ сказала Татьяна Владиміровна»...

Яковъ Кронидовичъ этого не просилъ. Ему это было противно. Но написать Ермократу, чтобы онъ прекратилъ слѣжку, казалось еще противнѣе.

Онъ позволилъ Алѣ ѣздить съ Петрикомъ — она ѣздила съ Портосомъ.

Въ концѣ концовъ не все-ли равно? Или онъ ей вѣритъ, или онъ ей не вѣритъ?..

Онъ ей вѣрилъ.

Но ея обманъ, о которомъ она въ своихъ письмахъ не упоминала, былъ ему тяжелъ и непріятенъ. Онъ все хотѣлъ ей написать объ этомъ, спросить, пожурить за непослушаніе. И все не рѣшался.

Мѣшала жара. Мѣшало и то большое дѣло, куда онъ незамѣтно ушелъ всею душою, всѣми мыслями — дѣло правды объ убійствѣ Ванюши Лыщинскаго. Правда эта заслонялась все больше и больше и распутать ее становилось непремѣнною цѣлью всѣхъ помысловъ Якова Кронидовича.

И онъ забылъ о женѣ. Да теперь — безпокоиться было не о чемъ. Она была въ Захолустномъ Штабѣ при больномъ отцѣ.

II

Въ воскресенье утромъ, Яковъ Кронидовичъ еще лежалъ въ постели, пришелъ Вася.

— Вставайте, дядя!.. Чудный день... Поѣдемте за городъ... Вамъ освѣжиться надо. У васъ и въ номерѣ-то покойникомъ пахнетъ.

— Что же... Опять туда?

— Туда... Тамъ теперь такъ хорошо.

Яковъ Кронидовичъ всталъ, одѣлся; они напились чаю, и на извозчикѣ поѣхали къ кирпичному заводу Русакова. Пыльная, немощенная Нагорная улица была въ трепетной тѣни густыхъ акацій. Темнѣли на нихъ большіе зеленые стручья. Густая цѣпкая трава вилась около колесъ и осыпала пылью сѣмянъ черный деготь смазки осей. Фаэтонъ чуть покачивался на выбоинахъ и поскрипывалъ. Бѣлый тентъ качался надъ нимъ.

Лопухи и крапива разрослись вдоль заборовъ. Зацвѣтала розовая мальва и бересклетъ свисалъ сверху.

Всѣ отверстія, куда они лазили весною, были тщательно забиты свѣжими досками.

На заводѣ по случаю воскресенья не работали, но онъ былъ полонъ людьми. У конюшень поили лошадей. Тамъ раздавались голоса и ржаніе. Трубы Гофмановскихъ печей дымили. И изъ глубины пустырей, заросшихъ кустарниками, какъ будто отъ того мѣста, гдѣ была пещера, доносился грубый смѣхъ, дѣвичій визгъ и пиликаніе гармоники.

Отпустивъ извозчика, они шли пѣшкомъ вдоль забора.

— Мы съ вами, — сказалъ Вася, — точно тѣ самые преступники, что убили Ванюшу и кого не могутъ разыскать. Насъ точно тянетъ на мѣсто преступленія.

— Да я съ нимъ связался... Я выступаю на судѣ, какъ экспертъ, — разсѣянно сказалъ Яковъ Кронидовичъ. — А ты, Вася?

— Я думаю, что и мнѣ придется выступить... Но все не знаю какъ.

Они дошли до перекрестка и повернули назадъ. У забора были навалены доски.

— Сядемте, дядя.

Какимъ же образомъ ты думаешь выступить? — садясь на доски, сказалъ Яковъ Кронидовичъ.

— Не знаю еще какъ. Нашъ законъ не позволяетъ свидѣтелю показывать отъ третьяго лица... А боюсь, какъ то придется обойти этотъ законъ...

Вася замолчалъ.

— Ну?

— Помните, весною, сюда къ намъ приходили эти милыя дѣти Чапуры. Вы помните ихъ точный разсказъ о Дреллисѣ, о таинственныхъ евреяхъ, которые у него были наканунѣ убійства Ванюши, о томъ, какъ они пошли кататься на мялѣ, какъ евреи схватили Ванюшу... Теперь вы отъ нихъ ничего не добьетесь. Еще Ганя все потихоньку клянется, что на судѣ, подъ присягой, онъ все покажетъ, а дѣвочки меня избѣгаютъ.

— Что же случилось?

— Онѣ запуганы сыщиками и матерью, — коротко сказалъ Вася.

— Вы знаете, дядя, въ этомъ дѣлѣ — точно тайныя, невидимыя силы работаютъ.

Яковъ Кронидовичъ, нагнувшись, палкой чертилъ по песку. Онъ начертилъ крестъ, придѣлалъ къ концамъ крючки, отложилъ палку въ сторону и, выпрямляясь, посмотрѣлъ на Васю.

— Ты знаешь, что это такое? — спросилъ онъ.

— Свастика... Противомасонскій знакъ...

— Да... такъ говорятъ. Это крестъ съ обломанными краями. Торжество масонства надъ христіанствомъ. Кто кого дурачитъ — масоны христіанъ, или христіане масоновъ?... Не нравится мнѣ этотъ мистицизмъ! А онъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ высшіе круги. Мы все думаемъ отъ бѣды отмолиться, отчураться, а не пойти и эту бѣду побѣдить. Помнишь — Куропаткину въ Японскую войну все иконы слали. Ему надо тяжелую артиллерію, да гранаты, а ему иконы.

— Молитва, дядя, много помогаетъ.

— А это знаешь, вѣра безъ дѣлъ? а? Масоны и жи-

ды на штурмъ власти пошли на гибель русскаго народа — а мы имъ: — свастику!!

Яковъ Кронидовичъ опять нагнулся и чертилъ на пескѣ пятиконечную звѣзду.

— И это знаешь?

— Знаю. Еврейская звѣзда востока. Давидова звѣзда.

— Да, двумя рогами кверху — отвратительная рожа Люцифера, рога въ лучахъ, козлиная борода внизу... А такъ — побѣда надъ сатаной... Все мистика... Замѣтилъ у офицеровъ на погонахъ звѣздочки? Пятиконечныя.. тоже... Жидъ портной двумя лучами кверху нашьетъ и радуется.. Или видалъ нашлепки резиновыя на каблуки дѣлаютъ, чтобы не сталтывались. Практично... А на нашлепкѣ крестъ выбитъ... фабричное клеймо... И попираешь ты, христіанинъ, ногами крестъ. Это тоже — мистика.... А я бы эту мистику по шапкѣ, чтобы народъ не смущать.

— И такъ, дядя, жалуются, что мало свободы. Слишкомъ много запрещеній.

— Слишкомъ много свободы, — тихо, какъ бы про себя, сказалъ Яковъ Кронидовичъ. — Вотъ ты мнѣ весною тогда говорилъ о крови... И изъ Библіи вычитывалъ, а я потомъ все думалъ, почему такъ?... Русская кровь, что вода... Лей, сколько хочешь... Ну, а скажемъ, на погромѣ, что-ли, еврейское дитя убьетъ толпа... Почему тогда скандалъ на весь міръ! Запросы въ парламентахъ и угрозы самому Русскому Государю?.. Что же — разная, что-ли, кровь у Русскихъ и у евреевъ?

— Разная, дядя.

— Ты говоришь... Ты знаешь это?

— Жиды такъ учатъ... Пойдемте, дядя, сегодня вечеромъ къ одному ученому человѣку. Это профессоръ древне-еврейскаго языка, ученый литвинъ Адамайтисъ, католическій ксендзъ. Пойдемте къ нему — онъ вамъ откроетъ тайны....

— Тайны? Какія?.. Тайнъ нѣтъ...

— Еврейской религіи. Вы знаете ее? Вотъ православное, католическое, лютеранское, какое угодно богослуженіе, таинства — пойдите въ лавку, купите книжку,

все, что хотите, прочтете, все какъ есть.. Въ романахъ можете прочесть. Гр. Толстой въ «Воскресеніи» насмѣялся, надругался надъ православной литургіей....

— Книга запрещенная.

— А кто ее не читалъ въ Берлинскомъ изданіи?

— Положимъ... Сановники привозили... Стасскій хвасталъ, каждый годъ привозитъ, когда одинъ, когда и два экземпляра. Молодежи читать даетъ... Просвѣщаетъ...

— Гюисмансъ «Черную мессу» описалъ... На здоровье. А вотъ опишите-ка подробно, какъ и для чего источаютъ кровь евреи?.. Всеволодъ Крестовскій чуть тронулъ еврейство — замолчали, захаяли крупнаго русскаго писателя. Давно-ли онъ умеръ?.. А уже забытъ... Вотъ вамъ мистика.

— Не мистика, Вася, а сила еврейскаго капитала. И.. обывательская подлость. Только тронь ихъ. По всему міру грозный окрикъ. Не смѣть! Кровавый навѣтъ! Это неправда! Авторъ не знаетъ! все это ложь! Ни масона, ни жида не тронь... Мистика! Нѣтъ, Вася, не мистика это, а еврейская наглость и наскокъ... И Государь Императоръ твердо сказалъ: — пора положить этому предѣлъ.

— А если мистика?

— Что же, свастикой ее побѣждать?.. Нѣтъ лучше — широкимъ и гласнымъ, справедливымъ судомъ... Ну, пойдемъ, Вася.

— Посидимъ, дядя, еще немножечко. У меня здѣсь свиданіе назначено.

— Дѣти, опять?..

— Теперь... Нѣтъ... взрослые, почти старики.

III

Становилось жарко. Солнце пекло и коротки были жидкія тѣни акацій. Отъ досокъ шелъ смолистый духъ. Людскіе голоса и звуки гармоники смолкли на

заводѣ. Точно притушила ихъ жара. Улица была такъ пустынна, что, когда показались на ней прохожіе, — они сразу привлекли на себя вниманіе Якова Кронидовича.

— Они, что ли? — спросилъ Яковъ Кронидовичъ.

— Они самые.

— Какихъ, какихъ только людей, Вася, ты мнѣ ни показываешь, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ.

— Не все вамъ, дядя, съ мертвыми быть, познакомьтесь и съ живыми.

Пожилая благообразная женщина въ черной, просторной кофтѣ и такой же юбкѣ, въ темномъ платкѣ, со смуглымъ лицомъ въ мелкихъ морщинахъ — мѣстная мѣщанка или мелкая торговка шла съ какимъ-то маленькимъ тщедушнымъ человѣкомъ. Сѣрые глаза ея внимательно и пытливо осмотрѣли, точно ощупали, Якова Кронидовича. Шедшій съ нею человѣкъ былъ неопредѣленнаго возраста съ бритымъ актерскимъ лицомъ. Онъ былъ въ черномъ длинномъ, рваномъ, безъ подкладки сюртукѣ, съ оборванными пуговицами и смятой, грязной соломенной шляпѣ, изъ тѣхъ, что выбрасываютъ за выслугою сроковъ на помойную яму. Маленькій носъ-картошка пунцовѣлъ между морщинистыхъ щекъ, не то отъ загара, не то отъ пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ.

— Съ героями «Дна» меня знакомишь; — накладывая ладонь сверху на руку Васи и пожимая ее, тихо сказалъ Яковъ Кронидовичъ.

— Почти, — сказалъ Вася и всталъ навстрѣчу подходившимъ.

— Здравствуйте, Марья Петровна, — сказалъ онъ. — Какъ дѣла, Шадурскій?

— Что жъ дѣла..., — прохрипѣлъ пунцовый носъ. — Дѣла, какъ сажа бѣла, сами, чай, знаете.

Онъ подозрительно посмотрѣлъ на Якова Кронидовича.

— Это мой дядя — докторъ. Передъ нимъ не стѣсняйтесь. — Угостите, дядя, Шадурскаго папироской. Да садитесь, покалякаемъ.

— Рада, Василій Гавриловичъ, съ вами покалякать,

— быстро заговорила женщина. — Все, хоть немножко душу отведешь, о горѣ христіанскомъ разскажешь.... Кто насъ, горемычныхъ русскихъ людей, нынче слушаетъ?.. Образованные очень даже люди стали! Давѣ къ околодочному зашла разсказать, какъ умерла Агриппина Матвѣевна, — какъ зарычитъ: это къ дѣлу не относится... Такой тебѣ страшный?

— Развѣ Ванюшина бабушка умерла? — спросилъ Вася.

Женщина сѣла на доски рядомъ съ нимъ. Шадурскій стоялъ.

— Померла, Василій Гавриловичъ. И то — семьдесятъ годовъ ей было, а такъ — крѣпкая старуха, пожила бы и пожила еще, кабы не этакое со внукомъ ея случилось. Вѣдь она его какъ любила-то! Себѣ откажетъ, а его — изъ школы придетъ — чайкомъ побалуетъ съ баранкой какой? Какъ ей, Василій Гавриловичъ, и не помереть было? И собачка то домашняя поколѣетъ — и ту жаль. Сердце болитъ. А тутъ душа христіанская. И такою-то страшною смертью. Да кабы кто пожалѣлъ-то ихъ! Все съ жалостью то людскою всякое горе терпимѣй.... А то полиція нагрянула, весь домъ перебуровили... Вишь ты какое у нихъ обозначилось.... Мальчика мать убила.... Ну, бабушка и не стерпѣла. Вышла.... Что твоя королева! Руки въ боки. Какъ крикнетъ: «Чего вы тутъ шукаете, вы бы шукали тамъ, гдѣ люди его нашли.... тамъ шукать не хотите, а до насъ ходите»... А вотъ теперь и померла. Съ тоски, да съ волненія. Очень она тогда раскудахталась... Все хотѣла къ самому Ампиратору идти.... Все суда ожидала.... Я. — говоритъ, — на судѣ покажу, — зачѣмъ тамъ не шукали, гдѣ надо....

— А въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ, — развѣ не было обыска на заводѣ?

— Въ томъ то и дѣло, что не было, — сказалъ Вася.

Марья Петровна быстро повернулась къ Якову Кронидовичу.

— Вотъ, господинъ, въ томъ то оно и есть, что не тамъ ищутъ. Вотъ онъ вамъ покажетъ. — Ты, Казиміръ,

— обратилась она къ пунцовому носу — ты разскажи — не бойся. Господа тебя не обидятъ. Онъ, господинъ, фонарщикъ тутошній. Тутъ фонари-то еще керосиновые, такъ утромъ т о г д а Ганю Чапурина и Ванюшу видалъ, какъ фонари заправлялъ. Ну, сказывай, какъ мнѣ сказывалъ.

— Да что сказывать-то? — недовольно проворчалъ фонарщикъ.

— А ты сказывай, какъ мнѣ сказывалъ. Иду, молъ, утромъ съ лѣсенкой. А Ганя и Ванюша навстрѣчу... Сказали, на мялѣ идутъ кататься... А тутъ показались Дреллисъ и еще жидъ какой-то съ черной бородой... И побѣжали дѣти... Ну, говори, Казиміръ... Облегчи душуто!

— Этого, господа, ни-икакъ даже сказать невозможно, — наконецъ, глухо выговорилъ фонарщикъ. — Потому... мнѣ свѣтъ милѣй...

И замолчалъ. Опять заговорила Марья Петровна, точно заботливая няня, помогавшая высказаться фонарщику.

— Видите, господинъ, очень его били за это. За эти самые разсказы. Вотъ и боится онъ теперь. Извѣстно пуганая ворона и куста боится.

— Кто же васъ билъ? — спросилъ Яковъ Кронидовичъ.

— Ты, Казиміръ, не бойся... Это — дохтуръ... Онъ тебѣ еще и способіе какое можетъ оказать.... Гляди — вылѣчитъ тебя....

— А вотъ, какъ къ слѣдователю меня вызывали, — началъ мрачно фонарщикъ. — Дня за два, что мнѣ идти. Зажигалъ я, значитъ, фонари.... И подбѣжало ихъ нѣсколько. Такъ-то подъ бокъ дали.... Хоть и сейчасъ трубку приставьте — гудитъ... Мнѣ — свѣтъ милѣй.

— Видите, господинъ, — заспѣшила Марья Петровна, — кабы богатѣя какого били... Ну, ограбить.. А то кого?.. За что?..

— Я то понялъ... У слѣдователя былъ — знать ничего не знаю... Не видалъ и не слыхалъ... Ничего по дѣлу показать не могу. Напрасно и себя и меня безпокоили.

— Это по поводу Дреллиса васъ спрашивали? — спросилъ Яковъ Кронидовичъ.

— Не могу знать-съ! — отрубилъ фонарщикъ и опустилъ голову, сдѣлавъ видъ, что ни слова больше не скажетъ.

— Эхъ, Казиміръ... Мнѣ же говорилъ... Онъ, господинъ, какъ то въ портерной сболтнулъ, что можетъ показать на Дреллиса....

— Ну, сболтнулъ... Извѣстно, слабъ человѣкъ. Размякъ очень... А тутъ сейчасъ сыщики.... Откуда только взялись. Такъ меня запутали, такъ запугали... А какъ къ слѣдователю.... дня за два.... ну и подъ бокъ.... Такъ, ваше благородіе, и совсѣмъ могутъ убить... Ничего я не знаю....

И фонарщикъ быстрой шатающейся походкой отошелъ отъ нихъ.

— Ничего Казиміръ не скажетъ, — вздохнула Марья Петровна, — очень уже страшное дѣло...

IV

Вечеромъ Вася шелъ съ Яковомъ Кронидовичемъ къ ксендзу Адамайтису.

Было душно и въ малиновыхъ огняхъ было закатное небо. И какъ всѣ эти дни далеко въ темнѣвшемъ востокѣ полыхали зарницы. Точно тамъ, за рѣкою готовились новыя казни людямъ.

Они шли пѣшкомъ по глухимъ, пустыннымъ улицамъ, гдѣ низкіе дома перемежались высокими садовыми оградами. Деревья и кусты стояли неподвижно и точно томились въ жаркомъ нарядѣ изсыхающей листвы.

Шумныя улицы съ игрою свѣтовыхъ рекламъ, и звуками музыки изъ «біоскоповъ», «иллюзіоновъ» и маленькихъ театровъ остались позади. Здѣсь было тихо, и Вася говорилъ все о томъ же, о значеніи крови для евреевъ.

— Если бы этого не было, если бы это было невозможно, какъ то говорятъ они, не жила бы такъ упорно въ народѣ эта легенда и не писали бы о ней такіе поэты, какъ Мицкевичъ и Шевченко. Ихъ то въ жидоѣдствѣ и черносотенствѣ нельзя упрекнуть.

Вы помните въ «Панѣ Тадеушѣ»:

« .....стонъ
Былъ воплемъ Зоси заглушенъ....
Она, обѣими руками
Судью съ усильемъ обхватя,
Кричала рѣзко, какъ дитя,
На Пасху взятое жидами,
Когда, чтобъ кровь его добыть,
Они, укрывъ его подъ пологъ,
Со всѣхъ сторонъ спѣшатъ вонзить
Въ бѣдняжку тысячи иголокъ!»...

— Въ бѣдняжку тысячи иголокъ.... — раздумчиво покачивая головой, — повторилъ Яковъ Кронидовичъ. — А знаешь, Вася, и трупъ видалъ, и вотъ ты меня, который уже день убѣждаешь, а все, какъ подумаю — и вѣрить не хочу.....

— Послушайте ксендза Адамайтиса. Онъ вамъ все объяснитъ....

— Въ двадцатомъ вѣкѣ!.. Знаешь какъ-то... въ двадцатомъ вѣкѣ это особенно жутко выходитъ.... По контрасту что ли съ аэропланомъ и безпроволочнымъ телеграфомъ?..

— Культура, дядя...

— Знаю, милый... Культура не въ изобрѣтеніяхъ, а въ высотѣ духа.... И вѣкъ Возрожденія, пожалуй, выше нынѣшняго....

— И притомъ, дядя, — теперь толпа, а не личность.. А толпа?.. Да вотъ слушайте, что говоритъ Тарасъ Шевченко... Тотъ Тарасъ, чей гипсовый бюстъ въ бараньей шапкѣ и бекешѣ съ широкимъ воротомъ, считаетъ своимъ долгомъ держать у себя на комодѣ каждая себя осознавшая курсистка. Это толпа... та толпа, которая

можетъ по нынѣшнимъ понятіямъ государствомъ править...

...«Наплодила, наводила,
Та нема де дити
Чи то потопити?
Чи то подушити?
Чи жидови на кровь продать,
А гроши пропити?»...

— Ты знаешь, Вася, я и такую «версію» слыхалъ, что Чапура-мать Ванюшу Дреллису продала.... Какой вѣкъ!

— Въ этихъ низахъ всего, дядя, можно ожидать.... Они и царя жидамъ продадутъ... Пролетаріатъ!..

— Только ли въ низахъ? — вздохнулъ Яковъ Кронидовичъ и вспомнилъ о Стасскомъ....

V

Яковъ Кронидовичъ, общавшійся со многими людьми самыхъ различныхъ слоевъ общества, замѣтилъ, что въ квартирахъ и домахъ духовныхъ лицъ всегда какъ-то особенно пахло. У Русскихъ батюшекъ это былъ немного церковный запахъ ладана и деревяннаго масла, воска отъ навощенныхъ половъ, розоваго масла и порою крѣпко, духовито пахло зимними сортами яблоковъ, разложенныхъ по полкамъ. Анисовками, розмаринами, антоновками пахло изъ кладовыхъ и прихожихъ. Покои у нихъ всегда были очень свѣтлые. Много солнца лилось черезъ кисейныя или ситцевыя гардины и часто въ клѣткахъ немолчно пѣли чижи, снѣгири или канарейки. Мать попадья чистая, бѣлая, съ пухлыми руками и полнымъ лицомъ привѣтливо встрѣчала гостя, пока самъ батюшка поспѣшно накидывалъ старую ряску на ветхій подрясникъ.

У ксендзовъ также было свѣтло и чисто. Но запахъ былъ цвѣточный. Пахло цвѣтами увядающаго букета,

или вѣнка у ногъ мраморной, гипсовой или деревянной Мадонны. Пахло старыми книгами, лавандой и немного ладаномъ. Вмѣсто дебелой попадьи съ радушнымъ лицомъ и пѣвучимъ Русскимъ говоромъ, встрѣчала неизмѣнная «племянница», тихое, забитое существо со старомодной прической и скромными манерами — не то служанка, не то родственница. Молча проводила она гостя въ кабинетъ ксендза и жестомъ просила сѣсть...

У раввиновъ, — а и ихъ приходилось посѣщать Якову Кронидовичу, — было всегда сумрачно. Воздухъ былъ тяжелый, спертый, и пахло мышами, тлѣніемъ и чѣмъ-то прѣснымъ, вѣковымъ, чего не могла заглушить курившаяся на кускѣ жести монашка. Встрѣчали тамъ какіе-то косматые странные длиннобородые старики въ длинныхъ полыхъ лапсердакахъ, неопрятные и подозрительные. И за стѣною было слышно ритмичное бормотанье жиденятъ.

У ксендза Адамайтиса было темно и, несмотря на раскрытыя окна, душно. Ничѣмъ не пахло. Встрѣтилъ Якова Кронидовича и провелъ въ кабинетъ къ ксендзу какой-то молодой человѣкъ въ длинной черной сутанѣ, похожій на семинариста.

Ксендзъ, сидѣвшій за фисъ-гармоніей и невидный сначала Якову Кронидовичу, всталъ и мягкими крадущимися шагами подошелъ къ входившимъ. Онъ былъ — широкоплечій великанъ. У него былъ распѣвный густой басъ, но онъ его подавилъ и вкрадчиво ласково, наклоняя лысую круглую голову, сказалъ:

— Очень радъ, коллега, что вы посѣтили меня.

Обѣими, теплыми, мягкими руками онъ принялъ руку Якова Кронидовича и, нагибаясь полнымъ станомъ, повлекъ его за собою и усадилъ въ кресло.

— Вы, коллега, ничего не имѣете противъ того, что окна раскрыты и огня не зажигаю? Не налетѣли бы комары....

Его домъ былъ на горѣ и изъ оконъ было видно небо, сверкающее зарницами и широкія темныя дали.

— Все духота... — сказалъ онъ, усадивъ гостя. — Не отпускаетъ Господь нашимъ грѣхамъ... Курите, пожалуйста.... Мнѣ Василій Гавриловичъ говорилъ о ва-

шемъ посѣщеніи. Польщенъ и обласканъ. И готовъ доложить вамъ о томъ, что знаю, что изучилъ, ибо посвященъ во всѣ тайны Талмуда и Кабалы....

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, его голосъ густѣлъ. Онъ сидѣлъ въ высокомъ креслѣ, въ глубинѣ комнаты и въ мягкомъ сумракѣ ночи чуть намѣчалась его полная фигура. Временами Якову Кронидовичу казалось, что тамъ, въ глубинѣ никого нѣтъ и въ сумракѣ родятся темныя и мрачныя слова глубокой старины и не говорятъ, но вѣщаютъ ему.

Темная комната, душная ночь, небо бичуемое зарницами — все это какъ-то дѣйствовало на Якова Кронидовича, взвинчивало его стальные нервы. Вася притаился въ углу. Онъ совсѣмъ растворился во мглѣ и только изрѣдка вдругъ красной огневой точкой вспыхивала его папироса при затяжкахъ.

— Русскій народъ думаетъ, что евреи употребляютъ въ пищу человѣческую кровь.... — говорилъ медленно, будто читая лекцію, ксендзъ Адамайтисъ. — Нѣтъ... Это неправда... Не только человѣческой, а и никакой крови евреи въ пищу никакъ не употребляютъ. Это имъ запрещено извѣчнымъ закономъ... Въ книгѣ Левитъ указано: — ...«если кто изъ дома Израилева и изъ пришельцевъ, которые живутъ между вами, будетъ ѣсть какую-нибудь кровь, то обращу лице Мое на душу того, кто будетъ ѣсть кровь, и истреблю ее изъ народа ея; потому что душа тѣла въ крови, и я назначилъ ее вамъ для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сія душу очищаетъ. Потому я и сказалъ сынамъ Израилевымъ: ни одна душа изъ васъ не должна ѣсть крови, и пришлецъ, живущій между вами, не долженъ ѣсть крови. Если кто изъ сыновъ Израилевыхъ и изъ пришлецовъ, живущихъ между вами, на ловлѣ поймаетъ звѣря или птицу, которую можно ѣсть, то онъ долженъ дать вытечь крови ея и покрыть ее землею»... *). Вотъ — законъ іудейскій... Мы, христіане, живемъ новымъ закономъ, который не знаетъ живой

*) Левитъ. Гл. 17, ст. 10, 11, 12 и 13.

жертвы. Евреи живутъ закономъ древнимъ.... У нихъ и отъ египетскихъ тайныхъ кровавыхъ жертвъ и отъ служенія Астартѣ и Ваалу привилось многое. Они заглянули жадными, любопытными, пытливыми глазами въ тайну жизни, и они почуяли сладострастіе крови. Отсюда страшный, языческій характеръ древняго еврейства... Душа тѣла въ крови!

Темнѣе и тише казалась ночь. Рокотъ города внизу казался страннымъ клокотаніемъ земного котла.

— Религія трупоглядѣнія.... Окропленіе и поливаніе кровью жертвенника.... Запахъ разверстыхъ брюшинъ.... сожженіе только что умершихъ животныхъ.... Вонь горящаго трупа — «пріятное благоуханіе Господу», — «своими руками долженъ священникъ принести въ жертву Господу: тукъ съ грудью долженъ онъ принести, потрясая грудь предъ лицомъ Господнимъ...» *). Вотъ въ чемъ еврейскій древній обрядъ. Это надо представить... Это надо понять.... Ручьи крови, текущіе по каменному жертвеннику. Свѣтильники, чадно горящіе во мракѣ. Запахъ пара убитаго животнаго и священникъ, потрясающій окровавленной грудью съ висящимъ бѣлымъ сальникомъ!..

— Но, святой отецъ... — прервалъ ксендза Яковъ Кронидовичъ, — это было... Это было безконечно давно.... Это было тогда, когда весь міръ на этомъ стоялъ...

— Да, коллега.... Это было... Это только было... Со смертью Іисуса Назареянина прекратились жертвы и приношенія. Библія подверглась толкованію.... Она отошла отъ вѣка. Она устарѣла... Ее смѣнилъ Талмудъ...

Гдѣ-то внизу и совсѣмъ близко прогудѣлъ трамвай и когда гулъ его смолкъ въ темной комнатѣ показалось особенно тихо. Въ эту тишину, зловѣщимъ рокотомъ, загудѣлъ басъ Адамайтиса.

— «На сорокъ лѣтъ передъ разрушеніемъ храма не постигла участь приношенія козла, поставленнаго по правую сторону, ни красный языкъ не бѣлѣлъ, ни вечерняя лампада не горѣла; двери же храма открылись

*) Левитъ. Гл. 7. Ст. 30-31.

сами»... **). Такъ говоритъ Талмудъ. Синагога стала похожа на солому, изъ которой вымолочено зерно, на скорлупу яйца, изъ котораго вылупился птенецъ, на опустѣвшій послѣ отъѣзда жильца домъ... Городъ и святилище разрушены.... Отъ прекраснаго Іерусалимскаго храма не осталось камня на камнѣ... Самая возможность такого жертвоприношенія — «пріятнаго благоуханія Господу» — исчезла.

Со дня разрушенія храма закрытъ доступъ молитвамъ.. Желѣзная поставлена стѣна между Израилемъ и Отцомъ ихъ небеснымъ!... ***). Осталась одна мистика.

VI

Было долгое молчаніе. Его не прерывали ни Яковъ Кронидовичъ, ни Вася. Оно, казалось, входило въ какіе-то планы ксендза Адамайтиса. Онъ точно темнотою комнаты и этими паузами своей рѣчи хотѣлъ усилить ея впечатлѣніе.

— Мистика, — повторилъ онъ глухимъ, низкимъ басомъ. — Кто ни болѣлъ и ни болѣетъ ею? Мистика толкаетъ православныхъ и католиковъ отъ истинной вѣры въ масонство... На одномъ концѣ мистика вѣритъ въ заговоръ, въ магическое значеніе раввина и Кабалы — на другомъ это она противоборствуетъ Богу... Вы думаете между скромными и трусливыми Іойнэ Вассерцугами и Срулями Перникаржами, набожно молящимися подъ рябыми талесами по субботамъ и Карломъ Марксомъ, объявившимъ войну христіанству и создавшимъ соціализмъ и интернаціоналъ и профессорами, опрокинувшими Эвклидову геометрію и доказавшими рядомъ формулъ, что параллельныя линіи гдѣ-то сойдутся, что лучъ свѣта идетъ не по прямой линіи — такъ велика разница? Одни боятся Господа и смиренно Ему молятся

**) Талмудъ. Трактатъ Іома 39, в.

***) Берахотъ 32, в.

подъ талесомъ и слушаютъ раввина, другіе научно доказываютъ, что Бога нѣтъ, потому что боятся, что Онъ есть. Вы думаете, что у великолѣпнаго банкира такъ же, какъ у скромнаго закройщика господина Шпинака нѣтъ одинаковаго страшнаго уголка души, гдѣ царитъ — мистика.

Якова Кронидовича поразило, что Адамайтисъ повторялъ ему мысль Стасскаго.

— Есть моменты жизни, когда всѣмъ равно страшно. Вы, вѣрно, знаете эту теперь такую у насъ модную пьесу... нѣтъ, мистерію скорѣе, Ибсена — «Перъ Гинтъ»..

— Отлично знаю. Недавно еще видалъ ее въ Художественномъ театрѣ.. но особенно знаю ее по безподобной музыкѣ Грига.

— Пееръ Гинтъ — образецъ грѣха и порока. Ни Бога, ни морали у него нѣтъ. Одно наслажденіе. Нажива... богатство. Но вотъ, когда наступаетъ старость и приближается роковой, неизбѣжный конецъ... Конецъ...

Ксендзъ Адамайтисъ всталъ и, взявъ какой-то предметъ съ фисъ-гармоніи, точно линейку, протянулъ ее передъ собою. Полный мѣсяцъ всходилъ надъ городомъ и заглянулъ въ раскрытыя окна. Онъ прочеканилъ голубымъ серебромъ лицо и фигуру ксендза и сдѣлалъ его, какъ изваяніе изъ стали. Линейка горѣла синимъ свѣтомъ въ его рукѣ. Густой басъ былъ торжественъ.

— Тогда, — медленно ронялъ онъ во мракѣ комнаты слова, — является таинственный «плавильщикъ душъ». Онъ будетъ ждать его на третьемъ перекресткѣ жизни... А тамъ.. возмездіе... кто знаетъ?.. Ужасъ? По Ибсену Пеера Гинта спасаетъ чистая и вѣрная любовь къ нему прелестной дѣвушки Сольвейгъ... Не у каждаго есть такая Сольвейгъ.. Но вотъ, когда стучится этотъ страшный вѣстникъ во образѣ скелета съ косой — тогда... Кто знаетъ, зачѣмъ и куда пошелъ графъ Левъ Толстой, когда ушелъ изъ дома? Не держалъ-ли онъ путь въ Оптину Пустынь?..

Ксендзъ Адамайтисъ снова сѣлъ и точно исчезъ въ глубокомъ креслѣ.

— Я знавалъ еврейскую семью. И мужъ и жена при-

надлежали къ передовой интеллигенціи — не Русской, но европейской. Онъ редакторъ большой политической газеты, она держала блестящій артистическій салонъ. Конечно: — ни Бога, ни религіи. Матеріалисты... Они на Пасху для своихъ служащихъ и знакомыхъ — все Русскихъ — устраивали роскошнѣйшіе розговѣны... И свинина, и сырная пасха и куличи, и агнецъ изъ масла, и «Христосъ воскресе» изъ сахара на всѣхъ куличахъ и мазуркахъ... Понимаете въ этомъ — презрѣніе полное къ вѣрующимъ. Вы — вѣруйте, а мы къ вамъ снисходимъ. Капиталу, коллега, все позволено. И Русскій хамъ скушаетъ красное яичко отъ жида сколько угодно... Ибо въ нашъ вѣкъ все продажно. Въ синагогѣ бывали лишь тогда, когда это надо было для газеты. Надъ всѣмъ смѣялись. Ихъ богъ — это они сами... Жирный, толстый, масленый съ маленькими глазками — онъ и точно былъ воплощенымъ богомъ капитала. Она до старыхъ лѣтъ красивая, видная, порочная до мозга костей признавала только себя и свою страсть. Она открыто покупала себѣ любовь молодыхъ студентовъ, офицеровъ, адвокатовъ и смѣялась надъ всякою моралью... Но... у нихъ былъ единственный сынъ Мойше. И, когда родился онъ, и настало время обрѣзанія, они призвали раввина. Они — невѣрующіе — обрѣзали его, и раввинъ взялъ чашу съ виномъ и насыпалъ въ нее немного пепла и опустилъ каплю крови обрѣзаннаго младенца и, взболтавъ смѣсь, вложилъ мизинецъ въ чашу, а потомъ въ ротъ младенца и такъ сдѣлалъ дважды, говоря: — «и я сказалъ тебѣ: отъ крови твоей жизнь твоя»... *).

Луна поднялась выше и косые лучи ея шли таинственными дорогами въ окна и наполняли комнату прозрачнымъ сумеречнымъ свѣтомъ.

— Тотъ пепелъ, что всыпалъ раввинъ въ вино взятъ отъ чистой льняной тряпицы, напоенной кровью христіанскаго первенца и сожженой. Такъ дѣлается у старой еврейской секты хассидовъ... и, когда этотъ Мойше женился на просвѣщенной и культурной ни во что не-

*) Іезекіиля — (XVI. 6).

вѣрующей Софіи Абрамовнѣ, докторѣ медицины, съ почти европейскимъ именемъ — и бракъ былъ, конечно, гражданскій... но.. наканунѣ брака они ничего не ѣли — былъ постъ.. а потомъ пришелъ раввинъ, досталъ только что испеченное яйцо, облупилъ его, раздѣлилъ пополамъ, посыпалъ такимъ же пепломъ и далъ обоимъ брачущимся и пока они ѣли яйцо раввинъ читалъ молитвы и, что примѣчательно: они не смѣялись, но были серьезны. И, когда ихъ папаша умеръ, — и были торжественныя гражданскія похороны, съ рѣчами, но безъ молитвъ, но ночью, когда никого изъ постороннихъ не было, къ умершему пришелъ раввинъ, взялъ яичный бѣлокъ и этотъ порошокъ, взболталъ ихъ и кропилъ сердце покойника, говоря — «и окроплю васъ чистою водою и вы очиститесь отъ всѣхъ скверъ вашихъ. И дамъ вамъ сердце новое и духъ новый дамъ вамъ и возьму изъ плоти вашей сердце каменное, и дамъ вамъ сердце плотяное» **) — ибо, коллега, есть три момента въ жизни человѣка, когда мистика побѣждаетъ холодный разсудокъ — это бракосочетаніе, рожденіе и смерть... Можно быть какимъ угодно Карломъ Марксомъ или Эпштейномъ, а, когда станетъ человѣкъ передъ явленіемъ, гдѣ смерть сопрягнется съ жизнью, онъ чуетъ таинство и ищетъ гдѣ-то опоры тамъ, гдѣ его умъ блуждаетъ, какъ путникъ въ лабиринтѣ.

VII

Мѣсяцъ поднялся высоко и лучи его ушли изъ комнаты. Лишь таинственный, призрачный свѣтъ остался. Давно уже бросилъ свою папироску Вася. Яковъ Кронидовичъ сидѣлъ неподвижно. Онъ слушалъ. Все то, что говорилъ ксендзъ Адамайтисъ было ему нужно для его дѣла.

**) Іезекіиля — (XXXVI — ст. 25-26).

— Не будемъ строго судить евреевъ — они не виноваты, — продолжалъ Адамайтисъ. — Мы, христіане, принявъ новый завѣтъ Христа, — положили пропасть между старымъ — языческимъ, кровавымъ, между жертвами — Ваалу-ли, Юпитеру, Зевсу или Перуну — и приняли законъ любви и жертвы безкровной... Да и то... нѣтъ ли и у насъ мостковъ черезъ эту пропасть въ кровавую до христіанскую старину, къ человѣческой жертвѣ? Было же время, когда при постройкѣ крѣпостей и большихъ зданій хватали перваго прохожаго и убивали, чтобы закопать подъ фундаментомъ. На черной мессѣ католическихъ изувѣровъ сатанистовъ — еще сравнительно недавно была человѣческая жертва... А знаемъ мы всѣ тайны, я подчеркиваю в с ѣ — тайны масонства? Почему же отдѣльнымъ еврейскимъ сектамъ не признавшимъ новаго завѣта и заповѣди любви къ ближнему, но безпропастно уходящимъ въ кровавое средневѣковье, иногда вотъ въ этихъ-то мистическихъ случаяхъ не обращаться къ тѣмъ временамъ, когда приносились кровавыя жертвы? Не забудьте, что цивилизація цивилизаціей, — а многое множество людей сидитъ на Талмудѣ, гдѣ колдовства хоть отбавляй... Въ Талмудѣ мы найдемъ такія указанія: — «кто желаетъ увидѣть діавола, долженъ взять утробу черной кошки, впервые родившей, рожденной отъ первородящей матери, сжечь ее, стереть въ мельчайшій порошокъ, посыпать имъ глаза, тогда покажутся демоны» *), и, вы думаете, въ двадцатомъ вѣкѣ не найдется чудака, который захочетъ это испытать? И вы думаете, что, если этотъ чудакъ — ловкій человѣкъ, онъ не станетъ увѣрять, что онъ видѣлъ демоновъ?.. Своего рода — снобизмъ...

Ксендзъ Адамайтисъ ожидалъ отвѣта, или возраженій, но его гости молчали.

— Слушайте дальше, — продолжалъ онъ, — Нашъ скотобоецъ бьетъ скотину, согласно съ указаніями науки и гигіены, такъ, чтобы причинить скоту меньше всего мученій и сохранить мясо, — убоемъ еврейскаго ско-

*) Берахотъ, 6 в.

та руководятъ ихъ священныя книги. Это отъ тѣхъ временъ — храма Соломонова, жертвенника, политаго кровью, и вони сжигаемаго тука — «благоуханія, пріятнаго Господу»... Въ нашемъ Христовомъ завѣтѣ ничего этого нѣтъ. Въ Талмудѣ цѣлые трактаты посвящены крови и убою скота. Ибо въ крови — душа: «Кто съѣлъ съ оливу крови отъ скота, звѣря, или птицъ чистыхъ — приноситъ жертву за грѣхъ — «хаттатъ». За кровь отъ прокалыванія, отъ вырыванія и отъ кровопусканія, хотя бы съ нею выходила душа — отвѣтственности не полагается» *).

— Ванюшу Лыщинскаго, — вздыхая, прошепталъ Яковъ Кронидовичъ, — кололи.

—Въ Тосефтѣ, — кивая головою и медленно цѣдя слова, какъ бы припоминая цитируемые тексты, продолжалъ Адамайтисъ, — сказано: «если кто рѣжетъ потому, что ему требуется кровь, то онъ не долженъ рѣзать способомъ «шехиты», то-есть такъ, какъ рѣжетъ рѣзникъ, но онъ или колетъ, или отщемляетъ»..

— Ванюшу кололи и отщемляли....

Въ темной комнатѣ жуткіе носились призраки. Внизу, не умолкая, гудѣлъ городъ, и звуки рожковъ автомобилей, гулъ трамваевъ и трескъ фаэтоновъ, сливаясь, создавали дикую музыку. Она оттѣняла и дополняла торжественную тишину дома.

— И коля, и отщемляя, — мрачно говорилъ Адамайтисъ, — рѣзникъ зажимаетъ жертвѣ ротъ и читаетъ молитву: «Нѣтъ у меня устъ отвѣчать и нѣтъ чела, чтобы поднять голову... Да будетъ благословенъ!»

— У Ванюши ротъ былъ заткнутъ.

— Такъ убиваютъ скотъ... Въ священной книгѣ Зогаръ есть указаніе, что такъ же должна быть закалаема и приносимая человѣческая жертва: ...«и смерть «аммегаарецъ» — то-есть — не евреевъ — «пусть будетъ при заткнутомъ ртѣ, какъ у животнаго, которое умираетъ безъ голоса и рѣчи... И убіеніе должно быть во «эхадѣ».

---

*) Трактатъ Керитутъ. Гл. 5.

какъ при убіеніи скота двѣнадцатью испытаніями ножа и ножомъ, что составляетъ тринадцать!»

— На немъ... На Ванюшѣ... въ глубокомъ волненіи, вставая, произнесъ Яковъ Кронидовичъ, — было тринадцать уколовъ!.. На немъ написали жиды это страшное: — эхадъ!..

— Что значитъ — единое! — сказалъ ксендзъ Адамайтисъ. — Единъ Богъ! — Слово изъ краткой молитвы, которую, умирая, читаетъ каждый еврей и вся сила которой въ великомъ словѣ: «эхадъ!.. единъ Господь!»..

VIII

Страшная тайна, раскрытая сейчасъ, наполнила ужасомъ души говорившихъ о ней. Яковъ Кронидовичъ, дрожащей рукой, закурилъ папиросу.

—Значитъ, — ломающимся отъ волненія голосомъ сказалъ Вася — вы убѣждены, что Ванюша Лыщинскій убитъ евреями, какъ жертва.

— Убѣжденъ, — глухо сказалъ Адамайтисъ.

— Но... тогда... тогда... вскакивая, воскликнулъ Вася, — какая же страшная кара должна постигнуть виновныхъ!..

— Успокойтесь, — протягивая руку съ поднятой широкой ладонью, сказалъ Адамайтисъ. — Примите событіе, какъ оно есть. Каждый день евреи, черезъ своихъ рѣзниковъ, особымъ ритуальнымъ способомъ, крайне мучительнымъ для убиваемыхъ, рѣжутъ скотъ — и правительства всего міра, общества покровительства животнымъ во всемъ мірѣ молчатъ... Ибо.... это —мистика.

Густая темнота закрыла всѣ предметы въ комнатѣ. Едва намѣчалась въ креслѣ могучая фигура громаднаго ксендза. Его голосъ гудѣлъ, какъ изъ бочки. Въ открытомъ окнѣ темноголубыми туманами дымилась лунная ночь.

— Но это люди... Христіанскіе мальчики, — крикнулъ Вася.

— Не такъ много... медленно процѣдилъ Адамайтисъ. — Секта хасидовъ, исповѣдующая наравнѣ съ Талмудомъ и Кабалу не многочисленна... Въ ней многое намъ не понятно и страшно... Ея раввины наслѣдственны. Они свили свои гнѣзда въ самыхъ глухихъ мѣстечкахъ Польши и Галиціи, тамъ, гдѣ все дышетъ мрачнымъ средневѣковьемъ: въ Чертковѣ, Гурѣ Кальваріи, Сада-гурѣ, Любашовѣ... Въ Чертковѣ сидятъ Фридманы... Надъ Припятью и Стоходомъ властвуютъ Шнеерсоны... Не такъ давно одинъ изъ этихъ раввиновъ проѣзжалъ черезъ нашъ городъ. Несмѣтная толпа евреевъ... тысячъ десять... собралась на вокзалѣ. Отъ раввина ждали исцѣленій... чудесъ... Каждый долженъ былъ прикоснуться хотя къ одеждѣ раввина. Онъ вышелъ на площадку вагона... Въ высокомъ цилиндрѣ и длинномъ, восточнаго покроя, черномъ дорогомъ халатѣ... Произошла давка... Смятеніе.... Могли быть несчастные случаи... Вдругъ, — и это было моментально: всѣ схватили одинъ другого за руку, и образовалась громадная, запутанная цѣпь людей... Я вошелъ въ нее. И ближайшій къ вагону протянулъ руку раввину. Тотъ ее взялъ... И какимъ-то толчкомъ, точно сильный электрическій токъ прошелъ черезъ меня, шатнуло меня.

— Вполнѣ возможно, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ. — Нервные токи человѣческаго тѣла еще недостаточно обслѣдованы...

— Не въ этомъ дѣло.... Есть таинственные, мистическіе токи... И лучше ихъ не трогать... Нѣкій Оза простеръ руку свою къ ковчегу Божію и взялся за него, ибо волы наклонили его, и былъ пораженъ за дерзновеніе и умеръ у ковчега Божія *). Вы касаетесь тайны, затрагиваете страшнаго незнаемаго нами еврейскаго Бога.... можетъ быть, касаетесь самого ковчега, видѣвшаго кровь первенцевъ «отъ человѣка до скота».... Падете мертвыми... и вы... и близкіе вамъ... по таинственной, незримой, мистической цѣпи.

— Ну ужъ! — сказалъ Яковъ Кронидовичъ.

Ксендзъ Адамайтисъ поднялся съ кресла. Въ тем-

*) Вторая книга Царствъ. Гл. VI. ст. 6 и 7.

нотѣ ночи, на фонѣ драпировки, висѣвшей надъ дверью — онъ казался еще болѣе. Густо зазвучалъ его предупреждающій голосъ.

— Мое мнѣніе — не надо трогать этого дѣла. Тамъ, — гдѣ мистика, гдѣ таинственная цѣпь людей... Никакими карами.... никакими процессами не остановите.... Боролись съ масонами.... Только укрѣпили ихъ.... Здѣсь... Раздразните темныя силы и упадетъ кара незримой черной власти на всѣхъ: отъ царя до послѣдняго ребенка свидѣтеля... Ибо: «поражу всякаго первенца, отъ человѣка до скота, и надъ всѣми богами Египетскими произведу судъ. Я Господь... Освяти мнѣ каждаго первенца, разверзающаго всякія ложесна между сынами израилевыми, отъ человѣка до скота, мои — они» *).

— Не вѣрю въ такого бога, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ. — За меня свѣтлый, чистый Христосъ!!! Я видѣлъ тѣло... Я знаю о горѣ любившихъ мальчика людей... Во имя правды и справедливости я долженъ...

Глухой и мрачный голосъ ксендза Адамайтиса перебилъ его:

— Молчать!..

IX

Возвращаясь домой, Яковъ Кронидовичъ все, помимо воли своей, думалъ о краткихъ письмахъ-доносахъ Ермократа. Можетъ быть, это нарочно душа его отгоняла все то непостижимо страшное, что услышалъ онъ сейчасъ отъ этого страннаго ксендза. Подлинно онъ, какъ плавильщикъ въ Пееръ Гинтѣ Ибсена, явился напомнить ему о «третьемъ перекресткѣ», гдѣ ожидаетъ судъ и смерть. И эту то мысль о смерти Яковъ Кронидовичъ и гналъ отъ себя, думая объ оставленной имъ женѣ.

---

*) Исходъ. Гл. 12 ст. 12 и Гл. 13 ст. 2.

«Листочки мха на сапогѣ... Ѣздили верхомъ... Значитъ... слѣзали гдѣ-то въ лѣсу... Ходили по мху»... И была непріятна почему-то эта мысль.... Успокаивало лишь то, что теперь это какъ-то кончилось и Аля была у родителей. Но растревоженная ксендзомъ мысль все возвращалась къ этому листочку мха, къ прогулкѣ пѣшкомъ въ лѣсу... «Зачѣмъ?»

Въ номерѣ гостинницы Яковъ Кронидовичъ, къ крайнему своему удивленію, засталъ Стасскаго.

Когда Стасскій поднялся навстрѣчу Якову Кронидовичу съ кресла и при свѣтѣ одной лампочки, горѣвшей наверху, Яковъ Кронидовичъ увидѣлъ его блѣдное лицо, коричневую шею и топорщащіяся надъ нею сѣдыя пряди волосъ — онъ вздрогнулъ. Ему Стасскій показался призракомъ.

— Простите, глубокоуважаемый Яковъ Кронидовичъ, — сказалъ Стасскій, — за нарушеніе закона о неприкосновенности жилища. Человѣкъ пустилъ меня лишь потому, что знаетъ меня... Я здѣсь проѣздомъ. Завтра утромъ ѣду обратно въ Петербургъ... А къ вамъ, помимо удовольствія васъ видѣть, еще и по важному, неотложному дѣлу... Могу курить?

— Курите, ради Бога...

Яковъ Кронидовичъ слишкомъ хорошо зналъ Стасскаго и его интеллигентскія привычки длительныхъ ночныхъ разговоровъ и потому не удивился, что Стасскій, придя ночью, не спрашиваетъ его, удобно это ему, или нѣтъ.

— Я люблю эту гостинницу, — раскуривая папиросу, говорилъ Стасскій. — И самъ въ ней раньше останавливался. Тихо... Покойно... И прислуга вѣжливая... А вѣдь, какъ ни свободенъ человѣкъ, и даже, чѣмъ большую свободу онъ проповѣдуетъ, тѣмъ болѣе любитъ онъ раба подлѣ себя... Я къ вамъ по дѣлу.

— Я слушаю.

Мелькнула мысль — не случилось ли что дома — и погасла. Не Стасскій бы его объ этомъ увѣдомилъ?

Стасскій досталъ съ дивана портфель и раскрылъ его. Онъ вынулъ изъ него листъ бумаги, обернутый въ

синюю папку и разложилъ его передъ Яковомъ Кронидовичемъ.

— Яковъ Кронидовичъ, — началъ нѣсколько торжественно Стасскій, — вы знаете мое къ вамъ глубокое, глубочайшее даже, уваженіе. Вы человѣкъ науки... Вы — имя! Своимъ безпристрастіемъ при анализѣ человѣческихъ преступленій — вы, многоуважаемый, составили себѣ европейское имя и ваше положеніе васъ обязываетъ... обязываетъ, — Стасскій широкой, сухой ладонью погладилъ бумагу — подписать это обращеніе.

— Какое обращеніе?

— Вы посмотрите, кто уже подписалъ, — сказалъ Стасскій, желтымъ, прокуреннымъ, крѣпкимъ ногтемъ отмѣчая длинный рядъ подписей. — Головка Россіи. Ея мозгъ.... Лучшія силы интеллигенціи... Наука.... Таланты... Борцы за правду... Геніи!.. Вотъ видите — вотъ это я подписалъ... Я... Стасскій!.. Я... я... я!.. А тутъ — академики.... профессора.... писатели... члены Государственнаго Совѣта... И Думы... художники — всѣ, кто чувствуетъ себя европейцемъ, кто порвалъ съ Русскимъ хамомъ и у кого... какъ это... Драгомировъ что-ли сказалъ.... прошла отрыжка крѣпостного права.... Вотъ и вы тутъ должны быть... Съ нами.... Подписывайте.

— Но долженъ же я, по крайней мѣрѣ, прочитать то, что подписываю?

— Э! подписывайте, не читая... Вы мнѣ... мнѣ... и имъ не вѣрите что-ли?

— Я вѣрю... Но, Владиміръ Васильевичъ, мы часто съ вами не сходились въ убѣжденіяхъ и то, что по вашему было бѣлымъ, мнѣ казалось чернымъ и наоборотъ.

— Но авторитетъ всѣхъ этихъ и м е н ъ — Стасскій подчеркнулъ слово: «именъ», вамъ ничего не говоритъ?

— Помилуйте! Онъ меня подавляетъ... Но все таки, я считаю своимъ долгомъ прежде чѣмъ подписать — прочесть.

— Ладно. Читайте, если вы уже и намъ... и мнѣ не вѣрите, — сердито сказалъ Стасскій.

Яковъ Кронидовичъ сталъ читать.

«Къ русскому обществу. По поводу кроваваго навѣта на евреевъ» — прочелъ онъ заголовокъ.

Передъ нимъ предсталъ трупъ мальчика на мраморномъ столѣ анатомическаго театра. Быстро, быстро, молніей, мелькнули разсказы о Ванюшѣ дѣтей Чапуры подлѣ той страшной пещеры, и въ его ушахъ точно снова гудѣлъ мрачный басъ ксендза Адамайтиса — и эта фраза, что мальчикъ былъ убитъ, какъ жертвенный скотъ — «во эхадѣ»... Русская кровь — вода.

Онъ читалъ:

— «Во имя справедливости, во имя разума и человѣколюбія мы подымаемъ голосъ противъ новой вспышки фанатизма и темной неправды»... Яковъ Кронидовичъ ничего не понималъ. Онъ опустилъ глаза на подписи и думалъ: «имъ какое дѣло?.. Что знаютъ они о Ванюшѣ Лыщинскомъ, о его страданіяхъ и смерти, о горѣ его близкихъ? Писатели!.. Да, писатели и талантливые и модные... Художники... Что же и они, какъ Одоль-Одолинскій, Вырголинъ и всѣ эти добровольные сыщики, слѣдователи и судьи, наравнѣ съ разными подсѣвайлами и шмарами вмѣшиваются въ это чужое дѣло? Почему именно въ это дѣло вмѣшались они и оставляютъ безъ своего просвѣщеннаго вниманія тысячи другихъ, не менѣе страшныхъ дѣлъ? Только потому, что тутъ замѣшаны евреи? Онъ читалъ дальше: «Изстари идетъ вѣковѣчная борьба человѣчности, зовущей къ свободѣ, равноправію и братству людей, съ проповѣдью рабства, вражды и раздѣленія»... — «А вотъ оно что. Это политика! Этотъ процессъ становится орудіемъ политической игры. Кровь Ванюши Лыщинскаго идетъ для борьбы съ «ненавистнымъ правительствомъ», направлена противъ «царизма». Кто проповѣдуетъ рабство, вражду и раздѣленіе — правительство, учащее дѣтей пѣть «братья, всѣ въ одно моленье души Русскія сольемъ» — или тѣ, кто говоритъ: «кто не съ нами, тотъ противъ насъ»? «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое»? Значитъ, всѣ эти люди... и Стасскій, обласканный царемъ, первый умъ Россіи, богатѣйшій помѣщикъ тоже съ ними?...

«И въ наше время», — читалъ онъ дальше, — «какъ это бывало всегда, тѣ самые люди, которые стоятъ за безправіе собственнаго народа, всего настойчивѣе будятъ въ немъ духъ вѣроисповѣдной вражды и племенной ненависти. Не уважая ни народнаго мнѣнія, ни народныхъ правъ, готовые подавить ихъ самыми суровыми мѣрами, они льстятъ народнымъ предразсудкамъ, раздуваютъ суевѣріе и упорно зовутъ къ насиліямъ надъ иноплеменными соотечественниками. По поводу еще не разслѣдованнаго убійства въ Энскѣ мальчика Лыщинскаго въ народъ опять кинута лживая сказка объ употребленіи евреями христіанской крови. Это давно извѣстный пріемъ стараго изувѣрства».. Но вѣдь это неправда, Владиміръ Васильевичъ, — отрываясь отъ бумаги, сказалъ Яковъ Кронидовичъ.

— Какъ неправда?

— Какъ могли всѣ эти господа подписать такую лживую бумагу? Они были въ Энскѣ?.. Я всѣхъ ихъ, если не лично, то по имени знаю. Это все Петербуржцы и Москвичи... Что они видали тѣло замученнаго мальчика, какъ видалъ его я?

— Имъ совсѣмъ не нужно было его видѣть.

— Видѣли они страшное горе матери, тетки и бабушки?.. Горе, доводящее до могилы?.. Видѣли они мышиную бѣготню евреевъ по поводу этого убійства? Сбиваніе со слѣда сыщиковъ, подкупы, застращиваніе?.

— Вы это видѣли? — съ глубоко нескрываемой ироніей сказалъ Стасскій.

— Да, видѣлъ... Еще сегодня бесѣдовалъ я со свидѣтелями этого невѣроятнаго убійства.

— Это не важно... Читайте до конца.

— Извольте... «Въ первые вѣка послѣ Рождества Христова языческіе жрецы обвиняли христіанъ въ томъ, будто они причащаются кровью и тѣломъ нарочно убиваемаго языческаго младенца. Такъ объясняли они таинство Евхаристіи. Вотъ когда родилась эта темная и злая легенда!.. Первая кровь, которая пролилась изъза нея, по пристрастнымъ приговорамъ и подъ ударами темной языческой толпы, — была кровь христіанъ.

И первые же опровергали ее отцы и учители христіанской церкви. «Стыдитесь, — писалъ св. мученикъ Іустинъ въ обращеніи своемъ къ римскому сенату, — стыдитесь приписывать такія преступленія людямъ, которые къ нимъ непричастны. Перестаньте!.. Образумьтесь!...» — «Гдѣ же у васъ доказательства? — спрашивалъ съ негодованіемъ другой учитель церкви, Тертуліанъ. — Одна молва... Но свойства молвы извѣстны всѣмъ... Она почти всегда ложна... Она и жива только ложью. Кто же вѣритъ молвѣ?».. — простите Владиміръ Васильевичъ, но вся эта древняя исторія приплетена сюда ни къ селу, ни къ городу. Просто не знали, что сказать и сказали что-то, очень умное, но совершенно не къ мѣсту. Передъ нами не молва, но убитый прекрасный, кому-то нужный и кѣмъ то любимый мальчикъ. Убитый ужаснымъ, мучительнымъ способомъ и спрятанный въ пещерѣ.... Это — фактъ.

— Читайте!

— «Теперь лживость молвы, обвинявшей первыхъ христіанъ, ясна, какъ день. Но изобрѣтенная ненавистью, подхваченная темнымъ невѣжествомъ, нелѣпая выдумка не умерла. Она стала орудіемъ вражды и раздора даже въ средѣ самихъ христіанъ. Доходило до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ католическое большинство кидало такое же обвиненіе въ лютеранъ, большинство лютеранское клеймило имъ католиковъ»... Неосновательно, Владиміръ Васильевичъ, безнадежно, бездарно.... Просто... простите меня, хотя и умные люди писали,... но... глупо.

— До конца, — пальцемъ указалъ на бумагу Стасскій.

— «Но всего болѣе страдало отъ этой выдумки еврейское племя, разсѣянное среди другихъ народовъ. Вызванные ею погромы проложили кровавый слѣдъ въ темной исторіи среднихъ вѣковъ. Во всѣ времена случались порой убійства, передъ цѣлями которыхъ власти останавливались въ недоумѣніи. Въ мѣстахъ съ еврейскимъ населеніемъ всѣ такія преступленія тотчасъ же объяснялись обрядовымъ употребленіемъ крови. Пробуждалось темное суевѣріе, вліяло на показаніе свидѣ-

телей, лишало людей спокойствія и безпристрастія, вызывало судебныя ошибки и погромы.... Часто истина все-таки раскрылась, хотя и слишкомъ поздно»... Кто, Владиміръ Васильевичъ, сейчасъ вліяетъ на показанія свидѣтелей? Люди, купленные евреями. Тутъ, извѣстный вамъ, Вырголинъ даже кассу устроилъ и платитъ сыщикамъ и тайной полиціи. Да, кому то нужно замутить это дѣло. Кому то нужно отвлечь отъ евреевъ подозрѣніе въ кровавомъ преступленіи. Все какъ разъ наоборотъ тому, что написано. Да иначе и быть не могло, ибо писано не на мѣстѣ, писано, основываясь на предубѣжденіи, а не на знаніи.

— Читайте!

— «Тогда наиболѣе разумныхъ и справедливыхъ людей охватывало негодованіе и стыдъ. Многіе папы, духовные и свѣтскіе правители клеймили злое суевѣріе и разъ навсегда запрещали властямъ придавать разслѣдованію убійствъ вѣроисповѣдное значеніе. У насъ такой указъ былъ изданъ 6 марта 1817 года императоромъ Александромъ I и подтвержденъ 18 января 1835 г. въ царствованіе Императора Николая I»... Когда захотѣли передернуть — то и ненавистный всѣмъ этимъ господамъ Императоръ Николай I пригодился.

— Какъ это, — «передернуть», — весь какъ-то съежился Стасскій. — Такъ, почтеннѣйшій Яковъ Кронидовичъ, нельзя-съ выражаться.

— Да помилуйте, Владиміръ Васильевичъ! Вѣдь все это просто неправда. Погодите... вотъ у меня есть какая справочка... — Яковъ Кронидовичъ вынулъ изъ синей папки, лежавшей на комодѣ, бумагу и прочелъ: «На меморіи Государственнаго Совѣта по Велижскому дѣлу объ убійствѣ солдатскаго сына, четырехлѣтняго Федора Емельянова Иванова, Императоръ Николай I со всею свойственною ему рыцарскою прямотою и честностью написалъ: — ...«раздѣляя мнѣніе Государственнаго Совѣта, что въ дѣлѣ семъ, по неясности законныхъ доводовъ, другого рѣшенія послѣдовать не можетъ, какъ-то, которое въ утвержденномъ мною мнѣніи изложено, считаю, однако, нужнымъ прибавить, что внутренняго

убѣжденія, чтобъ убійство евреями произведено не было, не имѣю и имѣть не могу. Неоднократные примѣры подобныхъ умерщвленій съ тѣми же признаками, но всегда непонятными по недостатку законами требуемыхъ доказательствъ, и даже нынѣ производимое весьма странное дѣло въ Житомірѣ, доказываютъ, по моему мнѣнію, что между евреями существуютъ, вѣроятно, изувѣры или раскольники, которые христіанскую кровь считаютъ нужною для своихъ обрядовъ, — сіе тѣмъ болѣе возможнымъ казаться можетъ, что, къ несчастью, и среди насъ, христіанъ, существуютъ иногда такія секты, которыя не менѣе ужасны и непонятны. Напримѣръ, сожигальщики и самоубійцы, которыхъ неслыханный примѣръ былъ уже при мнѣ въ Саратовской губерніи. Словомъ, не думая отнюдь, чтобъ обычай сей могъ быть общимъ евреямъ, не отвергаю, однако, чтобъ среди ихъ не могли быть столь же ужасные изувѣры, какъ и между насъ, христіанъ»...

Казалось, Стасскій былъ смущенъ тѣмъ, что Яковъ Кронидовичъ ему прочелъ.

— Откуда вы это взяли? — сказалъ онъ, протягивая руку къ синей папкѣ Якова Кронидовича.

— Я собираю нужные мнѣ матеріалы.

— Но вы... медицинскій экспертъ... И только.

— И только. Вы правы... Но именно, какъ таковой, я обязанъ знать возможно ли то, передъ чѣмъ я стою. То-есть... поясню вамъ... Это страшное убійство — ритуалъ, или... случайный садизмъ?

— Ага... Вотъ какъ!... Ну, дочитывайте до конца.

— «Не къ одному римскому сенату были обращены слова христіанскаго писателя, мученика Іустина, который въ свое время боролся съ тѣмъ же суевѣріемъ: — «стыдитесь, стыдитесь приписывать такое преступленіе людямъ, которые къ тому непричастны. Перестаньте, образумьтесь!» Мы присоединяемъ свои голоса къ голосу христіанскаго писателя, звучащему изъ глубины вѣковъ призывомъ къ любви и разуму.... Бойтесь сѣющихъ ложь. Не вѣрьте мрачной неправдѣ, которая мно-

го разъ уже обагрялась кровью, убивала однихъ, другихъ покрывала грѣхомъ и позоромъ» *).

Яковъ Кронидовичъ дочиталъ листокъ до конца и передалъ его Стасскому.

X

— Подписывайте же, — сказалъ Стасскій, протягивая перо Якову Кронидовичу, — и дѣлу конецъ, а вамъ честь и слава.

— Нѣтъ! Такое воззваніе я никогда и ни за что не подпишу. И я не понимаю, какъ могли всѣ эти люди его подписать?

— Вы скажете — ихъ купили.

— Нѣтъ... Я отлично знаю, что это не такіе люди, кого можно купить за деньги... Но все это люди, далекіе отъ жизни, теоретики, вѣрящіе въ правду и честность всего, что идетъ противъ «ненавистнаго правительства», и не вѣрящіе ничему, что идетъ отъ его чиновниковъ... Кто-то пришелъ къ нимъ и принесъ это достаточно скверно написанное воззваніе... Человѣкъ напористый...

— Заставилъ подписать... Не деньгами... Но, конечно, купилъ... Купилъ лестью, именами, уже заботливо поставленными въ головѣ воззванія... А тамъ и пошло: если такой-то подписалъ, какъ могу я не подписать?... Да еще краснымъ флагомъ передъ глазами помахали, а наша передовая интеллигенція не можетъ устоять передъ нимъ — сейчасъ на рожонъ кинется.

---

*) Содержаніе листка «Къ русскому обществу» не придумано авторомъ. Это подлинный текстъ обращенія, составленнаго по поводу убійства въ Кіевѣ мальчика Андрюши Ющинскаго и покрытаго подписями Русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. Авторъ не приводитъ ихъ фамилій, ибо событія нынѣшняго времени достаточно показали, какъ заблуждались всѣ эти люди въ прошломъ.

Авт.

— Какимъ краснымъ флагомъ?

— А этотъ зовъ къ свободѣ, равенству и братству — со временъ французской революціи...

— Великой французской революціи, — поправилъ Якова Кронидовича Стасскій.

— Со временъ французской революціи не даетъ покоя нашимъ недотепамъ. А тамъ дальше о правительствѣ, которое де не уважаетъ народнаго мнѣнія, народныхъ правъ, «подавленіе суровыми мѣрами» — все это такая мармеладка, отъ которой ни одинъ студентъ, или студентка не откажутся — мигомъ проглотятъ.

— Это воззваніе подписали не студенты и студентки.

— Вижу. Но его подписали тѣ, кому студенты и студентки составляютъ благодарную галерку. Писатель?... Какъ не подпишетъ онъ такого воззванія? Это заслужить немилость прессы, которая почти вся въ еврейскихъ рукахъ. Это попасть подъ еврейскій «херемъ», быть замолчаннымъ, забытымъ... или обруганнымъ, и оклеветаннымъ... Надо имѣть много гражданскаго мужества, чтобы на это пойти. Тоже и адвокатъ. Для него эта подпись — взрывъ апплодисментовъ въ ближайшее засѣданіе суда, увеличеніе популярности, позолота на его вывѣску... Академикъ, профессоръ — это все люди, кому иногда дешевая слава дороже честнаго имени... Да и такъ ли много ихъ подписало это воззваніе? На нѣсколько тысячъ профессоровъ — набрали около десятка... Нѣтъ, Владиміръ Васильевичъ, всю жизнь искалъ я правду, всю жизнь боролся за правду и ради нея избралъ свою тяжелую профессію — такъ уже увольте — меня-то не купите... Ничѣмъ не купите.

— Подумайте, Яковъ Кронидовичъ... Совѣтую подумать. Вы на линіи профессора.

— Такъ говорятъ.

— Если вы будете участвовать въ этомъ ужасномъ дѣлѣ, вы не попадете въ профессора. Коллеги васъ забаллотируютъ.

— Не думаю.

— Хорошо... Допустимъ даже, что вы пройдете.... Студенты, когда узнаютъ о вашемъ участіи... когда не

увидятъ вашей подписи подъ воззваніемъ, будутъ бойкотировать васъ... Они не будутъ посѣщать вашихъ лекцій.

— Не думаю и этого. Я лучшаго мнѣнія о нашей учащейся молодежи.

— Попомните мои слова, — зловѣще поблескивая глазами сказалъ Стасскій. — Вы неисправимы. Не даромъ вы изъ духовнаго званія.

— При чемъ тутъ мое происхожденіе?

— Атавизмъ тянетъ васъ къ богамъ. Вы готовы сами душить еврейскій народъ и устраивать погромы.

— Нѣтъ, Владимріъ Васильевичъ, я просто считаю, что именно утаиваніе правды готовитъ погромъ. У насъ судъ открытый и гласный. Менделя Дреллиса будутъ судить присяжные.

— О, ихъ подберутъ!.. Ихъ наберутъ изъ самыхъ махровыхъ черносотенцевъ.. изъ погромщиковъ... Повѣрьте... полиція объ этомъ позаботится.

— Полиція къ этому никакого отношенія не имѣетъ. Вотъ евреи, интеллигентные, большіе евреи, часто спрашиваютъ, что намъ, не евреямъ въ нихъ не нравится? Да вотъ это-то намъ не нравится, что по всякому дѣлу, которое коснется еврея — они поднимаютъ ужасный шумъ, мѣшаютъ правосудію, что они — деньгами-ли, своимъ-ли вліяніемъ и авторитетомъ, заставляютъ Русскихъ честныхъ людей дѣлать несправедливости, глупости... даже — подлости. Сколько самыхъ ужасныхъ, изувѣрческихъ процессовъ проходятъ безшумно. Полиція отыскиваетъ убійцу, слѣдователь въ спокойной обстановкѣ производитъ дознаніе, судъ спокойно судитъ, и убійца получаетъ то наказаніе, которое онъ заслужилъ... Но, какъ только дѣло касается еврея, — все идетъ кверху ногами. Спокойствіе нарушено. Гевалтъ гремитъ по всему міру. Правда заслонена. Давно ли шумѣло по всему міру дѣло Дрейфуса, — изъ-за него чуть не сражались! Теперь такой же шумъ пошелъ изъ-за Менделя Дреллиса. И уже гибнутъ люди. Народъ жаждетъ Божьей правды... И евреи вездѣ — въ прессѣ, въ наукѣ, въ судѣ искажаютъ эту правду —вотъ причина ненависти къ нимъ Русскихъ...

— Подписывайте.

— Не подпишу...

Стасскій надѣлъ шляпу на самыя брови и пошелъ, не прощаясь изъ номера. Въ дверяхъ онъ остановился и, держась за портьеру, зловѣще сказалъ...

— Мы еще встрѣтимся съ вами... И въ третій разъ я буду безпощаденъ.

И скрылся за дверью.

Подъ вліяніемъ только что бывшаго разговора съ ксендзомъ Адамайтисомъ, Яковъ Кронидовичъ вспомнилъ Ибсеновскаго «Пеера Гинта» и страшнаго мистическаго «плавильщика» съ его мрачнымъ предупрежденіемъ:

— На третьемъ перекресткѣ!.. На третьемъ перекресткѣ!

XI

Мистика и правда была... Незримый страшный еврейскій богъ простеръ свою руку и, какъ Оза, коснувшійся ковчега, такъ падали мертвыми всѣ тѣ, кто зналъ тайну смерти Ванюши Лыщинскаго.

Не прошло и недѣли послѣ посѣщенія Стасскаго, какъ Яковъ Кронидовичъ былъ вызванъ на вскрытіе тѣлъ внезапно умершихъ дѣтей Чапуры — Гани и Фимы. Онъ вскрывалъ ихъ въ томъ же анатомическомъ театрѣ, гдѣ вскрывалъ и Ванюшу, вскрывалъ вмѣстѣ съ участковымъ врачемъ въ присутствіи чиновъ полиціи и понятыхъ.

Онъ смотрѣлъ на бѣлое, точно мраморное лицо Гани и вспоминалъ, что Вася передавалъ ему, что Ганя сказалъ: — «На судѣ, подъ присягой, всю правду покажу». Теперь ничего больше не покажетъ. Главный свидѣтель лежалъ безгласнымъ мертвецомъ.

— Типичная картина дизентеріи, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ врачу.... Микроскопическій анализъ показываетъ точную причину смерти. Сомнѣній быть не можетъ... Къ погребенію...

— Совершенно вѣрно-съ, — почтительно проговорилъ участковый врачъ, снимая резиновыя перчатки. — Къ сожалѣнію, наука безсильна установить, какимъ путемъ попали дизентерійныя бациллы въ организмъ дѣтей — естественнымъ, или насильственнымъ.

— Вы подозрѣваете кого-нибудь?

— Видите-ли... Это... конечно, только сплетни... — врачъ оглянулся на понятыхъ, но тѣ стояли въ углу и не могли ихъ слышать. Сторожъ возился съ тѣлами, укладывая ихъ въ гробы. — Мнѣ разсказывали въ участкѣ. Къ дѣтямъ въ послѣднее время ходилъ прогнанный со службы сыщикъ Крысинскій со своимъ подручнымъ Подлигайломъ. Про мать умершихъ молва шла, что она торгуетъ краденными вещами, такъ знаете, Крысинскій думалъ черезъ нее дѣлать розыски, ну и выслужиться снова передъ начальствомъ. Мать ихъ арестовали... все... въ связи съ этимъ дѣломъ... жидовскимъ... Безъ нея дѣти заболѣли желудкомъ. Отецъ просилъ Крысинскаго: — «не ходите, молъ, покамѣстъ, сами понимать, кажется, должны, дѣти стѣсняются васъ при такой болѣзни»... А Крысинскій все ходитъ и все Ганю — врачъ кивнулъ на трупъ мальчика, — пытаетъ, допытываетъ. И принесъ пирожныя, сказалъ: — «послѣ поѣдите». Вотъ съ тѣхъ то пирожныхъ... Ночью... священникъ былъ... Исповѣдалъ, причастилъ Ганю и какъ вышелъ — въ слезахъ весь... Сказалъ: — «свѣтлое дитя. Чистая, святая душа»... И стали шептать, знаете, что Ганя то этотъ главный свидѣтель былъ по жидовскому дѣлу... и что его жиды отравили черезъ этихъ сыщиковъ.

— Доказать нельзя, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ.

— Конечно, конечно... Дизентерійныя палочки могли попасть въ пирожныя самымъ, такъ сказать, естественнымъ путемъ... Дизентерія по городу давно ходитъ.... А все-таки... Не вѣтромъ же надуло?

Въ самомъ тяжеломъ настроеніи духа возвращался въ гостинницу Яковъ Кронидовичъ. «Конечно, и вѣтромъ могло надуть», — думалъ онъ, — «но Ганя, какъ Оза, случайно прикоснулся къ ковчегу, прикоснулся къ еврейской тайнѣ, къ ихъ «святому святыхъ», и— палъ

мертвымъ». И, помимо воли, — ощущалъ страхъ незримаго, невидимаго возмездія.

Въ прихожей гостинницы его ожидалъ Вася Ветютневъ.

— Я, дядя, къ вамъ, — едва поздоровавшись, заговорилъ Ветютневъ. — Третьяго дня умерли Ганя и Фима Чапуры.

— Я знаю... Я только что вскрывалъ ихъ тѣла.

— Ихъ отравили, я знаю это навѣрно. Тотъ самый «подсѣвайло» Крысинскій, который мутитъ все это дѣло съ самаго его начала, отравилъ ихъ.

— Къ сожалѣнію, Вася, доказать умышленное отравленіе бактеріями нельзя. Особенно теперь, когда по всему городу ходитъ дизентерія... Слѣдователь....

Вася перебилъ его:

— Слѣдователь, дядя... Странный человѣкъ! Съ весны все не могъ собраться осмотрѣть конюшню, гдѣ глиняный полъ такой же розоватой глины, какая пристала къ платью мальчика, наконецъ, собрался сдѣлать это сегодня. А сегодня....

Вася остановился.

— Ну, что сегодня?

— Да что, — со злобою воскликнулъ Вася. — Третьяго дня, конюшня до тла сгорѣла.

— Съ лошадьми?

— Нѣтъ, всѣ лошади были на работѣ.

— Та-акъ, — протянулъ Яковъ Кронидовичъ и глубоко задумался. Онъ уже не слушалъ, что дальше говорилъ ему Вася, кого онъ подозрѣвалъ въ поджогѣ. Его охватило странное, еще никогда имъ не испытанное чувство безпокойства. Слушая однимъ ухомъ Васю, онъ думалъ: — «что же это?... таинственный еврейскій богъ, черные вихри темныхъ неизслѣдованныхъ силъ? Просто широко организованный подкупъ съ цѣлью устранить всѣхъ свидѣтелей этого дѣла... Послѣдній свидѣтель — я»...

Когда Вася ушелъ, Яковъ Кронидовичъ смотрѣлъ на дверь и вспоминалъ, какъ, держась за нее, позднею ночью, Стасскій грозилъ ему третьею встрѣчею.

«Совсѣмъ Пееръ Гинтъ», — думалъ онъ. — «Но

Пеэръ Гинтъ былъ развратный малый, думавшій только о себѣ и о своихъ удовольствіяхъ и ему страшенъ былъ роковой плавильщикъ, ожидавшій его на «третьемъ перекресткѣ», да и то.... спасла его святая любовь Сольвейгъ. Да развѣ надо быть грѣшникомъ, чтобы быть раздавленнымъ колесницею еврейскаго бога? А Оза, простершій руку свою и взявшійся за ковчегъ, чтобы поддержать его, былъ же пораженъ за дерзновеніе.... Поражены невинныя дѣти Чапуры.... Сгорѣла конюшня... Такъ.... при третьей встрѣчѣ.... на третьемъ перекресткѣ... Стасскій... У Пеера Гинта — Сольвейгъ... У меня?..

И почему то съ отвращеніемъ вспомнилъ письмодоносъ Ермократа о листочкѣ мха, приставшемъ къ сапогу во время верховой прогулки съ Портосомъ...

XII

Никогда не нужно возвращаться на то мѣсто, гдѣ былъ особенно счастливъ. Счастье капризно: оно не сидитъ на мѣстѣ.

Валентина Петровна ѣхала въ Захолустный Штабъ. Тамъ были ея дѣтство и дѣвичество. Счастливая, невозвратимая пора жизни. Невозвратимая!.. Она родилась въ Захолустномъ Штабѣ. Она въ немъ выросла. Въ институтѣ мечтала о немъ — о лѣтнихъ вакаціяхъ, о родителяхъ, о милыхъ друзьяхъ дѣтства. И ей казалось — тамъ небо другое, другой воздухъ, тамъ особая красота солнца и облаковъ, и радостно, а не грозно гремитъ весенній громъ. Нигдѣ не могло быть такой красоты природы, какъ въ Захолустномъ Штабѣ.

Нигдѣ не было такихъ громадныхъ раскидистыхъ каштановъ, какъ въ его гарнизонномъ саду, не цвѣли такъ пышно сирень и жасминъ, какъ подлѣ ихъ казенной квартиры. А рѣчка Лабунька съ ея тихими заводями, съ бѣлыми купавками и желтыми кувшинками, съ большими листьями, похожими на лотосы далекой Ин-

діи!? А поля, поля!... Ихъ сладкій духъ во время цвѣтенія, ихъ пряный ароматъ въ дни покоса! Все здѣсь было удивительно. И эта вѣчно откуда-то несущаяся музыка, или пѣніе, и это относительное безлюдье при массѣ людей — и ея вѣрные мушкетеры!

Какія сладкія, волнующія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чистыя воспоминанія шли изъ несказанной прелести кустовъ, бесѣдокъ, завитыхъ яркозеленымъ хмелемъ, съ которымъ дружно переплелись голубые барвинки, и крученые панычи, и гдѣ въ зной было прохладно, и золото солнечныхъ лучей лишь кое-гдѣ тронуло зеленую сѣнь... Вотъ они! — Атосъ, Портосъ и Арамисъ — ея три мушкетера — Петрикъ, Багреневъ и худышка — черный, точно негритенокъ — Ричардъ Долле, въ пахучихъ коломянковыхъ кадетскихъ рубахахъ съ одинаковыми алыми погонами клянутся передъ нею — дѣвочкой въ короткомъ платьѣ:

— **Etends la main et jure!** — кричали тогда Петрикъ и Долле, и красивый, въ рамкѣ вьющихся волосъ Портосъ, поднялъ руку и всѣ трое, съ поднятыми руками сказали въ голосъ:

— **Tous pour un, un pour tous!** *)...

Казалось тогда — клятва на вѣки!!

Все было для нея. Когда она пріѣзжала на станцію Ровеньки, откуда надо было ѣхать шестьдесятъ верстъ, по прямому, мощеному кирпичомъ шоссе, которое почему-то называли «стратегическимъ», — ее, дочь командира полка встрѣчалъ четверикъ лошадей, запряженныхъ въ просторную коляску съ солдатомъ на козлахъ и ея мама. Четыре часа усыпляющаго гула колесъ, цоканья подковъ по камнямъ — и показались въ низинѣ шпили костела и городской магистратуры, зелень садовъ, и высокія блѣдно-желтыя казармы. Дымитъ на плацу пыль, звучитъ сигналъ и издали видно, какъ скачутъ пушки въ пыли. Ихъ «лихая конная» учится... Потомъ, когда она пріѣзжала сюда уже барышней — ее ожидали, отецъ, начальникъ дивизіи, мать и адъютантъ

*) — «Подними руку и клянись!»
«Всѣ за одного — одинъ за всѣхъ».

отца, въ автомобилѣ... Ей подносили букетъ цвѣтовъ, — и она ѣхала, какъ королева. Убѣгало передъ ними ровное, «стратегическое» шоссе, и мама, и папа разсказывали ей новости Захолустнаго Штаба. Черезъ часъ были уже дома!

Она была первой въ деревнѣ!

И когда она уѣзжала на свадьбу, ѣхали они всѣ вмѣстѣ, и — какое столпленіе экипажей съ солдатами на козлахъ, — ихъ автомобиль съ шоффероиъ съ унтеръ-офицерскими нашивками, высокій брэкъ, запряженный «тэндемъ» драгунскаго полка, ихъ бывшій уланскій четверикъ, кабріолетъ гусаръ и лихая тройка донцовъ, и сколько еще скромныхъ еврейскихъ балагулъ стояли на обычно пустынномъ, мощеномъ большими камнями станціонномъ дворѣ. Еще бы! Провожали дивизіонную барышню!

Полковыя дамы надѣли лучшія платья. Полковые цвѣта были на ихъ шляпахъ и лентахъ. Маленькая платформа едва могла вмѣстить всѣхъ пріѣхавшихъ проводить. Молодые корнеты примчали верхомъ, сдѣлавъ для этого основательный пробѣгъ. Уланы прислали свой хоръ трубачей. Изъ сосѣдняго мѣстечка привезли шампанское. Ихъ купе, когда пришелъ поѣздъ, засыпали цвѣтами: букеты, связки, пучки, и въ длинной тонкой рюмочкѣ болѣзненная орхидея, подарокъ сосѣда помѣщика-поляка.

Поѣздъ задержали вмѣсто обычныхъ двухъ минутъ на цѣлыхъ десять — и звуки ихъ полкового уланскаго марша и крики ура офицеровъ и дамъ ее проводили. И долго мотались въ воздухѣ платки и фуражки.

Это было ея послѣднее воспоминаніе, послѣднее впечатлѣніе отъ ея милаго Захолустнаго Штаба. — Станція Ровеньки, полная нарядныхъ дамъ и офицеровъ, масса экипажей, шампанское, крики ура и цвѣты.... цвѣты... цвѣты... Она смѣется и плачетъ на груди у матери,и папочка стоитъ у окна купэ и съ его сѣрыхъ глазъ къ сѣдымъ усамъ катятся слезы.

Такою запомнилась ей станція Ровеньки.... Такою, или съ мамочкой и денщикомъ на перронѣ и автомобилемъ на дворѣ.

Поѣздъ пришелъ безъ опозданія, въ пять часовъ утра. Было свѣжее, душистое весеннее утро. Во всю цвѣла вокругъ станціи бѣлая акація и ея запахъ одурялъ. На перронѣ, кромѣ дежурнаго по станціи — никого. Вагонный проводникъ любезно взялъ ея небольшой баулъ. Она выглянула на дворъ. Автомобиля не было.

Стратегическое шоссе, окаймленное круглыми яблонями-кислицами въ бѣломъ цвѣту прямою лентою уходило между ярко-зеленыхъ, подернутыхъ туманною дымкою полей и упиралось въ сосновые лѣса.

Она вышла на крыльцо и постояла, осматриваясь.

Легкій вѣтерокъ развѣвалъ ленты ея шляпы и послѣ безсонной ночи освѣжалъ ея лицо. Голубое небо, гдѣ простерлись нѣжныя перистыя облака, показалось Валентинѣ Петровнѣ холоднымъ, безразличнымъ и скучнымъ.

Она прошла на станцію. Дежурный ушелъ къ себѣ досыпать недоспанное — движеніе здѣсь было рѣдкое. Въ телеграфной комнатѣ постукивалъ лѣниво аппаратъ. Телеграфистъ, накрывшись черною шинелью, спалъ на лавкѣ. Вѣсовщикъ, старый служащій, узналъ Валентину Петровну и подошелъ къ ней.

— Ваше Превосходительство ожидаете машину? — сказалъ онъ.

— Нѣтъ... я не предупредила, что ѣду.

— Наврядъ-ли пришлютъ... Папаша вашъ не совсѣмъ здоровъ... Новый начальникъ пріѣхали...

— Да, я знаю... Не слыхали, какъ теперь отецъ?

— Не могу знать-съ....

— Что же мнѣ дѣлать? Мнѣ надо ѣхать въ Захолустный Штабъ.

— Позвольте, я сбѣгаю въ мѣстечко, у жида лошадей вамъ достану.

— Ахъ, пожалуйста!

Часъ тревожнаго, жуткаго ожиданія... Она давно не имѣла изъ дома писемъ. Послѣднее было на Пасхѣ. Мать писала, что отецъ получилъ «синій пакетъ» — его увольняли въ отставку по предѣльному возрасту. Тогда въ своемъ увлеченіи прогулками и... Портосомъ.... Она не подумала о всемъ значеніи этого.... Она не чи-

тала «Русскаго Инвалида».... Она просмотрѣла его отставку.... Какъ скоро... И какъ все перемѣнилось.

Гремя желѣзными шинами подкатила раскрытая тяжелая балагула, запряженная парою клячъ. Жидъ въ длинномъ лапсердакѣ щелкалъ бичемъ по камнямъ...

Балованная дивизіонная барышня тащилась въ «свой» штабъ цѣлыхъ восемь часовъ, потряхиваясь на неудобномъ сидѣньи, какъ какая-нибудь вахмистерская жена!

XIII

Она не узнала Захолустнаго Штаба.

Какъ все перемѣнилось за эти четыре года, или тогда она на все это смотрѣла другими глазами?

По дребезжащему, дощатому, низкому мосту безъ перилъ переѣзжали Лабуньку. Она хорошо помнила этотъ мостъ. Послѣдній разъ въ немъ было двѣ свѣжія доски и онѣ ярко сверкали на темно-сѣромъ фонѣ другихъ досокъ.

Она ихъ сейчасъ же узнала. Онѣ побурѣли, потемнѣли, но все еще отличались отъ другихъ досокъ.

Это Лабунька? Такая маленькая, жалкая! Она точно обмелѣла и высохла за эти годы. Молодой камышъ росъ по берегамъ. Какъ и всегда растоптанъ былъ спускъ на водопой и бродъ. Бродъ казался ей раньше значительнымъ и опаснымъ — теперь онъ былъ жалокъ. За обрывистымъ, невысокимъ берегомъ тянулся полковой плацъ. Онъ былъ пустъ въ эти послѣ-полуденные часы. И слава Богу! Никто ее не увидитъ! Скучными пыльными и маленькими показались ей завалившіеся и разбитые валы препятствій.

За мостомъ началось предмѣстье. Сонныя, слѣпыя, жидовскія лавочки. Въ низинѣ на затоптанномъ лугу низкія деревянныя конюшни. На коновязяхъ стояли гнѣдыя уланскія лошади. Навѣшены были торбы. Люди ушли, остались одни очередные. Они равнодушно смотрѣли на мѣрно потрухивающихъ въ пыли лошадей и на

высокую балагулу, гдѣ сидѣла нарядная дама въ городской шляпкѣ.

Каштаны гарнизоннаго сада въ высокихъ свѣчкахъ бѣлыхъ и розовыхъ цвѣтовъ ей показались маленькими и жидкими. Сирень отцвѣтала, и черныя кисти были безжизненно печальны.

Она не узнавала своего милаго Захолустнаго Штаба. Въ немъ не было прежняго оживленія.

Въ прихожей, чужой денщикъ недружелюбно ее встрѣтилъ.

Все перемѣнилось.

Но больше всего перемѣнилась ея мамочка. Она располнѣла и по старушечьи опухли и обвисли внизу ея щеки. Кожа лица была мягка и дрябла и, когда цѣловала она Валентину Петровну, — поразили мягкость и вялость ея губъ. Она была неровно напудрена — и пестрыя краски — буровато-желтая, сизая, бѣлая и розовая чередовались на ея лицѣ подъ сѣдыми, сильно порѣдѣвшими волосами. Обнимая Валентину Петровну, мамочка облилась слезами и поспѣшно увлекла ее въ свою комнату.

— Отецъ не знаетъ, что ты пріѣхала.... Я нарочно ему не говорила. Его надо подготовить. Такъ все быстро случилось. Такъ неожиданно. Спасибо, что пріѣхала. Докторъ надѣется — это пройдетъ, почти безъ слѣда...

Дряблой и мягкой рукой, такой непохожей на былую мамину свѣжую руку, она гладила щеки Валентины Петровны и заглядывала любовно ей въ глаза.

— Я тебя тутъ устрою.... Мы вѣдь здѣсь живемъ изъ милости.... Новое начальство пріѣхало.... Генеральнаго штаба... Такъ намъ пока позволили занять эти четыре комнатки... Да, строгое начальство. Вишь ты, все у моего Петра Владиміровича не такъ, какъ надо.

— Какъ же случилось это?.. — улыбаясь спросила Валентина Петровна. — Я вѣдь ничего хорошенько не знаю.

Она улыбнулась матери, чтобы успокоить ее, улыбнулась тому, что ея, всегда такая заботливая мать, не подумала о томъ, что шелъ четвертый часъ дня, что Ва-

лентина Петровна пріѣхала въ пять часовъ утра на станцію и ничего еще не ѣла.

Старая мамина горничная принесла на подносѣ кофе, сливки, булочки и масло.

— Ты, можетъ быть, не обѣдала, роднуша?

— Нѣтъ, мама. Но это послѣ... Какъ онъ?

— Ты же его знаешь. Служба для него все.... Мои Старо-Пебальгцы... Моя дивизія! Онъ этимъ только и жилъ..... На Пасху.... Какъ это жестоко дѣлается нашимъ правительствомъ!.. Не нашли времени лучше, какъ въ такой свѣтлый праздникъ.... Михаилъ Александровичъ — это новый начальникъ штаба, ты его не знаешь, изъ пѣхотныхъ.... приноситъ вечеромъ пакетъ и говоритъ моему Петру Владиміровичу: «это вамъ — личное». Въ пакетѣ... — отставка. По предѣльному возрасту. Вишь ты, кому какое дѣло, что отцу твоему шестьдесятъ лѣтъ стукнуло! Онъ бодръ былъ... Еще на шестой недѣлѣ верхомъ выѣзжалъ встрѣчать гусарскихъ развѣдчиковъ, возвращавшихся съ весенней поѣздки. Такимъ молодцомъ... Имъ нѣтъ дѣла, что Дембовицкій на лошадь никогда не садится. Изъ автомобиля дивизіей командуетъ, или Свиньинъ... Говорятъ, такой толстый, что, прости Господи! пузо, какъ сядетъ на лошадь, на холку ей перекатывается. Имъ ничего... А моему Петру Владиміровичу — предѣльный возрастъ!... Ну, мой генералъ перетерпѣлъ.... Ничего не сказалъ. Вышелъ ко мнѣ. Я въ залѣ была. Посмотрѣла на него. Вижу, онъ покраснѣлъ и жила на лбу напружилась. — «Вотъ, говоритъ, Марьюшка, и меня погнали... Старъ, говорятъ... Это за сорокъ лѣтъ службы Царю и Родинѣ благодарность. Осенью пряжку разсчитывалъ получить»... Но ничего. Вечеромъ вышли мы въ садъ. Погода у насъ такая чудная стояла и сирень въ этомъ году необыкновенно цвѣла. Сидимъ. Темно уже стало. Защелкали соловьи. Мой генералъ все такъ какъ-то безпокойно сидитъ. За воротъ хватается. Я спрашиваю его: — что неудобно тебѣ, Петръ Владиміровичъ»? — «Не знаю», — говоритъ, — «Марьюшка, воротъ что-то мнѣ тѣсноватъ сталъ»... Ну такъ и прошло. Ждали мы приказа и кого назначатъ. Мой генералъ уже никуда и ѣздить не сталъ. Тутъ новое стрѣль-

бище построили, инженеръ изъ дистанціи пріѣзжалъ, чтобы, значитъ, Петръ Владиміровичъ осмотрѣлъ его и актъ подписалъ. Не подписалъ. «Пускай», говоритъ, «другіе осматриваютъ». Досталъ свои старые приказы, гдѣ какая благодарность ему, гдѣ какіе призы его офицеры или уланы взяли и помѣтки дѣлаетъ. Я то понимаю — все въ немъ надежда, что это: не окончательное. Что еще просить можно.... На Высочайшее имя подать... и со мною заговариваетъ. Вспоминаетъ, какъ Государь проѣздомъ заграницу полкъ въ Ровеньки вызвалъ и они въ четыре часа шестьдесятъ верстъ отмахали и Государю представились и какъ Государь его благодарилъ. И вижу, по намекамъ его, по словамъ, что одна у него мысль. Не можетъ быть, чтобы его выгнали. Говоритъ мнѣ какъ-то: — «развѣ старость порокъ? Развѣ отъ того, что я сорокъ лѣтъ Царю вѣрой и правдой служилъ — я хуже сталъ? Въ 1906-омъ году развѣ не я во всемъ краѣ подавилъ безпорядки. У меня тогда въ полку ни красныхъ флаговъ, ни недовольства.... А помнишь — въ 1908 году кругомъ инфлуэнца на лошадяхъ была — у меня ни въ одномъ полку ея не было».

Мамочка тяжело вздохнула и замолчала.

— Пей, Алечка, кофе, я тебѣ еще налью. Поблѣднѣла и ты у меня. Скучно безъ Якова Кронидовича-то, — ласково сказала она и какъ-то неувѣренно, робко погладила Валентину Петровну по золотымъ растрепавшимся въ дорогѣ густымъ волосамъ.

— Дальше, мама.

— Что жъ... дальше... На что надѣяться-то было?.. Жестокіе кругомъ люди... Да и мой Петръ Владиміровичъ службистъ былъ. Никакой протекціи. Своимъ горбомъ всего достигъ. Не любилъ ѣздить, да заискивать, кланяться. Спина-то солдатская — негибкая. Ну еще и то — не генеральнаго онъ штаба... Надежды-то такъ обернулись... Значитъ, на прошлой недѣлѣ написалъ онъ какое-то большое письмо. Даже отъ меня скрылъ... Говорятъ для Государя, чтобы Государю самому сказали, черезъ барона Фредерикса... Не по командѣ.... По командѣ-то зналъ, что ничего не выйдетъ. А четвертаго дня, утромъ, какъ всегда Павелъ денщикъ, понесъ ему

газеты «Новое Время» и «Инвалидъ».... Прошелъ къ нему... а черезъ малое время... малое такое время....

Мамочка залилась слезами и не могла продолжать.

— Успокойся, милая мама... Богъ не безъ милости. Богу виднѣе, что надо.

— Богъ!.. Конечно, Богъ... А только такъ мнѣ его жалко... Черезъ малое время слышу стукъ въ кабинетѣ, будто что тяжелое упало, а потомъ хрипъ... Я вбѣжала. Лежитъ голубчикъ нашъ, генералъ нашъ, на полу и лицо перекосилось... Послали за дивизіоннымъ врачемъ. Хорошо Викторъ Ивановичъ еще дома былъ, пришелъ, сейчасъ что надо сдѣлали, положили его въ постель. Къ вечеру отошло. Даже говорить сталъ немного, только еще лѣвая сторона была парализована... Оказывается въ «Инвалидѣ» то его отставка пропечатана. Увольняется по предѣльному возрасту въ отставку, съ мундиромъ и пенсіей, а также — назначается — генералъ майоръ Замбржицкій... Можетъ, помнишь, онъ у насъ на цензъ полкомъ командовалъ. Со своею женою не жилъ, все чужихъ женъ отбивалъ... Вотъ оно какія пошли назначенія! А вечеромъ, со станціи телефонятъ. пришлите автомобиль... Само новое начальство пожаловало. Моему-то генералу спокойствіе надобно, вмѣсто того, какъ узналъ — въ постели захлопоталъ: «не хочу, чтобы въ гостинницѣ.... какая у насъ тутъ гостинница! номера для пріѣзжающихъ.... клопы одни... и въ собраніи не хочу... Его право... Его квартира.... Пусть мнѣ позволитъ четыре комнатки пока дожить, пока не придумаю, куда дѣваться»... Вѣдь помѣстій-то, Алечка, сама знаешь, у насъ не было. Все для службы и все отъ службы. Почитай двадцать девять лѣтъ мы просидѣли съ Петромъ Владиміровичемъ въ Захолустномъ Штабѣ и не думали, не гадали, что такъ уѣзжать придется. Да былъ бы здоровъ — поѣхали бы куда, гдѣ недорого.... А теперь....

— А какъ папа?

— Увидишь... Ничего... Ходитъ... Конечно, ногу приволакиваетъ немного... И лѣвая рука виситъ. И говоритъ, какъ привыкнешь, разобрать все можно. Вчера съ Замбржицкимъ даже поспорилъ... о конныхъ ата-

кахъ... Ты только не всматривайся въ него... Ему тяжело это. Онъ не любитъ. Я его подготовлю... Вмѣстѣ, ужинать будемъ... Онъ тебѣ такъ-то обрадуется.

XIУ

Папочка показался Валентинѣ Петровнѣ ужаснымъ. Она такъ любила и уважала отца. Она привыкла его видѣть красивымъ, стройнымъ, подтянутымъ. Всегда въ мундирѣ, или китель, въ праздники съ колодкой орденовъ на груди, въ лядункѣ и перевязи. Онъ молодцовато ѣздилъ верхомъ, и никто не умѣлъ здороваться такъ, какъ онъ съ солдатами. Стоитъ, бывало, дѣвочка Аля Лоссовская, «госпожа наша начальница» со своими мушкетерами Петрикомъ, Портосомъ и Долле, у Лабуньки надъ обрывомъ, а на той сторонѣ, на плацу ровной линіей построился ихъ полкъ. Блестятъ на солнцѣ бѣлыя рубахи, гнѣдыя лошади застыли, однообразно собранныя на мундштукахъ и трубачи на сѣрыхъ лошадяхъ играютъ полковой маршъ. Тогда они еще были драгунами. И папочка, на гнѣдомъ своемъ Ерусланѣ скачетъ къ полку галопомъ. Четко слышенъ его голосъ.

— Здорово молодцы, Старо-Пебальскіе драгу-уны!..

Такимъ помнила Валентина Петровна своего папочку. Стройнымъ, съ чисто бритыми загорѣлыми щеками, въ сѣдыхъ большихъ усахъ....

Онъ вышелъ теперь къ столу, опираясь на плечо денщика. Лѣвая рука какъ-то недвижно,мертво висѣла, но, главное, былъ ротъ. Точно папочка хотѣлъ свистнуть, и сложилъ уже ротъ трубочкой, да такъ и застылъ. Усъ съ лѣвой стороны былъ приподнятъ и неопрятно желтѣли растрепавшіеся усы, обнажая темные, гнилые зубы.

Валентина Петровна поцѣловала руку отцу, и онъ сдѣлалъ какое-то странное, будто благословляющее движеніе.

— Ра... ра... — съ усиліемъ сказалъ онъ. — Му... ка?..

Валентина Петровна ничего не поняла. Мамочка, уже привыкшая понимать отца, пришла ей на помощь.

— Алечка говорила, ничего Яковъ Кронидовичъ. Занятъ только очень... И трудно ему въ жару.

— Хо-о-е дѣ... твой му... Честно... Я слы-алъ... — съ усиліемъ сказалъ отецъ.

Ему трудно было ѣсть. Онъ ѣлъ неопрятно и стоявшій сзади него денщикъ салфеткой утиралъ ему ротъ. Папочкѣ это видимо было тяжело, онъ сторонился и отъ того было еще хуже.

— Ви-ишь... Ка-мы... Ни-о... поправлюсь... — съ усиліемъ сказалъ отецъ, — Викторъ Анычъ обѣ-аетъ... опять... на ко-я....

Мамочка ухаживала за нимъ. Она говорила за него, какъ только замѣчала, что Валентина Петровна не такъ поняла.

Обѣдъ тянулся долго. Папочкѣ трудно было ѣсть и ѣлъ онъ очень медленно. Послѣ обѣда сидѣли въ столовой. Папочку устроили у раскрытаго настежь окна. За окномъ увядала акація и сладкій запахъ ея постепенно вытѣснялъ запахи ѣды. Вдали за лѣсомъ пламенѣло небо и въ каштанахъ пѣли вечернія пѣсни синички, малиновки и красношейки. Въ гарнизонномъ саду кричали, играя, офицерскія дѣти и сухо щелкали ракеты объ мячи лаунъ-тенниса. Тамъ уже были новые мушкетеры, кого не знала Валентина Петровна. Была у нихъ своя королевна?

Когда она ѣхала въ Захолустный Штабъ, у нея была слабая надежда, что она тамъ почувствуетъ себя опять Алечкой Лоссовской... Нѣтъ... она была уже Тропарева и все здѣсь было чужое, чуждое и точно враждебное.

Мамочка сидѣла съ Валентиной Петровной въ глубинѣ комнаты и говорила о пенсіи, о долгахъ, о продажѣ стараго, вѣрнаго Еруслана.

— Никто покупать не хочетъ. Не на живодерню же его отдавать? Двѣнадцать лѣтъ вѣрой и правдой служатъ Петру Владиміровичу... Дивизія проводы хочетъ сдѣлать отцу, а какъ, если онъ не оправится?.. Послѣ проводовъ рѣшили и ѣхать... А куда — все не приду-

маемъ... Надо бы, гдѣ дешево... И гдѣ медицинская помощь была бы... Вѣдь повториться можетъ...

Черная печаль сидѣла съ ними въ комнатѣ, гдѣ гасли сумерки.

Превозмогая усталость Валентина Петровна сказала мамочкѣ:

— Хочешь, я поиграю вамъ. Можетъ быть, папа послушалъ бы...

— Петръ Владиміровичъ, — повысила голосъ мамочка, — Алечка предлагаетъ поиграть на роялѣ. Хочешь послушать?

— А?.. Хо-о-о...

Но въ это время подъ окномъ, въ саду раздался рѣзкій, крикливый, незнакомый голосъ.

— Вздор-съ, Михаилъ Александровичъ! Вы то должны понимать меня — сами пѣхота. Огонь все. Огнемъ надо прокладывать дорогу стрѣлковымъ цѣпямъ спѣшенныхъ полковъ. Лошадь только для маневра, для покоренія пространства... Конныя атаки — абсурдъ... пережитокъ... плацъ-парадный кунтштюкъ... Васъ не тому учили... Я все переверну...

— Рояль у не-о... Въ за-ѣ... Не на-до... не надо!, — закричалъ папочка. — Новыя метлы... Не надо!... Не хочу... одол-аться... Помѣ-аемъ... так-икѣ...

Онъ сдѣлалъ движеніе, желая встать. Мамочка подбѣжала къ нему и повела его въ спальню.

Валентина Петровна нѣсколько минутъ слушала разгоравшійся споръ въ саду.

— Старый трынчикъ... Я и мундштуки вышвырну... Выправка чудесная, а унтеръ-офицеры карты читать не умѣютъ... Мировщинка!..

Валентина Петровна тяжело вздохнула и пошла въ комнату матери, гдѣ ей была приготовлена постель. Она вся была, какъ разбитая.

XV

Валентина Петровна гуляла по Захолустному Штабу.

Часы были утренніе. Отъ домовъ тянулись длинныя тѣни. Узкія улицы были въ прозрачной мглѣ. Подъ аркадами подлѣ жидовскихъ лавокъ было свѣжо и сыро. Офицеры были на занятіяхъ. Она встрѣтила только старшаго адъютанта штаба дивизіи капитана Бакенбардова. Она познакомилась съ нимъ незадолго до свадьбы, когда онъ пріѣхалъ къ нимъ въ дивизію причисленнымъ къ генеральному штабу штабсъ-капитаномъ. Бакенбардовъ былъ сыномъ крестьянина и очень кичился этимъ. Теперь на немъ были серебряные погоны съ черной полоской и аксельбанты. Его перевели въ штабъ. Онъ узналъ Валентину Петровну.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ. — Надолго въ наши края? Да, вотъ какъ оно обернулось... Не ожидалъ этого Петръ Владиміровичъ... А я сколько разъ предупреждалъ его, что такъ кончится... Нельзя-съ: — законъ.

— Не вы-ли говорили, — сказала Валентина Петровна — законъ дышло, куда хочешь туда и воротишь.

—Говорилъ-съ... точно... Это тѣмъ, у кого протекція А у Петра Владиміровича... все равно какъ у меня... Вотъ видите и я — пятый годъ трублю здѣсь... Почему... Потому- что мужикъ... Да-съ... А былъ бы генеральскимъ сынкомъ давно бы подполковникомъ сталъ и штаба начальникомъ.

Валентину Петровну коробило, что Бакенбардовъ называлъ теперь ея отца запросто — Петръ Владиміровичъ. Тогда — все — «его превосходительство»... «начальникъ дивизіи»... теперь: — Петръ Владиміровичъ.

Она спросила Бакенбардова о его женѣ и простилась съ нимъ.

Молодые уланскіе корнеты гурьбой прошли навстрѣчу. У нихъ были стики подъ мышками и пыльные сапоги. Они всѣ были новые, не знакомые. Они почти-

тельно дали дорогу красивой дамѣ и примолкли, разглядывая. ее

Въ гарнизонномъ саду няньки и деньщики катали колясочки съ дѣтьми. У тенниса, за высокой сѣткой, на двухъ роундахъ съ убитыми краснымъ пескомъ площадками и четкими бѣлыми линіями, незнакомыя дѣвушки играли съ незнакомыми кадетами и гимназистами.

Въ камышевомъ кругломъ креслѣ сидѣла полная дама въ бѣломъ платьѣ и косынкѣ на головѣ. Валентина Петровна узнала ее — жена Кларсона, дивизіоннаго интенданта. Кларсонъ поднесла къ глазамъ лорнетъ и разглядывала Валентину Петровну. Узнала, или не узнала — не все ли равно: — не поклонилась.

Валентина Петровна не обидѣлась. За вчерашній вечеръ и ночь она все продумала и поняла. Да вѣдь и правда, она больше не дивизіонная барышня, а госпожа Тропарева, жена профессора какой-то чуждой этому міру «сугубой» науки. Она уже и не дочь начальника дивизіи, любимаго и чтимаго генералъ-лейтенанта Лоссовскаго — «папаши», а дочь отставного, разбитаго параличомъ никому не нужнаго старика. Она даже неудобна здѣсь. Мѣшаетъ... тактикѣ.. игрою на роялѣ...

Уѣхать?.. Нѣтъ, она останется... Это даже любопытно. Жизнь поворачивалась къ ней другой стороной, и на этой сторонѣ не было ни блеска, ни красоты, ни изящества, ни чести... И, глядя на эту сторону, Валентина Петровна уже не такъ страшилась своего грѣха.

Она сѣла въ глухой, боковой аллеѣ, недалеко отъ той бесѣдки, гдѣ клялись ея мушкетеры. Она развернула французскій романъ въ желтой обложкѣ, начала прорѣзать его перламутровымъ ножикомъ, бросила, опустила руки на колѣни и задумалась.

Внизу на пескѣ шевелились золотые кружки въ прихотливой игрѣ подвижныхъ тѣней. Вверху въ солнечномъ блескѣ казались прозрачными листья каштановъ. Цвѣты, въ пушинкахъ тычинокъ слетали съ бѣлыхъ канделябровъ и падали къ ея ногамъ.

«Проще... проще надо смотрѣть на это все... Это жизнь... Такъ недавно... Что? Нѣту двухъ мѣсяцевъ —

вечеринка у нихъ по случаю ея дня рожденія и именинъ Якова Кронидовича и «Largo» въ ихъ исполненіи. Какъ игралъ тогда Обри! Онъ сказалъ ей, что только съ нею онъ можетъ такъ играть, потому что она понимаетъ мистику музыки... Понимаетъ-ли она? Чувствуетъ, да... Но понимать мистику? Она... такая обыкновенная. Такая... земная!...»

Вспомнила, какъ въ то утро въ своемъ мягкомъ халатикѣ и туфелькахъ стояла она у телефона и отъ нетерпѣнія переминалась съ ноги на ногу голыми ногами, а рядомъ стояла ея Ди-ди.

«Пожалуй, ея Ди-ди честнѣе ея... честнѣе всѣхъ этихъ людей? Если ее отдать кому нибудь — она будетъ помнить хозяина и не забудетъ его... Люди... Стоитъ ли для нихъ?.. Да... да... конечно, это людская мораль... Грѣхъ... Но, если всѣ люди грѣшны?..»

Щегленокъ сытенькій, полный, спрыгнулъ изъ зеленой чащи и, попрыгивая, приближался къ ней, сбоку поглядывая круглымъ чернымъ глазкомъ. Тоже, думаетъ что-то.

Солнце, зелень, воздухъ, эти едва зримые, не то кажущіеся, не то существующіе золотые прозрачные пузырьки, что ходятъ вверхъ и внизъ, что точно играютъ въ воздухѣ незамѣтно для Валентины Петровны овладѣвали ею и лѣчили ее. Природа точно приложила мягкую ладонь къ ея лбу и спугнула тяжелыя мысли.

Бабочка гонялась за бабочкой. Изъ дворика за садомъ неслось торопливое квохтанье куры и торжествующій крикъ пѣтуха. Еще упалъ колокольчикъ каштана и, падая, задѣлъ другой, стряхнувъ пыль. Валентина Петровна изъ ботаники знала значеніе этой пыльцы.

Старая развратница природа!.. Несказанно прекрасная земля!!!...

XVI

Вечеромъ ей подали письмо изъ Петербурга... Отъ Портоса... Она спокойно приняла его и, не распечатывая, отложила въ сторону и продолжала сидѣть съ родителями. Она не взволновалась. Что кончено — то кончено. Уже поздно ночью, когда мать ушла устраивать на ночь папочку, Валентина Петровна вскрыла конвертъ и пробѣжала глазами письмо. Оно было полно извиненій, самой униженной мольбы простить и только не забывать его. Онъ ее всегда любилъ. Любилъ кадетомъ, юнкеромъ, о ней мечталъ въ первые годы офицерства, ей молился въ Академіи.

«Не подумайте», писалъ Портосъ, — «что это была необузданная вспышка страсти — это глубокая любовь, какой я не зналъ... Я весь горю отъ боли сознанія, что вы не такъ ее приняли, что вы могли обо мнѣ худо подумать».

На такія письма не отвѣчаютъ. Такія письма рвутъ и сжигаютъ.

Но это писалъ ей Портосъ. Портосъ, влюбленный въ себя, самоувѣренный, богатый и красивый. Онъ представился ей на Фортинбрасѣ во всей его мужской красотѣ. Она точно увидѣла его блестящіе черные волосы подъ бархатнымъ околышемъ артиллерійской фуражки, гибкій станъ, широкія плечи и красоту его ногъ.

Она взяла письмо, чтобы разорвать его. Отъ бумаги пахло крѣпкими, дорогими, мужскими духами и этотъ запахъ ей такъ многое напомнилъ. Бумага была хорошая съ какъ бы оборванными краями, англійская, и на ней ровно легли тонкія строки его твердаго почерка. Она спрятала письмо въ сумочку, порвала конвертъ и легла спать.

Она проснулась очень рано. Еще прохладно и по ночному тихо было въ саду. Птицы только начинали пѣть. За домомъ, — Валентина Петровна знала, гдѣ, — на лугу, подлѣ Лабуньки, гдѣ стояли конюшни, трубачъ игралъ утреннюю зорю.

Мамочка, измученная непривычными хлопотами съ отцомъ, крѣпко спала. Въ раскрытомъ окнѣ тихо шевелилась занавѣска и запахъ акаціи кружилъ голову. Валентина Петровна проворно и безъ шума одѣлась, взяла изъ сумочки письмо и вышла изъ дома.

Офицерскіе флигеля спали. Вездѣ были видны бѣлыя занавѣси спаленъ и отъ этого окна казались глазами слѣпыхъ. Сухой и жаркій обѣщалъ быть день, но сейчасъ въ тѣни деревьевъ и домовъ еще лежала душистая ночная прохлада.

Въ городѣ было пусто. День былъ не базарный. Лавки подъ аркадами были закрыты. Въ пять минутъ она прошла весь городъ насквозь и полевой дорогой, гдѣ еще тяжела была отъ росы пыль, направилась къ старому католическому кладбищу. Густой рощей стояли плакучія ивы, сирени, тополя и липы, и высокій дощатый заборъ окружалъ ихъ. Валентина Петровна по песчаной тропинкѣ обошла его и вышла въ поля. Она сѣла на камнѣ въ тѣни забора. Плакучая береза свѣшивала къ ея лицу маленькіе нѣжные листики. У ногъ цвѣли большіе желтые ирисы. Подлѣ нихъ хлопотливо жужжалъ шмель. Передъ Валентиной Петровной широко разстилались цвѣтущіе луга. Золотая куриная слѣпота, бѣлая ромашка, алые маки, розовато-лиловый мышиный горошекъ, бѣлыя шапки цвѣтущей зари пестрымъ, точно прекраснымъ восточнымъ ковромъ лежали до самаго дальняго лѣса. Влѣво, за оврагомъ были совсѣмъ зеленыя, молодыя, только что выбросившія листъ поля ржи и пшеницы, и верстахъ въ трехъ за ними темнѣлъ и розовѣлъ большой сосновый лѣсъ.

Все было полно утренней, настороженной тишины. Здѣсь не было слышно города съ шумами его гарнизона, и только сзади, со стрѣльбища, доносились рѣдкіе ружейные выстрѣлы.

Валентина Петровна хорошо знала это мѣсто. Сюда никто никогда не ходилъ. Въ дѣтствѣ, когда ей хотѣлось помечтать наединѣ, почитать одной какую нибудь книгу — она убѣгала сюда.

Въ изящномъ костюмѣ tailleur, изъ темно-сѣрой шерсти на шелковой подкладкѣ съ воротни-

чкомъ и рукавчиками ярко-пунцоваго бархата, съ жакеткой, раскрытой на шелковый пунцовый жилетъ, вышитый разноцвѣтными шелками старинной вышивкой, изящномъ твореніи Надежды Федоровны Шевяковой, въ маленькой сѣрой шляпѣ отъ Шарля, — съ лентами изъ нѣсколькихъ тоновъ пунцоваго цвѣта она казалась на фонѣ сѣраго кладбищенскаго забора стройнымъ красивымъ, городскимъ видѣніемъ. Длинный тонкій зонтикъ цвѣта алыхъ розъ съ чуть загнутой на концѣ ручкой лежалъ на ея колѣняхъ. Какъ ей не доставало здѣсь ея Ди-ди! Какъ прыгала бы она въ травѣ, охотясь за полевыми мышами и кротами, какъ носилась бы она здѣсь на этомъ широкомъ просторѣ!

Ничего и никого ей больше не надо. Ея музыка, ея милая довѣрчивая Ди-ди, котъ Топи, Таня... Марья... Родители... бѣдная мамочка — ей помогать... Хорошо, чтобы этимъ все и кончалось.

«Прочтемъ еще разъ и порвемъ» — подумала она, доставая изъ за борта длинной жакетки письмо Портоса.

Густыя, темныя брови нахмурились. Потомъ поднялись и опустились на мѣсто. Лобъ сталъ гладокъ и чистъ. Самодовольная усмѣшка образовала маленькую ямочку на полныхъ щекахъ и чуть пріоткрылся ротъ.

Маленькіе пальчики, — она сняла перчатки, — надорвали письмо, разорвали пополамъ... еще... еще... крошечные кусочки полетѣли къ ирисамъ. Валентина Петровна встала и отошла къ краю забора, гдѣ легкій поддувалъ вѣтерокъ. Тамъ полетѣли, кружась и колеблясь легкими бѣлыми бабочками, остальные клочки униженно-просительнаго письма Портоса.

Потомъ она пошла домой. Она шла твердымъ, спокойнымъ шагомъ. Изъ-подъ длинной, узкой юбки чуть показывался кончикъ лакированнаго башмачка. Она себя чувствовала крѣпкой, сильной, здоровой, гибкой и изящной. Шляпа легко лежала на завитыхъ волосахъ, зонтикъ на вытянутыхъ рукахъ она заложила за спину и элегантная, изящная, въ сознаніи, что костюмъ и она составили одно цѣлое, одну прекрасную картину,

она неторопливо и спокойно, съ поднятой головкой шла по городу.

Встрѣчные офицеры, спѣшившіе на занятія, оглядывались на нее. Старшіе узнавали ее и козыряли ей. Чуть улыбаясь, она кланялась имъ легкимъ граціознымъ, царственнымъ движеніемъ.

Нѣтъ, если она не королевна Захолустнаго Штаба, — она все-таки сама по себѣ королева, — если ей такъ пишетъ Портосъ.

Ему она, конечно, ничего не отвѣтитъ!

XVII

Подъ вечеръ, когда алое солнце спускалось къ закату и точно пожаромъ горѣли окна казармъ, Валентина Петровна сидѣла въ маленькой бесѣдкѣ ихъ собственнаго садика за старымъ, досчатымъ покосившимся столомъ. Папинъ кожаный бюваръ былъ разложенъ на немъ и стояла его походная, круглая, обтянутая забрызганной чернилами кожей чернильница. На большомъ листѣ своей бумаги, пролежавшемъ цѣлый день подъ ея душистымъ «сашэ», Валентина Петровна писала тонкими косыми буквами письмо Портосу.

Она писала то, что пишутъ въ такихъ случаяхъ честныя, «порядочныя» женщины, жены обманутыхъ мужей. Она писала, что она ни въ чемъ не обвиняетъ «Владиміра Николаевича», что она сама во всемъ виновата и казнитъ саму себя. Что имъ надо разстаться навсегда. Она не вѣритъ его любви. Она замужняя, несвободная женщина. Она глубоко цѣнитъ и уважаетъ своего мужа. Передъ «Владиміромъ Николаевичемъ» широкая, блестящая дорога, и она не должна ничѣмъ, даже воспоминаніемъ, мѣшать ему.

Ей казалось, что она писала холодно и сурово. Писала такъ, что Портосъ пойметъ, что все кончено и уйдетъ навсегда изъ ея жизни. На дѣлѣ — каждое слово ея письма, каждое выраженіе, несмотря на оффи-

ціальное «Владиміръ Николаевичъ» и леденящее «милостивый государь» въ началѣ, было полно почти неосознанной любви и бьющей черезъ края страсти, боящейся, что будетъ такъ, какъ она пишетъ.

...» Не пишите мнѣ больше... Не смѣйте мнѣ писать... Это нехорошо и нечестно съ вашей стороны писать мнѣ и смущать такимъ трудомъ добытый мною покой. Я еще не пришла къ окончательному рѣшенію. Думаю — молчать... Но видѣть васъ не могу и не хочу. Уйдите навсегда изъ моей жизни. Надѣюсь на вашу честность — вы уничтожите это письмо. Примите увѣренія, съ которыми остаюсь В. Тропарева».

Она заклеила письмо, и сама снесла опустить его въ ящикъ, висѣвшій у дверей штаба.

Теперь — кончено.

Она не знала, вѣрнѣе, не хотѣла признать, что между нею и Портосомъ уже протянулись какія-то незримыя нити и точно по этому новому, только что открытому людьми радіо, они познаютъ другъ друга и читаютъ одинъ у другого мысли.

Портосъ прочелъ ея письмо. Сначала онъ поднялъ черныя брови, но по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ и перечитывалъ эти строки, радостный огонь все ярче разгорался въ его большихъ, глубокихъ карихъ глазахъ.

Онъ написалъ ей большое, на восьми листахъ письмо и отправилъ на другой же день.

Валентина Петровна читала его все тамъ же, за кладбищемъ, въ короткой полуденной тѣни забора и плакучихъ березъ. Было жарко и знойно. Снятая жакетка лежала подлѣ ирисовъ. Отъ полей шелъ возбуждающій запахъ цвѣтовъ. Въ небѣ пѣли непрерывно жаворонки. Они точно купались въ солнечномъ океанѣ. Одни кончали свои милыя, короткія трели, другіе ихъ подхватывали, третьи отвѣчали имъ снизу изъ самой зеленой чащи травы, изъ гнѣздъ. И это пѣніе, то громкое, близкое, кажется, совсѣмъ подлѣ, то удаляющееся, несущееся съ неба заставляло часто биться сердце Валентины Петровны.

«Какъ смѣлъ онъ такъ писать!»

Она читала и перечитывала каждую строчку этого письма. Ея грудь высоко вздымалась. Слезы были на глазахъ. Румянецъ заливалъ все ея лицо. Щеки пылали. Знойная истома охватывала все тѣло и незримыми мурашами бѣжала по нему. Страшно подумать, что дѣлалось съ нею.

— Ужасъ! Такъ, вѣрно, пишутъ падшимъ женщинамъ.

Онъ желалъ ее!

Онъ не могъ жить безъ ея тѣла! Онъ осыпалъ въ письмѣ нѣжными трогательными именами всѣ уголки ея тѣла, онъ восхищался ея ногами, ея грудью, онъ мысленно цѣловалъ ея «божественныя » плечи, онъ вдыхалъ ароматъ ея волосъ, онъ засыпалъ въ мечтахъ о томъ, какъ онъ зароетъ свое горящее лицо въ ея лилейной груди, какъ весь отдастся ей и какъ они сольются въ одно прекрасное цѣлое, Богомъ созданное для взаимной любви! Онъ шелъ гораздо дальше того, что было на лѣсной прогулкѣ. Онъ жаждалъ провести съ нею цѣлую ночь, ловя своими устами ея сонное дыханіе и чувствуя пламень ея щеки на своей груди!

Онъ писалъ ей смѣло — «ты»!.

Какая наглость!!!

«Ты моя — и ничьею ты больше не будешь. Ты только отъ меня и черезъ меня познала, что такое любовь и никому я тебя не отдамъ»...

Она читала, читала и читала эти дерзкія слова, такія, какихъ ей никогда не смѣлъ сказать ея мужъ.

Она порветъ это письмо, какъ порвала и первое Но ей нужна буря, чтобы унесла она самые мелкіе лоскутки его, унесла далеко... на край свѣта.

И все перечитывала — точно запомнить хотѣла волнующую прелесть этого тонкаго мужского разврата.

Какъ онъ смѣлъ!.. Ей... ей!!

Она не отвѣтила на него. Но Портосу и не надо было ея отвѣта. Онъ написалъ ей новое. И она опять читала его съ пылающими щеками, вся трепещущая и точно ощущала тѣломъ то, о чемъ онъ ей писалъ.

Онъ писалъ ей о своихъ страданьяхъ отъ разлуки съ нею. Онъ благословлялъ эти страданія. «Они очища-

ютъ меня. Ты для меня святая и чистая. Ты дѣлаешь меня добрымъ и хорошимъ. Ты для меня небесная и земная. Я не разстаюсь съ твоей карточкой. По воскресеньямъ я пріѣзжаю рано утромъ изъ Краснаго Села и иду на Николаевскую, чтобы караулить у твоего дома, когда Таня поведетъ на прогулку Ди-ди. Какъ она мнѣ всегда обрадуется! И я жму ея тонкія лапки съ длинными пальчиками и вспоминаю, что нѣкогда и ты ихъ пожимала. Сколько счастья въ этой моей сердечной боли!»

Она рвала эти письма. Она носила ихъ по полямъ, раскидывала по вѣтру, точно сѣяла по землѣ эти любовныя ласки и ждала, какъ и во что онѣ вырастутъ. Конечно, она не отвѣчала на нихъ.

То, что они не возвращались къ Пóртосу не распечатанными, было для него самымъ благопріятнымъ отвѣтомъ. Онъ зналъ, что на нихъ нельзя отвѣтить. Единственный отвѣтъ на нихъ былъ тотъ, котораго онъ просилъ: пріѣхать къ нему и отдаться.

И онъ писалъ ихъ, а она ихъ читала и чѣмъ больше читала, тѣмъ болѣе чувствовала, не желая самой себѣ признаться въ этомъ, — «да вѣдь я люблю, люблю, люблю моего милаго, смѣлаго, сильнаго Портоса.... И мнѣ его такъ жаль!»..

XVIII

Какъ и по всей Россіи и здѣсь лѣто было жаркое и душное. Зеленое учебное поле было вытоптано и съ утра до вечера клубилось облаками пыли учащихся на ней частей. Осыпались каштаны, расцвѣлъ жасминъ, благоухала липа. По дворамъ, въ гарнизонномъ саду у забора и подлѣ бесѣдокъ гуще и выше выростала крапива и блѣдная зелень ея цвѣтовъ пушилась по верху. Лопухи и чертополохъ поднимали свои головы и пышно разросся и цвѣлъ чернобыльникъ. Лѣто было въ полной силѣ.

Когда-то «дивизіонной барышней» Алечка Лоссовская жила лѣтомъ по лагерному росписанію. До начала

іюня шелъ періодъ эскадронныхъ ученій. Въ садикѣ и на улицахъ мѣстечка было пусто. По утрамъ на плацу хрипло, на перебой звучали одинокія трубы, а послѣ обѣда и до самаго вечера такали выстрѣлы на стрѣльбищѣ. Загорѣлые первымъ весеннимъ загаромъ съ обгорѣлыми на концахъ волосами и усами офицеры съ ученій спѣшили въ собраніе на завтракъ, а послѣ завтрака до поздняго вечера исчезали на стрѣльбищѣ. Въ садикѣ взрослыхъ кадетъ еще не было — они отбывали свои лагери и тамъ возилась, шумѣла и кричала самая неинтересная мелюзга. Съ іюня начинался періодъ полковыхъ ученій. Стрѣльба оканчивалась и послѣ обѣда не каждый день бывали пѣшія ученья. Теперь въ садикѣ позвлялись бѣлые кителя офицеровъ и два раза въ недѣлю по четвергамъ и воскресеньямъ игралъ хоръ трубачей. Съѣзжались кадеты старшихъ классовъ и «дивизіонная барышня» была окружена своими мушкетерами.

Къ концу іюня начинался дивизіонный сборъ.. Вся дивизія сходилась къ Захолустному Штабу. Въ садикѣ появлялись офицеры остальныхъ полковъ и щеголяли широкимъ краснымъ лампасомъ казаки среди скромныхъ драгунъ. Начинались общія скачки, состязанія, маневры.

Алечка каждое утро видѣла изъ окна, какъ ея папочка выходилъ на крыльцо, широко крестился и садился на своего Еруслана. На папочкѣ горѣли золотомъ погоны, портупея и перевязь, и въ бѣлой фуражкѣ и бѣломъ китлѣ онъ ей казался молодымъ и крѣпкимъ. Папочка ѣхалъ учить дивизію.

Потомъ всѣ уходили на долгіе кавалерійскіе и подвижные сборы съ пѣхотой. Захолустный Штабъ пустѣлъ солдатами, но за то пріѣзжали юнкера и всѣ плацы, порушенныя препятствія, таинственные, точно развалины старинныхъ крѣпостей, стрѣльбищные валы, оставшіяся лошади — все отдавалось молодежи. Въ лѣсу были грибы, въ садахъ яблоки, груши и сливы — и темныя августовскія ночи, въ бесѣдкѣ у лампы располагали къ длиннымъ задушевнымъ разговорамъ. По темносинему небу странный узоръ чертили въ стремитель-

номъ и неслышномъ полетѣ летучія мыши и Алечка и ея подруги боялись, что онѣ вопьются въ ихъ бѣлыя блузки. Это было время страшныхъ разсказовъ про покойниковъ, упырей, вампировъ и вурдалаковъ. Петрикъ ночью одинъ ходилъ на кладбище показать свою храбрость и вернулся оттуда бѣлѣе своей кадетской рубашки. Портосъ разыгрывалъ хироманта и безбожно мялъ довѣрчиво отдаваемыя въ его распоряженіе дѣвичьи ладони.

Потомъ какъ-то вдругъ и почти всегда неожиданно въ холодное осеннее утро раздавалась игра трубачей. Трубы звучали, или это такъ казалось въ холодномъ осеннемъ воздухѣ, — печально. Старопебальгскіе драгуны возвращались съ маневровъ. Молодежь разъѣзжалась по училищамъ и корпусамъ. Дождливая осень стучала въ окна.

И теперь Валентина Петровна попробовала жить по этому штабному календарю.

Послѣ обѣда въ открытое окно доносился стукъ выстрѣловъ, и въ мѣрную рѣдкую стукотню винтовокъ вдругъ врывался еще ни разу неслыханный звукъ пулемета. Стукнетъ два раза, простучитъ пять разъ и смолкнетъ и опять стукнетъ три раза.

Папочка сидитъ у окна въ соломенномъ садовомъ креслѣ. Его вытянутыя ноги укутаны желтой мохнатой попоной Еруслана.

— Пу-е-метъ, — ворчитъ папочка. — Выду-аютъ тоже... кава-еріи пуе-метъ!..

Валентинѣ Петровнѣ тяжело слышать этотъ точно дѣтскій лепетъ отца.

Она выйдетъ изъ дома. Привычной тропинкой пройдетъ черезъ полковые огороды, гдѣ нудно пахнетъ капустой, къ полевой дорогѣ, идущей къ Лабунькѣ. Издали видно военное поле.

Какое странное зрѣлище! Въ голубоватомъ маревѣ дали, въ розовато-сѣрыхъ облакахъ пыли точно однѣ, безъ всадниковъ, бѣгаютъ лошади. Вытянулись въ развернутый строй, выдвинули взводную колонну, опять построили фронтъ, разсыпались. Въ невидимыхъ рукахъ сверкаетъ труба и несетъ разсыпчатую трель сигнала.

Валентина Петровна даже остановилась въ удивленіи. Да — это «защитный» цвѣтъ. Въ этихъ желто-зеленыхъ рубахахъ и фуражкахъ совсѣмъ не видно людей. И только гнѣдыя лошади носятся по полю.

Полковникъ Гриценко учитъ «ихъ» Старопебальгскій полкъ.

На берегу, у обрыва, надъ Лабунькой, сидятъ и лежатъ хорные трубачи. Старикъ геликонистъ, сверхсрочный, Андрущенко узнаетъ Валентину Петровну. Онъ поднимается отъ своего геликона, замотаннаго синей суконной лентой, и кланяется ей.

— Здравія желаю, ваше превосходительство... Надолго изволили пожаловать?

— Здравствуйте, Андрущенко, — говоритъ Валентина Петровна и останавливается, играя раскрытымъ алымъ зонтикомъ.

— Удивленію подобно, — говоритъ трубачъ. — Людей совсѣмъ не видать. Какова штука!... Надо бы уже тогда и лошадей, что-ли, покрасить, али попонами сѣрыми укрыть. Подлинно защитный цвѣтъ... А отъ чего защищать! Японьская придумка... Все одно не уйдешь отъ смерти.

Валентина Петровна смотритъ въ сѣрое, землистое лицо трубача, испещренное морщинами, на его сѣдые подстриженные усы и вспоминаетъ отца.

— Такъ надо, Андрущенко, — кротко говоритъ она.

— Имъ, — трубачъ презрительно скашиваетъ глаза на лежащихъ на травѣ подлѣ лошадей молодыхъ басистовъ и валторнистовъ, — имъ точно надо.... Страхъ имѣютъ. Въ атакѣ защитный не защититъ... Это пѣхотѣ куда ни шло.

И лошади у трубачей не сѣрыя, а гнѣдыя, и страннымъ это кажется дивизіонной барышнѣ.

— А гдѣ, Андрущенко, вашъ Гайдамакъ? Помните, мнѣ давали на немъ ѣздить.

— Гусарамъ сдали. Теперь всѣ подъ одну масть. Что эскадроны, что трубачи... Тоже... защитные.

Онъ не одобрялъ этого.

Валентина Петровна идетъ ближе къ полю, туда, гдѣ стоитъ между двухъ ветелъ скамеечка. Какъ часто

сидѣла она тамъ, глядя, какъ ея папочка училъ свой полкъ. Тамъ, какъ воробьи на заборѣ, усѣлись дѣтишки — дѣвочки, гимназисты, кадеты. Тамъ уже вѣрно сидитъ новая «королевна», окруженная своими мушкетерами.

Отсюда видны люди въ сѣрозеленыхъ рубашкахъ и коричневые ремни офицерской аммуниціи, смѣнившей золото перевязей.

На краю плаца стоитъ большая сѣрая машина «Русско-Балтійскій»... Въ ней генералъ Замбржицкій и Михаилъ Александровичъ. Папочка всегда выѣзжалъ на конныя ученья верхомъ. Онъ считалъ неприличнымъ быть въ автомобилѣ, или въ экипажѣ, когда часть на коняхъ.

Да... другія времена.

Та жизнь, которую знала Алечка Лоссовская, ушла безвозвратно. Идетъ другая жизнь, и въ ней нѣтъ мѣста Валентинѣ Петровнѣ Тропаревой, какъ нѣтъ мѣста и ея отцу.

Что жъ? Можетъ быть, такъ надо?... Надо и ей — другое росписаніе...

Защитный цвѣтъ!

XIX

Да, дѣйствительно, Валентинѣ Петровнѣ былъ нуженъ «защитный цвѣтъ». Точно раздвоилась ея жизнь и стало двѣ души у нея, а потому и два тѣла, два образа ей было нужно, чтобы хранить свою тайну.

Дома все было такъ безотрадно грустно. Папочка не поправлялся. Онъ все болѣе терялъ память и забывалъ слова. Безъ посторонней помощи онъ не могъ обходиться. А между тѣмъ новый начальникъ дивизіи, генералъ Замбржицкій, косился на то, что незаконно прислуживаетъ отставному денщикъ. Да и совѣстно было стѣснятъ его на его квартирѣ. Папочка, какъ ребенокъ, никуда не хотѣлъ уѣзжать изъ Захолустнаго Штаба, гдѣ

прошли его лучшіе годы. Съ трудомъ уговорили его переѣхать въ Вильну и тамъ черезъ знакомыхъ подыскали квартиру. Въ домѣ шла неторопливая укладка. Даже Еруслана удалось продать. Купилъ еврей, поставщикъ овса, — купилъ изъ жалости къ «пану генералу, который никогда не бралъ взятокъ и аккуратно платилъ». Все это было унизительно, тяжело и безконечно печально.

Въ серединѣ іюля рѣшено было перебираться на новое мѣсто, не жить уже, а доживать свой вѣкъ, пока Господу Богу угодно будетъ послать желанную смерть.

Яковъ Кронидовичъ писалъ, что и онъ къ серединѣ іюля вернется въ Петербургъ. Онъ не звалъ Валентину Петровну. Чуткій и деликатный онъ предоставлялъ ей рѣшить — ѣхать-ли ей къ нему, или ѣхать помогать родителямъ устраиваться на новомъ мѣстѣ. Онъ и самъ готовъ былъ пріѣхать въ Вильну и, чѣмъ могъ, помочь старикамъ.

И, конечно, самое лучшее было бы такъ и сдѣлать — и уѣхать въ Вильно, гдѣ оставаться до августа, когда Портосъ уѣдетъ на парфорсныя охоты школы, а потомъ получитъ какое-либо мѣсто вдали отъ Петербурга, и сладкая рана, имъ нанесенная, заживетъ. Все будетъ забыто.... Навсегда... Тайну своего позора она унесетъ съ собою въ могилу.

Но какъ видно, маленькіе лоскутки бумаги, исписанные словами любви, разбросанные по полямъ и лугамъ, унесенные вѣтромъ за тридевять земель, выростали въ ея сердцѣ и множили слова любви, какъ множится сѣмя въ колосѣ пшеницы. Она была печальна и грустна въ домѣ; покорнымъ тихимъ голосомъ разговаривала съ матерью, она ходила за отцомъ, и огонь ея глазъ былъ притушенъ длинными рѣсницами всегда полуопущенныхъ вѣкъ.... А въ душѣ ея непрерывно пѣло что-то восторженный невнятный гимнъ, полный страсти. Какъ часто, когда Замбржицкій уѣзжалъ на ученье, она входила въ залу, тихо опускалась на табуретъ, перебирала остатки старыхъ дѣвичьихъ нотъ и начинала играть. Медленно и нѣжно лилась мелодія, точно пѣла, разсказывая что-то мирное и покойное. Вотъ станови-

лась громче, слышнѣе, уже нажаты педали и быстро бѣгала лѣвая рука по басовымъ клавишамъ. Въ грозную бурю обращалась тихая пѣсня и вдругъ стихала, замирая.

— Что это ты играешь, Алечка? — спроситъ изъ сосѣдней комнаты мамочка.

— Largo, Генделя.

Рѣзкимъ движеніемъ Валентина Петровна отодвигаетъ табуретъ, поспѣшно проходитъ въ прихожую, беретъ зонтикъ, надѣваетъ шляпу — она не можетъ ходить здѣсь безъ нея — и идетъ, куда глаза глядятъ. Защитный цвѣтъ сброшенъ. Приспущенныя вѣки подняты, и сіяютъ, сіяютъ, сіяютъ громадные глаза цвѣта морской воды. Въ нихъ счастье, любовь и страсть.

Какъ похорошѣла она за эти дни! Въ ногахъ легкость. Точно и у ней, какъ у ея Ди-ди, на ногахъ какъ бы гутаперчевыя подушечки, кажется, — прыгнуть, распростереть руки — и полетитъ въ голубую высь, къ солнцу, въ небо, къ далекимъ, невиднымъ днемъ звѣздамъ, къ пѣснямъ жаворонковъ.

Въ карманѣ жакетки послѣднее, утромъ полученное письмо Портоса.

Какія слова у него? Кто подсказалъ ему эти тысячи нѣжныхъ словъ, какія можетъ отыскать только любовь. И каждое коснулось какихъ-то незримыхъ струнъ ея души — и стонъ этихъ струнъ поетъ и поетъ въ ней великую пѣсню любви.

Какіе стихи отыскиваетъ онъ ей отовсюду — и въ каждомъ письмѣ новые. Пушкинъ, — кажется всего она перечитала, а этихъ не знала, Лермонтовъ, Майковъ, Полонскій, Апухтинъ — всѣ, точно послушные слуги, явились Портосу помогать ему въ его любви.

Она идетъ по широкой аллеѣ гарнизоннаго сада и снова, какъ въ дѣтствѣ, громадными ей кажутся каштаны, уже покрытые молодыми зелеными шишками. На теннисѣ звонкіе голоса молодежи. Подоїти?... Поиграть?.. Тряхнуть стариной.

Она подходитъ къ сѣткѣ. Она смотритъ, какъ госпожа Кларсонъ, — она теперь удостаиваетъ узнавать

ее, играетъ съ двумя кадетами и гимназистомъ. Маленькій сынъ Бакенбардова имъ подаетъ мячи.

О! Какъ они плохо играютъ! Какъ неуклюжи движенія госпожи Кларсонъ!

Валентина Петровна смотритъ, тихо улыбаясь, а губы ея, не шевелясь, чуть шепчутъ стихи, что звучали сейчасъ въ ея сердцѣ.

....«Она была твоя», шепталъ мнѣ вечеръ мая,
Дразнила долго пѣсня соловья.
Теперь онъ замолчалъ, и эта ночь нѣмая
Мнѣ шепчетъ вновь: «она была твоя»!

Въ мысляхъ далекое прошлое.

Да, такое-ли уже и далекое? Тихій сосновый лѣсъ. Стѣна елокъ — точно какой-то храмъ... Издали несущаяся музыка. И смирно стоящія привязанныя къ деревьямъ лошади....

«Какъ листья тополей въ сіяньи серебристомъ
Мерцаетъ прошлое, погибшее давно;
О немъ мнѣ говорятъ и звѣзды въ небѣ чистомъ,
И запахъ резеды, ворвавшійся въ окно».

Отъ клумбы цвѣтовъ, окружающей теннисную бесѣдку, жарко пахнетъ цвѣтущими резедой, левкоями, душистымъ горошкомъ и геліотропомъ. Тамъ цѣлое собраніе большихъ шмелей.

...«И некуда бѣжать, и мучитъ ночь нѣмая,
Рисуя милыя, знакомыя черты».

Они ѣхали тогда, п о с л ѣ т о г о, шагомъ... Онъ бралъ ея руку и тихо подносилъ къ своимъ губамъ.... Она молчала.

— Плэ!... рэди!... — рѣзко кричатъ на гроундѣ.

Кадетъ, подавая мячъ, прыгаетъ и чуть не падаетъ. Кларсонъ промахивается и дѣлаетъ некрасивый скачекъ.

— Не люблю, когда смотрятъ, — кидаетъ она въ сторону.

Валентина Петровна тихо отходитъ отъ сѣтки.

Въ ней нѣтъ обиды. Она точно не слыхала этихъ словъ.

«Это безуміе!» — думаетъ она. — «Какъ низко я пала. Какая я стала гадкая!... Это надо кончить»...

Изъ глубины сердца, изъ какихъ-то далекихъ, далекихъ далей, чей-то страстный голосъ шепчетъ ей:

...«Откликнись, отзовись, скажи мнѣ: гдѣ же ты?
Вотъ видишь: безъ тебя мнѣ жить невыносимо
Я изнемогъ, я выбился изъ силъ»..*).

XX

Надо было рѣшать. Родители Валентины Петровны ѣхали въ Вильно 20-го іюля. Въ этотъ же день Яковъ Кронидовичъ возвращался въ Петербургъ. Долгъ жены былъ его встрѣтить и все приготовить ему. Долгъ дочери — перевезти родителей и помочь старикамъ. Валентина Петровна не знала, на что рѣшиться. Маменька уговаривала ее ѣхать къ мужу. Она уже приспособилась и отлично справится съ Дарьей. Начальникъ Штаба Михаилъ Александровичъ былъ такъ добръ, что давалъ имъ своего денщика проводить ихъ до Вильны и устроить тамъ.

— Ты намъ совсѣмъ не будешь нужна, — говорила мамочка. — Поѣзжай домой, тебѣ надо отдохнуть. Видишь, какъ ты поблѣднѣла за эти дни.

Рѣшить она не могла. Она боялась Петербурга. Боялась встрѣчи съ Портосомъ. Всѣ эти ночи она не спала. Было душно. Раздражалъ храпъ матери. Мѣшали комары. Тѣло горѣло въ палящемъ огнѣ.... И чуть забывалась — ощущала нѣжную мягкость душистыхъ усовъ и точно чувствовала жадные поцѣлуи Портоса. Если она теперь, въ этомъ состояніи, попадетъ въ Пе-

*) Апухтинъ. «Годъ въ монастырѣ».

тербургъ, — она пропала. Всѣ ея твердыя, разумныя, холодныя рѣшенія развѣятся, какъ дымъ. Она безвозвратно погибнетъ... Она станетъ падшей.

Да, развѣ она уже не падшая?

Большіе глаза напряженно смотрѣли въ темноту, гдѣ начинало бѣлѣть за шторой окно. Ночь проходила, и не знала Валентина Петровна, что это было съ ней: страшныя муки раскаянія, страхъ новаго грѣха, или это было величайшее наслажденіе любви, сладость грѣха.

Люблю... любитъ... въ этомъ грѣхъ!?

Молиться? О чемъ?... О томъ, чтобы оставилъ, забылъ ее Портосъ?

Нѣтъ... Никогда....

Пусть.... любитъ... какъ прежде...

Утромъ письма.

Отъ него и другое, тоже изъ Петербурга съ круглымъ, дѣтскимъ почеркомъ на конвертѣ.

Валентина Петровна ушла на свое любимое мѣсто, за кладбище. Трава была скошена. Сѣно лежало въ копнахъ. Она сѣла въ копну и вскрыла письмо Портоса.

Онъ совсѣмъ сошелъ съ ума.

«Милая, дорогая, несравненная, солнышко, ласточка», — писалъ онъ. — «Яковъ Кронидовичъ возвращается 20-го іюля. Ты пріѣдешь раньше его. Я не знаю, что со мной. У меня такія муки, какихъ я не могу пережить. Ревность? Хуже... Я хочу тебя!... Ты телеграфируешь Танѣ о днѣ пріѣзда, а сама выѣдешь днемъ, двумя раньше... Я встрѣчу тебя въ Лугѣ и ты подаришь мнѣ ,одному мнѣ, — одну, двѣ ночки... Я зацѣлую тебя... Я заласкаю тебя»...

Валентина Петровна опустила руки съ письмомъ. Было ужасно все то, что онъ писалъ.

Никуда она не поѣдетъ. Кончено!.. Въ Вильно — съ папенькой и маменькой....

Рѣзкимъ движеніемъ она вскрыла второе письмо. Писалъ Петрикъ.

И этотъ тоже!

...«Госпожа наша начальница, божественная!», — писалъ Петрикъ и строки лиловыхъ чернилъ падали

внизъ и поднимались снова. — «26-го іюля въ Красномъ Селѣ назначены скачки въ Высочайшемъ присутствіи на Императорскій призъ. Вашъ вѣрный Атосъ будетъ бороться на нихъ за славу Маріенбургскаго полка. Если вы хотите принести ему счастье — вы будете на этихъ скачкахъ. Какъ писатель я не изъ важныхъ, и передать своими словами чувства вашего вѣрнаго мушкетера не смогу, разрѣшите мнѣ изъяснить ихъ стишками, списанными мною изъ одной старинной книжки:

«Вашъ взоръ прекраснѣе парада,
Великолѣпнѣй, чѣмъ разводъ,
Улыбка ваша — вотъ награда
За то, что мой исправенъ взводъ.

Какъ мѣрный маршъ церемоніальный,
Вашъ голосъ звученъ, полнъ октавъ.
Вашъ умъ высоко геніальный,
И строгъ и точенъ, какъ уставъ!

Нѣтъ! Никогда сигналъ горниста
Солдатовъ цѣпь не разсыпалъ,
Игрой отчетливой и чистой,
Какъ голосокъ вашъ серебристой,
Пропѣвшій мнѣ любви сигналъ.

Предъ исполнительнымъ сигналомъ,
Я оробѣлъ, смутился умъ,
Какъ казначей предъ генераломъ,
Въ ужасный часъ повѣрки суммъ.

«Господи! какая ерунда!, — подумала Валентина Петровна, — «но вѣдь въ этой ерундѣ весь ея милый Петрикъ!»

...«Я собственно хотѣлъ вамъ что нибудь кавалерійское, но подвернулось пѣхотное и ударило меня по сердцу. И я рѣшилъ этими стишками сказать, какъ вы не достаете, божественная, госпожа наша начальница»...

Она бросила письмо Петрика.

«Милый Петрикъ... все это глупости! Любите вашу Одалиску, а замужнихъ женщинъ оставьте въ покоѣ. У васъ есть еще и нигилисточка. Но ей такіе «сти-

шки» — я вамъ не совѣтую преподносить. Сильно потеряете въ ея мнѣніи»...

«Что же мнѣ однако дѣлать?»

Она легла лицомъ въ сѣно. Зарылась въ него. Бездумна стала голова. Сухіе стебельки щекотали ея щеки и уши и все казалось, что кто то ползаетъ по ея лицу. Такъ — ни о чемъ не думать, ни къ чему не стремиться... Плыть по теченію. Судьба... Пусть судьба.

Она встряхнулась... Повернулась лицомъ въ поле. Поправила волосы. Надѣла шляпку. Лицо было красное, щеки горѣли.

«Плыви мой челнъ, по волѣ волнъ».

Сзади изъ за кладбища стали доноситься пѣсни и музыка. Старо-Пебальгскій полкъ возвращался съ полкового смотра.

Когда то для нея — это было событіе!

Теперь ей все равно.

Она невольно стала прислушиваться. Затаила дыханіе, открыла ротъ. Дыханіе стало частымъ, она схватилась за грудь.

Боже мой! Какъ бьется ея сердце!

Трубачи играли вальсъ...

..**Тотъ вальсъ... «березку»!..**

«Я бабочку видѣлъ съ разбитымъ крыломъ»...

Корнетъ дѣлалъ паузу... Сзади врывались дикіе голоса бойкой солдатской пѣсни.

И опять пѣлъ корнетъ и мягко вторилъ ему баритонъ:

— «Бѣдняжка подъ солнечнымъ грѣлась лучомъ»..

Нѣтъ! Не могу, не могу больше!

Она упала, сотрясаясь въ рыданіяхъ и билась головой въ копнѣ сѣна. Шляпка сползла съ головы. Она вся растрепалась. Слезы лились ручьемъ по щекамъ; липли на щеки былинки и сухіе цвѣты.

«Окаянная я !... окаянная.. подлая... низкая... раз-

вратная!..» шептала она, тяжело дыша, и не могла достаточно поймать воздуха широко раскрытымъ ртомъ...

Послѣ обѣда она, въ своемъ элегантномъ tailleur'ѣ, съ «защитнымъ» цвѣтомъ на лицѣ и во всей фигурѣ поѣхала въ экипажѣ, который ей одолжилъ Гриценко въ сосѣднее мѣстечко на телеграфъ. Тамъ ее не знали. Оттуда она послала телеграмму Портосу: — «выѣзжаю 18-го скорымъ»...

Вернувшись прошла на телеграфъ Захолустнаго Штаба и отправила двѣ телеграммы: — Якову Кронидовичу и Танѣ.

На первой стояло: — «выѣзжаю Петербургъ 19-го цѣлую». — На второй: — «пріѣду 20-го восемь утра».

И успокоенная, рѣшившаяся на что то, вернулась домой. Она помогала матери въ укладкѣ. Подъ притушенными рѣсницами глазами, — защитный цвѣтъ! — иногда вспыхивалъ мрачный огонь... и тогда дрожали ея руки и срывался ея голосъ.

XXI

Наканунѣ Петрова дня, 28-го іюня, Портосъ, наконецъ, собрался поѣхать на дачу къ Агнесѣ Васильевнѣ. Она жила въ Мурино. Странное и дикое мѣсто выбрала она для жизни лѣтомъ. Вдали отъ путей сообщенія и какое то глухое. Точно какая то конспирація. Портосъ все отказывался туда ѣхать, ссылаясь на недосугъ, на занятія. Тащиться изъ Краснаго Села — этакую даль! На своемъ Мерседесѣ считалъ ѣхать неудобнымъ, всю деревню переполошишь этакою машинищей, да и дорога плохая, поломаться можно. Нигилисточка на этомъ не настаивала. Писала: — «просто, возьмите извозчика отъ Лѣсного, рубля три возьметъ туда и назадъ, ѣхать менѣе часа». Ѣхать было нужно и Портосъ ѣхалъ недовольный и надутый. Онъ былъ полонъ страстной и нѣжной любви къ Валентинѣ Петровнѣ, и нигилисточка, какъ женщина, ему была не нужна. Какъ

партійный товарищъ?.. боялся, что она на этомъ не остановится.

Онъ ѣхалъ въ полдень по жаркому Муринскому тракту, еще Петромъ Великимъ проложенному. Большія глыбы розоваго гранита и сѣраго гнейса глубоко вобравшіяся въ землю изображали мостовую, но по нимъ не ѣздили. Пролетка —не лихача, а того, что называется — «хорошаго извощика» на резиновыхъ шинахъ, просторная, чистая, съ сидѣньемъ, обшитымъ темносинимъ сукномъ, мягко покачивалась, поскрипывая на пыльной, хорошо наѣзженной обочинѣ. За пересохшей канавой, густо поросшей блѣдно-голубыми незабудками, разстилались картофельные огороды и полосы скошенныхъ полей. Сѣно стояло въ копнахъ, и сладкій духъ его сливался съ запахомъ лошади, дегтя и махорки, которую курилъ за городомъ извозчикъ. Тянулись сѣрые, бревенчатые дома съ мезонинами избушкой деревни Ручьи. Многія избы были заняты подъ дачи. Висѣло полотно на крылечкѣ, въ палисадникѣ цвѣли флоксы и львиные зѣвы и торчалъ столбъ со стекляннымъ шаромъ.

Сквозь одолѣвавшую Портоса дремоту, онъ, позѣвывая, смотрѣлъ на убогія дачки, на крошечные садики между березокъ, сиреней и кротекуса, съ дорожками, посыпанными желтымъ рѣчнымъ пескомъ, на сѣрыя щелявыя бревна съ забойками, такъ называемаго «барочнаго» лѣса, на жестяныя доски съ изображеніями топора или багра, на слаженные изъ тонкихъ дранокъ заборчики съ жиденькими калитками, на мостики черезъ канаву со скамейками вмѣсто перилъ и думалъ: — «Какой убогій уютъ, какая бѣдность! Тамъ внутри то — крошечныя комнатки съ отставшими дешевыми обоями, съ клопами, неопрятныя постели, розовая скатерть на столѣ и давно нечищенный, помятый самоваръ... Какое мѣщанство!.. Въ сущности соціализмъ и гонитъ это мѣщанство, производитъ его въ идеалъ. Сѣренькую жизнь даетъ какъ штампованный образецъ счастья. Стандартизація счастья — всѣмъ по одному образцу. Вмѣсто помѣщичьей усадьбы — дачка въ три комнаты, набитая жильцами, гдѣ зимою живутъ хозя-

ева, а на лѣто за сорокъ рублей сдаютъ дачникамъ. Тургеневскую дѣвушку смѣняетъ дачница въ мордовскомъ костюмѣ и съ прыщами на лбу... Вотъ къ такой онъ и ѣдетъ... Впрочемъ въ Агнесѣ, — онъ называлъ ее наединѣ Несси, — въ Несси есть какой то особый изгибъ. Она стоитъ какъ бы на грани между барышней помѣщичьей усадьбы и соціалистической стандартизированной дѣвицей — для всѣхъ. Этотъ изгибъ въ ней вездѣ: въ ея тонкомъ тѣлѣ, гдѣ и тѣла то нѣтъ, въ ея лампадахъ - глазахъ, въ ея темпераментѣ. Она изъ тѣхъ, кто своими руками задушитъ, или застрѣлитъ... какъ эта Ольга Палемъ, что застрѣлила студента на Пушкинской въ меблированныхъ комнатахъ... И романы съ такими всегда гдѣ нибудь въ меблирашкахъ, или въ такихъ квартирахъ, гдѣ живутъ господа Свидригайловы... Или въ Муринѣ.

Портосъ поежился плечами, поправляя пальто.

«А что то есть!.. Что то тянетъ... И въ партію, гдѣ такіе идіоты и невѣжды, какъ Фигуровъ, Глоренцъ или эта тупая бабища Тигрина — тянетъ. Имъ, этимъ недотепамъ — пролетаріату — принадлежитъ будущее и надо умѣть ими править...»

Въ Муринѣ Портосъ не безъ труда отыскалъ дачу, гдѣ жила Агнеса Васильевна. Стояла дачка на отшибѣ, въ третьей линіи и была окружена широко разросшимися кустами сирени, жимолости, кротекуса, калины и жасмина. За ними совсѣмъ не было видно маленькаго бѣлаго домика съ просторнымъ крыльцомъ, наглухо задрапированнымъ холстомъ съ красными бортами.

На стукъ отворяемой калитки навстрѣчу Портосу выбѣжала нигилисточка.

Умѣла таки она одѣваться! Она появилась на крыльцѣ, граціознымъ, но и безстыднымъ движеніемъ подняла спереди подолъ платья, выше колѣнъ, показывая расшитое кружевными воланами бѣлье и стройныя ножки въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и, прыгая черезъ двѣ ступеньки, сбѣжала къ Портосу.

— Отпусти извозчика, — безцеремонно обнимая офицера, сказала она. — Ты у меня ночуешь.

— Не могу, Несси. Никакъ не могу. Дѣла. Я извоз-

чика отправилъ въ трактиръ, пусть накормитъ лошадь, а черезъ три часа я долженъ ѣхать обратно.

— Злой!.. Выдумываешь... Я все знаю... А я то наварила, напекла, на Ивана, на Петра...

— Не могу, Несси!.. Я къ тебѣ, собственно, по дѣлу.

— Ну, тамъ посмотримъ... Идемъ завтракать...

XXП

Послѣ завтрака перешли въ маленькую комнату, гдѣ висѣли по окнамъ густыя тюлевыя занавѣски, лежали ковры и стояли знакомая оттоманка и кресла. Портосъ предусмотрительно сѣлъ въ кресло. Нигилисточка подошла къ нему и гибкимъ, ловкимъ движеніемъ опустилась къ нему на колѣни. Обыкновенно онъ обнималъ ея тонкій станъ, прижималъ къ себѣ, дѣловой разговоръ кончался и начинались поцѣлуи.

Теперь Портосъ, — не препятствуя ей сидѣть у него на колѣняхъ, — она была такъ легка — равнодушно досталъ портсигаръ, протянулъ его Агнесѣ Васильевнѣ, зажегъ спичку и далъ ей закурить. Она затянулась, откинула голову на тонкой, совсѣмъ дѣвичьей шеѣ, и выпустила дымъ узкой струйкой кверху, сложивъ губы сердечкомъ.

Онъ курилъ, и его темнокаріе глаза были холодны и спокойны.

— Что это значитъ?, — быстро спросила она. — Не хочешь?.. — Засмѣялась короткимъ, лукавымъ смѣшкомъ и отставивъ руку съ папиросой, неожиданно прижалась своимъ лбомъ къ нему и потерлась лбомъ объ его лобъ.

— Что же? — повторила она, затягиваясь. — Усталъ?.. Не можешь?.. Хочешь, выпьемъ коньяку?

— Оставь меня, Несси, — сказалъ Портосъ. — Поговоримъ о дѣлахъ.

Она сползла съ его колѣнъ, перекатилась, коснувшись руками пола, на оттоманку и, разлегшись на ней, сказала:

— Если нужно... Какія дѣла?.. Десять я любила, девять позабыла... Ахъ... одного я забыть не могу. Вотъ и всѣ мои дѣла.

— Забудь...

— Что?.. — Ея глаза расширились и она привстала на оттоманкѣ.

— Мнѣ не до любви, Несси.

— Въ самомъ дѣлѣ? — Она злобно засмѣялась.

— Давай, поговоримъ серьезно. Ты мой другъ... да? — Онъ протянулъ ей большую широкую бѣлую руку и она нехотя подала ему тонкіе розовые пальчики.

— Ну? — сказала она спокойно. — О чемъ говорить?

— О партіи.

— Ты же знаешь, — пожимая плечами сказала она. — Программа тебѣ извѣстна. Представителей ея я тебѣ показывала.

— Ахъ, эти... Твои... божьи люди..., морщась, какъ отъ дурного запаха, сказалъ Портосъ.

Она замѣтила его гримасу и сказала, сосредотачиваясь.

— Портосъ!, — скажи мнѣ откровенно... по правдѣ... ты зачѣмъ пошелъ въ партію?..

Портосъ курилъ, глядя черезъ закрытое окно съ прозрачными занавѣсками на поля, разстилавшіяся за палисадникомъ.

— Видишь-ли. Иногда трудно отвѣтить на вопросъ «зачѣмъ», но можно отвѣтить на вопросъ — «почему?...»

— Не все ли одно, — лѣниво процѣдила она между двумя затяжками папироской.

— Почему я пошелъ?.. Потому, что я вижу, что, при данномъ режимѣ Россія не можетъ прогрессировать.. Все — случай.... Мой начальникъ дивизіи, живя въ Бѣльцахъ, имѣлъ любовницу въ Варшавѣ. Однажды онъ пріѣхалъ невзначай и увидѣлъ, что отъ нея вышелъ молодой офицеръ. Онъ пробылъ у ней недолгое время, и послѣ того, какъ онъ уѣхалъ — ее нашли съ прострѣленнымъ вискомъ. Подлѣ валялся револьверъ... Мой начальникъ дивизіи поѣхалъ къ старшему начальнику

и просилъ замять дѣло. Никто не поинтересовался, откуда у нея взялся револьверъ? Чей это былъ револьверъ? Было это убійство, или самоубійство. Ее похоронили, какъ самоубійцу, а мой генералъ получилъ повышеніе. Я былъ тогда молодымъ офицеромъ.

— И это былъ ты, кто выходилъ отъ нея?

— Допустимъ, что и я... Не все ли равно? И вотъ тогда я задумался и сталъ наблюдать... Россія идетъ къ развалу. Вездѣ произволъ. Я сошелся съ нѣкоторыми людьми изъ партіи, сосѣдней съ вами, сталъ посѣщать Думу... познакомился съ тобой и попалъ въ партію. Я въ ней ищу того, чтобы такіе убійцы - генералы были наказаны. Я ищу равенства всѣхъ, я ищу справедливости... Далѣе... Я не скромникъ... Я знаю свои силы и свои таланты и я знаю, что при существующемъ режимѣ меня засушатъ и я не получу примѣненія моимъ силамъ.

— Бонапартомъ хочешь быть, — съ насмѣшкой сказала Агнеса Васильевна.

Онъ не отвѣтилъ.

— Видишь-ли, — сказала она, мечтательно глядя куда то вдаль глазами - лампадами — ученіе Маркса тебѣ извѣстно?.. И онъ пытливо ищетъ справедливости. Не одинъ онъ... Много людей. Энгельсъ... Каутскій... Герценъ... Крапоткинъ... если хочешь... я... Награда и возмездіе въ будущей жизни?.. Да не хочу я этого — этой будущей жизни, просто таки нѣтъ... Я это знаю... Мнѣ это сказала наука. Ткань сложилась и ткань разрушилась... Такъ вотъ пожалуйте — награду и возмездіе здѣсь... сейчасъ... завтра... сегодня... Такъ просто. Ты былъ богатъ... ты хорошо кутилъ, имѣлъ рысаковъ.. машины. Тебя любили женщины, а я ночевалъ въ Вяземской лаврѣ... Меня ѣли клопы и вши и я съ завистью смотрѣлъ на черствую корку... А о любви я и думать не смѣлъ.... Въ будущей жизни?.. Да я въ нее не вѣрю... Мнѣ подавай въ этой... Отсюда простой лозунгъ — «грабь награбленное!». Это твое. И у тебя есть твое мѣсто подъ солнцемъ. Сумѣй его завоевать...

— Мечты о хрустальныхъ городахъ съ термитниками... Мечты о кооперативной лавочкѣ, чтобы не да-

вать наживаться купцу, а брать прибавочную стоимость себѣ, — медленно, цѣдя слова, сказалъ Портосъ.

— Земли крестьянамъ... фабрики рабочимъ... Жизнь безъ посредника — тунеядца и кровопійцы... Для этого надо, чтобы власть попала въ руки именно тѣхъ, кто это понимаетъ, кто привыкъ не цѣнить и не гнаться за жизненными благами, кто понимаетъ бѣдняка, то-есть, въ руки пролетаріата. Когда править станутъ бѣдные и не знатные, — они найдутъ средства обуздать богатыхъ и распредѣлить имущество по справедливости. И тебѣ тамъ нѣтъ мѣста. Ты — богатый и знатный... Багреневъ... Багрянородный... Ты хочешь сѣсть на горбъ моихъ божьихъ людей и на ихъ спинахъ проѣхать въ Наполеоны. Это тоже, что и было... Старый режимъ... Ну, допустимъ ты умный и справедливый, а послѣ тебя?.. Опять твой генералъ убійца... или профессоръ Тропаревъ?

— При чемъ тутъ Тропаревъ? — поморщился Портосъ.

Какіе-то злобные огни вспыхнули въ глазахъ лампадахъ и погасли.

— Наша мысль, чтобы подлинный пролетаріатъ всего міра взялъ въ свои руки власть.

— То-есть Глоренцы, Брехановы, Фигуровы и госпожа Тигрина во главѣ государства? Махровый букетъ глупости и пошлости!

— Хотя бы и они. Не всѣмъ быть умными и чистоплюями.

— Но это же сумасшествіе.

— Не больше того, что теперь дѣлается.

— Принимая меня... Вы знали, чего я хочу?

— Конечно... Я тебя насквозь видѣла.

— Для чего же я вамъ понадобился?

— Какъ для чего?.. Для разложенія арміи. Чтобы въ нужную минуту ты увлекъ ее за собою...

— И дальше?

— Мавръ сдѣлалъ свое дѣло.

— Ахъ, вотъ какъ!.. Таскать каштаны изъ огня для... Глоренца или Кетаева.

— Что же Кетаевъ?.. Былъ же онъ диктаторомъ на Уралѣ.

— Полъ-часа.

— Хоть день, да мой. Это не важно.... Слушай, Портосъ, я тебѣ многое сказала. Сказала потому, что я тебя люблю.... Не по вашему, по романтическому, а посвоему. Ты мнѣ весь... кругомъ... отъ головы до ногъ нравишься. Я люблю такія натуры, и я говорю тебѣ: брось...

— Что бросить?

— Брось и думать о Бонапартѣ. Передъ тобою не французскій народъ, а партія со своими партійными цѣлями. Ты вошелъ въ нее — и ты — песчинка.

— И если явится вашъ пролетарскій генералъ и убьетъ свою любовницу, и будетъ еще повышенъ за это, я долженъ молчать.

— И еще какъ! Десять любовницъ убьетъ, а ты молчи...

— Не понимаю я этого...

— Тогда поймешь... Да не будетъ ли поздно?.. Портосъ, ты измѣнилъ Царской присягѣ... Ты вошелъ въ партію... И тебѣ ничего.... Это старый режимъ. Ну... попадешься.... Выгонятъ со службы.... Сошлютъ — и все... Помнишь, у меня ты говорилъ о Ѳедорѣ Кирпатомъ.... Такъ вотъ — Ѳедоръ Кирпатый, если ты только помыслишь измѣнить....

Нигилисточка быстрымъ прыжкомъ кинулась на Портоса и сдавила его горло тонкими сильными пальцами. Онъ едва вырвался отъ нея.

— Да брось... Несси... Вѣдь и правда — задушишь. Брось шутки!... Фу!... — кашляя, говорилъ онъ. — Воротникъ совсѣмъ смяла.

— Это, чтобы ты понималъ, — зловѣще сказала Агнеса Васильевна. Она тяжело дышала. — Я-ли, другой-ли кто — задушимъ... отравимъ... У насъ предателей нѣтъ.

— А Эвно Азефъ?.. Не ты ли мнѣ говорила, что у васъ каждый десятый служитъ въ охранкѣ?

— Да... говорила.... Служитъ.... Но не лѣзетъ въ На-

полеоны. Намъ не маленькій предатель страшенъ, а страшна личность. Личность противопоставляется коллективу — и у насъ ей нѣтъ мѣста. Понялъ?

— Спасибо за откровеніе. Значитъ: дорогу посредственности! Да здравствуетъ пошлость!.. Съ помыйницы воду брала— республику учиняла.

Агнеса Васильевна пожала плечами. Она смотрѣла прямо въ глаза Портосу и ревнивый огонь загорѣлся въ лампадахъ.

— Портосъ, — сказала она. — Я все знаю... Оставь! Не сносить тебѣ головы... Ты, Портосъ, сильный, ты человѣкъ воли... Все по своему хочешь гнуть... Брось.... Возьми прутъ — согнешь... А возьми метлу — не согнешь и не сломишь. Руки скорѣе обломаешь. Ты пошелъ съ народомъ — берегись. Я — прутъ... А партія — метла. Не сломишь!

— Я доносить не стану, — блѣднѣя сказалъ Портосъ.

— Ты и отъ партіи не смѣй отходить. Какъ пошелъ, такъ и иди.... до могилы.

— Ну, это положимъ... Это моя совѣсть... Какъ пожелаю — такъ и будетъ.

— Уйдешь... умрешь, — криво усмѣхнулась нигилисточка. — Ты отъ меня ушелъ... къ этой... Тропаревой.

— Брось... — вставая съ кресла, сказалъ Портосъ. — Не смѣй говорить, чего не понимаешь.

— Ахъ, такъ!.. тоже вставая, сказала нигилисточка. — Портосъ! Одумайся!.. Мнѣ-ли такъ говоришь!?

— Говорю, что надо сказать. Я прошу тебя не поминать имени госпожи Тропаревой.

— Не поминать даже... Ахъ... я — презрѣнное существо... А тамъ недостижимый идеалъ... Чистота.... Красота... Такая же, какъ и я... Хуже... Я свободная... у ней — мужъ!.. Вѣнчанная...

— Молчи, Несси!.. Плохо будетъ!

— Онъ еще грозитъ!.. Да, что, Сахаръ Медовичъ, ты думаешь, — я дура стоеросовая, не понимаю ничего. Не знаю?... да я знаю, что ты въ связи съ нею.... Я всѣ ваши верховыя прогулки знаю.... Твои письма сжеднев-

ныя.... Собачку встрѣчать ходитъ!... Пошлякъ сентиментальный. Другихъ въ пошлости упрекаетъ, а самъ!...

— Что это! — вскрикнулъ Портосъ, — слѣжка!

— А ты и не зналъ? Въ партію попалъ и съ черносотенной профессоршей связался. Какъ не слѣдить?

— Несси! Я послѣдній разъ тебѣ говорю: — оставь.

Она стояла противъ него и, молча, тяжело и прерывисто дышала. Ея лицо было блѣдно. Глубокія складки легли отъ носа къ подбородку и опустили концы губъ. Отъ этого лицо нигилисточки казалось постарѣвшимъ на много лѣтъ и некрасивымъ.

Портосъ смотрѣлъ на нее почти съ отвращеніемъ, и она поняла его взглядъ. Она повернулась спиной къ нему. Ея плечи рѣзко, острыми углами поднялись, она закрыла лицо ладонями и вдругъ съ истерическимъ рыданіемъ бросилась на тахту.

Портосъ пожалъ плечами, быстрыми рѣшительными шагами вышелъ изъ комнаты, надѣлъ на балконѣ шашку, пальто и фуражку и пошелъ, спокойный и твердый, отыскивать трактиръ, гдѣ его долженъ былъ ожидать извозчикъ.

Его до самаго палисадника преслѣдовали звуки всхлипывающихъ рыданій и истеричныя выкрикиванія Агнесы Васильевны.

«А, да не все ли равно!» — со злой досадой думалъ Портосъ.

XXIII

Въ томъ состояніи, въ которое привела Портоса нигилисточка, онъ не хотѣлъ возвращаться въ по праздничному пустой лагерь. Ѣхать куда-нибудь въ «злачныя мѣста», въ Акваріумъ, или въ Буффъ ему не хотѣлось. Тамъ могли быть встрѣчи, тамъ будутъ приставанія «погибшихъ, но милыхъ созданій», а въ томъ состояніи влюбленной размягченности, въ которомъ онъ находился, ему это было непріятно. Да и рано еще было. А какъ то надо было размяться и завершить этотъ день.

Въ ожиданіи, когда извозчикъ напоитъ и запряжетъ лошадь, Портосъ сидѣлъ на чистой половинѣ трактира, куда потребовалъ себѣ чаю и разговаривалъ съ половымъ.

Половой — молодой парень въ розовой рубахѣ и черной жилеткѣ охотно разсказывалъ ему объ уженьи въ рѣкѣ Охтѣ, рыбы, до чего онъ былъ великій охотникъ.

— Тутъ у Мурина не такъ то беретъ, да и рыба мелка.... Дачникъ, знаете, пугаетъ. Опять же купанье недалеко. Которая рыба сурьезная — этого не любитъ. Развѣ, что раки....

— А раковъ много?

— Уйма! И вотъ этакіе попадаются, — съ полъ руки показалъ половой, — рыжіе, въ пупырышкахъ, что твоя лангуста. Повыше, у Лавриковъ, между каменьевъ, такое ихъ мѣсто! Полсотни за день наловить можно, если мѣста знать.

— А рыба какая?

— Рыба... ершъ, окунь, подлещикъ, плотва, уклейка — самая для ухи рыба... красноперка, серебрянка.... Тамъ и леща, бываетъ, подцѣпишь, а окуни съ фунтъ.... Щука на жерлицу беретъ.... Налимъ.... Все есть. Только мѣста знать.

— А далеко отсюда до Пороховыхъ?

Портосъ задалъ этотъ вопросъ, еще ни о чемъ не думая, но какъ только сказалъ, сейчасъ же понялъ, что ему нужно. Конечно: — поѣхать къ Долле. Ихъ третьему мушкетеру, скромному и умному Арамису! Вотъ съ кѣмъ въ чистую можетъ онъ поговорить обо всемъ — и о партіи! Не скрываясь... Святая душа Ричардъ Долле, схимникъ, отшельникъ въ артиллерійскомъ мундирѣ, однихъ лѣтъ съ Портосомъ, — а мудръ, какъ старецъ!

Портосъ разспросилъ о дорогѣ на Пороховые, — сѣлъ въ пролетку — и опять мягкое покачиваніе, пыль, запахъ сѣна, колосящейся ржи, голубизна незабудокъ въ придорожной канавѣ, синева зацвѣтающаго по узкимъ крестьянскимъ полоскамъ льна и тамъ и тутъ, точно часовые съ края дороги высокіе лопухи съ блеклыми громадными листьями.

Навстрѣчу тянулся возъ съ сѣномъ. Пахнуло крѣпко сѣннымъ духомъ, мужикомъ и дегтемъ. Портосъ на ходу схватилъ пучекъ сѣна: на счастье! Онъ думалъ о Валентинѣ Петровнѣ. Она такъ дѣлала. Спряталъ въ карманъ.

О нигилисточкѣ онъ позабылъ. Весь отдался мечтамъ и воспоминаніямъ о Валентинѣ Петровнѣ. Онъ вспоминалъ ее на своемъ Фортинбрасѣ. Видѣлъ въ мысляхъ тонкую талію, широкія бедра и красиво обтянутую ногу. Да... Это женщина.... А какъ отдалась!

Портосъ зажмурился, фыркнулъ отъ удовольствія, потеръ руки... Скоро пріѣдетъ.

Онъ зналъ... былъ увѣренъ, что не уйдетъ она отъ него.

Полевая дорога вывела на строгое и чинное военное шоссе. Бѣлой лентой, прямое и ровное, оно уходило въ лѣсъ. Показались полосатые шлагбаумы, будки часовыхъ. Точно природа подтянулась и по военному стала во фронтъ. Молодыя елки росли рядомъ — такія ровныя, одна къ одной. Стояли домики служащихъ, строгіе, одинаковые; низкія одноэтажныя деревянныя казармы. Отъ шоссе въ лѣсъ уходили мощеныя булыжникомъ дороги, прямыя, какъ просѣка. Вездѣ были указатели, надписи и часовые.

Надо было заѣхать въ канцелярію, получить пропускъ. Справлялись по телефону, звонили къ Долле, къ дежурному, къ начальнику завода. Наконецъ, дали солдата провожатаго — въ химическую лабораторію.

Узкой дорогой въѣхали въ густой сосновый мелкій лѣсъ. Запахло мхомъ и можжевельникомъ. Постройки прекратились. Нелюдимое и глухое было мѣсто.

Вправо показалась на прогалинѣ маленькая дачка. Солдатъ остановилъ извозчика и, выскочивъ съ пролетки, сталъ звонить у двери, обитой войлокомъ и клеенкой.

— Пожалуйте, ваше благородіе, — сказалъ онъ. — Ихъ благородіе васъ ожидаетъ.

Портосъ отпустилъ извозчика и вошелъ въ чистую прихожую, гдѣ на простой ясеневой вѣшалкѣ висѣли помятое, порыжѣлое, легкое офицерское пальто и ста-

рая, тяжелая на ватѣ «Николаевская» шинель съ собачьимъ воротникомъ подъ бобра.

За дверью раздались шаркающіе шаги, глухо позванивали прибивныя, не щегольскія шпоры, высокая дверь растворилась, и въ ней показался человѣкъ въ длинномъ черномъ артиллерійскомъ сюртукѣ. Онъ широко раскрылъ объятія, стиснулъ въ нихъ Портоса, крѣпко поцѣловалъ въ щеки и губы, потомъ оторвался отъ него и, отойдя на шагъ, устремилъ на него восторженный взглядъ.

XXIV

— Вотъ ты какой?! — сказалъ Долле.

— Вотъ ты какой, Ричардъ! — въ тонъ ему отвѣтилъ Портосъ.

— Давай, помѣряемся, — вѣдь рядомъ въ ранжирѣ стояли. Ты красавецъ — въ передней шеренгѣ, меня, мордоворота, осаживали въ заднюю.

Они стали рядомъ передъ прямоугольнымъ зеркаломъ въ ясеневой рамѣ.

— Не переросъ...

Долле захохоталъ отъ радости. Онъ былъ одного роста съ Портосомъ. Но Портосъ былъ строенъ, съ ясно обозначенной таліей, въ ловко сшитомъ сѣро-зеленомъ кителѣ и въ рейтузахъ, Долле былъ полноватъ, какъ-то все на немъ нескладно сидѣло. Старый темно-зеленый сюртукъ былъ кое-гдѣ прожженъ кислотами и висѣлъ на немъ мѣшкомъ. Длинные штаны съ узкимъ алымъ кантомъ падали на сапоги, стоптанные и порыжѣлые. Онъ носилъ ихъ безъ помочей и привычнымъ, безсознательнымъ движеніемъ подтягивалъ ихъ. Голова поросла густымъ чернымъ волосомъ, остриженнымъ, по солдатски, бобрикомъ, по щекамъ и на верхней губѣ лежали волнистые, не знавшіе бритвы черные волосы. Лицо съ большимъ, прямымъ съ широкими ноздрями носомъ и толстыми губами было смугло-желто. Оно было

бы совсѣмъ некрасиво, если бы большіе умные, темные глаза, въ вѣкахъ съ длинными рѣсницами своимъ яркимъ, бодрымъ и добрымъ блескомъ не освѣщали его и не придавали ему какого-то радостнаго, любовнаго освѣщенія.

— Ну пойдемъ. Нѣтъ, ты положительно красавецъ. По тебѣ, поди, женщины сохнутъ. Мнѣ Петрикъ разсказывалъ.

— Онъ бываетъ у тебя?

— Почти каждое воскресенье. Онъ не такой, какъ ты. Un pour tous, tous pour un! Онъ это помнитъ.

— Ричардъ! ты понимаешь....

— Все понимаю, милый Портосъ. Ко мнѣ далеко. На Пороховые! За Охту!.. Да еще цѣлая томительная процедура до меня добраться.... Все, братъ, я понимаю.

Они сѣли въ простыя, зеленымъ рипсомъ крытыя кресла у раскрытаго окна. Окно выходило въ лѣсъ и запахъ смолы, моха, можжевельника, гриба и черники шелъ въ комнату.

— Ты, и правда, живешь, какъ нѣкій пустынникъ въ лѣсу... Одинъ?

— Почти. Насъ здѣсь трое. Я — мой денщикъ и солдатъ мой помощникъ въ лабораторныхъ занятіяхъ.

— Скажи мнѣ... Ричардъ, — началъ Портосъ и замолчалъ.

Вопросъ, который онъ собирался задать, показался ему неделикатнымъ. Долле точно угадалъ его мысли.

— Какъ дошла ты до жизни такой? — сказалъ онъ и весело расхохотался. — Погляди, — становясь серьезнымъ, сказалъ онъ, — вотъ, видишь въ лѣсу круглая, ровная, какъ бы яма. Она вся заросла молодою сосною и кривою полярной березкой. Кусты черники, и голубика тамъ въ полъ-аршина ростомъ.. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ тамъ стояла такая же избушка, какъ та, въ которой ты сидишь... Тамъ жилъ такой же чудакъ, какъ я, славный артиллерійскій капитанъ Панпушко. Помню, мы маленькими кадетами были, онъ старшему моему брату артиллерію преподавалъ. И мы смѣялись: панъ пушка учитъ про пушку.... Онъ искалъ новыя взрывчатыя вещества и однажды, въ ужасный, глухой осенній

день, когда мороситъ въ лѣсу мелкій, нудный, ледяной дождь, тамъ, гдѣ стоялъ его домъ взлетѣло къ небу ярко бѣлое пламя, чернымъ громаднымъ столбомъ, выше лѣса, сталъ темно-коричневый кудрявый ѣдкій дымъ и, когда онъ разсѣялся —ни домика, ни капитана Панпушки, ни трехъ его солдатъ — ничего этого не было. Была въ лѣсу большая, круглая въ свѣжихъ, желтыхъ песчаныхъ осыпяхъ, яма съ чернымъ пахнущимъ кислотами дномъ, въ ней лужа воды. И, надо думать, съ меланхолическимъ и равнодушнымъ звономъ сыпалъ туда осенній дождь.

— Значитъ и ты... по слѣдамъ Панпушки.

— Да.... Я на счетъ государства кончилъ три учебныхъ заведенія... Можно сказать: государство меня и моихъ братьевъ вскормило. Я въ неоплатномъ долгу передъ государствомъ. Мнѣ химія далась.... Я... изобрѣтатель.... Я долженъ все отдать государству... Это мой долгъ....

— Да... положимъ.... Долгъ.... Скажи! — твой трудъ и твои знанія хорошо оплачиваются?

— Такъ же, какъ и твои. Жалованьемъ по чину штабсъ-капитана и столовыми по должности ротнаго командира.

— Гмъ.... Не густо.

— Слушай, Портосъ! Что бы тамъ ни говорили пацифисты и антимилитаристы, какія бы конференціи мира ни созывали — война будетъ!

Большими, обожженными кислотами въ черныхъ и коричневыхъ пятнахъ, волосатыми руками Долле закрылъ лицо и нѣсколько мгновеній молчалъ, тяжело дыша.

— О, какая это будетъ ужасная война! — приглушеннымъ задыхающимся голосомъ сказалъ онъ. — Война машинъ, а не людей.... Самолеты.... броневыя машины... газы.... ручныя гранаты... пулеметы.... Обозы на автомобиляхъ... Подвозъ безчисленныхъ снарядовъ.... Налеты на мирные города. Сбрасываніе сверху бомбъ и особыхъ стальныхъ стрѣлъ... Не солдатъ, а техникъ.... Не мужество, а машина.... Банкиръ, еврей Бліохъ, все это провидѣлъ.

Долле быстро оторвалъ руки отъ лица и Портосу показалось, что на глазахъ Долле сверкали слезы. Его лицо горѣло вдохновеніемъ.

— Надо парализовать это. Надо остановить развитіе машинной техники и заставить людей не истреблять другъ друга, а драться.... Вернуть войны, если не къ древнимъ временамъ, то, хотя бы къ временамъ Фридриха, Наполеона... даже.... Франко-Прусской войны.

— Не лучше-ли совсѣмъ прекратить всякія войны?

— Но, милый другъ, — ты самъ понимаешь, что это невозможно. Это утопія. Пока стоитъ міръ — войны будутъ. Пока существуютъ чувства, — ревность, зависть, ненависть — даже любовь — люди будутъ драться. Весь вопросъ лишь въ томъ — к а к ъ драться!.. И надо уничтожить машины.

— Какъ же ты ихъ уничтожишь?

— Вотъ этимъ я теперь и занятъ.

— Скажи, если не секретъ, что ты надумалъ?

— Это, конечно, секретъ... Но въ томъ видѣ, какъ я тебѣ это скажу — это можно сказать каждому. Потому что никто не повѣритъ, что это возможно. А я уже это вижу...

XXV

То, что говорилъ дальше Долле — было непонятно Портосу. Долле сѣлъ рядомъ съ нимъ и говорилъ то шопотомъ, то порывался голосомъ и почти кричалъ. Онъ прерывалъ свою рѣчь восклицаніями: — «ты меня понялъ?.. Понялъ?.. Они» — онъ дѣлалъ просторный жестъ въ сторону завода, — «они меня не хотятъ понять, но они мнѣ даютъ всѣ средства для этого. Это все-таки просвѣщенные люди... Ты знаешь — безпроволочный телеграфъ.... Теперь на дняхъ и телефонъ будетъ... Маркони... да... изобрѣтеніе-то Русское... Поповъ, вѣдь изобрѣлъ, ну да, опоздалъ немного... Волна.. по возду-

ху.. и куда угодно ея вліяніе... Звукъ... трескъ... можетъ быть, голосъ... понялъ?..

— Ну да, я знаю сущность Марконіевскаго изобрѣтенія.

— Да — дальше... Ты знаешь лучи... Ультра-фіолетовые... Инфракрасные... Радій?..

— Откровенно скажу о радіѣ знаю только изъ фарса, который недавно смотрѣлъ — «Радій въ постели»....

— Ахъ ты!... — Долле схватилъ Портоса за плечи и потрясъ его. — По старому, по кадетскому, тебѣ салазки за это загнуть бы надо.... Ахъ ты... Ты слушай!

Онъ былъ совсѣмъ, какъ сумасшедшій.

— Лучи... все равно, какъ назовутъ ихъ... Долле-лучи... Я бы хотѣлъ... въ его память... Я часто его тутъ въ оврагѣ вижу... бесѣдую съ нимъ... онъ мнѣ совѣты даетъ...

— Кого... покойника?

— Нѣтъ покойниковъ... Духъ живъ... «Панпушко-лучи» хотѣлъ бы назвать... Понялъ... Ну пусть будетъ — N-лучи... Они, какъ волны безпроволочнаго телеграфа идутъ отъ источника по сектору пускай, скажемъ... на тридцать километровъ.... Понялъ?

Долле трепещущей рукой показалъ, какъ волны этихъ невѣдомыхъ лучей идутъ по конусу, какъ лучи свѣта прожектора и проникаютъ сквозь каменныя стѣны, сквозь бетонъ, сквозь желѣзо и сталь.

— Понялъ... понялъ?.. Таинственная короткая волна въ 4 сантиметра.... Теперь понимай дальше. Всѣ теперешнія машины движутся силою нефти и производныхъ отъ нея — керосина, бензина, бензола, эссенціи и т. д. и т. д. Понялъ? Поѣзда, морскія суда, автомобили, самолеты, дирижабли — все стоитъ на машинахъ внутренняго сгоранія. Всѣ эти «Дизеля» — все на нефти и отъ нефти....

Долле не могъ больше сидѣть. Какой-то восторгъ охватилъ его. Онъ всталъ и быстро ходилъ по комнатѣ, размахивая руками.

— А мои лучи, — захлебываясь и похохатывая восклицалъ онъ. — Мои лучи... все это.... на разстояніи, скажемъ 30 километровъ взрываютъ... взрываютъ.... Я

направилъ ихъ снопъ... И вотъ горитъ въ домѣ лампа. Взрывъ... пламя... черный дымъ и лампы нѣтъ... Мчится автомобиль... Попалъ въ полосу лучей, а они невидимы — взрывъ... пламя и обугленные куски желѣза. Летитъ аэропланъ.... И вдругъ вспыхнулъ и длиннымъ языкомъ огня упалъ на землю.... Ты понимаешь: вся ихъ техника.... къ чорту!... Ни аэроплановъ, ни броневыхъ машинъ, ни мотоциклетокъ — ничего — все взорвано моими N-лучами.

Долле подошелъ къ Портосу, и обнялъ его. Онъ сказалъ нѣжно.

— Они уже есть, эти лучи.... Только еще очень слабые.... какъ дѣти... Недавно я въ присутствіи начальника завода взорвалъ ими жестянку керосина... на тридцать шаговъ. На сорокъ уже не беретъ. Разсѣиваніе большое. Сопротивленіе атмосферы... Это — дѣти лучи.... Они подрастутъ... подрастутъ.... — шепталъ Долле и вдругъ порывисто вскакивая, вскрикнулъ громовымъ голосомъ: — На тридцать километровъ!.. Все.. взорвано... И сразу успокоившись, сказалъ спокойно, будничнымъ голосомъ:

— Ну, пойдемъ обѣдать, Портосъ... А то ты меня и впрямь за полоумнаго примешь... Духовидца....

XXVI

Обѣдъ былъ простой, но хорошій. Его носили Долле изъ заводскаго собранія. Была водка, было и вино — очень приличное, Удѣльное, — и Портосъ, любитель поѣсть и выпить, отдалъ всему должную честь. Послѣ обѣда онъ разсказалъ Долле, не называя себя, все то, что онъ слышалъ отъ нигилисточки. О новомъ движеніи — «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь», о «диктатурѣ пролетаріата».

Въ комнату входили прекрасныя, свѣжія Петербургскія сумерки. Тихо шумѣлъ за раскрытымъ окномъ хвойный лѣсъ.

— Ты какъ понимаешь — пролетаріатъ? спросилъ Долле.

— Рабочіе и крестьяне, — отвѣтилъ Портосъ.

— Да... если бы такъ... Нѣтъ, Портосъ... Ни рабочій, ни крестьянинъ управлять государствомъ не пойдетъ. Во-первыхъ, у него есть его дѣло — и онъ считаетъ его важнѣе и нужнѣе для себя, чѣмъ управленіе государствомъ, а во-вторыхъ... онъ никогда не берется за то дѣло, котораго онъ не знаетъ.... Нѣтъ... пролетаріатъ, на кого такъ разсчитываютъ тѣ, кто пустилъ въ міръ эти зажигательные лозунги — это совсѣмъ не то... Пролетаріатъ — это бездѣльники прежде всего. Люди никогда ничего своего не имѣвшіе, никогда ничего не заработавшіе, ни во что не вѣрящіе... Это люди — безъ вѣры, безъ отечества, безъ семьи. Въ этомъ ихъ страшная сила. У нихъ нѣтъ никакого сдерживающаго начала. А замашки иногда... Жутко сказать какія... Да вотъ — примѣръ... Ты помнишь Смердякова — Карамазовскаго лакея.

— Ну?... Помню, конечно.

— Такъ вотъ этотъ самый Смердяковъ, четыре года тому назадъ служилъ у меня лабораторнымъ помощникомъ.... Какъ солдатъ мѣстной заводской команды.... Такой же философъ и богохулъ. Звали его Ермократъ Грязевъ. Вотъ тебѣ типичный пролетарій.... И Боже упаси, если они станутъ диктаторами!.. Сынъ сельскаго псаломщика Саратовской губерніи. Четырехклассное церковно-приходское училище — и дальше — казалось бы — духовное училище, семинарія... псаломщикъ, дьяконъ, священникъ... академія.... Большая карьера... Только— рыломъ, что называется, не вышелъ... Рыжая, длиннорукая обезьяна, исполосованная угрями и оспой. Отсюда озлобленіе на всѣхъ и прежде всего на Бога. А потомъ и отрицаніе Бога. Съ такими понятіями — дома оставаться было нельзя. Возлѣ — Волга. Ушелъ изъ дома. Бродяжилъ, кралъ, Богъ его знаетъ, что дѣлалъ и, наконецъ, — Петербургъ, прописка — по этапу домой, и съ этапа обратно въ Питеръ — былъ то, что въ полиціи зовутъ: «Спиридонъ — поворотъ». Тутъ и захватила его воинская повинность. По росту — гвардія, но мор-

да такая, что гвардейское начальство побоялось такого взять и попалъ онъ къ намъ и, какъ хорошо грамотный, ко мнѣ въ служители. Работа не хитрая. Перетирать колбы и реторты.... Да еще... подай то... столки... разотри... подпили... спаяй. Надо отдать справедливость — работникъ онъ былъ хорошій, трезвый и толковый. Да вѣдь такіе то, Портосъ, — самые опасные!... Сталъ я за нимъ примѣчать и, скажу откровенно, — страшно стало. Сижу я за работой. Молча... Дѣлаю соединенія.... Подумаю — «надо азотной кислоты добавить». Имѣй въ виду, Портосъ, хотя ты меня немного и принимаешь за сумасшедшаго, но я вслухъ, да еще при солдатѣ, никогда не думаю. И вотъ — длиннопалая его лапа, поросшая жесткой бурой шерстью тянется ко мнѣ съ бутылью азотной кислоты... Посмотрю на него. Рожа страшная. Ротъ до ушей — улыбается. Огненные волосы на головѣ пламенемъ горятъ. Безъ гримма чортъ!.. Другой разъ сижу за формулами... Обдумываю.... Ничего не выходитъ. Онъ сзади меня посуду перетираетъ. Вдругъ косматый палецъ съ длиннымъ грязнымъ ногтемъ тянется къ моему уравненію и сиплый голосъ говоритъ: «Вы тутъ «О два» поставьте, вотъ у васъ и выйдетъ. Развѣ не діаволъ?... Но я... молодъ былъ... мнѣ это нравилось... Увлекало меня.... Въ ту пору изобрѣталъ я новое взрывчатое вещество. Работалъ надъ воздухомъ... Ну и еще тогда много думалъ, какъ усилить взрывчатую силу тринитроуола. И вотъ, вечеромъ, можетъ быть, даже и ночью, сижу надъ формулами, а Ермократъ тутъ же что то пишетъ. Онъ все мнѣ подражалъ. Я посмотрѣлъ на него и говорю: «А знаешь, Ермократъ, если въ моемъ составѣ сѣрную кислоту замѣнить пикриновой, да придумать что-нибудь болѣе стойкое, чѣмъ хлопчатая бумага — такая штука выйдетъ, что, если ее забить въ стальную трубу, а ту трубу закопать въ землю, да и подорвать, то весь земной шаръ разлетится вдребезги, какъ гнилой орѣхъ!» — Шутя, конечно, сказалъ... У моего Ермократа глаза и зубы разгорѣлись. Пыхетъ восторгомъ. Вотъ», — говоритъ, — «это, ваше благородіе, здорово было бы!.. Вы бы мнѣ дали, а я бы подорвалъ! Ужъ и подорвалъ бы на славу!».. — «Дуракъ!» — говорю

я ему, — «вѣдь и самъ бы на воздухъ взлетѣлъ, да и я тоже». — «Такъ за то, ваше благородіе, т а к о е бы исдѣлали!»... Вотъ тогда я и понялъ, что въ Русскомъ пролетаріѣ не то что Геростратъ сидитъ, а цѣлый Геростратище. Его научи только — онъ не то, что храмъ Діаны Эфесской, — онъ Успенскій Соборъ, онъ всю Россію взорветъ!

— Кто же научитъ? — тихо спросилъ Портосъ. Онъ думалъ о себѣ. Какъ ему самому стать во главѣ такихъ Ермократовъ и построить съ ними великую славу себѣ. Какъ — Наполеонъ.

— Жиды, конечно... Масоны... Для нихъ такіе люди — кладъ... Да и въ Европѣ не очень-то любятъ Россію. Оттуда пришлютъ учителей... жидовъ, тоже. Дадутъ и деньги.

— Не очень то нашъ пролетаріатъ жидовъ любитъ. Можетъ — и по шапкѣ.

— Ты думаешь?..

Портосъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ, молча, и глядѣлъ въ окно, все думая о себѣ, о томъ, что съ такими аморальными людьми можно весь свѣтъ покорить, и какъ ихъ подчинить себѣ. Долле продолжалъ.

— Диктатуры пролетаріата никогда не будетъ, но будетъ диктатура надъ пролетаріатомъ. Но такъ какъ пролетаріатъ ни на что хорошее толкнуть нельзя, — его будутъ толкать на разрушеніе. На разрушеніе христіанской вѣры, государства, семьи.. Имъ будутъ править враги Россіи.

— Его надо уничтожить.

— Попробуй уничтожить. Когда на полѣ вырастаетъ одинъ чертополохъ — его нетрудно выкорчевать, но когда все поле поростетъ чертополохомъ — онъ заглушитъ весь хлѣбъ, а такіе, какъ Ермократъ... Да слушай дальше.

— Я слушаю. Что же Ермократъ?

— «Побойся Бога, говорю я ему»... Онъ посмотрѣлъ на меня такъ сбоку, хитро и, мнѣ показалось, презрительно. Потомъ совершенно серьезно и очень почтительно спросилъ: — «Вы, ваше благородіе, въ Бо-

га-то вѣрите?» Надо тебѣ сказать, что я по равнодушію и халатности иконъ въ домѣ не держалъ. Старыхъ, семейныхъ иконъ у меня не было — мы же — кальвинисты, покупать новыя для моихъ солдатъ казалось какъ-то страннымъ... Въ церковь — занятый своей работой, ею увлеченный, я ходилъ очень рѣдко. Все некогда, да некогда... — «Конечно», — сказалъ я — «какъ же, Ермократъ, въ Бога-то не вѣрить?»... И вотъ тутъ —всего моего Ермократа точно перекосило, онъ сморщился, фыркнулъ, прыснулъ смѣхомъ и съ крикомъ: — «ой, уморили, ваше благородіе», — убѣжалъ въ людскую.... И съ этого дня — я не могъ выносить его взгляда. Такъ презрительно, пренебрежительно смотрѣлъ онъ на меня. И такъ хорошо, что это было за мѣсяцъ до его увольненія со службы... Мы разстались...

— Н-да... Я понимаю... Положеніе не умное... Тебѣ надо было... Въ морду!... Исколотить его до полусмерти....

XXVII

Въ комнатѣ стало темно. За окномъ въ лѣсу разстилался зеленый сумракъ. Тихо, по ночному стало въ лѣсу.

— Въ морду?.. Можетъ быть, ты и правъ... Надо было — въ морду... Но я на это не способенъ. Тридцать лѣтъ насъ отъ этой привычки отучали. Офицеръ когда-то былъ псомъ надъ стадомъ овецъ. Хваталъ то ту, то другую зубами за гачи, водворялъ на мѣсто. Теперь офицеръ — овца. Хорошо, если среди овецъ... А, если такіе, какъ Ермократъ?..

—Ты боялся, что сдачи дастъ? Убивать придется?... Неопрятное дѣло.

— Такіе, какъ Ермократъ, сдачи не даютъ. Они кляузники... доносчики... Штабсъ-капитанъ Долле, академикъ, ученый артиллеристъ побилъ солдата! За что? За то, что тотъ улыбнулся — вѣдь онъ скажетъ, что хочетъ,

— на то, что онъ въ Бога вѣруетъ. У насъ, Портосъ, громадная свобода! Неслыханная, безкрайная свобода... И каждый можетъ вѣрить, или не вѣрить... Ты понимаешь — я ничего не могъ сдѣлать. Непочтительно обошелся со мною.... Ну... пять сутокъ ареста... Что ему арестъ?... А мнѣ — скандалъ. Онъ молчать не будетъ. Ты пойми, Портосъ— они, пролетаріи, — сильные. Сильные тѣмъ, что имъ ничего не надо, у нихъ ничего нѣтъ, имъ нечего терять, у нихъ ни чести, ни боязни боли, ни боязни смерти — нѣтъ... тогда какъ у всѣхъ остальныхъ.... у насъ... слишкомъ много условностей. Портосъ, растетъ страшное племя — именно племя — международный народъ — потому что ракло юга Россіи, петербургскіе Спиридоны-повороты, «Вяземскіе» кадеты, босяки, Парижскіе апаши и Лондонскіе хулиганы другъ друга понимаютъ... Грабь награбленное... А что мы имъ противопоставимъ?... Моральное воспитаніе дѣтей... Религію упразднили. Теоріи господина Комба изъ Франціи ползутъ повсюду... Они... ихъ дѣти растутъ по трущобамъ внѣ всякой морали — съ единымъ лозунгомъ — «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое», — мы, въ Гаагѣ — этомъ несчастномъ городѣ утопій, готовимъ «лигу доброты»... Маниловская мармеладка.... Шесть заповѣдей: — «всегда быть добрымъ»... «Не лгать»... «покровительствовать слабымъ и помогать несчастнымъ»... «уважать старыхъ и больныхъ»... «быть со всѣми вѣжливымъ»... «не мучить животныхъ»... Вѣдь на этихъ заповѣдяхъ мы выросли и воспитаны... Это мы передъ солдатами обязаны... а они... такіе, какъ Ермократъ... Смердяковы-то... Горьковскіе герои — у нихъ — надо быть злымъ и жестокимъ — иначе жизнь заклюетъ тебя... Буревѣстники... волки... гіены... никогда не говорить правды, лгать, клеветать, отпираться, доносить... слабыхъ душить. Товарищъ долженъ былъ сильнымъ... Старыхъ и больныхъ — угробить, чтобы не мѣшали. Вѣжливость... не мучить животныхъ! А, да что говорить! Ты самъ понимаешь — тамъ растетъ сила... Мы воспитывали слабость. Ты говоришь — въ морду?

— Въ морду!... Избить... Убить его подлеца... Застрѣлить за его подлую улыбку! — вскакивая, вскрик-

нулъ Портосъ и сталъ ходить по комнатѣ. — Эхъ, Ричардъ!.. На что дворянину дана шпага?

Долле печально улыбнулся.

— Гдѣ теперь шпага у дворянина? Да и гдѣ теперь дворяне?... Повѣрь мнѣ... Если они станутъ на наше мѣсто — съ Кольтомъ разставаться не будутъ, и, если я, солдатъ, ему, пролетарскому офицеру, скажу, что есть Богъ, — онъ меня застрѣлитъ.

— Такъ что же, Ричардъ?.. Это значитъ? Намъ надо у нихъ учиться... Намъ надо стать, какъ они?

— Попробуй.

— Ты видалъ потомъ... своего Ермократа....

— Какъ же... Онъ приходитъ ко мнѣ... По старой дружбѣ... Навѣщаетъ.

— И ты его?

— Ты спрашиваешь — принимаю-ли? Принимаю, Портосъ. Меня учили «быть вѣжливымъ»... И я вѣжливъ.

— Гдѣ онъ теперь?

— Онъ нашелъ свое призваніе. Онъ служитъ у профессора Тропарева. Помогаетъ ему потрошить трупы.. Наша милая Алечка его, какъ огня боится.

— Да... да... да... Я что-то слыхалъ... Ермократъ... да... Ермократъ... Представь, ни разу не встрѣчалъ его у Валентины Петровны.

— Она его къ себѣ не пускаетъ.

— Что же профессоръ?

— Очень имъ доволенъ... Ермократъ ему преданъ, какъ собака. Ты знаешь — онъ профессора въ обиду не дастъ. Просто — своими руками задушитъ всякаго, кто обидитъ профессора.

— Вотъ какъ, — блѣдно улыбнулся Портосъ, — чѣмъ же господинъ профессоръ снискалъ такую преданность этого... Смердякова?

— Дерзновеніемъ надъ трупами. Ермократъ тамъ себя нашелъ.... Онъ приходитъ ко мнѣ... разсказываетъ кого и какъ они вскрывали. И, если былъ особенно гнилой покойникъ — какъ онъ радъ!... «Смерть, гдѣ твое жало?» рычитъ... «А вотъ, гдѣ... Сгнилъ.... Вы», — гово-

ритъ, — «понимаете, Ричардъ Васильевичъ... А вы — про Бога!.. Ничего нѣтъ... гніютъ покойнички.... и никакой то есть — души»..

— Ахъ, сукинъ сынъ!..

Портосъ посмотрѣлъ въ окно. Ночныя тѣни сгущались надъ лѣсомъ.

— Не пошлешь-ли, Ричардъ, за извозчикомъ.... Пора мнѣ и домой.

Долле пошелъ распорядиться. Когда вернулся, онъ спокойно сказалъ:

— Да, сукинъ сынъ... Но когда такіе сукины сыны въ Параскеву-Пятницу вѣрили и по святымъ мѣстамъ ходили — лучше было... Не по нимъ наука.

— Ну?.. Отчего... Наука всегда полезна.

— Вотъ теперь готовится дѣло о ритуальномъ убійствѣ какого-то мальчика въ Энскѣ. И вся пресса и у насъ, и за-границей раздѣлилась на два лагеря. Одни говорятъ — мальчика убили жиды... Другіе — это невозможно... въ двадцатомъ вѣкѣ!

— Кто же такъ убьетъ?... Источая кровь... Ты вѣдь читалъ?

— Читалъ... Кто?.. А вотъ такой же Ермократъ.

— Зачѣмъ? — глухимъ голосомъ спросилъ Портосъ.

— А чтобы «т а к о е и с д ѣ л а т ь»... Геростратъ Россійскій...

— Да.. можетъ быть...

— И, когда ѣхалъ Портосъ домой, все вспоминалъ свой разговоръ съ Долле о Ермократѣ.

«Хорошая вещь — образованіе» — думалъ онъ — «но только на какіе мозги?.. Ермократъ — тоже — нигилисточкинъ божій человѣкъ... Постигъ тайны бытія... Обезьяноподобный... Живая теорія Дарвина.... Когда-нибудь такой же идіотъ, Ермократу подобный, будетъ изобрѣтать такую ракету - снарядъ, чтобы можно было послать ее ажъ до самой луны и разорвать луну въ дребезги... чтобы — т а к о е и с д ѣ л а т ь!

XXVIII

Скорый поѣздъ, на которомъ ѣхала Валентина Петровна, приходилъ въ Петербургъ утромъ. Въ Лугѣ онъ былъ едва начинало свѣтать.

Валентина Петровна въ своемъ щегольскомъ дорожномъ tailleur'ѣ, темносѣромъ съ ярко-пунцовой отдѣлкой, въ пунцовомъ жилетѣ, туго стягивавшемъ подъ жакеткой ея молодую красивую грудь, въ маленькой сѣрой шляпѣ съ пунцовыми лентами, плоско торчащими сбоку, въ томъ самомъ костюмѣ, которымъ она удивляла, восхищала, смущала и возмущала дамъ Захолустнаго штаба, со щеками, румяными отъ безъ сна проведенной ночи и волненія, но молодо-свѣжими и крѣпкими, въ шестомъ часу утра вышла изъ душнаго дамскаго отдѣленія 1-го класса въ корридоръ.

Въ окнахъ однообразно были опущены и туго натянуты бѣлыя занавѣски съ вытканнымъ вензелемъ дороги «С.З.Ж.Д.». Электрическія лампы ярко горѣли въ корридорѣ. Ихъ свѣтъ, послѣ сумрака купэ, ослѣпилъ Валентину Петровну. Въ крайнемъ окнѣ, гдѣ было опущено стекло — трепетала на вѣтру занавѣска. Колеса подъ вагономъ ровно и монотонно гудѣли, точно тамъ журчала вода и вагонъ шелъ плавно, не качаясь. Въ корридорѣ нудно, по ночному пахло одеколономъ, туалетнымъ уксусомъ и уборной. Валентина Петровна подошла къ раскрытому окну и подняла занавѣску. Со свѣта вагона на воздухѣ казалось темнѣе. Въ блѣдномъ свѣтѣ проносился мимо Валентины Петровны густой, сосновый лѣсъ.

Едва занималась заря. Небо еще было сѣрое и нельзя было опредѣлить, какой будетъ день. Вдругъ, проплыветъ мимо лѣсная прогалина. По желтому песку жидко поросли овсы, голубѣетъ полоска цвѣтущаго льна, у самаго лѣса стоятъ кладки трехполѣнныхъ дровъ и надо всѣмъ, точно кисейный пологъ протянутъ, виситъ бѣлая пелена неподвижнаго тумана. Изъ лѣса пахнетъ сосною, смолою, сыростью и грибомъ.

Громче и гулче простучали колеса подъ вагономъ. Изъ-подъ пути вынырнула черная рѣчка и бѣлый паръ клубился надъ нею. Лѣсъ оборвался. Позлащенныя первыми лучами точно бронзовыя сосны, вѣеромъ уходили назадъ. Копны сѣна на рѣшеткахъ, покосившаяся избушка, пузатая лошадь и жеребенокъ въ рыжей лохматой шерсти были на лугу.

Солнце, точно еще не проснувшееся, не стряхнувшее съ себя сна скупо лило блѣдные, но уже слѣпящіе глаза лучи. Сверкалъ серебромъ прудъ, наполовину заросшій камышемъ и кувшинками, и бѣлые цвѣты ихъ такъ многое напомнили Валентинѣ Петровнѣ.

Вставало тихое сѣверное утро и несказанно прелестная и грустная красота была въ Божьемъ мірѣ.

Лѣсъ ушелъ на задній планъ. Появились среди полей двухъэтажныя бревенчатыя дачи съ мокрыми отъ росы занавѣсками балконовъ. Желто-песчаная дорога, съ осыпавшимися сухими канавами, шла вдоль домовъ и упиралась въ лѣсъ. Шлагбаумъ перегородилъ ее. У шлагбаума будка, у будки баба въ рыжемъ полушубкѣ на опашь, въ платкѣ, съ палкой, обмотанной зеленымъ, въ рукѣ.

Поѣздъ сдержалъ свой бѣгъ и плавно и мягко, какъ умѣли это дѣлать машинисты скорыхъ поѣздовъ Николаевской и Варшавской желѣзныхъ дорогъ, сталъ останавливаться. Показался длинный, низкій, обложенный сѣрымъ гранитомъ деревянный перронъ, навѣсъ вдоль станціи и окна большой станціонной постройки.

Внизу вздохнули воздушные тормоза, и поѣздъ остановился и затихъ. Въ вагонѣ не было никакого движенія.

Валентина Петровна увидала на перронѣ начальника станціи, зябко поеживавшагося въ черномъ пальто. Онъ стоялъ за путями подъ навѣсомъ и красная шапка его была далеко видна. По платформѣ проходилъ рослый монументальный жандармъ въ сѣрозеленой, чистой, тугой рубахѣ съ алыми погонами и алымъ аксельбантомъ, съ тяжелой шашкой и револьверомъ, въ ярко-начищенныхъ высокихъ сапогахъ со складками гармони-

кой, со звонкими шпорами. Изъ сосѣдняго вагона — еще поѣздъ не остановился, — соскочилъ высокій, красивый оберъ-кондукторъ въ длинномъ черномъ кафтанѣ съ голубыми кантами, обшитомъ по борту и воротнику узкимъ серебрянымъ галуномъ, со свисткомъ на серебряной цѣпочкѣ. Чей-то голосъ у дверей станціи торжественно и глухо, точно въ пустую бочку, сказалъ:

— Луга... Десять минутъ остановки..

Впереди, на краю платформы у зеленаго вагона третьяго класса заметалась толпа бабъ съ корзинками и увязками, торопясь сѣсть въ вагонъ. Вагоны перваго и второго классовъ, спали крѣпкимъ утреннимъ сномъ.

И сразу за этими обычными, естественными лицами большой станціи, раннимъ утромъ — въ глубинѣ, у высокихъ стеклянныхъ дверей, Валентина Петровна увидала стройную фигуру Портоса. Въ сѣрой фуражкѣ, въ легкомъ пальто, въ длинныхъ синесѣрыхъ брюкахъ, онъ показалъ носильщику въ бѣломъ фартукѣ на Валентину Петровну и тотъ бѣгомъ побѣжалъ къ ея вагону.

Валентина Петровна вышла за носильщикомъ. Въ широкомъ проходѣ между буфетной комнатой и заломъ третьяго класса, ее встрѣтилъ Портосъ. Онъ, молча, поднесъ сначала одну, потомъ другую ея руку въ перчаткахъ къ губамъ и поцѣловалъ ихъ. Валентинѣ Петровнѣ показалось, что слезы блистали на его глазахъ.

Дачный извозчикъ съ плохо чищенной маленькой лошадкой, запряженной въ городскую пролетку со старыми исщербленными резиновыми шинами ихъ ожидалъ.

Портосъ усадилъ въ нее Валентину Петровну и извозчикъ покатилъ по блестящей росою булыжной мостовой.

Валентинѣ Петровнѣ казалось, что это во снѣ она видитъ бѣлые стволы большихъ березъ, сады съ высокими соснами, дачи, гдѣ за всѣми окнами плоско висѣли опущенныя занавѣски, а на стеклахъ была роса, балконы, по которымъ, на натянутыхъ ниткахъ бѣжа-

ли вверхъ турецкіе бобы и алѣли кисточками мелкихъ цвѣтовъ, клумбы съ флоксами и петуніями и огненныя настурціи въ длинныхъ деревянныхъ ящикахъ вдоль балконныхъ перилъ.

Все было погружено въ крѣпкій дачный сонъ.

Лавки стояли закрытыя съ опущенными ставнями. Нигдѣ не было ни души. Какъ по заколдованному, погруженному въ крѣпкій нѣмой сонъ городу, въ душистой прохладѣ утра, ѣхала въ невѣдомую даль Валентина Петровна. Лошадь то скакала, поощряемая кнутомъ, по песчаной дорожкѣ вдоль мостовой, вертѣла подвязаннымъ хвостомъ и прыгала неуклюже, то сбивалась на рысь и часто сѣменила короткими косматыми ногами. Бѣлая шерсть ложилась на костюмъ Валентины Петровны и на пальто Портоса.

Они молчали. Во снѣ не говорятъ. А это, конечно, былъ сонъ!

Лицо Валентины Петровны горѣло на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Ей хотѣлось ѣсть, спать, отдаться какой-то особой животной нирванѣ, гдѣ бы спала душа, а тѣло жило всѣми своими жилками, всѣми чувствами, насыщалось, обоняло, осязало, слушало, глядѣло и ни о чемъ не задумывалось бы.

Извозчикъ скоро остановился у подъѣзда длиннаго двухъэтажнаго зданія съ надписью: «номера для пріѣзжающихъ». Валентина Петровна прочла надпись, но не отдала себѣ отчета, что это значитъ. Заспанный коридорный въ бѣлой рубахѣ и такихъ же портахъ подхватилъ ея чемоданчикъ и кордонку со шляпой и пошелъ впереди. Она послушно оперлась на руку Портоса и стала подниматься по деревянной лѣстницѣ, устланной бѣлымъ холщевымъ половикомъ.

Въ корридорѣ, несмотря на легкій сквознячокъ, не совсѣмъ хорошо пахло. Корридорный открылъ бѣлую дверь съ номеромъ, и Валентина Петровна вошла. За нею Портосъ.

Она все дѣлала, молча, какъ во снѣ.

XXIX

Какъ сквозь крѣпкую утреннюю дремоту она услышала страстныя, прерывистымъ задыхающимся голосомъ сказанныя слова:

— Наконецъ, Аля, мы одни съ тобою... Намъ нѣтъ дѣла до всего свѣта... Ты моя... Совсѣмъ моя.

Портосъ снялъ съ нея жакетку и повѣсилъ на простую деревянную вѣшалку. Рядомъ повисло его новенькое темно-сѣрое пальто съ золотыми погонами.

Въ номерѣ было два окна. Они были раскрыты, но наглухо затянуты бѣлыми шторами. Большая широкая постель, съ розовымъ ситцевымъ пологомъ, занимала большую часть комнаты. Она была постлана свѣжимъ бѣльемъ, одѣяло было откинуто. Постель была нетронута. Отъ нея терпко пахло только что брызнутыми англійскими крѣпкими духами. На овальномъ столѣ, накрытомъ бархатною скатертью, въ большомъ фаянсовомъ кувшинѣ, стоялъ громадный букетъ пунцовыхъ розъ. Цѣлые пуки бѣлыхъ лилій были на потрескавшемся желтомъ комодѣ и розовыя и бѣлыя гвоздики на двухъ ночныхъ столикахъ.

Только это обиліе цвѣтовъ и замѣтила Валентина Петровна. Только нѣжный сладкій запахъ розъ, горьковатый ароматъ гвоздикъ и одуряющій сильный запахъ лилій она и почувствовала. Она не видѣла убогой роскоши провинціальнаго номера, тусклаго, покрытаго коегдѣ надписями, зеркала, у котораго она снимала шляпку и оправляла золотистые волосы, она даже не замѣтила олеографіи, премін «Нивы», «Боярскій пиръ» Маковскаго, въ черной багетной рамѣ, съ боярами съ розовыми лицами, засиженными мухами, она не видѣла пола съ облупившейся охрой и потертымъ ковромъ у постели и, главное, совсѣмъ не замѣтила пошлаго до ужаса ситцеваго полога. Только цвѣты и необычайно милый Портосъ!.. Пунцовыя розы, розовыя и бѣлыя гвоздики и лиліи... лиліи.. лиліи...

На отдѣльномъ столѣ, накрытомъ бѣлою скатер-

тью, въ ногахъ у постелей, шумѣлъ, пуская веселый паръ, маленькій номерной самоварчикъ, подлѣ были бѣлый фаянсовый чайникъ и чашки. Въ лоткѣ еще горячія булки, коробка конфетъ, масло, свѣжая икра, ветчина, бутылка вина и на тарелкѣ громадные темные персики въ сѣдомъ пуху.

Она сѣла къ столу. Портосъ хозяйничалъ. Она слѣдила какъ онъ своими большими сильными руками ловко намазывалъ ей хлѣбъ слезящимся масломъ. Она его ѣла съ удовольствіемъ. И, правда, она же проголодалась.

О чемъ говорили? Она точно не слышала своего голоса. Кажется, разсказывала о папочкѣ, а Замбржицкомъ, о томъ, какъ поразилъ ее первый разъ услышанный ею со стрѣльбища стукъ пулеметовъ. Она сама не отдавала себѣ отчета на «ты» или на «вы» говоритъ она Портосу.

Было очень уютно.

— Знаешь, слышу, со стрѣльбища вдругъ — та-та, потомъ та-та-та.... пять выстрѣловъ.... И какъ затрещитъ. Никогда такъ не слыхала.

— Да, это они сначала пристрѣлку дѣлали и въ бинокль по пыли смотрѣли, какъ ложатся пули, а потомъ перешли на пораженіе.

— Я никогда еще не слыхала.

Ложечкой, съ маленькой тарелки, она ѣла ледяную икру и пила какое-то душистое вино.

— Я опьянѣю, милый, — смущенно улыбаясь, прошептала она, когда онъ доливалъ зеленую рюмку на высокой витой ножкѣ. — Я вѣдь ночь не спала. Я совсѣмъ устала съ дороги. Ничего не понимаю. Мнѣ все кажется поѣздъ шумитъ.

Она мѣшала ложечкой чай и, нахмуривъ темныя брови, выбирала изъ большой коробки конфеты.

— Все мои любимыя... Ты знаешь... Такой баловникъ.

И какъ-то просто, естественно и очень мило вышло, что она опустилась къ нему на колѣни, и его большіе пальцы ловко и искусно стали разстегивать ея пунцо-

вый жилетъ. Они же отстегнули сзади кнопки на высокой юбкѣ.

— Ахъ, какъ баиньки хочется, — сладко зѣвая, сказала она и, стряхивая съ себя внизъ юбку, очутилась на его сильныхъ рукахъ. Онъ хотѣлъ ее поднять, но она быстро сказала:

— А башмаки?

Тугія черныя пуговки не поддавались его рукамъ.

— Постой, я сама.

Она перегнулась гибкимъ станомъ къ своимъ маленькимъ ножкамъ. Онъ охватилъ ее за талію.

— Да будетъ!... Портосикъ, миленькій... Ты меня щекочешь... Я же не могу такъ... Что ты со мною дѣлаешь!

Ей совсѣмъ не казалось ни страннымъ, ни удивительнымъ, что они оба легли въ постель, когда уже день наступалъ на дворѣ и въ яркомъ золотѣ солнечнаго свѣта были обѣ оконныя занавѣски. За ними игралъ на длинной жестяной трубѣ пастухъ и мычали коровы. Чьи то голоса слышались на улицѣ. Скрипѣли телѣги.

Она ничего не соображала. Въ головѣ чуть внятно будто играла музыка— все тотъ же вальсъ «Березку». Ахъ, какой надоѣдный вальсъ! И все-таки милый. Да о чемъ думать? Портосъ все знаетъ, Портосъ все умѣетъ и ей такъ хорошо съ милымъ Портосомъ.

— Ахъ, Портосъ, — вздохнула она, — какіе мы съ тобою глупыя дѣти... И какъ хорошо... хорошо... хорошо!...

И забылась крѣпкимъ сномъ, совсѣмъ такъ, какъ писалъ онъ ей въ письмахъ. Горячая, зноемъ пышащая щека легла на его грудь подъ рукою, а вдоль всей его руки обвивались, щекоча, ея золотистые нѣжные локоны.

XXX

Двадцать четыре часа какого-то дивнаго сумасшедшаго сна... Они вставали... Ѣли какихъ-то удивительныхъ рябчиковъ, бѣлые грибы въ сметанѣ, пили шампанское и она, приподнявъ бокалъ къ своимъ глазамъ, смотрѣла, какъ за хрустальной стѣнкой въ золотистой влагѣ играли серебряные шарики.

— Портосъ... неужели разлука?.. А вѣдь надо, надо ѣхать.

И на другой день, въ тѣ же утренніе часы, когда весь городокъ спалъ заколдованнымъ сномъ, тотъ же извозчикъ отвезъ ихъ на станцію. Портосъ провожалъ Валентину Петровну до Петербурга. Онъ цѣловалъ ее въ губы въ пустомъ корридорѣ площадки между двухъ оконъ, за которыми бѣжали лѣса и поля. Онъ шепталъ ей безумныя слова и говорилъ ей адресъ той квартиры, куда должна она будетъ къ нему приходить. Въ крѣпко спящемъ утреннимъ сномъ вагонѣ одни они не спали.

Передъ Петербургомъ, когда показались плакучія березы и ивы, кресты и памятники Митрофаніевскаго кладбища, и сонные пасажиры начали выходить изъ отдѣленій въ корридоръ, Портосъ ушелъ въ задній вагонъ третьяго класса и въ немъ доѣхалъ до вокзала.

На темномъ и непріютномъ перронѣ Варшавскаго вокзала Валентину Петровну встрѣчали Таня и Ермократъ Аполлоновичъ.

И, когда Валентина Петровна съ большимъ букетомъ розъ, свидѣтельницъ ея грѣха, сопровождаемая Таней и Ермократомъ, несшимъ ея чемоданчикъ, подавалась въ толпѣ пассажировъ къ выходнымъ дверямъ, изъ толпы протискался къ ней улыбающійся Портосъ.

— Какъ это мило, Владиміръ Николаевичъ, — воскликнула непритворно радостно Валентина Петровна, — что вы пріѣхали меня встрѣтить! Но, какъ вы узнали, что я пріѣзжаю сегодня и съ этимъ поѣздомъ?

— Добрые люди сообщили.

Валентина Петровна говорила и удивлялась, какъ спокоенъ и ровенъ былъ ея голосъ.

«Что же это» — думала она, — «или это Любовь научила меня такъ лгать? Любовь — это ложь?»

Ермократъ позвалъ извозчиковъ. Валентина Петровна сѣла съ Таней, Ермократъ поѣхалъ впереди съ чемоданомъ и шляпной кордонкой. Портосъ не посмотрѣлъ на него. Онъ цѣловалъ ручку Валентины Петровны и она ему говорила что-то милое и ласковое, совсѣмъ обыденное, то, что сказала бы всякому другому, кто встрѣтилъ бы ее и что такъ сухо звучало послѣ тѣхъ удивительныхъ словъ, что были сказаны нѣсколько минутъ тому назадъ въ пустомъ корридорѣ вагона.

Извозчикъ тронулъ, и Портосъ скрылся на панели за чахлыми деревцами.

Опять Петербургъ. Онъ оглушилъ ее грохотомъ подводъ, лязгомъ желѣза, стукомъ кидаемыхъ съ барокъ на Обводномъ каналѣ дровъ, скрежетомъ трамваевъ, гудками автомобилей и мѣрнымъ, куда-то вдаль уходящимъ, топотомъ безчисленныхъ ногъ лошадей, несущихся по всему городу извозчиковъ, но онъ ей показался совсѣмъ другимъ, не тѣмъ, какимъ она его оставила. Узкій и темный Обводный каналъ, заставленный барками, грязный мостъ, пыльный Измайловскій проспектъ со скучными вправо и влѣво уходящими улицами «ротъ», дворники въ бѣлыхъ фартукахъ и черныхъ картузахъ, поливающіе изъ кишекъ улицу, радуга, играющая въ косыхъ лучахъ утренняго солнца на разбрызгиваемой водѣ, лотки съ земляникой, кадки съ огурцами у панелей, казармы съ настежь раскрытыми окнами, гдѣ лежали маленькіе солдаты армейской пѣхоты, пришедшей на смѣну Измайловцамъ, бѣлый соборъ о пяти синихъ куполахъ съ золотыми звѣздочками, колонна изъ турецкихъ орудій — все это казалось ей новымъ, особенно красивымъ и милымъ.

Дома Марья цѣловала ее въ «плечико» и говорила, что она приготовила къ завтраку, Ди-ди визжала и длинными пальчиками съ когтями царапала пуговки и канты на ея юбкѣ.

— Ди-ди! успокойся... Ты такъ рада? Ну вотъ видишь — вотъ и я.

Собака прыгала, стараясь достать ея лицо и лизнуть свѣжую щеку. Котъ Топи, распустивъ хвостъ панашомъ, терся о ея ноги. Левретка въ ревности пыталась оттѣснить его.

— Постой, Ди-ди... Дай же мнѣ его приласкать.

Она, сопровождаемая извивавшейся и повизгивавшей отъ восторга собакой и котомъ вошла въ гостиную. Вездѣ была чистота. Сквозь тюлевыя занавѣси былъ виденъ садикъ на дворѣ. Онъ разросся за ея отсутствіе. Она посмотрѣла на рояль и Таня точно угадала ея мысли:

— Вчера настройщикъ былъ... Я вызывала, — сказала она.

— Спасибо, Таня.

Валентина Петровна положила розы на столъ. Таня взяла ихъ.

— Тамошнія розы? — спросила она. — Какія авантажныя.

Валентина Петровна вздрогнула и густо покраснѣла.

— Да, тамошнія, — быстро сказала она.

— Куда ставить ихъ прикажете, барыня?

— Поставьте въ спальной около постели.

Она сняла шляпку и, вынувъ шпильку, поправляла ею передъ зеркаломъ растрепанные волосы. Таня видѣла въ зеркалѣ ея усталое лицо съ большими въ темной синевѣ спокойными, счастливыми глазами.

— Устали, барыня?

— Да... ночь не спала... Душно было въ вагонѣ.

— Да, такая жара... и тамъ тоже жарко?

— Да, очень....

— Можетъ приляжете отдохнуть.

— Нѣтъ... Приготовьте мнѣ ванну, я послѣ чая возьму.

Послѣ ванны, въ нарядномъ пеньюарѣ съ лентами, съ широкими рукавами, съ распущенными сырыми волосами — она ихъ мыла, — положенными на подшипленное на спинѣ полотенце она сидѣла за роялемъ, пере-

листывала ноты и играла то тотъ, то другой отрывокъ. Переволновавшаяся отъ встрѣчи, уставшая Ди-ди лежала подлѣ нея въ креслѣ и спала, насторожив тонкое, большое ухо. Котъ Топи развалился на столѣ между альбомами и спустилъ къ полу мохнатый хвостъ. Онъ поглядывалъ на хозяйку прищуренными зелеными глазами и точно говорилъ: « я то все знаю, но никому не скажу».

Небрежно, одною рукою, Валентина Петровна стала наигрывать вальсъ «Березку». Милый старый вальсъ! Улыбнулась скопфуженнной улыбкой, потупила глаза, перелистала ноты и стала, серьезно насупившись, играть **«Largo»**.

Разумъ ей говорилъ, что она преступница. Какъ, какими глазами она встрѣтитъ сегодня вечеромъ Якова Кронидовича? Что будетъ ему говорить? А, если будетъ то?.. Разумъ искалъ выхода изъ создавшагося положенія и не находилъ. Тамъ, гдѣ то въ глубинѣ души съ возмущеніемъ повторялась фраза, точно на вѣкъ отпечатавшаяся въ мозгу: «Кирочная 88, подъ воротами направо.... Отдѣльный ходъ... Только къ намъ».

Разумъ возмущался: «къ намъ!... И это будетъ! Пройдти придется и черезъ это, если она дѣйствительно любитъ Портоса... А сердце билось спокойно и была какая-то сладкая истома во всемъ тѣлѣ. Хотѣлось спать. Мысли путались, не давали онѣ говорить разуму его жесткія, колючія слова... Забыла что играетъ... сбилась... Остановилась... сладко зѣвнула... Долго звенѣла подъ черной полированной крышкой потревоженная клавишей струна. Валентина Петровна бросила играть. Опустившись на коверъ на колѣни, она тихо ласкала собаку и разглаживала пальцами тонкое шелковистое ухо. Собака во снѣ ласково ворчала.

Противорѣчіе между разумомъ и сердцемъ страшило Валентину Петровну: «Что же дѣлать?... Что же дѣлать?», — жалѣя себя, подумала она. — «Но вѣдь это все уже было... было... Этого не поправишь»...

Уткнувшись лицомъ въ нѣжную шейку собаки, гдѣ шелковистый былъ проборъ бѣлой шерсти, Валентина

Петровна плакала. Сама не знала о чемъ. Было страшно сегодняшней вечерней встрѣчи. Проснувшаяся Диди смотрѣла на нее большими удивленными глазами. Она протягивала къ ней лапы, точно хотѣла остановить ея слезы и тихо повизгивала.

Котъ Топи еще болѣе сузилъ зеленые глаза и, укоризненно мурлыча, покачивалъ кончикомъ опущеннаго хвоста.

Валентинѣ Петровнѣ было страшно на него смотрѣть. Ей казалось, что онъ все зналъ и понималъ ея положеніе.

XXXI

До вечера Валентина Петровна крѣпко спала. Встала разбуженная Таней и, когда подошла къ зеркалу была удивлена. На нее смотрѣло прелестное, свѣжее лицо. Только глаза, еще хранившіе истому, напоминали о вчерашней ночи въ Лугѣ. Она чувствовала себя бодрой. И, когда ѣхала съ Таней на Витебскій вокзалъ встрѣчать Якова Кронидовича, ощущала странную, почти враждебную холодность къ мужу. Точно не она передъ нимъ, а онъ передъ нею былъ виноватъ, и спокойно обдумывала, что и какъ она ему скажетъ. Была готова на любой допросъ.

Когда на площадкѣ подходившаго вагона она увидала мягкую, черную фетровую шляпу мужа, большую, точно еще выросшую, волнистую черную бороду и сѣрое пальто-крылатку, когда и онъ, увидавшій и узнавшій ее въ толпѣ, улыбнулся ей привѣтливой и доброй улыбкой — она вдругъ почувствовала, что такъ ненавидитъ его, что ей стало страшно, что не сумѣетъ она скрыть своихъ чувствъ. Вся ея вина передъ нимъ, все раскаяніе, слезы о грѣхѣ совершенномъ — исчезли, какъ роса отъ жаркаго солнца, отъ его улыбки собственника и сразу, точно какой-то невидимый камертонъ прозвучалъ въ ея душѣ и указалъ ей, чего держаться: въ

ней установился къ мужу чуть презрительно-насмѣшливый тонъ.

Онъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ щеку. Она вывернулась изъ его объятій и дѣловито спросила:

— Не усталъ?.. Не было жарко?...

— Я ничего. Какъ ты?

— Я ѣхала ночью. Было хорошо. Спала, какъ сурокъ.

— Дома какъ?

Онъ спрашивалъ и, слушая ее, передавалъ багажную квитанцію Ермократу.

— Два мѣста, — сказалъ онъ Ермократу. — Пойдемъ, Аля.

Онъ взялъ ее подъ руку. По тому, какъ улыбался онъ, какъ, осторожно прижимая ее къ себѣ, велъ внизъ по лѣстницѣ она чувствовала, какъ онъ ее любитъ и какъ жаждетъ. Ужасъ и злоба владѣли ею.

— Я такъ тосковалъ по тебѣ, Аля... И віолончель моя по твоему роялю соскучилась.

Валентина Петровна ухватилась за его слова.

— Что жъ.. Поиграемъ.

— Сегодня?

— Ну да... А что?

— Я бы хотѣлъ пораньше спать.

Она едва удержалась, чтобы не вздрогнуть.

— Успѣемъ и поиграть и поспать. Или ты усталъ?

— О нѣтъ! Я совсѣмъ свѣжъ и бодръ....

Онъ хотѣлъ что-то шепнуть ей, законфузился и не посмѣлъ. Только приблизилъ къ ней свою черную бороду. И ей казалось, что отъ крылатки его идетъ прѣсный запахъ покойника.

На извозчикѣ было легче. Городской шумъ мѣшалъ говорить. Если бы можно было такъ ѣхать и никогда никуда не пріѣхать!

Дома былъ ужинъ... Водка, вино, Валентина Петровна съ отвращеніемъ смотрѣла, съ какимъ удовольствіемъ онъ ѣлъ. Она ни къ чему не притронулась.

— Что же ты? — спросилъ онъ.

— Такъ, что-то не хочется... Я хорошо пообѣдала.

Онъ хотѣлъ послѣ ужина идти спать, она хотѣла задержать, отдалить страшный моментъ. Уйдти отъ него совсѣмъ. Ей казалось, что когда это будетъ — она сойдетъ съ ума, покончитъ съ собой, какъ та барышня, которую въ паркѣ изнасиловали солдаты.

Она сѣла къ роялю и стала играть.

— Что это такое? — спросилъ онъ. — Я первый разъ слышу.

— Это — Аргентинское танго.... Очень модно теперь.

— Мило... Пустяковина, конечно, но мило.

— Неправда-ли?

Она повторила мотивъ.

— Да, знаешь, — сказала она, переставая играть, — двадцать шестого іюля въ Красномъ Селѣ скачки въ Высочайшемъ присутствіи. Всѣ наши будутъ. Петрикъ очень просилъ, чтобы и я была. Для счастья.... Онъ скачетъ.

— Ты съ Петрикомъ каталась? — спросилъ онъ, стараясь говорить просто.

Если бы не было этой вчерашней ночи, если бы не установился въ ней насмѣшливо-лживый тонъ — она бы солгала. Но теперь она подняла на него глаза морской воды и спокойно сказала:

— Нѣтъ. Съ Портосомъ.

— Я просилъ тебя ѣздить съ Петрикомъ, — мягко сказалъ Яковъ Кронидовичъ.

— Петрикъ не могъ... А Портосу это ничего не стоило, — холодно сказала она.

«Ахъ, если бы ссора!» — думала она. — «Охлажденіе, хотя на одну сегодняшнюю ночь!... Да хоть навсегда... Пожалуйста»...

Но Яковъ Кронидовичъ былъ далекъ отъ ссоры. То, что она ему не солгала — сразу смягчило его, и онъ съ любовью и нѣжностью посмотрѣлъ на нее. Она не видѣла его взгляда. Ея вызова хватило на мгновеніе. Опустивъ глаза, она наигрывала какую-то мелодію на роялѣ.

— Такъ что же скачки? — сказалъ онъ.

— Пожалуйста, поѣдемъ.... Ты знаешь: даже Стасскій будетъ.

— Стасскій на скачкахъ! Воображаю!... А вѣдь и я никогда не видалъ, признаться, скачекъ.

Она опять съ вызовомъ посмотрѣла на него. «Скачутъ», — подумала она, — «живые люди, а ты видишь только трупы».

— Хорошо, поѣдемъ... Ты скажи Петру Сергѣевичу, чтобы онъ досталъ ложу.

— Хорошо, — сказала она. Сама думала: «не безпокойся, у Портоса уже все готово»...

Онъ притворно зѣвнулъ. Она поняла, что тянуть дольше нельзя. Сказать ему все — и тогда конецъ... Но сказать не рѣшилась.

— Что же, Аля... Спасибо, что поиграла. Пойдемъ спать.

— Пойдемъ.

Она встала и отвернулась къ двери, чтобы онъ не видѣлъ ея лица. Блѣдно прозвучалъ ея голосъ.

«Я какъ публичная женщина» — думала Валентина Петровна, — «утромъ съ однимъ, ночью съ другимъ... Но не могу же... не могу я.... Что мнѣ дѣлать?.. Его право!»...

Она съ трудомъ прошла черезъ столовую въ спальню. Ноги не слушались ее. Раздѣвшись, лежа въ постели, она ожидала мужа и тряслась, какъ въ лихорадкѣ.

«Я дрянь», — думала она. — «Встать, закрыть дверь на ключъ... А будетъ стучать — послать къ чорту... къ чорту... къ чорту послать» — шептала она пухлыми губами, чувствуя, что вотъ вотъ разрыдается. — «Вѣдь это же ужасъ одинъ... Ну... тамъ... любовь... страсть.... я понимаю... а здѣсь... долгъ... Къ чорту!...

Надъ ея головой благоухалъ букетъ распустившихся за день розъ. Валентина Петровна вскочила, и, не надѣвая ни халата, ни туфель, понесла его изъ комнаты.... Ей казалось, что розы осудятъ ее.

Въ дверяхъ она столкнулась съ мужемъ.

— Что это ты? — спросилъ онъ.

— Слишкомъ сильно пахнетъ. Голова болитъ, — сердито сказала она.

— Устала, вѣрно?

— Да. Очень устала. Унеси въ столовую.

«Ничего не видитъ!.. Ничего не понимаетъ» — думала она, прислушиваясь къ шагамъ мужа. — «Ему все равно, въ какомъ я состояніи.. Что я переживаю... О, какъ онъ не чутокъ!....

Ея лицо было блѣдно. Ужасъ, отвращеніе и ненависть легли морщинами къ угламъ рта. Глаза были закрыты.... Яковъ Кронидовичъ не видѣлъ этого.

Онъ погасилъ лампу. Чуть теплилась у иконы лампадка.... .....

— Теперь... уйди... — простонала Валентина Петровна, уже не скрывая своего отвращенія. — Я устала... Спать хочу.

Едва онъ вышелъ, она зарылась головою въ подушки, залилась слезами, вся содрогаясь отъ рыданій.

«Дрянь я... Ничтожная дрянь... Не смогла сказать теперь... Навсегда ложь... Навсегда такъ... Взлеты и паденія... Я падшая женщина... Дрянь...»

Такъ и заснула ничкомъ, на мокрой отъ слезъ подушкѣ въ сознаніи, что вошло въ ея душу что-то ужасное и испортило жизнь навсегда.

XXXII

Четырехверстная скачка съ препятствіями на Императорскій призъ и раздача призовъ за стрѣльбу изъ винтовокъ и орудій, за фехтовальный бой и за выѣздку лошадей завершала Красносельскій лагерный сборъ. Послѣ нея начинались подвижные сборы и маневры. Красное Село пустѣло.

Эта скачка безподобно, вѣрно и точно, съ мелочными переживаніями на ней ѣздоковъ и лошадей, описана графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ въ романѣ «Анна Каренина». Съ тѣхъ поръ — Толстой описывалъ семидесятые годы, — почти ничто въ ней не измѣнилось. Только начиналась она не за рѣчкой Лигов-

кой, которую скачущимъ у Толстого надо было переходить въ бродъ, а въ трехстахъ шагахъ отъ трибунъ, и прямо шла на батарею, или какъ ее называли по прежнему — трибуненъ-шпрунгъ. Препятствія стали выше, солиднѣе, прочнѣе. Но за эти годы и сама кавалерія и взглядъ въ ней на спортъ сильно измѣнились, и Петрикъ, въ десятый разъ перечитывавшій описаніе скачекъ у Толстого, это особенно чувствовалъ.

У Толстого Вронскій скакалъ такъ... между прочимъ. Имѣлъ деньги, купилъ готовую чистокровную лошадь и скакалъ на ней. Онъ и пріѣхалъ на скачки за пять минутъ до посадки на лошадей. Онъ любилъ свою Фру-фру, онъ понималъ ее, но развѣ была она для него тѣмъ, чѣмъ была Одалиска для Петрика!? Вронскому, если бы онъ взялъ призъ — этотъ призъ ничего не прибавилъ бы и ничего не убавилъ. Лишній случай кутнуть въ собраніи, покрасоваться собой. И то, что онъ сломалъ на прыжкѣ спину лошади, для Вронскаго былъ тяжелый, но мимолетный эпизодъ, сейчасъ же заслоненный драмой его любви къ Аннѣ. Петрикъ, переживая все то, что пережилъ Вронскій, даже не могъ себѣ представить, что было бы, если по его винѣ погибла его Одалиска.

«Нѣтъ... лучше самому убиться», — нѣсколько разъ шепталъ онъ, прочитывая это мѣсто въ романѣ и, всякій разъ, волнуясь за Вронскаго.

«Сто разъ лучше, чище, благороднѣе самому». И онъ содрогался, читая, какъ лежала и не могла встать Фру-фру Вронскаго.

Петрикъ скакалъ не для денегъ. Онъ могъ больше наработать денегъ, если бы скакалъ въ Коломягахъ, но онъ скачки съ тотализаторомъ считалъ недостойными офицера. Тамъ играющая, азартная толпа. Тамъ крики браво, апплодисменты, тамъ могутъ быть — и свистки. А ни апплодировать, ни свистать толпа не смѣетъ офицеру.

Императорскій призъ заносится въ послужной списокъ офицера. Это отличіе. Это награда. Это честь не только для офицера, взявшаго призъ, но это честь для

его полка. Когда онъ, первымъ, или вторымъ подойдетъ къ финишу — трубачи заиграютъ маршъ лейбъ-драгунскаго Маріенбургскаго полка — и всѣ будутъ знать, что Маріенбургскіе драгуны взяли Императорскій призъ. Объ этомъ будетъ напечатано въ «приказѣ по Военному Вѣдомству», въ «Русскомъ Инвалидѣ» и въ газетахъ — и вся Русская армія узнаетъ, что въ этомъ году Императорскій призъ взялъ штабсъ-ротмистръ Ранцевъ лейбъ-драгунскаго Маріенбургскаго полка. И Петрику было важно не то, что онъ и есть Ранцевъ, а то, что этимъ прославится на всю Россію его полкъ, Маріенбургскіе драгуны! И это онъ ихъ прославитъ.

Георгіевскій крестъ, значекъ офицерской кавалерійской школы, медаль за спасеніе погибающихъ и императорскій призъ за стипль-чезъ — вотъ, что съ малыхъ лѣтъ было мечтами Петрика. Не богатство, не власть, не любовь женщинъ, но эти четыре отличія, эти воинственныя доказательства — храбрости, знанія коннаго дѣла, жертвенной любви къ ближнему и лихой удали — владѣли Петрикомъ. Еще молилъ онъ у Бога объ одномъ: умереть по-солдатски, на войнѣ — «за Вѣру, Царя и Родину»...

У Вронскаго была большая любовь къ Аннѣ Карениной, и Каренина должна была быть на скачкахъ.

Вронскій принадлежалъ къ Петербургскому свѣту, а люди этого свѣта считали своимъ долгомъ быть на скачкахъ. Вронскій скакалъ на виду у своихъ.

Скромный Маріенбургскій драгунъ Петрикъ никому не былъ извѣстенъ. У него не было такой любви, какая была у Вронскаго, онъ, выходя въ «холостой» полкъ отказался отъ семейнаго счастія, но и ему хотѣлось, чтобы въ этотъ большой для него день, — онъ понималъ, что онъ и разбиться можетъ — и для него свѣтило его солнышко и чья-то пара глазъ смотрѣла на него не совсѣмъ равнодушно. Вотъ почему, при всей его нелюбви къ «литературѣ» онъ написалъ и даже «со стишками» Валентинѣ Петровнѣ, умоляя ее быть на скачкахъ. «Госпожа наша начальница» — была прошлое. Петрикъ твердо блюлъ заповѣди Господни и

зналъ, что нельзя и преступно «желать жену ближняго своего». Алечка Лоссовская, королевна дѣтской сказки Захолустнаго Штаба, была для него недостижимая мечта, Валентина Петровна Тропарева — запретный плодъ. Но въ день тріумфа, или гибели— Петрику хотѣлось, чтобы это ея глаза цвѣта морской воды встрѣтили его побѣду, или проводили носилки съ нимъ.

Петрикъ не зналъ, будетъ ли она на скачкахъ или нѣтъ. Валентина Петровна ему не отвѣтила. Могъ это знать Портосъ, но съ Портосомъ онъ не разговаривалъ. Портосъ былъ въ партіи, и Петрикъ гадливо сторонился его, какъ измѣнника.

У Вронскаго въ день скачекъ было много дѣлъ — онъ заѣхалъ къ своей Фру-фру только на минуту, предоставивъ ее попеченіямъ тренера - англичанина — и это Петрику казалось ужаснымъ. Петрикъ былъ самъ и тренеръ, и конюшенный мальчикъ, и жокей для своей Одалиски. Для нея онъ, при тяжелой лагерной работѣ, вставалъ со свѣтомъ и «тренировалъ» и сушилъ свою Одалиску. И за эти утренніе часы, когда еще блѣдно Красносельское солнце, спятъ и Главный и Авангардный лагери, и надъ Дудергофскимъ озеромъ стелется туманъ, закрывающій деревню Вилози, а Горская кажется плывущей надъ нимъ, Петрикъ такъ сжился съ Одалиской, что онъ не могъ представить себѣ, какъ это можно день скачекъ, е я с к а ч е к ъ провести иначе, какъ не съ ней?

XXXIII

Петрикъ рѣшилъ отправить Одалиску съ утра на скаковой кругъ и поставить тамъ въ конюшню, чтобы она имѣла время отдохнуть, успокоиться и «одуматься», какъ сказалъ ему его вѣстовой Лисовскій.

Онъ пришелъ раннимъ утромъ къ ней на конюшню. Одалиска только что выѣла свой овесъ. Лисовскій, въ мундирѣ, при этишкетѣ разглаживалъ попону съ капоромъ.

— Одѣвать, что-ль? — спросилъ онъ офицера.

— Да, будемъ надѣвать. И поведемъ съ Богомъ.

— Ну, Господи благослови, — сказалъ Лисовскій, привычнымъ движеніемъ рукъ накидывая легкую, суконную, черную съ желтымъ, цвѣтовъ полка, парадную попону на Одалиску.

Петрикъ помогалъ ему. Онъ вспоминалъ, какъ вчера генералъ Лимейль говорилъ ему, чтобы онъ не думалъ о призѣ, а думалъ о томъ, чтобы «хорошо проѣхать»... «по офицерски».... «И, смотрите, Ранцевъ», — говорилъ ему Лимейль, — «не вздумайте укорачивать стремена по-Слоановски *), какъ это теперь нѣкоторые завели глупую такую моду, или на препятствіяхъ ложиться на шею, выставляя сѣдалище, будто бы по Итальянской системѣ, — хотя и призъ возьмете — подъ арестъ отправлю!... Прежде всего будьте офицеромъ, а потомъ жокеемъ... Да, побѣда за вами»...

Одалиска въ капорѣ съ длинными черными ушами, съ прорѣзами для глазъ, отороченными желтой тесьмой, казалась незнакомой. Точно дама въ бальномъ нарядѣ и маскѣ. Она и правда казалась Петрику прекрасной женщиной, въ которую онъ влюбленъ, отправляющейся на балъ.

Въ томъ размягченномъ душевномъ состояніи, въ какомъ находился сейчасъ Петрикъ, уже волнующійся предстоящей скачкой, нѣжно любующійся своей лошадью, — онъ хотѣлъ всѣмъ сдѣлать пріятное, сдѣлать такъ, чтобы на гдѣ-то далеко внутри него слезами счастія дрожащія какія-то струны отозвались въ другомъ человѣческомъ сердцѣ и такъ же слезами задрожали другія струны.

— Лисовскій, — окликнулъ онъ вѣстового, разбиравшаго поводья выводной уздечки и готоваго вести лошадь.

— Чего изволите, ваше благородіе?

---

*) Слоанъ — жокей негръ, блиставшій своими побѣдами въ десятыхъ годахъ 20-го вѣка. Онъ ѣздилъ на очень короткихъ стременахъ, по-обезьяньи ложась на шею лошади.

— Ты вѣдь въ ноябрѣ домой?

— Такъ точно, ваше благородіе.

— Что же дома и невѣста есть?

Лисовскій сконфуженно посмотрѣлъ на Петрика. Не принято какъ-то было открывать эти нѣжныя стороны солдатской души передъ офицеромъ, да еще въ «холостомъ» то полку, гдѣ чего не видалъ и не слыхалъ Лисовскій за время службы.

— Припасена, — сказалъ онъ, не зная, какъ обернется дальше разговоръ и на всякій случай стараясь сгладить его какой-нибудь шуткой.

— Подарокъ везешь?

— Купилъ платокъ шерстяной изъ тѣхъ, что надысь вы мнѣ давали.

— А что подаришь на свадьбу?

— Колечко хотѣлъ купить, какъ съ охотъ возвернемся живы, здоровы.

— А что бы ты хотѣлъ ей?..

Лисовскій не понялъ Петрика.

— Чего изволите, ваше благородіе? — сказалъ онъ и повелъ Одалиску изъ конюшни.

Петрикъ пошелъ съ нимъ.

Широкое военное поле казалось розовымъ въ лучахъ восходящаго солнца. Вдали темнѣла Лабораторная роща. На линейкѣ Николаевскаго училища строились юнкера.

Такъ все это было далеко отъ маленькой деревни Витебской губерніи, откуда былъ Лисовскій. Изъ-за рощъ авангарднаго лагеря, изъ-за оврага отъ Главнаго лагеря доносился дробный трескъ барабановъ и игра маленькихъ флейтъ. Ничто не напоминало тишины Витебскихъ лѣсовъ.

— А изба у васъ готова? — допрашивалъ Петрикъ.

— Хорошую избу, родители писали, поставили въ лѣтошномъ году. Тесомъ крытая, о двухъ срубахъ.

— Въ ней и жить будете?

— Въ ней...

— Слушай, Лисовскій... Ну вотъ, представь себѣ...

Ну, чтобы, понимаешь, — полное благополучіе.... Чего бы ты хотѣлъ?

Они шли, спускаясь къ деревянному мосту черезъ оврагъ у Константиновскаго училища. Лисовскій не понималъ, къ чему клонитъ его «баринъ», и молчалъ.

— Ну вотъ, оженились, — стараясь говорить по-мужицки, говорилъ Петрикъ, — пріѣхали, оглядѣлись. Чего не достаетъ?.. Чего бы вамъ обоимъ хотѣлось... Въ хозяйствѣ... Лошадь есть?

— Будетъ и лошадь, — сказалъ Лисовскій. Онъ все боялся какой-то ловушки со стороны офицера. Хотя и не такой его благородіе, — а все таки... Кто ихъ «господъ» разберетъ!

— Чего же не достаетъ? Чего желаете вы съ невѣстой имѣть въ своемъ молодомъ хозяйствѣ?

— Коровы у насъ нѣтъ, — хмуро и нерѣшительно сказалъ солдатъ.

— А почемъ у васъ коровы?... Только отличныя коровы?

— На Вздвиженье, 14-го сентября, у насъ по сосѣдству большая бываетъ ярмарка. Скота много пригоняютъ.... Цѣлковыхъ за восемьдесятъ хар-рошую можно корову купить, — улыбаясь сказалъ Лисовскій.

— Слушай, Лисовскій... и знай... если о н а возьметъ сегодня первый... даже второй, скажемъ, призъ.... Твои сто рублей... Посылай — пусть купятъ къ свадьбѣ корову... На память о полку... и о н е й....

— За что жаловать изволите, — ваше благородіе.. Да это вы... такъ... поди.. шутейно....

— Что ты, Лисовскій!

Они, молча, поднимались по пыльной дорогѣ, шедшей по косогору къ церкви 1-й гвардейской дивизіи. Ихъ сапоги были одинаково пыльны и мягко позвякивали шпоры. Ихъ лица раздѣляла странная въ капорѣ голова лошади. Чуть похрапывала Одалиска, прислушиваясь къ командным крикамъ на линейкѣ главнаго лагеря. Впереди, зеркальнымъ блескомъ, горѣло Фабрикантское озеро, отражая поднявшееся солнце.

Лицо Лисовскаго было смущено. Рука подъ подбородкомъ лошади дрожала.

— Помилуй, Господь, — чуть слышно сказалъ онъ. — Не убиться бы вамъ сегодня...

XXXIV

Когда Петрикъ съ Лисовскимъ и Одалиской пришли на кругъ, конюшня была еще почти пустая. Въ ней стояло всего шесть лошадей офицеровъ, пріѣхавшихъ на скачки изъ провинціи. Хорошо устроивъ Одалиску и наваливъ ей въ денникъ выше колѣна соломы, Петрикъ вышелъ на поле.

Еще въ будничномъ своемъ скучномъ и грязномъ, послѣ вчерашнихъ дождей, видѣ было скаковое поле. Но вездѣ работали люди. Артельныя полковыя подводы съ пескомъ, съ гирляндами зелени, съ дерномъ, съ шестами разъѣзжали по полю и по дорогамъ, ведущимъ къ скаковымъ павильонамъ. Солдаты засыпали черныя лужи пескомъ, натыкали свѣжихъ березовыхъ вѣниковъ въ валы препятствій, развѣшивали по шестамъ, наставленнымъ вдоль дороги, идущей отъ полустанціи «Скачки» къ трибунамъ, гирлянды свѣжей зелени, вѣшали большіе флаги на Царской бесѣдкѣ и на боковыхъ павильонахъ.

Скупое Петербургское солнце, то проглядывало на лоскутахъ синяго неба, то скрывалось за набѣгавшія тучи. Подувалъ свѣжій, напористый, не холодный вѣтеръ и несъ запахъ морской воды съ зализа.

Къ пяти часамъ всѣ изъяны были исправлены и скучныя своею пустотою трибуны на пустомъ полѣ приняли праздничный видъ. По бокамъ препятствій рѣяли большіе квадратные желтые флаги. Дорога широкой песчаной лентой шла къ царскому павильону. Отъ Краснаго села на подводахъ, верхомъ и пѣшкомъ, тянулись команды трубачей.

Трубачи разстанавливали пюпитры у финиша ска-

чекъ и старшій капельмейстеръ, собравъ полковыхъ капельмейстеровъ, обсуждалъ съ ними программу и назначалъ какому полку какой играть маршъ.

Конюшня была полна. Многимъ уже не хватило мѣста, и на лугу подлѣ конюшни вѣстовые держали лошадей въ поводу.

Петрикъ весь день провелъ съ донскимъ есауломъ Поповымъ, пріѣхавшимъ на скачки съ Австрійской границы. Они обошли кругъ, запомнили всѣ выбоины и топкія мѣста, потомъ долго сидѣли на лавочкѣ подлѣ конюшни, наблюдая за праздничнымъ преображеніемъ скакового поля. Есаулъ былъ любитель спорта и лошади, что называется чистой воды. Въ немъ не было сентиментальной любви къ лошади, какъ у Петрика. Лошадь есть лошадь — онъ затратилъ на нее большія деньги, и она должна ему вернуть ихъ съ лихвой. Онъ былъ прекрасный наѣздникъ и природный знатокъ лошади и онъ умѣлъ выжать лошадь. Онъ скакалъ вездѣ, гдѣ это позволяла ему служба: въ Ростовѣ и въ Варшавѣ, въ Пятигорскѣ и Новочеркасскѣ, и теперь привелъ своего гнѣдого Балтазара завода княгини Хилковой въ Красное на Императорскій призъ. И призъ для него былъ прежде всего деньги, — и большія деньги, на которыя можно купить кобылицъ и завести на далекомъ хуторѣ маленькій заводъ чистокровныхъ лошадей... Его Балтазаръ былъ въ великолѣпномъ порядкѣ, и узкоглазый калмыкъ, вѣстовой Попова, глядѣлъ за нимъ, какъ за принцемъ. Это былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ конкуррентовъ Одалиски. Поповъ зналъ всѣхъ лошадей, скакавшихъ съ ними, и каждую и каждаго ѣздока разобралъ до послѣдней косточки. Онъ высоко ставилъ Петрика и его Одалиску — на первое, или на второе мѣсто — и это льстило Петрику.

— Вы какъ же, штабсъ-ротмистръ, — говорилъ есаулъ, покуривая папироску изъ черешневаго чубучка, — изъ какихъ будете, разобрать не могу, изъ «спорьсменовъ», или просто офицеръ — рубаха парень?

— А что вы называете спортсменами?

— Спорьсмены... а вотъ, къ примѣру корнетъ Ясин-

скій, или баронъ Позенъ — вы ихъ спросите, какъ они поведутъ — они тебѣ такой ахинеи наплетутъ — уму непостижимо, чисто арабскія сказки — и все наврутъ, напутаютъ, чтобы тебя съ ума сбить. Потому, штабсъ-ротмистръ, очень важно знать, что у твоего соперника на умѣ. Иной на скачкѣ, со старта, сорветъ, понесетъ, сломя голову, — эва, думаешь, дуракъ какой, а ничего не дуракъ. Это онъ нарочно, запримѣтилъ, что твоя лошадь заносистая, горячая, ндравная, такъ это онъ, въ своей то будучи увѣренъ, — тебя сломать хочетъ. Мы съ вами въ большихъ шансахъ и мнѣ интересно потому знать, какъ мнѣ на васъ смотрѣть? Спорьсменъ вы, или нѣтъ? Можно вамъ вѣрить?

— Я — офицеръ, — со скромною гордостью сказалъ Петрикъ.

— А какъ поведете? — поворачивая къ нему загорѣлое, смуглое, широкоскулое голое лицо, спросилъ есаулъ.

Уже приходили спеціальные скаковые поѣзда и, останавливаясь у платформы, выпускали пассажировъ. По усыпанной пескомъ дорогѣ, между зеленыхъ гирляндъ и шестовъ съ Русскими флагами пѣшкомъ и на извозчикахъ собиралась публика. Петрикъ увидалъ Валентину Петровну. Она ѣхала на извозчикѣ съ Яковомъ Кронидовичемъ. Петрикъ замѣтилъ легкую огромную плоскую шляпу цвѣта старой слоновой кости, перехваченную широкой бархатной лентой блеклаго сѣро-голубого цвѣта. Пучекъ яркихъ алыхъ розъ красовался на ней. Въ этой свѣтлой рамѣ поразительно нѣжнымъ, дѣвственно прекраснымъ показалось ея лицо. Петрикъ поклонился имъ, но, ни она, ни Яковъ Кронидовичъ не замѣтили его, заслоненнаго толпою, лошадьми, гирляндами и флагами. Сердце Петрика сжалось отъ приступа чистой, святой любви. Въ головѣ зазвучала та прекрасная музыка, въ звукахъ которой она ему такъ запомнилась.

— Знакомыхъ примѣтили... У меня... никого... — вздохнулъ есаулъ. — Такъ какъ же поведете-то?

— Я... — восторженно блестя вдругъ загорѣвшимися глазами, воскликнулъ Петрикъ. — Largo!

— Чего-й-та? — наклоняя къ Петрику бурое волосатое ухо, переспросилъ есаулъ. — Не дослышалъ я васъ что-ли?.. Кентеромъ что-ли, собачьимъ наметцемъ поведете? *).

Весело, откровенно, подкупая блескомъ горящихъ счастіемъ глазъ, отвѣчалъ Петрикъ:

— Медленно.... плавно.... не думая о другихъ.... да... свободнымъ кентеромъ.... безъ посыла, какъ о н а сама возьметъ.

— Ну те-съ? — загораясь его оживленіемъ и выдувая изъ чубука окурокъ, сказалъ есаулъ.

— А потомъ!..

— А потомъ?... На той сторонѣ? — сказалъ Поповъ.

— Передъ валомъ съ канавой...

— Совершенно точно... передъ валомъ съ канавой.

— Прибавлю... незамѣтно и сильно!

— Такъ, такъ, — кивалъ головою есаулъ, — ну те-съ? дальше?...

— На канаву съ водой — полнымъ ходомъ, но безъ посыла, какъ сама возьметъ. И потомъ... Что Богъ дастъ! Къ первому мѣсту, — вздыхая, договорилъ Петрикъ.

— Позвольте пожать вашу благородную руку, штабсъ-ротмистръ! Я съ вами... Какъ это вы... безъ хитрецы и обмана!.. Такъ, какъ это все называется то?

— Largo! — улыбаясь, сказалъ Петрикъ.

— Ну... вы лярьго и я лярьго... Вижу, что офицеръ вы, а не спорьсменъ!

Отъ Краснаго Села, откуда шпалерами до самыхъ скачекъ стояли, въ рубашкахъ и бѣлыхъ безкозыркахъ, солдаты Кирасирской дивизіи, раздалось ура. Оно, разгораясь, быстро катилось къ скачкамъ.

Государь Императоръ подъѣзжалъ къ Царской бесѣдкѣ. Игравшіе какое-то попури трубачи смолкли. Часто зазвонилъ колоколъ, приглашая офицеровъ первой скачки садиться на лошадей.

---

*) Кентеръ — легкій скаковой галопъ, больше фронтового (3 мин. 30 сек. верста) и меньше полевого (2 мин. 30 сек. верста).

XXXV

Валентина Петровна, найдя тонъ обращенія съ мужемъ, рѣшила держаться его въ своемъ новомъ положеніи. Изъ обвиняемой своею совѣстью — она поставила себя въ обвинительницы. Все то, что съ нею произошло, ея увлеченіе Портосомъ, ея измѣна мужу, произошло не потому, что она дрянь, падшая женщина, какъ сгоряча назвала она себя въ день пріѣзда изъ Энска Якова Кронидовича, а потому что ея мужъ не можетъ ей быть мужемъ. Въ силу своей страшной профессіи онъ ей противенъ и ужасенъ... Нуженъ разводъ... Объ этомъ она еще не переговорила съ Портосомъ, но ей было ясно, что это единственный прямой, честный и законный выходъ, а пока?... Пока оставалась — ложь. И Валентина Петровна забронировала себя легкимъ тономъ веселящейся женщины, занятой нарядами, свѣтскими развлеченіями и чуть презрительно-покровительственно относящейся къ своему старому мужу. Сейчасъ не онъ ее «вывозилъ» на скачки, но она везла своего «байбака», но очень ученаго, очень уважаемаго мужа на скачки, въ свѣтъ, и заранѣе извинялась за его оригинальность.

Въ дорогомъ, отъ Изамбаръ *), сшитомъ по ея заказу, платьѣ изъ легкой матеріи такого же цвѣта, какъ и шляпа, — желтовато сливочнаго, съ рукавами до локтя, расшитомъ толстымъ выпуклымъ гипюромъ все того же цвѣта, схваченнымъ у пояса толстымъ шелковымъ шнуркомъ съ длинными концами съ кистями, въ длинныхъ шведскихъ перчаткахъ, плотно облегавшихъ ея красивыя, въ мѣру полныя руки, она была великолѣпна.

Она уже съ извозчика увидала Портоса, стоявшаго на легкой галлереѣ, шедшей вдоль ложъ. Она боялась одного — быть первой. Но въ то время, когда она скидывала на руки Якова Кронидовича накидку, къ трибунамъ легкой побѣжкой плавно подбѣжала пара прекрасныхъ вороныхъ Ганноверскихъ коней съ рѣза-

*) Лучшая Петербургская портниха того времени.

ными рѣпицами и мягко подкатилъ высокій дачный кабріолетъ. Въ воздухѣ послышался благородный запахъ экипажа, чуть разогрѣвшихся лошадей, дегтя и кожи, къ нему примѣшался запахъ духовъ и прелестная Вѣра Константиновна Саблина расцѣловалась съ Валентиной Петровной.

И едва лошади отошли отъ входа на лѣстницу, какъ, воняя бензиномъ и грозно фырча, подкатила послѣдняя выписанная изъ-за границы модель — громадный, открытый, четырехъ-цилиндровый автомобиль Клеманъ-Баяръ, съ закрытыми по новой модѣ боками, съ зеркальнымъ стекломъ спереди и изъ него шумно стали вылѣзать генералъ Полуяновъ —онъ самъ и правилъ машиной и теперь отдалъ ее подбѣжавшему шоферу, Барковъ съ женою и Стасскій.

Стасскій былъ неузнаваемъ. Въ щегольскомъ лѣтнемъ англійскомъ костюмѣ, въ башмакахъ съ бѣлыми гетрами, онъ точно соскочилъ съ англійской гравюры. Тяжелый Владиміръ 2-й степени выглядывалъ изъ-подъ галстуха. Недаромъ онъ былъ первый умъ Россіи — онъ зналъ, какъ куда одѣться и гдѣ какъ себя держать.

Наверху у ложи ихъ встрѣчалъ Портосъ, въ «защитномъ» китель, въ ременной аммуниціи при шашкѣ и съ большимъ пукомъ красныхъ и бѣлыхъ гвоздикъ.

Саблина въ драгоцѣнномъ, изъ заграницы выписанномъ спеціально для этихъ скачекъ, костюмѣ изъ шелка bleu-Nattier, сѣро-голубомъ, но не холодномъ, похожемъ на поблекшій высыхающій василекъ, съ юбкой въ плоскихъ длинныхъ складкахъ и жакеткѣ, распахнутой на груди и застегнутой у пояса одной большой фарфоровой пуговицей со стариннымъ узоромъ, въ полудлинныхъ рукавахъ, съ обшлагами и воротникомъ изъ тонкаго тусклаго, золотого кружева, въ шляпѣ изъ бѣлой соломы, подбитой чернымъ бархатомъ, съ букетомъ темно-пунцовыхъ розъ, была прекрасна. Юбка доходила до щиколодки и изъ-подъ нея выглядывали башмачки изъ шевро съ тоненькими перепонками и блестящими изъ рѣзной стали пуговками. Она была такъ моложава въ этомъ платьѣ, что никто не сказалъ бы, что

рослый красавецъ пажъ и стройная дѣвочка, уже почти дѣвушка, сопровождавшіе ее, были ея дѣти.

— Что это вы, Поґтосъ, — весело обратилась она къ офицеру, — точно цвѣточница... Цвѣтами тоґгуете.

— Возьмите, сколько хотите?

— Нѣтъ... Къ моему платью не пойдутъ.... Слишкомъ гѣзкіе цвѣта. Дайте Танѣ.

Таня, ея дочь, вспыхнувъ до шеи, робко взяла нѣсколько бѣлыхъ гвоздикъ. Портосъ подошелъ къ Валентинѣ Петровнѣ.

— Къ вашему, Валентина Петровна, они какъ разъ подойдутъ, — сказалъ онъ, держа въ правой рукѣ красныя и въ лѣвой бѣлыя гвоздики, и значительно глядя на Валентину Петровну. — Выберите сколько какихъ хотите.

Валентина Петровна смутилась. Сильно покраснѣвъ, она чуть дрожащими руками, точно обдумывая и соображая что то, взяла двѣ алыя и пять бѣлыхъ гвоздикъ и неловко стала прикрѣплять ихъ за поясъ-шнурокъ своего платья. Таня ей помогла.

Въ ея глазахъ застыли испугъ и растерянность. Но никто не замѣтилъ этого. Четыре хора трубачей разомъ, согласно, грянули Русскій народный гимнъ, и публика тѣснившаяся по галлереѣ, жидко и нестройно закричала ура.

Государь Императоръ съ Императрицей и дѣтьми на громадной сильной машинѣ, управляемой полнымъ краснощекимъ полковникомъ въ свитской формѣ, легко, плавно и безшумно взявшей гору, подъѣзжалъ къ Императорскому павильону скачекъ. Генералы и офицеры, члены скакового комитета и среди нихъ замѣтная, высокая, благородно-осанистая фигура Великаго Князя Главнокомандующаго, встрѣчали ихъ на каменномъ крыльцѣ павильона.

XXXVI

Ура и «Боже царя храни», гремѣли, разносясь по широкому полю. Гдѣ-то ржали тревожно и безпокойно лошади. Солдаты, крестьяне окрестныхъ деревень и дачники, собравшіеся на той сторонѣ поля и пестрыми группами стоявшіе вдоль канавы, подхватили ура, и оно, точно эхо, перекидывалось и перекликалось отголосками.

На галлереѣ у ложъ офицеры стояли, держа руку у козырька, штатскіе были безъ шляпъ, дамы звонко кричали ура. Здѣсь особенно звучными казались громы оркестровъ, отражавшіеся о тонкія досчатыя стѣны ложъ. Подъ ними стояла машина Государя, и видно было то маленькое замѣшательство, какое бываетъ всегда при выходѣ изъ автомобиля или экипажа.

Стасскій, стоявшій между Полуяновымъ и Саблинымъ, говорилъ подъ шумъ криковъ и музыки.

— Вотъ гдѣ, а не въ государственной думѣ, не въ отвѣтственномъ передъ нею и ею избираемомъ министерствѣ, конецъ самодержавію.

— То-есть? — спросилъ Полуяновъ, небрежно державшій у козырька руку въ коричной кожаной перчаткѣ.

— Въ этой машинѣ.

— Ну этого я никакъ уже не понимаю, — пожалъ плечами Полуяновъ.

— Русскій Государь является народу. Здѣсь солдаты.. Здѣсь, немудрые сердцемъ, офицеры.. Ну и явись, какъ подобаетъ Русскому Царю... Напомни старое... Золоторизное византійство какое-нибудь... Чтобы въ носу защекотало и слеза на глазъ проступила. Самодержецъ!.. Или верхомъ на какомъ-нибудь особенномъ этакомъ конѣ, или еще лучше на тройкѣ такихъ лошадей, что говорили бы сердцу, въ драгоцѣннѣйшей сбруѣ, съ такимъ ямщикомъ кучеромъ, что дамы сразу сердца бы потеряли, подкати, выйди... поздоровайся... Это, какъ корона... Это та красота, которую Русскій народъ такъ

любитъ и цѣнитъ. Машина, слѣдующая ступень — штатское платье — это царь безъ короны, царь безъ вѣнца... Не вѣнценосный монархъ — уже не монархъ...

— Это цивилиза́ція, — сказалъ стоявшій сзади Яковъ Кронидовичъ. У него по щекѣ катилась слеза умиленія.

Стасскій обернулся къ нему и презрительно прищурилъ глаза.

— Цивилизація исключаетъ самодержавіе. Мы это поймемъ. И машину, и штатское платье, и цилиндръ будемъ привѣтствовать... Но только тогда мы самого самодержавія не оставимъ. Народъ? Нѣтъ народу подавай то, что вѣками отложилось въ его сердцѣ. Царь есть царь, а не президентъ, не американскій милліонеръ, не банкиръ и не инженеръ съ фабрики... Это рабочимъ — а не крестьянамъ.... Да еще Русскимъ, которые большіе знатоки и цѣнители этого... Коня и запряжки!

Государь съ семьею прошли внутрь павильона, и публика стала размѣщаться по ложамъ.

— Вы думаете, — первымъ за дамами входя въ ложу, продолжалъ Стасскій, — вы думаете Государя всѣ эти — онъ пренебрежительнымъ жестомъ показалъ на тѣснившійся на балконѣ Императорской бесѣдки генералитетъ — поддержатъ въ случаѣ чего?.. Его опора — крестьяне и офицеры, близкіе къ крестьянамъ, которые попроще... а этимъ... интеллигенціи то въ мундирѣ, или безъ мундира, заласканной-ли царемъ, или имъ пренебрегаемой... этимъ французская революція въ зубахъ навязла. Вотъ онъ — Стасскій глазами показалъ на Портоса, — значекъ академическій нацѣпилъ и уже— Бонапартъ!.. А народу— царь въ антихристовой машинѣ, что по деревнямъ собакъ, куръ, и дѣтей давитъ — уже не царь... Великій князь, торгующій виномъ, не великій князь... Митрополитъ въ пиджакѣ, на мотоциклеткѣ и безъ колокольнаго звона — не митрополитъ... А, Боже сохрани, если кто изъ Царской фамиліи осквернитъ свои бѣлыя ручки работой?! Мы не американцы какіенибудь, чтобы у насъ священенъ и благословенъ былъ трудъ — у насъ трудъ — проклятіе Божіе за Адамовь

грѣхъ, трудъ каторга, и не труженика, а благостнаго, прекраснаго полубога хочетъ народъ видѣть въ царѣ.. Увы, самодержавіе умираетъ и отсыхаетъ само собою, и уже не первое царствованіе. Императоръ Николай I былъ послѣдній самодержецъ. А потомъ... Катилось подъ горку... Да... подъ горку-съ... И докатилось до Думы и царя въ нѣмецкой машинѣ... Настоящая то Россія дика, очень еще даже дика... Возьмите-ка отъ лопаря до курда, и отъ бѣлорусса до монгола — ну-ка, поймутъ они машину?... А тройку бы поняли! Мы — Азія.... Если Самодержавіе — то Византійство... А если пошли въ Европу... такъ тамъ... республика и безбожіе.

— Что же, Александръ Николаевичъ, — сказалъ Полуяновъ, трогая подъ локоть Саблина, — вы не возразите Владиміру Васильевичу. Вѣдь онъ, поди, ересь проповѣдуетъ!..

— Что дѣлать, ваше превосходительство, — тихо сказалъ Саблинъ, — но я принужденъ во многомъ съ Владиміромъ Васильевичемъ согласиться... Вывѣска говоритъ о товарѣ...

Онъ скрестилъ на груди руки, опустилъ прекрасную, породистую голову, и такъ простоялъ все время скачекъ, безучастный ко всему и грустный.

XXXVII

Императрица въ большой, бѣлой шляпѣ, не шедшей къ ея лицу, въ длинномъ бѣломъ строгомъ платьѣ стояла у перилъ балкона бесѣдки и видимо волновалась. Ей предстояло сейчасъ раздавать призы наѣздникамъ за выѣздку лошадей. Призы — серебряные часы съ золотыми орлами и тяжелыми серебряными цѣпочками, въ кожаныхъ футлярахъ — лежали на большомъ подносѣ передъ ней. Великій князь и генералъ-инспекторъ кавалеріи, генералъ Остроградскій стояли подлѣ, чтобы помогать ей. Государь сталъ за нею.

Трубачи перестали играть. Крики и говоръ въ ло-

жахъ и трибунахъ смолкали. Зрители, приподнимаясь на носки, вытягиваясь, старались лучше разглядѣть, что происходило въ Царской бесѣдкѣ.

Шесть полковыхъ наѣзниковъ-призовиковъ, на молодыхъ ими выѣзженныхъ, нарядныхъ, очень кровныхъ лошадяхъ стояли противъ и нѣсколько лѣвѣе бесѣдки. Лошади, взволнованныя музыкой, криками, движеніемъ и шумомъ, топтались на мѣстѣ, мотали головами, встряхивая гривками и грызли желѣзо мундштуковъ и удила. Наѣзники, бравые, красивые парни — унтеръ-офицеры, въ новенькихъ зеленовато-сѣрыхъ рубахахъ, первый разъ надѣтыхъ, хранившихъ еще жесткія складки, при амуниціи и при винтовкахъ, мягко сдерживали лошадей.

— Пожалуйте являться, — раздался властный голосъ Великаго Князя.

На полѣ сразу стало такъ тихо, что слышно было, какъ рипѣли новыя сѣдла и мягко позванивали начищенныя, серебрянымъ блескомъ горѣвшія шпоры.

Молодцоватый лейбъ-уланъ со смуглымъ загорѣлымъ, молодымъ лицомъ, съ нѣжными, едва пробившимися кисточками усовъ на верхней губѣ, мягко обжалъ лошадь ногами въ тугихъ голенищахъ и послалъ ее впередъ легкой танцующей побѣжкой. Онъ заставилъ ее подойти къ самому краю ложи и стать бокомъ къ Императрицѣ. Лошадь, кося до порозовѣвшаго бѣлка прекраснымъ чернымъ глазомъ на ложу, поводя ушами, стала напряженно спокойно.

Унтеръ-офицеръ отчетливо съ неуловимо-милымъ мягкимъ малороссійскимъ выговоромъ рапортовалъ:

— Лейбъ- Хвардіи Уланскаго Вашехо Императорскахо Вылычыства полка унтеръ-охвицеръ Коцюба.... Конь Ленчикъ, завода Острохрадскахо.

Слышно было, какъ въ ложѣ Великій Князь, въ полъ голоса спросилъ генералъ-инспектора кавалеріи:

— Вашего?

И тотъ негромко отвѣтилъ:

— Моего, Ваше Высочество.

Императрица, вспыхнувъ пятнами по вискамъ и

щекамъ, взяла поданныя ей часы и протянула ихъ наѣзднику. Унтеръ-офицеръ ловко принялъ часы и, нагнувшись, поцѣловалъ руку Императрицы.

Императрица хотѣла спросить что-то, но замялась, смутилась и улыбнулась. Громко и спокойно спросилъ за нее Государь:

— Самъ, молодецъ, выѣзжалъ лошадь?

— Такъ точно, ваше Императорское Вылычыство, самъ объѣзжавъ коня.

— Какой губерніи?

— Полтавской, ваше Императорское Вылычество.

— Съ дома возишься съ лошадьми? Ѣздилъ дома?

— Да звисно издивъ.. Съ хортами по стэпу издывъ *).

— А борзятникъ! — сказалъ великій князь Главнокомандующій, — что же повозился съ нею? — и онъ, шутя, подтолкнулъ генерала Остроградскаго — Поди — ндравная была лошадь?

— Да трошки помучывся, ваше Императорское Высочество.

Великій Князь сдѣлалъ знакъ унтеръ-офицеру, онъ тронулъ лошадь и красивымъ, короткимъ галопомъ поѣхалъ съ поля.

На его мѣсто, упруго покачиваясь въ сѣдлѣ, выдвинулся на громадной гнѣдой лошади рослый, свѣтлобровый и свѣтлоусый кавалергардъ.

Валентина Петровна, стоявшая съ края ложи, переживавшая дни своего дѣтства и съ волненіемъ глядѣвшая на Императора и Императрицу, услышала отчетливый рапортъ солдата, говорившаго съ польскимъ оттѣнкомъ.

— Кавалергардскаго Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳедоровны полка унтеръ-офицеръ Тройницкій. Кобыла Лилія, завода Сопрунова.

Золотисто-гнѣдая, широкая лошадь стояла покойно. Монументомъ сидѣлъ на ней солдатъ. Валентина

*) Съ борзыми собаками.

Петровна слышала его короткіе отвѣты на вопросы Государя.

— Калишской... Рабочій.. Въ Офицерской Кавалерійской Школѣ... По своей охотѣ....

Она не слышала дальше. Вопросы и отвѣты заглушилъ брюзжащій голосъ Стасскаго.

— Все-таки — прекрасенъ... Я понимаю царистовъ... Видалъ я президентовъ на скачкахъ въ Лоншанѣ и grand Palais *), ихъ безукоризненные цилиндры и черныя пальто... Видалъ и короля англійскаго въ широкомъ цилиндрѣ... ахъ не то... не то... Это передъ нами вѣка воспитанія и царственной деликатности... А какъ хорошъ Великій Князь!.. Какіе они подлинные рыцари и кавалеры Императрицы... Да... уходящіе вѣка... Прошедшіе вѣка... Прекрасные вѣка...

— Почему пг'ошедшіе?.. Почему уходящіе?.. Г'грядущіе! — картавя, спросила Саблина. — Всегда, нынѣ и п'гисно...

— Да, если бы да такъ, — сказалъ, вздыхая Стасскій. — «Прочее о Манассіи и обо всемъ, что онъ сдѣлалъ, и о грѣхахъ его, въ чемъ онъ согрѣшилъ, написано въ лѣтописи царей іудейскихъ» **). Написано въ лѣтописи царей Іудейскихъ, — чуть слышно повторилъ онъ, поглядывая на Якова Кронидовича... — И эта лѣтопись кончилась. Всему есть, былъ и будетъ конецъ... Ибо дѣлаетъ онъ, самъ того не вѣдая, — неугодное Господу.

На минуту въ ихъ ложѣ стало напряженное, неловкое молчаніе. Точно незримое заглянуло туда время и пріоткрыло будущее....

---

*) Большой дворецъ въ Парижѣ. Онъ имѣетъ громадный манежъ. Въ немъ, такъ же, какъ и на Лоншанскомъ скаковомъ полѣ президентъ французской республики выдаетъ призы офицерамъ французской арміи за скачки, за пробѣги и преодолѣваніе препятствій.

**) Четвертая книга Царствъ. Гл. 21, ст. 17, какъ и почти въ каждой главѣ книги Царствъ.

XXXVШ

Въ Императорскомъ павильонѣ продолжалась трогательная близость Государя къ офицерамъ и солдатамъ, показавшимъ себя прекрасными стрѣлками и фехтовальщиками. Государь, далекій и таинственный, становился близкимъ, тонко понимающимъ солдатское дѣло. Тамъ происходило то, разсказы о чемъ въ далекихъ и глухихъ деревняхъ великой Россіи, творили свѣтлую легенду о Царской милости.

Государь поднялся во второй этажъ павильона. Въ просторномъ покоѣ стояли, выстроившись въ шеренгу, офицеры и солдаты, взявшіе призы на лѣтнемъ состязаніи за стрѣльбу. Эти призы состояли изъ золотого, или серебрянаго императорскаго вензеля, набиваемаго на шашку, или на прикладъ винтовки и денегъ для офицеровъ, для солдатъ изъ серебряныхъ часовъ и значка съ перекрещенными ружьями на нихъ.

Государь обходилъ ихъ ряды, бралъ мишени и смотрѣлъ попаданія. Самъ отличный стрѣлокъ, онъ взглядомъ знатока осматривалъ большіе круглые картоны.

— Квадратъ четыре! — сказалъ Государь, обращаясь къ немолодому капитану стрѣлку. — Да вы, Агте, себя навсегда зарѣзали.

— Такъ точно, Ваше Императорское Величество, остается теперь изъ ноля и единицы не выйдти.

Государь далъ замѣчательную мишень Великому Князю и ее стали передавать изъ рукъ въ руки.

Солидные, крѣпкіе великаны фельдфебеля гвардейскихъ полковъ, съ туго подтянутыми поясами животами, съ цѣпочками изъ ружей призовыхъ часовъ, съ красными разъѣвшимися лицами, бородачи, красавцы, и рядомъ съ ними высокіе, стройные солдаты-гвардейцы и тутъ же маленькіе армейцы, всѣ стояли, едва дыша, ожидая, когда къ нимъ подойдетъ Императоръ. А Государь шелъ, останавливался, бралъ въ руку мишень, говорилъ два, три милостивыхъ слова, передавалъ призовые часы

и переходилъ къ слѣдующему. Онъ былъ стѣсненъ временемъ, и онъ зналъ это. Онъ зналъ, что впереди — семь скачекъ и все должно быть окончено къ семи съ половиной часамъ. Но когда видѣлъ особенно счастливое лицо, непринужденную улыбку первый разъ стоявшаго передъ нимъ солдата, когда строго заученные, трафаретные, уставные солдатскіе отвѣты вдругъ срывались на простодушно-интимные, мужицкіе, мягкая улыбка появлялась на лицѣ Государя, стальной блескъ голубымъ огнемъ сіявшихъ сѣрыхъ глазъ смягчался, и Государь задерживался дольше. «А ну?... а ну?» — точно говорили его смѣющіеся глаза, — «вотъ ты какой!... а ну! поспорь, поспорь съ Государемъ». Въ Свитѣ, тѣсно обступавшей Царя, было смущеніе. Командиръ полка краснѣлъ до бурой шеи и, сжимая брови, нѣмыми движеніями щекъ и губъ грозилъ разболтавшемуся солдату, а тотъ никого и ничего не видѣлъ, кромѣ Государя, кромѣ его добраго лица, и ему такъ хотѣлось доказать свою правоту передъ самимъ Царемъ, такъ хотѣлось навсегда «по гробъ жизни» унести его образъ въ самую глушь своей затерянной въ лѣсахъ губерніи.

Маленькій, крѣпкій солдатъ Самарскаго полка, настоящій «землеѣдъ», «пѣхота не пыли», коренастый, ловкій, на диво выправленный стоялъ противъ Государя. Зеленоватая рубашка съ бѣлой тесьмой вдоль пазухи не шевелилась. Дыханіе ушло во внутрь. Государь, взявшій его мишень разсматривалъ попаданія. Четыре пули можно было ладонью накрыть, всѣ около ноля, пятая ушла вправо.

— Экъ куда запустилъ, — отдавая мишень солдату, сказалъ Государь. — Въ седьмой номеръ! Весь квадратъ испортилъ. Рука что-ли дрогнула?

— Ничего не дрогнула, Ваше Императорское Величество. — У меня не дрогнетъ, не бойсь... Не такая у меня рука! — бойко отвѣтилъ солдатъ. Вся крѣпкая его фигура съ сильными руками какъ бы подтверждала его слова.

— Однако, пуля-то почему-нибудь ушла у тебя въ седьмой номеръ? За спускъ что-ли дернулъ?

— Это я то дерну?.. Да побойся ты Бога... Я за бѣлками съ измальства хожу... И я дерну!

Съ командиромъ полка былъ готовъ сдѣлаться ударъ. На лицѣ Государя сіяла его необычайная, несказанно добрая улыбка.

— А вотъ и дернулъ!.. подсмѣиваясь надъ солдатомъ, сказалъ Государь.

— Нѣтъ, не дернулъ я... А такъ толконуло что подъ руку... Нечистая сила толкнула. Онъ — врагъ-отъ силенъ!.. Безъ молитвы пустилъ.

— Вотъ это и есть дернулъ... Ты какой же губерніи?

Сразу становясь серьезнымъ, солдатъ быстро выпалилъ:

— Олонецкой, Ваше Императорское Величество!

— Ну, спасибо... Все-таки отличный квадратъ — и Государь передалъ охотнику на бѣлокъ коричневый футлярчикъ съ часами.

На кругу звонилъ колоколъ. Офицеры, скакавшіе на первой, двухверстной гладкой скачкѣ, выѣзжали на кругъ и проминали, проскакивая мимо бесѣдки лошадей. Государь ускорилъ раздачу призовъ за стрѣльбу и фехтованіе.

XXXIX

Скачекъ было нѣсколько. Но, такъ какъ на нихъ не было игры и тотализатора, онѣ проходили очень скоро одна за другой. Весь интересъ сосредоточивался на послѣдней скачкѣ, большомъ четырехверстномъ стипль-чезѣ. Скачками казаковъ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго, Л.-Гвардіи Атаманскаго и Лейбъ-Гвардіи Своднаго Казачьяго полковъ и Собственнаго Его Величества Конвоя интересовались только офицеры этихъ частей, знавшіе каждаго казака. Казаки скакали кучно. Дистанція — одна верста — была мала и шли отъ мѣста до мѣста въ посылѣ, въ плети.

Передъ большой скачкой на трибунахъ, шумѣвшихъ говорливой толпой, занятой самою собою, раз-

глядываніемъ дамскихъ туалетовъ, да очередными городскими и лагерными сплетнями, стало тише. Какъ-то значительнѣе показались стоявшія въ разныхъ концахъ поля лазаретныя линейки съ холщевыми занавѣсками съ краснымъ крестомъ и врачи и фельдшера съ бѣлыми повязками на рукавахъ.

— Вы на кого бы поставили? — сказалъ генералъ Полуяновъ, обращаясь къ Саблиной, углубившейся въ афишу.

— Я не знаю... — обернула къ нему оживленное, счастливое лицо Вѣра Константиновна. — Очень хо'гошъ Капог'аль подъ Смоленскимъ уланомъ.... Я де'гжу за него....

— А вы, Валентина Петровна?

— Я за Петрика!

И Валентина Петровна вопросительно посмотрѣла на Портоса.

— Никогда онъ не возьметъ перваго приза, — рѣшительно сказалъ Портосъ. — Никогда и нигдѣ онъ первымъ не будетъ!.. Вездѣ вторымъ... или третьимъ... И на скачкѣ тоже.

— Почему вы такъ думаете? — сказалъ Яковъ Кронидовичъ?. Ему почему-то стало обидно за Петрика.

— Чтобы быть первымъ, надо имѣть наскокъ... нахальство... рѣшимость... у Петрика этого нѣтъ. Онъ мягокъ для этого.

Стасскій внимательно посмотрѣлъ на Портоса и, взявъ Полуянова подъ локоть, шепнулъ ему: — «вотъ этотъ вездѣ первый... Бонапартъ! Съ большимъ наскокомъ!»

— Я все-таки за Петрика! — сказала Валентина Петровна.

— Какъ угодно... Вотъ вамъ бинокль... Петрикъ какъ разъ выѣзжаетъ на кругъ... А вы, Вѣра Васильевна?

— Я никого же не знаю... Я за... Вонъ за ту... вонъ желтая лошадь подъ маленькимъ офицерикомъ съ симпатичными усиками.

— Извольте... За корнета Ясинскаго... на Мармеладѣ. Никогда не возьметъ. На фукса хотите!

— Какое вкусное имя! — сказала Саблина.

— Вы, Татьяна Александровна?

Таня смутилась... Она, подражая матери, то шарила глазами по афишѣ, то смотрѣла на выѣзжавшихъ на кругъ офицеровъ.

— Я... тоже... за Ранцева... какъ Валентина Петровна... — робко сказала она, мило краснѣя.

— Идетъ... Кто угадалъ — коробка конфектъ за счетъ тѣхъ, кто не угадалъ.

— Позвольте, — сказалъ Барковъ. — Почему же однѣ дамы. И мы хотимъ.... На ящикъ сигаръ.

— Пожалуй поздно, Ваше Превосходительство, сейчасъ пускаютъ.

— И не все ли равно, — сказала Вѣра Васильевна, — вѣдь за проигравшихъ платятъ мужья.

— Въ такомъ случаѣ я предлагаю двойной тотализаторъ, — сказалъ Портосъ.

— Это что такое? — спросила Вѣра Васильевна.

— Это значитъ, что коробку конфектъ получаютъ безразлично — пришла лошадь первой, или второй.

— Отлично... Хо-г'ошо пг'идумано, — сказала Саблина.

— Куда же они поскачутъ? — спросила Вѣра Васильевна.

— Прямо на эту постройку, что передъ нами, — сказалъ Портосъ.

— И ее будутъ прыгать?!... И канаву?

— Съ нея черезъ канаву.

— Ужасъ!

— Безуміе, — подтвердилъ Портосъ. — Почему я и не скачу. Предоставляю другимъ ломать шеи.

Валентина Петровна въ большой бинокль Портоса разглядывала Петрика. При полной амуниціи, съ нахлобученной на уши смятой фуражкой, съ опущеннымъ подбороднымъ ремнемъ, съ тяжелой шашкой — онъ казался худѣе и меньше. Его Одалиска съ поджарымъ животомъ, точно не касавшаяся земли тонкими ногами,

странно напоминала Валентинѣ Петровнѣ ея Диди. Петрикъ ѣхалъ, глубоко засунувъ ноги въ стремена и свободно сидя въ большомъ строевомъ сѣдлѣ со вьюкомъ. Онъ отдавалъ честь Государю и смотрѣлъ въ сторочу отъ ложи, гдѣ была Валентина Петровна. Выѣхавъ на «дорожку», онъ повернулъ лошадь налѣво, и едва замѣтнымъ движеніемъ поводьевъ бросилъ Одалиску, — и она легко и неслышно поскакала по низкой потоптанной травѣ. Она шла, какъ лѣсная коза, и ея упругій галопъ еще больше напомнилъ Валентинѣ Петровнѣ ея левретку. И почему то воспоминаніе о любимой собакѣ сжало ея сердце и наполнило его нѣжной любовью къ милому Петрику.

«Господи!» — мысленно помолилась она, — «Пошли ему удачу!»...

Двѣнадцать офицеровъ, въ порядкѣ номеровъ вытянутыхъ ими жребіевъ, выстраивались поперекъ веревки въ трехстахъ шагахъ отъ батареи.

Черноусый молодцеватый генералъ, на росломъ ворономъ хентерѣ, ихъ равнялъ. Разволновавшіяся лошади вырывались впередъ. Сѣрая гусарская Кадриль задирала голову кверху и выскакивала, визжа. Сердито ржалъ могучій рыжій Флорестанъ подъ конно артиллеристомъ. Давившія его съ боковъ кобылы волновали его.

Два раза срывали стартъ.

— Господа... Попрошу назадъ, — говорилъ генералъ съ поднятымъ синимъ флагомъ въ рукѣ, ѣздившій подлѣ нихъ внутри круга. — Корнетъ Пржеславскій не выскакивайте....

Въ трибунахъ повставали на скамьи. Дамы стояли, опираясь на плечи офицеровъ. Всѣ головы были обращены къ мѣсту старта. Волненіе скачущихъ незримо передавалось въ публику.

— Обратите вниманіе, — говорилъ Стасскій Якову Кронидовичу. — Достойно изученія. Психологическій моментъ.... Массовая психологія.... А... наблюдайте!..

И въ полной тишинѣ тысячной толпы кто-то облегченно выдохнулъ: «пошли!»...

XL

Горячій вѣтеръ дохнулъ въ лицо Петрику. Словно въ туманѣ и, какъ бы во снѣ, онъ увидалъ мельканіе рѣзко опущеннаго синяго флага. Петрику показалось, что отъ напора вѣтра фуражка слетитъ, и онъ нагнулъ голову и зажмурилъ глаза. Фуражка крѣпко держалась подбороднымъ ремнемъ. Это продолжалось одно мгновеніе. Онъ сейчасъ же открылъ глаза. Ихъ застилала слеза, но и она высохла. Поле быстро бѣжало ему навстрѣчу и съ нимъ надвигался на него громадный желто-зеленый полуторасаженный валъ батареи. Петрикъ несся на него полнымъ махомъ Одалиски, увлеченной горячими сосѣдями. Онъ подумалъ: — «largo». Или, можетъ быть, это слово ему сказалъ вдругъ очутившійся рядомъ съ нимъ есаулъ Поповъ? Онъ видѣлъ его красные казачьи лампасы и какъ онъ, скрипя зубами и скосивъ глаза, сдерживалъ своего громаднаго гнѣдого жеребца. Петрикъ набралъ повода и легко сдержалъ прекрасно выѣзженную Одалиску. Она пошла мѣрнымъ, широкимъ галопомъ и компанія, лошадей пять, стала быстро уходить впередъ. Теперь передъ Петрикомъ и есауломъ рѣяли рыжіе, черные и бѣлые хвосты, мелькали, точно серебряныя, подковы заднихъ ногъ и видны были всадники, нагнувшіеся къ шеямъ лошадей. Справа ихъ обошелъ маленькій, крѣпко сбитый Смоленецъ на караковомъ жеребцѣ. Онъ обошелъ на полъ-корпуса и пошелъ тѣмъ же махомъ, какимъ шли Петрикъ и казакъ.

Петрикъ смутно видѣлъ, какъ горячая гнѣдая Побѣда, шедшая въ передней группѣ, вмѣсто того, чтобы вспрыгнуть на батарею, взвилась козой, дѣлая неестественно громадный прыжокъ, стараясь перепрыгнуть ее всю, зацѣпила за гребень ногами и, обрушивая дернины и куски земли, въ облакѣ пыли грузно полетѣла въ канаву. Точно черезъ заложенныя уши онъ услышалъ, какъ ахнула трибуна, и въ тотъ же мигъ батарея надвинулась на него.

Всѣ трое: Бѣлокопытовъ, Петрикъ и есаулъ сдержали лошадей, и ихъ сейчасъ же нагнала еще группа.

Петрикъ не замѣтилъ, какъ Одалиска вскочила на батарейный валъ. На мигъ чернымъ широкимъ пространствомъ мелькнула канава. Показалась неодолимо широкой. Вправо, комочкомъ, согнувшись, лежалъ на землѣ офицеръ. Порожняя лошадь скакала, болтая крыльями сѣдла и стременами вдоль трибунъ. Одалиска прыгнула канаву и, точно передала Петрику свое спокойствіе и сосредоточенность. Онъ теперь не видѣлъ ничего, и ничего не замѣчалъ, кромѣ того, что касалось его и Одалиски.

Бѣлый заборъ мчался навстрѣчу. Подлѣ него закинулся вороной Гандикапъ и сталъ поперекъ забора, мѣшая прыгать, пришлось взять правѣе, теряя веревку. Одалиска и Капораль Бѣлокопытова покрыли заборъ, прыгая много выше; чуть стукнулъ о него копытами гнѣдой Попова.

Кругъ загибалъ плавною дугою влѣво. На поворотѣ перескочили валъ. Петрикъ не зналъ — прибавили они хода или шедшая впереди группа стала ослабѣвать, но они быстро нагнали ее и на мгновеніе смѣшались съ нею. Молоденькій худощавый конноартиллеристъ неумѣло, не въ тактъ скока лошади посылалъ ее руками и шпорами, а она, уже выдохнувшаяся на первой верстѣ, не шла на его посылъ. Одно время лейбъ-гусаръ на сѣрой короткохвостой кобылѣ держался рядомъ съ Бѣлокопытовымъ, но и онъ отсталъ. Теперь они шли трое впереди всѣхъ — и передъ ними, уже никѣмъ не заслоненное, открывалось скаковое поле съ его препятствіями.

Двое стало нагонять ихъ. Петрикъ по могучему маху догадался, что это шелъ «Мазепа» подъ гвардейскимъ драгуномъ Мохначевымъ и «Гимназистка» подъ лейбъ-уланомъ Годиско.

Они вышли на дальнюю прямую, и грозный валъ съ канавой сзади, утыканной вѣниками съ засохшими темными листьями, сталъ надвигаться на нихъ. Петрикъ послалъ поводомъ лошадь. Казакъ ловко, въ разъ,

щелкнулъ своего жеребца подъ тебенекъ плетью и они пошли полнымъ ходомъ. Но ихъ легко обогнали драгунъ и уланъ. Они шли въ растяжку и перелстѣли черезъ валъ съ канавой шутя. Бѣлокопытовъ выдвинулся впередъ, Петрикъ видѣлъ, какъ онъ пристально и, показалось Петрику, мрачно, посмотрѣлъ на обогнавшихъ, но не выпустилъ своего порывавшагося впередъ караковаго жеребца.

Но они все таки прибавили. Всѣмъ своимъ тѣломъ Петрикъ слился съ Одалиской. Онъ чувствовалъ, какъ она, то напрягая впередъ, то прижимая къ темени уши, слѣдила за шедшими впереди рыжею и гнѣдою лошадьми и не ослабѣвала вниманіемъ къ шедшимъ назади.

Они шли теперь на широкую канаву съ водою и, казалось, лошадямъ не взять ее. Передъ ними прыгнули уланъ и драгунъ. Драгунская лошадь какъ-то осѣла задними ногами на канавѣ, припала къ землѣ, но справилась, однако, должно быть, ушибла ногу и потеряла ходъ. Петрикъ, Поповъ и Бѣлокопытовъ все такъ же вмѣстѣ, дружнымъ прыжкомъ перескочили канаву, прибавили хода, загибая на поворотѣ и стали настигать улана. Тотъ уже порывисто билъ лошадь шпорами.

Одалиска неслась вихремъ, и ея рыжая, въ золото отливающая грива, горѣла пламенемъ надъ ея шеей.

Между нагнувшимся впередъ Петрикомъ и уланомъ Годиско завязалась борьба и, уже на поворотѣ Петрику удалось обогнать рыжую «Гимназистку». Бѣлокопытовъ и казакъ чуть чуть пріотстали и Петрикъ первымъ несся на плетень, выходя на прямую, къ финишу скачки...

XLI

Валентина Петровна въ бинокль Портоса слѣдила за Петрикомъ. Скачка ее волновала. Она поставила на Петрика свою судьбу. Отобравъ у Портоса изъ пучка цвѣтовъ двѣ алыя и пять бѣлыхъ гвоздикъ, она тѣмъ самымъ въ присутствіи всѣхъ, въ присутствіи мужа назна-

чила свиданіе Портосу у него на квартирѣ. Двѣ алыя гвоздики означали второй день недѣли, послѣ завтра, во вторникъ, пять бѣлыхъ — пять часовъ дня. Будетъ шампанское, что-нибудь необыкновенно тонкое и вкусное, ликеры, цвѣты... и потомъ... Все будетъ, какъ уже было за эту недѣлю послѣ ихъ свиданія въ Лугѣ не разъ. Она загадала, — если съ Петрикомъ что-нибудь случится, если онъ придетъ гдѣ-то въ хвостѣ, «безъ мѣста» — это будетъ значить, что ей надо бросить эту связь и всею дальнѣйшею жизнью заслужить прощеніе. Если Петрикъ придетъ первымъ, это будетъ обозначать, что Господь простилъ ея любовь... И она, то краснѣя, то блѣднѣя, слѣдила за скачкой съ сильно бьющимся сердцемъ.

Передъ нею тяжело упала лошадь, и офицеръ, скатившись съ нея, лежалъ неподвижно. Потомъ лошадь встала и понеслась за скачущими, и сталъ подниматься офицеръ. Какая-то женщина, внизу въ трибунѣ, истерично, въ азартѣ кричала:

— Аликъ!.. Аликъ!.. садись... садись... Аликъ!

Но лошадь ускакала, и офицеръ, шатаясь и смущенно улыбаясь, безъ фуражки пошелъ навстрѣчу бѣжавшему къ нему врачу.

Въ это время Петрикъ, красиво сидя на своей рыжей лошади, взялъ батарею и перепрыгнулъ канаву. У Валентины Петровны отлегло на сердцѣ. Она безумно хотѣла, чтобы Петрикъ пришелъ первымъ. Тогда она была бы оправдана. Она сознавала, что это глупо. Придетъ Петрикъ первымъ, или расшибется на препятствіи — все равно она грязная, падшая женщина, дрянь, которой нѣтъ ни прощенія, ни оправданія. И тутъ же спѣшила себя оправдать. У кого изъ ея знакомыхъ нѣтъ связи? Развѣ только у этой почтенной матроны Саблиной, но у нея дѣти! Можетъ быть, если бы у нея были дѣти — и она бы удержалась... Дѣти?!... Отъ него?.. Пахнущаго трупомъ?...

На дальнемъ валу кто то изъ офицеровъ упалъ и не всталъ. Лазаретная линейка скакала туда. Она даже не обратила вниманія на это. Петрикъ шелъ третьимъ.

Уланъ, драгунъ, Петрикъ и рядомъ съ нимъ Смоленскій уланъ и казакъ. Кто возьметъ? Еще такъ далеко до конца!

Однимъ ухомъ она ловила слова.

— Встаетъ... Нѣтъ... Ногою задрыгалъ... Кончено... На смерть...

— Вотъ скачутъ съ докладомъ.

Глазами она слѣдила за Петрикомъ — онъ обгонялъ лейбъ драгуна, замявшагося на канавѣ; ухомъ ловила докладъ прискакавшаго отъ препятствія штабъ офицера.

— Поломаны ребра и нога...

— Въ сознаніи?

— Пока безъ сознанія, ваше императорское величество и кто то сзади въ свитѣ сказалъ успокоительно:

— Ничего... Отойдетъ... Гдѣ лѣсъ рубятъ, щепки летятъ.

— Онъ холостой?, — спросилъ Государь.

— Не могу знать, ваше императорское величество

И сзади Государя сказали: —

— Женатый. Въ этомъ іюнѣ женился.

Валентина Петровна слышала слова, но не понимала ихъ страшнаго смысла. Она жадными глазами слѣдила, какъ скачущіе выходили на прямую.

Петрикъ шелъ первымъ.

Вся публика встала, слѣдя за скачками. Въ лѣвой трибунѣ, гдѣ публика была попроще, раздавались рукоплесканья и крики. Валентина Петровна слышала, какъ тамъ кричали: —

— Ранцевъ!... Ранцевъ!... Не сдавай Ранцевъ!...

— Бѣлокопытовъ... Бѣлокопытовъ... Бѣлокопытовъ...

Этотъ ужасный — такъ въ эту минуту казалось Валентинѣ Петровнѣ, — смоленецъ, энергично посылая лошадь, выносился впередъ. Петрикъ шпорилъ Одалиску и посылалъ ее поводомъ, но на его посылъ она только крутила своимъ золотымъ хвостомъ. Сзади, молотя лошадь плетью по бокамъ, настигалъ его казакъ на росломъ гнѣдомъ жеребцѣ.

Туманъ застлалъ глаза Валентинѣ Петровнѣ. Три лошади въ кучѣ подскакивали къ трибунамъ, гдѣ былъ конецъ скачки, и она не могла разобрать, кто былъ первымъ.

Она закрыла глаза и отняла бинокль. Сердце ея билось. Она боялась, что потеряетъ сознаніе. Но это продолжалось какой нибудь мигъ. Торжественно плавные рокочущіе звуки незнакомаго ей марша перебились пѣвучей мелодіей Маріенбургскаго полкового марша. Валентина Петровна когда то играла его Петрику на роялѣ. Она поняла: Петрикъ былъ вторымъ.

XLII.

Счастливый Петрикъ, еще румяный отъ скачки, отъ волненія, отъ счастья получить изъ рукъ Государя призъ, съ пакетомъ денегъ на груди подъ мундиромъ и съ серебрянымъ кубкомъ въ рукѣ выскочилъ вслѣдъ за Свитой изъ Императорскаго павильона. Ура, сопровождавшее тяжелую, большую машину Государя быстро удалялось. За ней неслись автомобили чиновъ Государевой Свиты. Быстрый шелъ разъѣздъ.

Въ ушахъ Петрика звучали слова Государя. Съ очаровательной улыбкой, заставившей улыбнуться и Петрика Государь вспомнилъ, что ихъ Маріенбургскій полкъ «холостой» и спросилъ Петрика есть - ли въ полку кто женатый. Былъ одинъ — старый ротмистръ — полковой квартирмейстеръ. — «Значитъ; — сказалъ Государь, — «держится полковая традиція?..» — «Держится, ваше императорское величество» — быстро отвѣтилъ Петрикъ. — «Любовался вашей ѣздой, Ранцевъ», — сказалъ Государь, — «спасибо полку, что прислалъ такого молодца офицера на скачку на мой призъ...» И, подавъ Петрику деньги и кубокъ, подошелъ къ есаулу Попову, пришедшему третьимъ.

Теперь такъ хотѣлось Петрику подѣлиться съ кѣмъ нибудь своимъ огромнымъ счастьемъ. И онъ

спѣшилъ выйдти за свитой, чтобы повидать «госпожу нашу начальницу». Но его все задерживали. Генералъ Лимейль пожималъ ему руку и хвалилъ за ѣзду.

— Безподобно проѣхали Ранцевъ. Школа можетъ гордиться вами... А что второй — такъ это не бѣда. Пріѣдете на будущій годъ за первымъ. Одалиска возьметъ.

Князь Багратуни горячо поцѣловалъ Ранцева и сказалъ, что онъ уже отправилъ телеграму, съ писаремъ, въ полкъ.

— То-то тамъ обрадуются ваши!... Ай молодца!... Такой джигитъ!...

Совсѣмъ незнакомые офицеры поздравляли его. Какой то пѣхотный генералъ съ дамой просилъ показать дамѣ кубокъ.

И черезъ нихъ, глядя, какъ пустѣли трибуны, разсѣянно отвѣчая на вопросы, Петрикъ искалъ увидать «божественную». Онъ увидалъ ее, наконецъ. Портосъ, стоя на подножкѣ автомобиля, подкатывалъ черезъ толпу свой темнокрасный Мерседесъ. Петрикъ видѣлъ, какъ Портосъ, соскочивъ съ подножки сталъ усаживать Валентину Петровну. Онъ еще могъ подбѣжать къ ней. Тутъ не было толпы. Никто ему не мѣшалъ. Но онъ не хотѣлъ встрѣчаться въ этотъ часъ, когда онъ только что такъ близокъ былъ къ Государю съ этимъ — партійнымъ офицеромъ... съ измѣнникомъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Онъ надѣялся, что Валентина Петровна увидитъ его и сама подойдетъ къ нему: вѣдь онъ все таки взялъ призъ! Онъ имѣлъ право на поздравленіе!... Онъ какъ ни какъ побѣдитель!

Но «божественная» укутывала свою большую шляпу длиннымъ газовымъ шарфомъ. Рядомъ съ ней садился Яковъ Кронидовичъ. Они проѣхали въ двухъ шагахъ отъ Петрика. Королевна сказки Захолустнаго Штаба не замѣтила своего мушкетера — побѣдителя. Противъ нея сидѣлъ Портосъ и оживленно что то разсказывалъ ей. Она весело смѣялась его разсказу.

На Петрика чуть не наѣхали ганноверскіе вороные кони. Саблинъ, правившій ими остановилъ ихъ. Вѣра

Константиновна, а за нею Коля и Таня выпрыгнули изъ высокаго кабріолета.

— Г'анцевъ, — кричала Вѣра Константиновна — не увели вашу п'гелестную Одалиску? Ведите насъ къ ней... побѣдительницѣ.

И то больное, ѣдкое, можетъ быть, ревнивое — впрочемъ — на какомъ основаніи? — чувство, что темнымъ облакомъ готово было заслонить ликующее солнце его побѣды, быстро исчезло. Петрикъ сейчасъ увидалъ свою Одалиску, уже въ попонѣ и капорѣ. Ее водилъ съ другими лошадьми по кругу Лисовскій. Петрику стало стыдно, что ее — онъ хотѣлъ промѣнять на женщину, что не къ ней, виновницѣ своего торжества онъ пошелъ — первой. Онъ благодарно посмотрѣлъ на Вѣру Константиновну и пошелъ съ нею къ милой Одалискѣ.

— Сними попону, — сказалъ онъ Лисовскому.

— Ахъ нѣтъ... зачѣмъ? не надо, — робко запротестовала Таня. — Ей вѣрно такъ хорошо и уютно!

Но Лисовскій быстро и ловко скинулъ попону. Одалиска, уже остывшая, съ слипшейся на плечахъ, у паховъ и на спинѣ, гдѣ было сѣдло, шерстью и съ громадными еще возбужденными скачкой и побѣдой глазами, вся покрытая сѣтью вздувшихся жилокъ стала противъ Саблиной и ея дѣтей.

— Какая п'гелесть!, — сказала Вѣра Константиновна, лаская лошадь...

Она подняла голову къ подъѣхавшему на кабріолетѣ мужу.

— Не п'гавда-ли Александ'гъ? Сколько въ ней к'гови!

— Лазаревская, — коротко сказалъ Саблинъ. — Берегите ее, Ранцевъ. Это сокровище, а не лошадь.

Таня прижималась къ шеѣ лошади. Коля, оглядывая восхищенными глазами, играя въ знатока, обходилъ ее.

— П'гелесть! п'гелесть!, — говорила Саблина. — Благода'гю васъ Г'анцевъ, что показали — и подавъ руку Петрику она пошла къ кабріолету. Таня сдѣлала

книксенъ и протянула тоненькую ручку Петрику. Петрикъ бросился помочь Вѣрѣ Константиновнѣ забраться на кабріолетъ, но она уже ловко поднялась по ступенькамъ и привѣтливо помахала красивой рукой, затянутой въ сѣрой перчаткѣ — надъ головой.

— До свиданья!... — крикнула она.

Петрикъ остался съ Лисовскимъ.

— Ну... идемъ домой, — сказалъ Петрикъ... Сѣдло гдѣ?

— Ивану отдалъ, ваше благородіе. Онъ повезъ.

— Ну, вотъ, Лисовскій... И мое... и твое счастье. Посылай сотню рублей домой...

— За что жаловать изволите, — смутился солдатъ. — Ваше благородіе, ей Богу мнѣ ничего такого отъ васъ не надо... Я и такъ всѣмъ вами доволенъ.

— Посылай, братъ, смѣло!... Ты знаешь, что Государь мнѣ сказалъ?...

Они пошли рядомъ по пыльной, уже опустѣвшей дорогѣ. Съ ними шла Одалиска.

Офицеръ разсказывалъ солдату о своемъ счастьѣ, о чести полка. Солдатъ его слушалъ. У обоихъ было легко и радостно на сердцѣ. Обоимъ улыбнулся свѣтлый Божій день.

За зеленые холмы Краснаго Села багровое опускалось солнце. Далеко впереди бѣлѣли ряды палатокъ главнаго лагеря. Петрикъ зналъ: — его ждутъ съ ужиномъ офицеры Школы. Будетъ шампанское, трубачи, марши, тосты — будетъ его праздникъ. Портосъ на немъ не будетъ. Будутъ офицеры — чести и долга. Партійныхъ съ ними не будетъ.

Онъ торопился въ школу. Порою онъ протягивалъ руку и нѣжно трогалъ Одалиску за верхнюю губу у храпковъ. Она — та, кто далъ ему это счастье. У Главнаго Лагеря его нагналъ порожній извозчикъ. Петрикъ, не желая опаздывать, взялъ его, и когда ѣхалъ, долго смотрѣлъ назадъ, какъ шла его милая Одалиска подлѣ солдата въ родной Маріенбургской формѣ.

Нѣжность и теплая любовь заливали волной его сердце.

XLIII

Послѣднее воскресенье передъ отправленіемъ на маневры, а послѣ нихъ въ Поставы на парфорсныя охоты, Петрикъ проводилъ у Долле на Пороховыхъ заводахъ.

До вечера они гуляли по большому лѣсу «Медвѣжьяго Стана» и собирали грибы. Вернулись съ большими кошелками, полными красныхъ подъ-осиновиковъ, бѣлыхъ, березовиковъ, моховиковъ, сыроѣжекъ, гарькушекъ и маслянокъ. Дома въ столовой, за большимъ столомъ разбирали грибы по сортамъ... Крѣпкій грибной запахъ, запахъ моха и лѣса, шелъ отъ грибовъ. Изъ кошелки Долле выпалъ красивый большой мухоморъ съ ярко красной шапкой въ бѣлыхъ пупырышкахъ.

— Этотъ какъ сюда попалъ?, — спросилъ Петрикъ. — Ты ошибся?

— Нѣтъ я взялъ нарочно... Мнѣ надо... Для изслѣдованій.

— Для химіи, — улыбаясь, сказалъ Петрикъ. Онъ держалъ мухоморъ въ рукѣ и разсматривалъ его.

— Ты не обратилъ вниманія, Ричардъ, — сказалъ онъ, — что и въ природѣ красный цвѣтъ — знакъ яда... Опасности... Мятежа... Смерти... Мухоморъ!... Какой яркій и прекрасный цвѣтъ!... Точно, кто выставилъ красный флагъ, какъ сигналъ крушенія... смерти... Бузина... крушина... волчьи ягоды... все ярко красное.

— Ну, а какъ - же земляника, малина, красная смородина... яблоки... вишни?...

— Не тотъ, Ричардъ, цвѣтъ... Не такой наглый... Не такой кричащій...

Въ открытое окно, чуть клубясь сизыми августовскими туманами, смотрѣлъ лѣсъ. Нѣсколько минутъ въ темнѣвшей столовой была тишина и раздражающе пахло грибами.

— Ричардъ, — тихо сказалъ Петрикъ, все еще при-

стально разглядывавшій мухоморъ. — Портосъ въ партіи?

Долле не отвѣтилъ. Сумерки сгущались въ комнатѣ. Таинственнымъ и страннымъ становился глухой лѣсъ.

— Если онъ въ партіи, — продолжалъ Петрикъ, — я считаю это очень опаснымъ... Партія сама по себѣ — я тебѣ, Ричардъ, разсказывалъ про нигилисточку и божьихъ людей — сама по себѣ ничтожество. Это идіоты... Это невѣжественное и пошлое дурачье, но дурачье аморальное... Эти люди сами ничего не сдѣлаютъ... Но Портосъ!... Я вижу его... Ему такіе то и нужны... Онъ жаждетъ власти... Я считаю — такихъ людей, какъ онъ, надо уничтожать... Опасные люди. Ты, какъ думаешь, Ричардъ?

Долле раскладывалъ грибы по газетнымъ листамъ и дѣлалъ это такъ тихо, что никакого шороха не было слышно.

— Ты какъ думаешь?, — повторилъ Петрикъ.

— Я думаю..., — очень тихо, но внятно и отчетливо сказалъ Долле — вообще... никого не надо уничтожать.

— Но... если ты его не уничтожишь... Онъ уничтожитъ тебя... Что меня!... Я не о себѣ говорю!... Онъ уничтожитъ Россію... Государя... Бога!

— Бога уничтожить нельзя, — еще тише сказалъ Долле.

— Онъ вытравитъ Божіе имя изъ людскихъ сердецъ, — волнуясь, сказалъ Петрикъ. — Ты знаешь?... Съ нѣкоторыхъ поръ онъ мнѣ кажется очень страшнымъ... Я его... ужасно какъ... ненавижу за то, что онъ сталъ партійнымъ.

— За то ли только ты ненавидишь его, что онъ сталъ партійнымъ?... Или и другое чувство владѣетъ тобою?

Петрикъ густо покраснѣлъ, но въ темной комнатѣ Долле не могъ этого видѣть.

— Ты задалъ мнѣ необычайный вопросъ, — волнуясь и запинаясь, заговорилъ Петрикъ, — я самъ се-

бѣ такого не смѣлъ задать. Но, думаю, что я буду искренень, если я скажу, что будь тутъ другое чувство... по иному я бы ненавидѣлъ его... по иному хотѣлъ бы расправиться...

Петрикъ долго, молча, смотрѣлъ въ окно. То, что онъ собирался сказать было ему трудно сказать. Впрочемъ... Долле?... Онъ и правда, какъ монахъ отшельникъ. Ему — можно.

Я знаю..., — глухимъ голосомъ началъ, наконецъ, Петрикъ. — Ты думаешь — ревность?... Нѣтъ, Портосъ, къ прошлому я не ревную... Да и она... Такъ ровна была она ко всѣмъ намъ тремъ... ея мушкетерамъ... Нѣтъ.. Прошлое? Прошлое — свѣтлое... яркое... Настоящее. Что-жъ... Кончено... Крестъ... Крышка... Аминь... Чужая жена... И... не мое это дѣло... Нѣтъ... правда, я ненавижу его за то, что онъ такой... какъ тебѣ сказать... ему все равно... Гдѣ ему лучше. А родина погибнетъ — ему все равно.

— Такъ-ли это, милый Петрикъ? Не гибнетъ-ли Родина и помимо него? Въ государственномъ организмѣ болѣзнь. Петрикъ, если любить Россію — не простить ни концессій на Ялу, ни Японской войны, ни Портъ-Артура, ни Мукдена, ни эскадры Рождественскаго и Цусимы... Ни Портсмутскаго мира! Гдѣ наша слава и побѣды!? Неудачное темное царствованіе и не заглушить этихъ несчастій ни Государственной Думой, ни открытіемъ новыхъ мощей... Власть мечется въ поискахъ пути, и Портосъ...

— Портосъ ее хочетъ толкнуть въ бездну, въ эту страшную минуту несчастій. Я слыхалъ отъ «нихъ»: — «падающаго толкни»... Какъ по твоему — поддержать или толкнуть надо?

— По всей моей жизни ты видишь, что поддержать.

— Я понимаю... Фигуровъ — писатель изъ маляровъ, озлобленный, завистливый, жадный и необразованный... Или Глоренцъ — маніакъ, ничего свѣтлаго не видѣвшій, или эта жаба Тигрина... — Но Портосъ!... Портосъ — богатый, кончившій академію, на широ-

комъ пути!... Ему то, и поддерживать... Ему и помогать правительству!... Нѣтъ!... ему все мало... И онъ съ тѣми... кто хочетъ толкнуть... свалить...

— Если помогать-то нельзя?... Поддерживать бесполезно?, — чуть слышно сказалъ Долле.

За окномъ въ лѣсу была холодная августовская ночь. Петрику казалось, что тамъ кто то безшумно шагаетъ по мху, крадется, подслушиваетъ ихъ. Но кто? Петрикъ зналъ, что весь участокъ лѣса подлѣ лабораторіи Долле былъ окруженъ высокимъ частоколомъ и охранялся часовыми.

— Я убью его, — твердо сказалъ Петрикъ. — Рано или поздно — я убью его. Я все думаю... Это — какъ, знаешь, — навязчивая идея: я долженъ его убить, по присягѣ. Мнѣ часто снится теперь — я гонюсь за нимъ съ саблею — онъ отъ меня убѣгаетъ... Я убью его!

— Нѣтъ, ты не убьешь его, — спокойно сказалъ Долле.

— Почему?, — Петрикъ всталъ отъ стола, за которымъ сидѣлъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Потому что ты можешь убивать только на войнѣ — безъ злобы... По долгу.

— Почему безъ злобы?

— Потому что ты — христіанинъ. Его убить — это надо подойти, подкрасться и — убить... Ты можешь это — безоружнаго?

Петрикъ молчалъ. Онъ остановился спиною къ окну.

— Ну и потомъ? Ты скажешь: — «это я убилъ, потому что онъ былъ революціонеръ»... А тебѣ скажутъ: — «никто не давалъ вамъ права убивать даже, если онъ и самый опаснѣйшій преступникъ. На это есть судьи, карательные отряды и палачи».

— Какъ-же быть, Ричардъ?

— Ты можешь донести на него.

— Нѣтъ, — отрицательно и, морщась, какъ отъ чего то противнаго, чѣмъ брезгаешь, прошепталъ Петрикъ, — донести?... Нѣтъ... нѣтъ... Но въ 1906-мъ году мы были же въ карательной экспедиціи?

— Ты разстрѣливалъ?, — въ упоръ спросилъ Долле.

— Нѣтъ.

— Скажи мнѣ, какъ это было... И ты увидишь, что ты не убьешь Портоса... Мы все еще рыцари чести и намъ безоружная, даже и преступная кровь противна.

— Да... я помню... Нашему эскадрону пришлось... двухъ... Я помню... Всѣ мы послѣ суда и приговора были страшно блѣдны и возбуждены. Командиръ эскадрона, онъ долженъ былъ назначить взводъ и офицера, не хотѣлъ назначать и устроилъ: — по жребію. Приготовили билетики. Мы всѣ собрались... Я хотѣлъ тоже тянуть, но командиръ эскадрона меня остановилъ. «Корнетъ Ранцевъ», — сказалъ онъ, — «вы слишкомъ молоды для этого». — Досталось поручику Августову... И я помню, — мы жили тогда въ одной комнатѣ, — онъ не спалъ всю ночь, и всю ночь курилъ... На разсвѣтѣ онъ ушелъ со взводомъ. Я не спалъ тоже. Я слышалъ залпъ и головой зарылся въ подушки. А потомъ Августовъ цѣлый день пилъ и не былъ пьянъ. И было страшно его бѣлое лицо. Ночью командиръ эскадрона пригласилъ мѣстныхъ полицейскихъ стражниковъ, и мы, офицеры, пили съ ними, и они разсказывали намъ, сколько звѣрскихъ убійствъ, поджоговъ и издѣвательствъ надъ жителями совершилъ тотъ, кого разстрѣляли... И Августовъ понемногу успокоился. Петрикъ помолчалъ и добавилъ.

— А командиръ шестого эскадрона, — имъ досталось много такихъ... заболѣлъ неврастеніей и черезъ полгода застрѣлился.

— Видишь, — сказалъ Долле, — а тамъ — преступленіе на лицо, судъ, приговоръ... А ты хочешь.... А, если Портосъ въ партіи, чтобы предать ее?

— Вдвойнѣ подло, — бросилъ Петрикъ.

— Съ такими взглядами, Петрикъ, — ты плохой помощникъ Россіи. На нее идетъ штурмъ людей безъ принципа, безъ морали, безъ вѣры — а ты — въ бѣлыхъ перчаткахъ.... Портосъ ихъ снялъ и ты не подаешь ему руки!

— Не могу подать!..

— Петрикъ... дворянство, рыцарство, честь, дама сердца, дуэль —это не для двадцатаго вѣка. Теперь — капиталъ и пролетарій, предательство, сожительница и — драка или убійство...

— И Портосъ?

— Дитя вѣка. Онъ это понялъ и усвоилъ.

— Ты точно оправдываешь его?

— Я его не оправдываю. Мнѣ такъ тяжелъ теперешній вѣкъ, что я ушелъ отъ него въ эту лабораторію. Портосъ пошелъ съ вѣкомъ... Такихъ, какъ онъ, тысячи — всѣхъ не перебьешь!

— Я знаю одного... и я.. убью его!

XLIV

Въ это мгновеніе дверь въ столовую безъ стука и безъ шума стала медленно раскрываться. Въ ней появилась высокая, темная и, Петрику показалось, страшная фигура. Петрикъ бросился къ выключателю и зажегъ большую висячую лампу. Ровный сильный свѣтъ изъподъ большого матоваго колпака освѣтилъ человѣка въ длиннополомъ мѣшковатомъ черномъ сюртукѣ. Петрикъ успѣлъ замѣтить безобразное, изрытое оспой лицо, рыжеватую, клинушкомъ, смятую бороду, колтуномъ торчащіе, должно быть, жесткіе волосы, узкіе глаза безъ бровей и рѣсницъ въ красныхъ вѣкахъ, длинный, тонкій носъ, прорѣзавшій вдоль все лицо, и особенно бросились ему въ глаза непомѣрно, почти до колѣнъ длинныя руки. Человѣкъ этотъ скрипучимъ, ласкательно заискивающимъ голосомъ сказалъ:

— Виноватъ, Ричардъ Васильевичъ, я полагалъ, вы одни-съ. Обѣдаете...

И фигура такъ же безшумно скрылась за дверью.

— Кто это? — спросилъ Петрикъ, съ трудомъ сдерживая дрожь въ голосѣ.

— Ты не знаешь? Это Ермократъ. Мой бывшій ла-

бораторный солдатъ. Теперь онъ служитъ у профессора Тропарева препараторомъ.

— Какая отталкивающая физіономія!

— Тоже — современный человѣкъ.... Въ былыя времена стоялъ бы на паперти, странникомъ къ святымъ мѣстамъ ходилъ бы, деревенскихъ бабъ морочилъ бы, продавалъ бы имъ волосъ Пресвятой Богородицы, или камень отъ лѣстницы, что Іаковъ видѣлъ во снѣ... Теперь... тоже, можетъ быть, въ партіи окажется и будетъ доказывать, что Бога нѣтъ... Онъ уже мнѣ доказывалъ.

— А не зря говорится въ народѣ — Богъ шельму мѣтитъ...

— Я тебѣ отвѣчу такъ же, какъ и ты мнѣ отвѣчалъ — а Портосъ? Вѣдь красавецъ — дальше идти некуда... Ему опереточнымъ баритономъ быть, а не офицеромъ генеральнаго штаба. Но, будетъ объ этомъ. Я по запаху слышу: Лепорелло мой принесъ изъ собранія обѣдъ. Давай переложимъ грибы на диванъ, да и попитаемся. Я думаю и ты аппетитъ нагулялъ.

— А Ермократъ?

— Онъ подождетъ меня на кухнѣ. Я прикажу и его накормить.

Когда послѣ обѣда, долго посидѣвъ за столомъ съ Долле, и за посторонними разговорами, за милыми воспоминаніями дѣтства отойдя отъ своей навязчивой идеи, Петрикъ вышелъ, прекрасная свѣжая лунная ночь стояла надъ лѣсомъ. Серебромъ играло прямое и ровное шоссе, уходя по прямой просѣкѣ. Петрикъ, бодро насвистывая сквозь зубы «Буланже-маршъ», быстро шелъ по знакомому пути къ Ириновской желѣзной дорогѣ. Онъ доѣхалъ на поѣздѣ до Охты и тамъ сѣлъ на Невскій пароходъ.

На пароходѣ полно было рабочихъ. Настроеніе у нихъ было праздничное, приподнятое, пьяное. Сѣрое офицерское пальто съ золотыми погонами рѣзкимъ пятномъ легло въ темной массѣ ихъ пиджаковъ. Какой-то матросъ, тоже подвыпившій, куражась, нѣсколько разъ прошелъ мимо Петрика, вызывающе демонстративно не отдавая ему чести, къ большому удовольствію рабо-

чихъ. Петрикъ также вызывающе демонстративно не замѣчалъ этого. Матросъ и рабочіе становились назойливѣе, и Петрикъ чувствовалъ, что надвигается неизбѣжный, грубый и страшный скандалъ.

«Замѣтить?» — думалъ онъ, — «сдѣлать замѣчаніе — напороться на возраженіе... грубость.... Матросъ чувствуетъ за собою силу... Рубить придется... А еще не настала пора рубить имъ головы!»...

Но было мерзко. Петрикъ гадливо пожимался подъ своимъ легкимъ, вѣтромъ подбитымъ пальто, и было у него такое чувство, точно липкая грязь обволакивала его тѣло. Онъ не могъ не слышать, какъ пересмѣивались рабочіе, какъ подзадоривали они матроса.

— А ну, пройдись, пройдись, передъ его благородіемъ, — шептали они и толкали матроса.

И уже пора было начинать дѣло — а по всей обстановкѣ Петрикъ понималъ, что дѣло приметъ дикій и безобразный оборотъ.

На счастье — какъ-то вдругъ надвинулся берегъ, пароходъ мягко стукнулся о веревочные боканцы, заскрипѣла, колеблясь на взбудораженной водѣ, пристань и рабочіе двинулись къ сходнямъ, забывъ матроса и офицера. Матросъ скрылся въ ихъ толпѣ.

Петрикъ вышелъ послѣднимъ. Онъ переждалъ въ тѣни, у кассы, когда ушелъ переполненный рабочими трамвай. Онъ сѣлъ въ слѣдующій совершенно пустой.

Когда ѣхалъ, снявъ фуражку, прижимался горячимъ лбомъ къ запотѣлому холодному стеклу.. На душѣ было смутно и гадко. Точно съѣлъ олеуху. Потерялъ нѣчто святое и цѣнное, загрязнилъ чистую душу.

И долго, много дней, вспоминалъ онъ эту сцену на пароходѣ и такъ же, какъ и въ отношеніи Портоса, не зналъ, что же надо было дѣлать?

XLV

Учебный годъ въ Офицерской Кавалерійской Школѣ заканчивался глубокою осенью парфорсными охотами въ мѣстечкѣ Поставахъ, Ново-Свѣнцянскаго уѣзда, Виленской губерніи.

Дорогая, королевская забава, охота съ гончими собаками, несущимися или по искусственному, проложенному по пресѣченной канавами и заборами, разнообразной мѣстности, или за живымъ дикимъ козломъ, идущимъ, куда гонитъ его страхъ, — охота эта пришла къ намъ изъ заграницы и была признана полезной для выработки с е р д ц а въ кавалерійскомъ начальникѣ. Такія охоты были вездѣ. Въ Англіи и Швеціи существовали спеціальныя общества такихъ охотъ. Шведскіе офицеры удивляли своими охотами по снѣгу и льду замерзшихъ озеръ. Охоты эти были въ Сомюрѣ во Франціи, подлѣ Рима въ Тор-ди-Квинто въ Италіи, въ Ганноверѣ въ Германіи —и Русская Школа не могла отставать отъ сосѣдей.

Въ вѣкъ броневыхъ машинъ, скорострѣльной артиллеріи, пулеметовъ и аэроплановъ, когда въ общей и военной литературѣ все больше и больше появлялось статей о невозможности кавалерійскихъ атакъ, когда такъ много писали о своевременности обращенія кавалеріи въ ѣздящую пѣхоту и снабженіи ея сильными огневыми средствами — охота съ собаками казалась средневѣковымъ анахронизмомъ. Государственная Дума неохотно отпускала на нее кредитъ, урѣзывала бюджетъ и Военному Министерству приходилось бороться за него. Великій Князь Николай Николаевичъ, Главнокомандующій войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, основавшій эти охоты, изъ личныхъ средствъ поддерживалъ и помогалъ Школьной охотѣ.

Королевская забава... Но на этой забавѣ падали и разбивались офицеры... И, хотя за все время существованія охотъ на нихъ не было ни одного смертельнаго

паденія, — молва расписывала ихъ, какъ нѣчто весьма страшное и головоломное. «Ломъ»... «дрова» — конечно, были. На каждой охотѣ кто-нибудь «закапывалъ рѣдьку» — но какъ-то, почти всегда, благополучно. Рѣдки были поломы ключицъ, реберъ и конечностей.

Бражниковъ, а съ нимъ всѣ тѣ, кто служилъ въ кавалеріи ради красиваго мундира, и на лошадь смотрѣли, какъ на опаснаго звѣря, на котораго лучше порѣже садиться, ненавидѣли эти охоты всею душою.

Петрикъ и ему подобные, напротивъ, увлекались охотами. Они знали, что такихъ охотъ, такой жизни, такого увлеченія охотничьей удалью, такой сладости побѣды надъ собою — они никогда имѣть не будутъ — и они ѣхали на охоты, какъ на великій праздникъ.

Въ Поставахъ жили всѣ вмѣстѣ, въ одномъ громадномъ трехъэтажномъ замкѣ — «палацѣ» — графа Пржездецкаго, арендованномъ и перестроенномъ подъ школу. Въ нижнемъ каменномъ этажѣ была большая на полтораста человѣкъ, столовая, библіотека, билліардная, карточная и квартиры начальника школы и его помощника, во второмъ — деревянномъ — помѣщались офицеры по два и по четыре, въ свѣтлыхъ, спартански скромно обставленныхъ покояхъ. Въ третьемъ — жили денщики. Общая жизнь, вставаніе по сигналу, общій чай, завтракъ и обѣдъ, игры въ теннисъ и футболъ, въ свободное время, напоминали кадетскіе и юнкерскіе годы и молодили офицеровъ. Вновь крѣпло школьное товарищество. Въ свободные часы, когда на дворѣ былъ дождь — изъ камеръ и по корридору слышались помолодѣвшіе голоса, тутъ звенѣла гитара, тамъ бодро пѣли хоромъ старую школьную «Звѣріаду», вспоминали юнкерскія шутки, возились и боролись... За завтракомъ играли балалаечники, за обѣдомъ — школьные трубачи... Когда они уходили, — кто-нибудь садился за піанино и игралъ и пѣлъ... Совсѣмъ особая была въ эти дни школа и жизнь въ ней — яркая, какъ будто и праздная и вмѣстѣ съ тѣмъ занятая. Вспоминали охоты. Удивлялись, проѣзжая на другой день шагомъ, какъ могли они тутъ скакать! Восхищались школьными и своими ло-

шадьми и получали крѣпкую вѣру въ побѣду на конѣ: во что бы то ни стало!

Частые пни рубленаго лѣса, болото, ямы для мочки льна, перевернутая глухими бороздами новина, широкія канавы, высокіе заборы, крутобережные овраги — какъ могли все это пройдти большимъ галопомъ и даже не замѣтить?... И эта побѣда надъ мѣстностью — усугубляла бодрое, веселое, Поставское настроеніе, дѣлало темпъ жизни радостно повышеннымъ.

Петрикъ, отбывъ Красносельскіе маневры. ординарцемъ при Великомъ Князѣ Главнокомандующемъ и заслуживъ его благодарность, въ самомъ прекрасномъ настроеніи духа ѣхалъ въ Поставы.

Недавній разговоръ съ Долле и досадная встрѣча съ матросомъ ушли въ прошлое. Навязчивая идея, что онъ долженъ убить Портоса, его оставила. Онъ ѣхалъ и думалъ о томъ, какъ многообразна жизнь и какъ въ ней каждому отведено свое мѣсто и каждый нуженъ... Ихъ было три — казалось — такихъ три одинаковыхъ кадета, влюбленныхъ въ королевну Захолустнаго Штаба. И — прошло десять лѣтъ — и они всѣ три такіе разные... За кѣмъ правда?.. И, можетъ быть, по-своему правъ и Портосъ?... Жизнь!.. Въ ней есть мѣсто и нуженъ Тропаревъ, вскрывающій покойниковъ, въ ней есть — и тоже нуженъ, — не даромъ считается первымъ умомъ Россіи — Стасскій со своими страшными сужденіями, въ ней нигилисточка, безбожные люди... и Ермократъ — и, пожалуй, — самый ненужный въ ней — Петрикъ. Конныя атаки... Его девизъ — «quand-même» «во что бы то ни стало» — понадобится-ли все это? Въ той сложной и страшной жизни, что увидалъ Петрикъ въ Петербургѣ, — не дано ли ему очень красочное мѣсто, но мѣсто уже пустопорожнее? «Лошадка»... стильный мундиръ Маріенбургскаго полка— черное съ желтымъ — Георгіевскіе цвѣта, и шефомъ Государь... бряцаніе саблей — все это прошлое, уходящее, очень красивое, очень поднимающее духъ, но, можетъ быть, и правда — отжившее и мертвое? Красота, подвигъ, побѣда, честь, честность, что, если въ этой новой борьбѣ

за Россію не это нужно?.... Долле говорилъ, — а Долле для Петрика былъ авторитетъ — теперь: химія... человѣкъ въ маскѣ съ очками съ толстыми стеклами, похожій на демона. N-лучи... радій... таинственныя волны, пожаръ, гибель мирныхъ невинныхъ людей, женщинъ и дѣтей и — никакого подвига! Только подлость. Честь въ томъ, чтобы обмануть... Честность въ предательствѣ — таковъ показывался Петрику новый двадцатый вѣкъ, вступавшій во второе десятилѣтіе, и при такомъ оборотѣ, какъ-то надо было понять и принять Портоса, партійнаго офицера.

Навязчивая идея перестала быть навязчивой. Она смѣнилась раздумьемъ, и въ этомъ раздумьи было не мало тихой грусти. Этой грусти такъ отвѣчала прекрасная Поставская осень, и вся обстановка парфорсныхъ охотъ.

Послѣдніе дни маневровъ въ Красномъ Селѣ лили холодные, затяжные дожди, пузырились подъ ними черныя лужи и холодныя струи ползли за воротникъ. Печально чавкали копыта лошадей по грязнымъ глинистымъ дорогамъ и безотрадно казалось низкое сѣверное небо, покрытое тяжелыми, темносвинцовыми тучами.

Здѣсь, въ Поставахъ, точно еще продолжалось красное лѣто. Безоблачное небо казалось высокимъ. Солнце грѣло. Въ садахъ золотые висѣли яблоки и синія сливы. Въ цвѣтникѣ передъ школьнымъ палацемъ бурно цвѣли высокіе нѣжные флоксы, пестрыя вербены и темныя, мохнатыя астры и даліи. «Крученый панычъ» вился по балконамъ и переплетался съ барвинкомъ. На широкихъ, лѣсныхъ, песчаныхъ дорогахъ духъ захватывало отъ крѣпкаго смолистаго запаха и Одалиска галопировала по нимъ, порхая, какъ мотылекъ.

Точно жаждавшій влаги человѣкъ вдругъ коснувшійся тонкаго стекла широкаго бокала, наполненнаго ледянымъ, ароматнымъ, бьющимъ въ носъ шампанскимъ и жадно, не отрываясь, пьющій его — Петрикъ, вошелъ со всею любовью, съ полнымъ счастьемъ въ красивую яркую жизнь Поставскихъ охотъ. Всѣмъ сердцемъ вос-

принялъ эту королевскую забаву. Почувствовалъ себя гостемъ короля, любимымъ сыномъ Россійскаго Императора.

XLVI

День былъ хмурый и теплый. Туманъ поднялся утромъ съ полей и такъ и остался стоять до самаго неба — рѣдкій и сѣрый — ни дождь, ни ведро. Кругомъ ровная, полупрозрачная пелена. Въ ней, какъ въ мутной, мыльной водѣ неподвижныя стояли кудрявыя, пожелтѣвшія деревья, и частая капель упадала съ нихъ на сухія листья.

День былъ свободный. Охоты не было. Офицеры утромъ группами по три-пять человѣкъ проѣздили лошадей. На завтра была назначена послѣдняя, самая страшная, самая головоломная охота на 18 верстъ по искусственному слѣду, черезъ два дня начинались охоты по звѣрю. Это уже было только весело. Робкій ѣздокъ могъ «мастерить» *), избѣгая заборовъ и широкихъ канавъ. Опасности останутся позади.

За завтракомъ распространился слухъ, что охота будетъ необычайной. Ѣздившіе выбирать мѣсто для прокладки слѣда генералъ Лимейль и полковникъ Скачковъ были серьезны. И хотя никто, кромѣ нихъ и молчаливаго наѣздника Рубцова, всегда сопровождавшаго начальника школы, не видалъ и не зналъ, куда ѣздили выбирать мѣсто охоты — между офицерами пошли разговоры, что охота будетъ до жестокости страшна.

отъ Поставъ въ березовомъ лѣсу, круто пойдетъ внизъ

Говорили, что начнется она въ двадцати верстахъ по скату и на самомъ скатѣ будетъ заборъ въ два аршина вышины. Разсказывали о рубленомъ лѣсѣ на болотѣ, о какой-то канавѣ, которую едва могла осилить

*) Мастерить — не идти за звѣремъ и собаками непосредственно, но только слѣдить за ними, выбирая болѣе удобный путь, срѣзая углы.

знаменитая «Примадонна» генерала Лимейля. Предсказывали «массовый рѣдисъ», большое «ломайло» и много «дровъ»...

Кто-то сказалъ, что, для усугубленія серьезности охоты, начальникъ отдѣла, полковникъ Драгомановъ приказалъ дать не тѣхъ лошадей, на которыхъ офицеры всегда ѣздили, а чужихъ. Каждый будетъ сидѣть на лошади, которую онъ не знаетъ. И хотя всѣ лошади были хорошо напрыганы и отлично умѣли ходить по мѣстности, были между ними весьма непріятныя. Такъ вся школа знала коня Коперника, который былъ знаменитымъ звѣздочетомъ, и, имѣя короткій затылокъ, не признавалъ ни трензеля, ни мундштука, но, задравъ кверху голову, несъ, куда хотѣлъ. Два года тому назадъ на немъ, весною, въ манежѣ, на смерть разбился на деревянномъ заборѣ штабсъ-ротмистръ Балдинъ. На охотахъ Коперникъ всегда падалъ, и его отставили отъ нихъ. Была кобыла Змѣйка, не признававшая канавъ... были и другія, на которыхъ не ѣздили, но о комъ слыхали самые прескверные разсказы.

Притомъ завтра — 13-е сентября.

И, какъ это часто бываетъ, вдругъ создалось такое настроеніе, что завтрашняя охота такъ не пройдетъ, что Поставы потребуютъ своей кровавой жертвы, и кто-то, вмѣсто эскадрона, получитъ могилу на Поставскомъ кладбищѣ, или останется навсегда калѣкой. На минуту за завтракомъ, всѣ притихли и дѣлали видъ, что заслушались балалаечниковъ. Они играли въ этотъ день особенно мастерски.

Въ большія окна хмуро глядѣлъ сѣрый день. Тишина и неподвижность деревьевъ казались зловѣщими Робкій Ванечка Стартовъ обдумывалъ планъ, какъ ему отдѣлаться отъ охоты и придумывалъ, что ему сказать добрѣйшему доктору Баранову, чтобы тотъ его положилъ въ околодокъ.

Къ концу завтрака за столомъ, гдѣ сидѣли Портосъ, Бражниковъ, Посоховъ и лихой конногренадеръ Малютинъ, короткимъ взрывомъ прокатился смѣхъ. Вдругъ

поднялся и ожилъ разговоръ; собранская прислуга принесла одну, потомъ другую бутылку вина.

Малютинъ съ бокаломъ на тарелкѣ пошелъ къ генералу Лимейлю.

Офицеры просили разрѣшенія выпить за здоровье начальника школы. Былъ короткій пламенный тостъ. Потомъ просили разрѣшенія задержать балалаечниковъ на часъ послѣ завтрака.

Разрѣшеніе было дано.

Начальникъ школы, — онъ усталъ, проѣздивъ утромъ болѣе сорока верстъ въ поискахъ мѣста охоты, онъ всталъ до свѣта, — ушелъ, за нимъ ушли князь Багратуни и Скачковъ. Драгомановъ подсѣлъ къ веселому столу.

Давно курили. Было дано разрѣшеніе разстегнуться. Со столовъ убрали остатки сладкаго и лишнія тарелки. Появились бутылки, блюдца съ поджаренымъ соленымъ миндалемъ и хрустящее соленое печенье «Капитэнъ»... Готовился загулъ.

Шумѣвшій столъ, по случаю завтрашней послѣдней охоты, угощалъ всѣхъ. Петрикъ, любившій товарищескія пирушки, безпорядочныя рѣчи и застольныя пѣсни, остался и, не думая о Портосѣ, подсѣлъ къ краю стола и очутился не далеко отъ него.

Красивый, моложавый Нѣжинскій гусаръ, въ русыхъ усахъ, въ разстегнутомъ китель сѣлъ за піанино и, ударивъ по клавишамъ, подъ звонъ струнъ, небрежно весело запѣлъ:

— Брюнетка жена, мужъ брюнетъ,
Къ нимъ вхожъ бѣлокурый корнетъ.

Охмелѣвшій Бражниковъ хриплымъ баскомъ спрашивалъ Посохова:

— Отъ кого происходитъ Футтеръ?

— Я не понимаю тебя, какъ отъ кого? Нашъ мастеръ, англичанинъ?

— Его студъ-букъ? Отецъ и мать?

— Не знаю.

— А ты подумай?

— Отвяжись.

— Отъ «фатеръ ундъ муттеръ» — происходитъ Футтеръ!... Понялъ?. .

Малютинъ, въ черныхъ красивыхъ усахъ, молодцеватый — весь удаль, въ разстегнутомъ вицъ-мундирѣ. Онъ почему-то надѣлъ его вмѣсто кителя, остановилъ игравшаго гусара, и сказалъ капризно:

— Парчевскій, брось! Господа. Звѣріаду... Но слушать мои слова!

Парчевскій заигралъ мотивъ Звѣріады. Нѣсколько голосовъ съ разныхъ концовъ стола не слишкомъ стройно затянули.

— Какъ наша школа основалась,
Тогда разверзлись небеса,
Завѣса на небѣ порвалась
И слышны были голоса...

— Постойте! — прервалъ пѣвшихъ Малютинъ. — Вниманіе! Слушать меня, запоминать и повторять хоромъ.

И, чеканя слова и отбивая ритмъ, Малютинъ запѣлъ пріятнымъ звучнымъ баритономъ:

— Вотъ мы пріѣхали въ Поставы
Штабъ-офицеровъ тутъ нашли
Съ Кавказа, съ Конина и Млавы
Со всей Руси они пришли.

Наладившійся хоръ дружно подхватилъ, эхомъ отдаваясь о деревянныя стѣны столовой:

— И наливай, братъ, наливай,
Все до капли выпивай!..

Загорѣлыя руки тянулись къ бутылкамъ. Наливали себѣ и сосѣдямъ. Служащіе Филиппа Ивановича и самъ буфетчикъ были на чеку. Насталъ его день, когда опустошался его собранскій погребъ и вмѣстѣ съ нимъ опустошались офицерскіе карманы. Одѣтые въ бѣлое служителя ловко подхватывали кидаемыя пустыя бутылки

и выставляли новыя. Филиппъ Ивановичъ внимательно слѣдилъ, кто кричалъ «вина!» и отмѣчалъ въ своемъ блокъ-нотѣ.

Малютинъ, подбоченясь, — онъ былъ очень красивъ въ разстегнутомъ мундирѣ съ косымъ бортомъ, окаймленнымъ краснымъ кантомъ съ повисшими золотыми орлеными пуговицами и кованымъ воротникомъ, дирижировалъ хоромъ и, когда замерли, стихая, голоса, продолжалъ:

— Прошли охоты мы по слѣду
Потомъ на звѣря перешли,
Теперь ужъ бариномъ я ѣду
Лишь бы поспѣть на «ала-ли»...

Портосъ сидѣлъ, застегнутый на всѣ пуговицы въ чистомъ и новомъ защитномъ мундирѣ, въ свѣжихъ золотыхъ погонахъ. Онъ облокотился на столъ, и была видна его большая, сильная рука въ крахмальномъ рукавчикѣ съ дорогимъ камнемъ въ золотой запонкѣ, золотая тяжелая цѣпь браслета, перстень на пальцѣ. Онъ держалъ папиросу въ дорогомъ пѣнковомъ мундштукѣ. Гладкіе волосы были причесаны на проборъ до затылка и припомажены hongroise'омъ. Лицо Портоса не загорѣло и казалось матово-блѣднымъ. Темные глаза блистали изъ-подъ густыхъ рѣсницъ, мягкіе усы не закрывали рта. Было что-то тонкое и изящное въ выточенномъ, какъ профиль старинной камеи, лицѣ Портоса, и въ складкѣ рта, особенно въ подбородкѣ, было что-то неумолимо жестокое. Изящное благородство и открытость Петрикъ подмѣтилъ, жестокаго не увидалъ. Можетъ быть, въ эту минуту, не хотѣлъ видѣть. У него передъ глазами всталъ прежній Портосъ, что въ бѣлой кадетской рубахѣ, протянувъ руку къ верху къ зеленому своду сиреневой бесѣдки клялся передъ дѣвочкой въ полудлинномъ бѣломъ платьѣ, опоясанномъ широкой голубой лентой съ большимъ бантомъ, дѣвочкой съ русой косой, переложенной на плечо. Петрикъ точно снова слышалъ взволнованный голосъ Портоса: **«un pour tous, tous pour un!»**

«Нѣтъ», — думалъ Петрикъ, — «не можетъ онъ, такой красивый, стройный и честный... старый к а д е т ъ Портосъ, не можетъ онъ быть въ партіи? Не можетъ быть измѣнникомъ и подлецомъ!

Та жгучая ненависть и презрѣніе, что владѣли Петрикомъ все лѣто, куда-то ушли. Увлеченный красотою удалого и такъ напоминающаго чистое дѣтство, когда сильна товарищеская любовь напѣва. Петрикъ рѣшилъ сейчасъ подойти къ Портосу, сѣсть рядомъ съ нимъ, обнять его за шею и пѣть со всѣми любимую юнкерскую пѣсню. А потомъ пойдти вдвоемъ съ Портосомъ въ задернутый пеленою тумана паркъ и тамъ объясниться.

в

XLVII

Петрикъ подходилъ къ Портосу сзади, и ему не видно было его лица. Спиною къ нему сидѣлъ и Бражниковъ и видно было только разгоряченное лицо Посохова. Петрикъ былъ въ трехъ шагахъ отъ Портоса. Вдругъ ему ясно стало, что никогда не будетъ примиренія. Ненависть и презрѣніе снова овладѣли имъ, и Петрику показалось, что вотъ сейчасъ, именно теперь должно случиться что-то непоправимое и ужасное. Можетъ быть, сейчасъ онъ и убьетъ Портоса. У него не было оружія, но развѣ для того, чтобы убить Портоса, надо оружіе? Это продолжалось одинъ мигъ, сотую долю секунды, что онъ ничего не слышалъ и не владѣлъ собою. Это сейчасъ же и отлетѣло, но этотъ мигъ точно перевернулъ Петрика. Та же была столовая, тѣ же офицеры въ разстегнутыхъ кителяхъ, пѣсня и Малютинъ, дирижирующій ложкою хоромъ, но и все было уже другое. Петрикъ точно получилъ какое-то сверхчувство, которое заострило всѣ его чувства и онъ сталъ слышать все то, что дѣлалось кругомъ. Онъ сразу слышалъ разговоръ во всѣхъ концахъ стола, но слышалъ его какимъ-то придушеннымъ и глухимъ, точно черезъ трубку телефона. Онъ почти никого не видѣлъ и въ то же время

удивительно четко подмѣчалъ тысячу мелочей, которыя раньше никогда бы не замѣтилъ. Онъ остановился.. Онъ слышалъ, какъ, декламируя, продолжалъ свои куплеты Малютинъ, и Парчевскій ему вторилъ:

— И эта первая охота
Всѣхъ предыдущихъ веселѣй...
На утро — новая забота: —
Набито тридцать лошадей!..

Онъ видѣлъ, какъ покраснѣла шея Бражникова и на ней съ лѣвой стороны канатомъ надулась жила, онъ видѣлъ маслянистую улыбку Посохова, и его мутные сѣрые глаза, блиставшіе сладострастнымъ блескомъ и въ томъ особомъ напряженнѣйшемъ состояніи, въ какомъ онъ находился, — онъ понялъ, что разговоръ шелъ о женщинахъ и говорили о нихъ развязно и цинично. Говорилъ Портосъ. И опять-таки сквозь общій гулъ голосовъ, раздававшихся за столомъ, сквозь хоровое пѣніе, Петрикъ ловилъ слова Портоса и понималъ ихъ.

— Пижоны вы... Вамъ — дѣвки... Никогда онѣ такъ не отдадутся, какъ интеллигентная женщина.

На мгновеніе рычащій басъ, повторявшій куплеты, заглушилъ слова Портоса, и Петрикъ хотѣлъ уже отойдти, не желая невольно подслушивать, но тутъ его ставшій необычно острымъ слухъ поймалъ, какъ Портосъ — и видно было черезъ довольную улыбку — сказалъ:

— Зовутъ — Валентина.

— Тиночка славное имячко, — сипло сказалъ Бражниковъ.

— Я зову — Алечка. Такъ еще лучше. Волосы — золото, и распустишь ихъ и закутаешь ими лицо — ароматъ!!

Въ этотъ моментъ Портосъ почувствовалъ на себѣ взглядъ Петрика и обернулся. Его лицо стало изъ матоваго блѣднымъ, мѣловымъ, и страшно четко, какъ на маскѣ рисовались на немъ черныя брови и черные холеные усы. Онъ быстро всталъ и, понимая рѣзкое движеніе, которое сдѣлалъ Петрикъ, прикрылъ лицо широкою ладонью.

Петрикъ, задыхаясь, бросился на Портоса. Но вдругъ вмѣсто блѣднаго, мѣлового и такъ теперь имъ ненавидимаго лица онъ увидалъ свѣжіе золотые погоны съ алой дорожкой, четыре серебряныя звѣздочки и накладной номеръ, увидѣлъ золотые чеканные орлы на пуговицахъ. Онъ понялъ, что ни ударить, ни оскорбить о ф и ц е р а онъ не можетъ, и опустилъ голову.

Краска вернулась на щеки Портоса. Онъ опустилъ поднятую для защиты руку и наружно спокойно спросилъ:

— Что вамъ, штабсъ-ротмистръ?

— Ничего, — тихо сказалъ Петрикъ, такъ глядя на Портоса, что розовая краска густо залила его щеки и шею. — Я хотѣлъ послушать, что вы разсказываете.

Это было такъ сказано, что Петрикъ съ удовлетвореніемъ замѣтилъ, какъ забѣгали глаза Портоса и животный, подлый страхъ засвѣтился въ нихъ.

— Мы говорили, Ранцевъ, про женщинъ, — сидя и поворачиваясь къ Петрику, сказалъ Бражниковъ, — про милыхъ женщинъ, любившихъ насъ, хотя бы разъ... И вамъ, милый Ранцевъ, это неинтересно... Вы — холостой полкъ.. И вы — монахъ.

Портосъ уже оправился.

— Я готовъ всегда дать вамъ удовлетвореніе, — негромко сказалъ онъ.

— Вы его мнѣ и дадите, — такъ же негромко сказалъ Петрикъ и, обращаясь къ Бражникову, небрежно сказалъ.

— Да... въ самомъ дѣлѣ... La femme ne prête pas pour le cheval... А завтра такая страшная охота.

И, церемонно раскланявшись, онъ медленно и спокойно пошелъ изъ столовой.

Офицеры, сидѣвшіе съ Портосомъ, замѣтили, что между нимъ и Петрикомъ что-то произошло. Что только благодаря офицерской сдержанности и того и другого не было нанесено взаимныхъ ужасныхъ оскорбленій и дѣло не дошло до драки, но произошло что-то очень тяжелое, что, можетъ быть, искуплено только кровью. Но разспрашивать Портоса они сочли неделикатнымъ.

катнымъ и несвоевременнымъ. Въ концѣ концовъ что было? Порывистость движеній Петрика и странность оборонительнаго жеста Портоса, да интонація голоса и взгляды — непонятно жгучіе, съ одной стороны, и подло трусливые съ другой. Оскорбленій ни словомъ, ни дѣйствіемъ не было, — значитъ, — какъ будто «инцидентъ исчерпанъ». Была какая-то страшная ссора, вспыхнувшая мгновенно и такъ же мгновенно притушенная.

«Ну и чортъ съ ней», — подумалъ Бражниковъ.

— Какая муха его укусила? — небрежно сказалъ онъ, обращаясь къ Портосу.

— Возможно... муха ревности, — въ тонъ ему сказалъ Портосъ.

— Ревновать можетъ тотъ, кто можетъ любить... а Петрикъ.... онъ, кромѣ полка, службы и своей кобылы никого любить не можетъ.

— А какъ же волосы — золото... Неужели отдавалась эта профессорша? — спросилъ, сладострастно улыбаясь, Посоховъ.

— Когда-нибудь другой разъ я доскажу... Пойдемте помогать Малютину. Парчевскій что-то ослабѣлъ и плохо ему вторитъ. Эй! Филиппъ Ивановичъ! вина! — богатырски на всю столовую крикнулъ Портосъ и, притворно покачиваясь, пошелъ къ группѣ офицеровъ, пѣвшихъ у піанино.

XLVIII

Петрикъ по веревочной просмоленной дорожкѣ, лежавшей въ коридорѣ и заглушавшей его шаги, прошелъ мимо карточныхъ комнатъ, гдѣ играли при свѣчахъ на трехъ столахъ и откуда раздавался крикливый съ кавказскимъ акцентомъ голосъ полковника Дракуле, открылъ стеклянную дверь и вышелъ на деревянное крыльцо.

Вдругъ налетѣвшая на него буря смѣнилась пол-

нымъ штилемъ. На душѣ было спокойно и крѣпло рѣшеніе: убить Портоса.

Петрикъ по низкимъ и широкимъ деревяннымъ ступенькамъ крыльца спустился въ цвѣтникъ и безъ фуражки, съ обнаженной головой, пошелъ черезъ него въ замковый паркъ, бывшій за широкой песчаной дорогой, гдѣ обыкновенно строились передъ охотами.

Туманъ сталъ гуще. Шелъ пятый часъ дня, а, казалось, надвигались сумерки. Въ аллеѣ каштановъ, между сплошною стѣною, разросшихся кустовъ жасмина, жимолости и калины, гдѣ кое гдѣ краснѣли пучки увядающихъ сморщенныхъ ягодъ на шесть шаговъ ничего не было видно. Съ тихимъ шорохомъ падали съ листьевъ водяныя капли. Подъ ноги попадались зеленые колючіе шарики конскихъ каштановъ. Дорожка едва замѣтно спускалась къ озеру. Петрикъ увидалъ его темныя воды лишь тогда, когда вплотную подошелъ къ нему. Туманъ низко нависъ надъ водою и озеро казалось безконечнымъ. Недвижно стояли камыши и точно изъ темно-коричневаго бархата сдѣланные артиллерійскіе банники торчали ихъ метелки... Темнозеленые трехгранные, похожіе на огурцы плоды ирисовъ зеленѣли у берега. Вода застыла, какъ постное масло.

«Судьба!».. — думалъ, остановившись надъ озеромъ, Петрикъ. — «Судьба отдала его мнѣ въ руки... Да, конечно... дуэль... Какой негодяй?!» — прошепталъ онъ. — «Какой подлецъ!... И все вретъ.... Хвастаетъ... Не можетъ того быть, чтобы госпожа наша начальница... божественная... Алечка Лоссовская, недостижимая дивизіонная барышня... королевна дѣтской сказки Захолустнаго Штаба измѣняла своему мужу... этому милому, доброму профессору»...

Заложивъ руки за спину, Петрикъ медленно пошелъ вдоль озера.

«Партійный... Сначала человѣкъ входитъ въ партію, отрицающую честь и благородство.. всѣ эти... буржуазные предразсудки... Безъ Бога... Какъ же безъ Бога-то? Нѣтъ.. его просто убить надо... И не благородно оружіемъ, но задушить, задавить подлеца... какъ преступника... Но... онъ офицеръ...

Перебивая мысли, сбивая его съ ихъ нити, слышались слова.. «Золотые волосы... ароматъ... Распустишь, покроешь лицо»...

Какъ бы судорога пробѣгала по всему тѣлу и хотѣлось сейчасъ побѣжать назадъ и при всѣхъ схватить за горло и душить пальцами, пока не сдохнетъ.

«Какъ противно было видѣть на его лицѣ этотъ подлый страхъ. Страхъ на лицѣ офицера!... Партійнаго!... А все-таки офицера!.. Да... неизбѣжно — дуэль... Завтра все по командѣ, по правиламъ... Но тогда — Судъ чести... и придется объяснить, что говорилъ штабсъ-капитанъ Багреневъ... И потомъ дуэль... Смерть на дуэли... Это почетъ... Пушкинъ... Лермонтовъ — и этотъ негодяй и подлецъ — равную честную смерть! Да, никогда! Просто — приду къ нему и скажу — вы, Багреневъ, измѣнили присягѣ, вы вошли въ партію, вы говорили гадости про одну, извѣстную вамъ, святую и чистую особу — вы негодяй и подлецъ, и я васъ убиваю — и застрѣлить, какъ поганую собаку! Пусть потомъ судъ и возмездіе — онъ исполнитъ свой долгъ офицера и рыцаря-мушкетера!.. Такова судьба.... И, если — дуэль, — то на смерть... Я и фехтую и стрѣляю лучше его... Долле мнѣ сказалъ — «не убьешь»... Посмотримъ?»..

Петрикъ обошелъ кругомъ озера и вернулся въ каштановую аллею. Все перебивали его настойчивыя мысли объ убійствѣ Портоса, воспоминанія о томъ, что говорилъ Портосъ о «божественной».

«А если правда?.. Она его любитъ!.. О какой же тогда онъ трижды подлецъ!»

Вся та страшная жгучая ненависть, что постепенно накоплялась съ той ночи, когда они шли по набережной Невы отъ нигилисточки, и Петрикъ спросилъ, въ партіи ли Портосъ, и тотъ ему не отвѣтилъ, овладѣла теперь сердцемъ Петрика и отравила ему и Поставы и радость завтрашней лихой и смѣлой охоты.

Онъ вернулся въ замокъ въ темнотѣ. Въ столовой ярко горѣли лампы. Столы были накрыты свѣжими скатертями. Сто двадцать приборовъ было разставлено по длиннымъ столамъ. Трубачи раскладывали по пюпитрамъ ноты. Высокій толстый капельмейстеръ совѣщал-

ся съ красивымъ штабъ-трубачомъ. Офицеры собирались къ столамъ.

Школьнымъ маршемъ встрѣтили трубачи начальство школы.

Петрикъ со своего мѣста сразу замѣтилъ, что Портоса не было. Онъ не пришелъ къ обѣду. Его приборъ стоялъ пустой. Должно быть боялся... Чуялъ свою смерть.

Петрикъ старался быть непринужденно веселымъ. Онъ то разговаривалъ со своими сосѣдями, то прислушивался къ тому, что говорилось за штабъ-офицерскимъ столомъ, то слушалъ прекрасную игру трубачей.

И сквозь все это точно сквозила неясная мысль: «Надо убить.. убить, какъ собаку.

XLIX

«Тай-та-ри... та-рамъ-та-тай»... гдѣ - то далеко за плотиной и винокуреннымъ заводомъ, возлѣ конюшень, проиграли на охотничьихъ рогахъ школьные трубачи призывную фанфару, и имъ отозвались изъ мѣстечка отъ лазарета другіе: «тамъ-та-ри тамъ та-та-тай».. И уже близко изъ парка противъ палаца проиграла третья пара.

По старинному, изъ королевской, аристократической Франціи идущему обычаю отъ замка къ замку такими фанфарами оповѣщать о сборѣ на охоту, въ Школѣ освѣдомлялись офицеры о томъ, что насталъ часъ охоты. Въ столовой растревоженнымъ ульемъ гудѣли голоса пившихъ чай офицеровъ. Сегодня они были особенно взволнованы, возбуждены и шумны.

Петрикъ вышелъ на крыльцо. Точно послѣ вчерашняго дня въ природѣ была сдѣлана какая-то волшебная перестановка декорацій. Тумана не осталось и слѣда. Высокое, блѣдно-голубое небо по осеннему было чисто. Туманъ ночью спустился внизъ, легъ блестящею росою и повисъ алмазными каплями на листьяхъ деревьевъ. Все блистало и горѣло огоньками подъ лучами еще невысо-

каго солнца. Паркъ стоялъ во всей прелести и пестротѣ осенняго убора. За вчерашнею завѣсою тумана вдругъ пожелтѣли и ударили въ свѣтлое золото березы, листья каштановъ стали тонкими и прозрачными, и по дубу точно кто провелъ темной сепіей. Виноградъ на оградѣ сталъ малиновымъ и горѣлъ огнями, обремененная росою, точно серебромъ перевитая, трава пожухла и, путаясь, никла къ землѣ.

Въ недвижномъ воздухѣ была разлита такая радость, что черныя мысли покинули Петрика и лютая ненависть и презрѣніе къ Портосу на время были позабыты.

Онъ снова увидалъ необычайную красоту Божьяго міра и нѣжную прелесть Поставскаго парка и съ молитвою въ душѣ заколдованный, завороженный свѣжимъ, яснымъ осеннимъ утромъ стоялъ на крыльцѣ и чистыми все подмѣчающими, всему радующимися глазами смотрѣлъ во всѣ стороны, отдаваясь охватившему его тихому счастью.

Въ природѣ было тихо. И безшумно, точно живая картина, показались изъ-за угла, отъ дороги съ плотины, охотники съ собаками. Впереди на росломъ гнѣдомъ конѣ ѣхалъ полнѣющій сѣдой англичанинъ мастеръ Футтеръ, о комъ острили вчера, что онъ происходитъ «отъ фатеръ ундъ муттеръ». Онъ былъ въ черномъ бархатномъ картузѣ, въ красномъ фракѣ и бѣлыхъ лосинахъ, въ сапогахъ съ невысокими голенищами съ желтыми отворотами. Длинный свитой арапникъ былъ у него подъ мышкой. Рядомъ съ нимъ въ такомъ же охотничьемъ костюмѣ на поджаромъ чистокровномъ гнѣдомъ конѣ ѣхалъ завѣдующій охотами ротмистръ Воликовскій и большой крутой мѣдный башуръ *) былъ надѣтъ у него черезъ плечо. За ними плотной стаей, въ смычкахъ, молчаливо, словно тѣни, шли гончія, помахивая, задранными кверху гонами **). Всѣ одинаково пестраго окраса онѣ шли серьезно, озабоченно и дѣловито.

---

*) Башуръ — большой басовой рогъ доѣзжачаго.

**) Гоны — хвосты.

Три унтеръ-офицера доѣзжачихъ въ алыхъ кафтанахъ и черныхъ охотничьихъ, жокейскихъ картузахъ, не шедшихъ къ ихъ скуластымъ, русскимъ лицамъ, сопровождали стаю. Генералъ Лимейль умѣлъ держать заграничный стиль охоты.

Они прошли и скрылись въ садахъ мѣстечка, будто видѣніе далекаго, прекраснаго прошлаго..

Голоса въ столовой становились громче. Видно: всѣ офицеры уже собрались къ чайнымъ столамъ.

Петрикъ продолжалъ наблюдать, стоя на крыльцѣ. Нѣсколько минутъ песчаная дорога между цвѣтникомъ и паркомъ, была пуста. Потомъ оттуда же, откуда вышла охота показалась длинная, медленно идущая колонна. Вѣстовые, по два, вели въ поводу «казенныхъ» лошадей.

Бражниковъ, Портосъ и многіе другіе, въ смѣнѣ узнавали свою лошадь только по вѣстовому — Петрикъ зналъ всѣхъ лошадей Школы. Для него онѣ были какъ добрые знакомые, точно люди и каждую онъ зналъ «въ лицо». Онъ ихъ одушевлялъ, придавалъ имъ сходство съ людьми и точно говорилъ съ ними. Онъ увидалъ, что его Аметиста дали штабъ-офицеру, кандидату на полкъ, и загордился этимъ. Значитъ — въ Аметиста вѣрятъ, значитъ — онъ хорошо научилъ его ходить по полю. Бражниковскій вѣстовой велъ привычнаго барину Жерминаля, — помирволилъ ему Драгомановъ — облегчилъ его сегодняшнюю охоту. Улыбающійся Лисовскій велъ Соловья. Это былъ старый сѣрый конь, знавшій Поставы наизусть. Его давали самымъ плохимъ ѣздокамъ, самымъ старымъ штабъ-офицерамъ. На немъ ѣздили «пассажиромъ», — только сиди и не мѣшай, а и помѣшаешь, такъ Соловей исправитъ. Про него разсказывали, что онъ, подходя къ препятствію, оборачивалъ къ сѣдоку свою умную, лобастую голову и говорилъ человѣческимъ языкомъ: «сиди!... не бойся!»... На немъ «переселялись» черезъ канавы и заборы такъ мягко и пріятно, что даже не замѣчали толчка. Онъ прыгалъ, какъ кошка и никогда не закидывался, не заносилъ, не «перъ», не задѣвалъ препятствій и не падалъ. И съ него никогда никто не падалъ. Онъ точно поддер-

живалъ неумѣлаго ѣздока. Его давали за отличіе, давали начальству, скакать на немъ было наслажденіе. Петрикъ понялъ, что Драгомановъ далъ ему Соловья, какъ награду.

Петрикъ смотрѣлъ дальше. Онъ увидалъ конноартиллериста Левыкина, вѣстового Портоса. Онъ велъ худого, длинношеего, безобразнаго Коперника. Того самаго!!... кто всегда падалъ, на комъ могъ ѣздить только маленькій ловкій Дербентскій, ротмистръ Постояннаго состава, на охотахъ ѣздившій сзади курса «классной дамой»...

«Вотъ оно что!.. Судьба!»..

Застывшая было въ созерцаніи картины осенняго утра и сбора охоты, мысль о мести, понеслась съ удивившею Петрика быстротою. Колонна лошадей не успѣла еще построиться фронтомъ противъ палаца, когда Петрикъ уже все продумалъ и пришелъ къ рѣшенію.

«Портосъ упадетъ и расшибется... Не будетъ же Петрикъ бить лежачаго, разбившагося... калѣку? Зло и подлость будутъ жить. Такъ рѣдки паденія на смерть. Да, если и на смерть? Онъ умретъ честно и красиво на охотничьемъ полѣ, во время скачки, какъ дай Богъ всякому! Онъ, подлецъ и негодяй, уйдетъ изъ этого міра въ прекрасный осенній день въ ореолѣ славы и красоты и послѣднее его ощущеніе будетъ — прыжокъ!.. Нѣтъ, не такой смерти достоинъ Портосъ! Онъ долженъ такъ, или эдакъ, на дуэли, или въ ссорѣ быть убитымъ Петрикомъ. Онъ долженъ умереть... — иначе!»...

Въ три прыжка Петрикъ былъ внизу въ цвѣтникѣ, быстро прошелъ къ Левицкому и тономъ, не допускавшимъ возраженія, приказалъ:

— Возьми у Левыкина Коперника... Пошли его къ Соловью!

L

Школьный гусаръ въ черномъ доломанѣ и крапо-выхъ чакчирахъ, вѣстовой начальника школы, повелъ красавицу караковую Примадонну къ квартирѣ генерала Лимейля. На крыльцо палаца шумной толпой выходили офицеры. Они разыскивали своихъ вѣстовыхъ и спрашивали ихъ, какъ зовутъ ту лошадь, на которой имъ предстояло скакать.

Кто остался спокоенъ, кто поблѣднѣлъ, кто, напротивъ, покраснѣлъ и нѣкоторою суетливостью и говорливостью скрывалъ свое волненіе:

— Господа, кто ѣздилъ на Гуріи?

— Вамъ, господинъ полковникъ, Гурія? — Отлично идетъ. Лошадь первый сортъ! Немного низко голову несетъ, за то каждый камешекъ видитъ.

— Штабсъ-ротмистръ Ранцевъ это вашъ, кажется, Аметистъ?

— Мой, господинъ полковникъ. Можете быть спокойны. Прыгаетъ великолѣпно и не тянетъ.

— А вы на комъ?

— На Коперникѣ!..

— Несчастный?!

— Ничего... Богъ дастъ, управлюсь...

Голоса звенѣли въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ и эхомъ отдавались о бревенчатыя стѣны замка. Офицеры садились на лошадей.

— Везетъ тебѣ, Портосъ, — утреннимъ фаготомъ хрипѣлъ Бражниковъ. — На Соловьѣ!.. Я изъ всѣхъ лошадей школы только его одного и помню. Ужъ очень приличный звѣрь... Уважаю такихъ!

— И тебѣ не плохо... На своемъ остался.

— На канавахъ не вѣренъ мой старый Жерминаль, — вздохнулъ, лаская по шеѣ вороного коня, Бражниковъ.

Драгомановъ въ красномъ фракѣ съ арапникомъ въ рукѣ — онъ тоже соблюдалъ стиль охоты — скакалъ отъ палаца къ офицерамъ и на скаку командовалъ:

— Господа офицеры!

Лимейль садился на Примадонну.

Офицеры пошли неправильною группой за начальникомъ школы. Какъ было принято, на охоту ѣздили не строемъ, но живописной толпой, перемѣшавшись. Было разрѣшено курить, и голубоватый папиросный дымокъ тихо рѣялъ надъ головами въ недвижимомъ воздухѣ. Проѣхали мѣстечко и пошли песчаными широкими дорогами, между полей скошенной и вновь зацвѣтающей вики и люцерны, среди лилово-желтыхъ лупинусовъ, между жнивья, прошли небольшой сосновый лѣсокъ и стали подниматься на горку. Прошли то шагомъ, то просторною охотничьею рысью верстъ двѣнадцать, когда на холмѣ у березовой рощи показались красные кафтаны доѣзжачихъ, круглые мѣдные рога и пестрая стая гончихъ.

По знаку Лимейля спѣшились. Было предложено осмотрѣть подпруги и покурить.

Разговоры стали коротки, отвѣты не впопадъ. Было замѣтно какъ даже опытные, бывалые ѣздоки волновались. Лимейль сердито допрашивалъ полковника Скачкова. Тотъ съ потнымъ, усталымъ лицомъ, — онъ ѣздилъ съ двумя унтеръ-офицерами, тянувшими на веревкѣ большую губку, напитанную лисьими нечистотами, прокладывать слѣдъ и только что вернулся — докладывалъ о пути охоты.

— За конскимъ черепомъ у лужины я повернулъ по изволоку влѣво.

— Не топко?

— Сухмень.

— На парахъ не будетъ подлипать?

— Нѣтъ... Сухо.

— Льняныя ямы обошли? *).

— На полъ версты.

— За болотомъ сняли верхнія жерди?

Скачковъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Лимейля.

---

*) Размачиваемый ленъ своимъ ѣдкимъ запахомъ отбиваетъ чутье у гончихъ, поэтому, чтобы охота не скололась предпочитаютъ ихъ обходить подальше.

— Ну и будутъ дрова! — сердито сказалъ Лимейль. — Я же вамъ говорилъ! Всегда вы такъ!

— Да тамъ и двухъ аршинъ не будетъ, ваше превосходительство.

— Вамъ все ничего, а я за каждую поломку отвѣчаю... Запросы въ Думѣ дѣлаютъ, — досадливо выговаривалъ начальникъ школы и выдавалъ этимъ свое волненіе... Ну да теперь все равно....

Лимейль пошелъ къ Примадоннѣ.

— Господа офицеры, по конямъ. Садись!

Его голосъ звучалъ торжественно.

Офицеры, какъ стояли вразбродъ, стали садиться на лошадей. Кое-кто крестился украдкой. Футтеръ и Воликовскій съ собаками тронули шагомъ вдоль березовой рощи къ чуть замѣтной на лугу вѣточкѣ, воткнутой въ землю. Тамъ начинался слѣдъ. За ними большою группою, въ сто человѣкъ съ лишнимъ, за Лимейлемъ и Драгомановымъ поѣхали просторнымъ шагомъ офицеры. Лимейль рѣшительно и мрачно крикнулъ:

— Напускай!

LI

Стая гончихъ надвинулась къ вѣточкѣ. Мастеръ — чернопѣгій выжлецъ *) ткнулся носомъ въ землю и повелъ, весело замахавъ гономъ. Стая сорвалась комкомъ. Тонко, съ легкимъ привизгомъ подала голосъ какая-то выжловка и, чуть разбившись въ лѣсу, «однихъ ногъ» собаки скрылись въ высокій, пожелтѣвшей лѣсной травѣ.

Волновавшіяся при видѣ стаи лошади подхватили и влетѣли рѣзвымъ галопомъ въ лѣсъ.

Лѣсъ былъ рѣдкій и небольшой. Лошади, почти не

---

*) Мастеръ — гончая, идущая впереди и ведущая охоту. Выжлецъ — гончая кобель, выжловка — сука. Однихъ ногъ — одинаково рѣзвыя.

управляемыя, сами отлично въ немъ разобрались, и Петрикъ не замѣтилъ, какъ они прошли рощу и стали круто спускаться къ ручью.

На широкомъ зеленомъ лугу собаки сбились въ тѣсную, красивую пеструю кучу и пошли комкомъ, какъ говорилось въ старину, что «скатертью накрыть было можно». Офицеры выскакивали изъ рощи широкимъ фронтомъ и, разсыпавшись, скакали внизъ къ ручью, текшему въ невысокихъ обрывистыхъ берегахъ. Своимъ охотничьимъ глазомъ Петрикъ видѣлъ, какъ собаки, разбившись и разравнявшись перебрели черезъ ручей, многія останавливались по брюхо въ водѣ и жадно лакали, доѣзжачіе подваливали гончихъ къ ихъ мастеру, порская и подсвистывая, — это продолжалось короткій мигъ и уже вся стая, а за нею доѣзжачіе, генералъ Лимейль и полковникъ Драгомановъ перенеслись черезъ ручей и мчались по пологому подъему, покрытому жнивьемъ въ широкія поля, упиравшіяся въ горизонтъ.

Еще видѣлъ вправо и немного впереди себя Петрикъ, какъ осторожно, сдерживая большого Соловья, спускался къ ручью Портосъ, точно хотѣлъ заставить Соловья перейти ручей въ бродъ и какъ Соловей досадливо крутнулъ серебрянымъ хвостомъ, точно сказалъ съ сердцемъ: — «чего боишься... я знаю, что дѣлать!» и въ тотъ же мигъ Портосъ благополучно «переселился» на ту сторону ручья.

Коперникъ мчался, задравъ голову и мотая ею, стараясь отдѣлаться отъ повода. У Петрика было такое впечатлѣніе, что онъ ввалится въ ручей, но Коперникъ рѣзко, два раза ткнулся передъ водой и какъ-то отчаянно «козломъ» перепрыгнулъ черезъ ручей.

На подъемѣ хорошо сваленная стая пошла парато *) и охота растянулась чуть не на версту. На рѣзвомъ скаку Петрикъ овладѣлъ Копернико̀мъ и увѣренно и хорошо перепрыгнулъ первый заборъ. Затѣмъ свернули влѣво, спустились въ оврагъ, миновали какіе-то валы, Петрикъ и не замѣтилъ, какъ онъ ихъ взялъ и помчался до-

*) Сваленная — сбитая, идущая вмѣстѣ. Парато — рѣзво.

гонять переднихъ. Радость побѣды надъ «труднымъ» Коперникомъ заливала его сердце теплымъ токомъ. Петрикъ отдался красотѣ и веселью лихой охоты. Свѣжій вѣтеръ несся навстрѣчу и освѣжалъ пылающее лицо. Кто-то впереди потерялъ алую фуражку. Проскакивая мимо нея, Петрикъ подумалъ: «прощай фуражка милая!» — и крѣпче нахлобучилъ свою.

Пуста была голова. Коротки и отрывисты наблюденія и такъ же коротки мысли. На пахотѣ Бражниковъ, шедшій рядомъ съ Портосомъ, ввалился въ черную лужину и забрызгалъ бѣлаго Соловья и свѣжій китель Портоса. «То-то, поди, ругался въ душѣ Портосъ», — подумалъ Петрикъ.

Синій кустъ — роща безъ высокихъ деревьевъ — замаячилъ впереди. Около него стая вдругъ скололась, потерявъ слѣдъ, и разсыпалась. Охота пріостановилась. Это была передышка на минуту, необходимая для лошадей и для офицеровъ. Лимейль бѣлымъ платкомъ вытиралъ потъ съ лица, Драгомановъ стоялъ, вытянувъ длинныя ноги въ стременахъ, и строго покрикивалъ на офицеровъ.

— Господа!.. не отставать... не отставать... Очень растягиваетесь на охотѣ!

Собаки сейчасъ же натекли и подхватили *). Охота понеслась за ними. Эта маленькая передышка не освѣжила, но утомила Петрика. Куда дѣвалось его прекрасное настроеніе счастливой радости? Свѣтлый осенній день точно померкъ. Облачко набѣжало на солнце и тѣнью покрыло землю. Пахота казалась свинцово-черной. Показался рядъ длинныхъ жердяныхъ заборовъ, кто-то загремѣлъ деревомъ и упалъ, но вскочилъ и сталъ садиться на лошадь весь сѣрый отъ черноземной пыли. Коперникъ прыгалъ не плохо и Петрикъ смѣло шелъ на заборы. Спустились, захлюпали по водѣ мокраго луга и за нимъ выросъ заборъ, показавшійся очень высокимъ Петрику. Вся охота сразу, точно по командѣ, сдержала лошадей.

---

*) Натекли — напали на слѣдъ

Петрикъ видѣлъ, какъ собаки, однѣ перескакивали, другія пролѣзали подъ жерди забора, какъ тяжело, слишкомъ высоко прыгнула Примадонна, и красный фракъ Лимейля уже несся, догоняя собакъ. Офицеры «мастерили» ища гдѣ пониже, и это мѣшало Петрику. Онъ увидалъ за заборомъ большой камень и почему-то этотъ камень привлекъ его вниманіе. Онъ уже направилъ Коперника и броскомъ рукъ повелительно приказалъ ему прыгать, но тутъ его обогналъ тяжело скакавшій на большомъ кирасирскомъ конѣ штабъ-офицеръ. Онъ грузно прыгнулъ, ломая верхнюю жердь, эта жердь столбомъ метнулась подъ ноги Коперника, и Коперникъ вмѣстѣ съ Петрикомъ завалился на полѣ.

Послѣднее, что увидѣлъ Петрикъ, былъ странно привлекшій еще раньше его вниманіе камень, послѣднее, что ощутилъ, былъ духъ захватывающій полетъ, и онъ не могъ разобрать вверхъ, или внизъ, а потомъ наступило тяжелое небытіе.

LII

Пройдя еще полторы версты по мягкой травѣ, охота остановилась. Собаки скололись и доѣзжачіе, щелкая арапниками, сбивали стаю.

Генералъ Лимейль слѣзъ съ лошади и отдалъ ее подбѣжавшему къ нему выжлятнику. Полковникъ Дербентскій подъѣхалъ къ нему съ докладомъ, что на охотѣ упало двое: штабсъ-ротмистръ Швальбе, который сейчасъ же сѣлъ и продолжалъ охоту, и штабсъ-ротмистръ Ранцевъ, оставшійся лежать безъ сознанія, при немъ находится наѣздникъ, другой посланъ за лазаретной каретой.

—На комъ скакалъ Ранцевъ? — спросилъ Лимейль.

— На Соловьѣ, — сказалъ Драгомановъ.

— На Коперникѣ, — поправилъ его Дербентскій.

— Какъ на Коперникѣ?

Дербентскій и Драгомановъ обмѣнялись взглядами. Драгомановъ ничего не понималъ.

— Зачѣмъ было, Николай Александровичъ, давать, хотя бы и Ранцеву Коперника? — мягко сказалъ Лимейль начальнику офицерскаго отдѣла.

Драгомановъ отлично помнилъ, что онъ далъ Ранцеву Соловья, и Коперника Багреневу, но онъ понялъ, что сейчасъ лучше объ этомъ промолчать, и онъ тихо сказалъ:

— Не было больше лошадей. Много набитыхъ и больныхъ. Я думалъ, что Ранцевъ..

— Да, конечно... Несчастный случай. Ну да, Богъ дастъ, обойдется...

Домой, съ охоты, ѣхали усталые, но не оживленные, какъ всегда, а придавленные и грустные. Какъ это часто бываетъ, слухъ быстро облетѣлъ всѣхъ: штабсъ-ротмистръ Ранцевъ разбился на смерть.

Когда подъѣзжали къ палацу — охоту встрѣтилъ школьнымъ маршемъ съ фанфарами хоръ трубачей. Торжественно бодрые звуки трубъ казались неумѣстными и оскорбительными. Генералъ Лимейль хотѣлъ, было, отпустить трубачей отъ завтрака, но, увидѣвъ подходившаго доктора, знакомъ руки остановилъ адъютанта и подъѣхалъ къ врачу.

— Ну, какъ Ранцевъ, Александръ Ивановичъ?...

— Богъ дастъ, отойдетъ. Пока все еще безъ сознанія. Не могъ обслѣдовать, что съ черепомъ. Во всякомъ случаѣ, на лицо — сильное сотрясеніе мозга.

И это сейчасъ же стало извѣстно всѣмъ. По коридорамъ и спальнямъ гремѣло ура! Тяжелыя охоты по искусственному слѣду были кончены, впереди оставались легкія и пріятныя охоты по звѣрю — одно наслажденіе! О разбившемся офицерѣ не думали, каждый понималъ: «сегодня ты, а завтра я... Кисметъ!»

Въ столовой, за завтракомъ, играли трубачи. Разговоръ былъ оживленъ и шуменъ. Добрый школьный врачъ, пришедшій къ концу завтрака, говорилъ генералу Лимейлю, что возможно, что офицеръ и выживетъ — ему только нуженъ — покой, полный покой...

Вдали отъ палаца, въ мѣстечкѣ, за номерами для пріѣзжающихъ Пуцыковича, въ чистомъ деревянномъ

зданіи школьнаго лазарета лежалъ Петрикъ. Фельдшеръ сидѣлъ надъ нимъ. Голова Петрика была забинтована. Пузырь со льдомъ былъ на ней. Петрикъ только что очнулся. Онъ ничего не сознавалъ, и не понималъ, какъ это онъ прямо съ прыгающаго на сломанную жердь Коперника попалъ въ эту чистую комнату, на мягкую постель. И почему, вмѣсто дня, былъ вечеръ, и горѣли лампы. Онъ даже хорошенько не зналъ, кто онъ. Онъ точно все позабылъ, позабылъ свое имя, и уже, конечно, забылъ Портоса и навязчивую мысль, что онъ долженъ его убить. За что? кого?... Онъ точно очнулся послѣ смертельной болѣзни и выздоравливалъ.... Болѣе того, точно снова родился въ этотъ прекрасный Божій міръ. Онъ былъ кротко, по особенному, дѣтски счастливъ. Ему хотѣлось всѣхъ любить, и хмурое сѣрое лицо солдата фельдшера ему казалось несказанно дорогимъ и милымъ.... Онъ тихо улыбался ему. Каждая мелочь его трогала и радовала. Лежать было пріятно.

Ему нуженъ былъ покой... полный покой... вернуть мысли — ихъ не было... вернуть память — она пропала... Онъ для себя былъ «никто». «Нѣкто» только что родившійся и жадно ощущающій радость бытія.

Только голова мучительно страшно болѣла.

Петрикъ закрылъ глаза. Такъ было легче.

—Покой... тишина... какъ хорошо... можно дышать... какъ сладко дышать.... Полный покой!..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Въ сентябрѣ, когда Портосъ былъ въ Поставахъ, Валентина Петровна получила телеграмму изъ Вильно, что съ папочкой случился второй ударъ и положеніе его безнадежно. Она сейчасъ же поѣхала съ Яковомъ Кронидовичемъ къ отцу. Застала она его уже въ гробу. Видъ мертваго отца въ парадной формѣ, въ густыхъ, генеральскихъ эполетахъ, при лентѣ, съ орденами, положенными на подушкахъ вокругъ гроба, въ маленькой, бѣдной и тѣсной Виленской квартирѣ ее поразилъ. Золото эполетъ и синій лацканъ мундира, эмали и ленты орденовъ были такимъ противорѣчіемъ съ низкимъ потолкомъ, крашенымъ охрой поломъ и тѣснотою въ комнатѣ, когда приходили пѣвчіе и священникъ служить панихиды, что сердце Валентины Петровны разрывалось отъ жалости къ отцу. Она тупо, сквозь вуаль траурной шляпы смотрѣла на покрытое кисеею лицо отца и ей становилось страшно

«Все кончено», — думала она. — «И нѣтъ ничего. Ни Захолустнаго Штаба, ни гнѣдого раскормленнаго Еруслана, ни бравыхъ ординарцевъ, ни вѣжливыхъ офицеровъ... Теперь и папочки нѣтъ. Имя этому смерть!»...

Она боялась смерти.

Стоя надъ раскрытой песчаной могилой, слушая надрывное пѣніе, она надъ закрытымъ и забитымъ гвоздями гробомъ уже думала не о папочкѣ, а о себѣ. Ей казалось, что смерть приблизилась къ ней, что это предупрежденіе для нея за ея грѣхъ, за ея постоянную ложь. Ей было жаль саму себя. Она такъ еще мало жила. Ей такъ хотѣлось полной радости жизни. Послѣднее время, установивъ образъ жизни веселящейся «барыньки»,

предпринимая каждый день что-нибудь такое, гдѣ издали, вполнѣ прилично, на «законномъ» основаніи можно было видѣться съ Портосомъ, то у Саблиныхъ на теннисѣ, то въ Петергофѣ у Барковой, катаясь въ коляскѣ по парку, то подлѣ самой школы, у Скачковыхъ въ чухонской деревушкѣ Вилози, гдѣ звенѣло піанино въ маленькой избушкѣ и дивный голосъ Лидіи Ѳедоровны разносился по всему Дудергофскому озеру, куда, ради музыки, охотно пріѣзжалъ Яковъ Кронидовичъ и гдѣ такъ просто и естественно, послѣ занятій появлялся Портосъ, Валентина Петровна глушила упреки совѣсти. Всегда на людяхъ. Всегда въ новомъ туалетѣ, съ улыбкой на расцвѣтшихъ щекахъ, она прикрывала хмель шампанской игры своей любви радостью развлеченій. Теперь ей придется отъ всего этого отказаться. Трауръ! Она не пеняла за это на папочку. Онъ не былъ виноватъ. Но судьба!... Судьба была къ ней жестока.

Послѣ похоронъ, гдѣ было много народа, были представители всѣхъ полковъ дивизіи, она наслушалась комплиментовъ. Трауръ къ ней шелъ. Ея расцвѣтшее за пору любви тѣло все еще было тонкимъ и стройнымъ, глаза цвѣта морской воды подъ плерезами были громадны, и свѣжій румянецъ щекъ и яркость губъ гасились чернымъ цвѣтомъ. Закрытая грудь была безупречна. и талія тонка и стройна.

«Къ чему эта красота!» — думала она. — «Она пройдетъ... И ее ожидаетъ могила!»

Ее тянуло домой. Въ Петербургъ... Къ Портосу... Она знала, какъ онъ ждалъ ее, какъ желалъ! Но надо было остаться до девятаго дня, помочь мамочкѣ, уѣзжавшей доживать свой вдовій вѣкъ въ Полтавскую губернію къ двоюродной теткѣ.

Разговоры о печальномъ будущемъ мамочки, ея слова: «дожить бы скорѣе, а тамъ къ нему, моему голубчику, Петру Владиміровичу» — пугали Валентину Петровну. Они точно приближали и ея день смерти, а такъ жадно хотѣлось еще пожить... съ Портосомъ....

Теперь при ея траурѣ, по крайней мѣрѣ на полгода, что ей осталось? Музицировать по вторникамъ въ замкнутомъ кругу избранныхъ друзей, да ѣздить въ закры-

томъ черномъ платьѣ на интимные семейные вечера съ бриджемъ и скучными разговорами на злобу дня...

А жизнь тѣмъ временемъ уходила. Коротка была жизнь и каждый ея часъ казался драгоцѣннымъ.

Въ девятый день, стоя на панихидѣ надъ свѣжей могилой съ деревяннымъ бѣлымъ крестомъ и жестяной табличкой, она тупо смотрѣла въ землю и мысленно вопрошала папочку: «папочка, скажи, — это грѣхъ?.. такъ лгать?.. любить Портоса?.. Папочка?»..

И ей казалось, что она слышитъ былой ласковый смѣхъ папочки... Того папочки, какой ей былъ всего дороже, папочки, командира Старо-Пебальгскаго полка. Говорилъ папочка на ея просьбу дать лошадей ей и Портосу изъ трубаческой команды: «Алечкѣ все можно!.. Алечкѣ все позволено!».. «Все можно?» — мысленно говорила Валентина Петровна. — «Все позволено?... И Портосъ?»...

Шумѣли кладбищенскія сосны. Печально, надрывно пѣли «вѣчную память» охрипшіе пѣвчіе и надъ могилой стояли только мамочка, Яковъ Кронидовичъ, квартирная хозяйка и Валентина Петровна. Все было кончено. Время было уѣзжать по домамъ. Одинокая и заброшенная оставалась могила.

II

Въ Петербургѣ Валентину Петровну ожидала радость. Портосъ былъ назначенъ адъютантомъ при штабѣ округа и оставался въ Петербургѣ. Объ этомъ просила Валентина Петровна генерала Полуянова — и Иванъ Андреевичъ, хитро улыбаясь косящими глазами и поднося къ губамъ ея ручку, сказалъ: — «Могу ли я вамъ въ чемъ-либо отказать?» — И устроилъ это назначеніе. Вернувшійся изъ Поставъ Портосъ бывалъ у Валентины Петровны очень рѣдко, всегда по приглашенію и всегда на людяхъ, съ другими гостями. Этимъ, по взаимному соглашенію, усыпляли ревность Якова Кро-

нидовича. Яковъ Кронидовичъ получилъ званіе профессора. Тяжелыя предсказанія Стасскаго не сбылись. И коллеги профессора и студенты къ нему относились отлично.

Онъ былъ счастливъ... Почти счастливъ. Насмѣшливо-покровительственный тонъ, усвоенный теперь Валентиной Петровной, его не раздражалъ. Правда, — холодокъ въ интимной супружеской жизни сталъ какъ будто больше, но занятый наукой, лекціями, отдававшій часы досуга музыкѣ, Яковъ Кронидовичъ съ этимъ примирился. Въ 45 лѣтъ и онъ не былъ вулканомъ страстей, и тотъ тонъ сердечной любви и иногда трогательной чистой ласки и всегда полнаго къ нему, къ его вкусамъ и привычкамъ вниманія былъ не плохъ. Онъ любовался своей Алечкой... Онъ зналъ, что она его и ничья больше, и ему было хорошо. Онъ даже забылъ о «третьемъ перекресткѣ», о третьей страшной встрѣчѣ съ «плавильщикомъ душъ»... Онъ много работалъ и, ставъ профессоромъ, сдѣлался разсѣяннымъ и забывчивымъ.... Лишь иногда появлялось въ домѣ что-то, что при большемъ вниманіи къ домашней жизни казалось бы страннымъ, но Яковъ Кронидовичъ жилъ какъ бы внѣ дома и нигдѣ не замѣчалъ ничего страннаго.

Не видѣлъ онъ ничего подозрительнаго въ томъ, что у Валентины Петровны въ спальной, на ночномъ столикѣ, всегда стояли цвѣты... Четырнадцать бѣлыхъ далій и двѣ золотистыя мохнатыя, въ кровавыхъ подтекахъ хризантемы... Ихъ вдругъ смѣняли —и тогда, когда они еще были совсѣмъ свѣжими — пятнадцать бѣлыхъ и шесть пунцовыхъ гвоздикъ... Всегда двухъ цвѣтовъ — бѣлыхъ и какихъ-то другихъ — цвѣтныхъ. — Но что тутъ страннаго: Алечка всегда любила цвѣты. Въ Захолустномъ Штабѣ ихъ у нея всегда бывало много.

Раза два, три въ недѣлю, утромъ, когда Якова Кронидовича не бывало дома, на кухню приходилъ мальчикъ изъ цвѣточнаго магазина «Флора». Онъ приносилъ корзину съ цвѣтами бѣлыми и другими. Валентина Петровна сама выходила къ нему и почему-то всегда волновалась. Дрожащими руками, сосредоточенная, на-

хмуривъ брови и что-то соображая, она отсчитывала цвѣты. Мальчикъ записывалъ, что она взяла и уходилъ.

Иногда экономная Таня скажетъ:

— Вы бы, барыня, не брали цвѣтовъ. Тѣ еще совсѣмъ хороши.

Валентина Петровна всегда смутится, покраснѣетъ, точно растеряется и скажетъ:

— Ахъ, нѣтъ... Эти такіе милые.... Тѣ... поставьте въ столовую... или, знаете, выбросьте ихъ... Астры, какъ постоятъ, всегда вода скверно пахнетъ...

— Да я, барыня, свѣжей воды налью. Ничего пахнуть не будетъ. У насъ въ Захолустномъ то Штабѣ по двѣ недѣли астры въ водѣ стояли!

Яковъ Кронидовичъ объ этомъ не думалъ. Онъ былъ очень занятъ. Жизнь — и это не парадоксъ — поставляла ему почти каждый день мертвыя тѣла. Стоя передъ загадкой смерти, стараясь ее разгадать, онъ забывалъ про это обиліе цвѣтовъ. Въ спальнѣ жены цвѣты, въ столовой, въ гостиной, вездѣ букеты. Это было даже пріятно. Надышешься тяжелымъ трупнымъ духомъ въ анатомическомъ театрѣ и такъ-то хорошо придти домой, гдѣ всегда свѣжій, точно оранжерейный запахъ, то туберозъ, то гвоздики...

Потомъ, — это началось въ октябрѣ — сталъ Яковъ Кронидовичъ, разбирая свою почту находить между повѣстокъ и писемъ конвертъ безъ адреса, и въ немъ на листочкѣ бѣлой бумаги отбитые на машинкѣ: «воскресенье три часа дня», или «среда шесть вечера».

Яковъ Кронидовичъ возьметъ бумажку, разсмотритъ ее, наморщитъ лобъ, стараясь вспомнить, что это такое.. «Воскресенье — три»... «Да я воскресенье съ утра и до шести пробуду въ Петергофѣ.... Тамъ уѣздный врачъ на такое наткнулся, что ничего не пойметъ... Среда — шесть... Я съ пяти на засѣданіи совѣта... Мистификація какая то»...

Онъ бросалъ бумажки въ корзину и сейчасъ же забывалъ о нихъ.

Въ эти дни — если бы онъ ихъ помнилъ, — онъ находилъ Алю какой-то размягченной, милой, ласковой,

въ томъ ея новомъ вызывающе насмѣшливомъ тонѣ, который ему нравился, и всегда окончательно недоступной.

— Нѣтъ, милый... у меня сегодня мигрень... Голова болитъ... Черепъ раскалывается, — скажетъ она ему съ милой улыбкой.

И — точно: личико блѣдное, подъ глазами синѣетъ вѣко, покрытое маслянистой влагой, и смотритъ она уже черезчуръ спокойно и равнодушно.

— И правда, ложись. Отдохни... Ты и точно нездорова... — говорилъ онъ со своей милой и доброй улыбкой.

Она не ляжетъ... Подойдетъ къ роялю и играетъ ему долго, долго... И онъ слушаетъ и не можетъ понять, что въ томъ, что она играетъ.

Любовь.. страсть... буря... счастье... или страшная мука!..

— Что ты играла? — спроситъ онъ. — Отовсюду понемного какъ будто?

— Да... Музыка, — вставая скажетъ она и безсильно опуститъ прекрасныя руки. — А музыка это ложь!.. Я просто лгала тебѣ.

Вздохнетъ.

— Ну... покойной ночи, мой милый.

Тихо подойдетъ, поцѣлуетъ его въ лобъ и, неслышно ступая, пройдетъ, сопровождаемая левреткой. И слышитъ Яковъ Кронидовичъ это оскорбительное щелканіе запираемой на два поворота ключа двери ея спальной.

Точно онъ и безъ этого не придетъ!

III

Мучительныя иногда бывали ночи. Валентина Петровна, утомленная дневными ласками, вечерней игрой на роялѣ для Якова Кронидовича или съ Яковомъ Кронидовичемъ, а болѣе того этой нудной и отвратительной цѣлодневной ложью, уйдетъ къ себѣ.

На ночномъ столикѣ увядаетъ букетъ «памяти».

Они всегда уславливались на самомъ свиданіи, когда встрѣтятся снова и эти цвѣты были лишь на случай перемѣны для провѣрки и для памяти.

Онъ теперь не нуженъ больше. Завтра коричневый мальчикъ изъ «Флоры» принесетъ новый. Этотъ станетъ въ столовой напоминать о прошломъ.

Валентина Петровна простилась съ Таней — теперь она раздѣвалась и ложилась одна. Таня увела Ди-ди.

— Укройте ее хорошенько. Такъ холодно сегодня. Она вся дрожитъ.

— Покойной ночи, барыня.

Въ спальнѣ тихо. Мягко горѣла лампочка подъ темножелтымъ шелковымъ абажуромъ на ночномъ столикѣ. Подлѣ цвѣты. Гвоздики. Ихъ пряный запахъ кружилъ голову, мѣшалъ заснуть. Тѣло въ блаженной истомѣ нѣжилось на мягкихъ перинкахъ. Все было такъ привычно. Думка подъ пылающей щекой, большая подушка сбоку. Чуть доносилось гудѣніе города и казалось далекимъ.

« Портосъ любитъ мое тѣло. Только его. Музыка — прибавленіе. Можетъ быть, даже лишнее... Разводъ?. Это былъ бы выходъ. Ну, солгала, обманула, но и исправилась... Если я полюбила... по настоящему полюбила»..

Да его она любила «по настоящему». Всего. Все въ немъ было мило. Она была его. Ему все было позволено...

«Нѣтъ, разводъ невозможенъ. Онъ убьетъ Якова Кронидовича, этого большого ребенка.... Вотъ ему — тѣло мое совсѣмъ не нужно. И состарюсь я и подурнѣю — онъ все такъ же будетъ меня любить, слушать мою игру, мой голосъ, любоваться моею душою, моимъ умомъ и баловать меня. Какъ я его, такого... покину... Скандалъ.. Ну скандалъ скоро забудутъ. Это теперь какъ будто даже и принято. Какая изъ дамъ нашего общества не имѣла двухъ, трехъ мужей... Но... Портосъ никогда не говоритъ о разводѣ?»

И вдругъ точно что-то ей открылось. И это что-то было такое унизительное для нея, такое страшное, что она заплакала.

Она просто — любовница.

Это слово съ дѣтства казалось ей оскорбительнымъ для женщины. Въ немъ было нѣчто принижающее, несовмѣстимое съ «королевной», «божественной», «госпожей нашей начальницей». Она стала вспоминать то, что было сегодня, три дня тому назадъ... Да Портосъ бывалъ грубъ.... Это была ласковая грубость, но — грубость. Онъ не стѣснялся при ней, — при... любовницѣ. Тогда это казалось милымъ —вѣдь она боготворила его. Онъ былъ особенный... Сейчасъ показалось оскорбительнымъ. И будетъ день, когда онъ уйдетъ отъ нея, броситъ ее, какъ всегда бросаютъ... любовницъ. Она не изъ тѣхъ, кто въ такихъ случаяхъ убиваетъ. «Если не я — то смерть!»... Она просто жалкая заблудшая женщина. Жалкая самой себѣ...

Она вскочила. Когда это будетъ? Когда она подурнѣетъ. Въ рубашкѣ и босикомъ она побѣжала къ зеркалу. Зажгла всѣ лампы. Освѣтила всю себя. Слезы текли, текли и текли по щекамъ, подходили къ угламъ пухлаго рта, падали на подбородокъ.

«Нельзя плакать! Не надо плакать! Слезы долбятъ морщины.... Вотъ и то, кажется, между бровей»...

Она приближала лицо къ зеркалу такъ, что оно потѣло отъ ея дыханія, и щурила прекрасные глаза. Нѣтъ, нигдѣ не было морщинъ. Свѣжа была кожа, ярокъ румянецъ пылающихъ щекъ и быстро сохли на нихъ слезы. Она спустила рубашку съ груди. Хоть картину пиши! Все было свѣжо, все цвѣло, дышало счастьемъ, радостью любви, вездѣ хранило слѣды горячихъ поцѣлуевъ, ощущало касанія страсти.

«Живу!»..

Валентина Петровна возвращалась въ постель, куталась въ одѣяло, переворачивала омоченную слезами «думку» сухой стороной и засыпала.

Она спала крѣпко. Потомъ проснулась. Ей показалось, что кто-то неслышно вошелъ въ ея комнату и сѣлъ на постели въ ногахъ. Не страшный... Она открыла глаза. Вся спальня была точно напитана ровнымъ голубоватымъ свѣтомъ. Но электрическія лампы не горѣли,

портьеры были наглухо задвинуты и далеко было до разсвѣта. Долга Петербургская октябрьская ночь. Мертвенно тихъ былъ городъ.

То ощущеніе, что кто-то сидитъ у нея въ ногахъ, продолжалось. Она стала вглядываться, и все яснѣе и яснѣе стала видѣть во всѣхъ мелочныхъ деталяхъ сидѣвшую у ея ногъ фигуру.

Это былъ папочка!..

Но папочка умеръ мѣсяцъ тому назадъ. Это не смутило и не испугало въ ту минуту Валентину Петровну. Она видѣла папочку такимъ, какимъ онъ былъ, когда она была дивизіонной барышней, а онъ начальникомъ дивизіи въ Захолустномъ Штабѣ. Онъ сидѣлъ въ сѣрой тужуркѣ, такъ смѣшно называвшейся «укороченнымъ пальто». Тужурка была разстегнута. Алые лацканы были четко видны. Подъ нею пикейный бѣлый жилетъ съ золотыми пуговками. Папочка смотрѣлъ на Валентину Петровну съ любовью и жалостью. Онъ вѣрно «т а м ъ» все зналъ про нее и онъ ее жалѣлъ. Онъ поднялъ руку и коснулся ея выпростанной поверхъ одѣяла руки. Она не ощутила его прикосновенія. Ни холодомъ, ни теплом не повѣяло отъ него. Она не испугалась. Папочка гладилъ ея руку и смотрѣлъ ей въ глаза своими сѣрыми добрыми глазами. Ни грозы, ни упрека въ нихъ не было. Точно говорилъ: — «Алечкѣ все позволено»...

— Папочка! — вскрикнула Валентина Петровна.

Папочка всталъ и вышелъ изъ комнаты. И, когда вставалъ, стукнули мѣдныя висячія пуговицы тужурки о деревянную спинку кровати. Сухой такой вышелъ стукъ.

Папочка прошелъ къ двери и исчезъ за нею.

Только тогда стало страшно Валентинѣ Петровнѣ. Она зарылась съ головою въ подушки и тотчасъ же заснула.

Проснулась она поздно. Диди давно царапалась и визжала за дверью. Валентина Петровна встала разбитая, съ тяжелою головою. И весь день преслѣдовалъ ее сухой стукъ висячихъ пуговицъ о дерево спинки кровати. Она вспоминала во всѣхъ подробностяхъ все, что

было ночью, и она не знала — снилось это все ей, или это былъ призракъ?

Ей было страшно ложиться спать. Сухой стукъ пуговицъ казался ей вездѣ. Она уложила въ кресло подлѣ своей постели Ди-ди.

Но странно спокоенъ, тихъ и глубокъ былъ ея сонъ въ эту ночь.

Точно унесла тѣнь отца ея заботы и мученія совѣсти.

IV

Въ этотъ ноябрьскій понедѣльникъ мальчикъ въ ливрейномъ коричневомъ пальто «Флоры» утромъ принесъ пятнадцать вѣтокъ душно пахучихъ, точно восковыхъ туберозъ и одну нѣжную орхидею. Очень дорогую. Валентина Петровна ничего не перемѣнила въ составленномъ кѣмъ-то букетѣ.

Въ то время, какъ она устанавливала цвѣты на ночномъ столикѣ — орхидею въ высокую тонкую рюмку, а туберозы въ розовую вазочку Розенталевскаго фарфора, задержавшійся въ кабинетѣ Яковъ Кронидовичъ разбиралъ утреннюю почту.

Среди пакетовъ и бандеролей опять лежалъ точно кѣмъ-то нарочно подброшенный анонимный пакетикъ. Разсѣянно, ногтемъ его вскрылъ Яковъ Кронидовичъ. Клочекъ наскоро вырванной, съ неровными краями, точно газетной бумаги и надпись на машинкѣ: — «понедѣльникъ, три часа дня»... и пониже: — «Кирочная 88»...

Указаніе адреса въ анонимной запискѣ смутило Якова Кронидовича. На этотъ разъ онъ не разорвалъ и не бросилъ записки, но сталъ ее внимательно разглядывать. Кто-то — и таинственный кто-то — опредѣленно назначалъ ему свиданіе и указывалъ мѣсто. Что какъ это судьба — тотъ «третій перекрестокъ», о которомъ говоритъ плавильщикъ душъ въ Пеэръ Гинтѣ, что какъ это Стасскій зоветъ его на третью встрѣчу для послѣд-

няго рокового объясненія? Но зачѣмъ Стасскому Кирочная? Его квартира на Моховой, и сколько разъ у него тамъ бывалъ Яковъ Кронидовичъ?

«Понедѣльникъ»... — думалъ Яковъ Кронидовичъ, — «да вѣдь это сегодня. Три часа? Въ два часа въ совѣтѣ, въ Министерствѣ у Чернышова моста — очередное засѣданіе. Я могу, положимъ, уйти съ него. На повѣсткѣ — вопросы, стоящіе внѣ моей компетенціи. Хорошо... я поѣду туда къ тремъ... А дальше? Кого искать? Кого спросить?.. Нѣтъ, это просто глупо»...

Но пытливый, трезвый, изощренный въ работѣ умъ Якова Кронидовича былъ такого свойства, что если бы онъ увидалъ призракъ, — онъ подошелъ бы и ощупалъ его. Онъ узналъ бы его природу. Записка была тоже призракъ. Но призракъ опредѣленнаго мѣста — Кирочная 88! — Онъ пойдетъ и осмотритъ этотъ призракъ. Узнаетъ, кто тамъ скрывается. Это было не любопытство, но жажда знанія и еще... малая бравада — въ смыслѣ, конечно, «третьяго перекрестка».

Въ пальто и галошахъ онъ прошелъ къ женѣ. Онъ засталъ ее въ столовой, въ ея обычномъ насмѣшливоласковомъ настроеніи. Очень миломъ и радостномъ.

Она встала отъ чайнаго стола ему навстрѣчу и, какъ всегда, поцѣловала въ щеку.

— Идешь уже, — сказала она. — Вѣдь у тебя засѣданіе отъ двухъ?

— Да... Я въ Академію раньше.

— Завтракать будешь?

— Нѣтъ, я тамъ и позавтракаю. А ты что будешь дѣлать?

Она сѣла противъ окна за самоваромъ. Глаза цвѣта морской воды разсѣянно устремились на окно, за которымъ тихій стоялъ туманъ. Она зябко подернула плечомъ.

— Не знаю... — сказала она. — Надо бы къ портнихѣ... Да такой туманъ... Пожалуй, посижу дома. Позвоню ей по телефону.

— Вотъ и отлично.

— Какъ думаешь, когда кончится засѣданіе?

Темныя рѣсницы прикрыли на половину глаза, ставшіе внимательными и острыми.

— Часамъ къ шести, семи.

— Такъ поздно... Я подожду съ обѣдомъ... Если не устанешь, — будемъ играть.

— Отлично.

Яковъ Кронидовичъ хотѣлъ ее еще поцѣловать. Очень красива была она въ утреннемъ капотѣ и въ чепчикѣ на еще неубранныхъ въ косы волосахъ. Она угадала его желаніе. «Вотъ еще», — подумала она. — «Какія нѣжности!» Она взяла чашку и стала пить маленькими глотками чай. Яковъ Кронидовичъ потоптался съ секунду, поскрипывая новыми блестящими калошами по паркетному полу, и пошелъ изъ столовой.

«Ушелъ... и слава Богу!» — подумала Валентина Петровна, торопливо допила чай и, какъ только услышала, какъ хлопнула дверь и щелкнулъ американскій замокъ, прошла въ спальню.

Ея прическа и туалетъ въ это утро были особенно тщательны. Для Портоса!.. Она угадала значеніе неожиданной присылки цвѣтовъ. Сегодня, въ три часа. Отлично! Она приняла приглашеніе. Ей было скучно дома. Въ такой туманъ!.. Въ такую темень! Тамъ будетъ чудно! За спущенными наглухо тяжелыми портьерами, въ сіяніи электрическихъ лампочекъ будетъ милый, веселый завтракъ, игристое шампанское, икра, дорогіе, рѣдкіе фрукты. Да... конечно... все это радости жизни, и зачѣмъ отъ нихъ отказываться, если Господь ихъ посылаетъ? Жизнь такъ коротка! И Портосъ... Онъ умѣетъ быть удивительно милымъ...

За завтракомъ дома, къ огорченію Марьи и Тани, — она ничего не ѣла.

Въ третьемъ часу она позвонила Таню и прошла въ переднюю. Сегодня.. она сниметъ надоѣвшій ей трауръ. Онъ не къ лицу ей, такой оживленной и счастливой сегодня. Она надѣла сѣраго мѣха шапочку, опустила вуаль съ большимъ узоромъ. Заглянула въ зеркало. Она и не она. Не узнаешь!.. Съ прошлаго Благовѣщенія не надѣвала она этой шапочки.

Таня по шапочкѣ догадалась, что надо ей подать и достала изъ шкапа шубку изъ сѣрой бѣлки. Валентина Петровна сѣла на ясеневый стулъ съ высокой спинкой. Диди ласкалась къ ней. Таня обувала на ноги сѣрые высокіе ботики, обитые бѣлкой. Валентина Петровна подставляла ей одну за другою ножки и тихо подъ вуалью улыбалась. «Какъ онъ ихъ снимать будетъ!.... Зацѣлуетъ черезъ шелкъ чулка ея стройныя ножки. Да и стоитъ! Онъ это понимаетъ!...»

— Прогуляйте, Таня, собаку...

— Когда вернетесь, барыня?..

— Не знаю, какъ задержитъ портниха. Часамъ къ шести....

Она встала. Окинула себя сверху взглядомъ, ладонью сравняла серебристыя складки на шубкѣ. Совсѣмъ бѣлочка!

— Не простудитесь, барыня, сиверко очень... Колѣнки-то совсѣмъ шубкой не прикрыты, — заботливо говорила Таня, любуясь своей барыней. — На извозчикѣ, какъ поѣдете, полостью хорошенько запахните ножки-то.

Валентина Петровна улыбалась ея ласкѣ. Она не поѣдетъ. Зачѣмъ? Еще рано. И всегда лучше немного опоздать, чтобы ее ждали. И недалеко вовсе. Ходьба ее согрѣетъ. Побѣжитъ по жилкамъ горячая кровь, ударитъ румянцемъ въ щеки, сдѣлаетъ горячимъ и частымъ дыханіе. А тамъ...

— Прощай, Таня... На Диди попонку надѣньте. Какъ дрожитъ она!..

Хлопнула, закрываясь, дверь.

Густой, липкій, буро-сѣрый туманъ спустился надъ городомъ. Было совсѣмъ темно. Уже горѣли по улицамъ фонари, и отъ нихъ къ небу шли черные треугольники тѣней. Было тепло и сыро. Эти треугольники тѣней подъ небомъ, скрывшіеся въ туманѣ верхи домовъ, пѣшеходы, скользившіе точно призраки, — все казалось Валентинѣ Петровнѣ какой-то картиной взбалмошнаго кубиста. Она не узнавала своего милаго Петербурга. По скользкимъ и липкимъ торцамъ она перебѣжала Невскій.

Мелькнули высокіе лакированные офицерскіе сапоги на желтыхъ колодкахъ, выставленные въ ярко освѣщенномъ подвальномъ окнѣ сапожника Гозе. Узкимъ коридоромъ вправо ушелъ Гусевъ переулокъ съ его одноэтажными особняками. На Бассейной трамвай съ ярко освѣщенными окнами перегородилъ ей дорогу. Ей показалось, что въ трамваѣ она увидала черную съ оранжевымъ верхомъ фуражку Маріенбургскихъ драгунъ. Она вздрогнула... Петрикъ?.. Нѣтъ, Петрикъ, — она знала это отъ Портоса, — лежалъ въ госпиталѣ въ Ново-Свѣнцянахъ... Кто-нибудь изъ школы, пріѣхавшій на смѣну Петрику.

Она справилась у фонаря со своими маленькими золотыми часиками съ брилліантиками и рубинами вокругъ циферблата — подарокъ Портоса — Якову Кронидовичу она сказала, что это ей подарилъ отецъ. Было безъ пяти минутъ три. Она пошла тише. На Кирочной, узкой, темной и грязной въ этомъ мѣстѣ, она, не глядя на номера, сейчасъ же нашла «тотъ» домъ. Она перешагнула, чуть зацѣпивъ резиновой подошвой ботика за желѣзный порогъ калитки. Въ подворотнѣ было темно. Подъ тусклымъ фонаремъ висѣла бѣлая доска съ номерами и фамиліями жильцовъ, живущихъ во дворѣ. Противъ номера квартиры Портоса было пустое бѣлое мѣсто. Такъ настоялъ Портосъ. Она толкнула дверь въ подворотню. Узкая лѣсенка въ два марша. Какъ всегда, ярко горѣло электричество. Чисто... тепло. Пахнуло духами его гарсоньерки. Лѣстничка шла только къ нему. Дверь, обитая темно-зеленымъ сукномъ, показалась Валентинѣ Петровнѣ серьезной и строгой. Ярко и холодно блестѣли золотыя пуговки. Темнѣло не выгорѣвшее мѣсто, гдѣ раньше была чья-то мѣдная доска съ фамиліей. Она потянула за край сукна. Всегда въ ожиданіи ея дверь была пріоткрыта. Дверь не подалась. Она позвонила. Слышала, какъ задребезжалъ колокольчикъ и замолкъ. Никого. Она приложила ухо къ двери. Уловила какой-то странный стукъ. Точно тамъ, въ квартирѣ, рубили дрова...

Что онъ?.. Печку что-ли растапливаетъ? — Какой чудакъ!.... — Она позвонила еще разъ.

Стукъ прекратился. Ей показалось, что кто-то подкрался къ двери съ той стороны и стоялъ отдѣленный только досками. Это былъ не онъ... Не Портосъ. Портосъ никогда бы не сталъ красться. Стало ужасно страшно. И быстро, быстро вдругъ забилось сердце въ ожиданіи чего-то неотвратимаго.

— Портосъ! Это я... — негромко сказала Валентина Петровна.

Никто не откликнулся.

Было томительно тихо. Но она чувствовала, что кто-то стоялъ за дверью и такъ же, какъ она слушалъ.

Она постояла еще минуту. Потомъ ужасный, кошмарный страхъ охватилъ ее и она бросилась внизъ, выскочила въ подворотню и побѣжала на улицу.

Туманъ сталъ еще гуще, и черныя сумерки ноябрьскаго вечера свинцовой шапкой накрыли городъ. Въ десяти шагахъ пѣшеходы казались тѣнями. Издалека доносились частые звонки трамваевъ. Извозчики на пролеткахъ подняли кожаные верхи.

Шелъ липкій мокрый снѣгъ.

Въ страшной тревогѣ, — не случилось ли что съ Портосомъ — Валентина Петровна быстро пошла по улицѣ и чуть не наткнулась на Якова Кронидовича. Онъ шелъ не со своей стороны, а вдоль домовъ и, задравъ голову кверху, разглядывалъ номера надъ воротами.

Испуганная Валентина Петровна пробѣжала, нагнувъ голову, мимо него и остановилась въ тѣни у самаго фонарнаго столба. Она слѣдила за мужемъ. Она видѣла, какъ онъ долго въ раздумьи стоялъ у воротъ «ихъ» дома. Черная мерлушковая шапка совсѣмъ побѣлѣла отъ снѣга. Наконецъ, онъ рѣшительно позвонилъ дворника.

Тамъ что-то случилось... И что-то ужасное. Валентина Петровна почувствовала, что еще минута и она отъ волненія лишится чувствъ. Она, шатаясь, дошла до перваго извозчика и влѣзая въ пролетку дрожащимъ голосомъ сказала:

— На Николаевскую, около Невскаго!

V

Яковъ Кронидовичъ въ совѣтѣ былъ очень задумчивъ и разсѣянъ. Монотонно и скучно читалъ секретарь протоколъ прошлаго засѣданія.

Одинъ изъ членовъ внесъ поправку, и чтеніе протокола затянулось. Яковъ Кронидовичъ не могъ прогнать изъ своей головы мысли о странной запискѣ. Отъ кого она могла быть? Подозрѣніе на Стасскаго онъ откинулъ. Не въ характерѣ Стасскаго, прямомъ и слишкомъ рѣзкомъ, было писаніе такихъ анонимныхъ записокъ.... Но Якову Кронидовичу все казалось, что эти подозрительныя записки должны непремѣнно имѣть отношеніе къ тому, Дреллисовскому дѣлу...И вдругъ — его точно осѣнило. «Да вѣдь это племянникъ Вася Ветютневъ»... Онъ еще въ Энскѣ сказалъ дядѣ: — «прямо писать по этому дѣлу остерегаюсь. Розыски дѣлать буду. Освѣдомлять буду условно». — «Ну и освѣдомлялъ!» Всѣ цыфирныя записки стали вдругъ ясными. Вася находилъ свидѣтелей. «Еще недавно.... Да, когда, бишь, это было?... Ну да.... на прошлой недѣлѣ... Вася писалъ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Писалъ, что свиданіе необходимо. Сообщитъ часъ и адресъ... Конечно, Вася! И съ чѣмъ-нибудь по тому дѣлу! Интересно, однако, повидать его»...

Яковъ Кронидовичъ не слыхалъ, какъ предсѣдатель обратился къ нему:

— Коллега, вы ничего не имѣете противъ внесенія въ протоколъ поправки Ступицына?

Предсѣдатель повторилъ вопросъ.

—Задумались о чемъ-то, — сказалъ онъ. — Замечтались.

— Нѣтъ, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ. — Я озабоченъ. Я получилъ сегодня дѣловую записку, вызывающую меня къ тремъ часамъ. Я колебался... А вотъ, пораздумавъ, считаю своимъ долгомъ поѣхать.

Онъ былъ необычно взволнованъ. Предсѣдатель и члены это сейчасъ же замѣтили.

— Что же, господа, — отпустимъ Якова Кронидовича. Обойдемся безъ него, — сказалъ предсѣдатель.

— Конечно... на повѣсткѣ ничего особеннаго нѣтъ, — раздались голоса.

— Я ко второй половинѣ прійду... Мнѣ тутъ одно дѣльце, — непонятно самому себѣ, почему онъ волновался, сказалъ Яковъ Кронидовичъ. — Черезъ часъ я буду обратно....

И это все не укрылось отъ членовъ. Слово «дѣльце» было непривычно для Якова Кронидовича и оттѣнило его волненіе.

Секретарь просилъ подписать предыдущій протоколъ, и Яковъ Кронидовичъ сталъ спускаться въ большую прихожую. И швейцаръ, достававшій ему калоши и подававшій ему пальто, замѣтилъ, что Яковъ Кронидовичъ былъ «какъ-то не въ себѣ. Точно ему нездоровилось». Профессоръ приказалъ позвать извозчика на Кирочную.

Съ улицы номеровъ не было видно и Яковъ Кронидовичъ, доѣхавъ до Знаменской, отпустилъ извозчика и пошелъ, отыскивая 88-й номеръ. Изъ воротъ выскочила какая-то высокая, стройная женщина въ сѣромъ и быстро прошла мимо. Яковъ Кронидовичъ не обратилъ на нее вниманія. Онъ въ недоумѣніи стоялъ у дома № 88. Домъ былъ, какъ многіе дома въ Петербургѣ. Громадный, темный, тусклый, съ двумя дворами и высокими флигелями внутри. Кое-гдѣ свѣтились огнями окна. Крыша исчезла въ туманѣ. Большія тяжелыя, дубовыя ворота были заперты, но калитка была открыта. Яковъ Кронидовичъ постоялъ у калитки и сталъ звонить къ дворнику.

Младшій дворникъ, только что собравшійся приниматься за чаепитіе и потому недовольный, что ему помѣшали, вышелъ къ Якову Кронидовичу въ рубахѣ и жилеткѣ.

— Скажи-ка, милый, гдѣ здѣсь у васъ остановился Василій Гавриловичъ Ветютневъ?

Дворникъ почесалъ за ухомъ, сдвинувъ на бокъ собачьяго мѣха шапку и раздѣльно, точно во что то вникая, проговорилъ:

— Вя-тю-тневъ... Нѣтъ... у насъ такого нѣтъ...

— Можетъ быть, онъ остановился у кого-нибудь изъ жильцовъ?..

— Все одно — знали бы... Безъ прописки никакъ невозможно. Да вотъ — поглядите сами на доску, можетъ, кого и угадаете?

Дворникъ показалъ Якову Кронидовичу на тускло освѣщенную внутреннимъ фонаремъ доску и ушелъ въ дворницкую. Яковъ Кронидовичъ подошелъ къ доскѣ. Противъ доски была распахнутая дверь, за нею ярко освѣщенная лѣстница. Она почему-то особенно врѣзалась въ памяти Якова Кронидовича. Онъ сталъ читать фамиліи: Козловъ, Шульцъ, Репейниковъ, Гладковъ, Васильевъ, Шлоссбергъ... Онъ понялъ, что это безполезное дѣло.

«Странный Вася», — думалъ Яковъ Кронидовичъ. — «Далъ адресъ и не указалъ у кого?»

Дочитавъ до конца фамиліи жильцовъ и, не найдя ни одной подходящей, Яковъ Кронидовичъ въ большой разсѣянности вышелъ никѣмъ не замѣченный изъ воротъ и сейчасъ же скрылся въ туманѣ сгустившихся вечернихъ сумерекъ.

«Какой это все вздоръ!» — думалъ онъ. — «Какой-нибудь шутникъ, гимназистъ какой-нибудь, просто такъ балуется, а я старый человѣкъ, дурака валяю». Но онъ въ душѣ былъ доволенъ, что пошелъ. Ему показался призракъ — онъ пошелъ на этотъ призракъ и увидалъ, что ничего нѣтъ.

Раздумывая, размышляя о предѣлахъ между таинственнымъ и глупымъ, между шалостью и предвидѣніемъ, онъ шелъ въ туманѣ пѣшкомъ, не замѣчая улицъ и позабывъ о засѣданіи. Онъ прошелъ мимо Знаменской; Надеждинскую принялъ за Знаменскую и очутился на Литейномъ. Извозчиковъ было мало. Всѣ они были заняты. Медленно, непрерывно позванивая, двигались по рельсамъ трамваи, и ихъ ярко освѣщенныя окна проходили едва примѣтными желтыми пятнами. Пѣшеходы были рѣдки. Городъ казался призракомъ и жуткое чувство тоскливаго одиночества охватило Якова Кронидовича. Онъ брелъ въ туманѣ, не узнавая улицъ, и былъ

точно внѣ времени и пространства. Мучительно давило виски. Прохожіе становились все рѣже и казались тѣнями.

«А вѣдь въ такомъ туманѣ и заблудиться не хитро. Джунгли.... Чистыя джунгли — большой городъ... И сколько въ немъ ежечасно совершается преступленій»... Только выйдя на Фонтанку, Яковъ Кронидовичъ немного опознался. На Фонтанкѣ туманъ былъ такъ густъ и теменъ, что не было видно ея тихихъ водъ. Пароходы не ходили. Отсчитывая мосты и улицы, путаясь и ошибаясь, медленно, точно въ кошмарѣ, или бреду подвигаясь по скользкимъ отъ мокраго снѣга панелямъ, усталый, вспотѣвшій и запыхавшійся Яковъ Кронидовичъ послѣ почти полуторачасовой ходьбы добрелъ до министерства.

«Здорово я блукалъ, должно быть», подумалъ онъ, глядя на часы въ швейцарской, показывавшіе шестой часъ.

— Засѣдаютъ? — спросилъ онъ швейцара.

— Еще не кончилось, пожалуйте-съ, — сказалъ швейцаръ.

Яковъ Кронидовичъ поднялся въ залъ засѣданій.

— А, Яковъ Кронидовичъ, вы таки пріѣхали, — сказалъ предсѣдатель. — Я на васъ не разсчитывалъ. Но очень кстати.... Скажите... Сколько времени надо, чтобы раздѣлать трупъ?... Отдѣлить конечности.... голову, упаковать въ свертки?

Яковъ Кронидовичъ, казалось, не понималъ вопроса. Онъ вытиралъ потъ со лба. Налилъ въ стаканъ воды и жадно выпилъ.

— То-есть, какъ это? — спросилъ онъ.

— Я вамъ поясню-съ... Это все по дѣлу, помните.. инженера Гилевича... Убійство въ Фонарномъ переулкѣ.... Сколько лѣтъ прошло, а изъ министерства Юстиціи принципіальный запросъ.

— Да... вотъ оно что, — отдуваясь и садясь на свое мѣсто, сказалъ Яковъ Кронидовичъ, — что же... опытный прозекторъ, съ хорошими инструментами вамъ въ часъ раздѣлаетъ... Ну а Гилевичъ... инженеръ... онъ, поди, съ непривычки повозился таки.... — Яковъ Кронидо-

вичъ посмотрѣлъ на свои массивные часы. — Однако, — сказалъ онъ, — я у васъ, поди, два часа укралъ.

— Это ничего, — сказалъ предсѣдатель.

Засѣданіе продолжалось.

VI

Валентина Петровна, шатаясь, держась за перила лѣстницы, съ трудомъ поднялась къ себѣ и позвонила. Какъ долго не открывали! И, какъ передъ тою дверью, ее охватилъ ужасъ. Могильной тишиною вѣяло изъ-за двери. Наконецъ, послышались торопливые шлепающіе шаги и дверь распахнулась въ темную прихожую.

— Кто это? — испуганно вскрикнула Валентина Петровна. — Это вы, Марья?

— Я, барыня. Дома-то никого нѣту. Ермократъ Аполлоновичъ съ утра уѣхали, Таня собачку повела прогуливать.

— Зажгите же свѣтъ!

— Ахъ, ты, какая я... Мнѣ то съ темноты и не вдомекъ, что вамъ со свѣта не видно.

Валентинѣ Петровнѣ наглымъ показался яркій свѣтъ электрической груши въ матовомъ тюльпанѣ. Вѣшалка съ ея пальто, ротондами и шубками, точно живая, стояла передъ нею.

Сидя на ясеневомъ стулѣ, она нетерпѣливо ждала, когда Марья сниметъ съ нея ботики. Такая она неискусная! Какъ онъ ихъ снималъ! Какъ, пожимая ея ножку у щиколодки горячей рукой и приподнявъ юбки, цѣловалъ ея колѣни... Что съ нимъ случилось?... Гдѣ онъ?...

Сквозь полутемныя комнаты она прошла въ спальню. Зажгла только одну низенькую, на толстой бронзовой ножкѣ — амуръ, сжимающій сердце, — лампочку съ темножелтымъ, пріятнымъ для глазъ абажуромъ. Сѣла въ томъ креслѣ, что стояло у постели. Разстегнула богатое платье.

Но онъ тамъ былъ? Онъ, или кто-то другой? Но кто

другой могъ быть тамъ, когда никому не было извѣстно ихъ убѣжище, — кромѣ нихъ двоихъ?

Она сидѣла глубоко въ креслѣ, устремивъ глаза на окно. Портьера не была задернута, занавѣсь не была спущена. Свинцово сѣрымъ казалось окно. Обыкновенно, если смотрѣть въ него, то за угломъ дворового флигеля, черезъ голый садикъ, были видны фонари улицы. Туманъ былъ такъ густъ, что сейчасъ ничего не было видно. Точно плотная сѣрая подушка была прижата къ окну со стороны двора. Городъ точно затихъ въ какомъ-то испугѣ. Мелкій сыпалъ снѣгъ и таялъ на стеклахъ. Изрѣдка было слышно, какъ, накопившись на переплетѣ окна, тяжело падала на желѣзный подоконникъ большая капля.

Сколько времени прошло — Валентина Петровна не знала. Она считала капли. Одна, другая, двѣ сразу, и опять нѣтъ... и снова одна.

Кто же тамъ былъ? Почему на ея призывъ не открылъ ей двери Портосъ и не заключилъ, какъ всегда, въ свои объятія? А, если онъ былъ не одинъ?... Почему и зачѣмъ туда пошелъ Яковъ Кронидовичъ? Кого тамъ искалъ? Портосъ попалъ въ ловушку!... Петрика видала она въ трамваѣ, или кого-то другого?

Ее била лихорадка.

Тишина спальни была ужасна. Маленькій будильникъ въ перламутровой оправѣ громко тикалъ на ночномъ столикѣ! Страшное время шло неумолимо. И нельзя уже было остановить того неотвратимаго, что надвигалось.

Все темнѣе становилось окно. Надо было встать и опустить штору, но было страшно вставать. Только такъ, совсѣмъ плотно прижавшись къ спинкѣ кресла, чувствуя себя кругомъ подлѣ своихъ предметовъ, еще кое-какъ можно было справляться со страхомъ.

Вдругъ она услышала быстрые, четкіе его шаги. Ясно, его звономъ — онъ слегка наступалъ на репеекъ — позванивали шпоры...

Она нагнулась, схватившись рукою за ручку кресла. Ея глаза расширились. Сердце быстро, быстро билось въ груди и дѣлало больно.

Дверь медленно, точно сама собою раскрылась. Въ легкомъ сумракѣ, въ золотистомъ отсвѣтѣ маленькой настольной лампы, въ прямоугольникѣ двери, она увидѣла Портоса. Его лицо было мертвенно-блѣдно. Темно-каштановые волосы были всклокочены и сбиты. Они безпорядочными прядями упадали на синевато-бѣлый лобъ. Глаза были закрыты. Синій рубецъ лежалъ на шеѣ. Портосъ неподвижно остановился въ дверяхъ.

— Портосъ! — крикнула Валентина Петровна.

Портосъ не шелохнулся.

— Володя!..

Фигура чуть заколебалась въ дверяхъ.

Необычайный страхъ охватилъ Валентину Петровну. Громаднымъ усиліемъ она заставила себя протянуть руку, схватила розоваго орлеца грушу и надавила на пуговку Съ ужасающею отчетливостью она услышала, какъ за двумя стѣнами, на кухнѣ серебряной трелью залился колокольчикъ. Хлопая дверьми, побѣжала Таня и остановилась въ столовой, не входя въ спальню.

Прошло время.... Можетъ быть, секунды... можетъ быть, длинныя, страшныя минуты...

— Таня! — закрывая лицо руками, крикнула Валентина Петровна.

Фигура Портоса, стоявшая въ дверяхъ, медленно исчезла, точно растаяла. Валентина Петровна увидала блѣдную, едва дышащую Таню.

— Таня... Почему ты не входила? — прошептала, задыхаясь, Валентина Петровна.

— Я не могла войти, барыня, — трясясь всѣмъ тѣломъ, сказала Таня. — Господинъ Багреневъ стояли въ дверяхъ.

— Что?.. Что ты говоришь! — воскликнула Валентина Петровна и, вскочивъ съ кресла, путаясь въ падающемъ съ нея платьѣ, бросилась къ Танѣ. Въ столовой, полной свѣта, сзади Тани стояла Ди-ди. Она не подошла къ хозяйкѣ. Она стояла, повернувъ назадъ голову. Ея тонкія уши были приподняты, и стояли нервными, настороженными трубочками. Ея пасть была оскалена, шерсть на спинѣ поднялась дыбомъ, и громадные глаза выражали не собачій ужасъ.

Валентина Петровна вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Больше всего, казалось, поразила ее пустота на томъ мѣстѣ, гдѣ она такъ отчетливо видѣла Портоса. Она стояла передъ непостижимымъ, нездѣшнимъ... По тустороннее было передъ нею и въ этомъ потустороннемъ уже былъ Портосъ. Въ страхѣ, туманна и неясна была мысль, но двѣ отправныя линіи намѣтились въ ней, два сопоставленія: запертая дверь, непонятный стукъ въ комнатѣ, и встрѣча съ Яковомъ Кронидовичемъ. Это было страшнѣе призрака. Потомъ, черезъ какой-нибудь мигъ, что-то толкнуло въ високъ — то, что она переживала сейчасъ, было такъ нестерпимо, что не могла она дольше держаться. Таня, столовая, съ ярко освѣщеннымъ, пустымъ, еще не накрытымъ столомъ — все это во всей обыденности своей уже не успокаивало, но раздражало и пугало, все говорило о томъ, что между нею и ними что-то было и больше всего говорили объ этомъ налитые ужасомъ выпученные глаза левретки.

Валентина Петровна сдѣлала два неровныхъ скользящихъ шага и упала на руки подбѣжавшей къ ней Та-

---

VII

Петрикъ поправлялся медленно. Одиннадцать часовъ онъ былъ безъ памяти, и память возвращалась къ нему очень постепенно. Изъ Поставъ его перевезли въ Ново-Свѣнцянскій госпиталь. Часами сидѣлъ онъ тамъ, то въ креслѣ госпитальнаго сада, то у окна палаты и слѣдилъ, какъ на его глазахъ медленно умирала природа. Пожелтѣли, потомъ побурѣли листья тополей и липъ и вдругъ налетавшія бури съ дождемъ оголяли вѣтви. Все больше мертвыхъ листьевъ валялось по дорожкамъ сада и гуще и прянѣе становился осенній запахъ ихъ тлѣнія. Въ сухую погоду ихъ сгребали въ кучи и жгли, и ѣдкій дымъ проникалъ въ окна. Небо мѣняло окраску. Вылиняла его прозрачная голубизна и рѣдко было оно безъ завѣси облаковъ. Постепенно Петрику стали давать книги и, чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣе

и яснѣе возвращались къ нему память и мышленіе. Точно онъ снова родился и росъ съ невѣроятной быстротой, вновь переживая дѣтство, отрочество, юность...

Къ ноябрю онъ былъ совершенно здоровъ, — хоть сейчасъ на коня и передъ эскадронъ — все вернулось ему и лишь иногда, въ минуты непонятнаго волненія, въ его памяти образовывались какъ бы провалы. Вдругъ — то нѣсколько минутъ, то часъ и больше — онъ жилъ, какъ бы не сознавая себя, и ничего не помнилъ, что онъ въ это время дѣлалъ. Онъ спрашивалъ у другихъ больныхъ и съ удивленіемъ узнавалъ, что онъ ходилъ по садику, сидѣлъ въ креслѣ, читалъ, даже разговаривалъ и вполнѣ здраво. Онъ же самъ ничего не помнилъ. Онъ сказалъ объ этомъ врачу. Тотъ успокоилъ его. Это бываетъ. Мозгъ еще не вполнѣ окрѣпъ и устаетъ, а уставая, даетъ впечатлѣнія забвенія. Но рефлективно — тѣло его будетъ исполнять все, что нужно. Это не опасно и постепенно и это пройдетъ. Это: сны на яву....

Чѣмъ крѣпче становилось его здоровье и яснѣе мысль, тѣмъ отчетливѣе было сознаніе неизбѣжности какъ-то окончить дѣло съ Портосомъ. Петрикъ не забылъ того, что было въ Поставской столовой наканунѣ охоты. Напротивъ, каждая мелочь, слова, интонація, жесты ему теперь вспоминались особенно ярко, и онъ сознавалъ, что это было начало, — окончаніе будетъ впереди. Онъ уже навелъ справки, и зналъ, что Портосъ въ Петербургѣ на своей старой квартирѣ, и онъ тщательно обдумывалъ, что ему надо сдѣлать. То ему рисовалось дѣло такимъ, что его надо повести законнымъ путемъ, черезъ судъ общества офицеровъ, черезъ секундантовъ и разрѣшенную дуэль. И сейчасъ видѣлъ множество затрудненій. Онъ былъ въ Маріенбургскомъ полку, Портосъ въ Генеральномъ Штабѣ. Чей же судъ будетъ разбирать ихъ дѣло? Смѣшанный?.. Школьный?.. Суду пришлось бы все раскрыть, — и или разсказать про партію, что пахло доносомъ, а Петрикъ самой мысли объ этомъ не допускалъ, или напирать на оскорбленіе женщины, выдать, назвать «госпожу нашу начальницу»... Это никакъ уже не годилось. Петрику приходилось искать другіе пути. Противные ему, незаконные...

Онъ не думалъ, что Портосъ окончательно палъ. Онъ все-таки былъ офицеромъ! Онъ носилъ погоны, и эти погоны его обязывали. И онъ выработалъ два плана. Первый — дуэль безъ свидѣтелей. Они оба напишутъ записки о томъ, что рѣшили покончить жизнь самоубійствомъ. Затѣмъ въ глухомъ мѣстѣ дуэль до смертельнаго исхода... Второй — дуэль съ однимъ свидѣтелемъ — Долле.

Въ Ричардѣ Долле Петрикъ былъ увѣренъ. «Un pour tous — tous pour un»-для Долле, какъ и для Петрика, не было пустыми словами дѣтской игры. Ричарду можно все открыть, Ричардъ не побоится взять на себя отвѣтственность секундантства на неразрѣшенной дуэли и отсидки за это въ крѣпости. Петрикъ рѣшилъ, что самое трудное — переговоры съ Портосомъ — онъ возьметъ на себя. Поверстный срокъ и необходимость побывать въ школѣ, чтобы получить документы и деньги давали Петрику сутки въ Петербургѣ; въ эти сутки надо было покончить дѣло съ Портосомъ. Какъ? Чѣмъ?... Петрикъ этого еще не зналъ, но уже рѣшилъ, что, взявъ себя въ руки, онъ поговоритъ съ нимъ, обо всемъ: и о партіи, и о «госпожѣ нашей начальницѣ», а тамъ видно будетъ. Говорить же будетъ, какъ офицеръ съ офицеромъ.

Хмурымъ и кислымъ ноябрьскимъ утромъ Петрикъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Онъ сейчасъ же явился въ школу, представился по начальству, выполнилъ всѣ формальности и, отказавшись отъ завтрака, поѣхалъ на Сергіевскую къ Портосу.

Было сомнительно, что въ эти часы Портосъ будетъ дома. Или на службѣ, или завтракаетъ гдѣ-нибудь. Такъ и оказалось. Нарядный, хлыщеватый денщикъ, копировавшій барина, одѣтый въ сѣрую ливрейную куртку, сказалъ, что «его благородіе раньше семи часовъ вечера дома не будутъ».

Выйдя отъ Портоса, Петрикъ взялъ извозчика и поѣхалъ на Кирочную въ Гвардейское Экономическое Общество завтракать. На городъ упалъ туманъ и стало темнѣть. На Литейномъ вспыхнули электрическіе фо-

нари. Вдругъ обгоняя Петрика, изъ тумана выявился большой «Мерседесъ» Портоса и въ немъ Портосъ. Петрикъ приказалъ извозчику гнать за автомобилемъ. Лошадь понеслась вскачь. Въ туманѣ, все время стоявшій, держась за плечо извозчика, Петрикъ скоро потерялъ изъ вида автомобиль. Однако, онъ его сейчасъ же снова увидалъ. Автомобиль стоялъ у церкви Косьмы и Даміана.... Разогнавшійся извозчикъ проскакалъ мимо него. Петрикъ хотѣлъ заворачивать назадъ, чтобы разспросить шоффера, когда вдругъ замѣтилъ Портоса. Портосъ шелъ пѣшкомъ по Кирочной. Его фигура темнымъ силуэтомъ маячила вдоль домовъ. Петрикъ остановилъ извозчика, бросилъ ему приготовленныя деньги и побѣжалъ за Портосомъ.

— Капитанъ Багреневъ, — еще издали крикнулъ онъ, задыхаясь отъ волненія, бѣга, отъ густого тумана, глушившаго всѣ звуки.

Въ эту минуту Багреневъ быстро юркнулъ въ калитку запертыхъ воротъ большого, сѣраго дома. Петрикъ бросился за нимъ. Онъ пробѣжалъ темный проходъ воротъ и очутился на небольшомъ асфальтовомъ дворикѣ. Три крыльца флигелей выходили на него. На дворѣ Портоса не было. Все бѣгомъ, придерживая позванивающую кольцами саблю, Петрикъ прошелъ къ однимъ дверямъ, вошелъ въ подъѣздъ. Гулкое эхо по лѣстницѣ отразило его шаги. Петрикъ прислушался. Все было тихо. Онъ побѣжалъ къ другому и третьему.... Нигдѣ никого не было слышно. Точно не Портосъ, а его тѣнь, призракъ, вошелъ во дворъ и растворился въ туманѣ. Сдержавъ волненіе Петрикъ пошелъ обратно къ воротамъ. Обитая кожей дверь вела въ подвалъ. Надъ нею надпись — «дворницкая» и висячій на пружинѣ колокольчикъ. Петрикъ позвонилъ. Дверь открылась, пахнувъ чаднымъ паромъ. Въ ярко освѣщенномъ ея прямоугольникѣ появился парень въ ситцевой розовой рубахѣ на выпускъ, въ черной жилеткѣ съ большой овальной мѣдной дворницкой бляхой на ней, въ штанахъ, заправленныхъ въ валенки. Увидавъ офицера, онъ снялъ съ головы шапку и испуганно спросилъ:

— Вамъ чего?

— Послушай, братецъ, — сказалъ Петрикъ, — сейчасъ сюда вошелъ офицеръ, артиллерійскій штабсъ-капитанъ Багреневъ. Это мой товарищъ... Мнѣ его необходимо видѣть по экстренному дѣлу.

— Мало-ли здѣсь офицеровъ живетъ, — равнодушно сказалъ дворникъ. — Все академики... Ну, только такого я не слыхалъ... Багренева.

Петрикъ далъ дворнику серебряный рубль.

— Ты не бойся... Я знаю, что онъ здѣсь... Я же его видѣлъ. Ничего тебѣ не будетъ, если ты скажешь.

— Сказывать-то не велѣно, — сказалъ, улыбаясь дворникъ. — Сами, чай, понимаете... Барынька тутъ одна, непутевая, къ нимъ бѣгаетъ... Ну и конечно, квартирка особенная... Мебель носили... Аккуратное гнѣздышко.... хоть принцессу какую принимай...

Онъ ткнулъ пальцемъ на дверь, бывшую въ воротахъ противъ дворницкой и скрылся въ подвалѣ. Тихо звякнулъ колокольчикъ надъ обитой кожей дверью. Медленно разсѣялся прѣлый запахъ парного дыма. Петрикъ остался подъ воротами.

Онъ ожидалъ всего, но не этого.

Но какъ бы по инерціи онъ открылъ дверь и вошелъ на чистую лѣстницу, двумя маршами ведшую къ плотно запертой двери, обитой грубымъ зеленымъ сукномъ. Ему послышался шумъ за этой дверью. Тамъ была жизнь... Можетъ быть — радость встрѣчи?

Но совмѣстить эту лѣстничку, ярко освѣщенную электрической лампой, эту дверь пошлой мужской гарсоньерки для тайныхъ свиданій съ «божественной», съ «госпожей нашей начальницей» — онъ не могъ. Это была другая. Можетъ быть, тоже съ золотыми волосами, интеллигентная, умная, образованная.. но только не королевна сказки Захолустнаго Штаба!

Ломиться сейчасъ къ Портосу было безсмысленно и безполезно. Портосъ не откроетъ. У него — женщина — все равно какая. Открыть нельзя. Да и... нечестно... Не по офицерски. Ждать здѣсь?... А если... онъ увидитъ «госпожу нашу начальницу»?.. Это будетъ такъ ужасно, что представить себѣ этого Петрикъ не могъ. Онъ

вдругъ почувствовалъ, что, какъ это съ нимъ бывало въ Ново-Свѣнцянскомъ госпиталѣ, въ его памяти, въ его сознаніи образовался провалъ. Что онъ во время него дѣлалъ, гдѣ былъ, никогда онъ этого не узнаетъ и разспросить некого — свидѣтелей не было. Онъ снова овладѣлъ собою, примѣрно черезъ полчаса, или часъ. Онъ увидалъ себя на Бассейной. Какъ онъ очутился на Бассейной, что онъ дѣлалъ все это время — онъ не помнилъ. Онъ даже забылъ на мгновеніе о Портосѣ. Тупо болѣла голова. Въ вискахъ... Онъ старался вспомнить, что было, и явь мѣшалась съ вымысломъ, съ кошмарнымъ сномъ, съ тѣмъ, о чемъ думалъ и что воображалъ.

Мѣрно и звонко позванивая, подошелъ къ остановкѣ трамвай № 16. Петрикъ вошелъ въ него и сѣлъ на скамью. Сильно болѣла голова. Странно крутились мысли! Точно сейчасъ очнулся онъ отъ кошмарнаго сна. Будто та дверь открылась и онъ увидалъ Портоса. Блѣдное, страшное было у него лицо... Петрикъ душилъ его... Петрикъ посмотрѣлъ на свои сильныя руки, стянутыя коричневыми перчатками. Опять, какъ тогда, когда ѣхалъ онъ отъ Долле августовскимъ теплымъ вечеромъ, и смущалъ его своимъ вызывающимъ поведеніемъ матросъ, — у него было подсознательное тяжелое чувство, что онъ поступилъ не такъ, какъ долженъ поступить офицеръ, Маріенбургскій драгунъ, что надъ нимъ тяготѣетъ гадкое дѣло...

Онъ ничего, однако, толкомъ не помнилъ. Онъ ѣхалъ въ трамваѣ — куда? онъ не зналъ. Зачѣмъ? какъ? и послѣ чего? Петрикъ не сводилъ глазъ со своихъ рукъ. Этими руками, непремѣнно въ перчаткахъ, онъ будто и правда душилъ Портоса. Онъ снялъ перчатки и брезгливо спряталъ ихъ въ карманъ.

Трамвай медленно подвигался въ туманѣ, все вызванивая, чтобы не наѣхать на кого-нибудь. Петрикъ сидѣлъ мрачный, углубленный въ свои думы. Наконецъ, трамвай остановился, кондукторъ вошелъ и сказалъ:

— Рощинская улица. Дальше трамвай не пойдетъ.

VIII

Петрикъ вышелъ изъ вагона. Было какое-то незнакомое, темное, безлюдное мѣсто. Въ туманѣ крутился и падалъ мокрый холодный снѣгъ. Петрикъ стоялъ на грязномъ, разбитомъ шоссе. Сзади него былъ высокій заборъ. Съ мокрыхъ низкихъ ветелъ, аллеей росшихъ вдоль шоссе, глухо падали на грязную землю водяныя капли. Петрикъ опять вошелъ въ вагонъ.

— Однако, я не туда попалъ, — сказалъ онъ кондуктору, — я поѣду обратно.

Когда ѣхалъ назадъ, сознаніе постепенно прояснялось. Онъ узналъ улицы. Въ туманѣ, въ гирляндѣ фонарей, казавшихся расплывчатыми золотыми шарами, узналъ розовое зданіе и тонущую въ клубахъ паровъ сѣрую башню Московской пожарной части. Вспомнилъ манежъ и урокъ ѣзды Валентинѣ Петровнѣ. У пяти угловъ ярко свѣтились широкія окна магазина братьевъ Лапиныхъ. Онъ пересѣлъ на другую сторону и смотрѣлъ, какъ бѣлымъ призракомъ показалась за высокой желѣзной рѣшеткой Владимірская церковь.

«Ничего не было», — подумалъ онъ. — «Да вѣдь я же все это могу провѣрить. Очень просто».

Онъ вышелъ у Стремянной, пошелъ на Николаевскую и прошелъ къ крыльцу «госпожи нашей начальницы». Швейцаръ въ синемъ длинномъ кафтанѣ, сидя, читалъ газету.

— Валентина Петровна Тропарева дома? — спросилъ Петрикъ.

— Дома-съ, почти и не выходили... — сказалъ швейцаръ, поднимаясь съ деревяннаго тяжелаго стула. — И профессоръ сейчасъ вернулись. Прикажете позвонить?.. Должно быть кушать сейчасъ садятся.

— Нѣтъ... я.. не хочу безпокоить.. передайте имъ мои карточки.

Теперь все было ясно. Какъ ему и говорилъ докторъ — эти провалы памяти совсѣмъ не страшны. Про-

сто — гулялъ по улицамъ... Оставалось побывать у Портоса на Сергіевской и кончить то, что ему такъ мѣшало! Былъ седьмой часъ. Къ семи Портосъ вернется, и они переговорятъ обо всемъ.

Портосъ еще не вернулся, но денщикъ ожидалъ его съ минуты на минуту.

— Я дождусь его, — сказалъ Петрикъ. — Мнѣ надо непремѣнно видѣть штабсъ-капитана.

—Пожалуйте въ кабинетъ.

Петрикъ снялъ пальто. Денщикъ открылъ электричество, и уютный кабинетъ Портоса съ большими книжными шкафами мягко освѣтился. Петрикъ сѣлъ въ кресло.

— Прикажете чайку? — спросилъ денщикъ.

Петрикъ съ утра ничего не ѣлъ. «Это» — подумалъ онъ. — «окончательно прояснитъ мнѣ мозги.

— Пожалуй... Дай, — сказалъ онъ.

«Если этого не было», — думалъ онъ,— «то вотъ, сейчасъ откроется дверь и войдетъ живой Портосъ. И по душѣ, на чистоту, по-офицерски, они переговорятъ обо всемъ. И о Валентинѣ Петровнѣ и о партіи».

Головная боль утихла. На Петрика нашло чувство душевной размягченности. Недавней злобы какъ не бывало. Не было невозможности простить Портоса. Послѣ кошмара, ему стало казаться, что Портосъ и не такъ уже виноватъ. Хвасталъ тогда — ужасно не хорошо.... Ну и вино тоже... И пѣсни... И съ партіей можно кончить безъ доноса... а по-хорошему... Полученныя знанія... къ свѣдѣнію... Если онъ что проболталъ, такъ и они тоже. Вотъ и выходитъ: башъ на башъ — квиты... Онъ встанетъ и скажетъ: «Портосъ я шелъ убить тебя... Я уже убилъ тебя въ моемъ сердцѣ — прости меня... Но дай мнѣ просить это прощенье по-настоящему. Давай — переговоримъ обо всемъ.... Ты былъ большимъ подлецомъ тогда, когда хвасталъ своею связью съ Валентиной Петровной»...

А вдругъ это вовсе не Валентина Петровна? — мелькнуло въ головѣ у Петрика... «Но онъ сказалъ: «жена

профессора»... И тогда такъ глупо пѣлъ Парчевскій: — «брюнетка жена— мужъ брюнетъ, къ нимъ вхожъ бѣлокурый корнетъ»...

Опять путались мысли. Ясность исчезала.

Въ углу на каминѣ стояли мраморные часы. На пестромъ красноватомъ мраморѣ артиллеристъ на конѣ съ банникомъ въ рукѣ. Подарокъ Портосу артиллерійскаго дивизіона, гдѣ онъ служилъ. Часы били мелодично и разъ и два. Все длиннѣе были отсчеты ихъ ударовъ. Петрикъ прислушался: десять часовъ.

Денщикъ заглянулъ къ нему.

— Не идетъ что-то ихъ благородіе, — сказалъ онъ.

— Да, вотъ что, милый... Я знаю еще, гдѣ онъ можетъ быть. Я поѣду туда. А если мы разминемся, скажи его благородію, что я сейчасъ вернусь и прошу меня подождать.

Опять Петербургскія, уже ночныя улицы. Рѣже сталъ туманъ. Мокрый снѣгъ нападалъ на улицы, и онѣ серебряными дорогами уходили вдаль. Лошади скользили на торцахъ. Черный слѣдъ вился за колесами. Все падалъ снѣгъ.

Кирочная 88... Петрикъ сразу узналъ домъ, не глядя на номеръ. Дворникъ, въ сторонѣ онъ воротъ подметалъ съ панели снѣгъ. Петрикъ быстро и незамѣтно вошелъ въ ворота. Онъ подошелъ къ высокой двери. Т о й двери. Она легко подалась и раскрылась по-прежнему. Ярко была освѣщена лѣстница. Петрикъ позвонилъ... Тишина отвѣтила на короткое дребезжаніе колокольца.

Онъ позвонилъ еще и еще, и все напряженнѣе и страшнѣе становилась томительная тишина за дверью.

Никого не было.

Или, если и былъ тамъ Портосъ, — то уже не живой, а мертвый.

Показалось, что холодомъ смерти вѣетъ, несетъ изъ-за двери. Въ дверныя щели задуваетъ покойникомъ.

Петрикъ тихо сталъ спускаться.

Въ воротахъ онъ столкнулся съ дворникомъ.

— Долго разговаривать изволили съ господиномъ офицеромъ, баринъ, — сказалъ дворникъ.

— А?... что?... да такъ! — какъ-то испуганно сказалъ Петрикъ и проворно вышелъ на улицу.

Петрикъ опять поѣхалъ на Сергіевскую въ надеждѣ встрѣтить живого Портоса.

Онъ уже тревожился за него. Денщикъ встрѣтилъ его словами:

— Его благородіе еще не вернулись, — и денщикъ былъ этимъ, казалось, обезпокоенъ.

— Я подожду.

— Пожалуйте-съ!

Долгая, осенняя ночь тянулась безконечно. Петрикъ провелъ ее безъ сна, неподвижно сидя въ креслѣ.

Когда настало утро, онъ позвалъ денщика.

— Вотъ, что, милый, — сказалъ онъ. — Я больше ждать не могу. Я сегодня ѣду въ полкъ. Мой отпускъ кончается. Я едва поспѣю во время. Дай мнѣ бумаги и перо, я оставлю ихъ благородію записку.

Петрикъ тщательно написалъ: — «Милостивый Государь, Владиміръ Николаевичъ, — я былъ у васъ. Я ждалъ васъ цѣлыя сутки... Вы понимаете, что такія дѣла такъ не кончаются. Только смертью вы можете искупить... Вѣдь вы все-таки офицеръ!»..

Не выходило письмо. Сказать надо было такъ много. Написать — ничего нельзя. Все равно. Портосъ поймметъ. Петрикъ подписалъ — «Маріенбургскаго драгунскаго полка штабсъ-ротмистръ Ранцевъ» и, не проставивъ числа, заклеилъ конвертъ, отдалъ денщику и въ десятомъ часу утра, по первопутку, — за ночь нападало снѣга и подморозило — поѣхалъ въ гостиницу за вещами, а потомъ на вокзалъ.

Онъ возвращался въ свой родной полкъ, все предоставивъ судьбѣ и офицерской чести Портоса.

IX

Валентина Петровна сейчасъ же и очнулась.

— Таня, — сказала она, — ты его видѣла?

— Очень даже видѣла, — сказала Таня. — Стоятъ въ дверяхъ, я и пройдти не могу.

— Такъ.. — медленно протянула Валентина Петровна. Она съ мольбою смотрѣла на Таню. Глазами она просила у нея помощи. — Таня, когда ты пробѣгала черезъ переднюю, тамъ были его пальто и сабля?.. Ты вѣдь открывала же ему дверь?

Лицо Тани поблѣднѣло.

— Я думала, барыня, вы ему открыли.... Я думала... Онъ съ вами пришелъ.... Его пальто тамъ не было... Господи!... Ужасъ какой!... Не случилось ли чего съ Владиміромъ Николаевичемъ?

Валентина Петровна тяжело вздохнула. Ей казалось теперь все страшнымъ въ ея уютной любимой спаленкѣ. Если бы пошевелился комодъ, или вдругъ съ трескомъ раскрылись бы дверцы шкапа, —она бы не удивилась...

— Таня!... что же это?... Не покидай меня, Таня.

Нѣсколько минутъ Валентина Петровна сидѣла неподвижно въ креслѣ и смотрѣла на Таню, стоявшую у дверей. Диди успокоилась и ласково ворча, точно мурлыча, прыгнула ей на колѣни. Валентина Петровна гладила ея нѣжную шерсть. Это ее успокаивало.

—Барыня, — тихо сказала Таня, — накрывать на столъ пора. Седьмой часъ уже. Кабы баринъ сейчасъ не вернулись.

Валентина Петровна подняла голову и долго, точно ничего не понимая, смотрѣла въ глаза Танѣ.

— Да, — тихо сказала она, — баринъ.. Вѣрно... баринъ. Не оставляй меня одну, Таня! Мнѣ такъ страшно!

— А мы вотъ что, барыня, пойдемте вмѣстѣ накрывать... Такъ-то хорошо будетъ!

Таня хотѣла идти въ столовую, черезъ дверь, гдѣ

только что стоялъ Портосъ, но Валентина Петровна движеніемъ руки остановила ее.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, — сказала она, — пойдемъ коридоромъ.

Въ столовой всѣ три груши большой висячей лампы ярко горѣли. Валентина Петровна съ помощью Тани, — руки плохо слушались ее — привела въ порядокъ свое упадавшее платье, поправила прическу. Видъ ловкихъ, живыхъ движеній Тани, бойко гремѣвшей посудой, ея округлые, полные локти, молодой мускулъ мягко игравшій подъ тонкой матеріей платья, бѣлый чепецъ въ каштановыхъ волосахъ, — чуть уловимый, когда Таня была подлѣ, запахъ живого, свѣжаго, здороваго, чистаго, молодого тѣла, — все это постепенно успокаивало ее и теперь ея мысль уже тревожно билась около того, что съ Портосомъ что-то случилось. И вспоминая страшный темный слѣдъ на шеѣ, непонятный и безобразный, Валентина Петровна, подражая Танѣ, перетирала посуду, раскладывала ножи и вилки, и эта работа развлекала ее. Она сознавала, что сейчасъ придетъ Яковъ Кронидовичъ и возможно будетъ объясненіе. Внутри себя она говорила: «я на все готова... Ну что жъ... И разрывъ. Только бы живъ и цѣлъ былъ Портосъ»...

Когда столъ былъ накрытъ, она все не отпускала отъ себя Таню.

— Барыня, на кухню надо пойдти. Спросить, все ли готово у Марьи.

— Пойдемъ вмѣстѣ, вдвоемъ.

— Барыня, — тихо сказала, возвращаясь изъ кухни Таня, — хорошо-ли что вы въ этомъ платьѣ?..

— Ахъ да... Что же надѣть?

Голова Валентины Петровны отказывалась думать въ эти минуты.

— Пожалуйте, я вамъ дамъ ваше обычное черное платье... И очень уже вы блѣдны.

— Таня, только вы всѣ лампы зажгите въ спальной.

Валентина Петровна прошла за Таней и съ удивленіемъ смотрѣла, какъ Таня смѣло и спокойно распоря-

жалась въ этой страшной комнатѣ. Таня опустила штору, плотно задернула оконныя тяжелыя портьеры, подала Валентинѣ Петровнѣ то простое полутраурное платье, въ которомъ всегда бывала дома Валентина Петровна, подала ей пудру, и Валентина Петровна привела себя въ порядокъ — и было время. Въ прихожей была слышна тяжелая поступь и стукъ сбрасываемыхъ калошъ на полъ.

— Позвольте, я пойду помочь барину, — сказала Таня...

— Мы вмѣстѣ.

И ложь, уже привычная, необходимый ей теперь ея «защитный цвѣтъ» — помогла ей принять безпечно-равнодушный видъ.

— Какъ ты долго сегодня! — сказала она, подставляя щеку для поцѣлуя мужа.

— Mea culpa... Mea maxima culpa, *), — разматывая лиловый въ черную клѣтку шарфъ, говорилъ Яковъ Кронидовичъ. — Ужасный я сталъ дуракъ...

Онъ шелъ за ней прямо въ столовую.

— Можно подавать кушать? — спросила Таня.

— Да, подавайте, пожалуйста.

Яковъ Кронидовичъ шумно сморкался.

— Не насморкъ ли у тебя? — сказала Валентина Петровна, садясь на свое мѣсто.

— Въ такой туманъ... а теперь еще и мокрый снѣгъ.. не мудрено и насморкъ схватить. Ты не выходила?

— Н-нѣтъ... — чуть слышно сказала Валентина Петровна.

— И отлично, душечка, сдѣлала. Ни извозчиковъ... ничего... И трамваи еле идутъ. А я пѣшкомъ по всему городу гонялъ!

Таня поставила дымящуюся паромъ миску между ними, и Валентинѣ Петровнѣ тусклымъ черезъ паръ казалось лицо мужа.

—Гдѣ же ты былъ? — блѣднѣя, спросила Валентина Петровна.

---

*) Моя вина... Великая моя вина.

— На Кирочной?!... вотъ гдѣ!... Это отъ Чернышева то моста!.. Семь верстъ киселя хлебать ходилъ.

— Да-а...

— Это пельмени?.. Мои любимые пельмени?... Я подъ нихъ, пожалуй, еще рюмку водки хвачу. Налей, дуся.

Она чувствовала, что не въ состояніи налить. Такъ дрожала ея рука.

— Налей самъ.

Онъ со вкусомъ выпилъ водку и принялся за пельмени.

— За-ачѣмъ же ты ходилъ на Кирочную? — дрожащимъ голосомъ сказала она. — Какой горячій супъ.... Ротъ обожгла. Совсѣмъ не могу говорить.

— Чудные пельмени!.. Совсѣмъ по-Сибирски. Молодецъ наша Марья.

Ея ноги дрожали подъ столомъ. Ее всю бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Онъ точно нарочно пыталъ ее.

Нѣсколько мгновеній было молчаніе. Онъ жадно ѣлъ пельмени.

— Хочешь еще?

— Дай, пожалуйста. Проголодался я страшно. Я вѣдь не завтракалъ. Все изъ-за Кирочной... Написалъ мнѣ кто-то... анонимно... глупый это обычай... Сегодня... въ три часа на Кирочной... Я и подумалъ...

Онъ опять принялся за пельмени. Ей казалось, что то, что она испытываетъ, должны испытывать приговариваемые къ смерти, когда имъ читаютъ слово за словомъ приговоръ. Но тамъ нѣтъ этихъ проклятыхъ пельменей! Она боялась, что лишится сейчасъ чувствъ. Но она собрала всѣ свои силы и насколько могла спокойно спросила:

— Что же ты подумалъ?

— Да... Вася... Ветютневъ... Помнишь, я писалъ тебѣ изъ Энска?..

Она слушала его, а въ головѣ назойливо долбила мысль, «видѣлъ онъ меня или нѣтъ?.. узналъ или не узналъ?»...

— Да... помню, — блѣдно сказала она.

— Такъ вотъ, я на него и подумалъ. Онъ съ этимъ дѣломъ Дреллисовскимъ совсѣмъ съ ума спятилъ. Все боится мести... Ну, и, значитъ, пріѣхалъ... и меня вызывалъ...

— Ты его нашелъ? — чуть спокойнѣе, овладѣвая собою, спросила Валентина Петровна.

— Ну... если бы да нашелъ!.. Кого тамъ найдешь, когда онъ ни номера квартиры не указалъ, ни у кого остановился не написалъ. Чорта лысаго тамъ найдешь! Чуть не сто квартиръ!

Она хорошо знала мужа. Онъ не лгалъ. Онъ не умѣлъ притворяться. Кто-то... Кто?.. Донесъ ему о ихъ свиданіи, но не посмѣлъ назвать, а онъ, далекій отъ подозрѣній, подумалъ на Васю. Но все это было грозно и страшно.

Позвонили... Она вздрогнула. Швейцаръ принесъ визитныя карточки Петрика. Она непремѣнно хотѣла принять его, но Петрикъ уже ушелъ.

Она съ трудомъ досидѣла до конца обѣда. Послѣ обѣда онъ цѣловалъ ея руку.

— Какая холодная, — сказалъ онъ. — Здорова-ли ты? Спасибо за чудный обѣдъ.

— Совсѣмъ здорова... Скучно было... Одна да одна. Цѣлый день одна.

— Не поиграешь?

Она чувствовала, что у нея пальцы не будутъ слушаться. Просидѣть съ нимъ весь вечеръ вдвоемъ казалось немыслимымъ. Отговориться нездоровьемъ и одной запереться въ спальной?.. Нѣтъ... На это у нея не было храбрости. И поздно уже. Она сказала, что здорова.

Она подошла къ окну и отдернула портьеры.

— Какая ночь, — сказала она. — Какъ тихо... И сколько нападало снѣга!.. И тумана почти нѣтъ... Можетъ быть это эгоистично съ моей стороны... Ты же и такъ усталъ и продрогъ... Но... поѣдемъ куда-нибудь... въ театръ, или кинематографъ?.. Тутъ есть совсѣмъ рядомъ... На Невскомъ.

Якову Кронидовичу не хотѣлось выходить въ холодную промозглую сырость. Но водка и хорошій обѣдъ его согрѣли. Ему стало жаль ее. «Она молода — я старъ... Если жены измѣняютъ мужьямъ — виноваты мужья, что не умѣли ихъ удержать отъ измѣны. Женщины — все равно, что дѣти. Имъ нужны игрушки и развлеченія».

Онъ согласился.

— Только поѣдемъ туда, гдѣ не очень парадно, — сказалъ онъ, вставая и слегка, незамѣтно, потягиваясь. — И недалеко.

X.

Они провели вечеръ въ Литейномъ театрѣ. Шла какая то дребедень. Валентинѣ Петровнѣ показалось неприличнымъ, что на сцену выходилъ актеръ, загримированный всѣмъ извѣстнымъ генераломъ, и въ полной формѣ. Онъ пѣлъ куплеты. Публика смѣялась. Валентинѣ Петровнѣ это было непріятно. Ей казалось, что такъ могутъ посмѣяться и надъ ея покойнымъ папочкой. Впрочемъ, она мало что видѣла и слышала изъ того, что происходило на сценѣ. Она какъ бы отсутствовала душою. Въ антрактахъ, когда зрительный залъ былъ ярко освѣщенъ, она внимательно осматривала публику. Искала Портоса. Она понимала, что это было слишкомъ невѣроятно, чтобы онъ пришелъ, но какъ было бы хорошо увидѣть его не призракомъ и, когда Яковъ Кронидовичъ пойдетъ курить, — узнать, что-же т а м ъ случилось. Ее мучила записка, полученная мужемъ.

Кто могъ ее написать? Кто могъ проникнуть въ ихъ тайну? Не до спектакля было. Яковъ Кронидовичъ, напротивъ, дѣтски радовался каждой шуткѣ и весело посмѣялся надъ неудачливымъ генераломъ. Его мундиръ на сценѣ не коробилъ.

Никого знакомыхъ не было.

Возвращались подъ частой серебряной сѣткой бли-

стающаго въ фонарныхъ огняхъ снѣга. Стукъ копытъ и колесъ былъ приглушенъ. Морозило. Легко было дышать. Туманъ поднялся и соединился со снѣговыми тучами.

Яковъ Кронидовичъ робко намекнулъ о своемъ желаніи завершить прекрасный день. — Валентина Петровна рѣшительно отказала. У нея разыгралась мигрень!.. Она такъ устала! Оставивъ мужа за самоваромъ въ столовой — она ушла въ спальню съ Таней.

Въ спальной душно и сладко благоухали туберозы. Орхидея въ рюмкѣ казалась стройной и живой. Валентина Петровна позвала Диди. Левретка неохотно поднялась изъ своей корзинки въ телефонной комнаткѣ подлѣ спальни и, потягиваясь и щуря сонные глаза, пошла къ хозяйкѣ. Валентина Петровна уложила ее въ креслѣ подлѣ постели и укутала своей, на заячьемъ мѣху, душегрѣйкой. Не такъ страшно казалось съ собакой. Она долго не отпускала Таню.

Она боялась призраковъ.

Хотѣла уложить Таню на диванчикѣ, но — стало совѣстно, и она отпустила дѣвушку.

Она не погасила лампочки у постели, оставила другую горѣть на туалетномъ столикѣ и легла въ капотѣ. Такъ пролежала она всю ночь безъ сна. То закрывала глаза, то открывала, смотрѣла въ потолокъ, потомъ нагибалась къ собакѣ и нѣжно гладила ее по головкѣ. Левретка ворковала, какъ голубь, точно говорила — «не мѣшайте мнѣ спать», и круче сгибалась кольцомъ. Лишь подъ утро, когда уже въ щель портьеры стала желтѣть занавѣсь, Валентина Петровна погасила электричество и забылась недолгимъ сномъ.

«Чему быть — того не миновать», — была ея мысль, когда она засыпала, и съ этою мыслью она проснулась.

Въ столовой часы гулко пробили десять. Таня звенѣла посудой. Диди сидѣла, скинувъ душегрѣйку, на креслѣ и смотрѣла прямо въ глаза хозяйкѣ.

Валентина Петровна взглянула на орхидею, на туберозы и вскочила съ постели. Въ тепломъ халатѣ и въ туфляхъ на босу ногу она побѣжала на кухню. Не при-

ходилъ ли мальчикъ въ коричневой ливреѣ съ букетикомъ цвѣтовъ?.. Но на кухнѣ никого не было. Въ ней стылъ зимній, утренній холодъ и на блѣдно-желтомъ солнцѣ блестѣли ярко-начищенныя кастрюли. Пахло самоварнымъ смолистымъ дымкомъ.

Кухонный, чисто отмытый столъ, былъ пустъ. Съ него мягко спрыгнулъ Топи и пошелъ ласкаться къ ногамъ Валентины Петровны.

Она вернулась въ спальню и занялась своимъ туалетомъ. Она ждала или Портоса здѣсь, или свиданья съ нимъ. Сегодня!.. Онъ былъ ей необходимъ.

Утромъ, она нѣсколько разъ, подъ разными предлогами выходила на кухню. Все ждала мальчика изъ «Флоры». Разъ даже спросила вернувшуюся съ рынка Марью — не приходилъ ли мальчикъ? Сама понимала — спрашивать было напрасно, если бы мальчикъ приходилъ, были бы цвѣты. Ихъ не было.

Якова Кронидовича, какъ всегда, не было дома.

Часовъ въ двѣнадцать Валентина Петровна надѣла старую, маленькую шляпку и густую вуаль и сказала, что пойдетъ прогулять Диди.

Былъ великолѣпный зимній день. Послѣ вчерашняго грохота и треска мостовыхъ казалось тихо, и громки были голоса прохожихъ и дворниковъ, посыпавшихъ желтымъ пескомъ панели. Въ небѣ клубились туманы, и сквозь нихъ солнце было желтое, и не больно было смотрѣть на него. Весело, обрадовавшись мягкому снѣгу, бѣжали лошади, и маленькія санки неслись, оставляя рыхлый, серебряный слѣдъ. Мальчишки-школьники посреди Николаевской играли въ снѣжки. Диди, обезумѣвшая отъ свѣта, снѣга и холода, носилась взадъ и впередъ.

Валентина Петровна отправилась въ цвѣточный магазинъ Флору. Она вызвала мальчика въ коричневой курткѣ. Нѣтъ, т о г о офицера, что посылалъ ей цвѣты, еще не было. Вѣроятно, сегодня уже и не будетъ. Онъ всегда бывалъ въ девятомъ часу.

Валентина Петровна выбрала нѣсколько большихъ

бѣлыхъ разлохмаченныхъ хризантемъ и поѣхала домой.

Надо было жить. Надо было лгать. Ея жизнь давно была ложью. Ѣхать на квартиру Портоса боялась. На «ту» квартиру — знала, что безъ приглашенія напрасно. Тамъ никого не могло быть.

Вчера, во время обѣда, подали карточки Петрика. Значитъ, Петрикъ былъ здѣсь и это его она видѣла въ вагонѣ трамвая. Не онъ ли помѣшалъ Портосу? Но, если онъ помѣшалъ вчера — сегодня были бы условные цвѣты и все объяснилось-бы.

Она унесла туберозы изъ спальни. Она знала, что больше отказывать Якову Кронидовичу она не можетъ.

Была тяжелая ночь. И долго послѣ ухода мужа она лежала на постели навзничь и не могла отрѣшиться отъ кажущагося ей запаха трупа. Потомъ встала и до утра сидѣла въ креслѣ у окна. Ея ноги стыли. Зябко куталась она въ халатикъ и ни о чемъ не могла думать.

И прошло еще два дня. — Не было ни цвѣтовъ, ни письма, ни самого Портоса. Она терялась въ догадкахъ.

У Якова Кронидовича были какія то спѣшныя и сложныя дѣла. Онъ пропадалъ съ утра до самаго обѣда... Опять съ мертвыми тѣлами!

На третій день утромъ, за чайнымъ столомъ, она машинально развернула брошенную Яковомъ Кронидовичемъ «Петербургскую Газету». Отъ газеты пахло типографской краской. Четко, по дугѣ, шла надпись названія. На первой страницѣ стоялъ заголовокъ: — «Страшная находка». Она стала читать, сначала равнодушно, безъ вниманія, потомъ съ какою то странною внутреннею дрожью.

По всему Петербургу были раскиданы части человѣческаго тѣла. Въ трамваѣ, на пароходѣ, въ Лѣтнемъ саду, на скамейкѣ, на подъѣздѣ Окружного суда были найдены тщательно запакованные, — гдѣ рука, гдѣ кусокъ ноги, гдѣ внутренности человѣка. Куски принадлежали молодому мужчинѣ, но кому, за ненахожденіемъ головы, опредѣлить было невозможно. Полиція сбилась съ ногъ. Надо было отыскать, кто убитъ, гдѣ, кѣмъ убитъ и

почему убитъ. Но даже мѣсто преступленія не было обнаружено.

Валентина Петровна подняла глаза отъ газетнаго листа. Безсильно упали руки. Точно желѣзнымъ обручемъ сдавило голову.

«А что, если?..»

XI.

За обѣдомъ, Валентина Петровна протянула газету Якову Кронидовичу и сказала, нервно смѣясь: —

— Ты читалъ?.. Какой ужасъ!..

Между ними, закрывая лицо Валентины Петровны отъ Якова Кронидовича, въ большой мутно-лиловой копенгагенскаго фарфора вазѣ стояли тѣ бѣлыя, лохматыя хризантемы, что купила она на другой день послѣ ужаснаго тумана. И Яковъ Кронидовичъ не видѣлъ ея страшно блѣднаго лица и въ гримасу исказившей его дѣланной улыбкой.

Онъ прожевывалъ хорошій кусокъ телячьей грудинки, и мягкіе хрящики славно хрустѣли на его здоровыхъ, крѣпкихъ зубахъ. Она думала, какъ можетъ онъ ѣстъ мясо, когда возится съ трупами!

— А, какъ-же! Дѣло въ моихъ рукахъ. Въ анатомическій театръ уже доставили почти все тѣло. Не достаетъ головы... и еще тамъ... мелочей...

— Вотъ ты говорилъ какъ-то, — сказала Валентина Петровна, съ трудомъ выдавливая изъ себя слова, — что твоя наука способствуетъ раскрытію преступленій... Ну и вы... ты... узнали, кому принадлежитъ это тѣло?..

Отъ ноздрей къ ея рту легла глубокая брезгливая складка. Лицо было совсѣмъ бѣлое. Въ глазахъ горѣлъ лихорадочный огонь. Но Яковъ Кронидовичъ видѣлъ его сквозь крученые лепестки хризантемъ и ничего не замѣчалъ.

— Безъ головы, по неполному тѣлу, опредѣлить, кто убитъ, почти невозможно... — Онъ былъ радъ, что,

наконецъ, его жена заинтересовалась его дѣломъ, его профессіей и, какъ она сказала: — «его» наукой. — Однако, многое уже нами раскрыто.

Онъ опять захрустѣлъ хрящами. Она почти лишалась чувствъ.

— Напримѣръ?

Онъ не столько слышалъ, сколько догадался, что она сказала.

— Мы знаемъ: — убитъ молодой, двадцати пятитридцатилѣтній мужчина. Полный силъ... Хорошо упитанный... Хорошаго общества, ибо тѣло холеное, тщательно мытое... На рукѣ слѣдъ браслетки... Пальцы обрублены, и ихъ не нашли... Вѣрно были упакованы отдѣльно, или брошены такъ, и въ снѣгу затерялись... Убитъ въ тотъ день, помнишь, когда былъ туманъ, и я понапрасну искалъ Васю на Кирочной...

Онъ говорилъ это спокойно, почти весело. Ему доставляло удовольствіе похвастать, какъ много уже раскрыла «его» наука и какъ потому она важна.

— Кто же убилъ? — спросила она ломающимся голосомъ.

Теперь и онъ замѣтилъ ея волненіе.

— Но тебя это пугаетъ, — сказалъ онъ. — Я привыкъ, а тебѣ это непріятно слушать.

— Нѣтъ, говори... Это интересно... Точно въ романѣ.. Съ Шерлокомъ Холмсомъ.

— Наша полиція не уступитъ англійской въ дѣлѣ уголовнаго розыска. Какъ по тѣлу Ванюши Лыщинскаго мы опредѣлили, что мальчикъ убитъ евреями съ ритуальными цѣлями, такъ тутъ мы говоримъ, что убійца прекрасно зналъ анатомію... Это, или прозекторъ, или студентъ, или, въ крайнемъ случаѣ, — мясникъ... Такъ славно раздѣланъ трупъ...

Онъ сказалъ это со вкусомъ. Она содрогнулась, но онъ опять не замѣтилъ. Таня, наконецъ, убрала эту ужасную телячью грудинку и сняла ея чистую тарелку — Валентина Петровна не притронулась къ жаркому. Подали обсахаренныя груши въ рисѣ.

— Кто-то задушилъ его... И, должно быть, не удавилъ веревкой, а душилъ долго руками. И была борь-

ба. И этотъ кто-то былъ очень озабоченъ сокрытіемъ преступленія. Все, чего касались его руки, все, что имѣетъ индивидуальные признаки, имъ уничтожено. Но, вѣроятно, по обстановкѣ, онъ не могъ уничтожить всего, и вотъ раздѣлалъ трупъ умѣлой рукой и разбросалъ по городу.

— Звѣрь, — прошептала Валентина Петровна.

— Нѣтъ звѣрю никогда до этого не додуматься. Это человѣкъ... Положи мнѣ, милая, еще рису. Ужасно вкусно сдѣлано. И соусъ, вѣрно, съ мараскиномъ.

—Хорошъ человѣкъ, — сказала Валентина Петровна, — накладывая на тарелку мужа рисъ —

— Человѣкъ очень умный и осторожный. И безъ предразсудковъ. Сдѣлалъ онъ свое преступленіе съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Куски тѣла тщательно запакованы въ сахарную плотную бумагу, обернуты, кромѣ того, внизу вощанкой, и аккуратно перевязаны веревкой... Я говорилъ коллегамъ, шутя, если бы мнѣ надо было послать изъ Анатомическаго театра въ ауди-торію или на Женскіе курсы кусокъ тѣла — я-бы не сумѣлъ лучше запаковать. Теперь чины сыскной полиціи доискиваются, кто и когда покупалъ бумагу и веревки... Да еще надо все таки разыскать, гдѣ было совершено преступленіе... Тебѣ моя сигара не помѣшаетъ?

— Кури, пожалуйста.

Таня, тихо ходя вокругъ стола, безшумно прибирала посуду. Въ столовой съ плотно занавѣшаннымъ окномъ было слышно, какъ сипѣла у Якова Кронидовича во рту сигара. Сизыя струи дыма тянулись подъ лампой и окутывали сложными спиралями лентъ хризантемы. Валентина Петровна не сомнѣвалась, что эти страшные куски тѣла, найденные по всему городу, принадлежали ея Портосу.

Но кто его убилъ и почему?

XII.

Если Валентина Петровна, горячо и бездумно полюбивъ Портоса и такъ беззавѣтно страстно отдавшись ему, совершила преступленіе противъ вѣрности мужу, противъ церковной и общественной морали, то тѣ страданія, что испытывала она теперь, были ея искупленіемъ.

Точно тупою деревянною пилою распиливали на части и разбрасывали по городу не тѣло Портоса, но ея тѣло, а она должна была молчать и улыбаться и вести тотъ образъ жизни, какой вела и раньше. Принимать, бывать на журъ-фиксахъ, слушать городскія и политическія сплетни, и играть на роялѣ.

Газеты сдѣлали изъ этого убійства шумъ. И особенно старались объ этомъ еврейскія газеты, а таковыхъ было большинство. Приближался день разбора дѣла Дреллиса и такъ важно было создать сенсацію и отвлечь вниманіе общества отъ ихъ дѣла. Такъ же, какъ и въ дѣлѣ Ванюши, вмѣстѣ съ чинами сыска и слѣдователями, по слѣдамъ преступленія кинулось множество добровольныхъ сыщиковъ, такъ и тутъ газетные репортеры и корреспонденты наполняли столбцы газетъ кричащими статьями.

Эти статьи были пыткой Валентины Петровны. Она должна была говорить о нихъ съ равнодушной улыбкой, ужасаться, жалѣть, негодовать, но ровно столько, чтобы не выдать себя.

Уже на другой день послѣ ихъ обѣденнаго разговора она прочла то, чего ждала и въ чемъ была увѣрена.

«Пропавшій офицеръ», — стояло въ заголовкѣ. — «Деньщикъ штабсъ-капитана Б., проживавшаго на Сергіевской улицѣ, заявилъ по начальству, что его баринъ вышелъ въ понедѣльникъ на этой недѣлѣ около полудня и, сказавъ, что вернется къ семи часамъ вечера, до сего времени не вернулся. Не есть ли этотъ штабсъ-капитанъ Б. жертва преступленія?»... — Она въ этомъ не сомнѣвалась.

А на другой день было подробное описаніе, какъ водили этого деньщика въ моргъ, но онъ отказался признать въ полуразложившихся кускахъ тѣло своего офицера...

И еще черезъ два дня стояло: — «Тайна гарсоньерки на Кирочной улицѣ»...

Валентина Петровна теперь не ходила на кухню справляться, не приходилъ ли коричневый мальчикъ изъ «Флоры», а кидалась къ газетамъ. И сейчасъ, сидя у окна въ столовой, она дрожащими руками разворачивала еще сырой номеръ. На кругломъ столикѣ стояли туберозы. Душенъ и прянъ былъ ихъ ароматъ.

Дворникъ дома на Кирочной показалъ, что офицеръ и дама, бывавшіе въ спеціально снятой квартирѣ, каждые два, три дня, какъ разъ съ того рокового понедѣльника, когда пропалъ штабсъ-капитанъ Б., тамъ не были. Дверь въ квартиру была вскрыта въ присутствіи слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, чинами полиціи. Корреспонденту «нашей газеты удалось туда проникнуть». И корреспондентъ, захлебываясь отъ восторга, что онъ первый даетъ газетѣ сенсаціонное извѣстіе, описывалъ въ томъ личномъ, коротко возбужденномъ тонѣ, какимъ тогда только начинали писать корреспонденты, то, что онъ нашелъ въ роковой квартирѣ.

... «Вхожу... Холодный запахъ удушливой гари поражаетъ меня. Я откидываюсь къ двери. Мнѣ почти дурно. Слѣдователь спокойно проходитъ черезъ маленькую прихожую, гдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ верхней одежды. Въ большой столовой, въ серебряной вазѣ гніетъ ананасъ. Стоятъ бутылки вина и ликеровъ. Нетронутыя. Понюхалъ. Крэмъ-де-тэ. Въ спальнѣ слѣды борьбы. Запекшаяся, затертая кровь на коврѣ и на полу. Въ большомъ каминѣ груды пепла. Тутъ жгли все. Сукно, полотнища бѣлья... Онъ весь заваленъ остатками несгорѣвшихъ вещей. Кругомъ грязь. Наклоняемся, осторожно въ присутствіи понятыхъ, начинаемъ ворошить пепелъ. Мелькнуло что-то блестящее — коричнево-желтое. Мнѣ послышался страшный запахъ паленаго мяса и волоса. Показался гладкій, обугленный черепъ»...

Валентина Петровна не могла читать дальше. Она откинула газету. Въ гостиной за дверью Таня подметала полы. Шуршала и стукала о полъ щетка. Собака, играя, съ лаемъ, прыгала за ней. Въ столовой сипѣлъ, напѣвая длинную, уныло-уютную пѣсню самоваръ. Котъ лежалъ клубкомъ на буфетѣ. Пахло свѣжими булками и чаемъ. Было тепло и уютно. И такъ хорошо бывало и тамъ, у того камина, гдѣ сидѣли они часами, переживая восторги любви. На нихъ тогда смотрѣли красныя обуглившіяся полѣнья и тихо рушились, поднимая искры. На столикѣ были ликеры. Валентина Петровна и Портосъ были еще раздѣты, и пріятна была мягкая близость ихъ тѣлъ, едва прикрытыхъ бѣльемъ. Его голова лежала у ней на груди, и она перебирала, цѣлуя, его густые каштановые волосы.

Та голова лежала теперь въ томъ самомъ каминѣ. Волосы сгорѣли. Отъ головы остался черепъ — гладкій, жирный, блестящій, съ комочкомъ угля внутри.

... «Два золотые зуба со свѣжими коронками въ глубинѣ рта», — говоритъ слѣдователь, ворочая въ рукахъ черепъ. — «По этой примѣтѣ мы сегодня же установимъ, кто убитъ!..»

Да, развѣ было сомнѣніе? Мѣдныя пуговицы съ орлами и пушками, обуглившаяся ткань золотой рогожки двухъ паръ погонъ, — тутъ жгли и пальто и сюртукъ, кокарда отъ фуражки, недогорѣвшій козырекъ, наконецъ, золотые часы-браслетъ, золотая цѣпь браслетки и кольцо...

Уже на другой день вся столица знала, что убитъ былъ штабсъ-капитанъ Багреневъ. Чины штаба, Офицерская Кавалерійская Школа служили по немъ панихиды и предавали собранные останки погребенію.

Валентинѣ Петровнѣ приходилось въ мѣру показывать свою скорбь по убитомъ знакомомъ, другѣ дѣтства, бывавшемъ у нихъ въ домѣ. Но на панихиду у ней не хватило духа поѣхать. Только каждый день ходила она во Владимірскую церковь и давала вынуть за упокой раба Божія Владиміра.

Слѣдствіе шло быстрымъ темпомъ и газетныя кор-

респонденціи его опережали. Такъ всегда бываетъ при слабости власти, когда толпа овладѣваетъ правительственнымъ аппаратомъ и улица врывается въ тишину слѣдовательскихъ кабинетовъ.

Искали убійцу.

Валентина Петровна читала лихорадочными, больными глазами, вглядываясь въ строки, и каждый день ожидая прочитать и свое имя, или свои иниціалы.

«Странное поведеніе штабсъ-ротмистра Р.», — читала она. Да, они установили, что въ тотъ роковой понедѣльникъ штабсъ-ротмистръ Р... зачѣмъ было скрывать за иниціалами фамилію? — Валентина Петровна сейчасъ догадалась — штабсъ-ротмистръ Ранцевъ, Петрикъ, былъ въ третьемъ часу дня въ этомъ домѣ и разспрашивалъ объ офицерѣ. Дворникъ сознался, что онъ показалъ ему квартиру и, по показанію дворника, этотъ офицеръ вошелъ въ нее. Но далѣе показанія дворника расходились съ показаніями деньщика штабсъ-капитана Б. Его все продолжали помѣщать въ газетахъ подъ одной заглавной буквой фамиліи, хотя по похоронным объявленіямъ весь Петербургъ зналъ, что это — Багреневъ. Деньщикъ показывалъ, что штабсъ-ротмистръ Р. заходилъ утромъ, сейчасъ послѣ того, какъ его офицеръ уѣхалъ и справлялся о немъ, потомъ зашелъ въ седьмомъ часу вечера и до десяти сидѣлъ на квартирѣ. Онъ ему еще и чай подавалъ. Дворникъ же показалъ, что офицеръ, вошедшій въ квартиру, вышелъ изъ нея только въ одиннадцатомъ часу вечера. Онъ еще удивился, что тотъ такъ долго тамъ былъ и разговаривалъ съ нимъ. Или деньщикъ выручалъ офицера, или дворникъ не замѣтилъ, какъ офицеръ вышелъ раньше и вошелъ снова.

И въ тотъ день, послѣ обѣда, во время молчаливаго куренья сигары, Яковъ Кронидовичъ сказалъ:

— Ты помнишь, Аля, Ранцевъ былъ у насъ въ понедѣльникъ съ визитомъ. Намъ за обѣдомъ его карточки подали. Я спрошу завтра швейцара, въ которомъ часу онъ былъ и зайду къ слѣдователю. Это мой долгъ. И это очень важно.

— Какъ хочешь, — усталымъ голосомъ сказала Валентина Петровна. Ей казалось, что пилившая ее деревянная пила допилила до мозга — и она умретъ. Не было больше силъ выносить эту пытку.

Она читала потомъ о странномъ поведеніи офицера въ трамваѣ, поѣхавшаго за Московскую заставу. Тамъ же говорилось и еще о какой то запискѣ, оставленной Р. на квартирѣ Б. Очень странной запискѣ.

Потомъ какой то добровольный анонимъ сообщалъ о серьезной ссорѣ, бывшей осенью на охотахъ въ Поставахъ между Р. и Б., едва не дошедшей до оскорбленій и дуэли...

И въ двадцатый день, когда Валентина Петровна вернулась отъ обѣдни, гдѣ горячо молилась за Портоса, она прочла коротенькую замѣтку, что, по распоряженію Военнаго Прокурора штабсъ-ротмистръ Р., въ связи съ дѣломъ объ убійствѣ Б., арестованъ.

Послѣ этого газеты замолчали по этому дѣлу. Какъ воды въ ротъ набрали. Видно: — военное министерство, взявъ дѣло въ свои руки, припугнуло ихъ и прекратило добровольный розыскъ репортеровъ и корреспондентовъ.

Валентинѣ Петровнѣ оставалось ждать во что развернется этотъ страшный и такъ ей близкій процессъ.

XIII.

Вотъ и опять двѣ чистенькія комнатки въ маленькомъ домикѣ Адама Хозендуфта на Эскадронной улицѣ. Какъ въ тихій и сладкій пріютъ вошелъ въ нихъ Петрикъ, послѣ двухъ лѣтъ отсутствія. Осень глядѣла въ небольшія квадратныя окна низкихъ покоевъ. Черна и глянцевита была отсырѣвшая земля фруктоваго сада и черныя яблони распростерли надъ нею ломаныя линіи своихъ вѣтвей. На одной торчало забытое яблоко, красное, въ коричневыхъ пятнахъ, уже побитое морозомъ. Здѣсь въ комнатахъ, гдѣ къ его пріѣзду хозяева на

прежнихъ мѣстахъ развѣсили фотографіи группъ товарищей кадетъ и юнкеровъ, англійскія литографіи скакуновъ и разставили немудрую мебель Петрика, все говорило о спокойномъ и увѣренномъ прошломъ, о мирной, какъ поступь машины, работѣ въ полку, о солдатахъ, лошадяхъ, огорченіяхъ и радостяхъ полковой жизни. Къ его пріѣзду побѣлили стѣны, покрасили полы, и свѣжіе половики пестрыми дорожками протянулись изъ двери въ дверь. Мирно гудѣла растопленная печка и отъ нея шло чуть пахнущее смолистымъ ладаннымъ дымкомъ тепло. Здѣсь ожидали Петрика радости и заботы родного полка. Здѣсь «госпожа наша начальница», Портосъ, нигилисточка — были существами никакого отношенія не имѣвшими къ полку и совершенно ему чужими и лишними. Лисовскій съ деньщикомъ внесли сундукъ Петрика, и деньщикъ сталъ доставать и собирать мундиръ своего барина. Сейчасъ и являться командиру полка... а тамъ эскадронъ... Жизнь переворачивала новую страницу и, какъ нельзя было въ ней заглядывать впередъ, что будетъ, такъ нельзя было листать назадъ. Отъ прошлаго оставалось одно воспоминаніе: о школѣ, о скачкѣ, о королевскихъ охотахъ въ Поставахъ, оставалась муть отъ знакомства съ нигилисточкой и ея божьими людьми, острое чувство ссоры съ Портосомъ и гдѣ то въ самой глубинѣ притушенный, но не загашенный пожаръ сильной любви къ королевнѣ сказки Захолустнаго Штаба. И все это было, какъ главы прочтеннаго и потеряннаго романа. Будущее: — эскадронъ и — что Богъ дастъ!.. Настоящее — теплая благодарность къ хозяевамъ, такъ хорошо его устроившимъ и такъ мило все для него прибравшимъ.

— Адамка, ваше благородіе, — обратился къ Петрику Лисовскій, — спрашивалъ, могетъ онъ къ вамъ зайтить съ супругой?... Ужъ они такъ для васъ старались... такъ старались... Чисто, какъ родному сыну убирали...

— Да, да, конечно, — сказалъ Петрикъ, сбрасывая пальто на постель. — Зови ихъ сюда.

Почтенный еврей въ широкомъ, распахнутомъ на

жилетѣ засаленномъ пиджакѣ и съ ленточнымъ аршиномъ, висящимъ на толстой шеѣ сейчасъ же появился въ дверяхъ. За нимъ показалась полная, благообразная еврейка.

— Здравствуйте, Адамъ! Добрый день мамеле. Ну, какъ безъ меня жили-поживали.

Петрикъ за руку поздоровался съ хозяевами.

— Живемъ по маленьку, панъ ротмистръ. Васъ честь имѣемъ поздравить съ пріѣздомъ, съ окончаніемъ школы... И что я пану ротмистру буду говорить.... Можетъ быть, пану ротмистру это будетъ пріятно, а можетъ быть — такъ и нѣтъ... При нашей дивизіи конно-пулеметная команда будетъ, и начальникъ дивизіи очень хотятъ, чтобы панъ ротмистръ ею командовали.... При уланскомъ полку будетъ команда... И панъ ротмистръ знаетъ, что сказалъ господинъ баронъ?

— Ну?..

— «Пхэ!» — сказалъ господинъ баронъ. «Пхэ! Панъ ротмистръ наилепнѣйшій драгонъ и панъ ротмистръ не будетъ покидывать своего полка»... И я тоже, въ свою очередь, сказалъ Сурѣ: — «Суро, панъ ротмистръ есть преданный сынъ своего полка. Онъ его никогда не будетъ покидывать»... И мы въ тотъ самый день рѣшили съ Сурой покрасить свѣжею охрою полы съ панелями и бѣлить стѣны. Потому что господинъ баронъ сказалъ: —«пхэ!»

Босая дѣвушка внесла въ сосѣднюю комнату кипящій самоваръ. Мамеле пошла распорядиться чаемъ. Она сняла чистую холстину съ горячихъ, точно дышащихъ бѣлыхъ булокъ. На тарелкѣ масло точило слезу.

— Пожалуйте, панъ ротмистръ. Чай уже готовъ. Я вамъ хлѣба намажу, — сказала еврейка.

— Сами сбивали масло, Сара Исаковна?

— Сама для пана ротмистра убиламъ.

— А что же я не вижу Мойше, — садясь за столъ, сказалъ Петрикъ. Сара Исаковна сѣла за самоваръ и хлопотала съ чаемъ, Абрамъ стоялъ въ дверяхъ спальни.

— Мойше!... И панъ ротмистръ не знаетъ, что съ Мойше? И пану ротмистру таки никто не писалъ? Такъ

Мойше совсѣмъ человѣкъ сталъ! Мойше потшебуе быть вельки пурыцъ! *). Какъ онъ надѣвалъ такого синяго мундирчика съ серебряными пуговками и сѣрыхъ брюковъ — самъ папаша шилъ, — такъ я спрашивалъ себѣ: — «гдѣ этотъ шайгецъ? гдѣ этотъ хулиганъ? Ну, просто какого графа или барона я вижу передъ собою!» Мойше уѣхалъ въ Столинъ. И такого умный!... Просто перваго ученикъ. Такъ это жъ я пану ротмистру говору: — голова!

— А Ревекка!

Мамеле тяжело вздохнула.

— Ой Ривка, — сказала Сура. — Большая карьера!.. Такой файнъ красавица. Ну только мнѣ что то не очень нравится. Панъ ротмистръ знаетъ Ривка... Мнѣ даже говорить такого совѣстно. Ривка таки насъ покинула... Ривка ушла къ госпожѣ Саломонъ. Панъ ротмистръ еще не знаетъ. Госпожа Саломонъ большое файне заведеніе открыла на Варшавской улицѣ. Господа офицера очень одобряютъ... Ну, пускай господа офицера, пускай доходъ хорошій... Она мнѣ каждую недѣлю когда пять, когда десять рублей принесетъ... Свою книжку въ кассѣ имѣетъ, а только не совсѣмъ этого мнѣ хотѣлось... Мене хотѣлось, чтобы замужъ... И женихъ таки былъ.

Сура заплакала. Абрамъ укоризненно качалъ головою.

— Ну и все будетъ, — сказалъ онъ успокоительно и твердо. — Такъ это же, госпожа Саломонъ... Это же временно.... А тамъ насоберетъ на книжку... Ну и замужъ выйдетъ!.. Съ деньгами завсегда лучше... И у нея будутъ свои дѣцки.

— Съ чего она такъ? — смущаясь и покраснѣвъ, спросилъ Петрикъ.

— Ну, съ чего?.. Ну натурально отъ глупоты. Съ чего такое дѣлаютъ?.. Панъ ротмистръ знаетъ... Файвеля Зайонца помнитъ? Сапожниковъ сынъ? Ну, Файвель,

---

*) Пурыцъ — баринъ, аристократъ. Шайгецъ — лобузъ, негодяй. Потшебуе — долженъ быть.

панъ ротмистръ знаетъ, черезъ контору себѣ немножко въ Америку уѣхалъ.... Боялся.... Солдаты... А ему аккуратъ и время. Написалъ ей, чтобы она деньги собирала, ѣхала къ нему. Такъ это легко сказать!... сто долларовъ!. Это же двѣсти пятьдесятъ рублей!... Это же надо долго!.. А тутъ госпожа Саломонъ!... Она же Ривка то, панъ ротмистръ же помнитъ — такая себѣ файнъ красивая!.. Такая, даже, авантажная.. Такъ она, какъ панъ ротмистръ уѣхалъ сто разъ.. двѣсти разовъ красивѣе стала.... Совсѣмъ теперь цымэсъ! *)... А тутъ еще наряды... Цыганскія пѣсни.... Я рукой махнулъ... Послѣ поправится... Станетъ себѣ опять честной... Ну, Суро, пойдемъ.... Не будемъ мѣшать пану ротмистру... Ему надо сейчасъ до господина барона идти.

Хозяева простились съ Петрикомъ и ушли на свою половину, плотно притворивъ дверь, обитую войлокомъ.

Петрикъ надѣлъ на себя собранный денщикомъ мундиръ съ эполетами. Застегивая перевязь лядунки онъ смотрѣлъ на себя въ зеркало и вспоминалъ Ревекку. Онъ помнилъ ее пятнадцатилѣтней дѣвочкой, съ большими, меланхоличными, точно не людскими глазами, откуда смотрѣла древность породы, съ маленькими руками и длинными ногами, съ необычайно бѣлыми, красивыми, еще худыми плечами.

«Ревекка у госпожи Саломонъ», — подумалъ онъ. — «А вѣдь я могу ее тамъ встрѣтить?»..

Эта мысль была непріятна ему. Ревекка выросла на его глазахъ. Изъ грязной подростка-дѣвчонки стала взрослой дѣвушкой... Она казалась ему точно родной. И мысли, что ее можно увидѣть у госпожи Саломонъ, показалась ему стыдной.

---

*) Цымэсъ — восхитительное блюдо, нѣчто вродѣ амброзіи. Все что есть лучшаго: — макароны съ корицей — цынамонъ.

XIV

Командиръ, полковникъ баронъ Вильгельмъ Ѳедоровичъ фонъ Кронунгсхаузенъ, по прозванію офицеровъ, баронъ Отто-Кто еще не кончилъ своего обычнаго обхода полка и присутствія на занятіяхъ, и Петрикъ въ ожиданіи его сидѣлъ въ деревянной казармѣ канцеляріи въ комнатѣ адъютанта.

Адъютантъ, штабсъ-ротмистръ Закревскій, товарищъ Петрика, блондинъ съ сухимъ, подъ англичанина бритымъ лицомъ, съ подстриженными по начинавшейся тогда, преслѣдуемой начальствомъ модѣ, маленькими русыми усами, въ защитномъ мундирѣ въ талью, съ тонкими Скосыревскими *) аксельбантами, развалившись на стулѣ и играя ихъ концами и гомбочками, смотрѣлъ на затянутаго въ парадный мундиръ Петрика, державшаго на колѣняхъ каску съ чернымъ волосянымъ гребнемъ и золотымъ орломъ и манерно грассируя, говорилъ Петрику.

— Я на тебя любуюсь... Завидую тебѣ... Право... Я бы такъ не могъ... Два года — по четыре лошади въ день... ужасъ. Съ меня и одной довольно... Совсѣмъ оправился отъ ушиба?... Маленькій шрамъ... До свадьбы заживетъ... Въ нашемъ то полку — особенно... Да.. твое дѣло колебалось... Начальникъ дивизіи хотѣлъ, чтобы ты командовалъ пулеметною командою, которая формируется при уланскомъ полку. Скучное дѣло, братъ... Что твоя артиллерія... Двуколки... Колеса... Номера... Прислуга... Тоска... Я понялъ, что это не для тебя... И повелъ интригу.

— Спасибо, Сержъ...

— Я, милый мой, всегда о тебѣ помнилъ... А призъ, какъ онъ вышелъ кстати!... И вотъ при мнѣ... Послѣ разбора маневровъ... Мы вѣдь въ нынѣшнемъ году на самой нѣмецкой границѣ были... На полѣ, при мнѣ, когда Бом-

*) Лучшій магазинъ въ Петербургѣ офицерскихъ вещей на углу Владимірской и Стремянной.

бардосъ взялъ нашего барона подъ руку и повелъ съ собою, баронъ остановился и говоритъ: — «ваше превосходительство! Тотъ-то кто кончилъ кавалерійскую школу... тотъ то кто взялъ Императорскій призъ и разбилъ голову на охотѣ долженъ командовать конным эскадрономъ, а не стрѣлять изъ пулеметовъ»... — Онъ широко взмахнулъ къ границѣ, гдѣ видны были мундиры ихъ пограничниковъ и продолжалъ, горячась, — «тамъ, ваше превосходительство Зейдлицу или Цитену или фонъ Розенбергу *) не предложатъ командовать какими-то пулеметами... Тамъ это понимаютъ тонко! И я васъ прошу мнѣ не мѣшать командовать Высочайше мнѣ ввѣреннымъ полкомъ!»

— Такъ и сказалъ?.. —спросилъ Петрикъ. — А тотъ — что?

— Ты Бомбардоса знаешь. Онъ трусъ... Онъ суетится и лотошитъ и важничаетъ тогда, когда за нимъ стоитъ эта нуда, этотъ моментъ изъ моментовъ Петръ Ивановичъ, а безъ него сейчасъ же потеряется. Онъ заговорилъ своимъ воркующимъ баскомъ.

Адъютантъ сталъ подражать воркующему баску начальника дивизіи.

— «Да я,» говоритъ, — «баронъ, ничего не имѣю противъ. Какъ вамъ угодно... Я хотѣлъ только имѣть въ своей коннопулеметной командѣ лучшихъ людей и лучшихъ офицеровъ». Видишь, какого высокаго о тебѣ мнѣнія Бомбардосъ! — Лучшихъ!.. А? Это ты!.. Это о тебѣ!...

— Ты не боишься, что начальникъ штаба настоитъ все-таки на своемъ?

— Abgemacht!.. Сегодня уже приказъ. Гусарскаго полка ротмистръ Галаганъ назначенъ командовать пулеметами. Въ самый разъ. Маленькій, юркій... и кличка «Пуля»... Идеально вышло! Съ ногъ-сшибательно! Те-

---

*) Зейдлицъ и Цитенъ — знаменитые кавалерійскіе начальники временъ Фридриха Великаго — XVIII вѣка, фонъ Розенбергъ, блестящій спортсменъ, побѣдитель на многихъ стипль-чезахъ, прославившійся во время Франко-Прусской войны 1870 года.

перь только «Отто-Кто» все не можетъ рѣшить — второй, или четвертый. Четвертый свободенъ, во второмъ Неклюдовъ женится, и баронъ уже сказалъ ему: — «тотъ то, кто женится, не нуженъ полку!».. Онъ и самъ это знаетъ. Здановичъ его устраиваетъ завѣдующимъ случной конюшней въ Бобровѣ. Самое мѣсто для женатаго!

— Сержъ!... четвертый.... просительно сказалъ Петрикъ, лапкой протягивая руку къ адъютанту и касаясь его рукава.

— Знаю, мой милый. «Отто - Кто» говорилъ уже — «нехорошо тамъ, гдѣ былъ... Слабость проявитъ». — А я ему — зато всѣхъ унтеръ-офицеровъ насквозь знаетъ.

— Спасибо, Сержъ... Что же онъ?

— Все еще не рѣшилъ. Второй распущенъ очень, и онъ хотѣлъ, чтобы ты его подтянулъ.

— Сержъ!..

— Милый! Все знаю, все понимаю, все вижу — какъ кинематографъ Патэ. И увѣренъ, что настою на своемъ.

Онъ подмигнулъ Петрику и добавилъ:

— Хорошій адъютантъ командуетъ полковымъ командиромъ, а полковой командиръ командуетъ полкомъ, — что то въ родѣ этого и въ руководствѣ для адъютантовъ Зайцева сказано.

Закревскій похлопалъ рукою по толстой книгѣ въ черномъ матерчатомъ переплетѣ.

— Нужна только минута, — сказалъ онъ.

Въ открытую дверь показалось толстое, блѣдное лицо полкового писаря.

— Ваше благородіе, — шопотомъ сказалъ онъ, — командиръ полка пришли.

Закревскій многозначительно подмигнулъ Петрику, схватилъ черный мягкій бюваръ съ надписью золотомъ «къ докладу» и, позванивая шпорами, вышелъ изъ комнаты. Тонкая струя дорогого шипра потянулась за нимъ.

Петрикъ обдернулъ на себѣ мундиръ и поправилъ кисть этишкета.

Минутъ черезъ десять адъютантъ заглянулъ къ нему. Его лицо теперь было холодно, важно и оффиціально строго.

— Штабсъ-ротмистръ Ранцевъ, — сказалъ онъ. — Пожалуйте представляться командиру полка.

Въ небольшомъ кабинетѣ, съ однимъ окномъ, выходившемъ на широкій грязный, черный, растоптанный лошадьми плацъ, съ голыми разлатыми вѣтлами бульвара вдали, стоя ожидали Петрика — высокій, худой полковникъ, съ бритымъ въ морщинахъ лицомъ, съ моноклемъ въ глазу, съ жидкими рыжесѣдыми волосами съ проборомъ до шеи и маленькій полный подполковникъ въ черныхъ бакенбардахъ на полномъ розовомъ лицѣ, съ носомъ пуговкой и добрыми улыбающимися глазами — Ахросимовъ, завѣдующій хозяйствомъ. Насколько командиръ полка былъ типичнымъ нѣмцемъ — отъ головы до пятъ, настолько типичнымъ русскимъ былъ его помощникъ по хозяйственной части и хранитель полковыхъ традицій — старшій штабъ-офицеръ.

— Пожалуйте-съ! — сказалъ командиръ полка, едва Петрикъ показался въ дверяхъ.

Петрикъ вытянулся и отбарабанилъ уставнымъ тономъ, не моргая.

— Господинъ полковникъ, штабсъ-ротмистръ Ранцевъ представляется по случаю окончанія Офицерской Кавалерійской Школы и выздоровленія послѣ болѣзни.

— Адъютантъ! — приказъ! — кинулъ баронъ и, протягивая руку Петрику, сказалъ: — поздравляю. Во-первыхъ: — императорскій призъ... хотя и второй. Тотъ то кто взялъ призъ на четырехверстномъ стипль-чезѣ — тотъ достоинъ... достойный службистъ полка. Во-вторыхъ, школа — тотъ-то кто!... Это важно... Это ученый вмѣсто двухъ неученыхъ... Въ третьихъ — такъ благополюшна отдѣлались... Я знай. Я самъ падалъ съ лошадьми... съ лошади — никогда... А главное поздравляю — вернулся въ нашъ славній, славній полкъ. Ошень радъ.... Немного отдохнуть.. Второй, или четвертый — я еще недѣля думай.. И не думай жениться... большая глупость... Ошибка давай!... Никого не влюбленъ?

— Никакъ нѣтъ, господинъ полковникъ.

— Ну, смотри... Тотъ то, кто служитъ — влюбленъ Государя Императора... Влюбленъ свой полковой штандартъ!! Свой полькъ!!! И никого больше... Ну, садись, разсказывай намъ... какъ падаль?..

Петрикъ поздоровался съ Ахросимовымъ, и всѣ сѣли подлѣ большого письменнаго стола, гдѣ въ образцовомъ порядкѣ лежали синія папки «дѣлъ», книги руководствъ и уставовъ, дневная рапортичка, и въ особомъ лоточкѣ подлѣ большой хрустальной чернильницы перья и тщательно отточенные карандаши черные, синіе и красные.

XV

Эта недѣля прошла, какъ прекрасный сонъ. Петрикъ дѣлалъ визиты. По утрамъ ѣздилъ свою милую Одалиску, такъ привѣтливо нѣжнымъ кобыльимъ ржаніемъ встрѣчавшую его всякій разъ, какъ онъ приходилъ къ ней на конюшню. Выпала пороша и онъ съ подполковникомъ Ахросимовымъ, ротмистромъ Стрепетовымъ и поручикомъ Чеготаевымъ ѣздилъ съ борзыми собаками травить въ наѣздку русаковъ. Онъ былъ еще какъ бы внѣ полка. Его показали явившимся въ полкъ, но не указали въ какомъ эскадронѣ его числить и онъ остался въ своемъ родномъ — четвертомъ. По вечерамъ онъ или сидѣлъ въ собраніи съ офицерами, или дома подчитывалъ уставы и составлялъ программы и свои эскадронныя росписанія занятій.

Прошла недѣля, прошло и восемь дней. Баронъ Отто-Кто все думалъ. То былъ понедѣльникъ и нельзя было въ такой тяжелый день отдавать приказъ о принятіи эскадрона, то было новолуніе, и Петрикъ уже началъ немного томиться бездѣльемъ. Въ среду съ вечерней почтой Петрикъ получилъ письмо. Это было рѣдкое явленіе. Письмо было изъ Петербурга, и Петрикъ порывистымъ движеніемъ вскрылъ его. Отъ Портоса?...

Письмо было отъ Долле. Химикъ коротко сообщалъ ему о смерти Портоса. «Ты, конечно, знаешь изъ газетъ» — писалъ Долле, — «что нашъ бѣдный Портосъ жестокимъ образомъ убитъ на своей квартирѣ свиданій. Онъ задушенъ руками убійцы». — Холодная дрожь пробѣжала по тѣлу Петрика. — «Тѣло его», — успокоенно дочитывалъ Петрикъ, — «разрублено на куски и разбросано по всему городу. Голова сожжена въ каминѣ. Ничто изъ дорогихъ вещей, бывшихъ на немъ, не тронуто. Цѣлью убійства былъ не грабежъ. Предполагается — ревность. Я лично увѣренъ, что Портосъ убитъ революціонерами изъ мести, изъ боязни разоблаченій и провокацій. Доигрался бѣдный Портосъ. Но этого надо было ожидать. Кто вступаетъ въ партію, — тотъ играетъ съ огнемъ»...

Это ужасное извѣстіе о трагической смерти товарища дѣтскихъ игръ развязывало, освобождало отъ большихъ заботъ Петрика. И прежде всего отъ смутнаго кошмара, отъ исканія, что же было въ туманный понедѣльникъ, когда случился у него провалъ памяти. Не онъ, но кто-то другой душилъ въ это время Портоса. Петрикъ допускалъ — мало-ли что можно сдѣлать при потерѣ сознанія — допускалъ, что въ томъ состояніи ненависти и, пожалуй, ревности, онъ могъ задушить Портоса, но рубить его тѣло на куски и разсовывать по городу, жечь его голову и вещи въ каминѣ — онъ не могъ. Да и времени на это не было. «Провалъ» продолжался часъ, даже меньше — а потомъ Петрикъ отчетливо помнилъ трамвай, свое въ немъ путешествіе, улицы въ туманѣ, визитъ къ Тропаревымъ и долгое сидѣніе на квартирѣ Портоса. И это облегченіе отъ чего-то непонятнаго и страшнаго смягчило чувство, всегда внушаемое извѣстіемъ о смерти близкаго, знакомаго человѣка. Такая смерть Портоса обѣляла, извиняла его въ глазахъ Петрика въ главномъ — въ принадлежности къ партіи. Портосъ пошелъ въ нее съ цѣлью предать ее — это было не по-офицерски, не по «мушкетерски», это было доносомъ, фискальствомъ, чего не допускала закаленная въ кадетскомъ корпусѣ совѣсть Петрика, но это не было государственнымъ преступленіемъ. За это

брезгаютъ человѣкомъ, не подаютъ ему руки, но не убиваютъ его. Смерть Портоса, какъ то очищала въ глазахъ Петрика и Валентину Петровну. «Божественная, госпожа наша начальница» — оставалась въ сердцѣ Петрика прежней королевной. Петрикъ понималъ, какъ должна была страдать «божественная». Какія муки и страхъ испытывать.

Смерть Портоса развязала всѣ узелки его жизни, отодвинула, сняла все то темное, непріятное и страшное, что оставалось за Петрикомъ — теперь была одна сплошная радость любви къ полку и ожиданія — эскадрона!

А когда черезъ два часа послѣ прочтенія этого письма въ комнату безъ доклада ворвался сіяющій денщикъ, а за нимъ показалась масляная физіономія Лисовскаго уже съ черной «запасной» нашивкой на черномъ съ оранжевымъ кантомъ погонѣ, когда денщикъ протянулъ ему желтоватый листъ съ тусклымъ оттискомъ литографскихъ чернилъ полкового приказа и, задыхаясь отъ счастья за своего офицера, сказалъ:

— Ваше благородіе, честь имѣю поздравить... — онъ фыркнулъ и шмыгнулъ носомъ отъ радости, — съ эскадрономъ.

И Лисовскій, весь радость и восторгъ, изъ-за его спины договорилъ:

— Нашимъ... четвертымъ!!... Въ эскадронѣ-то... всѣ... такъ рады!.. — всѣ думы, всѣ заботы, вся печаль и воздыханіе по такъ страшно погибшемъ товарищѣ улетѣли изъ его головы. Молніей мелькнула успокаивающая оправдывающая мысль: — «да развѣ мы всѣ не смертны? развѣ я тогда не могъ въ Поставахъ упасть и не встать? Каждому своя судьба!» — и какъ завершеніе всего, какъ точка, какъ аминь, какъ стукъ земли по гробовой доскѣ была короткая, какъ мысль, молитва: — «Господи, помяни во царствіи твоемъ раба Божія Владиміра и помилуй и прости его».

И потомъ была уже одна сплошная, глубокая, чудная радость.

У лампы съ зеленымъ абажуромъ, на столѣ съ уставами былъ разложенъ приказъ. Денщикъ и Лисовскій

стояли за спиною Петрика. Ихъ крѣпкій солдатскій запахъ, дегтя сапожной смазки, махорки и конюшни чувствовалъ за собою Петрикъ. Этотъ запахъ ему не былъ непріятенъ. Онъ слышалъ ихъ напряженное дыханіе, а самъ по привычкѣ, отъ доски до доски, читалъ приказъ:

— «Приказъ 63-му лейбъ-драгунскому Маріенбургскому Е. И. Величества полку. 18 ноября 1911 года. № 322. Дежурный по полку корнетъ фонъ Боде. Помощникъ дежурнаго прапорщикъ Забородько. Караулъ отъ эскадрона Его Величества»..

Толстый палецъ со тщательно промытыми складками кожи, совсѣмъ бѣлой, протянулся изъ-за плеча Петрика, перевернулъ страницу и Петрикъ услышалъ радостный голосъ денщика:

— Ваше благородіе, вотъ тута почитайте-ка!

Палецъ показалъ уже замазанное чьимъ то грязнымъ пальцемъ мѣсто. Тамъ значилось: — «§ 16. Временно командующему 4-мъ эскадрономъ штабсъ ротмистру Волынцеву сдать эскадронъ прибывшему по окончаніи курса Офицерской Кавалерійской школы къ полку штабсъ ротмистру Ранцеву, коему принять эскадронъ на законномъ основаніи. О сдачѣ и пріемѣ мнѣ донести. Справка...» — и стояли статьи и пункты соотвѣтствующихъ приказовъ по военному вѣдомству.

Онъ — эскадронный командиръ!... Лихого четвертаго!... Штандартнаго!...

У Петрика спирало дыханіе отъ волненія. Онъ съ трудомъ могъ написать записку Волынцеву о томъ, что во всемъ согласно съ соотвѣтствующими статьями устава Внутренней службы, онъ, завтра въ 9-ть часовъ утра, будетъ принимать эскадронъ.

И до утра онъ не спалъ. То закрывалъ глаза и тогда картины самыхъ блестящихъ конныхъ атакъ, которыя онъ поведетъ со своимъ четвертымъ на нѣмцевъ, рисовались ему, то онъ видѣлъ, какъ онъ падаетъ убитый во главѣ своего эскадрона и командиръ полка приказываетъ его накрыть штандартомъ и говоритъ, — «какая славная смерть!..» То онъ видѣлъ себя съ Георгіевскимъ крестомъ, съ рукою на перевязи, — такъ — шуточная рана, — возвращающимся съ войны и почему

то идущимъ черезъ Захолустный Штабъ. Впереди далеко трубачи играютъ маршъ, а на балконѣ стоитъ Валентина Петровна, прекраснѣйшая изъ прекрасныхъ, госпожа наша начальница — и она не жена его — въ ихъ полку не мѣсто женатымъ — но она горячо его любитъ и восхищается имъ... То открывалъ глаза и въ темнотѣ комнаты, куда чуть проникалъ отраженный отсвѣтъ снѣга, шедшій сквозь жидкую бѣлую холщевую штору, да трепетное миганіе погасающей подъ образомъ лампадки, перебиралъ всѣхъ тѣхъ унтеръ офицеровъ и солдатъ, всѣхъ этихъ рыжихъ лошадей, кого онъ такъ хорошо зналъ.

Отнынѣ это были — «мои унтеръ офицеры!... мои люди!!... мои лошади!!..»

Сознаніе отвѣтственности за всѣхъ нихъ заставляло быстро биться его сердце. Онъ не могъ заснуть. Вспоминалъ «отвинтистовъ», соціалистовъ, просто тупыхъ лодырей и лѣнтяевъ — и думалъ — «въ моемъ эскадронѣ такихъ не будетъ... не можетъ быть. Я воспитаю мой эскадронъ въ вѣрѣ въ Бога, преданности Государю и любви къ нашей Великой Россіи...»

И сжималось сердце. Останавливалось дыханіе. И опять вставали въ памяти лошади, не идущія на препятствія, боящіяся чучеловъ, закусывающія желѣзо мундштуковъ и уносящія изъ строя...

«У меня не будетъ такихъ... Возьму на корду. По школьному отработаю въ рукахъ... Самъ!...»

И не могъ спать.

Завтра!

Косой, очень блѣдный, скромный лучъ солнца вдругъ зазолотилъ штору и надо было вставать.

Завтра наступало.

XVI.

Это была чудная сказка. Въ дѣтствѣ того не бывало. Вотъ... развѣ производство въ офицеры могло сравниться съ этимъ.

Ровно въ девять — минута въ минуту. Петрикъ зналъ: «l'éxactitude est la politesse des rois»*) — а онъ становился маленькимъ королемъ въ своемъ эскадронѣ. Ровно въ девять открылась дверь на тяжеломъ блокѣ въ большую казарму четвертаго эскадрона, и Петрикъ въ парадной формѣ, въ каскѣ, при эполетахъ, въ золотой перевязи, при саблѣ, вошелъ въ эскадронъ.

Онъ услышалъ команду: — «смирно!...»

Это скомандовалъ Волынцевъ.

Передъ нимъ предсталъ, точно изъ подъ земли выросшій бравый унтеръ офицеръ Солодовниковъ и четко, титулуя его уже, какъ эскадроннаго командира, отрапортовалъ: —

— Ваше высокоблагородіе, въ 4-мъ эскадронѣ 63-го лейбъ - драгунскаго Маріенбургскаго Его Императорскаго Величества полка происшествій никакихъ не случалось... Эскадронъ построенъ для опроса претензій!

Въ тонѣ рапорта Петрику послышалась необычайная торжественность, радость и будто поздравленіе. «Милый Солодовниковъ!» — подумалъ Петрикъ.

И пока шелъ рапортъ, сзади, за спиной дежурнаго, мѣрно звучали команды.

— Эскадронъ!... для встрѣчи!... Шай на кра-улъ!

Съ лязгомъ вылетѣли изъ ножонъ сабли, сверкнули въ солнечномъ лучѣ и стали отвѣсно. Тихо колебались новые свѣтлой кожи темляки подъ солдатскими кулаками. Опустились къ лѣвому носку острія сабель офицеровъ, стоявшихъ передъ взводами, и штабсъ-ротмистръ Волынцевъ медленно и важно, держа руку «подвысь» и саблю чуть откошенную назадъ пошелъ къ Петрику съ рапортомъ.

Послѣ его рапорта Петрикъ сразу увидалъ весь свой эскадронъ. Онъ стоялъ противъ него и лица солдатъ и офицеровъ были повернуты къ нему. Горделивъ и красивъ былъ лихой поворотъ головы, съ приподнятымъ подбородкомъ, съ лѣвымъ ухомъ у воротника. Суровыми казались свѣжія лица подъ мѣдью окован-

*) Точность есть вѣжливость королей.

ными козырьками черныхъ касокъ съ гребнями изъ конскаго волоса. Этишкетные шнуры украшали скромный покрой темно-зеленыхъ мундировъ. Отъ касокъ вѣяло Суворовскими временами, днями Праги. Изъ подъ козырьковъ не мигая смотрѣли славные сѣрые, голубые, каріе и жолтые глаза. Молодыя, чисто вымытыя лица были розовыя съ яркимъ румянцемъ здоровья.

«Мои драгуны».

Петрикъ медленно, въ сознаніи важности минуты, подходилъ къ нимъ.

Передъ серединою перваго взвода поручикъ Петлицынъ — «пупсикъ». Милый, славный «пупсикъ», кумиръ «барышень» заведенія госпожи Саломонъ и предметъ обожанія Столинскихъ гимназистокъ.

Какъ онъ серьезенъ милый «пупсикъ». Да вѣдь онъ и не «пупсикъ» сейчасъ. Онъ — завѣдующій развѣдчиками эскадрона. Онъ то, чѣмъ былъ два года тому назадъ самъ Петрикъ. Бархатныя брови нахмурены и мягкіе русые усы красиво закручены кверху и распушены à la Вильгельмъ.

«Мои офицеры!»

Петрикъ уже у лѣваго фланга перваго взвода. Лѣвофланговый унтеръ офицеръ Карвовскій крѣпко зажалъ эфесъ сабли и видно, какъ подъ гардой наморщилась свободная перчатка. Петрикъ его училъ новобранцемъ. Петрикъ его готовилъ въ учебную команду. Рядомъ съ нимъ тоже старый знакомый — правофланговый второго взвода — унтеръ офицеръ Рублевъ. Изъ подъ каски сіяютъ сѣроголубые Новгородскіе глаза. Чистое лицо въ солнечномъ лучѣ сверкаетъ розовыми тонами здоровья и молодости. Какой онъ красавецъ — эскадронный запѣвало!

«Мои унтеръ офицеры!»

И важно и вмѣстѣ съ тѣмъ съ вырывающимся изъ подъ этой важности несказаннымъ счастьемъ обладанія этимъ прекраснымъ эскадрономъ, вырвалось у Петрика: —

— Здорово, лихой четвертый!...

Мѣрно, вразъ , сдержанными, какъ всегда отвѣчали въ казармѣ, голосами, драгуны отвѣтили: —

— Здравія желаемъ вашему высокоблагородію.

Гулко раздалось эхо изъ подъ арокъ второго полуэскадрона. Загудѣлъ желѣзный абажуръ висячей керосиновой лампы надъ головою Петрика.

Изъ за середины эскадрона показалось славное, красивое, русское, знакомое лицо вахмистра Гетмана. Нельзя было не залюбоваться имъ! Онъ уже подпрапорщикъ — и золотомъ сверкаетъ его покрытый галунами погонъ. Золотые и серебряные шевроны горятъ на рукавѣ въ солнечномъ блескѣ, идущемъ изъ окна. Рыже-русая борода лопатой выходитъ изъ подъ бронзовой чешуи подбородника каски. Вся въ мелкихъ завиткахъ, чисто промытая и промасленная, точно прочеканена она золотыми нитями. Сѣрые глаза смотрятъ прямо въ глаза Петрику. Въ нихъ и ободреніе, и восхищеніе, и радость, что Петрикъ принялъ ихъ эскадронъ. Свой офицеръ! Кого вахмистръ Гетманъ помнилъ еще безусымъ корнетомъ. Точно говорили эти глаза: — «ничего, ваше высокоблагородіе, управимся!...»

— Здравствуйте, вахмистръ!

И такъ же мѣрно и мягко, какъ отвѣчалъ эскадронъ отвѣтилъ вахмистръ:

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе!

«Мой вахмистръ!»

Петрикъ шелъ вдоль эскадрона, не чуя подъ собою ногъ. Онъ плылъ, несся въ какомъ то прекрасномъ колдовскомъ снѣ. Сзади него, опустивъ саблю остріемъ къ носкамъ, шелъ Волынцевъ. Такъ дошли они до лѣваго фланга. Дальше видна была у стѣны большая икона св. Георгія Побѣдоносца. Прекрасный сѣрый конь взвился на дыбы надъ коричневозеленымъ чудовищемъ змѣя. Покровитель эскадрона смотрѣлъ на Петрика изъ подъ стекла, отражавшаго пламя зеленой лампады. Петрикъ вспомнилъ, какъ балагуръ Пупсикъ какъ то сказалъ, что надо бы написать св. Георгія на рыжемъ конѣ въ масть полку и какъ, молча, строго посмотрѣлъ

на Пупсика старый вахмистръ Гетманъ, но ничего не сказалъ.

— Что жъ, — обернулся Петрикъ къ Волынцеву, заглянувъ еще и съ лѣваго фланга на равненіе задней шеренги и на линію замыкающихъ унтеръ офицеровъ, — сабли въ ножны и къ опросу претензій.

Офицеры и унтеръ офицеры стали отдѣльно. Шеренги эскадрона разошлись на два шага и стали другъ противъ друга широкой улицей. Петрикъ пошелъ по ней. Это была пустая формальность. Развѣ могли быть претензіи въ ихъ Маріенбургскомъ Его Величества полку!? Жалованье и аммуничныя выдавались въ срокъ и «папаша» Ахросимовъ строго слѣдилъ, чтобы къ 5-му числу всѣ требовательныя вѣдомости были представлены въ хозяйственное отдѣленіе полковой канцеляріи. Денежныя письма не задерживались ни на часъ, пищу пробовалъ ежедневно самъ эскадронный и почти каждый день баронъ Отто Кто. И, хотя былъ онъ нѣмецъ, Вильгельмъ Ѳедоровичъ, но былъ большой знатокъ въ борщѣ съ бураками, лѣнивыхъ щахъ и грешневой кашѣ. И бѣда, если она не достаточно упрѣла! А какъ положитъ четыре «порціи» варенаго мяса на вѣсы, поставитъ фунтовую гирю — бѣда, если фунтовая гиря перетянетъ... Заявить претензію при такихъ условіяхъ — скандалъ на весь полкъ! Это понималъ самый послѣдній нестроевой драбантъ. Разсказывали, что нѣкогда, смазливый мальчишка, корнетъ Мусинъ на опросѣ претензій Корпуснымъ Командиромъ заявилъ претензію «на красоту», за что и вылетѣлъ съ трескомъ изъ полка. Скверный и старый анекдотъ!

Петрикъ шелъ между шеренгъ и слышалъ, какъ по два три голоса, точно съ какимъ то испугомъ отвѣчали ему: — не имѣемъ... не имѣемъ... не имѣемъ!...

Потомъ эскадронъ разошелся по койкамъ. И пока драгуны снимали каски и переодѣвались изъ парадныхъ во вседневные мундиры, Петрикъ прошелъ въ помѣщеніе второго полуэскадрона. Тамъ на длинныхъ столахъ, принесенныхъ изъ столовой и классной комнатъ въ чинномъ порядкѣ лежали винтовки. Штыки были отомкнуты, стволы отдѣлены, затворы вынуты. Капте-

нармусъ съ книгой «осмотра оружія» ожидалъ Петрика. Петрикъ бралъ привычной наметанной рукой стволы за середину и смотрѣлъ то «на глазъ» въ окно, то въ маленькое зеркальце, которое ему вкладывалъ въ коробку затвора вахмистръ. Серебристой лентой, извиваясь, уходили въ какую-то безпредѣльность нарѣзы и блистали чистотой. Нигдѣ ни раковинъ, ни заусеницъ, ни ржавчины.

«Мои винтовки».

Время летѣло. Петрикъ не замѣчалъ его полета. Онъ обходилъ койки, гдѣ однообразно лежали каски, фуражки, шинели, мундиры, сабли, бѣлье, сѣдла и вьюки. Онъ въ эскадронной канцеляріи принималъ эскадронную книгу и по ней: артельныя, переходящія и образныя суммы.

Онъ — бѣдный человѣкъ, неимущій сынъ вдовы, гдѣ то изъ милости живущей на хуторѣ, становился обладателемъ громаднаго имущества.

Послѣ завтрака въ собраніи, гдѣ всѣ офицеры полка поздравляли его съ эскадрономъ — была выводка.

Рыжія — съ бѣлыми отмѣтинами на мордѣ, съ лысинами, нарядныя лошади шли по годамъ ремонта мимо Петрика. Почти всѣхъ онъ зналъ. Солдаты доводили лошадь до Петрика и ставили ее передъ нимъ, какъ умѣли ставить лошадь только въ русской арміи, гдѣ съ испоконъ вѣковъ выводка была праздникомъ кавалериста.

— Конь Артабанъ, ремонта 1901 года, — солидно говорилъ солдатъ, и старый, заслуженный конь становился въ позу и, кося глазъ на Петрика, точно говорилъ: — ну каковъ то будешь ты? Будешь только гонять или будешь и кормить? Пожалѣешь сверхъ срока служащаго коня? Оставишь еще на годъ? или продашь татарамъ на маханину?

— Кобыла Астра, ремонта 1901 года.

— И Астра жива — радостно говорилъ Петрикъ. Онъ помнилъ ее еще когда былъ молодымъ офицеромъ — прекрасную Астру. — А погнулась таки спинка.

— Лучше нѣтъ по препятствіямъ, — ворчливымъ

баскомъ отозвался вахмистръ, стоявшій съ кузнецомъ въ фартукѣ по ту сторону лошади противъ Петрика... — А рубить! Сама навезетъ!..

Шли, шли и шли лошади, потряхивали гривами, останавливались, сверкали подковами, морщили губы, косили глазами. Все моложе, игривѣе, легкомысленнѣе.

Проходилъ уже послѣдній ремонтъ.

— Кобыла Лисица ремонта 1911 года...

— Конь Лютый... Конь Люциферъ...

«Погодите, мои милые», — думалъ Петрикъ, — «и проберу же я васъ и Лисицъ, и Лютыхъ, и Люциферовъ... по школьному...»

Замыкая нарядную шаловливую молодежь прошли рослыя и широкія артельныя — Шарикъ и Шалунья...

Росло и росло у Петрика горделивое чувство собственности, сознаніе отвѣтственности за все это Высочайше ввѣренное ему имущество, за эти сотни тысячъ рублей, въ лошадяхъ и вещахъ, за людей, за все, за все, чего онъ становился хозяиномъ.

«Мои лошади!...» «Мой эскадронъ!...»

XVII.

Передъ перекличкой Петрикъ долго и обстоятельно бесѣдовалъ съ вахмистромъ. Обо всемъ. О томъ, какія препятствія — по школьному — поставить на эскадронномъ плацу, какія чучела для рубки и уколовъ устроить, кого изъ унтеръ офицеровъ куда назначить. Поговорили деликатно и осторожно и объ офицерахъ. Молодыхъ корнетовъ Петрикъ совсѣмъ не зналъ, Гетманъ зналъ ихъ два года.

Онъ стоялъ противъ сидѣвшаго на стулѣ въ канцеляріи Петрика, стоялъ, рисуясь свободной выправкой, точно ему ничего не стоило такъ стоять на вытяжку...

— Ну, какъ же, Гетманъ, поработаемъ на славу полку, на радость Царю батюшкѣ? А?...

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе... Воопче ихъ надо только жмать... Отличные есть ребята.

«Жму, жмешь, жметъ... Отсюда, очевидно, и жмать, а не жать» — думалъ Петрикъ, глядя въ сѣрые глаза вахмистра, въ его крѣпкое мужицкое лицо, — «Да, у этого отвинтиста не будетъ. Онъ умѣетъ «жмать»...

За дверью гудѣлъ выстроившійся на перекличку эскадронъ.

— Дозвольте, ваше высокоблагородіе, повѣрку дѣлать? — мѣняя тонъ съ довѣрительнаго на оффиціальный сказалъ вахмистръ.

Петрикъ былъ на перекличкѣ. Въ открытую форточку со двора, запорошеннаго снѣгомъ доносились пѣвучіе звуки кавалерійской зори. Ее игралъ на гауптвахтѣ при караулѣ трубачъ. Эти звуки подчеркивали зимнюю тишину большого полкового двора. Въ эскадронѣ отрывисто раздавались отвѣты: — я... я... дневалитъ на конюшнѣ... въ конносуточныхъ при штабѣ дивизіи...

Пѣли молитвы... Потомъ накрылись, стали смирно и пѣли гимнъ.

Петрикъ чувствовалъ себя именинникомъ. Звуки гимна поднимали его еще выше и, казалось, не выдержитъ сердце, разорвется на куски отъ радостнаго волненія.

Изъ эскадрона, своего, лихого, штандартнаго, Петрикъ прошелъ въ собраніе, гдѣ за отдѣльнымъ столомъ офицеры его эскадрона чествовали его ужиномъ. Съ ними былъ и «папаша» — Ахросимовъ, въ свое время командовавшій этимъ самымъ лихимъ четвертымъ, былъ и адъютантъ — Сержъ Закревскій.

Было вино. Много вина, настоящаго, серьезнаго, какое и надлежитъ пить въ Маріенбургскомъ, лейбъ драгунскомъ. Не женатомъ. — «Муммъ-монополь». Экстра секъ... Строгое вино. Отъ него не хмѣлѣешь... И всѣ были серьезны. Пупсикъ не принесъ гитары и не пѣлъ своихъ пѣсенъ. Благовой не разсказывалъ соленыхъ анекдотовъ. На другомъ концѣ стола сидѣлъ са-

мый молодой корнетъ, всего мѣсяцъ въ полку, Дружко, и счастливыми круглыми глазами смотрѣлъ, не мигая на Петрика.

«Папаша» разсказывалъ, какъ при немъ лошади были такъ выдрессированы, что онъ на большомъ военномъ полѣ, — «вы знаете, томъ самомъ песчаномъ полѣ, гдѣ дивизію смотрѣлъ Великій Князь, — я бывало поставлю эскадронъ развернутымъ строемъ, скомандую «слѣзай! — оставить лошадей» — и версты на двѣ отведу людей, дѣлая имъ стрѣлковое ученіе. А лошади стоятъ, не шелохнутся... И никого при нихъ.

Вспоминали мелочи и кунштюки строевого дѣла.

— Ты, Петрикъ, меня, впрочемъ, не слушай, — говорилъ папаша. — Очковтирательствомъ не занимайся... На чистоту!... Теперь времена не тѣ... Все надо знать... Да и война какъ будто надвигается. Багдадская дорога — это, братъ, для Россіи по больному мѣсту ударъ. Кому востокъ — Россіи или Германіи?

И заговорили о войнѣ, объ атакахъ, о нѣмецкой кавалеріи...

Въ одиннадцать часовъ папаша ушелъ къ себѣ. Онъ любилъ поспать. И только онъ ушелъ — собранскій солдатъ вызвалъ адъютанта. Его дожидался полковой писарь. Что то случилось. Сержъ тряхнулъ аксельбантомъ и, не прощаясь, — «сейчасъ вернусь», — вышелъ изъ за стола. И не вернулся.

Еще тѣснѣе сомкнулся вокругъ Петрика маленькій кружокъ его офицеровъ. И говорили серьезно и тихо о томъ, какъ учить эскадронъ. Такое было настроеніе у Петрика въ этотъ день. Какъ бы молитвенное. Точно послѣ святого причастія. Тутъ было не до шутокъ, не до поѣздки къ госпожѣ Саломонъ, не до корнетскаго загула. Словно въ сознаніи всей своей отвѣтственности за всѣхъ и за все, что онъ принялъ, Петрикъ говорилъ, какъ онъ хотѣлъ бы, чтобы шли занятія въ его эскадронѣ.

— Въ моемъ эскадронѣ, — тихо говорилъ онъ, — я бы хотѣлъ, чтобы не арестами, не взысканіями, не крикомъ, но личнымъ примѣромъ и строгою требовательностью, не допускающею отговорокъ шло воспитаніе

солдата. Какъ въ школѣ! Ареста вообще для офицера не допускаю. Арестованный офицеръ — не офицеръ... Вонъ изъ полка!!... Позоръ!!!...

И онъ разсказывалъ про школу. Какъ они работали ежедневно по четыре лошади, какъ вольтижировали, фехтовали, какія были охоты, какъ шли собаки.

Корнетъ Дружко совсѣмъ уже влюбленными глазами смотрѣлъ на Петрика.

«Умретъ за меня... за эскадронъ... за полкъ», — подумалъ, взглянувъ на него и понявъ его, Петрикъ.

Былъ третій часъ ночи. Собранская прислуга дремала за буфетной стойкой. Петрикъ разлилъ остатки шампанскаго по стаканамъ. Онъ всталъ и всѣ встали. Онъ высоко поднялъ стаканъ надъ головой.

— За полкъ!

Молча осушилъ стаканъ. За нимъ такъ же молча выпили вино его офицеры и стали расходиться.

— Такъ завтра, господа, начнемъ...

Эту ночь Петрикъ спалъ крѣпкимъ, богатырскимъ сномъ, какъ спалъ когда то въ дѣтствѣ, въ день именинъ, когда нарадовавшись игрушкамъ и наигравшись ими онъ засыпалъ въ своей маленькой кроваткѣ, хранимой ангеломъ хранителемъ.

И въ своемъ полномъ счастьѣ онъ не видѣлъ никакихъ сновъ...

XVIII.

Адъютантъ былъ вызванъ дежурнымъ писаремъ по весьма срочному и важному дѣлу, и дѣло это касалось Петрика. Съ ночнымъ поѣздомъ изъ Столина пріѣхалъ комендантскій адъютантъ со срочнымъ приказомъ арестовать при городской гауптвахтѣ штабсъ ротмистра Ранцева по распоряженію военнаго прокурора. Ранцевъ обвинялся въ убійствѣ своего товарища по Офицерской Кавалерійской Школѣ штабсъ-капитана Багренева съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Слѣдователь по

особо важнымъ дѣламъ ожидалъ его утромъ къ допросу. Мѣрою пресѣченія прокуроръ избралъ арестъ при городской гауптвахтѣ.

Сержъ пошелъ на квартиру командира полка будить барона Отто-Кто.

Въ старой шинели, въ туфляхъ на босу ногу, со всклокоченными рыжесѣдыми жидкими волосами, съ моноклемъ въ мутномъ со сна глазу баронъ вышелъ къ адъютанту въ кабинетъ, гдѣ деньщикъ торопливо, дрожащими руками заправлялъ лампу. Баронъ выслушалъ короткій докладъ адъютанта, молча протянулъ руку за пакетомъ съ отношеніемъ прокурора и просмотрѣлъ его.

— Ну? — сказалъ онъ. Это «ну» обозначало, что онъ ожидаетъ совѣта адъютанта.

Закревскій вспомнилъ: — «адъютантъ командуетъ командиромъ, а командиръ командуетъ полкомъ», и совѣтовательнымъ, почтительнымъ тономъ сказалъ: —

— Придется отправить... Мы не знаемъ, что тамъ было.

— Вотъ именно мы нэ знаемъ. Тотъ то кто: нэ знаетъ, нэ можетъ дѣйствовать... Гдѣ Ранцевъ? — помолчавъ немного, спросилъ командиръ.

— Штабсъ ротмистръ Ранцевъ въ собраніи съ офицерами своего эскадрона бесѣдуетъ за стаканами вина.

— Когда идетъ поѣздъ на Столинъ?

— Въ двѣнадцать часовъ ночи.

— Утромъ... Я спрашиваю: утромъ! — хрипло крикнулъ баронъ.

— Въ десять часовъ утра.

— Въ восемь утра вы пойдете къ штабсъ-ротмистру Ранцеву. Отберете саблю и отправите съ комендантскимъ адъютантомъ.

— Комендантскій адъютантъ настаиваетъ, чтобы отправить сейчасъ. Слѣдователь съ утра хочетъ приступить къ допросу. Дѣло чрезвычайное. Я читалъ въ газетахъ. Ужасное дѣло.

— Я газетъ не читай! — Баронъ щелкнулъ пальцемъ по аккуратно сложенной кипѣ номеровъ «Русскаго Инвалида», — моя газета — вотъ! Другихъ не

читай! Тамъ глюп-сти пишутъ, какъ объ этомъ дѣлѣ Дреллиса... Сутяги... Отправите утромъ. Молодой шеловѣкъ принимай шквадронъ. У него голева кругомъ. Сейчасъ арестъ — это невосмошна... ви понимайть это... Это другое убійство... Онъ мнэ ничего не сказаль: — онъ ничего худого не сдѣлаль. Тотъ-то кто дѣлаетъ — тотъ говоритъ!

— Но, господинъ полковникъ, намъ отвѣчать придется.

— Не намъ, — господинъ адъютантъ, — крикнулъ баронъ, — не намъ! Тотъ то, кто отдаетъ приказаніе — тотъ-то и отвѣчиваетъ. Это я, — онъ ударилъ себя въ тощую грудь, — это я отвѣчай. И я отвѣчай, что офицеръ невиновенъ. Арестъ!... Такое оскорбленіе! Эти судейскіе формалисты — они не понимайтъ, что офицера арестовать нельзя.

— Господинъ полковникъ, такое преступленіе!

— Никакое преступленіе!... Глюп-сти!... Они бы жидовъ судили, а не честныхъ офицеровъ арестовать!... Утромъ отправите. Саблю ко мнѣ, сюда, подъ штандартъ... И эти... газеты... мнѣ принесете. Поняли?

— Что съ адъютантомъ дѣлать прикажете?

— Пусть ночуетъ въ номерахъ.

— Разрѣшите мнѣ, я его у себя устрою.

— Ахъ, пожалюста... Только поменьше нѣжности... Онъ пріѣхалъ, какъ врагъ... Поняли?

— Понимаю.

Баронъ повернулся спиною къ адъютанту и зашлепалъ туфлями изъ кабинета. Съ адъютантомъ у него отношенія были простыя, Сержъ понималъ это и не обидѣлся.

— Штабсъ-ротмистру Ранцеву скажите, — я сказаль — глюп-сти... Я не вѣрю... Ошибка... Ошибка не въ счетъ. И по полку никому не говорить! Молчаніе.

И, схватившись за голову, со стономъ: —

— О, что они дѣлаютъ, что дѣлаютъ!... — баронъ исчезъ въ тускло освѣщенной одною свѣчою спальной.

XIX.

На другой день къ большому удивленію всѣхъ чиновъ полка Отто-Кто не вышелъ на занятія. Удивленіе стало еще больше, когда Сержъ сказалъ за завтракомъ въ собраніи, что баронъ читаетъ газеты. Отто-Кто никогда не занимался политикой.

Дѣйствительно, пришедшій въ обычный часъ съ докладомъ, адъютантъ нашелъ своего командира въ глубокомъ креслѣ, окутаннаго волнами сигарнаго дыма и среди ворохов Петербургскихъ газетъ. Баронъ молча, подписалъ бумаги и приказъ и, не сказавъ ни слова, отпустилъ удивленнаго Сержа. Въ часъ ночи теперь уже адъютантъ былъ разбуженъ командирскимъ деньщикомъ. Баронъ требовалъ къ себѣ адъютанта. У подъѣзда командирскаго дома стояла полковая бричка, запряженная парою крѣпкихъ и сытыхъ лошадей. Солдатъ въ полушубкѣ и фуражкѣ, съ головою укутанной башлыкомъ сидѣлъ на козлахъ.

— У командира кто нибудь есть? — спросилъ адъютантъ у солдата.

— Никакъ нѣтъ. Командиръ сами ѣдутъ въ Столинъ.

— Когда же вы тамъ будете?

— Къ утру, часамъ къ десяти доспѣемъ, коли кони не подобьются. Колоть большая.

Баронъ ожидалъ адъютанта въ кабинетѣ. Онъ былъ одѣтъ въ пальто и такъ-же, какъ солдатъ укутанъ башлыкомъ. На диванѣ лежала старая, теплая, на медвѣжьемъ мѣху командирская шинель и, подлѣ, небольшой чемоданъ. Баронъ собирался въ далекій путь.

— Я уѣзжай, — коротко кинулъ баронъ.

— Господинъ полковникъ, вамъ не лучше обождать утренняго поѣзда? Морозъ большой.

— Я мороза не боюсь. Я старый солдатъ, — сухо сказалъ баронъ — скажите подполковнику Ахросимову вступить командованіе полкомъ. Я надѣюсь завтра ночью быть дома. Если не буду — отдайте приказъ, что я уѣхаль по дѣламъ службы.

И, ничего не поясняя, баронъ протянулъ руку адъютанту и пошелъ изъ кабинета. Сержъ зналъ, что спрашивать въ такихъ случаяхъ было безполезно. Онъ догадывался, что баронъ ѣхалъ по дѣлу Петрика.

— Вы, господинъ полковникъ, поѣдете въ Вильно?

— Тотъ-то кто самъ не говоритъ, куда ѣдетъ, тотъ не желаетъ, чтобы его спрашивали, — строго сказалъ баронъ и вышелъ на крыльцо. Деньщикъ устанавливалъ въ ногахъ чемоданъ. Баронъ посмотрѣлъ на синее, звѣздное небо, повернулъ голову къ адъютанту, приложилъ руку къ закутанной головѣ и сказалъ: —

— До свиданья, милый...

Онъ влѣзъ съ помощью деньщика сначала въ свою старую шубу-шинель, потомъ въ бричку и сказалъ солдату: —

— Ну, съ Богомъ, трогай!

Лошади дружно взяли, бричка загремѣла тяжелыми желѣзными шинами по замерзшей, покрытой тонкимъ слоемъ снѣга мостовой и скрылась въ ночной темнотѣ. На мгновеніе въ свѣтѣ далекаго одинокаго фонаря она выявилась темнымъ силуэтомъ, отбросила тѣнь на снѣговой покровъ и скрылась совсѣмъ. Смолкъ и стукъ колесъ.

Деньщикъ пошелъ на крыльцо, адъютантъ зашагалъ по деревянной, скользкой, обледенѣлой панели домой досыпать недоспанное. Ледяной вѣтеръ задувалъ съ востока и гудѣлъ въ голыхъ деревьяхъ, росшихъ вдоль улицы.

«Да», — думалъ Сержъ, — «а все таки нашъ Отто-Кто настоящій командиръ и своего офицера-ли солдата, въ обиду не дастъ. Даромъ, что нѣмецъ!»

И тутъ же вспомнилъ портретную галлерею предковъ барона, что висѣла въ залѣ, гдѣ стоялъ полковой штандартъ. Далеко, ко временамъ тишайшаго царя Алексія Михайловича восходили баронскіе предки и все въ русскихъ мундирахъ! Дрались со шведомъ при Петрѣ, ходили въ Берлинъ, противъ Фридриха, при Елизаветѣ; были въ Варшавѣ и Парижѣ. Русскіе нѣмцы были бароны фонъ Кронунгсхаузены, жили почти триста лѣтъ въ Россіи, а русскаго языка не осилили.

И, кутаясь въ свое холостое, суконное, Лодзинское одѣяло, Сержъ думалъ о баронѣ, катившемъ теперь черезъ глухіе сосновые лѣса по прямому, какъ стрѣла Столинскому шоссе.

— «Не завидую ему» — думалъ Сержъ. — «Охъ не завидую. А кому нибудь выручать Петрика нужно. Не можетъ быть, чтобы это онъ убилъ Багренева. Просто влипъ бѣдный Петрикъ въ какую то грязную исторію и несомнѣнно черезъ женщину... Быть въ холостомъ полку хорошо, но и ахъ какъ опасно!..»

И онъ думалъ о своемъ товарищѣ, лихомъ Петрикѣ, который сидѣлъ теперь въ пусто - обставленной комнатѣ и къ кому въ окошечко могъ заглянуть часовой ихъ однобригаднаго уланскаго полка.

«Охъ, тяжело бѣдному Петрику! Съ его то самолюбіемъ! Съ его высокимъ взглядомъ на офицерское званіе! Ну что-же? А, если убилъ? Тутъ и съ мундиромъ проститься придется. Каторжную шинельку надѣвать придется... Сказано: — не убій!..»

Съ тѣмъ и заснулъ потревоженный ночью Сержъ Закревскій, полковой адъютантъ Маріенбургскаго Его Величества полка.

XX.

Баронъ Отто-Кто катилъ въ бричкѣ, трясся по камнямъ, задремывалъ, скатывался на бокъ, на передъ, просыпался, съ недоумѣніемъ осматривалъ серебряный въ инеѣ хвойный лѣсъ, бѣлую дорогу съ ровными, все на одинаковыхъ промежуткахъ кучами щебня и думалъ свои думы.

Онъ думалъ о томъ, какъ и онъ былъ молодымъ офицеромъ, какъ и онъ нѣкогда принималъ эскадронъ и испытывалъ такое же восторженное пареніе, какое вчера испытывалъ этотъ славный штабсъ- ротмистръ Ранцевъ. Онъ возстановлялъ въ памяти все прочитанное въ газетахъ, фыркалъ и бурчалъ что то въ башлыкъ.

Захватило морозомъ, защемило, зажгло кончикъ уха, онъ потеръ его, потеръ за одно и носъ и опять дремалъ подъ однообразный рокотъ колесъ, подъ мѣрный стукъ подковъ бѣгущихъ по замерзшему шоссе лошадей.

Проснулся — и нѣту лѣса. Ясное восходило солнце за оснѣженными холмами. Все голубо, бѣло, оранжево было кругомъ. И такъ мягки и прозрачны были краски. Высокая кирпичная колокольня и крутая сѣрая крыша краснаго костела, домики мѣстечка и бѣлые дымы, кольцами вьющіеся изъ всѣхъ трубъ маячили передъ нимъ. Проѣхали черезъ просыпавшееся мѣстечко, гдѣ открывались лавки, и водовозы везли въ большихъ полузамерзшихъ бадьяхъ, облѣпленныхъ сосульками воду. Лаяли и бѣжали за бричкой лохматыя, голодныя, жидовскія собаки, и солдатъ ямщикъ отгонялъ ихъ кнутомъ. Еще десять верстъ и Столинъ, гдѣ стоятъ уланы, гдѣ можно обогрѣться у гостепріимнаго ихъ командира, полковника Букетова, или въ собраніи полка...

Совсѣмъ ободняло. Солнце ярко свѣтило, и не грѣло. Еще жестче сталъ морозъ и кусалъ за носъ и за щеки.

Показались дома города. Вывѣска съ написаннымъ на ней уланомъ въ полной формѣ, съ синими лацканами съ бѣлыми кантами и надпись бѣлыми покатыми буквами — «военный и штатскій мужской портной Сруль Перникаржъ изъ Варшавы», мѣдный тазъ парикмахера и надпись «стрижка и брижка за 20 копѣекъ»... Все такое знакомое, почти что родное барону Отто-Кто.

— Къ командиру прикажете? — оборачивая побѣлѣвшее отъ мороза лицо, спросилъ солдатъ.

— Вези прямо на вокзалъ.

На станціи въ залѣ I и II класса, гдѣ стоялъ длинный столъ, накрытый бѣлою въ крахмальныхъ складкахъ скатертью, съ искусственными пальмами на немъ, съ бутылками съ пестрыми этикетками, съ ведрами подъ серебро для замораживанія шампанскаго и съ чистыми приборами — баронъ потребовалъ себѣ чаю и бутербродовъ; онъ снялъ шинель, отослалъ ее солдату въ бричку, развязалъ башлыкъ и согрѣвался въ пу-

стомъ залѣ. До заграничнаго поѣзда, который онъ рѣшилъ подхватить оставалось полъ часа.

Послѣ ѣзды въ открытой бричкѣ, ночной тряски, холода и дремоты, мѣрное покачиваніе большого пульмановскаго вагона, тишина въ полусонныхъ купе, съ полуспущенными шторами, разбросанные несессеры, книги, раскрытые чемоданы показались какимъ то небывалымъ уютомъ. Баронъ закурилъ сигару и погрузился въ думы.

Въ губернскомъ городѣ, гдѣ онъ вышелъ, на большой станціи, въ роскошной парикмахерской, онъ «навелъ на себя красоту». Побрился, помылся, переодѣлся въ мундиръ, надѣлъ ордена, нацѣпилъ саблю, вынутую изъ замшеваго чехла, надѣлъ каску и на извозчикѣ поѣхалъ къ дому генералъ - губернатора.

Щеголеватый генералъ губернаторскій адъютантъ изъ кавалерійскихъ офицеровъ доложилъ барону, что пріема больше нѣтъ и что «господину полковнику надо, записавшись, пожаловать завтра, ровно къ одиннадцати».

— Вы будете первымъ.

— Скажите его высокопревосходительству, что тотъ то кто пріѣхалъ защищать офицерскую честь — тотъ принимается безъ пріема.

— Господинъ полковникъ, — пытался возразить адъютантъ, но баронъ его перебилъ: —

— Тотъ-то кто ротмистръ — тотъ исполняетъ приказаніе полковника.

Командующій войсками сейчасъ же принялъ барона. Командующій былъ генералъ, лѣтъ шестидесяти, здоровый, крѣпкій, кряжистый, въ мѣру полный. На немъ былъ китель съ двумя георгіевскими крестами и многими значками, короткіе шаровары съ широкимъ желтымъ лампасомъ, заправленные въ высокіе, мягкіе сапоги. Еще густые, темно-рыжіе волосы были коротко, ежикомъ, по солдатски пострижены. Рыжіе большіе усы уходили въ пушистые подусники и сливались съ бакенбардами, торчащими въ двѣ стороны. Красное, точно скомканное лицо освѣщалось живыми, быстрыми рыжими глазами. Весь онъ былъ порывъ и стреми-

тельность. Такимъ онъ былъ, когда въ 1900-мъ году мчался, дѣлая болѣе ста верстъ въ день за боксерами въ Гиринъ, такимъ былъ въ Японскую войну, когда на прекрасномъ арабѣ завода Сангушко, шелъ во главѣ Забайкальцевъ выручать отрядъ на Ялу, такимъ же стремительнымъ, бурнымъ, гнѣвнымъ, распекающимъ, разносящимъ, хвалящимъ, благодарящимъ, всегда нежданнымъ и неожиданнымъ, немного оригинальнымъ, или играющимъ на оригинальность онъ былъ и теперь, когда былъ командующимъ войсками большого приграничнаго округа. Звали его въ округѣ за его налеты, за желтые лампасы, за общій красно-желтый весь его обликъ — «желтою опасностью»...

Баронъ отлично учелъ, что только «желтая опасность» — можетъ понять его и можетъ стремительно, все взявъ на себя, спасти Петрика.

Командующій войсками фыркнулъ, раздувая усы и коротко какъ бы заржалъ, что обозначало у него смѣхъ.

— Радъ... Чѣмъ обязанъ внезапному посѣщенію доблестнаго командира лихихъ Маріенбуржцевъ.

Желтые глаза метали золотистыя искры огней. Онъ обѣими пухлыми коротконалыми руками пожалъ тонкую съ длинными пальцами породистую руку барона и, какъ только баронъ сказалъ ему, что онъ пріѣхалъ, какъ командиръ полка, требовать освобожденія изъ подъ ареста штабсъ-ротмистра Ранцева, командующій войсками зафыркалъ и заговорилъ такъ быстро, что ничего нельзя было разобрать. «Бу-бу-бу... дрръ... дрръ... дрръ»... неслось изъ подъ рыжихъ усовъ съ сѣдѣющими подусниками. Баронъ, казалось, и не старался понять, что ему говорилъ такъ скоропалительно его командующій.

Командующій рылся въ массѣ синихъ папокъ съ дѣлами, валявшихся у него на громадномъ письменномъ столѣ, и не находилъ того, что ему нужно. Онъ стоялъ, и противъ него — прямой и тонкій, какъ Донъ-Кихотъ въ моноклѣ и драгунскомъ мундирѣ, положивъ руку на эфесъ тяжелой сабли, стоялъ баронъ Отто Кто.

— Онъ... убилъ... убилъ... убилъ... — наконецъ, выкрикнулъ, заключая свою непонятную рѣчь, генералъ.

— Нэтъ... онъ не убилъ, — спокойно, медленно, раздѣльно произнося слова, сказалъ баронъ.

«Желтая опасность», казалось, былъ озадаченъ. Онъ откинулся, держась обѣими руками за край стола. Желтые глаза вспыхнули краснымъ огнемъ.

Опять раздалось бу-бу-бу... дррг... дррг... дррг...

Баронъ спокойно дождался конца этой скорой и непонятной ему рѣчи и, когда генералъ остановился, выпучивъ на него большіе круглые глаза, баронъ началъ медленно дѣлать ему возраженія.

— Тотъ-то кто носитъ... имѣетъ шесть носить офицерскій мундиръ Маріенбургскихъ драгунъ и вензеля Его Велишества — тотъ то такъ нэ убиваетъ.

Баронъ сдѣлалъ паузу. Это была слишкомъ длинная для него рѣчь. «Желтая опасность» пронизывалъ барона огнями своихъ глазъ.

— Ну, — поощрилъ онъ барона.

— Тотъ то кто — стрѣляетъ на дуэли... — баронъ показалъ рукою, какъ цѣлятъ изъ пистолета и стрѣляютъ. — Рубитъ саблей, — баронъ повысилъ голосъ и взмахнулъ рукой, какъ бы рубя саблей.

— Въ запальчивости и раздраженіи! — выпалилъ командующій. — Заставъ съ любимой женщиной.

— У нэго нэтъ любимой женщины, — повторилъ внушительно баронъ Отто Кто. — Онъ любитъ свой полькъ!

«Желтая опасность» снова опѣшилъ.

— То есть? Какъ это — нэтъ?

— Онъ мнѣ сказалъ, что нэтъ. Тотъ то, кто носитъ погоны и сказалъ — нэтъ, — тотъ-то, значитъ, — нэтъ.

— Все равно — задушилъ... Въ минуту гнѣва. Каждый изъ насъ можетъ задушить въ состояніи экстаза, невмѣняемости...

— Задушить... да... Если тотъ подлецъ... мерзавецъ... можетъ... Но рэзать на куски?.. Заворачивать, запаковывать, разносить по городу? — Тотъ то кто — нэ можетъ.

Это было сказано такъ внушительно, твердо и убѣдительно, что «желтая опасность» растерялся и нѣсколько минутъ, долгихъ минутъ, они стояли другъ противъ друга, глядя одинъ другому въ глаза и молчали.

— Хорр-шо, — сказалъ командующій, сѣлъ въ большое кресло, схватилъ широкій блокнотъ и сталъ писать на немъ размашисто и быстро. Еще правая рука его продолжала писать на блокнотѣ, когда онъ лѣвой надавилъ на пуговку электрическаго звонка.

Вошелъ адъютантъ. «Желтая опасность», не глядя, протянулъ назадъ руку съ листками къ вошедшему и пробормоталъ скороговоркой:

— Коменданту Столина... Военному прокурору... Сейчасъ...

Адъютантъ вышелъ и понесъ листки начальнику штаба, такъ какъ только тотъ одинъ умѣлъ разбирать своеобразные гіероглифы, какими писалъ генералъ. Отправивъ телеграммы, командующій успокоился и рукою показалъ все еще стоявшему барону Отто Кто, чтобы онъ садился. Въ глазахъ погасли огневыя искры и они стали добрыми и размягченными.

— Вы понимаете, баронъ, что я сдѣлалъ?

— Я ошень понимай. Тотъ то, кто служитъ Государю, тотъ можетъ такъ дѣлать.

— Да, благодареніе Господу Богу, что у насъ Государь, иначе... самоуправство... заступничество за офицеровъ - убійцъ.

— Онъ нэ убійца.

— Въ общественномъ мнѣніи, питаемомъ газетами, онъ убійца и его освобожденіе подниметъ разговоры... а тамъ еще Дума!.. Запросы.

— Тотъ то, кто служитъ Государю, тотъ то не думаетъ о Думѣ...

— Да... Государь... Государь... Только съ Государемъ правда. Только онъ можетъ выправить ошибки правосудія... И я напишу Его Величеству...

— Пишите — тотъ то кто — нэ убилъ... Тотъ то кто шестный офицеръ...

«Желтая опасность» уже скрипѣлъ перомъ по бумагѣ. Иногда онъ поднималъ голову на Отто Кто, фыркалъ и снова продолжалъ писать.

— Въ Россіи, — сказалъ онъ, окончивъ писать, — гдѣ такая пылкая, невѣжественная и жадная до всякой сенсаціи общественность... гдѣ толпа такъ много позво-

ляетъ себѣ совать носъ туда, гдѣ ее не спрашиваютъ, какъ быть безъ сдерживающаго начала Императорской власти? Возьмите дѣло Дреллиса... Не вмѣшайся Государь — и невинно убитый мальчикъ такъ и остался бы просто жертвой. Убійцы не понесли бы наказанія.. Вашъ офицеръ Ранцевъ... Толпа натравила на него слѣдствіе, толпа такъ же натравитъ на него судъ — и новая жертва необузданности и анархизма Русскаго темперамента. Я пишу Государю: «умоляю, Ваше Величество, сдѣлать распоряженіе, чтобы по этому дѣлу прекратился добровольный розыскъ газетъ. Вся обстановка убійства показываетъ, что его не могъ совершить офицеръ, да еще такой, какъ штабсъ-ротмистръ Ранцевъ, всего два мѣсяца тому назадъ получившій изъ рукъ Вашего Императорскаго Величества призъ и имѣвшій счастье видѣть и бесѣдовать съ Вами»...

— Ошэнь карашо! Тотъ то, кто бесѣдовалъ, кто видѣлъ, тотъ то неспособенъ на грязный поступокъ.

— «Я увѣренъ» — продолжалъ все быстрѣе и быстрѣе писать «желтая опасность», — «что преступленіе раскроется и убійца будетъ найденъ, какъ найденъ убійца Ванюши Лыщинскаго, котораго, если бы не Ваше соизволеніе»...

— Соизволеніе, ошень карашо!

— Не ваше соизволеніе — никогда бы не нашли, и я надѣюсь, что Ваше Императорское Величество поймете и оцѣните опять мое самоуправсво, самоуправство вѣрноподданнаго Вамъ Ламайзы-дзянь-дзюня*) и простите меня»... далѣе, читая, генералъ уже такъ заторопился, что баронъ Отто-Кто только и слышалъ: — «бу-бу-бу... дррг... дррг... дррг...»...

Кончивъ читать свое посланіе, генералъ рѣзкимъ движеніемъ всталъ изъ за стола и сказалъ, успокаиваясь. — Пожалуйте обѣдать... Моя жена будетъ очень рада видѣть васъ, неисправимаго холостяка, у себя за столомъ.

---

*) Ламайза-дзянь-дзюнь — «тигръ генералъ», прозвище, данное китайцами генералу.

Желтая опасность взялъ подъ руку барона Отто-Кто и повелъ его въ столовую.

XXI

На другой день послѣ пріема эскадрона Петрикъ всталъ рано. Только начиналъ свѣтать тихій морозный ноябрьскій день. Въ окно былъ видѣнъ прикрытый снѣжкомъ полковой плацъ. Драгуны шли съ уборки, очередные на навозныхъ ларяхъ разравнивали навозъ; теплымъ паромъ курились обитыя рогожей двери конюшень. Петрикъ наскоро выпилъ чай и хотѣлъ до занятій пройтись по конюшнѣ своего эскадрона, чтобы полюбоваться на своихъ лошадей. Онъ надѣлъ пальто и пристегивалъ саблю, когда тревожно, какъ показалось Петрику, зазвонилъ дверной колокольчикъ. Петрикъ самъ отворилъ дверь. Въ прихожую шагнулъ полковой адъютантъ Закревскій. Столь ранній визитъ Закревскаго, любителя поспать, бывшаго при саблѣ и надѣвшаго на свое лицо хорошо знакомую офицерамъ полка «непромокаемую» маску оффиціальности, заинтересовалъ и встревожилъ Петрика. Настолько вѣрилъ Петрикъ въ свою правоту передъ Богомъ и Государемъ, что ранній визитъ Закревскаго онъ могъ объяснить лишь какимъ нибудь особо важнымъ, опаснымъ, секретнымъ и потому почетнымъ порученіемъ ему и его эскадрону.

Петрикъ попятился въ столовую, далъ знакъ деньщику, прибиравшему со стола, чтобы онъ ушелъ и сказалъ Закревскому, вошедшему за нимъ: —

— Что скажешь?

— Штабсъ-ротмистръ Ранцевъ! Командиръ полка прислалъ меня, чтобы отобрать у васъ саблю и отправить васъ съ пріѣхавшимъ за вами изъ Столина плацъ-адъютантомъ на гауптвахту. Вы вызываетесь по дѣлу объ убійствѣ штабсъ-капитана Багренева въ качествѣ обвиняемаго. Мѣрою пресѣченія, по указанію прокурора, назначенъ арестъ.

Блѣдная улыбка прошла по лицу Петрика.

— Это... недоразумѣніе, — тихо сказалъ онъ.

— Ни командиръ полка, ни я въ этомъ не сомнѣваемся... Но таковъ приказъ свыше.

— Вы понимаете, штабсъ-ротмистръ, что значитъ для офицера гауптвахта?

— Въ полной мѣрѣ.

— Командиръ полка приказалъ меня отправить подъ арестъ?

— Онъ приказалъ исполнить отношеніе военнаго прокурора. Я присланъ принять ваше оружіе и доставить васъ плацъ-адъютанту.

Медленно, медленно, будто все еще въ какой-то нерѣшительности, Петрикъ отстегивалъ портупею.

— Изволь, — сказалъ онъ, смотря прямо въ глаза адъютанту и подавая ему саблю, — но знай, Сержъ, что ты никогда больше не увидишь ее одѣтою на мнѣ.

— Ну... полно... полно..., — началъ было Закревскій. — Кто Богу не грѣшенъ, кто царю не виноватъ, — но увидѣлъ строгій, ясный взглядъ Петрика, неловко пожалъ плечами и опустилъ глаза.

«Правъ былъ», — подумалъ онъ, — «баронъ Отто-Кто, когда запретилъ мнѣ производить арестъ вчера ночью, какъ настаивалъ на этомъ плацъ-адъютантъ, хотѣвшій непремѣнно ѣхать съ ночнымъ поѣздомъ въ Сталинъ... Вчера Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось... Да и теперь... Богъ дастъ, отойдетъ... Да и Отто-Кто его такъ не оставитъ».

XXII.

Узкая, длинная и высокая — точно коробка для папиросныхъ гильзъ, что когда то приносила Петрику Ревекка — комната. И такая же, какъ коробка бѣлая и пустая. Бѣлые потолки, бѣлыя стѣны, некрашенные сѣробѣлые полы. Койка, столъ, стулъ. Высокое казенное, пыльное окно, за нимъ толстая желѣзная рѣшетка, какъ

въ тюрьмѣ. Да это и была тюрьма. Въ двери — квадратное отверстіе и въ него видна темносиняя съ желтымъ кантомъ безкозырка и молодое лицо часового улана. Солдатъ стережетъ офицера!

Петрикъ вошелъ въ эту комнату, приниженный и пришибленный. Онъ сѣлъ и задумался. Теперь, подъ ударами судьбы, онъ возстановилъ въ памяти до послѣдней мелочи все то, что съ нимъ было во время «провала». Онъ не входилъ въ гарсоньерку Портоса, онъ только заглянулъ на лѣстницу. Онъ сейчасъ же вышелъ на улицу и пошелъ пѣшкомъ по Преображенской. Онъ три раза прошелъ ее взадъ и впередъ, все думая о Валентинѣ Петровнѣ. Ужасно онъ тогда мучился. И эти муки и закружили ему голову. Потомъ онъ сѣлъ въ трамвай, поѣхалъ, самъ не зная, куда. Онъ подходилъ къ двери гарсоньерки только вечеромъ... Тамъ все было кончено и это емȕ не казалось, но на самомъ дѣлѣ холодомъ смерти тянуло отъ двери... Продумать это было важно. Петрикъ, мысленно разставшись со своимъ офицерскимъ званіемъ, рѣшилъ исполнить долгъ и показать слѣдователю все то, что касается дома на Кирочной. О томъ, что было въ школѣ онъ промолчитъ. «Да, — у него были натянутыя отношенія съ Портосомъ... Да, онъ съ нимъ избѣгалъ встрѣчаться послѣднее время... Да, ему надо было переговорить съ нимъ... О чемъ?.. — О многомъ, но не имѣющемъ отношенія къ его смерти. Объ этомъ теперь лишнее говорить и говорить онъ не будетъ! Это имѣло значеніе, если бы Портосъ былъ живъ. Теперь, когда его нѣтъ — это забыто!»

Такъ обдумывалъ свои показанія слѣдователю Петрикъ. У него было на это время, потому что слѣдователь, не получившій Петрика въ назначенные ему утренніе часы, не то обидѣлся, не то былъ занятъ другимъ дѣломъ и отложилъ допросъ на два дня.

Петрикъ твердо рѣшилъ теперь же съ гауптвахты, подать прошеніе объ отставкѣ. Онъ попросилъ чернила и бумагу, и караульный офицеръ, незнакомый ему, совсѣмъ молодой уланскій корнетъ, справившись съ инструкціей, принесъ ему и то и другое. Петрикъ самъ надписалъ свой бланкъ: —

«Командиръ 4-го эскадрона «3-го Лейбъ-Драгунскаго Маріенбургскаго Его Величества полка».

Онъ глубоко задумался. Вотъ онѣ — мечты долгихъ, долгихъ лѣтъ. Эскадронъ! Его эскадронъ! Лихой, четвертый... штандартный!.. Но именно потому, что онъ лихой, что его охранѣ ввѣренъ святой штандартъ, что онъ — ихъ славнаго Маріенбургскаго полка — офицеръ, котораго сейчасъ стережетъ солдатъ, — онъ не можетъ уже имъ командовать».

Въ глазахъ караульнаго начальника, корнета, Петрикъ прочелъ сочувствіе, вниманіе, любопытство, — убійца офицера!.. Но и пренебреженіе... И снести это было невозможно...

За дверью топтался часовой. Куда бы Петрикъ ни шелъ, часовой шелъ за нимъ и несъ винтовку съ примкнутымъ штыкомъ.

Позоръ! Этотъ позоръ не смываемъ и такъ опозоренный офицеръ не можетъ командовать эскадрономъ. Какъ подойдетъ онъ теперь къ людямъ и скажетъ — «здорово лихой четвертый!» — Какъ посмотритъ онъ въ глаза корнету Дружко, который такими влюбленными глазами смотрѣлъ на него вчера, точно хотѣлъ сказать: — «прикажи умереть и умру!»...

Какъ поздоровается съ вахмистромъ и скажетъ ему: — солдатъ, бывшій подъ арестомъ, плохой солдатъ.

Вчера — маленькій богъ, хозяинъ жизни и смерти почти полутораста человѣкъ — сегодня арестантъ, окарауливаемый солдатомъ.

За что?

Петрикъ осмотрѣлъ комнату. На столѣ лежала книга — Евангеліе. Разсѣянно, еще не думая ни о чемъ, Петрикъ взялъ книгу и вдругъ вспомнилъ одно мѣсто, которое его всегда поражало и понять его онъ никогда не могъ. Онъ сейчасъ же нашелъ его и сталъ читать, перечитывать, и вдумываться въ слова Христа. Это слова Нагорной проповѣди. Въ кадетскомъ корпусѣ законоучитель, отецъ Середонинъ, заставлялъ учить ее наизусть, и Петрикъ, глядя въ книгу, читалъ слова впередъ, еще не дойдя до того мѣста, гдѣ они были написаны.

... «Вы слышали, что сказано древнимъ: «не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду». А я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду»...

«Но вѣдь я... Я не напрасно... Партія... Но нигилисточку «открылъ» я... Въ нигилисточкѣ я виноватъ. Но я ушелъ... Онъ... нѣтъ... А его слова о Валентинѣ Петровнѣ?.. Напрасный былъ мой гнѣвъ, или нѣтъ? Подлежу я суду за одно намѣреніе, за одну мысль убить Портоса, кѣмъ то другимъ убитаго. И не моя ли мысль — совершила убійство?.. «кто же скажетъ брату своему «рака», подлежитъ синедріону, а кто скажетъ «безумный» подлежитъ геенѣ огненной. Итакъ, если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что нибудь противъ тебя, оставь даръ твой передъ жертвенникомъ, и пойди, прежде примирись съ братомъ твоимъ, и тогда приди и принеси даръ твой. Мирись съ соперникомъ твоимъ скорѣе, пока ты еще на пути съ нимъ, чтобы соперникъ не отдалъ тебя судьѣ, а судья не отдалъ бы тебя слугѣ, и не ввергли бы тебя въ темницу*)»...

Не мириться съ Портосомъ онъ шелъ, но убить. Онъ придумывалъ, какъ это сдѣлать такъ, чтобы самому наименѣе пострадать, изобрѣталъ разнообразные виды дуэли, но конечная цѣль была — убить. И то, что Портосъ убитъ не его рукою — это только случай. Слѣдствіе пойметъ, что убилъ не онъ. Слѣдствіе найдетъ настоящаго убійцу — ну, а онъ? Можетъ онъ оставаться въ полку, спокойно и радостно, какъ онъ хотѣлъ, командовать эскадрономъ?

Онъ не можетъ не раздѣлить хотя части наказанія съ тѣмъ, кто за него убилъ, кто развязалъ его отъ этого страшнаго дѣла. Какъ себя накажетъ дальше Петрикъ онъ еще не зналъ. Пребываніе подъ арестомъ его, еще вчера такъ страстно говорившаго о позорѣ ареста для офицера — само собою должно лишить его офицерскаго званія. Отставка — это первое ему наказаніе,

*) Евангеліе отъ Матѳея. Глава 5, ст. 21, 22, 23, 24 и 25.

и недрогнувшей рукой онъ подписалъ рапортъ объ отставкѣ.

Онъ зналъ, что баронъ Отто-Кто пойметъ его. Ему, старому солдату, не надо будетъ объяснять, почему послѣ ареста, Петрикъ не можетъ оставаться въ Маріенбургскомъ полку и носить Государевы вензеля.

Подписавъ рапортъ, Петрикъ сталъ спокойнѣе. Онъ попросилъ караульнаго начальника отправить бумаги въ полкъ, вмѣстѣ съ письмомъ, гдѣ просилъ адъютанта заготовить прошеніе и всѣ нужные документы.

Когда, на другой день, уже другой, его знакомый, караульный начальникъ принесъ ему освобожденіе изъ подъ ареста Петрикъ не удивился. Иначе и быть не могло. Онъ зналъ, что онъ убилъ Портоса только въ сердцѣ своемъ, а правосудіе не караетъ за мысли, за внутреннія побужденія. Ихъ судитъ совѣсть. И осужденный этою совѣстью, принявшій твердое рѣшеніе Петрикъ, вернулся въ полкъ.

XXIII.

Баронъ Отто-Кто, получивъ рапортъ и прошеніе Петрика, выбросилъ монокль и посмотрѣлъ сѣрыми, влажными глазами на адъютанта. Закревскій былъ уже готовъ подсказать свое мнѣніе по этому поводу командиру, но тотъ предупредилъ его: —

— Тотъ то, кто сжигаетъ корабли, — сказалъ онъ, — тотъ-то еще не тонетъ... Пошлите штабсъ-ротмистра ко мнѣ.

Въ ожиданіи Петрика баронъ раскурилъ большую толстую сигару и подошелъ къ окну. Обширный полковой дворъ кипѣлъ жизнью. По насыпаннымъ на мерзлую землю навозомъ дорожкамъ манежей крутились «смѣны», и неуклюжіе новобранцы въ желтыхъ, дубленыхъ овчинныхъ полушубкахъ неловко тряслись въ сѣдлахъ. Офицеры съ бичами стояли по серединѣ манежей и сквозь стекла окна слышны были крики командъ и

поправокъ. Знакомая барону картина, знакомая музыка криковъ и щелканія подковъ по мерзлой землѣ. Съ противоположнаго конца двора, изъ низкой постройки трубаческой команды неслись трубные, нестройные звуки; вдругъ они прекратились и послѣ минуты тишины сладкій напѣвъ моднаго танца понесся по двору. Онъ смѣшался съ лязгомъ желѣза, стукомъ молотовъ по наковальнѣ и ржаніемъ лошадей на полковой кузницѣ. Издали донеслась пѣсня. Очередной эскадронъ возвращался съ проѣздки. Баронъ прислушался. Его морщинистое лицо изобразило нѣкоторое подобіе улыбки. Онъ любилъ солдатское пѣніе:

— «Здравствуй милая, хорошая моя,
Чернобровая — порядо-шная!..

отчетливо выговаривалъ хоръ. Баронъ вынулъ сигару изо рта и повторилъ за хоромъ:

— Чернобровая — порядошная!.. Придумаютъ тоже.

Онъ оглянулся, услышавъ стукъ шаговъ и осторожное покашливаніе деньщика.

— Чего тебѣ, Ѳедоръ? — сказалъ онъ.

— Ваше высокоблагородіе, къ вамъ командиръ 4-го эскадрона.

— А... Проси...

Баронъ остро и внимательно посмотрѣлъ въ глаза Петрику и положилъ сигару на край пепельницы.

Пока Петрикъ рапортовалъ о явкѣ изъ подъ ареста, баронъ все продолжалъ присматриваться къ нему и точно что-то соображалъ. Онъ протянулъ руку Петрику и, ласково глядя на офицера и не выпуская его руки изъ своей, сказалъ такимъ теплымъ голосомъ, какого Петрикъ никакъ не ожидалъ отъ барона Отто-Кто: —

— Тотъ то, кто... по ошибкѣ... тотъ не считается.

Баронъ оставилъ руку Петрика, снова взялъ сигару, осторожно, концомъ мизинца, стряхнулъ съ сигары тяжелый сѣрый, ноздреватый пепелъ и затянулся.

— Господинъ полковникъ, — дрожащимъ отъ волненія голосомъ началъ Петрикъ. — Вы поймете меня...

Ошибка... да... Но офицеръ подъ арестомъ!.. Я не знаю, господинъ полковникъ, сидѣли ли вы когда нибудь подъ арестомъ?

— Никогда не сидѣлъ, — окутывая лицо бѣлымъ сигарнымъ дымомъ, сказалъ баронъ.

— Тогда... Господинъ полковникъ... Солдаты уланы... Одной бригады... Корнетъ... Солдаты, которые знаютъ меня... Они заглядывали въ окошко... Они стерегутъ меня... Какъ преступника... Да... я преступникъ... хорошо... Всѣ знаютъ... Меня подозрѣваютъ въ убійствѣ товарища...

Петрика передернуло внутренней лихорадочной дрожью и онъ пріостановился.

— Ошибка слѣдователя, — тихо сказалъ баронъ.

— Да, господинъ полковникъ... Но... Какъ же я теперь приду въ свой эскадронъ и какими глазами посмотрю на вахмистра Гетмана, который никогда подъ арестомъ не сидѣлъ?! Какъ посмотрю я на своихъ унтеръ-офицеровъ Солодовникова, Карвовскаго и Рублева, кому я третьяго дня говорилъ о позорѣ ареста?.. Что я скажу корнету Дружко? Я говорилъ ему въ день пріема эскадрона — что арестованный офицеръ — не офицеръ... Я не могу... Господинъ полковникъ, простите меня... Я удивляюсь, какъ я еще могу жить?!. Носить эти священные вензеля!?. Не могу!.. Не смѣю!.. Не имѣю права!!!

Петрикъ заикался отъ волненія. Большіе сѣрые глаза наполнились слезами.

— Пускай скажутъ... Это Донъ-Кихотство...

Баронъ рукою съ сигарой остановилъ Петрика.

— Нэтъ, — сказалъ онъ, — это нэ донъ-кишотство.

Широкимъ жестомъ баронъ показалъ на висѣвшіе въ залѣ портреты бароновъ фонъ-Кронунгсхаузеновъ, — отъ выходца изъ Митавы рейтара царя Алексѣя Михайловича до генералъ-лейтенанта въ шитомъ воротникѣ временъ Александра П, и сказалъ: —

— Тотъ то, кто всегда служиль — тотъ васъ понимаетъ... Хорошій офицеръ... Кто биль вашъ отецъ?

— Мой отецъ служилъ въ Старопебальгскомъ драгунскомъ полку. Былъ раненъ въ Русско-Турецкую войну... и умеръ въ 1905-мъ году.

— Та-акъ... А дѣдъ?

— Дѣдъ служилъ въ Карабинерномъ полку и убитъ въ Севастопольскую компанію.

— Ошень карашо. А прадѣдъ?

— Умеръ совсѣмъ молодымъ отъ чахотки въ Парижѣ. Онъ служилъ въ лейбъ-уланахъ.

— И дальше?

— Сколько помню, и дальше такъ-же... Всѣ военные. Совсѣмъ такъ, какъ у васъ. Вѣроятно, съ Екатерининскихъ временъ, если не раньше.

Баронъ задумался. Онъ докурилъ сипѣвшую сигару, бросилъ окурокъ, обрѣзалъ новую и закурилъ снова. Онъ молча, смотрѣлъ на портреты своихъ предковъ, точно совѣтовался съ ними. Такъ простояли они другъ противъ друга минутъ десять, не проронивъ ни слова. Наконецъ, баронъ торжественно проговорилъ: —

— Тотъ то, кто имѣлъ такихъ предковъ, тотъ то не можетъ не служить!

— Какъ теперь служить? — задыхаясь, чуть слышно сказалъ Петрикъ.

Баронъ молчалъ. Онъ курилъ короткими затяжками сигару, и, когда она дошла уже до половины, вдругъ бросилъ ее, выкинулъ монокль изъ глаза, деревянно, точно манекенъ, шагнулъ къ Петрику, обнялъ его, прижался своей шаршавой, морщинистой щекой къ свѣжей холодной щекѣ Петрика и всхлипнулъ. Петрику показалось, что горячая слеза покатилась изъ глазъ барона по его щекѣ.

— Тотъ то, кто!.. — воскликнулъ, отходя отъ Петрика и быстро шагая въ кабинетъ, баронъ — Долженъ служить!..

И уже изъ кабинета добавилъ: —

— Я это устраиваю!.

Дверь кабинета съ шумомъ захлопнулась.

XXIV.

Баронъ Отто-Кто послѣ обѣда не ходилъ на занятія. Это было событіе. Но еще большимъ событіемъ было то, что баронъ Отто-Кто собственноручно писалъ письма. Про него разсказывали, что, когда онъ, молодымъ офицеромъ влюбился въ какую то барышню-помѣщицу, онъ призывалъ къ себѣ эскадроннаго писаря и диктовалъ ему любовныя письма. «Теперь», — шепталъ таинственно въ канцеляріи заходившимъ въ адъютантскую офицерамъ, Закревскій, — «Отто-Кто пишетъ письма... собственноручно!»...

Баронъ писалъ «желтой опасности», писалъ начальнику Заамурскаго Округа пограничной стражи, писалъ, такъ говорили, самому министру финансовъ. Что писалъ баронъ — тайну этого хранила большая его печать съ баронской короной и сложнымъ гербомъ бароновъ Кронунгсхаузеновъ.

Однажды утромъ, баронъ вызвалъ къ себѣ Петрика и пошелъ съ нимъ въ офицерское собраніе. Въ эти часы, когда всѣ были на занятіяхъ, въ собраніи было пусто. Весело трещали дрова въ кафельныхъ печахъ большого зала и пламя ихъ отражалось въ блестящихъ шашкахъ паркета. Баронъ послалъ дежурнаго офицера за папашей Ахросимовымъ. Было похоже, что папаша былъ уже во что то посвященъ барономъ. Они втроемъ обходили залъ, гдѣ висѣли портреты Государей, шефовъ полка, гдѣ были портреты командировъ полка: — сто двѣнадцать портретовъ смотрѣло со стѣнъ. Сто двѣнадцать командировъ почти за триста лѣтъ службы полка царю и родинѣ. Они останавливались, молча, у картинъ Коцебу и Ладурнера и смотрѣли то на атаку у Дудоровой горы у мызы Красной, то на картины торжественныхъ разводовъ при императорѣ Николаѣ I, то на стоявшее подъ стекломъ изображеніе драгуна на конѣ изъ папье-маше, то на большой холстъ — атаку Монмартра у Парижа, то на витрину съ мундиромъ шефа полка.

Молчали, священнодѣйствуя.

Вѣка славы смотрѣли на нихъ. Обильная кровь, смерть смертныхъ и безсмертіе вѣчнаго! И Петрикъ чувствовалъ, что все это дѣлается не спроста. Онъ замѣтилъ, что въ библіотеку прошелъ съ большой папкой адъютантъ и точно поджидалъ ихъ.

Наконецъ, баронъ остановился у портрета Государя Императора и торжественно сказалъ, обращаясь то къ Петрику, то къ Ахросимову:

— Тотъ то, кто любитъ Государя — тотъ ему служитъ до издыханія вѣрно!.. Объясни ему, пожалюста...

И пошелъ одинъ къ адъютанту.

«Папаша» взялъ Петрика подъ руку и тихо заговорилъ. Онъ говорилъ ему о большой и славной жизни ихъ Маріенбургскаго полка, о почиваніи на лаврахъ, предками заслуженныхъ — и онъ говорилъ о томъ, какъ эта слава постепенно создавалась.

— Мы стоимъ въ ожиданіи войны, мы уже имѣемъ прочно скованную славу, и нашему полку 292 года жизни... Есть части, вступающія лишь въ двѣнадцатый годъ своей службы. Они куютъ себѣ славу тяжелой и опасной работой.

— Готовы? — крикнулъ баронъ изъ библіотеки. — Пожалуйте ко мнѣ.

На большомъ библіотечномъ столѣ были разложены бумаги. Адъютантъ стоялъ поодаль.

Баронъ Отто-Кто былъ необычайно серьезенъ.

— Штабсъ-ротмистръ Ранцевъ, — сказалъ онъ. — Передъ вами — или... или... или... Или вы простиль... ошибку... и тогда — я рви ваше прошеніе... Все забыто... командуй шетвертымъ шквадрономъ!.. Ну?..

— Господинъ полковникъ, я вамъ объяснилъ, почему я не могу оставаться въ полку... Вы меня поняли.. Я прошу дать ходъ моему прошенію объ отставкѣ.

— Погоди... Ты слышалъ, — переходя на ты, сказалъ баронъ. — Есть части — куютъ славу!.. Въ глухомъ краю... гдѣ никто ничего не знай... Тотъ-то, кто любитъ Родину — тотъ служитъ на ея границахъ... Здѣсь твое прошеніе объ отставкѣ, здѣсь твой рапортъ о переводѣ... по домашнимъ обстоятельствамъ въ Заамурскій

округъ, въ пограничную стражу... снова служить... здѣсь — рапортъ о вступленіи въ командованіе эскадрономъ по выздоровленіи... Что хочешь — то и подписывай.

Петрикъ благодарными глазами посмотрѣлъ на барона, широко перекрестился и, нагнувшись, подписалъ рапортъ о переводѣ въ пограничную стражу.

Снова служить!

Потомъ онъ разорвалъ прошеніе объ отставкѣ и свой рапортъ о выздоровленіи.

— Такъ, — сказалъ баронъ. — Ошень карашо...Тотъ то, кто любитъ службу — будетъ служить... И нашъ полькъ — всегда приметъ обратно!.. Шестный офицеръ!..

Черезъ двѣ недѣли состоялся Высочайшій приказъ о переводѣ штабсъ-ротмистра Ранцева въ пограничную стражу. Петрика тепло и сердечно проводили изъ полка, и онъ со своей Одалиской и наряженнымъ отъ полка ефрейторомъ проводить его — Лисовскій уже отбылъ въ запасъ — отправился въ далекое путешествіе — въ Манчжурію.

XXV.

Въ концѣ января Яковъ Кронидовичъ получилъ извѣщеніе о томъ, что дѣло Дреллиса, какъ называлось дѣло объ убійствѣ Ванюши Лыщинскаго назначено къ разбору въ началѣ марта. По желанію гражданскаго истца, выступавшаго отъ имени матери Ванюши, въ помощь обвиненію были назначены эксперты — профессоръ Аполоновъ и ксендзъ Адамайтисъ, кромѣ того вызвали въ судъ, въ качествѣ самаго вѣрнаго эксперта, какъ крупнѣйшую научную величину и его — Якова Кронидовича. Его показаніе, его рѣшеніе считалось главнымъ, основнымъ и его почему то особенно боялась защита. Съ ея стороны, въ противовѣсъ Якову Кронидо-

вичу, Аполонову и Адамайтису были вызваны — профессора Петровъ — хирургъ, Савицкій — психіатръ и ученый богословъ Воздвиженскій.

Изъ Энска Вася, такъ и не пріѣхавшій въ Петербургъ, писалъ Якову Кронидовичу: — «на судѣ будетъ большая схватка. Я видѣлся съ прокуроромъ и гражданскимъ истцомъ. Вся надежда на васъ, ибо вы знаете не только тайну покойнаго, но и тайну дѣтей Чапуры, и вамъ можно все сказать... Адамайтисъ тоже силенъ... Но... присяжные — люди простые — и они будутъ терроризированы учеными именами Петрова и Воздвиженскаго. Да и жидовъ боятся... Все на васъ... и потому — берегите, берегите и берегите себя»...

Прочитавъ это письмо, Яковъ Кронидовичъ опять задумался.

Въ судѣ ожидалось то, что называется б о л ь ш о й д е нь. Лучшія силы Русской адвокатуры — и все евреи — были привлечены на защиту Менделя Дреллиса. Экспертиза сверкала міровыми именами. Корреспонденты со всего свѣта ожидались въ Энскѣ для присутствованія на дѣлѣ. Телеграфъ къ этому дню усиливалъ штатъ чиновниковъ для передачи большихъ корреспонденцій на всѣхъ языкахъ. Гостинницы ожидали наплыва постояльцевъ, и предусмотрительный Вася заранѣе заказалъ комнату для Якова Кронидовича. Дѣло Дреллиса раздувалось. Всему свѣту хотѣли показать: «смотрите: при проклятомъ то царизмѣ, какое средневѣковье царитъ въ Россіи. Могутъ обвинять евреевъ въ ритуальныхъ убійствахъ!»... Именно въ этой плоскости ставился вопросъ о виновности Дреллиса. Дреллисъ не могъ быть виновенъ, потому что ритуальныя убійства со стороны евреевъ вообще невозможны, а другихъ мотивовъ у Дреллиса убивать Ванюшу Лыщинскаго не было. Оправданіе Дреллиса было предопредѣлено, и никто не писалъ и не говорилъ о Ванюшѣ Лыщинскомъ, точно и на свѣтѣ не было этого милаго, симпатичнаго мальчика. Яковъ Кронидовичъ, внимательно слѣдившій за процессомъ по горячимъ статьямъ, то и дѣло появлявшимся въ газетахъ, думалъ: — «если бы не было этого шума? Тихо и спокойно прошло бы это дѣло. Виновный получилъ бы

свои 20 лѣтъ каторжныхъ работъ и правосудіе было бы удовлетворено. И не было бы никакого повода для погрома, для возбужденія противъ евреевъ. Да, — ритуальное убійство... Да, очень жестокое. Но виновный наказанъ по всей строгости закона и потому — нечего волноваться. Кто же разжигалъ страсти? Кто же тратилъ деньги на инсценировку большого дня, кто шумѣлъ подлѣ него? — Евреи. Имъ нужно было создать политическое дѣло и они видѣли въ немъ возможность униженія Россіи въ глазахъ всего свѣта»... Яковъ Кронидовичъ понималъ, какъ онъ, Аполоновъ и Адамайтисъ необходимы въ этомъ дѣлѣ. Особенно онъ, знавшій тайну дѣтей Чапуры, видавшій фонарщика и окруженный годами заработанной репутаціей честнѣйшаго и правдивѣйшаго человѣка. Только его авторитетъ можетъ быть противопоставленъ авторитетамъ Петрова, Савицкаго и Воздвиженскаго, только онъ, профессоръ Тропаревъ, можетъ такъ сказать, что затрясутся поджилки у слушателей: — «вы думаете трупъ не говоритъ? Дайте сюда мертвое тѣло — и оно скажетъ вамъ всю исторію своей смерти!» Яковъ Кронидовичъ серьезно и тщательно готовилъ свое показаніе. Оно должно было быть грознѣе рѣчи прокурора, и Яковъ Кронидовичъ зналъ, что послѣ его показаній Дреллисъ не можетъ быть оправданъ. Засѣданіе будетъ публичнымъ, — и толпы студентовъ и студентокъ, тѣхъ самыхъ, кого увлекалъ онъ на своихъ лекціяхъ, будутъ рукоплескать ему. Что скажетъ послѣ этого хирургъ Петровъ? Онъ не видѣлъ трупа... Что скажетъ психіатръ Савицкій? — что человѣческая душа не вмѣститъ такого ужаса, какъ человѣческое жертвоприношеніе? Оставьте, пожалуйста, нѣтъ такого ужаса, нѣтъ такой мерзости, на какую не способна темная человѣческая душа! И ксендзъ Адамайтисъ своимъ гробовымъ басомъ повѣдаетъ всю тьму каббалы и секты хассидовъ...

Яковъ Кронидовичъ не сомнѣвался въ побѣдѣ правосудія.

Вася писалъ: — «берегите себя. — Кто же и что можетъ ему сдѣлать въ правовомъ государствѣ?» И какъ-то, помимо воли, въ его голову ползли мысли — о «тре-

тьемъ перекресткѣ» Пеера Гинта, о «плавильщикѣ душъ», о странной судьбѣ библейскаго Озы, лишь прикоснувшагося къ ковчегу и павшаго мертвымъ. Онъ вспоминалъ о злобной мстительности еврейскаго бога, распространявшейся на всѣхъ близкихъ... Да, странно... Съ той поѣздки въ Энскъ, когда онъ прикоснулся къ этому дѣлу, что то оборвалось въ его домѣ, въ его семьѣ... Аля не та. Она всегда задумчива... много молчитъ... нервна... какъ то проговорилась: — боится призраковъ... Часто кладетъ въ свою спальню Таню, что такъ неудобно. Эта странная смерть Портоса, несомнѣнно убитаго кѣмъ то изъ ревности. Кѣмъ? Къ кому его ревновали? Два раза слѣдователь вызывалъ къ себѣ Якова Кронидовича... Какъ эксперта только... Онъ говорилъ Якову Кронидовичу, что задача слѣдствія отыскать ту женщину, которая бывала на Кирочной. Что она почти найдена... Что это одна молодая, красивая дѣвушка, замѣшанная въ пропагандѣ въ войскахъ, соціалъ-революціонерка. Она какъ разъ на другой день послѣ обнаруженія частей тѣла офицера исчезла изъ Петербурга и полиція ее разыскиваетъ. А, если не она?.. И слѣдователь, поблескивая новымъ, дорогимъ пенсне безъ оправы съ выпуклыми хрустальными стеклами, косился на Якова Кронидовича и обрывалъ разговоръ. Потомъ разспрашивалъ, гдѣ и какую покупаетъ онъ бумагу и веревки для заворачиванія частей тѣла, если ихъ ему надо куда то отправлять... Это все дѣлалъ у Якова Кронидовича Ермократъ и Яковъ Кронидовичъ не зналъ, откуда достаютъ упаковку.

— Да, не знаете... Такъ... не знаете, — говорилъ слѣдователь и заговаривалъ о погодѣ, о дѣлѣ Дреллиса, о послѣднемъ засѣданіи Думы.

Когда ѣхалъ отъ слѣдователя, Яковъ Кронидовичъ непріятно пожимался подъ шубой. Точно не эксперта, а обвиняемаго или подозрѣваемаго допрашивали. Конечно, ему не очень было пріятно, что Аля много каталась верхомъ съ Портосомъ. Можетъ быть, онъ немного и ревновалъ ее. Весною... и на скачкахъ, но потомъ, особенно послѣ смерти папочки, — Портосъ пересталъ бывать у нихъ — и это какъ то позабылось... Ревновалъ —

да... Но убилъ?.. За что? Аля была выше такихъ гнусныхъ подозрѣній...

Но какой то ядъ маленькими капельками все накоплялся въ его сердцѣ и отравлялъ его существованіе. И это началось съ того дня, когда утромъ ему сказали въ Совѣтѣ, что онъ командируется для экспертизы тѣла мальчика, убитаго въ Энскѣ, а, вернувшись домой, онъ увидѣлъ въ простѣнкѣ между окнами, подъ бронзовыми часами, громадный кустъ цвѣтущей азаліи и зналъ, не спрашивая, что этотъ кустъ отъ офицера Багренева, котораго его жена фамильярно называла дѣтскимъ прозвищемъ — Портоса.

Но, какое же отношеніе имѣло одно къ другому? Убійство мальчика въ Энскѣ, и маленькая ревность милой жены? Какая связь между тѣмъ страшнымъ своею кроткою обреченностью тѣломъ мальчика и этими кусками сытаго, холенаго, здороваго тѣла, кѣмъ то порубленнаго и тщательно упакованнаго?

А все казалось, что связь была. Таинственная... Мистическая... Какъ у Озы, коснувшагося къ ковчегу... И что все это, какъ рокъ, ведетъ его неизбѣжно къ страшному «третьему перекрестку», гдѣ его ждетъ — смерть.

Съ кѣмъ же встрѣтится онъ на этомъ перекресткѣ?.. Со Стасскимъ?

И, странно: — боялся и избѣгалъ встрѣчи съ Владиміромъ Васильевичемъ.

«Это уже отъ неврастеніи», — думалъ Яковъ Кронидовичъ, — «а неврастенія отъ переутомленія и тяжелаго настроенія духа жены».

XXVI.

Время шло. Все излѣчивало и стирало время. Та деревянная пила, что пилила Валентину Петровну, не распилила ея сердца и не тронула ея мозговъ. Жизнь шла кругомъ, и нельзя было, не умеревъ, уйти отъ этой жизни. Ея поблѣднѣвшее лицо, ставшіе огромными глаза

цвѣта морской волны, — все это объяснялось трауромъ по отцѣ. И надо было утѣшить ее и развлечь. Пора было снимать и трауръ. Прошло четыре мѣсяца, и слишкомъ молода была она, чтобы во всемъ себѣ отказывать.

Дамы навѣщали ее. Имъ надо было отвѣчать. Осторожно говорили и о Портосѣ. Портосъ, Петрикъ, Долле — друзья дѣтства, три мушкетера королевны сказки Захолустнаго Штаба. Валентина Петровна доставала альбомъ и показывала снимки: — «вотъ они всѣ — и она съ ними».

— И такъ трагически погибъ! — говорила, закатывая голубые глаза Мадонны Вѣра Васильевна...

— Ужасно, — шептала Валентина Петровна.

— Онъ былъ такъ красивъ! Какая нибудь сердечная драма... Соперница, или соперникъ!

— Не знаю.

Валентина Петровна краснѣла, и Вѣра Васильевна любовалась ея смущеніемъ...

Такъ постепенно отъ частыхъ прикосновеній къ больному кровоточащему мѣсту, то осторожныхъ и деликатныхъ, то грубыхъ и жестокихъ, это мѣсто стало грубѣть и боль забываться.

— А Пет'гикъ-то!.. Г'анцевъ! — восторженно говорила Саблина. — Вы слыхали! Его подоз'гѣвали въ убійствѣ Пог'тоса. У нихъ ссо'га была въ школѣ. Его аг'естовали и онъ отъ обиды оставилъ свой холостой полкъ... Пе'гевелся въ пог'ганичную ст'гажу, 'уѣхалъ въ Маньчжу'гію... Вы слыхали?

—Нѣтъ, я ничего не слыхала. Онъ мнѣ не писалъ, — отвѣчала Валентина Петровна.

— Тамъ, я думаю, тиг-гы есть.... Китайцы... Совсѣмъ особый ми'гъ.... Онъ очень хог'ошій вашъ Пет'гикъ... Настоящій офице-гъ... Онъ, какъ мой Александ'гъ.... Только еще и спог'тсменъ п'гитомъ!

Отъ трехъ мушкетеровъ оставался одинъ Долле. Но онъ никогда не бывалъ у Валентины Петровны. Стѣснялся своихъ рукъ, запачканныхъ кислотами.

Яковъ Кронидовичъ собирался ѣхать въ Энскъ на дѣло Дреллиса. 10-го февраля былъ день Ангела Вален-

тины Петровны, и было рѣшено снять къ этому дню трауръ и устроить скромный музыкальный вечеръ. Должны были быть все тѣ же, что были и на ея послѣднемъ весеннемъ вечерѣ, когда она играла втроемъ съ Яковомъ Кронидовичемъ и Обри Генделевское «Largo» Только не будетъ Портоса и не зайдетъ случайно Петрикъ — пожалуй, два самыхъ дорогихъ гостя... Къ этому дню Валентина Петровна разучила съ Яковомъ Кронидовичемъ и Обри опусъ 110, третье тріо Шумана. Прелестная и очень трудная вещь.

Къ этому дню Мадамъ Изамбаръ ей приготовила очаровательное платье цвѣта зеленаго изумруда. Полоса матоваго золота окаймляла подолъ и драпировку бока. Корсажъ, расшитый золотою вышивкой, былъ коротокъ, — и похудѣвшая Валентина Петровна казалась въ немъ длинной, стройной дѣвушкой. У Шарля, мосье Николя искусно повязалъ въ ея золотые волосы зеленую ленту съ золотой эгреткой.

Таня правильно сказала: — «все проходитъ».

Какъ то поблекъ, позабылся холодный стукъ висящихъ пуговицъ папочкиной тужурки о спинку кровати... Смѣло и не думая ни о чемъ, проходила Валентина Петровна черезъ тѣ двери, гдѣ стоялъ въ тотъ вечеръ страшный призракъ Портоса. Еще боялась оставаться одной. Всегда или Топи, или Диди должны были быть подлѣ, да иногда, когда расшалятся нервы, она упрашивала Таню лечь у нея въ спальнѣ. Да, еще не выносила запаха туберозъ и когда видѣла орхидею въ магазинѣ, или у знакомыхъ, ей становилось страшно.

Ея первый большой вечеръ послѣ почти года перерыва ее сильно волновалъ. Она хотѣла уйдти въ музыку, слушать восторги дамъ и Обри, тонкую критику Полуянова и одобреніе желчнаго Стасскаго.

Въ половинѣ девятаго совсѣмъ одѣтая для вечера она съ Таней разставляла по столамъ въ гостиной хрустальныя вазочки съ дорогими Ивановскими конфетами — клюквой, черной смородиной и японскими вишнями въ сахарной глазури, растертые каштаны — **marrons déguisés** отъ Балле и мягкія помадки отъ Кочкурова. Въ залѣ, ярко освѣщенной сверху люстрой, было празд-

нично и весело. Ноты на раскрытомъ роялѣ, на пюпитрѣ, віолончель въ чехлѣ, цвѣты у оконъ, сладкій запахъ гіацинтовъ и духовъ — все говорило о праздникѣ, о счастьѣ и радости. И то— худое, и хорошее, — страсть и грѣхъ, ужасъ и позоръ казалось этимъ днемъ стирались, какъ стирается мокрой губкой съ доски рѣшенная задача. Остаются мутныя мѣловыя полосы. Но, если хорошо помыть... И ничего не будетъ.

Сухой рѣзкій звонокъ въ прихожей, раздавшійся такъ неожиданно рано, заставилъ Валентину Петровну вздрогнуть.

— Кто это?.. Неужели кто изъ гостей?

Таня побѣжала отворять двери.

XXVII

— Знаю, знаю, что рано, и барынька, можетъ быть, еще не одѣта, — услышала Валентина Петровна въ прихожей скрипучій голосъ Стасскаго. — Да мнѣ надо только барина раньше по дѣлу повидать. Поди и доложи.

Валентина Петровна черезъ столовую и корридоръ поспѣшно прошла къ Якову Кронидовичу и раньше, чѣмъ прибѣжала Таня, помогавшая раздѣться Стасскому, пріотворивъ дверь, громкимъ шопотомъ сказала:

— Яковъ Кронидовичъ, ты готовъ? Тамъ Стасскій пришелъ. Такую рань!.. Хочетъ тебя видѣть.

Яковъ Кронидовичъ былъ готовъ. Онъ сейчасъ же вышелъ въ строгомъ черномъ «профессорскомъ» сюртукѣ, такъ подходившемъ къ его званію и къ строгой его віолончели. И почему то, когда входилъ въ гостиную, ярко-освѣщенную и праздничную, вспомнилъ ксендза Адамайтиса и третій перекрестокъ Пеера Гинта.

«Вотъ онъ и плавильщикъ душъ».

Стасскій на вечеръ пріѣхалъ съ портфелемъ.

— А здравствуйте, — привѣтливо сказалъ Яковъ Кронидовичъ, — какъ мило, что вы пріѣхали такъ, что мы сможемъ поговорить до концерта.

— У меня къ вамъ есть маленькое дѣло, — строго сказалъ Стасскій.

— А... Дѣло?.. Ну что жъ, пойдемте въ кабинетъ.

Въ кабинетѣ было сумрачно. Большая, одинокая лампа подъ желтымъ шелковымъ абажуромъ, накрытымъ чернымъ кружевомъ, бросала яркое пятно свѣта на круглый столъ и на газеты и журналы на немъ. Всѣ остальные предметы — диванъ, широкія кожаныя кресла, шкапы съ книгами только намѣчались въ полутьмѣ. И въ полутьмѣ было лицо Стасскаго, его голова съ высокимъ голымъ черепомъ и косицами сѣдыхъ волосъ по шеѣ. Въ длинномъ черномъ сюртукѣ онъ походилъ на старомоднаго доктора. Чѣмъ-то «Фаустовскимъ», роковымъ, вѣяло отъ этого старика.

И точно: — «плавильщикъ душъ» Пеера Гинта стоялъ противъ Якова Кронидовича.

Профессоръ опять безъ удовольствія вспомнилъ о томъ, что это ихъ третья встрѣча... Третій перекрестокъ.

Не садясь въ предложенное ему кресло, Стасскій раскрылъ портфель и вынулъ изъ него потертый и захватанный листъ бумаги съ печатнымъ текстомъ и пестрымъ узоромъ разнообразныхъ подписей.

— Узнаете? — сказалъ онъ.

— Къ кровавому навѣту?..

— Подписывайте... Я вамъ это говорю въ послѣдній разъ, и говорю серьезно.

— Владиміръ Васильевичъ, вы знаете, что я на будущей недѣлѣ ѣду въ Энскъ на разборъ дѣла Менделя Дреллиса. Мое показаніе эксперта считается гражданскимъ истцомъ и прокуроромъ самымъ серьезнымъ. Этою подписью я уничтожу весь его смыслъ, ибо отрекусь ото всего, что буду говорить.

— Вотъ и прекрасно. Подписывайте послѣднимъ. Вашу подпись увидятъ и она будетъ самою злою насмѣшкой надъ судами, которые я такъ ненавижу.

— Владиміръ Васильевичъ, — отодвигая отъ себя листъ, сказалъ Яковъ Кронидовичъ, — можно вамъ задать одинъ вопросъ?

— Хотя десять... хоть сто.. Только подписывайте.

— Почему вы — а съ вами и вся Русская интеллигенція такъ стоите за евреевъ, что не хотите, чтобы малѣйшее пятно упало на нихъ?

— Отвѣчу вамъ вопросомъ: вы христіанинъ?

— Да.

— Христосъ — еврей?

— Нѣтъ... Онъ — Богъ!

Стасскаго передернуло.

— Ну, хорошо, — искривляя лицо въ гримасу презрительнаго отвращенія, сказалъ онъ. — А Божія Матерь?... Еврейка?

— Нѣтъ, она: — безневѣстная и Пречистая Дѣва Марія — безъ націи. Она— престолъ херувимскій... Потому и зачатіе ея безсѣменное, что Христосъ есть Богъ, а Дѣва Марія — Дѣва всѣхъ племенъ и народовъ и никогда не еврейка....

— О! эти поповскія глупости! — кривился, какъ сатана отъ крестнаго знаменія, Стасскій. — Но народъ Израильскій — избранный народъ?

— Такъ говоритъ евреями написанная Библія.

— Такъ говоритъ вся ихъ исторія. Мнѣ неинтересны легенды объ Авраамѣ, Исаакѣ и Іаковѣ, сказки о Моисеѣ, но передо мною еврей Карлъ Марксъ и съ нимъ громадная плеяда политиковъ, экономистовъ, дипломатовъ — Лордъ Биконсфильдъ, финансистовъ — одни Ротшильды чего стоятъ, художниковъ, музыкантовъ, пѣвцовъ — вездѣ еврейскій геній, вездѣ свѣтъ еврейскаго ума! И это я вижу безъ скучной Библіи, безъ старины, вижу своими собственными глазами!

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Что этому народу — дорогу! Вотъ кому править нами... всѣмъ міромъ!

— То-есть вы въ этомъ сходитесь съ масонами и кропотливою и тайною работою готовите владычество евреевъ надъ міромъ. Готовите новаго, но уже всемірнаго царя Іудейскаго!

— Оставьте сказки про масоновъ, — желчно сказалъ Стасскій. — Вы отлично знаете, что это вздоръ и выдумки разныхъ черносотенныхъ союзовъ — «Дву-

главаго Орла», «Михаила Архангела» и «Союза Русскаго Народа». Масоны тутъ не причемъ.... И развѣ?... Если бы евреи оказались у власти?.. Съ ихъ умомъ, съ ихъ талантомъ, и ихъ геніальными способностями не создали бы они изъ нашей скучной и безплодной Россіи настоящій земной рай? Они гальванизировали бы насъ!..

— Владиміръ Васильевичъ, вы это серьезно?

— Ну?... Что вы такъ спрашиваете?

— А то, что если евреи станутъ у власти.. Это будетъ самое жестокое правленіе. Это не отмѣна смертной казни — а вакханалія смертныхъ казней. Истребленіе не индивидуумовъ, но цѣлыхъ родовъ. Отцовъ, женъ, матерей, дѣтей, до седьмого колѣна. И, если еврейское правительство станетъ съ кѣмъ-нибудь воевать, — оно не будетъ сентиментальничать, соблюдать постановленія Женевскихъ конференцій, брать въ плѣнъ, уважать Красный Крестъ — оно велитъ — и какъ велитъ! не исполнить нельзя — уничтожать всѣхъ — здоровыхъ и раненыхъ, больныхъ и искалѣченныхъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей.... Свои граждане — если они не евреи — будутъ у него рабами, не знающими никакихъ радостей, никакого просвѣта — вотъ вамъ еврейское царствованіе, къ которму стремятся — масоны!

— Откуда вы все это взяли?

— Изъ исторіи еврейскаго народа... Изъ Библіи!

XXVIII

Сквозь запертую дверь кабинета было слышно, какъ въ гостиной собирались гости. Женскіе, свѣжіе голоса раздавались тамъ. Здѣсь, въ полутьмѣ кабинета, наступившее послѣ словъ Якова Кронидовича молчаніе показалось ему значительнымъ и — страшнымъ. «Оза коснулся ковчега». Еврейская тайна, раскрытая имъ годъ тому назадъ въ анатомическомъ театрѣ Энскаго университета, пришла сюда и теперь готова была поразить Якова Кронидовича.

— Подписывайте сейчасъ же этотъ листъ, — гнѣвно и рѣзко, щелкая темными пальцами по листу, повелительно и строго сказалъ Стасскій. — Подписавъ — телеграфируйте въ Энскій судъ, что вы отказываетесь отъ экспертизы... или!..

— Ну, что... или?! — съ возмущеніемъ воскликнулъ Яковъ Кронидовичъ .

Какъ никогда раньше, онъ чувствовалъ себя въ эту минуту правымъ, и въ тоже время какой-то холодный ужасъ проходилъ по его стальнымъ нервамъ. Кровь стыла въ жилахъ. Онъ сталъ очень блѣденъ.

Стасскій выпрямился, точно рѣшившись на что-то ужасное, на какую-то страшную операцію, которой онъ и самъ боялся. Онъ медленно сложилъ и спряталъ бумагу въ портфель и, опустивъ глаза, чуть слышно сказалъ:

— Или вы будете опорочены.

— Н-ну!... Это таки довольно трудно! — криво усмѣхаясь, сказалъ Яковъ Кронидовичъ. — На мнѣ нѣтъ никакой вины ни передъ Богомъ, ни передъ Государемъ.

Стасскій медленно, шагъ за шагомъ отошелъ къ книжному шкафу. Онъ былъ весь въ тѣни. Только на голову его падалъ легкій отсвѣтъ отъ зеркальнаго стекла шкапа и темная голова его съ космами сѣдыхъ волосъ на темной, худой шеѣ вытянулась. Совсѣмъ — орелъ-стервятникъ, но громадный, стоялъ у шкапа и точно копошился, собираясь нанести стальнымъ клювомъ смертельный ударъ.

— Будто? — чуть слышно, съ какою-то страшною ироніей произнесъ Стасскій.

— Что вы хотите этимъ сказать? — гордо поднимая голову и смѣло, открыто глядя темными глазами въ глаза Стасскому, сказалъ Яковъ Кронидовичъ.

— Вы... убійца!...

Якову Кронидовичу показалось, что онъ ослышался.

— Что? — глухо сказалъ онъ.

— Это вы... слышите!... вы, а не кто другой... Вы убили этого красавца офицера — Багренева!...

Яковъ Кронидовичъ пожалъ плечами.

— Нечего.... Нечего тамъ... Пускай эти глупые суды, эта подкупленная, трепещущая передъ вами — правый профессоръ — бѣлая ворона, — полиція ищутъ не тамъ, гдѣ надо. Наша общественность.... Не маленькіе газетные репортерчики — имъ и Богъ повелѣлъ ошибаться, не городскіе сплетники, но общественность все дознала!!!.. Въ день и часъ убійства на Кирочной улицѣ вы покинули засѣданіе совѣта и два часа пропадали неизвѣстно гдѣ!..

Стасскій качалъ головой. Будто и правда громадный стервятникъ клевалъ тамъ у ишапа свою жертву. Яковъ Кронидовичъ, тяжело дыша, напряженно слушалъ его. И гдѣ -то далеко, въ самой глубинѣ мозга назойливая мысль повторяла: — «третій перекрестокъ... третій перекрестокъ... найдешь ли ты свою святую и чистую Сольвейгъ, какъ нашелъ ее безпутный Пеєръ Гинтъ!?

— Въ день и часъ убійства васъ видѣли у того дома на Кирочной, гдѣ было совершено убійство... Никто не могъ такъ быстро и такъ ловко разрубить тѣло и съ такимъ искусствомъ его запаковать. Вощанка, бумага и веревки взяты изъ вашего дома...

— Какой смыслъ!... какой смыслъ! — растерянно, чувствуя, что наваливается на него что-то ужасное, тяжелое, что-то убивающее, пробормоталъ Яковъ Кронидовичъ, — мнѣ?... убивать?..

Стасскій, казалось, наслаждался его волненіемъ и растерянностью. Тѣмъ самымъ движеніемъ — или это такъ показалось Якову Кронидовичу, что тѣмъ самымъ движеніемъ, какимъ тогда въ душную, лунную, лѣтнюю ночь протянулъ линейку ксендзъ Адамайтисъ и помянулъ глухимъ басомъ «третій перекрестокъ», гдѣ ожидаетъ смерть, — Стасскій протянулъ свой сложенный портфель и сказалъ зловѣщимъ голосомъ:

— Три дня... Три дня даю вамъ на размышленіе... Если за эти три дня вы не пойдете съ нами и не подпишете этой бумаги.... Во всѣхъ газетахъ будетъ напечатано, кто ходилъ на свиданіе къ офицеру на Кирочную. Тайна гарсоньерки будетъ раскрыта. И берегитесь... По ней легко найдутъ убійцу!

— Кто? — какъ сквозь кошмарный сонъ бросилъ Яковъ Кронидовичъ.

— Ваша жена... Валентина Петровна!

— Это шантажъ!.. воскликнулъ Яковъ Кронидовичъ и, сжавъ кулаки, бросился къ Стасскому.

Тотъ вобралъ шею въ плечи и неожиданно быстрымъ и юркимъ для такого старика движеніемъ, какъ онъ, скользнулъ за шкапъ и притаился въ углу между стѣною и шкапомъ.

Это трусливое движеніе сразу отрезвило Якова Кронидовича.

Онъ тяжело вздохнулъ, дрожащей рукою, привычнымъ жестомъ поправилъ волосы, съ трудомъ раскурилъ папиросу, пыхнулъ двумя, тремя затяжками и сказалъ глухимъ голосомъ, но спокойно:

— Вы у меня въ гостяхъ... Пожалуйте!.. Насъ ждутъ!

Яковъ Кронидовичъ распахнулъ двери кабинета и первымъ вошелъ въ гостиную.

XXIX

Яркій свѣтъ люстръ и бра, шумъ голосовъ и пестрота красокъ на мгновеніе ошеломили Якова Кронидовича. И первую, кого онъ увидалъ, была его жена — именинница. Въ нарядномъ, зеленомъ съ золотомъ, платьѣ, придававшемъ мраморную прелесть кожѣ лица, шеи и рукъ, она стояла у рояля подлѣ прекрасной Вѣры Константиновны Саблиной, старшей изъ приглашенныхъ дамъ.

Яковъ Кронидовичъ подошелъ къ Саблиной. Еще смутно, неясно слыша ея слова, онъ выслушалъ ея поздравленія съ прелестной именинницей и пошелъ здороваться съ гостями.

— Хорошъ!... Хорошъ!... — говорила, очаровательно улыбаясь, въ привычномъ тонѣ ласковой насмѣшки Валентина Петровна, — заставляешь себя дожидаться.

Дамы и не садились безъ тебя. Карлъ Альбертовичъ уже настроилъ скрипку.

Гости усаживались на диванъ и по кресламъ. Въ ожиданіи концерта смолкали разговоры.

Яковъ Кронидовичъ, обойдя гостей, подошелъ къ ящику и сталъ вынимать віолончель.

— А знаешь, — обратился онъ къ Валентинѣ Петровнѣ, — сыграемъ вмѣсто Шумана —«Largo» Генделя.

Она пожала обнаженными плечами.

Почтительный и услужливый, преклонявшійся передъ Яковомъ Кронидовичемъ Обри, уже приготовившій скрипку, неслышно, мягко положилъ ее на край рояля и, подойдя къ сквозной этажеркѣ съ нотами, отыскалъ «Largo».

— Зачѣмъ это? — щуря прекрасные глаза, сказала Валентина Петровна.

— Я прошу, — мягко, но настойчиво сказалъ Яковъ Кронидовичъ. — Вы, Карлъ Альбертовичъ, ничего не имѣете противъ?

— Помилуйте! Такая прекрасная, классическая вещь. Лучшее мѣсто изъ оперы «Ксеркъсъ».. И мы съ прошлаго года не играли, — торопясь, отвѣтилъ Обри.

— Какъ хочешь, — съ едва примѣтной презрительно-насмѣшливой улыбкой сказала Валентина Петровна и обратилась къ гостямъ. — Господа, мужъ хочетъ вмѣсто 110-го опуса Шумана играть «Largo» Генделя. Программа мѣняется.

— Мы слышали ее на вашемъ послѣднемъ вечег'ѣ, въ день вашего г'ожденія, — сказала Саблина. — Удивительно п'гекг'асная вещь. Александр'гъ, — повернулась она къ мужу, сидѣвшему на томъ самомъ стуликѣ подъ часами, гдѣ тогда сидѣлъ Петрикъ, — ты не слыхалъ этой вещи. Послушай, какая п'елесть!

Валентина Петровна искала глазами Стасскаго. Его кресло, выкаченное, какъ всегда, на середину гостиной, было пусто. Его не было.

— А Владиміръ Васильевичъ? — тихо спросила она мужа.

— У него дѣла, — отвѣчалъ Яковъ Кронидовичъ, — онъ переговорилъ со мною и уѣхалъ.

«Тринадцать!.. Насъ тринадцать!», — съ отчаяніемъ подумала Валентина Петровна и дрогнувшей рукой дала тонъ скрипкѣ и віолончели.

Концертъ начался.

Пока игралъ соло Обри, Яковъ Кронидовичъ внимательно слѣдилъ за нотами, отсчитывая тактъ, а въ головѣ ураганомъ неслась мысль. Онъ снова переживалъ все пережитое имъ сейчасъ въ кабинетѣ. Коснулась и его еврейская месть. И почему то, перебивая мысль, онъ повторялъ пѣснь Давида, того Давида, о комъ онъ съ дѣтства привыкъ повторять: — «помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его». Онъ впервые прочелъ ее въ Энскѣ у Васи и потомъ много разъ перечитывалъ въ безсонныя ночи дома и выучилъ ее наизусть. Подъ медленный напѣвъ скрипки слова пѣсни низались въ его памяти и подготовляли тѣ громы, что должны были сейчасъ разразиться въ звукахъ рояля шумнымъ прибоемъ.

...« Потряслась, всколебалась земля, дрогнули и подвиглись основанія небесъ; ибо разгнѣвался на нихъ Господь. Поднялся дымъ отъ гнѣва Его, и изъ устъ Его огонь поядающій; горящіе угли сыпались отъ Него. Наклонилъ Онъ небеса, и сошелъ; и мракъ подъ ногами Его... Я гоняюсь за врагами моими и истребляю ихъ, и не возвращаюсь, доколѣ не уничтожу ихъ. И истребляю ихъ, и поражаю ихъ, и не встаютъ, и падаютъ подъ ноги мои.... Они взываютъ, но нѣтъ спасающаго; ко Господу, но Онъ не внемлетъ имъ. Я разсѣиваю ихъ, какъ прахъ земной, какъ грязь уличную мну ихъ, и топчу ихъ... Иноплеменники ласкательствуютъ предо мною; по слуху обо мнѣ повинуются мнѣ... Богъ, мстящій за меня и покоряющій всѣ народы»... *)... Такого создалъ себѣ бога Израиль... И этотъ богъ теперь поражаетъ враговъ Израиля —и поражаетъ его, коснувшагося еврейской тайны.

То, что сказалъ сейчасъ Стасскій, смяло его какъ уличную грязь. Вотъ когда и какимъ ужаснымъ уда-

*) Вторая Книга Царствъ. Глава 22, ст. 8, 9, 10, 38, 39, 42, 43 и 48.

ромъ настигъ его гнѣвъ Божій, вотъ чѣмъ грозилъ ему еврейскій Богъ! «Они взываютъ, но нѣтъ спасающаго, — ко Господу, но Онъ не внемлетъ имъ!»... Яковъ Кронидовичъ не повѣрилъ Стасскому. «Это клевета», — думалъ онъ, но понималъ, что никуда не уйдетъ онъ отъ этой клеветы. На третьемъ перекресткѣ настигъ его «плавильщикъ душъ» и потребовалъ смерти. О, если бы у него была тоже его Сольвейгъ!?

Валентина Петровна чуть покосилась на него. Онъ понялъ: ему вступать.

Его віолончель запѣла такимъ рыдающимъ напѣвомъ, что напряженная тишина въ залѣ стала еще напряженнѣй, молодое лицо Тверской поблѣднѣло, а у Вѣры Васильевны задрожала на рѣсницахъ слеза...

И сейчасъ же мощные удары по клавишамъ и рокотъ рояля сталъ покрывать дуэтъ скрипки и віолончели.

— Вы никогда еще такъ не играли, — сказала Якову Кронидовичу Скачкова, едва они кончили. — Вы переживали то, что играли.

— Можетъ быть, — сказалъ Яковъ Кронидовичъ. — Сегодня я понялъ, что Вѣра Васильевна права: это жизнь.

Онъ отставилъ свою віолончель, отошелъ въ сторону и, сидя за гостями въ углу, во весь вечеръ не проронилъ ни слова. Онъ все обдумывалъ и старался понять, что же случилось и что онъ долженъ теперь дѣлать? Онъ понималъ, что «первый умъ Россіи» зря грозить не будетъ. Черезъ три дня — клевета, или правда, — но имя его Али и его имя будутъ замараны. «Богъ мстящій за меня и покоряющій всѣ народы» — возсталъ на него... Его дѣло сорвано. Ибо, какъ можетъ онъ быть экспертомъ на судѣ по дѣлу Дреллиса, — если онъ будетъ призванъ, какъ подозрѣваемый въ убійствѣ Багренева? Если будетъ сказано, что т а м ъ бывала его Аля — какими страшными уликами являются тѣ, о которыхъ сказалъ ему Стасскій?

Его Аля — бывала тамъ!

Онъ смотрѣлъ на нее, какъ она аккомпанировала

Скачковой, и ничего не понималъ. Какъ могла она такъ лгать! Такъ долго, долго лгать!?

Яковъ Кронидовичъ чувствовалъ себя загнаннымъ въ уголъ, откуда никуда не выскочишь. «Да, вѣрно! они взываютъ, но нѣтъ спасенія»... Подписать эту бумагу? Сдаться передъ еврейскимъ наскокомъ, сойдти съ широкаго пути правды и пойти узкими, заросшими тропинками лжи. Нѣтъ, лучше неизбѣжное... — Смерть!»

Но пока не пришла смерть, надо было владѣть собою. Надо было подать руку Вѣрѣ Константиновнѣ и съ нею идти за своею женою, шедшей подъ руку съ генераломъ Полуяновымъ, къ ужину. Надо было занимать своихъ сосѣдокъ Саблину и Баркову, надо было угощать, ѣсть самому, быть радушнымъ хозяиномъ.

У него вечеръ. Праздновали именины его жены, которая...

XXX

Послѣдними ушли Скачковы. Лидія Ѳедоровна очень трогательно прощалась съ Валентиной Петровной и Яковомъ Кронидовичемъ и, когда онъ цѣловалъ ея руку, она поцѣловала его въ лобъ, чего никогда раньше не дѣлала. Точно чувствовала она нестерпимую боль въ его сердцѣ.

Обыкновенно... въ такіе дни ихъ общаго супружескаго музыкальнаго успѣха...

Въ гостиной, гдѣ уже погашены были лишніе огни и въ люстрѣ горѣла только одна лампочка, Таня прибирала оставшіеся конфеты, ссыпая ихъ по коробкамъ. Валентина Петровна, сидя на диванѣ, кормила тянушкой Диди. Собака стояла, опираясь передними лапками въ колѣни Валентины Петровны и забавно тянула конфету, липнувшую къ ея зубамъ.. Валентина Петровна ласково ей улыбалась.

Когда Яковъ Кронидовичъ вошелъ въ гостиную, Валентина Петровна встала.

— Ахъ, я такъ устала сегодня, — сказала она, томно пожимаясь и скрывая зѣвоту. — Что Стасскій?.. Какой противный?!.. Насъ было тринадцать! Только такіе гадкіе люди, какъ онъ, не понимаютъ, что нельзя такъ поступать въ именины хозяйки дома.

Она внимательно посмотрѣла на лицо Якова Кронидовича. Оно было сурово и печально.

— Что съ тобою? — сказала она. — Опять Стасскій чѣмъ-нибудь тебя разстроилъ. Ужасный человѣкъ! Первый умъ Россіи! Куда же придетъ Россія, если такіе умы ею будутъ править!... Тебѣ понравилось мое платье?

Надо было что-то говорить. Она это чувствовала. Нельзя было обоимъ молчать и она боялась, что онъ скажетъ ей что-то ужасное. Онъ молчалъ. Его глаза были потухшіе и печальные, точно онъ узналъ о какомъ-то большомъ несчастьи и скрывалъ его.

— Ты здоровъ? — сказала она.

— Да... совершенно.

— Что же ты ничего не скажешь?.. О нашемъ вечерѣ... О моей игрѣ... о платьѣ... Я хороша была?

Ей было жаль его. И она ласкалась къ нему.

Таня забрала коробки и понесла ихъ въ столовую, чтобы спрятать въ буфетъ. Диди шла за ней.

— Покойной ночи, Аля, — тихо сказалъ Яковъ Кронидовичъ.

— Что съ тобой? — сердечно сказала Валентина Петровна, подходя къ мужу.

Она была готова на все, только бы не видѣть этой нечеловѣческой печали въ его глазахъ.

Онъ взялъ ее обѣими руками за голову и крѣпко поцѣловалъ въ лобъ. Потомъ онъ повернулся и пошелъ къ кабинету, гдѣ ему уже было постлано на диванѣ. Валентина Петровна слѣдила за нимъ глазами. Какъ ни велико было ея отвращеніе къ нему, сейчасъ жалость превозмогла это отвращеніе. Она ждала, что онъ повернется. Она сдѣлала три быстрыхъ порывистыхъ шага за нимъ и остановилась съ сильно бьющимся сердцемъ, держась рукою за тумбу бронзовыхъ часовъ.

Онъ не обернулся. Беззвучно закрылась дверь кабинета. Слабо щелкнулъ язычекъ рукоятки.

Валентина Петровна побѣжала къ себѣ въ спальню и бросилась лицомъ въ подушки. Она поняла: — онъ все зналъ. Стасскій ему сказалъ!... Вотъ оно: тринадцать!!!...

XXXI

Утромъ они не видались. Валентина Петровна еще спала, когда Яковъ Кронидовичъ уѣхалъ на какое-то вскрытіе.

Валентина Петровна долго гуляла по зимнимъ Петербургскимъ улицамъ. Теперь, когда она почувствовала, что мужъ все знаетъ, что ея ложь раскрыта, ей надо было обдумать дальнѣйшее поведеніе. Когда былъ живъ Портосъ — ей это казалось простымъ. Она уйдетъ совсѣмъ къ нему. Но Портоса не было и надо было какъ то, — или объясниться, или жить, заслуживая годами покорности прощеніе.. Яковъ Кронидовичъ давилъ ее своимъ благородствомъ. Если бы онъ накричалъ на нее, топалъ ногами, оскорблялъ, даже — пускай, — побилъ - бы... ей было бы легче. Но молчаніе, деликатный — точно отецъ поцѣловалъ, — вчерашній поцѣлуй въ лобъ — ее убивали.

Свѣжій, морозный воздухъ, серебристо голубая даль Петербургскихъ проспектовъ, веселая и людная зимняя тишина, гдѣ рѣзки были звонки трамваевъ, рѣдкіе гудки автомобилей, покрикиваніе на лошадей кучеровъ и извозчиковъ, гдѣ были розовы и точно счастливы лица прохожихъ, прикрытые прозрачнымъ туманомъ дыханія; расписанныя морознымъ узоромъ окна магазиновъ, за которыми горѣли лампы — все это освѣжило Валентину Петровну и разсѣяло ея черныя мысли. Она готова была на все. На самое ужасное... Хотя на то, что онъ убьетъ ее. Можетъ быть, потому была готова на это, что отлично знала, что онъ никогда, никого не убьетъ.

Яковъ Кронидовичъ вернулся домой только къ обѣду. Онъ долго и тщательно мылся въ ванной комнатѣ и переодѣвался и, когда пришелъ, Валентина Петровна увидѣла, что лицо его было необычно красно. Мокрая прядь волосъ свѣшивалась на лобъ. Борода не курчавилась и не блестѣла. Если бы Валентина Петровна не знала, что ея мужъ пьетъ очень мало и весьма крѣпокъ на голову, она подумала бы, что онъ выпилъ лишнее.

Они поздоровались, какъ всегда. Онъ поцѣловалъ ее въ щеку.

За столомъ Яковъ Кронидовичъ быстро и сумбурно, дѣйствительно, точно пьяный, разсказывалъ о дѣлѣ Дреллиса. Это очень занимало его послѣднее время.

— Они думаютъ — все могутъ!.. Шалишь!... Сильна Россія русскими людьми, а не жидами... Я тебѣ не Стасскій... Никакимъ шантажемъ они меня не запугаютъ!... Вздоръ! И на шантажистовъ управа какая нибудь найдется...

Онъ ничего не ѣлъ, но все говорилъ, говорилъ, путаясь и сбиваясь.

— Яковъ Кронидовичъ, — сказала Валентина Петровна. — Не простудился-ли ты? Нѣтъ-ли у тебя жара. Инфлюэнца по городу ходитъ.

— А что?

Онъ сразу какъ то осѣкся, точно испугался болѣзни.

— Да... Можетъ быть... Можетъ быть... Это бываетъ...

— Я тебѣ смѣряю температуру.

— Ахъ, пожалуйста, — снова раздражаясь, сказалъ онъ. — Какіе пустяки!..

Но она настояла на своемъ.

Якову Кронидовичу постлали въ кабинетѣ и онъ, какъ то вдругъ ослабѣвшій и размягченный, покорно далъ себя уложить на диванѣ. Валентина Петровна принесла термометръ. Онъ, тяжело дыша, не спускалъ съ нея глазъ и, молча, терпѣливо ожидалъ, когда пройдетъ десять минутъ.

— Сколько? — хриплымъ голосомъ спросилъ онъ.

когда она вытащила изъ подъ мышки термометръ. Не глядя на него, она уже знала, что очень много. Отъ его тѣла пышало жаромъ. Ея глаза прищурились. Въ нихъ отразился ужасъ. Но она переборола себя.

— Ничего, — сказала она. — Тридцать восемь и два. Ты простудился сегодня.

— Правда? — спросилъ онъ, мутными тяжелыми глазами слѣдя за нею.

Термометръ показывалъ почти сорокъ!

— Я приготовлю тебѣ питье, — сказала она, стараясь быть спокойной.

Когда она пришла къ нему съ графиномъ съ лимонадомъ и со стаканомъ, онъ лежалъ высоко на подушкахъ. Его лицо стало мѣднокраснымъ, глаза были широко раскрыты. Онъ былъ безъ сознанія.

Она сѣла подлѣ въ кресло. Два раза онъ попросилъ пить, но, когда она подносила ему стаканъ ко рту, онъ не могъ его взять. Тогда она мочила салфетку въ лимонадѣ и совала ему ее въ ротъ и онъ сосалъ ее, скашивая на нее, какъ ребенокъ, благодарные глаза.

Диди, тихо позванивая колокольцемъ, прибѣжала къ ней на упругихъ лапкахъ. Она прогнала ее сердитымъ шопотомъ. Таня приходила звать пить чай.

— Я посижу за васъ при баринѣ, — сказала она.

— Нѣтъ!... Нѣтъ... принесите мнѣ сюда чашку.

Онъ лежалъ неподвижно, то закрывая, то открывая глаза. Изрѣдка мучительно стоналъ.

Безпорядочныя страшныя мысли длинной нитью тянулись въ головѣ Валентины Петровны. Деревянная пила, что было оставила ее, снова принялась за работу.

Тринадцать!... Приходъ и исчезновеніе Стасскаго, не поздоровавшагося даже съ нею, разговоръ его съ Яковомъ Кронидовичемъ и эта внезапная, тяжкая болѣзнь имѣли какую то связь между собою. Съ замираніемъ сердца Валентина Петровна съ поразительной ясностью перебирала въ памяти всѣ подробности съ того дня, когда она увидала его въ туманѣ ноябрьскихъ сумерокъ разсматривающимъ номеръ дома, гдѣ была

ихъ тайная квартира. Онъ вѣрно тогда узналъ... А что, если это онъ?...

Но все послѣдующее было такъ естественно и просто. Онъ никогда бы не сумѣлъ такъ притворяться и лгать. Онъ — олицетвореніе правды!

И опять копошилась, загибалась крючками мысль, и впивались тѣ крючки въ самыя больныя мѣста.

«Кто же могъ такъ быстро и хорошо разрубить тѣло Портоса, такъ тщательно запаковать»?

И она вспоминала, какъ нѣсколько разъ онъ говорилъ, точно восхищаясь, какъ профессіоналъ, работою ужаснаго убійцы: — «это я-бы такъ хорошо и чисто не сдѣлалъ!...»

Ей хотѣлось спросить его теперь въ упоръ. Расширивъ прекрасные глаза она пристально смотрѣла въ его потухшіе, куда то ушедшіе глаза и мысленно повторяла: — «скажи!... Ты знаешь... знаешь?..»

Онъ молчалъ. Тяжело, съ хрипомъ вырывалось горячее дыханіе и была чужой и далекой душа, метавшаяся въ этомъ лежащемъ подлѣ нея страдающемъ тѣлѣ.

Среди ночи такой страхъ, такая слабость овладѣли ею, что она шатаясь, пошла къ себѣ. Предусмотрительная Таня оставила горѣть по всѣмъ комнатамъ электричество — и все-таки ей вездѣ мерещились призраки. У двери въ ея спальню въ креслѣ дремала одѣтая Таня.

Тревога вошла въ домъ и не выходила изъ него.

Валентина Петровна такъ не ожидала увидѣть здѣсь Таню, что вздрогнула и вскрикнула: —

— Ай! кто это?...

— Это я, барыня... Идите, ложитесь. Богъ дастъ къ утру оправятся баринъ. Ермократъ Аполлоновичъ за дохтуромъ съѣздили, утромъ пріѣдетъ дохтуръ и все опредѣлитъ. Богъ дастъ ничего такого и нѣтъ. Просто простудимшись баринъ.

Валентина Петровна дала себя раздѣть и легла. Такъ отрадна ей показалась ея мягкая, уютная постель, что она сейчасъ же и забылась крѣпкимъ сномъ. Но спала недолго. Какой то толчокъ вдругъ разбудилъ ее.

«Мой долгъ!... мой долгъ», — думала она, борясь со сномъ, — «быть тамъ. Онъ страдаетъ... Онъ хочетъ, можетъ быть, пить... Онъ очнулся — и одинъ тамъ. Боже, какъ страшно».

Но снова идти туда, по, хотя и освѣщеннымъ, но такимъ страшнымъ, пустымъ, ночнымъ ужасомъ напоеннымъ комнатамъ, гдѣ, казалось, каждая такая простая днемъ вещь, мебель, портьера, ночью точно жили своею непостижимою жизнью, ей показалось невозможнымъ и она сидѣла въ постели и не двигалась.

— Таня, — чуть слышно позвала она, и сама испугалась своего голоса.

Таня не отозвалась. Тогда ей показалось, что Таня пошла смѣнить ее и Яковъ Кронидовичъ лежитъ не одинъ. Если что нибудь будетъ нужно, Таня прибѣжитъ и разбудитъ ее. И не въ силахъ бороться со сномъ она повалилась на подушки и крѣпко уснула.

Проснулась она тогда, когда уже брезжилъ свѣтъ холоднаго февральскаго утра. За стѣной въ столовой стукнули брошенныя дрова. Тамъ растапливали печи. И этотъ обыкновенный, такой домашній, мирный покойный звукъ вернулъ Валентинѣ Петровнѣ самообладаніе. Надѣвъ халатъ и туфли, поправивъ руками у зеркала спутавшіеся волосы она пошла къ кабинету мужа.

Марья въ столовой растапливала печь, и сладко пахло дымкомъ сухихъ смолистыхъ щепокъ. Окно было сплошь покрыто ледянымъ узоромъ мороза, и оранжевое солнце отражалось въ немъ. Диди не было, — собака, должно быть, гуляла съ Таней. Дверь въ кабинетъ была плотно заперта. Валентина Петровна смѣло открыла ее. Лампа подъ желтымъ съ чернымъ кружевомъ абажуромъ освѣщала изголовье постели. Все такъ же, не перемѣнивъ положенія и съ такимъ же страшнымъ буро-краснымъ лицомъ, тяжело дыша, лежалъ Яковъ Кронидовичъ.

Надъ нимъ, впившись въ вальки глубокаго кожанаго кресла длинными волосатыми пальцами обезьяньихъ рукъ сидѣлъ Ермократъ. На легкій скрипъ открываемой двери онъ повернулъ голову. Конопатое, покры-

тое оспенными рябинами, худое, въ косматой бородѣ и волосахъ, лицо его было ужасно.

Валентинѣ Петровнѣ показалось, что это самъ дьяволъ пришелъ взять душу Якова Кронидовича. Злоба и угроза были въ вспыхнувшихъ глазахъ Ермократа.

Валентина Петровна попятилась отъ двери, зацѣпилась за коверъ и безъ памяти упала навзничь на полъ.

XXXII

Утромъ былъ докторъ. Днемъ былъ консиліумъ трехъ врачей — товарищей Якова Кронидовича. Они долго совѣщались, потомъ ходили въ ванную, мыли руки и пришли къ Валентинѣ Петровнѣ, ожидавшей ихъ въ столовой за чайнымъ столомъ.

По ихъ озабоченнымъ лицамъ она догадалась, что — плохо.

У Якова Кронидовича было найдено — трупное зараженіе въ очень сложной, неизлѣчимой формѣ. Врачи удивлялись, какъ это могло быть? При Валентинѣ Петровнѣ, не стѣсняясь, они говорили о томъ, сколько труповъ вскрывалъ и препарировалъ Яковъ Кронидовичъ.

Высокій и толстый Захаровъ, свѣтило медицинской науки, ученикомъ котораго былъ Яковъ Кронидовичъ, въ сѣдыхъ волосахъ и кудряхъ большой, старообрядческой бороды говорилъ: —

— Чтобы ланцетомъ задѣть себя по шеѣ!... Это и студентъ, первый разъ работающій надъ трупомъ никогда не сдѣлаетъ... Одно чувство брезгливости должно остановить... Развѣ, что нарочно...

Дальше Валентина Петровна ничего не соображала. Она слышала слова, даже, кажется, отвѣчала, но была какъ бы безъ сознанія. Это — «нарочно», казавшееся такимъ невѣроятнымъ коллегамъ Якова Кронидовича для нея было звеномъ соединявшимъ воедино Стасскаго, Портоса и ея измѣну.

Они не допускали, чтобы Яковъ Кронидовичъ могъ это сдѣлать нарочно — она поняла, что именно это было сдѣлано умышленно. Яковъ Кронидовичъ покончилъ съ собой.

Тупая, деревянная пила перепилила ее надвое. Одна половина Портосу — мертвому. Другая Якову Кронидовичу — тоже мертвому, ибо надежды не было никакой.

Ея блѣдность, отчаяніе, ея отвѣты невпопадъ были естественны и понятны. Она хорошо жила съ мужемъ. Она не возбудила ничьего подозрѣнія. Ее жалѣли и ей сочувствовали.

Прошло три кошмарныхъ дня и три ночи. Яковъ Кронидовичъ не приходилъ въ себя. Температура не спускалась, онъ сгоралъ на глазахъ Валентины Петровны. «Огнь поядающій» коснулся его.

Была глухая исповѣдь и причащеніе. Послѣ него больной сталъ тише и спокойнѣе дышать и, не приходя въ сознаніе, скончался.

Въ день его смерти изъ дома ушелъ Ермократъ — ушелъ и не вернулся. Это было сначала очень неудобно. Смерть внесла въ домъ такъ много хлопотъ и некого было послать. Но продолжалось это недолго. Едва только появилось въ «Новомъ Времени», траурное объявленіе, заказанное Валентиной Петровной по телефону, какъ смерть завела свои порядки въ ея квартирѣ. Пришли совсѣмъ незнакомые, чужіе студенты и студентки, какой то солидный господинъ весь въ черномъ, — какъ оказалось — представитель бюро похоронныхъ процессій, спокойно и увѣренно распоряжался въ квартирѣ Валентины Петровны, какъ у себя въ домѣ, и Валентинѣ Петровнѣ ничего не оставалось, какъ отдаться этимъ людямъ и предоставить имъ дѣйствовать.

Зеркала были затянуты чернымъ холстомъ. Въ гостиной была сдвинута мебель, появился черный катафалкъ, стучали молотками, носили большіе церковные свѣщники. Въ раскрытую настежь на лѣстницу дверь шелъ свѣжій воздухъ и мужики въ рубашкахъ, топоча высокими сапогами и дыша морозомъ, вносили тяжелыя

кадки съ лавровыми деревьями и пальмами. Запертая въ спальню Диди жалобно повизгивала, плача.

Жизнь повела приступъ на смерть и жизнь побѣдила.

Когда Валентина Петровна, обряженная Таней въ полный трауръ, съ лицомъ прикрытымъ длинною черной вуалью вошла въ гостиную и увидала гробъ, покрытый цвѣтами, множество вѣнковъ, прислоненныхъ къ подножію катафалка, желтые языки свѣчей, священника и дьякона, кадящихъ гробу и темные волосы и бороду мужа, просвѣчивающіе сквозь кисею, когда послѣ глубокой тишины въ комнатѣ, гдѣ тѣсно стали ея знакомые и гдѣ было слышно сначала лишь мѣрное позвякиваніе колецъ кадила, вдругъ густой и властный голосъ діакона прервалъ эту почтительную тишину страшными и непонятными словами:

— Гласъ осьмый!... Аллилуіа!

И сдержанно, тихо и увѣренно, будто ангельскими голосами отвѣтилъ дьякону изъ прихожей хоръ пѣвчихъ — Валентина Петровна поняла, что собственно — и нѣтъ смерти. Есть жизнь безконечная.

XXXIII

Послѣ похоронъ мужа жизнь Валентины Петровны стала ужасна.

Дома все напоминало: призраки Портоса, отца и гробъ Якова Кронидовича. Сквозь запахъ цвѣтовъ ей теперь всегда слышался преслѣдовавшій ее всю ея брачную жизнь тошный запахъ тлѣнія. Дома она никуда не могла уйти отъ него. Она не отпускала отъ себя Таню... Она искала друзей, сочувствія.

Друзей не было.

Тотъ таинственный обручъ, которымъ въ мысляхъ своихъ Валентина Петровна соединила надъ изголовьемъ умирающаго мужа — Стасскаго, Портоса, его страшную смерть и это ужасное слово «нарочно» — не былъ больше тайной.

По Петербургу поползла сплетня.. И сплетня эта была, что въ тайной гарсоньеркѣ бывала Валентина Петровна и что Яковъ Кронидовичъ изъ за нея покончилъ съ собою. И, хотя знали, что слѣдствіе дозналось, что наканунѣ убійства Портоса въ гарсоньерку проникла и тамъ ночевала нѣкая Агнеса Васильевна Крейгеръ, состоявшая въ партіи соціалистовъ революціонеровъ, занимавшаяся пропагандой въ войскахъ и одно время бывшая въ связи съ штабсъ капитаномъ Багреневымъ, исчезнувшая изъ Петербурга и разыскиваемая полиціей, хотя полиція искала съ большимъ рвеніемъ, но и такъ же безуспѣшно нѣкоего Ермократа Грязева, которыхъ именно и подозрѣвали въ убійствѣ и едва-ли не съ политическими цѣлями — молва приплетала къ этому Валентину Петровну и отношеніе общества къ ней измѣнилось.

Дамы присылали холодныя lettres de condoleance*), едва ли не списанныя изъ письмовника. Онѣ заходили къ ней изрѣдка, но въ ихъ разговорѣ было столько любопытства, раздражавшаго Валентину Петровну, что она избѣгала видѣть ихъ. Тѣ, кто бывалъ у нихъ, кто слушалъ ихъ концерты, кто пилъ и ѣлъ у нихъ теперь почти не бывали.

Былъ Долле, неуклюжій и смущенный, заходилъ Обри, смотрѣвшій на Валентину Петровну взглядомъ, полнымъ такого состраданія, что лучше бы не приходилъ вовсе.

Валентинѣ Петровнѣ надо было уѣхать и она уже рѣшила уѣхать къ матери доживать свой вдовій вѣкъ, но ее держали дѣла. Яковъ Кронидовичъ оставилъ завѣщаніе, гдѣ все свое состояніе, большею частью въ рентѣ и процентныхъ бумагахъ, завѣщалъ ей. Надо было ликвидировать квартиру и продать мебель. Слѣдователь просилъ ее остаться нѣкоторое время въ Петербургѣ и для чего-то опечаталъ рабочій кабинетъ Якова Кронидовича и комнату Ермократа. Видъ запертыхъ дверей съ навѣшенными бирками съ печатями усугублялъ таинственный ужасъ квартиры, и по вечерамъ

*) Соболѣзнующія письма.

Валентинѣ Петровнѣ чудилось, что тамъ кто то ходитъ и слышались тамъ голоса. Жить одиноко въ Петербургѣ было нестерпимо. Доживать свой вѣкъ, когда еще не стукнуло 28-ми лѣтъ — и казалось, что и жизнь-то ея по настоящему еще не начиналась — было ужасно. Были мысли — поступить въ сестры милосердія... пойти въ монастырь... Какъ то не улыбалось ей ни то, ни другое въ ея молодые годы, при ея здоровьи... при ея свободныхъ средствахъ...

И, мало по малу, всѣ ея мысли сошлись на одномъ: — «ахъ! уѣхать куда нибудь, гдѣ бы никто ее не зналъ, гдѣ бы не слышали ничего про убійство Портоса, гдѣ были бы совсѣмъ другіе, новые люди, которые ее полюбили бы по хорошему».

«Вѣдь не такая же я плохая!? Неужели никому я не нужна?... Я красивая, молодая, добрая, сильная, талантливая, жаждущая работы, дѣятельности... и такъ любящая жизнь!...»

Въ двадцатый день по смерти Якова Кронидовича она рѣшилась исповѣдаться. Она пошла не въ свой приходъ, а къ священнику о. Александру Васильеву, въ чужой приходъ, пошла къ нему, такъ какъ слыхала о его свѣтлой жизни и большомъ умѣ.

Сначала мучительно, съ трудомъ, но потомъ все легче, свободнѣе и просторнѣе лилась ея исповѣдь и съ каждымъ словомъ покаянія тяжесть точно сползала съ ея души.

Близко отъ нея была большая борода лопатой, темная въ сѣдинѣ и кроткіе сѣрые простые глаза.

Она кончила. Стояла въ траурномъ платьѣ, въ черной шляпѣ съ плерезами и длинной до пятъ вуали, устремивъ глаза на раскрытое евангеліе и золотой крестъ, и крупныя слезы блестящими алмазами застыли въ рѣсницахъ нижнихъ вѣкъ. Кротко и тихо говорилъ ей отецъ Александръ о силѣ грѣха, о милосердіи Божьемъ, о волѣ Господней, о наказаніи и прощеніи.

— Раскаиваетесь-ли вы въ совершенномъ?

Она, молча, кивнула головой. Не въ силахъ была говорить.

— Вѣрите-ли вы въ Господа и Его милосердіе, въ Его прощеніе и Святое Таинство Причащенія?

— Не вѣровала бы — не пришла-бы, — утирая слезы тонкимъ платочкомъ, сказала Валентина Петровна.

— Господь по своему милосердію проститъ васъ.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Поступайте такъ, какъ укажетъ вамъ ваше сердце. Господь направитъ васъ. Въ Него вѣруйте и Ему довѣрьтесь.

Со страннымъ облегченіемъ въ душѣ она цѣловала крестъ и Евангеліе и ей казалось, что Кто-то, необычайно добрый, такой, какимъ не можетъ быть человѣкъ, говорилъ ей слова отпущенія грѣховъ.

На другой день, утромъ, она вмѣсто чернаго траурнаго платья, надѣла бѣлое и въ кружевной мальтійской косынкѣ крэмоваго цвѣта, поѣхала съ Таней къ обѣднѣ причащаться.

Когда ѣхала назадъ, по хорошему санному пути — эти дни нападало много снѣга — ей казалось, что она не узнаетъ Петербурга.

Все блистало въ яркомъ мартовскомъ солнцѣ. Морозъ былъ небольшой, и весело бѣжали извозчичьи лошади подъ сѣрыми попонками, сани стремились куда то и звучны были голоса прохожихъ. Въ матовомъ синемъ небѣ протяжно и печально звучали колокола великопостнаго перезвона. Упругій вѣтерокъ налеталъ съ моря и несъ запахъ каменнаго угля, смолы: — широкаго простора. Валентинѣ Петровнѣ казалось, что дома ее ждетъ какая то большая радость!

Не могло быть иначе въ такой великій день, когда она, причастницей самого Господа Іисуса Христа, входила въ опостылѣвшую ей квартиру.

XXXIV

Дома ее встрѣтила своими особыми ласками Диди. Въ столовой Марья приготовила чай — Валентина Петровна, блюдя обычай, ничего не ѣла и не пила до причащенія. На подносѣ у ея прибора лежало письмо.

Валентина Петровна все въ томъ же возбужденномъ и приподнятомъ настроеніи сѣла за столъ и взяла въ руки конвертъ. Загородная семикопѣечная марка и странный штемпель почтовой станціи «Ляохедзы»... Почерка она сразу не узнала. Маленькимъ ножичкомъ она вскрыла письмо.

Отъ Петрика.. Двадцать дней!... Десять дней шла къ Петрику газета «Новое Время», гдѣ въ шести черныхъ рамкахъ было напечатано о смерти Якова Кронидовича. Сначала объявляла объ этомъ «убитая горемъ» вдова, потомъ Медицинскій Совѣтъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Императорская Медико-Хирургическая Академія, слушатели и слушательницы Энскаго университета, Женскій медицинскій институтъ и Императорскій институтъ экспериментальной медицины — эти шесть объявленій сказали Петрику какое большое и сколькими людьми уважаемое лицо умерло и сказали ему о горѣ госпожи нашей начальницы и о томъ, что «божественная» теперь свободна. И подъ горячимъ впечатлѣніемъ самыхъ разнородныхъ чувствъ Петрикъ писалъ Валентинѣ Петровнѣ свое «кондолеансное» письмо. Десять дней шло оно до Петербурга.

Должно быть, когда «запускалъ» онъ перо въ чернильницу — изъ нея не вылетѣла муха, а налиты были хорошія чернила и въ эту ночь какъ видно сама «литература» ночевала съ Петрикомъ.

Такое чуткое, нѣжное и теплое письмо было написано имъ! Онъ осторожно, утѣшая ее въ двойной потерѣ, — трагической смерти друга и безвременной кончинѣ мужа, намекалъ ей, что теперь она свободна. Онъ писалъ ей, что, попавъ въ глухую Маньчжурію, въ постовую казарму — онъ убѣдился въ томъ, что въ «хо-

лостомъ» полку, съ его устоявшимся бытомъ и трехъ вѣковыми традиціями — одно, а на глухой окраинѣ въ Китайской Маньчжуріи совсѣмъ это другое.

...«Какъ говорится, госпожа наша начальница, пишется «конка», а выговаривается «трамвай»... Здѣсь женатый офицеръ полезнѣе холостого, особенно если онъ командуетъ сотней, или полкомъ. Тутъ нѣтъ офицерскихъ собраній и, если нѣтъ смягчающаго женскаго вліянія, то остается — пить подъ луну, подъ лай собаки, играть въ «мяу», или сидѣть надъ ведромъ съ водой въ пустомъ сараѣ и ждать, когда въ особый прорѣзъ въ потолкѣ упадетъ въ это ведро бродячая по крышѣ крыса. Невеселая это исторія... Сколь много можетъ тутъ сдѣлать женщина, именно, въ сковываніи этого только зарождающагося военнаго быта, въ созданіи благородныхъ рыцарскихъ традицій... Такая, какъ вы съ дѣтства выросшая въ Старо-Пебальгскомъ полку, музыкантша, знающая языки — вы несли бы ту изящную русскую культуру въ новый край, что мнѣ, солдату, не подъ силу...»

Вотъ оно какимъ языкомъ заговорилъ Петрикъ! Получить такое письмо на двадцатый день послѣ смерти мужа! Не рано-ли?...

Въ тотъ же вечеръ она написала ему отвѣтъ. Она писала у себя въ спальнѣ, на прекрасныхъ листахъ великолѣпной англійской , плотной бумаги, писала своими тонкими, большими косыми буквами. И первый разъ ей не было страшно въ ея спальнѣ одной.

Диди лежала у нея на колѣняхъ, но она не мѣшала ей. Сѣрый котъ уютно мурлыкалъ подъ зеркаломъ Сѣрый котъ былъ большой философъ и онъ точно говорилъ: — въ Маньчжурію, такъ въ Маньчжурію: и тамъ люди живутъ.

Валентина Петровна писала, что ея жизнь кончена. Она гадкая, подлая женщина, измѣнявшая своему мужу и, можетъ быть, это она виновница его смерти. Она недостойна жить. Въ 28 лѣтъ — она старуха, она изжила свою жизнь и ей остается — монастырь.

Чѣмъ больше бичевала она себя, чѣмъ больше пи-

сала о томъ, что ея жизнь кончена — тѣмъ меньше она вѣрила этому.

Да Петрикъ и не нуждался въ ея увѣреніяхъ. Онъ не ждалъ ея отвѣтовъ. Десять дней шло письмо туда и десять дней обратно. Отвѣтъ она могла получить лишь на двадцатый день, а уже черезъ три дня пришло письмо отъ Петрика, а тамъ еще одно и такъ пошло.

Какая разница была между этими письмами Петрика, что сберегала Валентина Петровна въ своемъ портфелѣ и письмами Портоса, что рвала она на мелкіе клочки и развѣивала по вѣтру за кладбищемъ Заходустнаго Штаба!

Въ тѣхъ была страсть, жажда обладанія ея тѣломъ, ничѣмъ не прикрытая похоть. Въ письмахъ Петрика ни слова о страсти, о **той** любви, но призывъ товарища помочь товарищу, призывъ друга подсобить по дружбѣ. Онъ присылалъ ей фотографіи казармъ, своей квартиры, своей сотни на маленькихъ бѣлыхъ косматыхъ монгольскихъ лошадкахъ. Онъ писалъ ей, чего онъ достигъ съ этими лошадьми.

...«Въ сотнѣ у меня есть прямо феномены. Въ самой 1 аршинъ 14 вершковъ роста, а прыгаетъ два аршина съ вершкомъ... У насъ уже весна, потаялъ снѣгъ и зеленѣетъ степь. Когда мои лошади въ табунѣ и я ѣду, онѣ издали блестятъ серебромъ, какъ бѣлое озеро... Такая красота!..»

Онъ купилъ по случаю чистокровнаго англійскаго жеребца — «удивительной ѣзды, чтобы было на чемъ вамъ ѣздить, божественная!..»

Сумасшедшій Петрикъ!

Онъ описывалъ красоту прогулокъ, охоту на джейрановъ, на утокъ и на фазановъ, «можно и на медвѣдя и на тигра, если госпожа наша начальница того пожелаетъ». И у насъ будутъ скачки и всякія состязанія — этотъ годъ еще не могу, а на будущій выпишу часовъ, какъ давали у васъ въ Старо-Пебальгскомъ полку.

Ко дню ея рожденія онъ прислалъ ей серебряный китайскій амулетъ «съ хорошими словами» и написалъ, что ее ожидаютъ расшитые шелками китайскіе халаты

и курмы, а — «Александръ Ивановичъ — это китаецъ поставщикъ — отдѣлываетъ ей квартиру, какъ игрушку».

Противъ воли — она уже жила его интересами. Фанзы, манзы, готовящіеся къ состязаніямъ на призы солдаты Заамурцы, мудреныя китайскія названія деревень — всѣ эти Даянельтуни, Шань-да-охедзы — ей казались родными.

...«Цвѣтутъ грушевыя и тутовыя деревья, въ огородахъ все пестро цвѣтущимъ макомъ — а какой воздухъ, какая звенящая даль до самыхъ фіолетовыхъ горъ... И какъ тепло уже!...»

— Что же вамъ пишутъ, барыня, Петръ Сергѣевичъ — спросила Таня, которой Валентина Петровна показывала фотографіи сотни и солдатъ Петрика.

— Предложеніе дѣлаетъ. Жениться на мнѣ хочетъ, такой непутевый, — первый разъ улыбаясь, шутливо сказала Валентина Петровна.

— Ничего не непутевый. Какъ слѣдоваетъ поступаетъ.

— Что вы, Таня!... Давно-ли мужа схоронила, и трехъ мѣсяцевъ нѣтъ, а вы замужъ!?

— Вы подумайте, барыня... Себя припомните. То вы ошиблись... А тутъ, какъ маменька ваша, были бы матерью командиршей...

И, отдавая карточки Валентинѣ Петровнѣ, Таня пошла къ дверямъ, и уже въ дверяхъ, вся закраснѣвшись, и смутившись, закрывая локтемъ лицо, проговорила, широко улыбаясь: —

— Что тутъ однѣ то сидимъ, ровно старухи какія! Чего мы тутъ не видали въ Питербурхѣ то этомъ? Толи бы дѣло, какъ въ Захолустномъ Штабѣ! Такъ-то вотъ хорошо!... Съ солдатиками-то...

И убѣжала изъ комнаты.

XXXV

Въ мартовскій вечеръ Вася Ветютневъ возвращался домой послѣ засѣданія Энскаго Окружного Суда. Судили Менделя Дреллиса. Первый разъ, онъ, такой сторонникъ реформъ Императора Александра II, усумнился въ пользѣ гласнаго суда и института присяжныхъ засѣдателей.

Такая вышла ерунда!...

Въ судѣ былъ «большой день» — но судъ показался Васѣ насмѣшкой надъ правосудіемъ. Въ залѣ суда были лучшіе представители адвокатуры, знаменитый прокуроръ, а гражданскимъ истцомъ были привлечены блестящіе представители науки въ качествѣ экспертовъ, имъ возражали со стороны защиты — европейскія знаменитости.

Вася видѣлъ, какъ внимательно и почтительно выслушивали представители радикальной интеллигенціи, адвокаты Дреллиса показанія разныхъ «шмаръ», «подсѣвайлъ», полицейскихъ сыщиковъ самаго послѣдняго разбора, той полиціи, презрѣннѣе которой у нея ничего не было. Эти лица обѣляли Дреллиса, на судѣ плели свое хитрое кружево различныхъ «версій» кто и почему могъ убить Ванюшу Лыщинскаго и доказывали, что кто угодно могъ убить его, только не жиды. И тѣ же благодушные присяжные повѣренные, съ тяжелыми золотыми цѣпочками на волосатыхъ рукахъ грозно покрикивали на единственныхъ свидѣтелей обвиненія, оставшихся въ живыхъ — Марью Петровну и фонарщика Казиміра Шадурскаго. Послѣдній отказался отъ всѣхъ своихъ показаній и только растерянно повторялъ: —

— Мнѣ свѣтъ милѣй!...

Центромъ судебнаго засѣданія была медицинская экспертиза. Профессоръ Аполоновъ превзошелъ самъ себя. Ясно, точно, будто показывая многочисленной публикѣ и присяжнымъ, трупъ несчастнаго мальчика онъ доказалъ какъ и для чего былъ убитъ мальчикъ.

Послѣ его показанія читали письменное показаніе Якова Кронидовича. Въ залѣ стояла напряженнѣйшая тишина.

Блѣдное лицо Дреллиса, обрамленное черною бородою стало восковымъ. Глаза его бѣгали по сторонамъ. Точно пришла на судъ тѣнь мальчика и требовала возмездія.

Внушительнымъ басомъ, будто человѣкъ иного міра говорилъ ксендзъ Адамайтисъ. Онъ цитировалъ тексты и доказывалъ полную возможность преступленія.

Въ залѣ суда создавалась страшная, зловѣщая напряженность. Точно передъ нею совершалось снова это преступленіе. Лица защиты переглядывались другъ съ другомъ. На смѣну однимъ профессорамъ выступили другіе. Профессора защиты. Хирургъ съ европейскимъ именемъ, старый профессоръ Петровъ старался опорочить показанія Аполонова и Якова Кронидовича: —

— Моимъ предшественникомъ профессоромъ Аполоновымъ, — говорилъ онъ, — было указано, что я и профессоръ Бадьянъ, при обсужденіи причинъ смерти Лыщинскаго разошлись съ нимъ во взглядахъ. Я, какъ хирургъ, также, какъ и профессоръ Бадьянъ, мы имѣемъ свой опытъ, и довольно большой, на что указываетъ наша сѣдина и то положеніе, которое мы занимаемъ въ обществѣ и ученомъ мірѣ. Мы работаемъ, главнымъ образомъ, надъ живыми людьми, между тѣмъ, какъ профессора, имѣющіе дѣло съ судебно-медицинскими вскрытіями, работаютъ надъ явленіями, которыя оказываются уже на секціонномъ столѣ анатомическаго театра.

И путемъ ряда ловко построенныхъ посылокъ профессоръ далъ совсѣмъ другую картину убійства мальчика Лыщинскаго. Ванюша былъ просто убитъ... Да, мучительно, неловко убитъ, но когда же убійца, если онъ не профессіоналъ, ловко убиваетъ? Кровь изъ него не источали — она пролилась сама, какъ проливается при всякомъ убійствѣ. Ему зажимали ротъ, но его не душили.

Вася помнилъ, какъ патетически и авторитетно воскликнулъ профессоръ: —

— Я спрашиваю себя, можно ли задушить человѣка, зажимая ему ротъ, и отвѣчаю: — никогда!...

И несмотря на всю нелѣпость этой фразы — толпа ей повѣрила. Говорилъ профессоръ, а какъ не вѣрить профессору!? Да еще такому, какъ Петровъ!

Профессоръ отрицалъ страданія мальчика. Онъ говорилъ: —

—Двѣ раны на головѣ, нанесенныя по уклону черепа очень мало мучительны. Мы вырѣзаемъ на головѣ по 16 опухолей заразъ у дамъ, очень нервныхъ и онѣ легко переносятъ раненія... Понятіе о чувствительности весьма условно... Что мальчикъ дрыгалъ ногами — то это могло быть явленіемъ рефлекторнымъ, а не сознательной дѣятельностью.

Съ милой граціей любующейся на себя передъ толпою знаменитости профессоръ все страшное убійство представлялъ, какъ милую шутку.... Обезкровленія не было.

— Вѣдь и курицу когда рѣжутъ — кровь есть, — говорилъ хирургъ.

Все то, что такъ тщательно было изучено и доказано Яковомъ Кронидовичемъ и Аполоновымъ было опровергнуто въ чуть насмѣшливомъ тонѣ. Хирургъ показывалъ свое превосходство надъ прозекторомъ.

— Вы говорите — мучительныя страданія?... Какъ понимать это? Какъ можно причинить смерть, не причиняя мученій? Спеціальныя, особо мучительныя поврежденія здѣсь не наносились.

«Тебя бы такъ» — думалъ Вася. Онъ смотрѣлъ на сухое, старое лицо профессора. Онъ былъ русскій, не еврей, но о замученномъ мальчикѣ онъ говорилъ, какъ о зарѣзанной курицѣ. Въ своей лабораторіи онъ привыкъ мучить и истязать животныхъ, на операціонномъ столѣ онъ привыкъ къ страданіямъ больныхъ — и вся та сложная и большая драма Ванюши, которую зналъ Вася — представлена была, какъ маленькій ничего не стоющій эпизодъ. Убійство — какія совершаются каждый день и ничего въ немъ нѣтъ особеннаго, ничего указывающаго, чтобы его цѣли выходили изъ рамокъ

всякаго убійства. Кому то надо было убить — и убили.. Кому-то, — но не непремѣнно евреямъ.

Послѣ Петрова выступили психіаторы. Они доказывали, что это было самое обыкновенное убійство.

Ксендзу Адамайтису возражали профессора Воскресенскій, Барановъ, Любоміровъ и раввинъ Земанъ. Четыре на одного! Они опровергли Адамайтиса.

Вася слышалъ, какъ на сказанный Адамайтисомъ текстъ Талмуда: — «сказалъ рабби Іисусъ: я слышалъ, что жертвы приносятся, хотя бы и не было храма: что великая святыня вкушается хотя бы и не было келаимъ (завѣсы)... ибо первое освященіе освятило на то время и на будущее» — экспертъ защиты отвѣтилъ, что приведенный текстъ относится ко времени устройства храма Зоровавеля, когда приношеніе жертвъ начало совершаться раньше постройки самаго храма, на сооруженномъ для сего жертвенникѣ.

— Говорятъ, что евреи примѣшиваютъ кровь въ мацу — заявилъ профессоръ Воскресенскій, — но такое мнѣніе я считаю фантастическимъ бредомъ... Талмудъ, кромѣ нравственнаго ученія ничего не содержитъ.

Вася отлично помнилъ, что Адамайтисъ ничего не говорилъ о примѣшиваніи крови къ мацѣ, но помнили ли это присяжные?

Двѣ правды встало на судѣ передъ присяжными и судьями и за обѣ стояли профессора, ученые, люди науки. Какое же уваженіе могло быть послѣ этого къ наукѣ, которую можно было примѣнить и такъ и этакъ? Не было единой истины. Но истина была такая, какъ на нее смотрѣть. Если смотрѣть со стороны обвиненія — одна была истина — со стороны защиты совсѣмъ другая. И тутъ и тамъ были профессора. И гдѣ же было разобраться въ этомъ дѣлѣ простымъ людямъ, присяжнымъ засѣдателямъ? На судѣ имъ точно говорилось: — «законъ дышло, куда хочешь — туда и воротишь». Научный законъ такой-же.

И ворочать это дышло были призваны они. Дать двадцать лѣтъ каторжныхъ работъ чернобородому ев-

рею съ твердымъ и умнымъ, блѣднымъ лицомъ, или махнуть рукою и признать, какъ говорятъ всѣ эти умные, просвѣщенные люди, профессора, академики, что мальчикъ убитъ... какъ курица...

«Да», — думалъ Вася, — «страшное дѣло судъ. И особенно страшное еще потому, что надъ каждымъ изъ нихъ висятъ слова Христа: — не судите, да не судимы будете, и какимъ судомъ осудите — такимъ и васъ осудятъ»... Какъ имъ судить!»

XXXVI

Вася, переживая впечатлѣнія суда, вспоминалъ страстное, вдохновенное слово гражданскаго истца.

Тотъ разсказалъ все то, что ему передали свидѣтели, дѣти Чапуры, фонарщикъ, самъ Вася и покойный Яковъ Кронидовичъ.

Высокій, тощій, въ пенсне, съ растрепанной интеллигентской бородой, со страстной, быстрой образной рѣчью, онъ говорилъ: —

— Господа присяжные засѣдатели! Я выступаю здѣсь въ качествѣ повѣреннаго Александры Лыщинской. Много она перенесла по этому дѣлу, и горя ея, ея страданій не выразишь словами! У нея уже нѣтъ слезъ, чтобы плакать. Вы вспомните, лишившись сына, замученнаго, обезкровленнаго, брошеннаго, какъ падаль, чему она подверглась?! Это было издѣвательство, надругательство и только простой русскій человѣкъ можетъ снести все это терпѣливо и кротко. Она потеряла сестру, которая любила Ванюшу и не вынесла всего того, что пало на ихъ голову. Она и сама потеряла здоровье и скоро предстанетъ предъ лицо Всевышняго. И вотъ теперь, перенеся все это, все испытавъ, она, простой, безхитростный человѣкъ, обращается къ вамъ, изъ которыхъ большинство тоже простые русскіе люди и проситъ точнаго опредѣленнаго отвѣта — кто убилъ, кто замучилъ ея Ванюшу, отвѣта, который былъ бы данъ,

не страха ради іудейска, а по совѣсти, по вашей совѣсти русскихъ православныхъ людей. Дайте же намъ отвѣтъ! Его ждетъ отъ васъ, не только Александра Лыщинская, его ждетъ вся Россія!»

Ни ораторъ, ни Вася не думали тогда, сколь равнодушна была къ этому дѣлу Россія! Отвѣта присяжныхъ ждала не Россія, но ждалъ весь еврейскій міръ, чутко и жадно прислушивавшійся къ тому, что скажутъ простые Русскіе люди. Онъ ждалъ для того, чтобы рѣшить чего достоинъ Русскій народъ. Русскій народъ держалъ экзаменъ передъ еврейскимъ міромъ. И могъ получить онъ на немъ, или снисходительное одобреніе — или жестокую еврейскую месть до седьмого колѣна!

Двѣ правды стояло передъ ними — правда обвиненія и правда защиты — и проще всего было искать въ такомъ случаѣ правду гдѣ-то по-серединѣ.

Два вопроса было предложено на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей: о событіи преступленія и о виновности Менделя Дреллиса.

— «Доказано-ли, что 12-го марта 1911 года въ Энскѣ на Нагорной улицѣ, въ одномъ изъ помѣщеній кирпичнаго завода еврея Русакова, 13-тилѣтнему мальчику Ивану Лыщинскому, при зажатомъ ртѣ, были нанесены колющимъ орудіемъ въ теменной, затылочной и височной областяхъ, а также въ шеѣ раны, сопровождавшіяся пораненіями мозговой вены, артеріи лѣваго виска и шейныхъ венъ, и давшія вслѣдствіе этого обильное кровотеченіе, а затѣмъ, когда изъ Лыщинскаго вытекла кровь въ количествѣ до пяти стакановъ, ему вновь были причинены такимъ же орудіемъ раны въ туловище, сопровождавшіяся пораненіями легкихъ, печени, правой почки и сердца, въ область котораго были направлены послѣдніе удары, каковыя раненія, въ своей совокупности числомъ 47, вызвавъ мучительныя страданія Лыщинскаго, повлекли за собою почти полное обезкровленіе тѣла и смерть его»?

Тѣнь Ванюши, вызванная показаніями профессора Аполонова и точно приведенная на судъ Яковомъ Кронидовичемъ, встала передъ присяжными, и тѣ отвѣтили:

— Да, доказано...

Россія подписала себѣ приговоръ. Она стала въ рядъ «отсталыхъ» государствъ. Ее ждала еврейская месть. Россія признала ритуальность убійства.

На вопросъ о виновности Дреллиса въ совершеніи убійства — послѣдовалъ отвѣтъ:

— Нѣтъ, не виновенъ.

Чуждый мести, слабовольный и мягкосердечный простой Русскій обыватель не посмѣлъ къ страданіямъ матери Лыщинскаго прибавить страданія на каторгѣ убійцы. Онъ не захотѣлъ взять на себя осужденіе. Онъ простилъ убійцу.

Не судите, да не судимы будете!

Онъ надѣялся, что когда настанетъ судъ жида надъ нимъ — жидъ его помилуетъ. Тѣмъ же судомъ его осудитъ.

Вася Ветютневъ былъ потрясенъ. Онъ пересталъ вѣрить въ правосудіе.

Онъ хотѣлъ бросить университетъ — и идти на военную службу...

XXXVII

У Валентины Петровны испортились ея маленькіе часики-браслетъ. Она сама понесла ихъ на просмотръ къ часовщику.

Было майское утро, и была та прелестная Петербургская весна, съ какой не сравнится никакая южная. Воздухъ благоухалъ березовыми и тополевыми почками и казалось мокрыя плиты петербургскаго троттуара излучали это благоуханіе. Валентина Петровна вышла на Невскій и поднималась къ Аничковскому мосту. Она задержала шагъ, любуясь на Клодтовскія статуи голыхъ людей, укрощавшихъ лошадей. Ей почему то вспомнилось дѣтство, Захолустный штабъ, полковой плацъ... Мысль побѣжала дальше. Вспомнила Фортинбраса.... Портоса.

«Милый Петрикъ! Купилъ для меня чистокровную лошадь. И имя какое: Мазепа! завода князей Любомірскихъ. Мазепа! — вѣрно сильная, коренастая, крѣпкая лошадь, съ лобастой почти арабской головой. Караковый въ подпалинахъ... Какъ... Фортинбрасъ..... Нѣтъ.... темнѣе».

Отъ Фонтанки, голубѣвшей подъ яснымъ небомъ, пахло водою и рыбой. Суетливо по ней бѣжалъ пароходикъ и тихо шелестѣла, плескаясь о гранитныя стѣны раздвигаемая имъ волна. Дали Невскаго были прикрыты легчайшей дымкой тумана. Наверху сіяло ясное, голубое небо, еще утреннее, не тронутое облаками. Нестерпимымъ блескомъ горѣла Адмиралтейская игла и золотой ея корабль точно плылъ по голубому эфиру. Такъ смотрѣть на нее — закружиться можетъ голова. На углу Садовой возы съ мебелью пересѣкли ей дорогу. Кто-то переѣзжалъ на дачу. На острова, въ Новую Деревню, Лѣсной, на Лахту, въ Сестрорѣцкъ? Она не подумала о дачѣ. Запродала мебель. Квартирѣ въ іюнѣ контрактъ кончается. На что ей квартира?... Въ монастырь!...

Она шла легкой упругой походкой. Весенній вѣтерокъ, дувшій съ Невы, покрылъ розовымъ ея щеки, весеннее солнце золотило ихъ мягкимъ загаромъ. Рядомъ послушно шла Диди, подрагивая на лапкахъ съ подушечками. Встрѣчные обращали вниманіе на даму съ собачкой. Такая молодая — и въ глубокомъ траурѣ. На бульварѣ вдоль Гостинаго Двора сильнѣе пахло тополевой почкой. По другую сторону чинили мостовую. Стояли рогатки, торецъ былъ снятъ и отъ свѣжихъ, обнаженныхъ досокъ, пахло смолою и дегтемъ.

Валентина Петровна шла, любуясь Петербургомъ, и съ тоскою ощущая свое одиночество. Одна въ этомъ городѣ. И сегодня, какъ вчера, и завтра, какъ сегодня. Прогулка — и длинный день, который не знаешь, куда дѣвать.

У Екатерининскаго канала увидала магазинъ фортепьянъ и подумала: — «давать уроки музыки. Играть на вечерахъ... Въ кинематографѣ... Стать тапершей.... За-

чѣмъ?.. Въ монастырь?.. Ахъ, пожалуйста, куда угодно, только подальше отсюда».

Низкіе кустарники сквера у Казанскаго собора были покрыты нѣжною молодою зеленью. Садовники изъ голубой парниковой лобелліи и желтыхъ листиковъ выкладывали на клумбѣ хитрый узоръ. Дѣти бѣгали по дорожкамъ, гоняя обручъ. Слышался смѣхъ. Шла иная жизнь. Навѣрно тамъ играли въ пятнашки.

Валентина Петровна остановилась. Ей некуда торопиться. Вотъ тотъ полненькій, какъ Портосъ, когда ему было десять лѣтъ, а этотъ худышка — совсѣмъ Долле. И вѣрно считаютъ, какъ мы. Считалъ всегда въ ихъ играхъ Петрикъ. Онъ былъ самый честный. Она стояла и ей казалось, что она слышитъ голосъ маленькаго Петрика: — «разъ, два, три, четыре, пять — вышелъ зайчикъ погулять. Вдругъ охотникъ выбѣгаетъ, прямо въ зайчика стрѣляетъ: — пифъ-пафъ-ой-ой-ой, умираетъ зайчикъ мой» — и Петрикъ толкалъ ее въ грудь, отставляя въ сторону — не она будетъ «пятнать».

Валентина Петровна вздохнула: — «смѣшной какой Петрикъ... Предложеніе дѣлаетъ.. Зоветъ къ себѣ... Умираетъ зайчикъ мой... Когда это было?... Восемнадцать лѣтъ тому назадъ... Цѣлая жизнь!.. И гдѣ она? Впереди? или уже позади?»

Въ магазинѣ Буре, гдѣ висѣли громадные за окномъ часы, приказчикъ, красивый французскій швейцарецъ, узналъ ее. Онъ отдалъ часы на осмотръ въ мастерскую рядомъ и предложилъ Валентинѣ Петровнѣ стулъ. Она сѣла. Передъ нею въ витринѣ за стекломъ лежали тяжелые серебряные часы съ крышкой и съ серебряными массивными цѣпочками, вытянутыми вдоль нихъ.

Ихъ ровный блескъ на фонѣ чернаго сукна слѣпилъ Валентину Петровну.

— Въ этомъ году первый разъ батюшка вашъ не брали у насъ часовъ. А то каждый годъ, когда десять, когда и двадцать призовыхъ часовъ брали.

— Да, — сказала Валентина Петровна, ни о чемъ не думая и внимательнѣе посмотрѣла на лежавшіе передъ нею часики.

Приказчикъ, чтобы развлечь покупательницу, вынулъ часы и сталъ ихъ показывать.

— Извольте посмотрѣть какая гравировка на крышкахъ. Вотъ этотъ, гдѣ драгунъ прыгаетъ черезъ заборъ — это за скачку. Внутри на циферблатѣ можно наклеить портретъ Государя Императора, или Наслѣдника, есть портреты Императрицы и Великихъ Княженъ для Шефскихъ полковъ... Съ тонкой цѣпочкой на 19 рублей, съ толстой, для лучшихъ призовъ на 23.

Валентина Петровна рукою въ перчаткѣ играла массивною цѣпью.

— Красивые часы. Не модные.

— У солдатъ они всегда въ модѣ. Посмотрите — эти, съ казаками, за джигитовку, эти съ книгами и компасами, циркулями и линейками за отличное окончаніе учебной команды.

— А эти?

— Это — пограничной стражѣ — за постовую службу.

— Да?..

Ея часы были готовы. Тамъ только зубчикъ соскочилъ. Приказчикъ надѣлъ ей цѣпочку браслета на руку.

— Что я вамъ должна?

— Ничего-съ... такой пустякъ.

Она встала.

— Что можно... Часовъ десять по почтѣ послать?

Она спросила, ни о чемъ еще не думая. Просто — такъ.... Чтобы что-нибудь сказать.

— Куда угодно... Въ ящикъ положимъ, холстомъ обошьемъ... Только адресъ дайте.

— Я сама пошлю.... Вы только запакуйте.

— Слушаюсь. Какіе прикажете? Въ какую цѣну?

— Лучшіе... По двадцать три рубля... Вотъ такихъ... За скачку — трое... За отличную стрѣльбу...

— Цѣпочку съ ружьями?

— Да... съ ружьями.... двое.... За постовую службу —трое... и еще....

— За развѣдку, можетъ быть?...

— Да, за развѣдку... двое.... Всего десять.... Вы при-

шлите мнѣ... Совсѣмъ готовые... только чтобы адресъ написать.

— Черезъ часъ у васъ и будутъ.

Она вышла изъ магазина. Пошла прямо домой. Какъ-то легче ей дышалось... Точно будто и дѣло сдѣлала. На двѣсти тридцать рублей купила часовъ для пограничниковъ Петрика. Откупилась отъ него...

XXXVIII

Послѣ завтрака къ Валентинѣ Петровнѣ позвонили. Она такъ отвыкла отъ посѣтителей, что даже взволновалась. Но это принесли часы. Она заплатила по счету, сѣла въ гостиной за столикъ и тщательно по холсту написала адресъ Петрика.

«Пусть порадуется... Отъ госпожи нашей начальницы.... отъ королевны Захолустнаго Штаба королевскій подарокъ».

Она позвала Таню.

— Снесите, Таня, эту посылочку на почту, — сказала Валентина Петровна.

Таня хотѣла взять пакетъ, но въ это время опять позвонили.

— Что это сегодня, — сказала Валентина Петровна. — Если это не Обри и не Долле— не принимайте. Я никого не хочу видѣть.

Черезъ нѣсколько секундъ Таня со смущеннымъ лицомъ вернулась изъ прихожей, неся на китайскомъ чернаго лака подносикѣ визитную карточку. Валентина Петровна взяла ее въ руки.

«Баронъ Вильгельмъ Ѳедоровичъ фонъ Кронунгсхаузенъ», — прочла она.

Глаза цвѣта морской воды поднялись вопросительно на Таню. Въ золотыхъ глазахъ Тани прыгалъ радостный смѣхъ.

— Петра Сергѣичева полка командиръ-съ, — шо-

потомъ сказала она. — Вотъ такой, и она вытянула лицо и округлила правый глазъ, будто въ немъ былъ монокль.

— Командиръ холостого полка, — тихо сказала Валентина Петровна, вставая со стула. — Проси... Что ему надо отъ меня?

Высокій, тощій, съ юношеской въ сорокъ съ лишнимъ лѣтъ таліей, очень прямой, въ длинныхъ съ острою складкою сѣро-синихъ чакчирахъ, въ драгунскомъ мундирѣ, съ этишкетомъ, выпущеннымъ изъ-подъ погона, съ Владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ, съ сухимъ бритымъ, въ морщинахъ не то англійскаго жокея, не то нѣмецкаго пастора лицомъ, съ моноклемъ, съ рѣдкими рыже-сѣдыми волосами аккуратно расчесанными на проборъ черезъ весь затылокъ до желтаго воротника, баронъ, изобразивъ на лицѣ своемъ нѣкоторое подобіе улыбки, склонился къ Валентинѣ Петровнѣ, цѣлуя ея руку и по тому, какъ баронъ взялъ ее и какъ цѣловалъ, она почувствовала, что онъ увидалъ, прочувствовалъ и оцѣнилъ всю красоту ея руки.

— Пожалуйста, баронъ, — смущаясь, сказала Валентина Петровна. Она хотѣла сказать «чѣмъ обязана вашему посѣщенію», но ей это показалось нелюбезнымъ, и она замялась. Баронъ стоялъ въ трехъ шагахъ отъ нея и разсматривалъ ее черезъ монокль. Такъ вѣроятно онъ разглядывалъ ремонтныхъ лошадей, на глазъ оцѣнивая толщину кости подъ колѣномъ, ширину груди, спину, крупъ. Ей стало неловко подъ его взглядомъ и она покраснѣла. Покраснѣвъ, стала досадовать на себя.

— Садитесь, баронъ... Прошу.

Баронъ продолжалъ стоять.

— S-so!... — съ полнымъ удовлетвореніемъ сказалъ баронъ. — S-so!... Тотъ-то кто любитъ свой полкъ — тотъ любитъ своихъ офицеровъ! — торжественно началъ онъ, все не садясь. — Я ошень любиль ротмистра Ранцева. Вы его тоже любите?

— Да... мы друзья дѣтства.. Онъ очень хорошій человѣкъ.

— Мало сказать — хорошій шеловѣкъ. Онъ хорошій офицеръ... Онъ хочетъ жениться на васъ. Тотъ-то кто со-

бою вамъ жертвоваль — тотъ-то достоинъ вашей любви.

— Вотъ какъ, — чуть улыбаясь, сказала Валентина Петровна, — вы, командиръ холостого полка, говорите о женитьбѣ вашего офицера?

— Тотъ-то, кто ушель въ Пограничную стражу, — тотъ-то нэ въ холостомъ полку. Тотъ-то можетъ жениться. Тотъ-то долженъ жениться.

— Такъ.... я, признаться, баронъ, ничего не понимаю, — сказала Валентина Петровна.

— Я пріѣхаль... сваха... сватомъ къ вамъ. Онъ ошень просиль.... Я знай... Какъ ваша матушка, я ее знай... въ Захолустномъ Штабѣ помогайтъ вашему папѣ, такъ вы помогайтъ ротмистру. Тотъ-то — достоинъ.

— Я въ этомъ, баронъ, не сомнѣваюсь, что Петръ Сергѣевичъ достоинъ самой прекрасной дѣвушки, какъ невѣсты... Но я... Я-то чувствую себя совсѣмъ не достойной его.

— Глюп-сти! — рѣшительно сказалъ баронъ. — Я это понимай, — я все хорошо знай. Онъ мнѣ все, все, все писаль... Какъ отецъ... Я ему биль и есть отецъ, и я прошу нэ отказывать.

— Не знаю, право... Вы меня застаете врасплохъ. Я, откровенно говоря, никогда не думала объ этомъ.

— Есть вешши, сударыня, гдѣ думать нельзя. Надо — сердце... Надо — разъ два и готово... Это атака и женитьба... Если подумаль: — «я атакую» — нэтъ атаки — сердце не выдержаль.... Если подумаль: — «я женюсь, сталъ думать: «зашэмъ я женюсь, буду-ли я счастливъ» — тотъ не женится. Это, какъ Гоголь, — вы, навѣрно, знаете, смѣялись... Тотъ-то кто женится, тотъ телеграфируетъ два слова: — «да... ѣду»... вотъ и все. И вы это сдѣлаете. Тотъ-то кто любитъ, — тотъ это дѣлаетъ.

Валентина Петровна стояла передъ барономъ, опустивъ голову. Она подняла ее и вдругъ увидала себя въ зеркалѣ. Весенняя, утренняя прогулка оживила ея щеки, глаза сверкали въ черномъ обводѣ густыхъ, загнутыхъ

вверхъ рѣсницъ. Трауръ дѣлалъ ее еще моложе, тоньше и стройнѣе. На мгновеніе мелькнула мысль о монастырѣ — и стало такъ жаль себя... Чугунные кони на Аничковомъ мосту встали передъ глазами. И не только кони... Даль звала. Всѣ эти фанзы и манзы, просторъ до фіолетовыхъ горъ казались чудесными — и съ Петрикомъ не страшными. Въ ушахъ звучала Бородинская симфонія — «Въ степяхъ Азіи» — и точно пѣла, переливаясь, какъ горный ручей странная, меланхоличная, медлительная жилейка и ей вторило побрякиваніе колокольцевъ тихо бредущаго по пустынѣ верблюжьяго каравана. Безкрайные горизонты, золотые восходы, румяные закаты раскрывались передъ нею и жизнь была не въ прошломъ, а въ будущемъ — и прекраснымъ казалось продолжить ее рука объ руку съ Петрикомъ, — кому всѣ и всегда во всѣхъ играхъ вѣрили. И въ жизненной игрѣ она ему повѣритъ.

Онъ — офицеръ.

Баронъ посмотрѣлъ на свои часы-браслетъ.

— Тотъ-то, кто сдѣлалъ свое дѣло, тотъ телеграфируетъ — да!..

— Баронъ, — сказала Валентина Петровна.

Въ это время Таня, въ платочкѣ показалась въ дверяхъ.

— Барыня! — можно войти?

— Что вамъ, Таня?

— Посылочку взять... На почту... Вы приказали... А то запрутъ почту-то!

Баронъ скользнулъ глазомъ по адресу на коробкѣ. Онъ выбросилъ монокль и согнулся опять къ рукѣ Валентины Петровны.

— Оставьте, Таня... Я сама... отвезу... не надо на почту, — густо покраснѣвъ, сказала Валентина Петровна.

Баронъ шагнулъ къ дверямъ въ прихожую. Въ дверяхъ онъ остановился, почтительно и церемонно еще разъ отвѣсилъ низкій поклонъ Валентинѣ Петровнѣ, выпрямился и вставилъ въ глазъ монокль.

— S-so!... — сказалъ онъ. — Тотъ-то кто!...

Это «s-so!» — было побѣдно-торжествующее.

Баронъ исчезъ въ дверяхъ. Валентина Петровна съ сильно бьющимся сердцемъ опустилась въ кресло. Диди съ радостнымъ визгомъ прыгнула ей на колѣни. Къ ногамъ Валентины Петровны подбѣжала проводившая барона Таня. Въ золотыхъ ея глазахъ сверкало, переливаясь, какъ шампанская игра, — счастье.

— Барыня!... ѣдемъ!... крикнула она, заливаясь шаловливымъ смѣхомъ.

Августъ 1929 — мартъ 1930.
Дер. Сантени.
Франція.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
Часть первая	5 — 184
Часть вторая	185 — 367
Часть третья	369 — 510

IMPRIMERIE « PASCAL », 13, RUE PASCAL, PARIS-5e

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный магазинъ Е. Сіяльской,

2, RUE PIERRE-LE-GRAND,

PARIS-8e